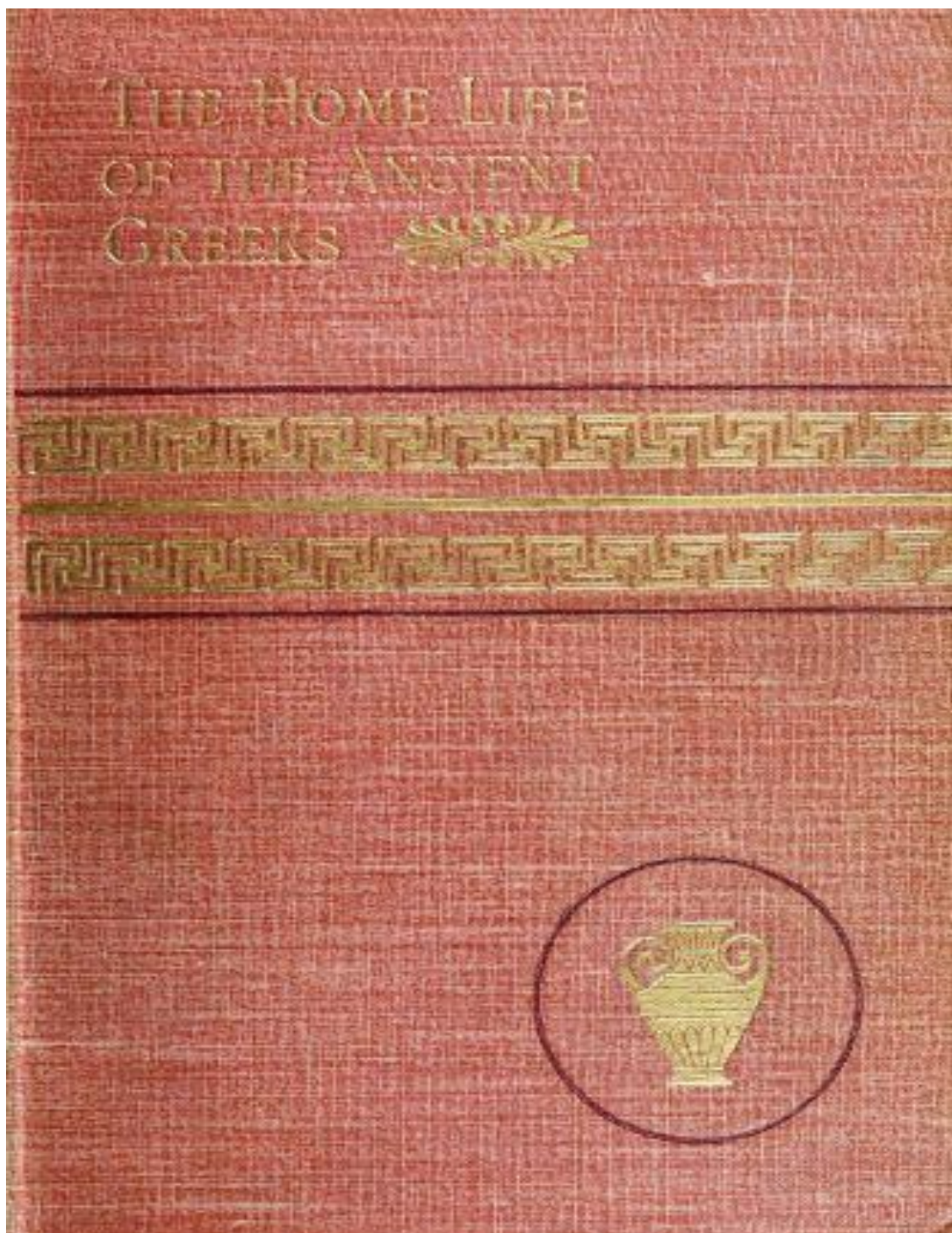

Домашняя жизнь древних греков

Хьюго Блумнер

Содержание

БЫТ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

СОДЕРЖАНИЕ.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

ВВЕДЕНИЕ.

ЖИЗНЬ ГРЕКОВ В ДОМАШНЕЙ ОБСТАНОВКЕ.

ГЛАВА I. КОСТЮМЫ.

ГЛАВА II. РОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО.

ГЛАВА III. ОБРАЗОВАНИЕ.

ГЛАВА IV. БРАК И ЖЕНЩИНЫ.

ГЛАВА V. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В ДОМЕ И ВНЕ ЕГО.

ГЛАВА VI. ПИТАНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

ГЛАВА VII. БОЛЕЗНИ И ВРАЧИ, СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ.

ГЛАВА VIII. ГИМНАСТИКА.

ГЛАВА IX. МУЗЫКА И ТАНЦЫ.

ГЛАВА X. РЕЛИГИОЗНОЕ ПОКЛОНЕНИЕ.

ГЛАВА XI. ПУБЛИЧНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

ГЛАВА XII. ТЕАТР.

ГЛАВА XIII. ВОЙНА И МОРСКОЕ ПЛАВАНИЕ.

ГЛАВА XIV. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ТОРГОВЛЯ И РЕМЕСЛА.

ГЛАВА XV. РАБСТВО.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПРИ НАПИСАНИИ ДАННОЙ КНИГИ

I. — Работы, касающиеся темы в целом.

II. — Работы, посвященные конкретным темам.

1. Костюм.

2. Рождение и раннее детство.

3. Образование.

4. Брак и женщины.

5. Повседневная жизнь в доме и за его пределами.

6. Питание и общественные развлечения.

7. Болезни и врачи; смерть и похороны.

8. Гимнастика.

9. Музыка и танцы.

10. Религия.

11. Игры и праздники.

12. Театр.

13. Война и мореплавание.

УКАЗАТЕЛЬ.

ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ

Электронная книга проекта «Гутенберг» « » («Домашняя жизнь древних греков»)

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Домашняя жизнь древних греков

Автор: Хьюго Блумнер

Переводчик: Алиса Циммерн

Дата выпуска: 28 марта 2020 г. [электронная книга № 61689]

Последнее обновление: 17 октября 2024 г.

Язык: английский

Благодарности: Произведено Чаком Грейфом, deaurider и командой Online командой распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, любезно предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ДОМОХОЗЯЙСТВО ДРЕВНИХ ГРЕЧЕК» ***

[СОДЕРЖАНИЕ.](#)

[УКАЗАТЕЛЬ.](#)

[СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ](#)

[СПИСОК ИСТОЧНИКОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПРИ НАПИСАНИИ КНИГИ.](#)

(примечание переписчика электронного текста)

ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ

ТУАЛЕТ ГРЕЧЕСКОЙ ДАМЫ (рис. 88, см. стр. 162).

БЫТ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО ПРОФ. Х. БЛЮМНЕРА

АЛИСОЙ ЗИММЕРН

Покойная стипендиатка Гиртон-колледжа, Кембридж

С многочисленными иллюстрациями

НОВОЕ И ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНИЕ

CASSELL AND COMPANY, LIMITED

ЛОНДОН, ПАРИЖ И МЕЛЬБУРН

1895

ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Следующие страницы не претендуют на то, чтобы быть абсолютно буквальным переводом текста доктора Блюмнера. Были внесены небольшие изменения, которые, как представляется, были необходимы в связи с иными особенностями и большей лаконичностью английского языка, исходя из того, что в произведении такого рода наиболее точным переводом является тот, который ясно

передает смысл автора в иной форме другого языка. В одном или двух случаях я осмелился внести некоторые незначительные изменения. Так, на странице 277 мой перевод отрывка из Лукиана (*Philopseudes* 18), описывающего «Дискобол» Мирона, немного отличается от перевода доктора Блюмнера, и в результате вывод о первоначальном положении головы также отличается. Эта интерпретация согласуется с более поздними критическими оценками и поддерживается д-ром Мюрреем, заведующим отделом древностей Британского музея. Список использованных авторитетных источников на языке « » приведен на страницах 533–536. Иллюстрации взяты из немецкого издания, их список приведен на страницах xi–xv.

Пользуясь случаем, я хочу выразить свою искреннюю благодарность друзьям, которые любезно помогли мне с корректурой, и в частности миссис Генри Унвин за ее очень ценную помощь.

Элис ЦИММЕРН.

Танбридж-Уэллс, октябрь 1893 года.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТРАНИЦА
<u>СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ</u>	<u>XI</u>
<u>ВВЕДЕНИЕ</u>	<u>XVII</u>
<u>ГЛАВА I КОСТЮМ</u>	<u>1</u>
<u>ГЛАВА II РОЖДЕНИЕ И МЛАДЕНЧЕСТВО</u>	<u>78</u>
<u>ГЛАВА III ОБРАЗОВАНИЕ</u>	<u>99</u>
<u>ГЛАВА IV БРАК И ЖЕНЩИНЫ</u>	<u>133</u>
<u>ГЛАВА V ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В ДОМЕ И ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ</u>	<u>175</u>
<u>ГЛАВА VI ПИТАНИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ</u>	<u>202</u>
<u>ГЛАВА VII БОЛЕЗНИ И ВРАЧИ, СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ</u>	<u>233</u>
<u>ГЛАВА VIII ГИМНАСТИКА</u>	<u>265</u>
<u>ГЛАВА IX МУЗЫКА И ТАНЦЫ</u>	<u>306</u>
<u>ГЛАВА X РЕЛИГИОЗНОЕ ПОКЛОНЕНИЕ</u>	<u>323</u>
<u>ГЛАВА XI ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ</u>	<u>349</u>
<u>ГЛАВА XII ТЕАТР</u>	<u>392</u>
<u>ГЛАВА XIII ВОЙНА И МОРЕПЛАВАНИЕ</u>	<u>450</u>
<u>ГЛАВА XIV СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ТОРГОВЛЯ И РЕМЕСЛА</u>	<u>489</u>
<u>ГЛАВА XV РАБСТВО</u>	<u>519</u>
<u>Указатель</u>	<u>537</u>

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

СТРАНИЦА

1. (Древние мужские и женские костюмы. Роспись на вазе из) <i>Élite céramographique</i> , II.27	5
2. (Античный мужчина) <i>Хитон</i> с <i>Химатион</i> . Роспись на вазе из Герхарда. <i>Etruskische und campanische Vasenbilder</i> . Таблица 21	6
3. Античные костюмы (танец) с вазы Франсуа. Из <i>Wiener archäologische Vorlegeblätter</i> . Серия II. Таблицы 3 и 14	8
4. Костюмы V века до н. э. (Похищение Елены). Роспись на вазе Иеро. Из Герхарда. <i>Trinkschalen und Gefäße</i> . Таблицы 11 и 12	10
5. Короткий мужской хитон с <i>Колтосом</i> . Роспись на вазе из Герхарда. (См.2.) Иллюстрации 6 и 7	13
6. Воин в <i>Экзомис</i> . Рельеф на надгробной плите. Из <i>Bulletin de correspondance hellénique</i> , IV. Иллюстрация 7	14
7. Статуя Софокла в Латеране. По фотографии.	16
8. (Гражданин в хитоне и гиматии. Терракота из) <i>Bull. de corr. hell.</i> , VII. Таблица 12.	17
9. Костюм Эфеба (Поклонение Гермесу). Роспись на вазе из Шрайбера. <i>Kulturhistorischer Atlas, Altertum</i> . Таблица 14, 3	18
10. (Платье аттического Эфеба (Прощание молодого воина). Роспись на вазе из Баумейстера.) <i>Denkmäler des classischen Altertums</i> . Рис. 421.	19
11. Античные женские костюмы с вазы Франсуа. Из <i>Wiener arch. Vorlegebl.</i>	23
12. (Античный женский костюм. Роспись на вазе Эксекия. Из) <i>Mon. d'Inst. Archéol.</i> , II. 22.	24
13. Античный женский костюм. Роспись на вазе из Стефани. <i>Kampf des Theseus und Minotaurus</i> . Таблица I.	25
14. (Античное женское платье, с вазы Франсуа. (См.3.) Таблица V.	26
15. Античные женские костюмы. Роспись на вазе из <i>El. céram.</i> , III. 36, B.	27
16. (Древний женский костюм с) <i>Колтос</i> . Роспись на вазе из Герхарда. <i>Auserlesene Vasenbilder</i> , III. 727	29
17. Платье V века до н. э. По росписи на вазе Евфрония. Из <i>Wiener arch. Vorlegebl.</i> Серия V. Таблица 7	31
18. Женский костюм V века до н. э. (менады), с вазы Иеро. <i>Там же</i> . Таблица 4	32
19. Женский костюм V века до н. э., с вазы Бригоса. Из <i>Mon. d'Inst.</i> , V. 14	34
20. Способы завязывания хитона. V.-Р. из Тишбейна. <i>Вазы Гамильтона</i> , I. 7	35
21. Надевание хитона и укладка нагрудника. Бронзовая статуя из Геркуланума. По фотографии.	36

22. Кариатида из Эрехтеона. Из Баумейстера. (См. 10.) Рис. 535	37
23. Высокий хитон с гиматионом. Статуя дочери Ниобы в Музей Кьярамонти в Ватикане. По фотографии	38
24. Хитон без пояса с гиматионом. В.-П., Герхард. (См. 2.) Таблицы 6 и 7	40
25. Открытый хитон с мантией. Роспись на вазе из Wiener arch. Vorlegebl. Серия II. Иллюстрация 6, 2	41
26. Открытый хитон с мантией. Роспись на вазе из El. céram., III. 56	42
27. (Дама в прогулочном платье. Терракотовая фигура из Штакгельберга.) Gräber der Hellenen. Таблица 67	41 и 45
28. Дама в прогулочном платье. Там же	46
29. Сандалии. Собрано из произведений искусства (в основном из росписей на вазах)	49
30. Сандалии с высокими ремешками. То же самое	50
31. Антикварная мужская обувь. Там же	51
32. Мужская и женская обувь. Там же	52
33. Высокие сапоги (Эндромиды). То же самое	53
34. Высокие сапоги с нависающими лапками. Idem	54
35. Различные формы <i>петасос</i> . Idem	56
36. Распространенные формы <i>петасоса</i> . Idem	57
37. Необычные формы <i>Петсос</i> . Idem	58
38. Молодой человек в дорожном костюме. Роспись на вазе из Овербека. Галерея героических произведений искусства. Таблица 2, 1	59
39. (Экзомис) и Пилос. Статуэтка Одиссея. Из Винкельмана. Monumenti mediti, № 154	60
40. Костюм моряка. V.-Р. из Велкера. Alte Denkmäler, III. Таблица 39, 1	61
41. (Дама с) <i>петасосом</i> . Терракотовая фигура из Кекуле. Terra-cotten von Sicilien. Таблица 33	62
42. Дама с зонтиком. V.-Р. из Герхарда. Греческие вазы. Таблица 8	63
43 и 44. Античные способы укладки волос. Роспись на вазе и мраморная голова от Шрайбера. (См. 9.) Таблица 85, 3 и 14	66
45 и 46. Античные прически. Мраморные головы из Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts in Athen, VIII. (1883.) Таблица X. 12a и XI. 1	67
47. Античная прическа. Мраморная голова. Там же. Таблица XII. 4a и 4b	68
48. Античная прическа. V.-Р. авторства Эуфрония. Там же. Таблица XI. 5	69

49. Античная прическа. Бронзовая голова из Помпеи. По фотографии	70
50. Античный способ ношения бороды. Рельеф из <i>Nuove memorie dell'Inst. Archeol.</i> Таблица 13	73
51и52. (Женская прическа. Терракотовые головы из Кекуле. (См.41.) Таблицы 161 и 22, 6	74
53и54. Женская прическа. <i>Там же.</i> Иллюстрации 16, 5 и 162	75
55,56,57. Женская прическа. <i>Там же.</i> Таблицы 17, 1; 18, 5; и 19, 5	76и77
58. Рельеф с гробницы, изображающий ребенка в пеленках. Из <i>Ann. d'Inst.</i> 1830. Дополнительная иллюстрация, G	79
59. Гермес в колыбели. V.-P. из <i>Arch. Zeitg.</i> за 1844 г. Таблица 20	81
60. Детская кровать на роликах. V.-P. из <i>Nuove mem. dell'Inst. Arch.</i> Таблица 15, 2	82
61. Мать кормит ребенка грудью. Терракотовая фигурка из Герхарда. <i>Gesammelte Abhandlungen.</i> Таблица 80, 2	83
62. Мать и ребенок. Рельеф с гробницы в Афинах. По фотографии	86
63. Мальчик с маленькой тележкой и собакой. V.-P. из Стакельберга. (См.27.) Иллюстрация 17	87
64. (Детская тележка. Роспись на вазе из) <i>Отчет Археологической комиссии Санкт-Петербурга.</i> 1871. Таблица 5, 4	88
65. Ребенок с тележкой, запряженной собаками. V.-P. из Баумейстера. (См.10.) Рис. 766	89
66. Шарнирная кукла. Терракотовая фигурка. Из <i>Antiqu. du Bosph. Cimmér.</i> Таблица 74, 8	90
67. Мальчик с обручем. Роспись на вазе из <i>El céram.</i> , I. 18	91
68. Игрушечный колчан. Из <i>Compte-rendu de St. Pétersb.</i> за 1873 г. Таблица 38	92
69. Девочка запускает воздушного змея. Роспись на вазе из <i>Arch. Ztg.</i> за 1895 г., стр. 125	93
70. (Мальчик с колесом. V.-P. из Бенндорфа.) <i>Griech. u. Sicil. Vasenbilder</i> , стр. 62	94
71. Женщина с колесом. Роспись на вазе из Герхарда, <i>Vases grecs.</i> Таблица 10	95
72. Детские качели. V.-P. из <i>Ann. d'Inst.</i> 1857. Дополнительная иллюстрация, A	96
73. Качели. Роспись вазы из Шрайбера. (См.9.) Таблица 79, 6	96
74. Качалка на ножке. V.-P. из Баумейстера. (См.10.) Рис. 834	97
75. Аттическая школа. Роспись вазы Дуриса. Из <i>Arch. Ztg.</i> за 1869 г. Таблица 1	105
76. Эфебы на скачках. V.-P. из Шрайбера. (См.9.) Таблица 24, 9	125
77. Гонщица из Элиды. Статуя в Ватикане. По фотографии	131

78. Прием невесты в доме жениха. Роспись на вазе из Штакгельберга. (См.27.) Таблица 32	143
79. Женщины у колодца. Роспись на вазе из Герхарда. (См.16.) IV. 308, 9	150
80. Женщина, прядущая. Роспись на вазе. Там же, IV. 302 и 3, М 3	153
81. (Женщина за ткацким станком (Пенелопа). V.-Р. из) <i>Mon. d'Inst.</i> , IX. 42, 1	154
82. Женщины в бане и при туалете. Роспись на вазе из Штакгельберга. (См. 27.) Таблица 33	155
83. Женщины, моющиеся. Роспись на вазе из Герхарда. (См.16.) III. 218	156
84. Складывание одежды. Роспись ваз. Там же, IV. 301	157
85. Женский туалет и ванна. V.-Р. из Баумейстера. (См.10.) Рис. 220	158
86. Умывание у колодца и завершение туалета. (Афина и Гера перед судом Париса.) V.-Р. из <i>Mon. d'Inst.</i> , IV. 18	160
87. Женская общественная баня. Роспись на вазе из <i>El. céram.</i> , IV. 18	161
88. Сцена умывания. Роспись на вазе из <i>Gazette archéologique</i> 1879 г. Таблица 23	Фронтиспис
89. Дама, причесывающаяся. Терракота из Танагры. Там же. 1878. Таблица 10	163
90. Дама (невеста?) у туалета. V.-Р. из Бенндорфа. (См.70.) Таблица 45, 1	164
91. Сцена из жизни женщин. V.-Р. от Герхарда. (См.4.) Таблица 14, 1	165
92. Сцены из туалета. Из <i>Compte-rendu de St. Pétersbourg</i> . 1860. Таблица 1, 3	168
93. Схема водяных часов	187
94. (Бронзовые бритвы, из Хельбига.) <i>Das homerische Epos</i> . Рис. 49	188
95. Парикмахер. Группа из терракоты, из Танагры. Из <i>Arch. Ztg.</i> , XXXII. Таблица 14	189
96. Мужская общественная баня. Роспись на вазе из Шрайбера. (См.9.) Таблица 21, 9	193
97 и 98. Сцены питья. V.-Р. из <i>Mon. d'Inst.</i> , III. 12	210 и 211
99. Женщина-жонглер. Роспись вазы из <i>Mus. Borbonico</i> , VII. 35	217
100. Женщина-жонглер, из Баумейстера. (См.10.) Рис. 631	218
101. Коттабус. Роспись на вазе из <i>Mon. d'Inst.</i> , VII. 51, 2	222
102. Играя в «настольные игры». Терракотовая группа из <i>Arch. Ztg.</i> , XXI. Таблица 173, 1	224
103. Девочка, играющая в астрагалы. Терракотовая фигурка из Танагры; из Баумейстера. (См.10.) Рис. 156	226
104. Игроки в морру. Роспись на вазе из <i>Arch. Ztg.</i> , XXIX. Табл. 56, 1	227
105. Петушиные бои. Роспись на вазе из Баумейстера. (См.10.) Рис. 695	228
106. Последствия невоздержанности. Роспись вазы из <i>Arch. Vorlegebl.</i> Серия VIII.	229

Таблица 5

107. Сцена из «Ночного Кома» (Геркулес и сатиры). Роспись на вазе из Бенндорфа. (См.70.) Иллюстрация 95	231
108. Погребальная плача. Роспись на вазе из <i>Mon. d'Inst.</i> , III. 60	247
109. Погребальная плача. V.-P. из <i>Ann. d'Inst.</i> 1869. Таблица 299, O.P.	248
110. Погребение. Роспись на вазе из <i>Mon. d'Inst.</i> , VIII. 4, 1b	252
111. Труп в гробнице. V.-P. из Штакельберга. (См.27.) Таблица 38	253
112. Погашение погребального костра. V.-P. из <i>Mon. d'Inst.</i> , IV. 41	256
113 и 114. (Афинские верования о могилах. Из) <i>Arch. Ztg.</i> , XXIX. Таблицы 43 и 44	257 и 259
115. Уход за могилой. Роспись на вазе из Штакельберга. (См.27.) Таблица 44	260
116. Уход за могилой. Роспись на вазе из Бенндорфа. (См.70.) Иллюстрация 25	261
117. Рельеф с афинской гробницы. По фотографии	263
118. Гимнастические упражнения. V.-P. из Баумейстера. (См.10.) Рис. 611	267
119. Упражнение с гантелями. Гравюра с бронзового диска. Из <i>Ann. d'Inst.</i> Таблица B	268
120. Бегуны. Роспись на вазе из <i>Mon. d'Inst.</i> , X. 48m	272
121. Бегуны и прыгуны. Роспись на вазе из Герхарда. (См.16.) IV. 259	273
122. Гонка в доспехах. Роспись на вазе из <i>Mon. d'Inst.</i> , X. 48e, 3	274
123. Стоящий дискобол из Ватикана. Мраморная статуя. По фотографии	276
124. Дискобол (по Мирону) в Ватикане. Мраморная статуя. По фотографии	279
125. Дискобол после броска. Бронзовая статуя в Неаполе. По фотографии	280
126. Копьеметатель. Гравюра. Обратная сторона рис. 119	282
127. Бег, прыжок, метание копья, бокс. Роспись вазы Памфая, из <i>Mon. d'Inst.</i> , XI. 24	283
128. Борцы. Мраморная группа в галерее Уффици во Флоренции. По фотографии	287
129. Борцы. Роспись на вазе из <i>Mon. d'Inst.</i> , II. 24	288
130. Борцы. Роспись вазы. Там же, X. 48e, 1	289
131. Борцы. Роспись на вазе из Герхарда. (См.с. 4.) Иллюстрация 20	291
132. Боксеры. Роспись на вазе из <i>Mon. d'Inst.</i> , 48e, 2	294
133. Боксеры. Роспись на вазе из Бенндорфа. (См.70.) Таблица 31, 2a	295
134. Гимнастическое упражнение со сферой. Барельеф из Шрайбера. (См.9.) Таблица 23, 2	300
135. Стрельба из лука. Роспись на вазе из Шрайбера. (См.9.) Таблица 80, 7	301

136. Женщины, играющие на музыкальных инструментах. V.-P. из <i>El. céram.</i> , II. 86	310
137. Женщина, играющая на тригононе. Роспись на вазе из <i>Mon. d'Inst.</i> , V. 37	313
138 и 139. (Флейтист. Бронзовая статуэтка из Додоны. Из Карапанос.) <i>Dodone et ses ruines</i> . Таблица 10	314 и 315
140. (Флейтист. Роспись на вазе из) <i>Mon. d'Inst.</i> , X. 10	317
141. Исполнение флейтиста. Роспись на вазе работы Эуфрония. Из <i>Wiener arch. Vorlegebl.</i> Серия V. 4	318
142. Женщина-флейтистка и танцовщица с кастаньетами. Роспись на вазе Иеро. <i>Idem.</i> Серия C. 5	319
143. Очистительная жертва. Роспись на вазе от Хейдемана. <i>Griechische Vasenbilder</i> . Таблица 11, 3	331
144. Представление жертвенных даров. Роспись на вазе из <i>Mon. d'Inst.</i> , VI. и VII. Таблица 37	332
145 и 146. Представление жертвенных подношений. Роспись вазы из Бенндорфа. (См. 70.) Таблица 45, 2	333 и 334
147. Сцена жертвоприношения, роспись на вазе из <i>Mon. d'Inst.</i> , IX. 53	339
148. Свинцовая табличка с вопросом, адресованным Дельфийскому оракулу. Из Карапаноса. (См. 138.) Таблица 36, 2	345
149. Запрягание лошадей в колесницу. Роспись на вазе из Герхарда. (См. 16.) IV. 249 и 250	355
150. План и разрез великого театра Диониса в Афинах. Из <i>Zeitschrift für Bildende Kunst</i> за 1878 г., стр. 193	393
151. Театр Сиракуз в его нынешнем состоянии. По фотографии	395
152. Театр Сиракуз: план этажа. Из Страка. <i>Griechisches Theater</i> . Таблица V. 1	396
153. Театр Сегесты, реконструкция. <i>Там же</i> . Иллюстрация I.	397
154 и 155. Трагическая маска. Терракота из Вульчи. Из <i>Ann. d'Inst.</i> 1881. Таблица K	427
156 и 157. Комические маски. <i>Там же</i> . Таблица J	431
158. Комический актер. Терракота из <i>Arch. Ztg.</i> для 1854 г. Таблица 69, 3	432
159. Комический актер. Терракота из Кекуле. (См. 41.) Таблица 51, 5	433
160. Маски из мифа об Андромеде. Помпейская настенная роспись из <i>Arch. Ztg.</i> за 1878 г. Таблица 3	435
161 и 162. Трагический актер. Статуэтка из слоновой кости из <i>Mon. d'Inst.</i> , XI. 13	437

163. (Сцена из комедии (Больной Хирон?) Роспись на вазе из) <i>El. céram.</i> , II. 94	439
164. Сцена из комедии. (Приключения Геракла.) Роспись на вазе из <i>Arch. Vorlegebl.</i> Серия В. Таблица 32, а	441
165. Сцена из комедии. (Солдат и паразит.) Помпейская настенная роспись из <i>Mus. Borbon.</i> , IV. 18	443
166. Военная колесница. Роспись на вазе из <i>Compte-rendu</i> за 1874 г. Таблица 5	453
167 и 168. Воины надевают доспехи. Из Герхарда. (См. 16.) IV. 269	458 и 458
169. Убийство Долона. Роспись на вазе из Герхарда. (См. 4.) Таблица С, 1	460
170. Ахилл перевязывает раны Патрокла. Роспись на вазе из <i>Mon. d'Inst.</i> , I. 25	461
171. Прощание Амфиарая. <i>Idem</i> , III. 54	463
172. Снаряжение воина. Роспись на вазе Дуриса. <i>Там же</i> , VIII. 41	464
173. , 174. и 175. Древние греческие шлемы. Из Хельбига. (См. 94.) Рис. 70-72	466
176. Воины, играющие в шашки. Роспись на вазе из <i>Mon. d'Inst.</i> , II. 22	467
177. Смерть Мемнона. Роспись на вазе из Герхарда. (См. 4.) Таблица D	469
178. , 179. , 180. , 181. Копья из Додоны. Из Карапаноса. (См. 138.) Таблицы 57, 8; 58, 1; 3 и 5	471 и 472
182. , 183. , 184. Мечи из Микен. Из Хельбига. (См. 94.) Рис. 90, 86 и 87	473
185 и 186. Мечи из итальянских озерных поселений. <i>Там же</i> . Рис. 88 и 89	474
187. Наконечник стрелы из Мегалополиса	477
188 и 189. Греческие шпоры из Додоны. Из Карапаноса. (См. 138.) Таблица 52, 1 и 2	479
190. Парусник. Роспись на вазе из Шрайбера. (См. 9.) Таблица 45, 11	481
191. (Корабль Одиссея. Роспись на вазе из) <i>Mon. d'Inst.</i> , I. 8	482
192 и 193. (Античные корабли со шпорами на носу. Роспись на вазе из Хельбига. (См. 94.) Рис. 3 и 3	483
194. Корабль с двумя рядами весел. V.-P. из Шрайбера. (См. 9.) Таблица 45, 12	484
195. Аттическая триера. Рельеф из <i>Ann. d'Inst.</i> 1861. Таблица M, 2	485
196. (Мужчины, пахущие землю, роспись на вазе из) <i>Berichte der Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften</i> за 1867 г. Таблица I. 1	494
197. Сбор оливок. <i>Там же</i> . Таблица III. 2	495
198. Ремесленник в <i>Экзомис</i> . Терракота из <i>Bull. de corr. hell.</i> , VII. Таблица 12	502
199. Сапожник. Роспись вазы. (См. 196.) Табл. III. 5	503
200. Мастерская сапожника. Роспись вазы из <i>Mon. d'Inst.</i> , XI. 28, 1	505
201. Кузница. <i>Там же</i> . Табл. 28, 2	507

202. Литейный завод по производству латуни. Роспись ваз. (См.196.) Таблица V. 4	508
203. Фабрика по производству ваз. Из <i>Ann. d'Inst.</i> 1876. Таблицы D, E	509
204. Кук(?). Терракота из Танагры. Из <i>Arch. Ztg.</i> за 1874 г. Таблица 14	511
205. Торговля сильфиумом. Роспись на вазе из <i>Mon. d'Inst.</i> , I. 47	515
206. Раб. Терракота из <i>Bull. de cor. hellén.</i>	528

ВВЕДЕНИЕ.

Если описание греческой жизни и обычаев, представленное в этой работе, не отражает все стороны жизни в надлежащей пропорции, то вину за это следует возложить на недостаточность источников, из которых почерпнуто такое описание. Эти источники бывают трех видов: литературные, художественные и эпиграфические. Литературные источники предоставляют нам большое количество деталей для данной работы, но редко дают полную картину или описание социальных условий. Те писатели эпохи свободы Греции, чьи произведения сохранились полностью или в значительных фрагментах, не все в равной степени могут затрагивать вопросы частной или семейной жизни. Гомеровские эпосы дают хорошее представление о жизни тех ранних времен, но после Гомера эпическая поэзия исчезает из рядов доступных свидетельств, а то, что осталось от александрийской эпопеи, которая была по сути ученым стилем поэзии, не дает полезного материала, хотя бы потому, что она ищет свои темы в мифологическом периоде и описывает их в основном по гомеровским канонам. Лирические поэты тоже мало помогают; время от времени они позволяют нам добавить несколько деталей к нашей картине, но, как правило, результаты незначительны, и только когда мы доходим до александрийского периода, и там главным образом в буколической и эпиграмматической поэзии, мы получаем более богатые результаты в этой области. Здесь особую ценность имеют стихотворения Теокрита из «*Idylls*». К сожалению, большая часть этого периода, которая могла бы пролить интересный свет на различные аспекты греческой жизни, была полностью утрачена или сохранилась лишь в небольших фрагментах. Трагедия, которая обычно берет свои сюжеты из мифологии, также не может быть принята во внимание. Древняя поэзия не имеет «эпоса среднего класса», как современная поэзия, который, несомненно, когда-нибудь станет ценным материалом для социального историка. Но древняя комедия имеет огромную ценность для наших целей и, без сомнения, может считаться наиболее плодотворным источником наших знаний о частной жизни. Комедии Аристофана посвящены ближайшему настоящему и, хотя полны экстравагантных идей и фантастических изобретений, все же описывают реальные обстоятельства и, таким образом, являются кладом богатства для исследователя аттической жизни. Мы можем только судить по многочисленным фрагментам их комедий, насколько ценными были бы другие поэты так называемой «старой комедии» V века до н. э., которые, к сожалению, утрачены для нас. Хотя мы и должны проявлять некоторую осторожность при использовании этих источников, отличая комические выдумки и поэтические преувеличения от реальных фактов, в большинстве случаев не составит большого труда прийти к решению по таким вопросам. Не менее ценной, а может быть, даже более полезной для наших целей была бы так называемая «новая комедия» Менандра и других, если бы мы обладали чем-то большим, чем несколькими разрозненными фрагментами. Имитации Плавта и Теренция в некоторой степени компенсируют утраченные оригиналы, но даже здесь мы должны быть начеку, поскольку римские поэты в своих адаптациях часто вводили черты римской жизни. Тем не менее, как правило, они придерживались греческих, или, вернее, аттических нравов, на которых были основаны оригинальные комедии.

Среди прозаиков мы должны в первую очередь рассмотреть историков и ораторов. Первые имеют сравнительно небольшую ценность. Они занимаются великими политическими и военными событиями; повседневная жизнь, происходившая вокруг них, не давала им тем для описания; кроме того, им, вероятно, никогда не приходило в голову, что кто-то в более поздние века захочет узнать о социальных условиях того времени. Такой писатель, как Геродот, который представляет не только политическую историю, но и географическую, этнологическую и социальную информацию, по этой самой причине обращает свое внимание главным образом на иностранные народы и дает своим соотечественникам много информации о жизни и обычаях египтян,

ассирийцев и персов; о самих греках он абсолютно молчит. Вполне естественно, что историки упоминают лишь вскользь факты, которые мы могли бы с пользой использовать в описании греческой жизни. Ораторы, с другой стороны, предоставляют более богатый материал, не столько в политических речах, сколько в частных выступлениях, касающихся судебных процессов, значительное количество которых дошло до нас. Здесь в боковом свете освещаются многие события повседневной жизни, и мы получаем представление о частных делах, которое редко можно получить где-либо еще. Философские сочинения дают некоторый материал, хотя и сравнительно небольшой; особенно те, которые берут за основу реальную жизнь и рассматривают философские проблемы в связи с существующими обстоятельствами. К ним можно отнести такие сочинения, как «Характеры» Теофраста, и здесь мы можем только сожалеть, что обладаем лишь ущербными фрагментами этих замечательных описаний характеров, основанных на очень точных наблюдениях и взятых прямо из реальной жизни.

Греческая литература римского периода может быть использована только в отрывках и с осторожностью, чтобы проиллюстрировать период, с которым мы имеем дело. После того как Греция попала под власть Рима, там укоренились новые нравы и обычаи, неизвестные в период греческой свободы и эллинистической эпохи. Это снижает ценность для наших целей сочинений Плутарха и еще больше сочинений Лукиана, этого превосходного описателя обычаев II века н. э. Но даже в этой более поздней литературе есть многое, что мы вправе использовать в нашем описании, поскольку некоторые из ее обычаев и традиций сохранились на протяжении всей античности; кроме того, более поздние писатели часто обращались к прошлым векам для описаний и искали материал в более старых источниках или у старых историков и других авторов, на точность которых мы, однако, не всегда можем полагаться. То же самое касается материалов, которые мы можем использовать в римской литературе.

Из всего этого ясно, что приведенный здесь отчет касается, в частности, реального «классического» периода греческой древности с VI по III век до нашей эры. Невозможно дать связную историю развития греческой цивилизации с самого начала, хотя бы из-за характера наших источников и неполноты традиции. Между гомеровской культурой и той, с которой мы сталкиваемся позже у поэтов и прозаиков лучшего времени, лежит период в несколько веков, о котором мы знаем очень мало, и то малое в основном в легендарной форме. Мы можем определить лишь в нескольких случаях, как постепенно развивались условия VI и V веков, например, в возникновении конституции, в то время как нам невозможно проследить генезис нравов и цивилизации. Поэтому мы не будем пытаться дать отдельное описание гомеровской цивилизации, а ограничимся введением некоторых ее деталей в соответствующих местах; мы также не будем выходить за пределы периода эллинизма, поскольку даже здесь иностранное, и особенно восточное, влияние произвело много изменений, а впоследствии римское влияние внесло много существенных изменений.

Художественные авторитеты также выбираются в соответствии с этой схемой. Росписи на вазах, которых до нас дошло так много, предоставляют огромное количество разнообразных изображений греческой жизни, и мы в значительной степени опирались на этот ценный источник информации, который предоставляет большинство изображений, выбранных в качестве иллюстраций. По сравнению с этим мало что еще имеет значение. Статуи, к которым мы имеем доступ, представляют собой в основном фигуры богов и героев или портреты. Их мы можем использовать только для иллюстрации греческого костюма. Но в художественных произведениях лучшего периода Греции сохранилось несколько *жанровых* картин, и некоторые из них мы будем иметь возможность обсудить. Для этой цели более полезны небольшие терракотовые фигурки, которые часто с энергичной правдивостью изображают сюжеты из реальной жизни. Здесь, как и в случае со статуями, мы всегда должны помнить о разнице между греческими и римскими произведениями, и именно это значительно ограничивает наш выбор скульптур, поскольку подавляющее большинство из тех, которые подходят для наших целей, относятся к римскому периоду и обычно изображают римскую жизнь. По этой причине мозаики и фрески вряд ли можно

принимать во внимание, поскольку ни одна из них не сохранилась до наших дней из греческого периода. Несомненно, многие из них имитируют греческие образцы или, во всяком случае, образцы александрийской эпохи, но в конкретных случаях не всегда легко принять решение; кроме того, большая часть из них представляет собой мифологические изображения. Очевидно, что произведения этрусского искусства, такие как саркофаги, изображения на зеркалах и т. п., не могут быть приняты во внимание. Таким образом, количество произведений искусства, подходящих для дополнения наших литературных источников, ограничено. Большую часть из них составляют росписи на вазах, и это полностью соответствует хронологическим рамкам, которые мы установили для нашего описания, поскольку почти все они относятся к вышеупомянутым векам, и лишь немногие из тех, которые подходят для наших целей, имеют более древнюю историю.

Характер наших источников устанавливает не только временные, но и пространственные ограничения. Говоря о жизни греков, мы должны включать в нее не только жизнь в самой Греции или Элладе, но и жизнь в многочисленных колониях на Эгейском и Черном морях, в Южной Италии, Северной Африке и т. д. Но мы очень мало знаем об условиях жизни в этих греческих поселениях за пределами Греции, и даже в самой Греции, где вследствие политических и расовых различий эти условия далеко не везде одинаковы, наши знания во многом ограничены. Хотя различия в нравах и обычаях были больше в древние времена, чем позже, когда развитие торговли и облегчение путешествий привели к более равным условиям, тем не менее всегда преобладали определенные местные и национальные особенности. Жизнь в Спарте во многом отличалась от жизни в Афинах. Другие крупные города Греции — Коринф, Сикион, Фивы, не говоря уже о колониях Милета, Сиракуз и Кирены — несомненно, имели много местных особенностей, которые полностью скрыты от нашего знания. Наши литературные источники в основном афинские. Большинство наших памятников также имеют аттическое происхождение или, во всяком случае, находятся под его влиянием, хотя некоторые вазы поставляются из Южной Италии, и во многих случаях на этих картинах представлены обычаи Великой Греции. Таким образом, большая часть наших знаний о греческой жизни () относится к Афинам, и, чтобы быть точными, мы должны назвать наше описание «Жизнь в древних Афинах». Время от времени мы можем дополнить наши картины деталями из других частей Греции. Тем не менее, мы должны просить наших читателей помнить, что большинство представленных здесь черт относятся к Афинам между VI и IV веками до нашей эры. Мы едва ли имеем отдаленное представление о том, как жили в то время в небольших греческих городах или в сельской местности.

Здесь нам на помощь приходит третий класс источников, а именно надписи. Они не только дают нам большую часть материала для изучения политических условий, правовых и религиозных древностей и т. д., но и предоставляют интересные подробности о частной жизни; а поскольку они встречаются не только в Аттике, но и по всей Греции, на островах и в колониях, они дают много ценной информации о вещах, которые полностью игнорируются нашими литературными источниками. Поскольку в большинстве случаев период создания надписи можно определить по характеру письма или по другим особенностям, мы не так подвержены здесь хронологическим ошибкам и не относим обычаи более позднего периода к более ранним временам. По сравнению с нашими литературными источниками, надписи также являются гораздо более надежным материалом, поскольку точность писателя иногда может быть поставлена под сомнение, особенно когда его информация получена из вторых рук.

ЖИЗНЬ ГРЕЧЕСКОГО НАРОДА.

ГЛАВА I.

КОСТЮМЫ.

Костюмы, сшитые и драпированные — хитон — гиматий или хлайна — драпировка — униформа мужчин Спарты — хламис — сходство между мужскими и женскими костюмами — разница между дорическими и ионическими одеждами — мода в Афинах в V веке до н. э. — материалы — обувь — гетры — головные уборы — прически.

Чтобы получить полное представление о жизни в прошлые века, нам необходимо, в первую очередь, знать исторические, географические, политические и религиозные условия жизни рассматриваемого народа, а также его интеллектуальное развитие в области искусства и науки. Однако здесь мы не будем рассматривать эти вопросы. Второе необходимое условие для создания яркой картины — это четкое представление об окружающей среде, в которой жили люди того времени: их жилища, мебель, утварь и т. д. И, наконец, есть еще один момент, знание которого не менее необходимо для получения четкого представления о прошлом, а именно — костюм. Наше знание обычаев и привычек повседневной жизни кажется гораздо более реальным и выделяется более ярко, если мы можем также сформировать в своем воображении картину людей того времени. Таким образом, никто не может рассчитывать сформировать четкое представление о средневековой жизни, не имея хотя бы общего представления о костюмах того периода (). Это в равной степени верно для любой эпохи цивилизации, даже для периода, столь близкого к нам по времени, как XVIII век.

Поэтому мы начинаем наше описание греческой жизни с рассказа о деталях греческой одежды и ее историческом развитии; и причина, по которой мы уделяем этому вопросу больше внимания, чем другим областям, заключается в том, что существует так много неправильных или, во всяком случае, неполных представлений о ней. Ведь когда мы сегодня говорим о греческой одежде, мы можем в целом предположить, что большинство людей, если речь идет о женской одежде, представляют себе драпировки великолепных женских фигур на мраморах Парфенона; а что касается мужской одежды, то их мысли сразу же обращаются к классической фигуре Софокла в Латеране или Эсхина из Неаполя, и они формируют свое представление о греческой мужской одежде соответственно. Однако считать их типичными для греческой одежды абсолютно неправильно. Они не представляют ни костюм всей Эллады, ни костюм всей греческой эпохи. «Благородная простота и спокойное величие», которые так же заметны в одежде эпохи Перикла, как и в ее искусстве, являются, как и последнее, результатом медленного развития, прошедшего через различные этапы, о которых, за исключением нескольких литературных упоминаний, нам дают всю имеющуюся информацию памятники.

В целом, как в мужской, так и в женской греческой одежде можно выделить два вида одежды: одежду, скроенную определенной формы и частично сшитую, и мантии различной формы, которые драпируются на фигуре и приобретают свою форму только благодаря этой драпировке. Это различие с небольшими исключениями сохраняется на протяжении всей истории греческой одежды; и, как правило, сшитыми являются нижние одежды, а верхние — драпируются. Однако следует отметить, что, в то время как мужская одежда, как правило, ограничивается двумя предметами, в женском костюме очень часто встречается третий или даже четвертый предмет, иногда относящийся к первому, а иногда ко второму из вышеупомянутых классов.

Названия, которые использовались почти на протяжении всей греческой античности для обозначения двух основных предметов одежды, — это *хитон* для нижней одежды и *гиматий* для верхней. Эти термины используются как для мужской, так и для женской одежды, но используются и несколько других обозначений, и слово гиматий не встречается в гомеровский период, но плащ, который носится поверх хитона, называется *хлайна*.

Сначала рассмотрим мужскую одежду. Что касается хитона древнейшего периода, то из упоминаний в эпической поэзии, которые согласуются с древнейшими памятниками (поскольку находки в Микенах не дают нам четкого представления о догомеровской одежде), мы делаем вывод, что использовались как короткие, так и длинные хитоны (). Короткий хитон, по-видимому, был обычной одеждой для повседневной жизни; его носили, когда требовалась свобода движений, и поэтому он был подходящей одеждой для войны или охоты, для гимнастических упражнений или ручного труда. Длинный хитон, который впоследствии считался особенно ионическим и, безусловно, дольше сохранялся в Ионии и Аттике, чем в остальной Греции, тем не менее, был известен и дорийским народам. Он был обычной одеждой для мужчин преклонного возраста и высокого положения; его также носили молодые люди по праздничным случаям. Поэтому на памятниках древнейшего стиля мы видим, что не только пожилые боги носят длинный хитон, но и молодые люди одеваются в него по праздничным случаям () или если они каким-либо образом связаны с религиозными функциями, как, например, священники, арфисты, флейтисты, колесничие и т. д. Такое использование длинного хитона сохраняется до классического периода. Так, например, мы видим фигуру, известную как *Архонт Базилевс*, в центральной группе восточного фриз Парфенона в этом одеянии; трагические актеры, если они изображали людей хорошего положения и в мирных обстоятельствах, также продолжали носить длинный хитон.

Сама эпическая поэзия не дает нам прямой информации о форме хитона в гомеровский период. Хельбиг утверждает, основываясь на некоторых случайных указаниях и главным образом на древнейших памятниках, что он отличался от одежды классического периода тем, что был облегающим и не имел складок. Действительно, на старинных вазовых росписях мы видим короткий хитон, плотно облегающий тело и довольно плотно обтягивающий ноги. Он плотно завязан на бедрах и, как правило, не опускается ниже колен. Однако делать такие выводы на основании древних изображений небезопасно, поскольку многое из того, что можно считать характерным для древней одежды, может быть обусловлено лишь несовершенством искусства, которое еще не было способно изображать полные одежды со складками. Так, в древних произведениях искусства длинный хитон также выглядит довольно узким в верхней части, но затем ниспадает перпендикулярно от талии, иногда постепенно, но чаще всего прямо, без складок, до ног. (Сравните фигуру Аполлона на рис. 1 и Приама на рис. 2.) Как длинные, так и короткие хитоны, как правило, не имеют рукавов, а только проймы для рук; иногда мы видим короткие рукава, не совсем покрывающие верхнюю часть руки. К сожалению, по изображениям мы не можем составить четкого представления о том, как он надевался. Однако вероятно, что короткий хитон был сшит по всему периметру и надевался через голову, где, возможно, был дополнительный разрез, соединенный с этим отверстием и застегиваемый булавкой.

Рис. 1.

Luk de Binleail A Roy. sc

Однако на памятниках нет никаких следов этого, и в гомеровских описаниях не упоминаются фибулы или броши в связи с мужским хитоном. Вероятно, длинный хитон был скроен по типу сорочки. Гипотеза Хельбига о том, что по середине передней части был разрез, столь же неопределенна, как и его аналогичное предположение в отношении гомеровской женской одежды.

Рис. 2.

Помимо хитона, в древней мужской одежде также присутствовала своего рода набедренная повязка или фартук. Совершенно не исключено, что в какой-то период греки носили только фартук и плащ, а хитон не носили. Когда последний стал повсеместно модным (что, согласно недавним предположениям, было связано с семитским влиянием), ткань исчезла или продолжала использоваться только как часть военной формы.

Химатон, или хлайна, на древних памятниках изображается жестким и без складок, как хитон. Это одежда, напоминающая плащ, которая встречается на многих архаичных изображениях на вазах в двух различных формах: либо в виде широкого плаща, покрывающего большую часть тела, либо в виде узкого покрывала, легко драпированного. Первая форма, соответствующая более позднему мужскому химатону, чаще всего сочетается с длинным хитоном. Этот плащ имеет четырехугольный, вероятно, продолговатый крой и носится таким образом, что большая его часть спадает сзади и покрывает спину и часть ног, а спереди он накидывается на плечи и руки и спадает на тело, причем два его конца попадают внутрь рук, а два других — снаружи. Другая форма, которую в целом можно сравнить с более поздней *хламией*, встречается как с длинным, так и с коротким хитоном, а иногда носится и как единственное покрытие, без нижней одежды. Однако это можно считать идеальной одеждой, не соответствующей реальной жизни, так же как в более поздних памятниках мы видим только хламию без хитона. Она надевается таким образом, что предплечье остается открытым, а два конца спадают спереди на плечо и плечо, а сзади она либо покрывает только верхнюю часть спины, либо плащ спадает так низко, что его край почти на одном уровне с концами спереди. (Сравните рис. 3, изображающий танец с вазы Франсуа.) Мы не можем с уверенностью сказать, какой формы был этот плащ. Однако, по-видимому, он был овальной или эллиптической формы и заканчивался двумя концами; он складывался таким образом, что сложенная часть носилась внутри, а края, украшенные широкими каймами, свисали снаружи. На рис. 2, где форма плаща представляет собой эллипс, разрезанный по длинной оси,

также хорошо видна складка. Поэтому я не согласен с Хельбигом в том, что эта более узкая хлайна () является одеждой, называемой в эпической поэзии *диплокс* (*diplax*). Оба вида плащей не застегиваются и отличаются от плащей более поздних периодов тем, что носятся распахнутыми спереди. В поэзии Гомера упоминается еще один вид хлайны, который более соответствует более позднему типу; поскольку говорится, что сложенная хлаяна застегивается на плече с помощью броши. Однако в более древних памятниках пока не найдено никаких доказательств этого.

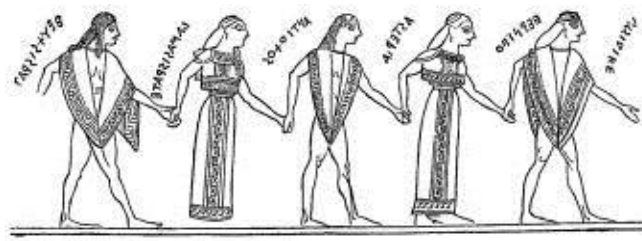

Рис. 3.

В гомеровскую эпоху еще существовала одежда из шкур, которая была пережитком самой примитивной одежды и которую впоследствии носили только сельские жители, охотники и т. п. Гомер несколько раз упоминает шкуры как одежду солдат; на более древних памятниках мы видим, что они надеваются поверх короткого хитона, а иногда даже застегиваются поясом.

Как долго это древнее платье оставалось в употреблении, мы не можем определить с уверенностью; но даже на большинстве ваз с черными фигурами изображено другое платье. Правда, как мы только что упомянули, длинный хитон по-прежнему оставался в употреблении наряду с коротким, но его крой и способ ношения изменились.

На памятниках этого периода почти всегда видны следы драпировки, причем искусственной, преувеличенной и педантичной. Должно быть, в то время, то есть с VI по середину V века, было модно укладывать складки мужской одежды, как и женской, симметричными параллельными линиями. На картинах нижние края платьев и плащей имеют различные регулярно вырезанные точки, а на внутренней стороне — множество мелких зигзагообразных складок, расположенных с кропотливой симметрией. (Сравните рис. 4, «Похищение Елены», по картине на вазе художника Иеро.) Отчасти это может быть связано с художественным стилем, который в тот период склонялся к чрезмерной вычурности; однако нельзя сомневаться, что здесь мы видим не только выражение архаичного искусства, но и изображение платья, тщательно и искусственно сложенного, отутюженного и отглаженного, в котором складки были созданы с помощью внешних средств, таких как глажка, накрахмаливание, прессование, даже сшивание сложенной ткани или пришивание таких складок к материалу. Мы не можем определить, когда этот обычай появился в Греции. В произведениях искусства мы находим его сравнительно поздно, в VI веке до нашей эры; однако, как отмечает Хельбиг, отнюдь не исключено, что эта мода существовала в гораздо более древние времена, поскольку обычай складывать материал в искусственные складки с помощью укрепления или глажки был уже известен в Египте в 4000 году до н. э.; поэтому кажется весьма вероятным, что финикийцы переняли эту практику в очень ранний период и привнесли ее в Грецию. Вполне естественно предположить, что этот способ драпировки в первую очередь был применен к льняной ткани и, следовательно, был введен среди греков вместе с льняным хитоном, который заменил ранее ношенный шерстяной.

Рис. 4.

С другой стороны, однако, вполне вероятно, что, поскольку впоследствии носили как шерстяную, так и льняную одежду, они пытались украсить ее аналогичным образом искусственными складками; однако произведения искусства показывают, что этих складок было гораздо меньше и они были менее четко очерчены на шерстяной одежде, чем на льняной, которая, естественно, гораздо лучше подходит для этой цели.

Помимо складок, одежда стала более широкой и удобной, а также менее облегающей бедра. Хитон по-прежнему представляет собой одежду, сшитую из ткани, и длинный отличается от короткого только длиной, а не формой. Оба, как правило, кроются так, чтобы быть сшитыми вместе ниже пояса; выше пояса они иногда имеют разрез с одной стороны, чтобы облегчить надевание. Обычно они имеют рукава, иногда короткие, иногда длинные; они либо застегиваются по всему периметру, либо, как и в женской одежде, открыты сверху и застегиваются булавками или пуговицами. В этом случае хитон сшит таким образом, что над поясом до рукавов он представляет собой единое целое, а сверху открыт, так что разрезы для рук и шеи соединены; носитель надевает хитон через голову, подтягивает рукава на предплечья и таким образом образует отверстие для шеи. Кроме того, часто встречается декоративное оформление, подобное тому, которое мы находим в женской одежде того же периода: пучок правильных складок (*колпос*), образованный подтягиванием платья над поясом и опусканием подтянутой части по всему периметру обратно на пояс; а также нагрудник, спадающий на грудь зигзагообразными складками, который, как правило, представляет собой отдельный кусок, пришитый к платью у отверстия для шеи. На рис. 4 мы видим колпос и нагрудник над коротким хитоном Гермеса в центре, нагрудник также над длинным хитоном Париса (слева) и Тиндарея (справа).

В этом платье мы уже находим элементы мужского костюма, распространенного во всей классической Греции в V веке. Оно смоделировано по древнему изысканному стилю, а количество швов сведено к минимуму, в то время как одежда ложится регулярными свободными складками и плотно облегает фигуру. Согласно Фукидиду, именно в Спарте впервые стало обычным делом вводить единую одежду для всего мужского населения, тем самым устраняя различие, которое до того времени существовало между одеждой бедных и богатых. Это различие, во всяком случае, сохранялось до тех пор, пока в Афинах, как утверждает Фукидид, богатые люди носили длинный льняной хитон, а бедные — короткий шерстяной. В Афинах и Ионии длинный льняной хитон оставался одеждой пожилых людей вплоть до времени Фукидида, но затем он был повсеместно выведен из употребления или, скорее, остался в обиходе только у вышеупомянутых классов и для торжественных случаев, в то время как короткий шерстяной хитон с того периода стал повсеместной одеждой. Обычно он имел форму широкой одежды, сшитой ниже пояса и

разделенной выше пояса на две части, переднюю и заднюю, которые надевались таким образом, что скреплялись булавками или фибулами на плече. Если хитон позволяли свободно свисать, он обычно опускался примерно до колен; но было принято, особенно когда требовалась свобода движений, подтягивать часть выше пояса и позволять ей свисать складками ниже него. (Сравните рис. 5.) Рабочие, крестьяне, моряки и другие люди, чья профессия требовала свободного движения правой руки, обычно застегивали две части хитона только на левом плече, тогда концы другой стороны свисали спереди и сзади, оставляя открытыми правую грудь, плечо и руку ().

Рис. 5.

Этот костюм, рельеф которого изображен на рис. 6 дает представление, получившее название *exomis*. Строго говоря, это не настоящая одежда, а всего лишь особый способ ношения хитона; но по этой моде были сшиты специальные туники для чернорабочих.

Рис. 6.

Кроме того, впоследствии стали изготавливать хитоны с верхней частью, также сшитой вместе, и с проймами или короткими рукавами, которые, однако, никогда не прикрывали больше части плеча. Длинные рукава, ниспадающие на руку, принадлежат исключительно к костюму варвара. Однако нагрудник, который еще в первой половине пятого века носили и с мужским хитоном, не является частью более позднего костюма.

С этого времени название “химатион” стало использоваться для плаща, который носили вместе с хитоном, в то время как “хлайна” сохранилось только для особого вида, отличающегося скорее материалом, чем формой. Гиматий часто носили в древнейший период описанным выше способом, то есть с двумя остриями, приходящимися на две стороны спереди. (Сравните Гермес на рис. 4.) Но это становилось все более и более распространенным, а начиная с классического периода и далее вполне универсальным, - плотно закручивать плащ, и делалось это следующим образом. Одна точка была проведена сзади через левое плечо и крепко закреплена здесь, между грудью и рукой, затем плащ был обернут по спине широкими складками, доходящими до голеней, а оттуда снова спереди с правой стороны. Это было сделано двумя способами. Если правая рука оставалась свободной, гиматий протягивался под правым плечом и спереди складывался поперек туловища и груди, в то время как последняя деталь перекидывалась назад через левое плечо (сравните Париса на рис. 4 слева) или же через левую руку (сравните мужчину справа на рис. 4). Другой способ, распространенный в одежде обычного горожанина, состоял в том, чтобы набросить плащ на правую руку и плечо, так что оставалась открытой максимум правая рука, а затем снова перекинуть его через левое плечо. Такому устройству способствовали небольшие

гирьки из глины или свинца, пришитые к остриям, которые помогали плащу прочно держаться на своем месте.

Рис. 7.

Однако создание красивой и гармоничной драпировки в таком наряде было особым искусством, требовавшим практики и, вероятно, также помощи; и положение владельца проявлялось в том, как он носил свой гиматий, который не должен был ни задираться слишком высоко, ни опускаться слишком низко. Также считалось неэлегантным носить плащ справа налево. Нет более благородного и совершенного примера этого костюма, в котором хитон сочетается с гиматием, чем портретная статуя Софокла в Латеране, приведенная на рис. 7. Здесь широкий плащ со множеством складок прикрывает фигуру таким образом, чтобы не скрывать форму тела, а различные складки, вызванные положением руки и способом драпировки плаща, сочетаются друг с другом наиболее гармоничным образом. Юмористическим аналогом этой идеальной фигуры является терракотовый рисунок 8, изображающий вульгарного горожанина в хитоне и гиматии.

Рис. 8.

“Хламида” была особым видом плаща, который возник в Фессалии, но с пятого века и далее стал обычным явлением в Греции.

Рис. 9.

Первоначально это была одежда солдата или всадника, и поэтому ее можно увидеть только на статуях, надетых поверх доспехов. Это короткий плащ из легкого материала овальной формы, застегивающийся с помощью броши либо спереди на шее, либо чаще на правом плече, прикрывая таким образом левую руку и оставляя правую свободной. (Сравните рис. [9](#) и [9](#), из которых рис. [9](#) показан прежний способ ношения плаща, в то время как на рис. [10](#) у юноши с копьем весь левый бок закрыт хламидой.) Хламида была обычной одеждой юношей, как только они достигали совершеннолетия ἐφηβεία и поступали в кавалерию; до этого возраста в древности они не носили верхней одежды поверх хитона, но в более поздние времена - широкий гиматий, в который они обычно закутывались полностью. Считалось правильным, чтобы скромные мальчики не выставляли свои руки напоказ. Гермес также, божественный представитель молодости, обычно появляется в хламиде, но она обычно слегка сложена и перекинута через левую руку. Аполлон тоже, за исключением тех случаев, когда он носит длинный хитон в качестве арфиста, обычно изображается на произведениях искусства в хламиде. Однако он необычен в мужской одежде, за исключением военного костюма, и никогда не встречается в сочетании с длинным хитоном.

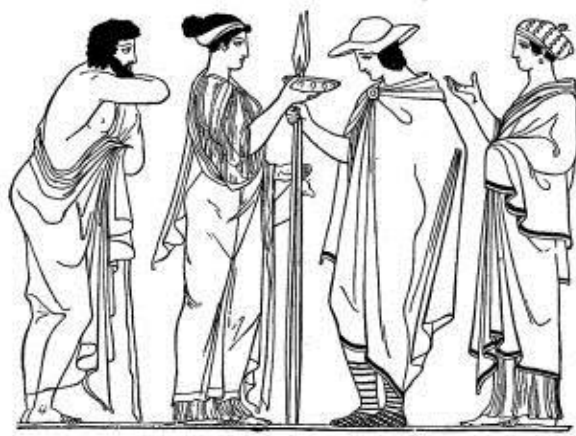

Рис. 10.

Дома, как правило, носили только хитон. Однако считалось неправильным появляться таким образом на улице: только ремесленники или эксцентричные люди выходили на улицу без плаща; но столь же неправильно было появляться без хитона, только в гиматии или хламиде. Это правда, что это очень часто встречается на произведениях искусства: Зевс, Посейдон и некоторые другие боги изображены без хитона и только в гиматии, а Гермес и Аполлон только в хламиде; и даже в изображениях повседневной жизни мы очень часто видим на статуях, рельефах, вазах и т.д. Мужчин без нижнего белья, одетых только в плащ (сравните юношу на рис. 9), а также на портретах. Это, однако, вольность, на которую идут художники, чтобы не скрывать тело полностью платьем, но ни в коем случае не соответствующая реальности. Только те, кто специально желал закалить свое тело, а также бедняки и некоторые философы, которые хотели провозгласить свои циничные принципы чрезвычайно скудной одеждой, выходили на улицу даже зимой в плаще без нижнего белья. Рубашка и брюки были неизвестны в греческой мужской одежде; последние носят восточный характер и поэтому появляются только на памятниках, изображающих варваров.

Что касается женской одежды, то можно сразу сказать, что сильный контраст, обнаруживаемый в наше время между одеждой мужчин и женщин, чужд греческой античности: у обеих, по сути, одни и те же элементы, иногда даже одна и та же форма; и это сходство становится больше по мере приближения к античности. Это не зашло так далеко, чтобы женщина могла просто надеть мужское нижнее белье; фактически, даже в гомеровских эпосах женский *пеплос* отличается от мужского хитона. К сожалению, как форма, так и способ ношения гомеровского пеплоса являются спорными вопросами, которые не могут быть удовлетворительно разрешены словами эпоса. По словам Хельбига, он по существу не отличался от длинного мужского хитона; подобно этому, он спускался до ног, плотно облекая фигуру без складок, и был снабжен отверстием для головы и рук. Пояс надевался довольно низко, не сразу под грудью или вокруг талии, а вокруг бедер и несколько ниспадал спереди. Пеплос надевался с помощью разреза между грудями, который часто доходил до ног, и застегивался большим количеством фибул, или крючков. Хельбиг считает, что эта мода возникла из-за восточного влияния, поскольку такие отверстия очень часто встречаются на памятниках, представляющих восточные народы.

Многое говорит в пользу гипотезы Хельбига, особенно то обстоятельство, что платье, похожее во многих отношениях, по-видимому, сохранялось на протяжении нескольких столетий. Изображения на вазах, а также несколько произведений искусства показывают, как заметил Белау, что почти во всех греческих государствах (особенно в Коринфе, Халкиде, Афинах, Мегаре, Спарте, а также в ионических и сицилийских городах) женщины носили облегающий хитон еще в седьмом, возможно, даже в шестом веке. Оно не было натянуто через голову, а надето, как наше современное платье, и открыто спереди. На многочисленных памятниках древнейшего стиля этот разрез виден спереди, и, по-видимому, он редко встречается на очень древних изображениях божеств. Этот хитон снабжен узкими рукавами, ниспадающими до локтей, и обычно украшен по

всем краям (соответственно, вокруг шеи и пройм, а также по подолу) широкими полосами и узорами различных цветов; и в качестве дополнительной особенности у него есть складки, наброшенные на пояс и ниспадающие с каждой стороны на бедра.

Гипотеза Хелбига относительно гомеровского пеплоса о том, что спереди у него было длинное отверстие, доходящее до ступней, была энергично опровергнута Студничкой, который пытается по-другому объяснить все цитируемые отрывки из эпоса в поддержку другой теории и рассматривает полосы спереди, обнаруженные на памятниках, просто как предназначенные для декоративных целей, а не как воспоминание об этом отверстии. Студничка, со своей стороны, считает гомеровское женское платье идентичным так называемому дорическому, которое писатели описывают нам как древнейшее греческое женское платье, на смену которому впоследствии пришло ионическое. Таким образом, его первое предположение состоит в том, что платье не было сшито и приспособлено для надевания, а скорее состояло из куска материи в форме шали, закрепленного на плечах с помощью булавок. Здесь неподходящее место для обсуждения этого противоречия; поэтому мы должны ограничиться упоминанием о нем и воздержаться от принятия решения в пользу того или иного мнения, поскольку это не было бы целью нашей книги.

Геродот сообщает нам о женской одежде исторического периода, что афинские женщины в древности носили дорическую одежду, шерстяной хитон, скрепленный фибулами, но впоследствии вместо этого приняли ионическую одежду, сшитый льняной хитон. Каким бы простым ни звучало это утверждение, отнюдь не так легко проследить эту смену одежды на произведениях искусства. На них изображены женские платья древних времен, которые, по-видимому, были сшиты, а не приколоты булавками; в то время как хитон, который мы находим в классический период греческого искусства, действительно может восходить к дорическому типу. Поэтому понятно, что попытки, предпринятые в последнее время, особенно Белау и Студничкой, проследить переход от древнего дорического к более позднему ионическому костюму на произведениях искусства, должны были привести к совершенно иным результатам.

Если мы посмотрим на женское платье на древнейших вазописях (сравните рис. [1](#), [3](#), [11-15](#)), мы почти всегда находим жесткий хитон, спускающийся без складок до ног (гомеровское название “пеплос” постепенно выходит из употребления), который, однако, ни в коем случае не мог быть таким узким, как изображено, иначе в нем было бы невозможно ходить; ноги, как правило, непокрыты, но иногда платье удлиняется сзади в виде шлейфа, и там касается земли. (Сравните рис. [15](#).)

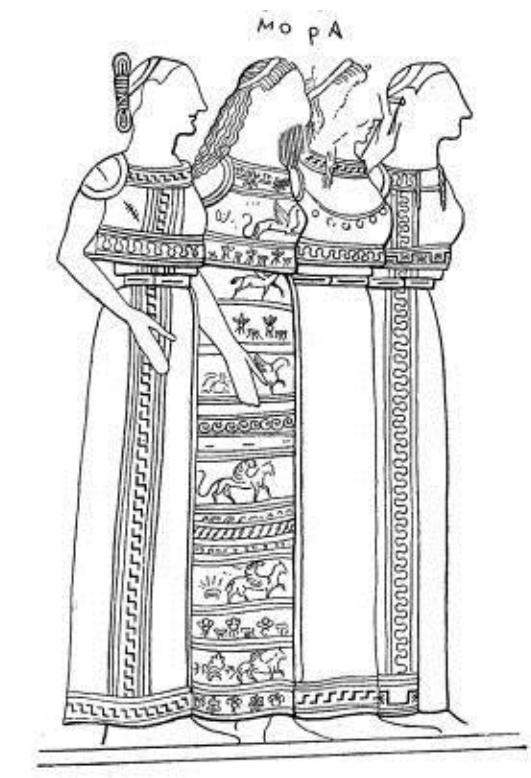

Рис. 11.

Пояс регулярно надевается вместе с этим хитоном, довольно высоко, чтобы его было видно. Есть также вторая одежда, закрывающая грудь и плечи и ниспадающая почти до пояса. Как был надет этот хитон и как с ним была связана верхняя одежда, неясно.

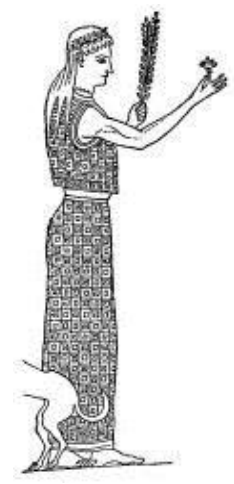

Рис. 12.

Когда мы видим длинные каймы, спускающиеся от пояса к ногам на некоторых фигурах, а также продолжающиеся над поясом (как в случае с двумя женщинами на рис. [11](#)), мы могли бы предположить, что здесь было отверстие для надевания платья; но мы уже показали выше, что эти каймы часто носят чисто декоративный характер и не имеют конструктивного значения; и, действительно, они полностью отсутствуют на многих хитонах. Поэтому обычно предполагается, что представленное здесь одеяние было сшито внизу и, таким образом, застегнуто по всей окружности, но выше пояс был открыт сбоку, и что нагрудник был изготовлен путем удвоения этой верхней части и закрепления загнутых концов на плечах булавками, что соответствовало тому стилю, который обычно называют дорическим. На самом деле, край платья, перекинутый со

спиной на перед, часто виден на плече (сравните рис. [1](#), [3](#) и [11](#)); иногда можно отчетливо различить даже длинную булавку, скреплявшую оба конца (рис. [11](#)); но, несмотря на это, существует многое, чего эта гипотеза не объясняет. Это правда, что мы можем примирить с этим случайное появление различных кайм у горловины нагрудника, поскольку они могли быть пришиты, и, таким образом, это одеяние было бы изготовлено готовым для владельца, в то время как в соответствующей одежде более позднего периода это оставалось за владельцем, чтобы стянуть более короткий или длинный кусок своего хитона. Но как нам объяснить эту верхнюю часть хитона в таком случае, как на рис. [12](#)? Здесь она плотно застегивается сбоку. Очевидно, художник хотел изобразить пройму. Эти два факта противоречат предыдущей гипотезе, если только мы не предположим, что верхняя часть также была сшита с одной стороны, и ее открытую сторону с помощью булавок следует искать на левой стороне женщины, которая здесь не видна. Еще более примечательно, когда, как на рис. [13](#), художник изображает нижнюю часть хитона узором, а верхнюю - простой; или, как на рис. [14](#), придает двум частям разные узоры. Если мы не приписываем это произвольной фантазии художника или не предполагаем, что верхняя часть хитона сзади была украшена другим материалом, мы приходим к мнению, которое, учитывая аналогичные изменения в одежде более позднего периода, не является невероятным — что эта верхняя часть иногда была совершенно отделена от хитона и надевалась как особая одежда.

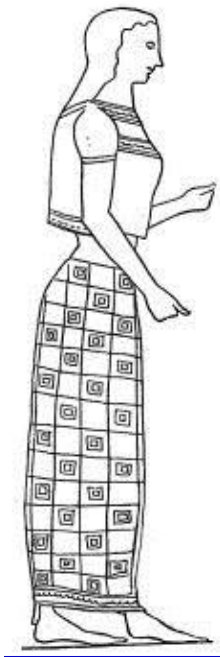

Рис. 13.

Вместе с этим костюмом мы иногда находим верхнюю одежду, которую, однако, не следует путать с гиматией. Ею надевают поверх хитона, но он также застегивается поясом и обычно расстегнут с одной стороны. (Сравните рис. [15](#).) Эта верхняя одежда, которая обычно видна только ниже пояса, иногда сделана из того же материала, что и нагрудник, иногда из другого, но обычно она отличается по цвету и рисунку от одежды, которую носят под ней. На изображениях ваз не очень видно, как это было надето, но, похоже, оно было задрапировано, а не сшито, и надевалось поверх хитона для более изысканного наряда и скреплялось с ним с помощью пояса.

Рис. 14.

В этом старинном костюме гиматий носили как плащ, который как по форме, так и по способу ношения полностью соответствовал большому гиматию, который носили мужчины; таким образом, он специально прикрывал спину и ниспадал на руки в двух точках. Существует, однако, такое различие между мужским и женским костюмом, что женщины часто натягивали этот плащ так высоко, что прикрывали затылок (сравните рис. 1), мода, которая сохранилась и в более поздние времена.

Изменение, которое мы видим постепенно в этом костюме на произведениях искусства, часто рассматривалось как реальное изменение моды, но, вероятно, в значительной степени было лишь следствием развития искусства, которое сделало возможным изобразить многое из того, что на более ранней стадии невозможно было изобразить.

Рис. 15.

Как и в случае с мужской одеждой, платья на изображениях на вазах постепенно становятся шире с более полными складками. Поначалу, это правда, они все еще настолько узкие, что при большом шаге очертания тела становятся очень отчетливыми; но цилиндрическая форма, совершенно свободная от складок, которую самый ранний стиль вазы придавал женскому платью ниже пояса, полностью исчезает. Кроме того, вместо верхней накидки мы находим пышность, или *колтос*, который отныне является характерной чертой женского платья. Это устраивалось различными

способами, хотя в более поздние времена от этого иногда вообще отказывались. Существуют различные способы изготовления этого колпоса: иногда он относится к самому платью; длина платья тогда настолько превышает длину тела, что, чтобы подол не волочился по земле, деталь приходится задрать выше пояса, который затем ниспадает складками ниже него, и по моде того времени, с которой нам предстоит иметь дело в первую очередь, часто сильно спускается, однако не равномерно по всей талии, а только спереди и, вероятно, также сзади. Но поскольку на изображениях на вазах эта верхняя часть часто изображена из материала, совершенно отличного от нижнего платья, возможно, что иногда она не соединялась с хитоном, а представляла собой отдельную одежду, надеваемую поверх нижнего платья и, как и хитон, застегиваемую поясом. (Сравните рис. 16.) Если мы вспомним, что в древней одежде предыдущего периода нагрудник иногда был отдельным предметом одежды, мы можем предположить, что он постепенно превратился в колпос, плотно облегающий талию, и что мода изготавливать этот пояс с помощью самого хитона, а не отдельной детали, была дальнейшим этапом этого развития. У этого костюма мы обычно находим длинные рукава, достигающие ниже локтя, как правило, широкие и пышные, хотя и очень узкие вокруг пройм. Очевидно, что хитон этого описания, а также верхняя одежда, если она была отдельной, были полностью сшиты путем шитья и надевались через голову, продевая руки в рукава; поскольку мы нигде не находим отверстия над поясом в этом платье. Однако, когда верхняя одежда раздельна, мы обнаруживаем, что хитон имеет отверстие с одной стороны ниже пояса. Если мы вспомним цитированное ранее замечание Геродота о введении сшитого ионического льняного хитона, естественно предположить, что этот хитон, который был полностью сшит с помощью шитья и носился без булавок, был ионической одеждой; и в соответствии с этим мы находим эту особую форму рукава на афинских рельефах, а также на рельефах Малой Азии.

в значительной степени это было лишь следствием развития искусства, которое сделало возможным изобразить многое из того, что на более ранней стадии не могло быть изображено. Как и в случае с мужской одеждой, платья на изображениях на вазах постепенно становятся шире с более полными складками. Поначалу, это правда, они все еще настолько узкие, что при большом шаге очертания тела становятся очень отчетливыми; но цилиндрическая форма, совершенно свободная от складок, которую самый ранний стиль вазы придавал женскому платью ниже пояса, полностью исчезает. Кроме того, вместо верхней накидки мы находим пышность, или *колпос*, который отныне является характерной чертой женского платья. Это устраивалось различными способами, хотя в более поздние времена от этого иногда вообще отказывались. Существуют различные способы изготовления этого колпоса: иногда он относится к самому платью; длина платья тогда настолько превышает длину тела, что, чтобы подол не волочился по земле, деталь приходится задрать выше пояса, который затем ниспадает складками ниже него, и по моде того времени, с которой нам предстоит иметь дело в первую очередь, часто сильно спускается, однако не равномерно по всей талии, а только спереди и, вероятно, также сзади. Но поскольку на изображениях на вазах эта верхняя часть часто изображена из материала, совершенно отличного от нижнего платья, возможно, что иногда она не соединялась с хитоном, а представляла собой отдельную одежду, надеваемую поверх нижнего платья и, как и хитон, застегиваемую поясом. (Сравните рис. 16.) Если мы вспомним, что в древней одежде предыдущего периода нагрудник иногда был отдельным предметом одежды, мы можем предположить, что он постепенно превратился в колпос, плотно облегающий талию, и что мода изготавливать этот пояс с помощью самого хитона, а не отдельной детали, была дальнейшим этапом этого развития. У этого костюма мы обычно находим длинные рукава, достигающие ниже локтя, как правило, широкие и пышные, хотя и очень узкие вокруг пройм. Очевидно, что хитон этого описания, а также верхняя одежда, если она была отдельной, были полностью сшиты путем шитья и надевались через голову, продевая руки в рукава; поскольку мы нигде не находим отверстия над поясом в этом платье. Однако, когда верхняя одежда раздельна, мы обнаруживаем, что хитон имеет отверстие с одной стороны ниже пояса. Если мы вспомним цитированное ранее замечание Геродота о введении

сшитого ионического льняного хитона, естественно предположить, что этот хитон, который был полностью сшит с помощью шитья и носился без булавок, был ионической одеждой; и в соответствии с этим мы находим эту особую форму рукава на афинских рельефах, а также на рельефах Малой Азии.

Рис. 16.

Одновременно с этим изменением в женской одежде все более очевидной становится проработка упомянутых выше складок с вырезанными уголками и правильными зигзагообразными складками, образующимися при застегивании и глажке, особенно вокруг подолов нижней одежды. Это правда, что мы не должны слишком полагаться на памятники, поскольку мы часто замечаем на них, что только передний край одежды имеет зигзагообразные складки, в то время как задний край довольно простой, лишь с намеком на необходимые жесткие складки. (Сравните рис. [17](#) и [17](#).) Таким образом, очевидно, особенно в случае с художниками-вазописцами, что эта драпировка является не столько имитацией настоящего костюма, сколько особенностью стиля художника.

Если мы можем сделать какой-либо вывод из вышеупомянутых фактов относительно различий между дорическим и ионическим костюмами, то они, по-видимому, не являются фундаментальными, влияющими на форму и внешний вид всего платья, а скорее существенно зависели от способа ношения, поскольку дорический хитон формировался булавками, ионический - шитьем. Существует, однако, разница в материале, поскольку дорический хитон был шерстяным, а ионический льняным. Мы также не должны понимать Геродота так, что дорическая одежда полностью исчезла после появления ионической, поскольку памятники ясно показывают нам, что оба вида существовали бок о бок; так что как раз во времена Геродота хитон, который, по крайней мере в верхней части, не шился, а застегивался булавками или пуговицами, был более распространенным. Это правда, что мода, которая была так же важна в древности, как и сейчас, проявляется в различных изменениях, и они особенно заметны на картинах вазописцев пятого века, таких как Иеро, Дурис, Бригос и др. На этих памятниках (сравните рис. [4](#), [18](#), [19](#)) женское платье намного шире и пышнее, чем раньше, колпос облегал все тело и ниспадает ниже бедер почти до колен.

Рис. 16.

Существует разновидность мантии, которая ниспадает немного ниже груди; почти всегда есть рукава, как это было в предыдущей моде, но они обычно менее пышные и имеют не узкие проймы, а широкий разрез на плечах. Способ надевания хитона также отличается и соответствует дорической моде; рукава не сшиты по всей окружности, а имеют разрез сверху, так что, когда хитон надевается, он там совершенно открыт. Стягивание отверстий на рукавах маленькими фибулами или пуговицами скрепляет хитон у шеи и придает всему платью однородность. На рис. [17](#), где кифаристка собирается завязать или, возможно, развязать пояс, которым застегивается ее верхняя одежда, очень наглядно показан этот метод надевания и застегивания верхней одежды. Однако нагрудник, который обычно встречается, здесь отсутствует.

Рис. 18.

Но если мы приглядимся к этому костюму повнимательнее, то обнаружим в нем своего рода сочетание дорического и ионического стилей. Мантия обязана первому, колпос - второму: крепление фибулами характерно для первого, шитье - для второго. Ибо мы должны рассматривать хитон, подобный тому, который носит Менада слева на рис. [18](#), как единый соединенный предмет, одно широкое одеяние, более чем в два раза превышающее длину тела, сшитое по бокам, открытое

сверху и снизу, из которого носящий соорудил нагрудник и рукава, подняв складки и позволив им ниспадать на пояс, а также застегнув на руки и плечи. Однако есть основания предполагать, что части этого платья иногда изготавливались отдельно из разных материалов. На вазах того периода различные части платья иногда характеризуются разной драпировкой. Как правило, складки платья отмечены непрерывными черными линиями, но, помимо них, мы иногда находим красновато-коричневые, зигзагообразные или волнистые линии (так, на рис. 17 верхняя часть женского платья; на рис. 18 колпак Менады справа; на рис. 19 колпак и рукав). Когда мы наблюдаем (как на рис. 18), что на других рисунках соответствующие части платья отмечены одними и теми же линиями, мы оказываемся почти вынужденными прийти к выводу, что художники хотели изобразить отдельные предметы одежды, надетые по отдельности, тем более что это различие непрерывных и зигзагообразных складок также прослеживается в скульптуре. Было бы очень легко представить ее в таком наряде, как на рис. 17; ибо если на рис. 16 верхняя одежда над поясом различима, то это могло бы быть и на рис. 17. Но такое предположение было бы более трудным, нет, почти невозможным, для рис. 18. Если мы предположим, что колпос сделан из другого материала, то женщина была бы одета в три отдельных предмета одежды — длинный хитон, который просто прикрывает все тело, колпос, а поверх него — отдельный головной убор. верхняя одежда с рукавами. Платье на рис. 19 было бы не менее сложным. Поэтому кажется, что нам не следует придавать слишком большого значения такому обращению со складками; вероятно, художники использовали его для того, чтобы иногда проводить различие между волнистыми складками пышной одежды, рукавов и т.д. И жесткими складками перпендикулярной юбки. Ибо мы можем заметить, что волнистые складки никогда не встречаются в этих перпендикулярных одеждах, таких как хитон и нагрудник.

Рис. 19.

Если полагаться на художников-вазописцев, особенно в расположении поясков, то мода в Афинах в середине пятого века до н.э. все еще была довольно тяжелой и неуклюжей. Только после того, как чрезмерная полнота пояса была ограничена, появилось то правильное и по-настоящему благородное платье, которым мы восхищаемся в женских образах классического искусства и последующего периода. Тем не менее, это платье ни в коем случае не является единообразным, поскольку один и тот же хитон можно носить по-разному, в зависимости от расположения пояса и нагрудника. Изображение вазы на рис. 20 дает примеры этого. В частности, было два метода. Первый состоял в том, чтобы покрыть тело от ступней до плеч куском материи и закрепить это, проведя концы сложенной задней части по плечам и прикрепив их к концам передней части, которая также была сложена вдвое сзади.

Рис. 20.

Затем лишняя деталь спадала сзади и спереди, и поверх нее был продет пояс. Затем ткань была немного натянута поверх пояса, в то время как концы одежды ниспадали на бедра. Строго говоря, колпос здесь ниспадал поверх нагрудника. (Сравните рисунок слева.) Вторым планом состоял в том, чтобы взять кусок хитона длиннее, чем требовалось, ниже пояса, чтобы оставшаяся часть ниспадала на землю; верхняя часть была натянута до плеч и закреплена там фибулами либо таким образом, чтобы они были видны (в этом случае сдвоенные части были скреплены вместе), либо так, чтобы булавки были скрыты передней частью (тогда сдвоенная часть сзади была прикреплена к нижнему слою передней части, как показано на рис. [20](#)).

Рис. 21.

Затем нагрудник свободно ниспадал на грудь и спину, пока не оказывался немного выше талии, лишняя деталь внизу была натянута поверх пояса. Манера одеваться таким образом, характерная для простолюдинок, очень хорошо видна на бронзовой статуе из Геркуланума, представленной на рис. 21. Девушка, которая в процессе одевания уже подпоясала хитон и теперь поправляет нагрудник; она застегнула его на левом плече и теперь правой рукой перекидывает отогнутую часть спинки через правое плечо, чтобы приколоть к нему переднюю часть, которую она держит в левой руке таким образом, чтобы задняя часть ниспадала на переднюю. Кончики обоих затем опускаются на бедра справа и слева чуть более чем на половину ширины спереди. Чтобы завершить свое платье, девушка затем натянет часть одежды, которая слишком длинна для ходьбы, поверх пояса, и она окажется под нагрудником. В одежде лучшего периода эта припуск не опускается так низко, как раньше (или как на рис. 20). Он устроен таким образом, что складки по бокам опускаются ниже, чем посередине, так что его линии могут повторять очертания нагрудника, кончики которого опускаются ниже по бокам. Так возник этот прекрасный костюм, вдохновленный истинно художественным духом, которым мы восхищаемся в лучших аттических произведениях эпохи Фидия. В качестве примера сравните рис. 22, кариатиду из Эрехтеума в Афинах.

Рис. 22.

Рис. 23.

К этому платью иногда, но не всегда, надеваются рукава, подобные описанным выше. Обычно это полурукав с отверстиями, застегивающимися пуговицами или фибулами, не пришитыми отдельно, а частью самого хитона.

Последняя описанная форма хитона, который образовывал колпос и нагрудник с помощью пояса и булавок, сохранялась в следующий период и, по-видимому, распространилась не только по всей Греции, но и на протяжении более поздней греческой античности вплоть до римского периода. Но существовало также несколько других стилей одежды, отличавшихся отчасти своей формой, отчасти манерой ношения. Так, например, общая форма хитона была сохранена, но платье стало более удобным за счет отдельной конструкции нагрудника, что, как мы заметили, вероятно, имело место и в более ранний период, а иногда и за счет его полного отказа. Иногда, опять же, носили только легкий хитон без какого-либо колпоса или нагрудника, либо с поясом, который иногда надевали выше талии (сравните рис. [23](#), “Дочь Ниобы”), либо иногда ниспадающий совершенно свободно (сравните рис. [24](#)). Впоследствии не было ничего необычного в том, что нагрудник опускался ниже пояса, в то время как колпос полностью отсутствовал (сравните рис. [25](#)), или же опускался выше нагрудника (сравните рис. [20](#)). В изящной женской фигуре на рис. [26](#) есть еще одна особенность. Здесь, как и на рис. [25](#), хитон открыт с одной стороны, даже ниже бедер, чего не было в случае с обычным платьем, особенно тем, которое носили на улице. Вероятно, это была первоначальная форма так называемого дорического хитона, поскольку именно так были одеты дорические девушки, и по этой причине их насмешливо называли “обнажающими свои бедра”. На идеальных фигурах хитоны Артемиды и амазонок, хотя и короче, одного и того же вида.

Рис. 24.

Форма хитона, скрепленного по всей окружности, возникла так рано, что мы лишь в редких случаях находим его открытым сбоку на древнейших памятниках. Этот хитон по форме наиболее близок к короткому мужскому хитону; как и в этом случае, он часто достает только до колен и крепится на плечах булавками, не образуя нагрудника. Платье с обычными рукавами также встречается в более поздних костюмах, либо соединенных с нижней одеждой, либо специально сконструированных таким образом, чтобы закрывать только верхнюю часть тела. Оно было застегнуто по всей окружности и открывалось на рукавах, которые были застегнуты на пуговицы.

Рис. 25.

Гиматий по-прежнему оставался обычной верхней одеждой. В более старых костюмах шестого и пятого веков его часто рассматривали как шарф описанным выше способом, с двумя концами, ниспадающими спереди на плечи (сравните рис. 4 и 4), но впоследствии женщины стали носить гиматий так же, как и мужчины, либо полностью закрывая руки, либо оставляя правую свободной (сравните рис. 23). Третий способ ношения гиматия, который, однако, более распространен в старых костюмах, чем в более поздних, заключается в том, чтобы натягивать его от правого плеча через грудь к левому бедру, оставляя левую грудь непокрытой и позволяя остриям ниспадать на правую сторону тела. На фотографиях часто выглядит так, как будто гиматий был закреплен на плече булавками или даже сшит вместе.

Рис. 26.

Мы также находим легкую шаль, накинутую поверх чего-то на манер шарфа, который носили дамы лет сорок-пятьдесят назад. На самом деле, в александрийский период, по-видимому, существовало много разновидностей женской одежды, но мы не очень хорошо знакомы с деталями, поскольку наши главные авторитеты, вазописи, в то время уже не ограничивались так строго, как в более ранние периоды, преобладающей модой. В одной из идиллий Феокрита женщина надевает сначала хитон, затем *перонатрис* (одеяние, застегивающееся на застёжки) из дорогого материала, а поверх него *ампехонион*. Неясно, что за одеяние было у этой перонатрис. С другой стороны, терракоты того периода часто изображают изящные женские формы в прогулочной одежде, то есть в хитоне и гиматии. Так, на рис. 27, а и б мы видим женщину в длинном платье со шлейфом, поверх которого накинут плащ, наброшенный на голову таким образом, что видно только ее лицо. Чтобы обеспечить свободу движений, ее плащ накинут на обе руки, которые плотно обтянуты. В похожем на матрону наряде изображена дама на терракотовой фигуре № 28. Она изящно придерживает свой длинный гиматий обеими руками, чтобы ей было легче ходить.

Мы не можем с уверенностью доказать существование сорочки, поскольку те выражения, которые обычно интерпретируются таким образом, по-видимому, относятся к различным видам хитонов. Иногда мы видим на вазописях сцены из бань, короткие одежды с маленькими рукавами, которые вполне могут быть ничем иным, как сорочками, надетыми под настоящий хитон. Мы не

должны, однако, предполагать, что их носили повсеместно; гораздо более распространенным был пояс под названием *строфион*, соответствующий современному корсету, который использовался для сдерживания чрезмерного развития груди или для поддержания ее, когда упругость молодости уходила.

Рис. 27а.

Мы очень мало знаем о цвете и узоре платьев. Одежда, которую носили мужчины или, во всяком случае, представители низших классов, работавшие в мастерской или в поле, безусловно, была темной, либо натурального цвета шерсти, либо окрашенной в коричневый, серый и т.д. В остальном самым распространенным цветом для хитона и гиматия был белый, и, поскольку такие одежды, естественно, быстро пачкались, их часто отправляли к халатисту, который стирал их и придавал им свежий блеск с помощью пайетки и подобных методов. По торжественным случаям обычно надевали платья ярких расцветок, и тогда даже простые люди позволяли себе роскошь ярких красок; хотя, как правило, демонстрация этого в обычной, повседневной жизни считалась в лучшие века греческой античности признаком тщеславия или характерной чертой денди. Естественно, женщины были более склонны к ярким оттенкам, и им особенно нравились платья шафранового цвета, а также материалы с цветной каймой и богатым рисунком.

Рис. 27б.

Вообще говоря, из произведений искусства мы можем заключить, что яркий цвет и богатый орнамент были наиболее популярны в древнейший период, а затем снова в эпоху упадка вкуса; в то время как классический период лишь скупой использовал и то, и другое. Более старые изображения на вазах почти всегда представляют материалы с цветными узорами, либо чисто декоративными (сравните рис. [10](#), [11](#), [13](#)), либо с изображениями фигур. Иногда частью платья были целые сцены, полные фигур с цветной вышивкой, и иногда они располагались рядами, как украшения на горшках в древнем искусстве. (Сравните рис. [12](#).) Это вполне естественно, если учесть, что в более древнем костюме почти не было драпировки; и хитон, и плащ были плотно облегающими фигуру, и, следовательно, рисунки можно было полностью развернуть и разглядеть без каких-либо помех из-за складок. Чисто декоративные узоры также очень распространены и демонстрируют большое разнообразие, но очень редко удачный дизайн. Особенно популярны были чеки и бриллианты.

Рис. 28.

По мере того, как менялась мода на одежду, менялось и использование материалов с узорами; для одежды, которую носили на религиозных церемониях или актеры, цветная вышивка сохранялась; но в обычной жизни мужчины и даже женщины постепенно отказались от нее или, во всяком случае, уменьшили ее до умеренных размеров по сравнению с богатой полнотой орнамента в старой моде, который почти скрывал настоящий цвет одежды. Это особенно заметно на хитоне, когда он ниспадает свободными складками, в то время как старомодный хитон, у которого было очень мало складок, имел более смелый дизайн. То же самое относится и к гиматию, который даже в классический период, когда он больше не ниспадал жестко и прямо на спину, а обтягивал тело обильной драпировкой, часто был богато украшен вышивкой. Причина, вероятно, в том, что такая одежда, похожая на шаль, более свободно прилегает к телу, и поэтому введение рисунка, который ослабляет впечатление от фигуры, вызывает здесь меньше беспокойства, чем в хитоне. Однако эти яркие плащи были исключительной роскошью. Мода лучшего периода демонстрирует свое классическое чувство красоты, создавая хитоны и плащи из материалов одного цвета и просто добавляя украшения по швам и краям, и именно такие отличаются особой красотой и благородной простотой.

В четвертом веке до н.э. снова наблюдается постепенный упадок, и после времен Александра Македонского богатые узоры, иногда с фигурками, становятся более распространенными даже в чисто эллинской одежде. Многочисленные примеры произведений искусства показывают нам неэстетичную и абсурдную сторону этой моды. Сложные узоры придают всей фигуре вызывающий вид; очертания тела полностью скрыты платьем; а когда драпировка нарушается или складывается, в случае бордюров или материалов, покрытых рисунками, результат иногда получается очень нелепым.

Что касается материала одежды, мы упоминали выше, что, когда было произведено изменение, описанное Геродотом, был введен льняной хитон, но шерстяные материалы по этой причине не были выброшены; и поскольку мужчины перестали носить длинный хитон, его стали чаще шить из шерсти. Самая древняя скульптура, как правило, представляет собой два разных материала,

когда мы выходим за рамки облегающего костюма самого раннего периода. На одном из них видны тонкие и плоские складки, в то время как на другом - большие, глубокие складки. Мы не всегда можем утверждать с уверенностью, что это два разных материала, первый - шерсть, второй - лен; иногда кажется, что у одного и того же материала было только два качества: одно - тонкое, а другое - грубое и толстое. Тем не менее, частое использование льна подтверждается правильными параллельными и зигзагообразными складками, столь распространенными в древнем искусстве, которые могли быть получены на льне только искусственным путем.

Как правило, они носили, как и мы, более легкую одежду летом и более тяжелую зимой; но хотя мы очень часто находим на архаических памятниках прозрачные одежды, отчетливо обрисовывающие очертания тела (сравните рис. [18](#), [24](#)), мы вряд ли вправе предполагать очень широкое использование действительно прозрачных одежд. Несмотря на то, что такие тонкие материалы, возможно, носили в то время, особенно гетеры, их широкое использование в вазописи, вероятно, связано с тем фактом, что художники, не зная, как изобразить очертания тела и движения конечностей под платьем, и все же не желая полностью скрывать их одеждой, прибегли к этому способу, позволив очертаниям просвечивать сквозь материал платья. Эти тонкие ткани всегда были обычным явлением в одежде гетер, но уважаемые женщины использовали их только как нижнюю одежду. Мы можем, однако, предположить, что это тоже было делом моды, поскольку материалы с ткацких станков острова Аморгос, которые особенно отличались своей тонкостью и прозрачностью, были в моде лишь короткое время в период старой аттической комедии. Более поздние ссылки на эти материалы делаются в основном учеными и не относятся к реальной действительности. Более того, естественно, что обстоятельства соответствующих лиц сыграли определенную роль в выборе более грубых или более тонких материалов. Ткани, привезенные из-за рубежа, такие как хлопок и муслин, могли носить только богатые люди, как и шелк, который даже в александрийский период был очень редким и дорогим. С другой стороны, простые мужчины носили материалы, похожие на войлок, а соотечественники даже туники из кожи.

Рис. 29.

В древности покрывала для ног не были столь важным предметом одежды, как в наши дни, во всяком случае, не для мужской части населения. Дома и летом мужчины, как правило, ходили босиком; ремесленники и другие представители низших классов и рабы также делали это на свежем воздухе, а также люди, желавшие закалить свое тело, как Сократ, или те, кто, возможно, придерживался только аскетического образа жизни, как некоторые философы-кинники. В Спарте, где государство следило за одеждой и питанием граждан, молодым людям фактически запрещалось носить обувь, и многие придерживались этой привычки даже в преклонном возрасте, как, например, Агесилай, который даже будучи стариком, ходил без обуви и хитона, одетый только в свой плащ. Тем не менее, для мужчин было необычно выходить зимой на улицу босиком, как, говорят, делал Сократ во время своей кампании в Македонии.

Рис. 30.

Вообще говоря, обувь греков была двух видов: сандалии, то есть простые подошвы, подвязанные под ногу, и настоящие ботинки. Однако между ними существовало множество переходных стадий, так что иногда невозможно сказать, к какому из двух классов принадлежали те или иные виды. Сандалии, которые, вероятно, были древнейшим видом и у Гомера, по-видимому, единственными, носили как мужчины, так и женщины, хотя гораздо чаще последние.

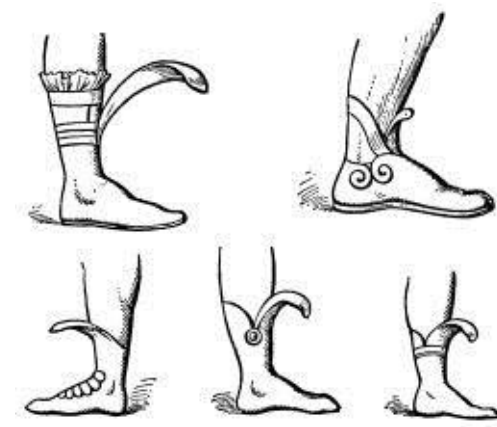

Рис. 31.

Они состояли из подошвы, сделанной из нескольких слоев прочной кожи, иногда со слоем пробки; к ней прикреплялись ремешки, которые проходили поперек стопы и надежно удерживали их. Для этой цели (сравните подборку на рис. [29](#), взятую из произведений искусства) часто было достаточно пары ремешков, проходящих через подъем и пятку, и они либо завязывались, либо застегивались таким образом, что другой ремешок, проходящий между первым и вторым пальцами, соединялся с двумя другими, которые прикреплялись к краю подошвы и застегивались на подъеме, причем пряжка обычно имела форму сердца или листика. Но эти ремешки часто были более многочисленными и настолько сложными, что охватывали почти всю ступню и, таким образом, напоминали перфорированную обувь. Иногда они доходили до лодыжек или даже голеней (сравните примеры на рис. [30](#)), но это относится только к мужской одежде. Дорогая и яркая кожа с позолотой и другими украшениями делала эту обувь, которая была от природы простой, одновременно декоративной и дорогой.

Рис. 32.

Ботинки были чем-то похожи на наши; они закрывали всю ступню и были зашнурованы или застегнуты спереди, над подъемом или сбоку. В более древний период мужские ботинки обычно поднимались выше щиколотки, а по переднему краю имели более или менее заостренный язычок, загнутый вперед. (Сравните примеры на рис. [31](#), которые также показывают нам, как этот язычок постепенно уменьшался и, наконец, полностью исчез.) Впоследствии низкая обувь, обычно доходящая до щиколотки, стала правилом, особенно для женщин, если они не носили сандалий. На рис. [32](#) приведены различные примеры этого: они обычно заостряются на носках, а на старых спартанских рельефах даже изображены туфли с заострениями спереди как часть женского платья.

Рис. 33.

Охотники, сельские жители и им подобные носили высокие сапоги, доходящие до голени (*ἐνδρομίδες*), зашнурованные или застегивающиеся спереди, как на рис. [33](#).

Рис. 34.

У них обычно были широкие носки и толстая подошва, но, как и у обычной обуви, у них не было каблучков. Обычным украшением таких сапог были широкие зигзагообразные набойки из кожи, спадающие с верхнего края, как в примерах на рис. 34. Между сандалиями и ботинками мы находим различные формы низких ботинок, в которых ступня частично покрыта кожей, а частично ремешками. Таким образом, существовал своего рода тапочек, прикрывавший верхнюю часть стопы спереди, в то время как задняя часть была обтянута ремешками, и другой вид, который оставлял пальцы ног совершенно свободными и прикрывал остальную часть стопы. Вероятно, *крепида*, которая возникла только в александрийский период, но затем стала очень распространенной, относилась к этому классу и представляла собой обувь с низкими кожаными бортами, от которых через ступню проходили ремешки. Другие виды обуви мы знаем только по их старинным названиям. Таким образом, существовал элегантный вид одежды, который носили гости, приглашенные на ужин (*βλῆται*); и более грубый вид одежды, который носили в основном крестьяне (*καρβῆται*), сделанный из грубой кожи и, вероятно, не на бруске, а грубо сшитый самими деревенскими жителями. На самом деле, количество названий обуви, используемых древними авторами, очень велико, и отсюда мы можем заключить, что мода часто менялась. Таким образом, в Греции появилась обувь персидского образца. В Афинах носили лаконскую обувь; амиклейская, сицилийская, родосская обувь и другие, которые также упоминаются, вероятно, относятся скорее к форме, чем к происхождению. Существовали также туфли, названные в честь знаменитых людей, которые, вероятно, ими пользовались, такие как туфли Алкивиада, туфли Ификрата и т.д.; Но мы не можем проиллюстрировать все это на произведениях искусства, несмотря на их богатое разнообразие. Они также проводили различие между обувью, которую, как и наши тапочки, можно было носить на любую ногу, и теми, которые были сшиты по особым меркам для правой и левой ноги. Последние считались более элегантными, поскольку они придавали большое значение тому, чтобы обувь была хорошо сидящей и не слишком широкой. О людях, которые носили слишком удобную обувь, говорили, что они в ней “плавают”. Ношение золотых сапог считалось признаком бедности или скупости, а тяжелые ботинки с гвоздями носили только солдаты или сельские жители, а для других считалось признаком деревенской жизни.

В качестве материала использовалась, как правило, кожа, но иногда и войлок. В основном они были черными; но мы также находим упоминания о цветной обуви, особенно женской, и иногда видим ее изображенной на полихромных вазах.

Чулки были неизвестны в древности, но иногда в сильные холода существовало обычай обматывать ноги мехом или войлоком. Так, у Гомера старый Лаэрт, выполняя черную работу в своем саду, надевает гетры из натуральной кожи, а также перчатки, чтобы защититься от шипов. Как правило, последние были также неизвестны; только актеры носили что-то подобное, но их целью было за счет видимого удлинения рук гармонизировать их с искусственным увеличением роста.

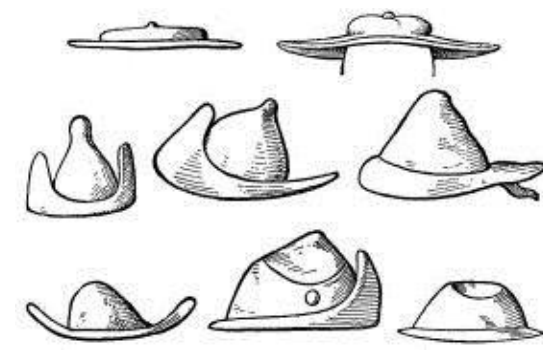

Рис. 35.

Как правило, мужчины ходили с непокрытой головой или носили кепки в плохую погоду. Вообще говоря, они, как и мы, различали шляпы и кепи. Шляпа, отличительным знаком которой были поля, носила название *petasos*. Она возникла в Фессалии, но распространилась в других местах, а в Афинах считалась характерной шляпой для верховой езды, и в этом качестве молодежь носила ее вместе с хламидой. Мы видим многих в этой одежде на фризе Парфенона. В остальном петасос был, по сути, частью дорожной одежды и, следовательно, обычным атрибутом Гермеса как посланника богов. Когда пожилые мужчины носили петасо, для этого, как правило, была какая-то особая причина. (Сравните рис. [9](#) и [9](#).) Формы петасо на произведениях искусства настолько разнообразны, что иногда трудно сказать, следует ли включать их все под одним названием.

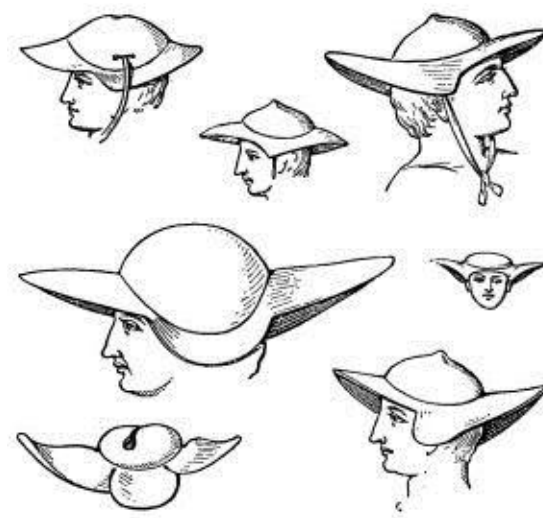

Рис. 36.

Некоторые шляпы настолько похожи на кепки, что мы с трудом можем решить, следует ли им носить название *petasos*. В древнейший период у петасо почти всегда была заостренная, довольно высокая тулья и широкие поля, загнутые вверх спереди и сзади. (Сравните примеры на рис. [35](#).) Впоследствии были введены разновидности; иногда тулья была полукруглой, иногда приплюснутой, то высокой, то низкой, или с маленьким заострением, похожим на пуговицу; поля тоже иногда были широкими, затеняющими все лицо, иногда довольно узкими; то загнутыми книзу, то горизонтальными; в других случаях, опять же, загибались вверх или огибали голову. Таким образом, в первой половине пятого века мы обнаруживаем очень своеобразную форму. Узкие поля выступают спереди, а сзади загнуты вверх до высокой конической тульи. (Сравните рис. [35](#).)

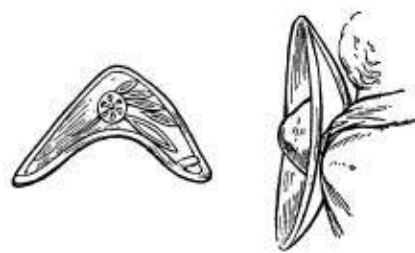

Рис. 37.

Наиболее распространенной формой является та, примеры которой приведены на рис. 36; макушка относительно плоская, обычно не выше черепа; поля, которые довольно широкие и обычно загнуты книзу, не круглые со всех сторон, а вырезаны в нескольких местах — либо между ушами и лбом, так что острие опускается на последнее, в то время как козырек проходит полукругом по затылку; либо эта половина вырезана таким же образом, как и передняя часть, так что козырек заканчивается четырьмя остриями, которые обычно падают на затылок, на лбу, затылке и ушах. Тем не менее, иногда мы находим случаи, когда он вырезан только надо лбом, а очки располагаются справа и слева от лица. Эта форма была очень распространена в лучший период, то есть в пятом и четвертом веках. Впоследствии появились некоторые очень странные формы, такие, как на рис. 37, слева, который встречается на вазописях лучшего периода и напоминает нам о шляпах, заостренных спереди и сзади, которые носили в начале этого века. Петасос крепился под подбородком шнуром; когда в нем не было необходимости, его спускали ниже шеи, где шнурок удерживал его на месте; и мы часто находим его в таком положении. (Сравните рис. 38.)

Рис. 38.

Когда, как это иногда бывает, у петасоса высокая тулья и узкие загнутые поля, он часто очень похож на *пилос*, шапку из кожи или войлока, которая была обычной одеждой рабочих, особенно кузнецов, сельских жителей, рыбаков, моряков и т.д. Одиссей как моряк почти всегда изображается с ним; так же как и Харон, перевозчик из нижнего мира, Гефест как кузнец и т.д. Инвалиды, которые были обязаны защищать голову от непогоды, тоже носили такие шапочки. Эти шапочки тоже были различной формы: полукруглые, плотно прилегающие к голове, и полуовальные, несколько выступающие за пределы головы, или более заостренной конической формы. (Сравните "Одиссей", рис. 39, и "Моряки", рис. 40, где, как это часто бывает, у него узкие нижние поля.) Из рисунка видно, что материалом, должно быть, была кожа, которая была самой распространенной после войлока. Эти шапочки часто завязывались тесемками под подбородком, а иногда на макушке имелся бантик, за который их можно было повесить.

Рис. 39.

Женщины, которых гораздо реже видели на улице, чем мужчин, нуждались в головных уборах еще меньше. Особенно в древнейший период, когда в моде были шарфы, закрывающие большую часть волос, они, вероятно, довольствовались тем, что надевали гиматий на голову, когда выходили из дома. (Сравните рис. 4.) Это часто делалось и в более поздние периоды, как мы видим на терракотовых рисунках (сравните рис. 27 и 27); но даже в то время женщины в деревне или путешествующие часто носили петасос, похожие на мужские, хотя и с более узкими полями. Изящная сицилийская терракота, представленная на рис. 41, изображает даму в одном из таких платьев, и оно очень идет к лицу. С другой стороны, после александрийского периода *толия* стала очень распространенной. Это легкая соломенная шляпа с заостренной тульей и широкими полями, скрепленная лентой и сбалансированная на голове — без сомнения, очень удобная, поскольку широкие поля защищали владельца от лучей солнца, но ни в коем случае не к лицу. Терракотовые фигурки из Танагры дают многочисленные примеры этой шляпы, которая, очевидно, была очень распространена в то время и также упоминается писателями.

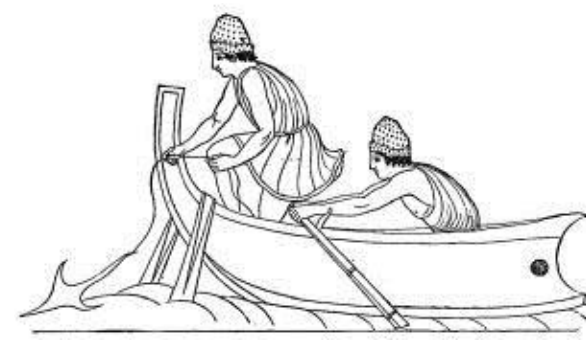

Рис. 40.

Для дополнительной защиты от солнца женщины часто использовали солнцезащитные зонтики, которые складывались, как у нас. Такие зонтики от солнца часто встречаются на старых памятниках, но, как правило, дамы не носили их сами, а сопровождалась рабом, который выполнял за них эту обязанность.

Рис. 41.

Рис. 42.

Зонтики от солнца были обычно круглыми (сравните рис. [42](#)), но есть также примеры веерообразной формы, которая позволяла идущей сзади служанке удобно держать зонт за длинную ручку над своей госпожой, не подходя к ней слишком близко. Иногда мы даже видим мужчин на вазах с зонтиками. Это, однако, считалось женственной роскошью. Трость относилась к обычному снаряжению мужчины. Старики ходили с помощью тяжелой сучковатой палки или опирались на нее, когда стояли, как афинские граждане на фризе Парфенона; ими пользовалась и молодежь. Они, по-видимому, всегда пользовались натуральными палками; но лаконские трости с изогнутыми ручками считались особенно удобными, и ими пользовались в Афинах те, кто любил подражать спартанским манерам и обычаям. В четвертом веке использование палок, по-видимому, стало менее распространенным явлением.

Последний пункт, который следует рассмотреть, - это мода носить волосы; и, хотя писатели и статуи дают нам значительную информацию, здесь есть несколько трудностей, которые еще не решены.

В героический период длинные вьющиеся волосы считались подходящим украшением для мужчины. Это подтверждается любимым эпитетом “Кудрявые ахейцы” и другими цитатами из эпической поэзии; различные указания доказывают, что кудрям не всегда позволяли падать естественным образом, но что иногда применялись искусственные средства для облегчения и сохранения их правильной прически. Когда говорится, что “женоподобный Парис” радуется своему ”рогу” (κέρφ ἄγλαε), старые комментаторы утверждают, что этот рог был скрученной косой. Возможно, это могло быть вызвано простым использованием укрепляющих помад или других косметических средств, которые были завезены с Востока в гомеровский период; но утверждения в “Илиаде” о золотых и серебряных “держателях для завитков” троянского молочая ясно указывают на искусственные вспомогательные средства. Древнейшие скульптуры и изображения на вазах дают достаточное доказательство того, что этот способ завивки волос сохранялся в течение длительного времени, поскольку они почти всегда представляют волосы, спадающие далеко на шею, обычно в виде правильных жестких прядей с горизонтальной завивкой, в то время как мелкие завитки обрамляют лоб, уложенные с такой же аккуратностью. Что касается средств, использованных для изготовления этих завитков, то, по мнению Хелбига, спирали из бронзовой, серебряной или золотой проволоки, найденные в старых захоронениях в нескольких частях Старого Света, использовались в качестве основы для завитков, которые обвивались вокруг них. Несомненно, эти спирали часто находили в этрусских захоронениях, рядом с местом, где покоилась голова, и обычно по одной с каждой стороны. Это могло бы, однако, быть объяснено другой интерпретацией, согласно которой они были своего рода примитивными серьгами. Возможно, “золото и серебро”, которыми Эвфорб “связал” свои локоны, согласно Гомеру, были не особым видом украшения, а всего лишь гибкой золотой и серебряной проволокой.

Памятники, а также писатели учат нас, что мужчины носили длинные волосы и в следующий период, вплоть до пятого века; иногда мы находим изображения волос такой длины и густоты, что кажется почти невероятным, что волосы мужчины могли быть настолько развиты, даже при самом тщательном уходе. Однако они не часто свисали совсем свободно, но были завязаны сзади где-то у шеи лентой, и, в отличие от гомеровского головного убора, где каждый локон закреплялся отдельно, вся масса волос была связана вместе, а затем снова расправлялась ниже застежки и ниспадала по спине. Иногда волосы, после того как их туго стягивали в одном месте, перевивали шнурами или лентами пониже, так что они ниспадали более густой массой, чем там, где были стянуты вместе, но ни в коем случае не свисали свободно. Другой вид головного убора - это тот, в котором волосы собраны вместе таким образом, чтобы они напоминали широкую и толстоватую ленту, что-то вроде наших головных уборов прошлого века. Волосы спадают немного ниже шеи, затем снова поднимаются и перевязываются другой прядью лентой таким образом, чтобы конец волос ниспадал поверх этой ленты. Здесь тоже мы находим разнообразие, потому что волосы иногда спадали немного назад, иногда снова были собраны в пучок на затылке. Примером первого вида является бронзовая голова из Олимпии, представленная на рис. [44](#); из второго - рис. [43](#), с вазописи пятого века.

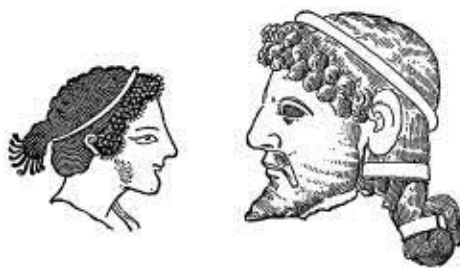

Рис. 43.

Рис. 44.

Однако чаще всего в шестом и пятом веках мужчины заплетали свои длинные волосы и укладывали косы вокруг головы. Существовало два различных способа делать это. Один из них состоял в том, чтобы заплести две косы с затылка в разных направлениях и закрепить их вокруг головы, как бинты; другой заключался в том, чтобы начать заплетать косы у ушей, повернуть их назад так, чтобы они пересекались друг друга на затылке, затем завести их спереди и завязать узлом по центру лба. Это головной убор фигуры на Омфале, известной как Аполлон (рис. [45](#)), и голова юноши (рис. [46](#)). Есть и много других различий в деталях; иногда две косы укладывались поперек волос от пробора до лба в виде ленты, крепко удерживающей волосы, как на мраморной голове (рис. [47](#)); но иногда волосы спереди укладываются поперек концов косы, скрепленных спереди, как на голове с вазописи, представленной на рис. [48](#).

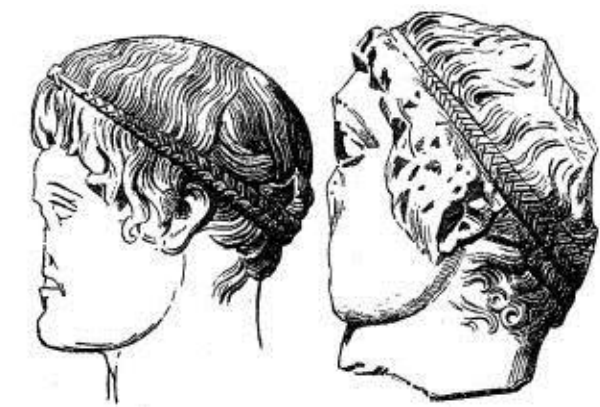

Рис. 46.

Рис. 47.

Голова на рис. [47](#) также демонстрирует особый способ обработки волос на затылке. Нижняя часть этой косички заплетается, и косичка снова загибается вверх и закрепляется там, где две другие косички пересекаются друг с другом. Другие косички также спадают из-за ушей в правильном порядке на плечи спереди, часто доходя до груди. Волосы на лбу уложены с такой же тщательностью. При такой моде также очень распространены правильные маленькие локоны, уложенные в один или несколько рядов вокруг лба. Иногда они имеют спиралевидную форму, иногда в виде “штопорных” завитков, как на архаичной бронзовой головке из Помпей, представленной на рис. [49](#) и на рис. [48](#).

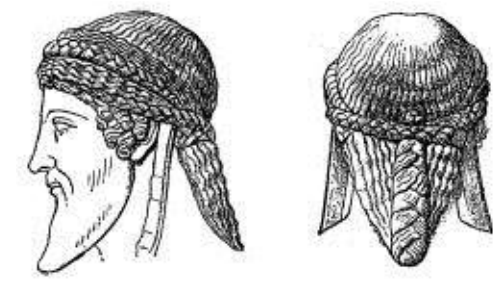

Рис. 47.

Таковы основные архаичные способы ношения волос, обнаруженные на памятниках, но они ни в коем случае не исчерпывают разновидностей, которые можно было наблюдать. Авторы, однако, упоминают только один древний головной убор. Фукидид в уже цитированном отрывке, описывающем длинные хитоны, которые раньше носили афиняне, также сообщает нам, что в то же время, когда от этой старомодной одежды отказались, афиняне отказались от старого способа убирать волосы в *кробилус* (κροβύλος), к которому они прикрепляли золотых кузнечиков. Однако до сих пор не удалось с уверенностью определить, какой из головных уборов, найденных на статуях, соответствовал этому кробилу, который, по-видимому, идентичен *щитку* (κόρυμβος), упоминаемому в других местах; также не удалось найти никаких следов кузнечиков. Следовательно, почти все вышеописанные головные уборы были приписаны кробилусу, даже двойные косички за ушами; а кузнечики иногда объяснялись как вышеупомянутые спирали, иногда как заколки для волос или фибулы. Возможно, когда-нибудь удачное открытие прольет свет на этот сложный вопрос.

Рис. 48.

Вряд ли было бы возможно установить хронологический порядок для всех этих различных архаичных головных уборов. Однако во второй половине пятого века все они исчезают, и здесь мы имеем еще одно доказательство усиления эстетического чувства, заметного во всех сферах жизни классического периода. Аллюзии у Аристофана показывают, что в его время кузнечиков все еще носили только старомодные люди, которые, вероятно, тоже ходили в длинных хитонах. Со времен Фидия замысловатые головные уборы полностью исчезают; и хотя на вазописях они сохраняются в течение более длительного периода, это, вероятно, связано с тем, что живопись дольше, чем скульптура, придерживалась старых форм и моды, поскольку ее свободное развитие стиля также было более поздним ростом. По прошествии этого времени длинные, ниспадающие волосы мужчин и косичка исчезают; и хотя только юноши и спортсмены носили довольно короткие прически, все же волосы мужчин также были укорочены и своей главной красотой были обязаны природе, которая даровала южным и восточным народам изящные завитки. На портретах голов этого и следующего периодов волосы изображены просто завитыми, мягкими и не слишком обильными. По-видимому, это продолжалось и в последующие столетия; во всяком случае, на памятниках нет и следа возврата к искусственным головным уборам, модным в древние времена.

Рис. 49.

Точно так же, как парики, пудра и косички навсегда исчезли у нас, так и античность, когда-то признававшая красоту волос в их естественном росте, никогда не возвращалась к жестким и трудоемким головным уборам прошлого. Конечно, существовали различные моды на ношение волос и их стрижку; на самом деле, существует множество различных названий способов их стрижки, таких как “сад”, “лодка”, но мы не знаем, на что они были похожи, поскольку памятники не дают никаких подсказок. Вероятно, только денди придавали какое-либо значение подобным вопросам. Вполне естественно, что в способе ношения волос, как и в одежде, должно было быть много местных вариаций, и, вероятно, они имели какое-то значение в древнейший период; но мы знаем о них очень мало. Во времена Пелопоннесской войны в Спарте было принято брить волосы совсем близко к голове, но поскольку во время персидских войн спартанцы носили длинные, тщательно завитые волосы, изменение моды, должно быть, произошло в Спарте в течение пятого века.

Мужчины не носили никаких специальных украшений в волосах после того, как отказались от старомодных держателей для завивки волос и таинственных кузнечиков. “Лента”, или повязка вокруг лба, которую Дионис обычно носит в произведениях искусства, на самом деле использовалась только в качестве награды за победу в гимнастических или других состязаниях. Диадема является знаком королевского достоинства и, следовательно, неизвестна в свободной Греции.

Изменение моды на ношение бороды также можно проследить в греческой древности. Прямого упоминания об этом в поэмах Гомера нет, но, вероятно, есть некоторые косвенные намеки. В хорошо известном сравнении у Гомера упоминается бритва. Поскольку ахейцы носили длинные волосы и, конечно же, не были гладко выбриты, возникает вопрос, какое применение они могли бы найти бритве. Хелбиг указывает на аналогию египетского и финикийского обычаев,

оказавших значительное влияние на эллинскую культуру, а также показывает с помощью древнегреческих памятников, что, весьма вероятно, ионийцы гомеровского периода брили верхнюю губу; как, собственно, и дорийцы делали в более древние времена. Верно, что этому периоду, должно быть, предшествовал более древний, незнакомый с этим обычаем, поскольку на золотых масках, найденных в могилах в Микенах, изображены усы; и лучший пример из них обработан таким образом, что указывает на использование некоторой укрепляющей помады, а также на искусственную стрижку усов.

Памятники также показывают нам, что обычай брить верхнюю губу сохранялся некоторое время в последующие столетия; но он был не единственным преобладающим, поскольку мы также находим бакенбарды, бороду и усы. Вполне естественно, что в тот период, когда волосы были тщательно уложены, особое внимание уделялось и уходу за бородой. Они не только регулярно подстригались и обычно заострялись (сравните рис. 50), но и были коротко подстрижены в определенных местах, особенно между нижней губой и подбородком, так что обработанная таким образом часть бороды отличалась по внешнему виду от остальной части. Они также завивали усы и загибали их дугой вверх; и если мы можем верить свидетельствам архаических памятников, мы должны предположить, что щипцы для завивки иногда использовались для искусственной укладки бороды. Только во второй половине пятого века бороде было позволено отпадать естественно и просто, в то время, когда они начали обращаться с волосами аналогичным образом.

Рис. 50.

Борода, хотя и не была полностью оставлена для своего естественного роста, поскольку ей была придана форма, соответствующая овалу лица, вместо прежней заостренной, во всяком случае, больше не обрабатывалась искусственными средствами, такими как помада, искусная завивка и т.д. Портретный тип Перикла или Софокла (сравните рис. 7) демонстрирует нам прекрасный пример простого и достойного ношения бороды, в то время как идеальная голова Зевса из Отриколи с искусственным пробором в бороде, несмотря на великолепие обработки, далека от классической простоты эпохи Фидия. После Александра Македонского и его преемников вошло в обычай брить все лицо. Портретные статуи показывают нам, что особенно старики, которые раньше отпускали бороду, теперь почти всегда сбрасывали ее. У Аристотеля, Менандра, Посейдиппа, князей александрийского века и других были гладко выбритые лица. Молодые люди и мужчины среднего возраста в тот период иногда отращивали бороду, но старики делали это только тогда, когда хотели показать длинной неровной бородой, что они последователи школы киников; ибо даже во времена Империи длинная борода была отличительным признаком философа.

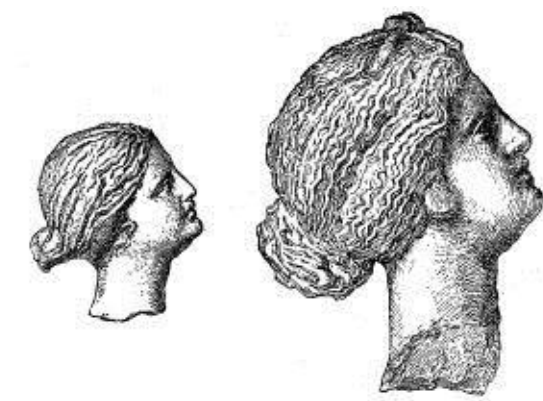

Рис. 51.

Рис. 52.

Головной убор женщин также претерпел множество изменений. Мы не знаем, как их волосы были уложены в гомеровский период, когда их обрабатывали душистыми маслами и помадами, которые, на самом деле, были очень распространены в героический период. Особо следует упомянуть прическу в виде шапочки и связанную с ней заплетенную косу. Хельбиг считает, что он распознал ту же моду в женском головном уборе на старых этрусских изображениях, на которых можно различить остроконечный колпак и повязку поверх него. Как бы то ни было, головной убор Андромахи, описанный Гомером, имеет отчетливо восточный характер. В следующий период произведения искусства снова будут нашим лучшим ориентиром. Они показывают нам, что, помимо внешнего украшения, головные уборы мужчин и женщин в древние времена были по существу схожи. Мы видим, что длинные волосы либо свободно ниспадают, либо заплетены в отдельные косички по спине (сравните рис. [11](#) и далее); локоны, падающие на плечи; и маленькие локоны, обрамляющие лоб; мы находим волосы завязанными на затылке или описанным выше способом завязывания их лентой в нескольких местах. (Сравните также своеобразный узел для волос на рис. [11](#).) Мы также находим расположение двойных косичек, уложенных несколько раз вокруг затылка, которое было заявлено как кробилус, хотя упоминается только как мужской головной убор. Эта последняя мода встречается даже в изящных кариатидах Эрехтея, но здесь это, вероятно, воспоминание о старом обычае, естественном для этих женских фигур, которые как бы находятся на службе у богини. В остальном ни одна из этих мод не сохранилась после последней четверти пятого века ни у женщин, ни у мужчин.

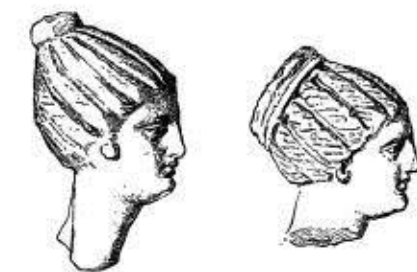

Рис. 53.

Рис. 54.

Рис. 55.

Рис. 56.

Примерно в середине пятого века, должно быть, была очень распространена мода на ношение разноцветных платков, закрывающих большую часть волос. Полигнот рисует своих женщин таким образом, и мы находим ту же манеру на фронтонах Олимпии, и на некоторых женских фигурах на Восточном фризе Парфенона, и на многочисленных вазописях того периода. (Сравните рис. [17](#), где косынка даже, кажется, превращается в шапочку с бантиком на макушке.) Но в тот же период, когда мужчины начали освобождаться от жестких головных уборов и носить свои волосы естественным образом, простая и красивая мода стала более распространенной и среди женщин. Волосы обычно разделялись посередине пробором и либо спадали легкой рябью по спине, либо были собраны в узел на затылке. (Сравните рис. [20](#) и [20](#).) Последний способ, который мы до сих пор называем “греческим узлом”, является самым распространенным и красивым и в следующий период. Иногда узел спускался далеко на шею (сравните рис. [51](#) и [52](#)), что, безусловно, было самым изящным, или же он располагался выше головы (сравните рис. [53](#)), где волосы зачесывались вверх от лица, или же (сравните рис. [54](#)) узел превращался в сплющенное гнездо или венок. Простое украшение, которое часто встречается, представляет собой узкую ленту или филе, вплетенное в волосы или уложенное вокруг волос и лба. (Сравните рис. [16](#), [20](#), [24](#) и [52](#).) Впоследствии также часто носили косынки, иногда надеваемые таким образом, что закрывали почти все волосы (сравните рис. [55](#) и [55](#)), иногда только пробор, так что под ним видны волосы на затылке. (Сравните рис. [25](#).) Существовали также разнообразные металлические украшения, которые крепились к волосам либо для придания им упругости, либо в других декоративных целях — золотые обручи или диадемы (сравните рис. [57](#)), булавки и т. Д. Детальное рассмотрение этих украшений показывает нам, что эпоха Перикла и непосредственно следовавшие за ней периоды были периодами, когда стиль и техника достигли своего наивысшего развития и художественной красоты. Таким образом, одежда, прическа и украшения - все это гармонично сочеталось, представляя людей той эпохи в окружении, в полной мере соответствующем поэтическим и художественным достижениям эпохи.

Рис. 57.

ГЛАВА II.

РОЖДЕНИЕ И МЛАДЕНЧЕСТВО.

Мы должны теперь мысленно перенестись в дом афинского гражданина, принадлежащего к высшим классам общества. Он богатый человек, который не только владеет удобным, хотя и простым городским домом и землей за воротами, управляемыми рабами, но и получает значительные проценты с капитала, вложенного в торговые суда, и от многочисленных рабов, которые работают на фабриках за заработную плату. Но, несмотря на его комфортные обстоятельства, его радость до сих пор омрачалась одним горем — он женат уже несколько лет, и до сих пор ему не дали наследника его имущества. К радости своих родителей, в доме растет маленькая дочь, но даже это не может утешить отца от печальной перспективы увидеть, как имущество, унаследованное от его предков и приумноженное его собственной промышленностью и хозяйством, перейдет в руки незнакомцев.

Но сегодня радость вошла в дом этого человека. Его жена родила ему долгожданного сына и наследника. Соседям, видевшим, как известная медсестра вошла в дом, не терпелось узнать, каким образом будет украшена входная дверь — будут ли, как прежде, шерстяные лоскутки возвещать о рождении дочери или радостный венок из оливковых ветвей возвещать о появлении сына и наследника. Пока рабы празднично украшают дверь снаружи, внутри дома новорожденный ребенок получает первую помощь.

Рис. 58.

Со счастливой улыбкой молодая мать наблюдает со своего дивана, как няня и горничные деловито готовят ванну для малыша. Для этого используются только теплая вода и растительное масло, поскольку спартанский обычай добавлять вино в первое купание ребенка в Афинах неизвестен. После купания малышу также будет теплее в постели, чем выпало бы на его долю в более суровом городе. Правда, отец намеревается как можно скорее послать в Спарту за одной из тех знаменитых кормилиц, которых знают и ценят за их успехи в воспитании детей; но все же он воздерживается от начала процесса закаливания в этом нежном возрасте и воспитания ребенка в соответствии со спартанскими обычаями без теплых пеленок. Таким образом, ребенка тщательно заворачивают в многочисленные пеленки таким образом, что даже ручки плотно обмотаны, и видна только маленькая головка. (Сравните рис. [58](#).) Древние врачи предписывали новорожденному пеленание

из мягкой шерсти шириной в три пальца и предписывали, чтобы пеленание начиналось с рук, затем переходило к груди и, наконец, покрывало ноги, обматывая каждую часть отдельно, но неплотно, туго затягивая бинты только на коленях и подошвах ног; голова также должна быть обернута, и, наконец, второе покрывало надевается на все тело. Когда современные врачи утверждают, что такое пеленание должно нанести вред ребенку и задержать развитие его органов, они забывают, что греки веками обращались таким образом со своими детьми и все же были здоровой нацией. Но совершенно невероятно, чтобы их пеленали таким образом в течение первых двух лет их жизни, на что, по-видимому, указывает отрывок из Платона, поскольку это было бы не только необычно, но и вредно для здоровья. Речь может идти только о том, чтобы сохранить покрывало, соответствующее возрасту, в течение этих двух лет, а не надетое впоследствии детское платье. Врач эпохи Империи рекомендует конец четвертого месяца как время для постепенного прекращения пеленания; вероятно, таков был и греческий обычай. Античность, по-видимому, не была знакома с нашими мягкими подушками, но у маленьких афинян тоже были свои колыбели, хотя они не стояли на земле на таких качалках, как наши, поскольку такие колыбели не упоминаются до римского периода и, по-видимому, были неизвестны в классическую эпоху; но они напоминали корзину из плетеной лозы, подвешенную на веревках наподобие гамака и, таким образом, предназначенную для покачивания. Колыбель, в которой Гермес, который, по-видимому, уже достиг отроческого возраста, изображен на вазе, изображенной на рис. 59, имеет странную форму, очень похожую на форму обуви; ручки сбоку, через которые, вероятно, были пропущены веревки, показывают, что она также была сделана для качания. На рис. 60 показан другой вид подставки. Это кровать на качалках, которая, возможно, использовалась так же, как обычные у нас детские кровати.

Рис. 59.

Молодая мать сейчас впервые дает новорожденному грудь (сравните рис. 61, взятый с греческой терракоты) и радуется, что может сама выполнять эту обязанность. Однако на тот случай, если бы она не смогла этого сделать, в дом привели бедную крестьянку из соседнего района и заплатили за ее услуги. Тем временем муж садится у кровати и обсуждает со своей женой дальнейшие шаги, которые необходимо предпринять. Вопрос, который иногда вызывает много трудностей, в данном случае не представляет никакой проблемы, а именно: легитимация ребенка. А поскольку мальчик силен и здоров, не может быть и речи о варварском обычае выставять его напоказ, к которому, хотя и редко прибегали в Афинах, все же были довольно распространены в Спарте.

Рис. 60.

Даже если бы ребенок был второй дочерью, доброжелательный хозяин дома не пошел бы на такой жестокий шаг; хотя, если бы он это сделал, его сограждане не винили бы его за это. Но родители должны решить, в какой день состоится семейный праздник, чтобы приветствовать и посвятить религиозным обрядам новорожденного ребенка (*Амфидромия*) и какое имя они ему дадут. Они выбирают десятый день после рождения для проведения фестиваля. Многие родители, правда, отмечают это уже на пятый день, а затем на десятый устраивают второй праздник с изысканным банкетом и жертвоприношениями, и лишь немногие богатые люди довольствуются одним празднованием. Но хотя в данном случае недостатка в средствах нет, все же, поскольку молодая мать желает сама принять участие в Амфидромии, они решают довольствоваться одним празднованием, которое должно состояться через десять дней. Согласно старому семейному обычаю, мальчик получает имя своего деда по отцовской линии.

Рис. 61.

Когда наступает назначенный день и дом празднично украшается гирляндами, ранним утром начинают прибывать посыльные от родственников и друзей, принося всевозможные подарки для матери и ребенка. Для первых они приносят много блюд, которые будут полезны на вечернем

банкете, особенно свежую рыбу, полипи и каракатицу. Малыш получает различные подарки, особенно амулеты, защищающие его от сглаза. Ибо, согласно широко распространенному суеверию, эти невинные маленькие существа особенно подвержены влиянию злой магии. Поэтому старая рабыня, которой родители доверили заботу о ребенке, выбирает среди различных подарков ожерелье, которое кажется ей особенно подходящим в качестве противоядия от магии, на котором висят всевозможные амулеты искусной работы из золота и серебра, такие как полумесяц, пара рук, маленький меч, поросенок и все остальное, что народные суеверия могут отнести к разряду амулетов; и вешает это на шею ребенку.

Праздник начинается с жертвоприношения и сопровождается торжественностью, во время которой мать и ребенок, которые, согласно древним представлениям, считаются нечистыми в результате акта рождения, очищаются вместе со всеми, кто соприкасался с матерью. Эта часть церемонии - настоящая “Амфидромия” (буквально “бег по кругу”). Кормилица берет ребенка на руку и, сопровождаемая матерью и всеми, кто соприкасался с ней, обегает несколько раз вокруг семейного очага, который, согласно древней традиции, представляет собой священный центр жилища. Вероятно, это сопровождалось окроплением святой водой. На банкете родственники и друзья семьи появляются в большом количестве. В их присутствии отец объявляет имя, которое он выбрал для ребенка. После этого все занимают свои места на банкете, даже женщины, которые, как правило, не принимают участия в трапезах мужчин. Постоянными блюдами по этому случаю являются поджаренный сыр и редис в масле; но нет недостатка и в превосходных мясных блюдах, таких как баранья грудка, дрозды, голуби и другие деликатесы, а также в популярной каракатице. Выпивается много вина, разбавленного меньшим количеством воды, чем обычно принято. Музыка и танцы сопровождают банкет, который длится далеко за полночь.

Первые годы своей жизни маленький мальчик провел в детской, где все происходило примерно так же, как и у нас. В течение этого периода как мальчики, так и девочки находились под присмотром матери и медсестры. Если младенец плохо спал по ночам и не мог заснуть, афинская мать брала его на руки, как это сделала бы современная женщина, и носила взад—вперед по комнате, укачивая и напевая какую-нибудь колыбельную песенку, похожую на ту, которую Алкмена поет своим детям у Феокрита:

“Спите, дети мои, легким роскошным сном.

Брат с братом: спите, мои мальчики, моя жизнь:

Будь благословен во сне, будь благословен наяву”.^[А]

Ночью в детской горела маленькая лампа. Хотя, как правило, в небольших домах квартиры для мужчин находились внизу, а для женщин и детей - на верхних этажах, все же у женщин было принято переезжать на некоторое время в нижние комнаты после рождения ребенка, отчасти для того, чтобы они могли быть рядом с ванной комнатой, которая была необходима как матери, так и ребенку. В течение первых лет своей жизни дети принимали тепловатую ванну каждый день; позже - каждые три-четыре дня; многие матери заходили даже так далеко, что принимали их по три раза в день. Когда ребенка нужно было отлучить от груди, ему сначала давали бульон, подслащенный медом, который в старину заменял наш сахар, а затем постепенно более твердую пищу, которую кормилица, по-видимому, жевала за ребенка до того, как у него появились зубы, достаточные для того, чтобы делать это самому. Аристофан сообщает нам дополнительные подробности о греческих детских садах и даже цитирует звуки, которые впервые произносили афинские дети, чтобы сообщить об их различных желаниях.

Рис. 62.

Похоже, у них не было никаких специальных механических приспособлений для обучения ходьбе. Во времена Империи упоминаются корзины, снабженные колесиками. Очевидно, они не слишком торопились с этим. Первые год или два няни выносили детей в поле, или водили их навестить своих родственников, или приводили их в какой-нибудь храм; затем они позволяли им весело ползать по земле, и на многочисленных вазах мы видим детей, ползущих на четвереньках к какому-нибудь столу, уставленному съестными припасами, или к своим игрушкам. (Сравните Стелу, представленную на рис. [62](#), на которой ребенок подполз к своей матери и пытается подняться.) Когда ребенок сделал свою первую попытку ходить, предусмотрительные няни позаботились о том, чтобы поначалу он не слишком напрягал свои слабые ножки, из-за чего они искривились; хотя Платон, вероятно, заходит слишком далеко, желая продлить этот уход до конца третьего года жизни, и советует няням носить детей на руках, пока они не достигнут этого возраста.

Рис. 63.

Детская одежда, должно быть, не доставляла особых хлопот в эти первые годы. Дома — по крайней мере, летом — мальчики бегали либо совсем голыми, либо в распахнутой спереди короткой куртке, как маленький мальчик с тележкой на рис. [63](#).

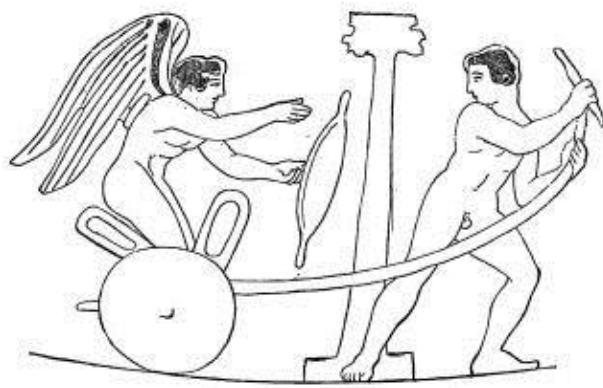

Рис. 64.

Однако на девушках были длинные платья до пят, скрепленные двумя лентами, перекрещивающимися спереди и сзади. Непослушных детей приводили к послушанию или усмирению угрозами привидений, но, как ни странно, все эти греческие привидения были существами женского пола, такими как медузы или ведьмы: “Акко”, “Мормо”, “Ламия”, “Эмпуза” и т.д.; И когда дети не хотели сидеть тихо в помещении, они, похоже, угрожали им: “Лошади тебя укусят”. Матери и няньки рассказывали детям всевозможные легенды и сказки — басни Эзопа были особенно популярны — и маленькие истории из мифологии или другие приключенческие рассказы, которые часто начинались словами “Лошади тебя укусят”. , как у нас, с одобренным "Когда-то давно". Среди множества поэтических легенд о богах и героях были, правда, и такие, которые были неприемлемы с моральной или эстетической точки зрения, и философы были правы, привлекая внимание к опасности, которая могла заключаться в этой интеллектуальной пище, так рано доставляемой восприимчивым детским умам; однако это, несомненно, было меньше того, что содержится в наших собственных детских рассказах.

Рис. 65.

У греческих детей были игрушки самых разных видов, хотя чрезмерная роскошь, достигаемая в них в наши дни, была неизвестна античности. Очень древней игрушкой является погремушка, обычно это металлический или глиняный кувшин, наполненный маленькими камешками, иногда выполненный в форме человека; были и другие шумные игрушки, с которыми играли дети, и няньки старались их позабавить; хотя иногда поступали жалобы на то, что глупые няньки с помощью этих средств мешали детям заснуть. Очень популярной игрушкой, которую можно увидеть на многих рисунках в детских руках, была маленькая двухколесная тележка (сравните рис. [63](#)), или же простое цельное колесо без спиц на длинном шесте - дешевая игрушка, которую можно было купить за обол (примерно три с половиной пенсы). Большие экипажи также использовались в качестве игрушек, которые дети рисовали сами и возили своих братьев и сестер или компаньонов, как мы видим на рис. [64](#). Иногда в них запрягали ручных собак или коз, и мальчики весело скакали, щелкая кнутами. (Сравните рис. [65](#).) Обычай позволять нянькам возить детей в колясках по улице, по-видимому, был неизвестен, но детские коляски, в которых детей возили по комнате, упоминаются древними врачами. (Сравните рис. [60](#).)

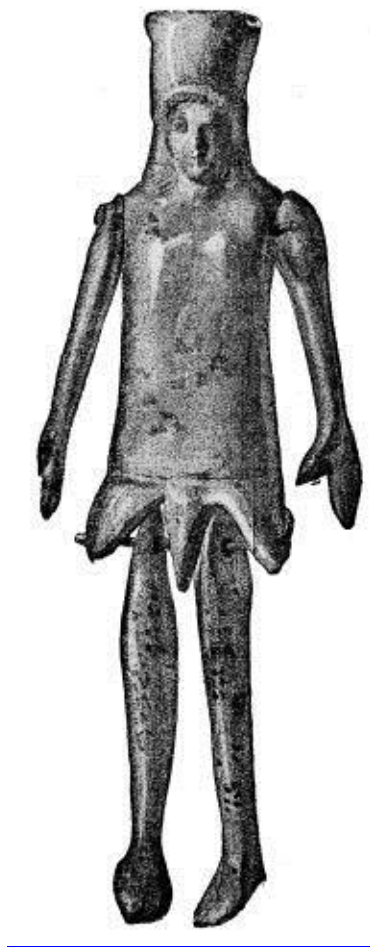

Рис. 66.

Маленьким девочкам нравилось играть со всевозможными глиняными сосудами, горшками и тарелками; и, как и наши маленькие девочки, они предприняли свои первые попытки готовить с их помощью. Много таких найдено в могилах. Однако более популярными даже в древние времена были куклы, сделанные из воска или глины и ярко раскрашенные; иногда с гибкими конечностями, как на рис. [66](#), или в одежде, которую можно надевать и снимать, и представляющие всевозможных богов, героев или смертных; также были известны кукольные кровати.

Рис. 67.

Хотя мальчики, возможно, иногда играли с этими фигурками или даже делали их для себя из глины или воска, все же обычно мы находим их в руках девочек, которые, по-видимому, получали от них удовольствие даже после первых лет детства; действительно, поскольку греческие девушки выходили замуж очень рано, не было ничего необычного в том, что они играли со своими куклами до самого замужества, а непосредственно перед свадьбой относили эти выброшенные любимые вещи вместе со всем своим гардеробом в какой-нибудь храм девы Артемиды и там посвящали их в качестве благочестивого подношения.

Рис. 68.

Мальчики наслаждались другими, более мужскими удовольствиями. Как и наши собственные мальчишки, они играли с самшитовыми набалдашниками и хлыстами, распевая при этом веселую песенку, или же катали свои железные обручи, к которым были прикреплены колокольчики или кольца. Обруч был любимой игрушкой до юношеского возраста, и мы часто находим его на вазах в руках довольно больших мальчиков. (Сравните рис. [67](#).) Мы, конечно, можем предположить, что у них также были небольшие имитации боевых орудий, таких как мечи и щиты; был найден небольшой колчан, который вряд ли мог служить какой-либо другой цели (сравните рис. [68](#)).

Рис. 69.

Умные мальчики сами мастерили игрушки, вырезали маленькие тележки и кораблики из дерева или кожи, а из кожуры граната вырезали лягушек и других животных. Наша любимая лошадка

тоже была известна древним, о чем свидетельствует прелестный анекдот, рассказанный об Агесилае. Однажды он был удивлен, увидев посетителя, игравшего с его детьми и весело скакавшего верхом на коньке. Говорят, что он умолял своего друга не рассказывать о положении, в котором он застал ужасного генерала, до тех пор, пока у него самого не появятся собственные дети. Запуск воздушных змеев также был им известен, о чем свидетельствует роспись на вазе, представленная на рис. [69](#), которая, хотя и грубовата по рисунку, отчетливо показывает действие.

Рис. 70.

Они также были знакомы с маленькими колесиками, вращающимися с помощью наматываемой и разматываемой бечевки, которые до сих пор популярны среди детей наших дней, а около ста лет назад были модными игрушками, известными как “incroyables”. То, что мы видим в руке мальчика на рис. [70](#), вряд ли может быть чем-то другим. Это была игра, в которой, похоже, получали удовольствие даже взрослые люди. На вазах Нижней Италии мы часто видим в руках Эроса, или женщины, маленькое колесико с изящно зазубренными краями и спицами, прикрепленное к длинной бечевке таким образом, что, если сначала туго натянуть ее обеими руками, а затем отпустить, колесо начинает вращаться. (Сравните рис. [71](#).) Вероятно, это была не просто игрушка, которой пользовались взрослые люди, а скорее волшебное колесо, столь часто упоминаемое как играющее роль в любовных чарах; но об этом у нас нет точной информации.

Рис. 71.

Следует также упомянуть качели, которые пользуются популярностью как у молодежи, так и у пожилых людей. Они были точь-в-точь как наши: либо сама веревка использовалась в качестве сиденья и крепко держалась обеими руками, либо к веревкам было подвешено удобное сиденье. (Сравните рис. [72](#).) Это была веселая игра, в которой иногда любили принимать участие взрослые женщины; так же как и качели, которыми пользовались даже большие девочки. (Сравните рис. [73](#).) Иногда мать или старшая сестра брали маленького мальчика за руку и удерживали его на своей ноге, как это делает девочка на рис. [74](#) с Эросом, и, как в хорошо известной прекрасной статуе “Маленький Дионис”, ее несет на плечах могущественный сатир. Многие греческие отцы, вероятно, сажали своего сына на плечи.

Рис. 72.

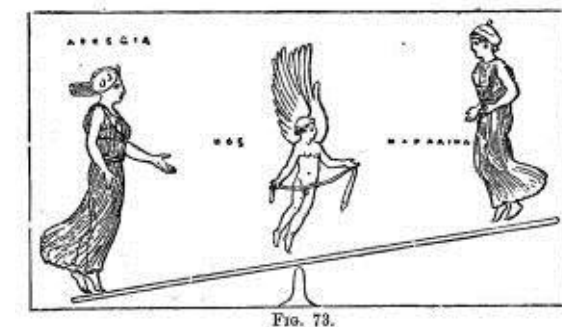

Рис. 73.

Рис. 73.

Само собой разумеется, что молодые люди того времени были знакомы со всеми играми, в которые могут играть дети на общественных собраниях без какой-либо помощи извне. В различные игры в бег, ловлю, прятки, жмурки и т.д., в которые наша молодежь до сих пор находит удовольствие, играли в Греции точно таким же образом, как и в самые разнообразные игры с мячами, бобами, камешками, монетами и т.д.

Рис. 74.

Игры в мяч служили развлечением для молодежи и мужчин, и некоторые из вышеупомянутых азартных игр, а не на ловкость, были особенно популярны среди взрослых людей, особенно игры в кости или “костяшки пальцев”, к которым мы обратимся позже в другом разделе.

Таким образом, наш юный афинянин проводит первые годы своей жизни среди веселых игр со своими товарищами, под неусыпной заботой своей матери. В течение первых шести лет детский сад, где девочки и мальчики находятся вместе, является его миром, хотя иногда ему разрешают побегать по улице с мальчиками его возраста. Его еще не беспокоят уроки, и хотя, если он будет упрямиться или непослушен, мать иногда будет наказывать его своей сандалией, все же в семье, где преобладает праведный дух, характер воспитания в этом раннем возрасте представляет собой благотворное сочетание строгости и мягкости. Иногда, это правда, отец вообще не заботится об образовании своих детей и полностью перекладывает это на свою жену, у которой могут отсутствовать необходимые интеллектуальные способности, или даже на рабыню. Это, конечно, приводит к плохим результатам, и то же самое происходит, когда жена, подобно матери Фидиппида в “Облаках” Аристофана, слишком честолюбива по отношению к своему маленькому сыну и, находясь в постоянном противостоянии со слабым, хотя и исполненным благих намерений отцом, печально балует его. Давайте предположим, что мальчик, чей приход в жизнь мы описали выше, свободен от таких вредных влияний и, будучи здоровым умом и телом, на седьмом году жизни переходит из рук матери в руки тех, кто теперь будет заботиться о его интеллектуальном и физическом развитии.

ГЛАВА III.

Образование.

Школы—В Спарте—В Афинах—Методы обучения—Уроки чтения—Музыка—Геометрия—Гимназии—Физическая подготовка—Образование девочек.

ЗДЕСЬ, как и во многих других областях, о которых мы должны говорить, существует заметное различие между дорическим и ионическим состояниями. В последнем образование мальчиков было частной обязанностью родителей, и государство сохраняло лишь общее право контроля; в то время как в дорических государствах, и особенно в Спарте, с институтами которой мы лучше всего знакомы, мальчики считались принадлежащими не семье, а государству, которое брало на себя всю ответственность за их физическое и интеллектуальное благополучие.

В возрасте семи лет мальчик-спартаец покинул дом своего отца, чтобы жить с товарищами своего возраста, чьи занятия и образ жизни регулировались определенными правилами. Все мальчики были разделены на роты в соответствии с возрастом. Несколько из этих рот были снова объединены в отряд. Во главе каждой роты и каждого отряда стоял суперинтендант, выбранный из числа молодежи. Его обязанностью было руководить занятиями и гимнастическими упражнениями мальчиков, находящихся под его опекой, и, как руководитель в их гимнастических упражнениях, помогать им своим примером. Общая забота об их образовании находилась в руках наставников (παιδόβομοι), которые сами находились под контролем Инспекционной комиссии (βιδιᾱτοί), но в других отношениях их власть была неограниченной, и они имели право с помощью “биченосцев” (μαστιγόφοροι) налагать наказания за непослушание или другие провинности. В этой должности, которая была очень ответственной для одного человека, им помогала вся группа граждан, которым было не только разрешено, но даже обязано своим долгом принимать участие в упражнениях мальчиков, наставляя, поощряя или даже наказывая их. Каждый спартанский гражданин мог в какой-то мере осуществлять отцовские права по отношению к каждому мальчику, и, опять же, каждый мальчик рассматривался им в том же свете, что и его собственный отец. Послушание старшим, скромное и благоговейное поведение прививались спартанским мальчикам с самых ранних лет, и таким образом они выгодно отличались от несколько не по годам развитого аттического юноши. Целью всего их образования было закалить тело и достичь максимально возможного физического мастерства. У мальчиков была только самая необходимая одежда; начиная с двенадцати лет, они носили только верхнюю одежду, даже зимой, и во всех остальных отношениях их жизнь была самой простой, так что говорить о спартанской дисциплине - не просто фигура речи. Еды им хватало только на самые насущные нужды, и, хотя мальчиков часто водили на трапезы взрослых мужчин, все же и они были какими угодно, только не роскошными. Их постелью было сено или солома; начиная с пятнадцатилетнего возраста - тростник, который они должны были сами приносить из Евротаса. Безразличие к физической боли было доведено до крайности, которая кажется нам абсолютно варварской, даже в более поздние времена, когда они в некоторых отношениях отошли от первоначальной суровости так называемых законов Ликурга.

Обучение в Спарте также соответствовало этим принципам. Вопрос о развитии интеллекта практически не стоял, и это не было частью общественного долга, а лишь частным делом. Те, кто хотел научиться читать и письму, несомненно, находили возможность сделать это, но не в государственных институтах; во всяком случае, мы не находим упоминаний о таких. Вероятно, большинство спартацев действительно многому научились, но немногим больше. Было добавлено немного арифметики, поскольку ментальная арифметика считалась особенно важной из-за ее практической полезности. Но это была вся литературная культура, которую получал молодой спартаец. Они также изучали музыку, к которой у дорической расы всегда были природные способности и симпатия; и это обучение было обязательным. Мальчики учились

играть на кифаре и флейте, а также петь песни или припевы серьезного нравственного характера. Инспекторы тщательно следили за тем, чтобы здесь не допускалось ничего неподходящего и чтобы традиционные методы соблюдались в гармонии и размере; поэтому к каждому нововведению в области музыки относились с подозрением, а отступление от традиционных обычаев иногда даже наказывалось.

Самая важная часть обучения состояла в гимнастических упражнениях. Они методично изучались на рациональных принципах; упражнения распределялись по возрасту, и допускались только те, которые развивали силу и мастерство, а не просто подходили мужчине для карьеры спортсмена. Их первой целью было сделать из своих людей хороших воинов, и этого они, безусловно, достигли. Но это было неизбежным следствием чрезмерного развития физической стороны и пренебрежения всеми высшими интеллектуальными достижениями, из-за чего Спарта так и не достигла какого-либо реального величия в литературе или искусстве. Опять же, какой бы привлекательной ни казалась нам моральная серьезность, выработанная спартанским воспитанием, мы не можем отрицать, что притупление семейных чувств и полное подчинение всего государству породили ту черствость и жестокость, с которыми мы так часто встречаемся в истории Спарты.

Совсем иной была система образования в Афинах. Здесь она была полностью отдана в руки отдельных лиц. Государство не предоставляло государственных школ, а только назначало определенные советы, в обязанность которых входило следить за тем, чтобы в частных учебных заведениях не совершались преступления против традиций или морали. Эта обязанность была возложена на суперинтендантов (*ἐπιμεληταί* и *σωφρονισταί*). Однако в основном они касались молодежи и, следовательно, особенно обучения в гимназии. Мы не знаем, в какой степени Ареопаг принимал участие в этом контроле.

Как правило, афинские мальчики, когда им заканчивался шестой год обучения, поручались заботам старого раба по имени *Пайдагогос*, в обязанности которого входило не обучать мальчиков, а просто сопровождать их в школу или на прогулки и следить за их поведением. Поскольку считалось неправильным, чтобы сын афинского гражданина сам носил свои школьные принадлежности, в обязанности пайдагога, который сопровождал его, входило нести его книги, кифару, стригиль или даже мяч. Очень часто пайдагогос оставался в комнате (или, возможно, в прихожей) во время урока, а в конце снова провожал своего подопечного домой. Хотя он был всего лишь рабом и часто получал лишь небольшое образование, обычно он пользовался властью, данной ему над мальчиками, вверенными его попечению. Когда они достигали восемнадцатилетнего возраста, контроль над *paidagogos* либо полностью прекращался, либо принимал другой характер.

Невозможно не признать, что против этой системы было много возражений. На эту должность отнюдь не всегда выбирались самые достойные и заслуживающие доверия рабы, а скорее старики, которые не годились для другой работы и которые были не только совершенно невежественны интеллектуально, но и часто отличались плохими манерами. Как иностранцы, они часто говорили на варварском греческом, подавали своим подопечным дурной пример пристрастием к выпивке или же подмигивали их недостаткам и дурным привычкам; короче говоря, ни в коей мере не подходили для того, чтобы заботиться о растущих мальчиках. По-видимому, было подано много жалоб, но практика все еще продолжалась; фактически, в эллинистический период в некоторых отношениях положение ухудшилось. На памятниках, где мы часто видим их сопровождающими мальчиков, даже в мифологических представлениях (*например*, "Дети Ниобы", "Археморус", "Медея" и т.д.), пайдагоги появляются в особой одежде, соответствующей их неэллинскому происхождению — в хитоне с рукавами, грубом плаще и высоких сапогах. Однако это соответствует практике греческой трагедии, в которой для определенных персонажей были установлены определенные костюмы. На самом деле пайдагоги, вероятно, одевались так же, как и другие граждане.

Обучение в Афинах разделено на две части: музыка и гимнастика. Давайте сначала рассмотрим первую. По-видимому, мальчики очень редко обучались дома у частных учителей. Обычно их отправляли в какую-нибудь школу, которой руководил учитель начальных классов. Мы очень мало знаем об устройстве и учебной программе этих школ. По-видимому, мальчики из одного и того же района обычно посещали ближайшую школу и обучались там в одной комнате у одного учителя, который должен был по очереди инструктировать начинающих и более продвинутых учеников. Упоминаются случаи переполнения классов, но они не относятся конкретно к Афинам. Не исключено, что классы не только получали различное обучение, но и преподавались в отдельных комнатах; и что помимо учителя, который был директором и владельцем школ, в обучении также принимали участие помощники, которым он платил. Но на самом деле мы очень мало знаем об этих вещах; однако несомненно, что у некоторых учителей вообще не было классной комнаты, а они сидели на улице со своими учениками — вещь, которая возможна только на солнечном Юге. Без сомнения, это были школы только для бедных, и сыновья богатых родителей их не посещали.

Обстановка классной комнаты, несомненно, была очень простой. Учитель музыки иногда устанавливал в своей школе статуи Аполлона и Муз, но ему хорошо платили, и мы не должны ожидать, что найдем подобную роскошь в убранстве обычных начальных школ. Вероятно, здесь было немногим больше, чем скамейки для мальчиков, сиденье для учителя и некоторые учебные пособия, подобные тем, что мы видим висящими на стенах на немногих древних памятниках, которые знакомят нас с греческими школьными кабинетами. (Сравните рис. [75](#).) Среди реквизитов была белая доска. Маловероятно, что таблицы, использовавшиеся в римский период для того, чтобы запечатлеть в сознании учеников даты из мифологии и истории посредством пластического представления, были уже известны греческой древности. Учитель снабдил нас чернилами, необходимыми для обучения письму: мы можем заключить это из того факта, что Эсхину, который в детстве помогал своему отцу, школьному учителю, приходилось смешивать чернила и подметать классную комнату. Жалованье, которое учитель получал за свое обучение, вероятно, зависело от его знаний и способностей; несомненно, популярным учителям хорошо платили. Но это была малооплачиваемая профессия, поскольку маловероятно, что плата за обучение, обычно выплачиваемая ежемесячно, была высокой; кроме того, нерадивые отцы часто надолго откладывали ее уплату; в то время как скупые родители держали своих детей дома в течение месяца, в течение которого было много каникул, чтобы сэкономить на школьных сборах. Мы не должны предполагать высокой культуры у этих учителей начальных классов, и мы находим, что ученики боялись своих учителей больше, чем любили их, что естественно, учитывая, что они, по-видимому, более свободно пользовались тростями, чем позволяли бы наши нынешние педагогические принципы. Тем не менее, мы не находим ни одного греческого упоминания о *Плагосе Орбилия Горация*.

Рис. 75.

Обучение обычно начиналось ранним утром; мы не знаем, как долго оно длилось, но, несомненно, уроки проводились во второй половине дня; постановление Солона запрещало продолжать их после захода солнца. Мы не знаем, как сочетались элементарное обучение и гимнастика. Было много праздников из-за многочисленных застолий и фестивалей; были также специальные школьные фестивали, особенно фестивали Муз для гимназий и Гермеса для гимназий.

Очень интересная картина вазописца Дуриса, представленная на рис. [75](#), дает нам, несмотря на некоторые художественные вольности, прекрасное представление о преподавании в аттической школе в пятом веке до н.э. Сцены изображены на внешней стороне чаши; на каждой половинке изображены пять человек: два мастера, два ученика и пожилой мужчина, наблюдающий за происходящим. Следовательно, это не может быть одна из обычных школьных комнат, где один учитель вместе обучает целый класс мальчиков, поскольку каждого мальчика обучает отдельный учитель. Возможно, это вольность со стороны художника, который объединил четыре отдельные сцены, или же это индивидуальное обучение действительно могло проходить даже в государственных школах. Учителя и ученики одеты одинаково, на них только гиматий. Важно, однако, помнить, что было указано на стр. 20, что эта одежда на памятниках никоим образом не соответствует действительности, и, как правило, хитон не мог отсутствовать под гиматием. Учителя, некоторые из которых молоды и безбороды, другие более преклонного возраста, сидят на простых табуретках; за исключением одного ученика, который учится играть на лире, мальчики стоят перед ними прямо, обе руки завернуты в плащи, как считалось приличествующим благовоспитанным юношам. Конечно, у мальчика с лирой должна быть свободна верхняя часть тела, а гиматий перекинут через колено. Существуют разные мнения относительно двух бородатых мужчин, опирающихся на свои трости, которые присутствуют при этих сценах и внимательно наблюдают за ними; было высказано предположение, что они являются платными педагогами, которые сопровождали мальчиков в школу и наблюдают за ними во время обучения; или же, из-за того, как они сидят, предполагалось, что они отцы или инспекторы.

Все преподаваемые здесь предметы относятся к музыкальному обучению (то есть обучению, над которым руководят Музы) и частично связаны с преподаванием грамматики, частично с самим преподаванием музыки. С одной стороны мы видим молодого учителя, играющего на двойной свирели, в то время как мальчик, стоящий перед ним, внимательно слушает. Обычно предполагается, что мальчик учится играть на флейте, но тогда любопытно, что у него в руках нет

инструмента, как у мальчика, который учится играть на лире; ведь если бы он захотел подражать тому, что показывает ему учитель, ему пришлось бы взять инструмент учителя. Таким образом, можно кое-что сказать в пользу гипотезы о том, что мальчик учится петь, а учитель дает ему на флейте ноты или мелодию, которые он должен спеть. Сцена справа от этого представляет собой письменную инструкцию. Мальчик стоит в той же позе, что и другой, перед другим молодым учителем, который держит перед собой раскрытый *триптих*, состоящий из трех маленьких складных табличек, а в правой руке держит карандаш. Он внимательно смотрит на табличку, либо исправляя почерк мальчика, либо про себя, чтобы написать копию для ученика. На другой стороне картинки, слева, музыкальная инструкция. И у учителя, и ученика в руках семиструнные лиры; в изображенный момент учитель, кажется, только показывает мальчику, как брать аккорды пальцами левой руки, и не пользуется жезлом (*πλῆκτρον*), который он держит в правой. Мальчик, который сидит, наклонившись вперед, пытается подражать действиям учителя. Последняя группа представляет ученика, который, по-видимому, читает стихотворение, начало которого написано на свитке, который учитель держит в руке.

На стенах классной комнаты висят разные принадлежности: с одной стороны свиток рукописи с ручкой; рядом с ним дощечка для письма с обвязанным вокруг нее шнуром и ручкой; рядом лира и странный крест, который нелегко истолковать; некоторые думают, что это секстант для обучения геометрии. С другой стороны висят две чашки для питья, которыми ученикам, вероятно, разрешается пользоваться в перерывах; две семиструнные лиры; корзина с ручкой и ножками, вероятно, использовавшаяся для хранения рукописей; и, наконец, футляр для флейты с подвешенной к нему капсулой для мундштуков.

Теперь мы должны более внимательно изучить специальные инструменты, используемые при обучении музыке, и способ, в котором это обучение давалось. Элементарные навыки чтения и письма были очень распространены, во всяком случае, в Аттике, а люди, не знакомые ни с тем, ни с другим, встречались в Древней Греции еще реже, чем в наши дни. В школе учитель отвечает мальчикам элементарные грамматические инструкции (*γραμματιστής*), мальчик был, вероятно, первым научил его письма, их именами и формами, и очень вероятно, что какие-то внешние помогает используются для этой цели; в любом случае, эти были распространены и в более поздние периоды. Следующим процессом было объединение букв в слоги; и таким образом постепенно они перешли к чтению целых слов. Вероятно, в то же время началось обучение письму. Мастер рисовал отдельные буквы и слова, чтобы ученики могли скопировать их в пространстве, оставленном свободным под его линиями, и, вероятно, немного помогал им, направляя их руки. Место нашей грифельной доски заняла восковая табличка. Это была деревянная табличка, покрытая тонким слоем воска, на которой буквы были нацарапаны заостренным почерком, сделанным из кости, слоновой кости или металла; широкий конец использовался для разглаживания воска, когда грифельная доска заполнялась, и тогда ее можно было использовать снова. Обычно таких табличек было две, три или более, соединенных шарнирами, и они назывались *диптихами*, *триптихами* т.д. Только более продвинутым ученикам разрешалось использовать для письма такой дорогой материал, как папирус и тростник, и даже тогда, из-за дороговизны, им не выдавали новую бумагу, а писали на обратной стороне того, что уже использовалось. Случай сохранил нам в виде находки, относящейся к эпохе Птолемея, несколько очень интересных образцов греческого письма — несколько восковых табличек шести дюймов в длину и четырех в ширину, содержащих одни и те же греческие триметрические стихи, вероятно, написанные Менандром. Надпись на одной из этих табличек, которая, вероятно, была копией учителя, сделана хорошо и аккуратно; надпись на других, копиях учеников, хуже. Под одним из них рукой мастера было написано слово “трудолюбивый”. Но, по-видимому, к ученикам предъявлялись незначительные требования в отношении письма, и больше внимания уделялось четкости, чем красоте или скорости, поскольку всегда были опытные рабы, готовые выполнять работу такого рода.

Для уроков чтения в основном использовались поэты, а их произведения были записаны в рукописи, которые были либо свернуты, либо сложены пополам. (Сравните рис. 75.) Гомер использовался греками в качестве школьного учебника с древнейших периодов до падения Византийской империи, и его произведения читались и разъяснялись, так же как и другие стихотворения разного размера, в основном лирического характера. Затем учитель либо давал мальчикам копии, которые, вероятно, сделал сам, либо, если они уже умели писать, диктовал им длинные отрывки; кроме того, ученики должны были выучить многое наизусть. Многие учителя подготовили антологии различных писателей для чтения; особенно были выбраны те, которые по своему содержанию были хорошо приспособлены для чтения молодежи, такие как Гесиод, Феогнид, Фокилид и др. Таким образом, благодаря чтению и учебе мальчики приобрели знания о мифологии, и в то же время им были внушены самые важные этические принципы. Мы должны быть осторожны, чтобы не оценивать слишком низко результаты этого обучения, как бы мало мы ни думали о достижениях афинян в механическом искусстве чтения и письма. Народ, который умел ценить трагедии Эсхила, который мог понять комедии Аристофана с их полнотой мифологических, литературных и политических аллюзий, должен был обладать уровнем культуры, который во многих отношениях был намного выше среднего уровня наших дней. Конечно, ученикам было легче усвоить большой объем мифологических и литературных знаний, когда было так мало предметов для изучения, поскольку естественные науки, география, история и иностранные языки не принимались во внимание. При чтении также изучались элементы просодии, и они были более полно рассмотрены в музыкальном обучении.

Мы больше не в состоянии утверждать, каким образом преподавалась арифметика, с практическим применением которой древние, естественно, были хорошо знакомы; но вполне вероятно, что — во всяком случае, в Афинах — это обучение давалось дома, а не в школе, и усваивалось детьми в игре с помощью конкретных предметов, что позволяло им усваивать основные понятия и соотношения. Что касается метода, то подсчет на пальцах был очень распространен в Греции. Левая рука использовалась для обозначения всех единиц и десятков, а с добавлением правой руки — всех сотен и тысяч; способ, в котором палец помещался на раскрытую ладонь, и количество пальцев, которые были либо согнуты, либо вытянуты, определяли требуемое число. Более сложные вычисления производились с помощью *счетов* с маленькими камешками, древнего изобретения, давно известного египтянам, в котором расположение камней в параллельных линиях на доске определяло их стоимость в единицах, десятках, сотнях и т.д. Однако мы больше ничего не знаем об устройстве греческих счетов.

Обучение этим элементарным предметам занимало первые годы школьной жизни. На двенадцатом или тринадцатом году началось обучение музыке, которое проводил специальный мастер по имени арфист (κitharistḗs). Греки относились к музыке не с точки зрения современного любителя, а всего лишь как к приятному развлечению в течение нескольких часов отдыха, а скорее как к важному средству этического развития. Главной целью обучения было не достижение легкости исполнения на каком-либо инструменте, а скорее умение как можно лучше воспроизводить произведения поэтов, особенно лириков, и в то же время надлежащим образом аккомпанировать себе на семиструнном инструменте. Соответственно, наибольшее значение придавалось игре на лире (которую мы видим на рис. 75 в руках как учителя, так и ученика), в то время как кифара из-за более громкой деки, а также связанный с ней, если не идентичный, форминкс были зарезервированы для использования профессионалами и рассматривались как разновидность концертного инструмента, и поэтому специально изучались теми, кто желал достичь чего-то большего, чем среднее мастерство в музыке. Несомненно, в обычных школах была предоставлена возможность для изучения обоих видов струнных инструментов. Флейта, на которой, когда она использовалась для аккомпанемента, певец, естественно, не мог играть, была по этой причине менее популярна в Афинах; с другой стороны, в Фивах она была повсеместно популярна, и предполагалось, что пренебрежение к флейте в Афинах объяснялось древним антагонизмом между Аттикой и Беотией; более того, флейта, которая первоначально

принадлежала к вакхическому культу Малой Азии, с ее резким, визгливым звуком считалась возбуждающим инструментом, враждебным спокойному состоянию души, и поэтому все философы согласились считать ее неподходящей с педагогической точки зрения. Мы не должны забывать, что греческая флейта сильно отличалась от той, которой мы даем название в наши дни, которая считается несколько сентиментальным, женственным инструментом. Было, однако, время, когда игра на флейте была популярна в Афинах среди любителей; согласно Аристотелю, флейта была введена в аттических школах после времен Персидских войн и вскоре стала настолько популярной, что почти все юноши из лучших сословий научились играть на ней. Однако впоследствии, по-видимому, примерно во время Пелопоннесской войны, они осознали, насколько непригоден этот инструмент для интеллектуального и музыкального развития, и культурные люди снова отказались от него, вероятно, из-за примера, поданного Алкивиадом, который считался лидером моды. Впоследствии игре на флейте все еще учились, и на вазах мы видим флейтисток и гетер, играющих на ней, а также юношей, но это больше не было предметом обучения в обычных школах — во всяком случае, не в Афинах. Естественно, Спарта тщательно избегала инструмента, который считался абсолютно опасным по своим этическим последствиям.

В лучшие времена Афин в школе не давали никакого музыкального образования, кроме элементарных предметов, игры на струнных инструментах и пения. Мальчики посещали школу до подросткового возраста, то есть примерно до шестнадцатилетия; хотя маловероятно, что существовало определенное возрастное ограничение; те, кто хотел расширить свое образование, имели возможности для этого даже в пятом веке, посещая лекции софистов. Однако по сравнению с дешевой платой за обучение в начальных школах гонорар, выплачиваемый им их учениками, был очень высоким. Об организованном школьном обучении не могло быть и речи.

В течение четвертого и третьего веков до н.э. к ним добавились некоторые другие учебные предметы. После времен Александра Македонского рисованию обучали и мальчиков; вероятно, это было связано с влиянием Памфила, который был директором Школы живописи на Сикионе. Ученики учились рисовать стилем, или кистью, на самшитовых табличках, специально подготовленных для этой цели. Поскольку сикионская школа придавала особое значение правильному рисованию и, по-видимому, несколько отставала от других в колористике, мы можем предположить, что обучение рисованию в основном ограничивалось контурами, но у нас мало точных подробностей об этом.

В то время к преподаванию арифметики добавилось изучение элементов геометрии, но, по-видимому, ее изучали только старшие мальчики. Кажется, это началось еще в пятом веке, но Сократ считал, что это должно быть ограничено тем, что было абсолютно необходимо. Однако философы четвертого века рекомендовали геометрию как превосходное средство для развития и оттачивания интеллекта и логических способностей. Платон даже предлагает обучать мальчиков в игре не только арифметике и геометрии, но и первым принципам астрономии, а затем продолжать изучение более серьезно примерно до их восемнадцатилетия. Астрономия, однако, означала бы для них только то, что мы сейчас включаем в математическую географию. Менее образованные люди имели явное предубеждение против геометрии и других подобных абстрактных дисциплин на том основании, что они были совершенно излишни, поскольку в последующие годы от них не было никакой практической пользы ни для целей частной, ни для общественной жизни; и даже тогда преобладало мнение, которое так часто можно услышать в наши дни, что эти предметы, поскольку они не могли быть практически применены в последующей жизни, изучались только для того, чтобы быть забытыми как можно скорее.

Таким образом, обучение грамматике и музыке развивало интеллект мальчиков, в то время как гимнастические упражнения использовались для укрепления и тренировки их тела. Хотя они не занимали столь видного положения в Афинах, как в дорийских государствах, все же им уделялось значительное время и внимание, поскольку предполагалось, что истинной целью всех педагогических усилий должно быть гармоничное развитие тела и разума. Нелегко определить, в

каком возрасте начались занятия гимнастикой; то, что Платон и Аристотель говорят по этому поводу, просто отражает педагогическое мнение этих философов, но не относится к реально существующим обстоятельствам. Среди современных ученых некоторые предполагают, что обучение музыке и гимнастике начиналось с седьмого класса, и что с этого времени мальчики каждый день ходили в две разные школы. Другие предполагают, что сначала было обучение гимнастике, но что сначала упражнения были легкими, подходящими для предыдущей жизни ребенка и направленными на укрепление его тела, и что впоследствии началось обучение элементарным предметам. У нас слишком мало информации, чтобы высказать определенное мнение.

Здания, в которых мальчики проходили гимнастическую подготовку, были не гимназиями, как предполагалось ранее, а школами борьбы (*παλαίστρα*) — название, данное этим учреждениям, потому что борьба и бег считались наиболее важными упражнениями в начальной гимнастической подготовке. Несомненно, в школе борьбы практиковались и другие гимнастические упражнения. Конечно, на протяжении веков, вплоть до времен Римской империи, произошло много изменений, и поэтому вполне естественно, что о школе борьбы и гимнастическом зале преобладают самые разные мнения. Наиболее вероятная теория состоит в том, что, во всяком случае, в Афинах в их лучший период обучение гимнастике проводилось в школе борьбы, в то время как гимнастический зал использовался для дальнейшего обучения и развития молодежи. Школа борьбы была не государственным учреждением, а частным предприятием, руководимым учителем гимнастики, который получал плату за использование здания и проводимые им инструкции. Этими школами руководили директора и менеджеры (*παιδοτρίβαι*); институты обычно носили их названия, но иногда их называли в честь основателя. Как и другие учителя, они имели полное дисциплинарное право на своих учеников, но они также находились под надзором упомянутых выше инспекторов, в обязанности которых входило следить за тем, чтобы в гимнастических институтах не происходило ничего, что противоречило бы морали, а также за тем, чтобы обучение было методичным и подходило для разных возрастов. Кроме этих инспекторов, никому другому, кроме пайдагогов, сопровождавших своих подопечных, не разрешалось присутствовать на занятиях в школе борьбы; постановление Солона запрещало допуск взрослых мужчин, но в более поздние времена это правило, по-видимому, вышло из употребления.

Гимнастические тренировки преследовали двойную цель: во-первых, научить мальчиков вести себя скромно и с достоинством (примерно так же, как в наши дни учат танцам), и, во-вторых, что, конечно, было самым важным, обучить их основным гимнастическим упражнениям. Это были прыжки, которые включали в себя как прыжки в высоту, так и в длину, для которых обычно использовались гантели; скачки, метание кувалды и копья и борьба. Бокс не был включен в программу обучения мальчиков, как и *панкрациум*, комбинация борьбы и бокса, ни *пятиборье*, комбинация из пяти упражнений, специально используемых в атлетических соревнованиях, и поэтому обычно не практикуется на рестлинге, если только мальчики не должны были участвовать в каком-либо публичном соревновании, в этом случае их, конечно, можно было подготовить заранее. Позже мы более подробно рассмотрим отдельные упражнения, а потому пока должны ограничиться простым их перечислением, поскольку упражнения мальчиков отличались от упражнений юношей и мужчин только степенью, но не характером.

Таково было обучение мальчиков примерно до их шестнадцатилетия. Это, однако, ни в коем случае не было концом их образования, во всяком случае, не для мальчиков из лучших классов, которые не были обязаны следовать какой-либо определенной профессии; и гимнастические тренировки продолжались еще несколько лет. Годы между подростковым возрастом и где-то около двадцатого года обычно назывались *эфебией*; но помимо этого выражения мы находим немало других, особенно в надписях, которые доказывают, что существовало несколько подразделений для целей гимнастических упражнений и тестов, выполняемых в соответствии с возрастом; фактически, они обычно различали первый, второй и третий класс *эфебов*. Но были в ходу и другие особые названия. В древние времена единственное различие в гимнастических

испытаниях было между мальчиками и мужчинами, и поэтому эфебы были отнесены к первому классу; но впоследствии они проводили различие между мальчиками, юношами и мужчинами, хотя эти обозначения и их подразделения по возрасту, по-видимому, сильно различались в зависимости от времени и места. В любом случае, мы должны проводить различие между использованием термина *эфеб* в гимнастических классах и в Государстве. Для государственных целей он применялся только на восемнадцатом или девятнадцатом году, и тогда мальчик должен был принести присягу гражданина; его имя заносилось в книгу его владения, и он получал щит и копье воина. Клятва эфебов, составленная Солоном, сохранилась до нас. Юноша должен был поклясться “Никогда не позорить свое святое оружие, никогда не покидать своего боевого товарища, но сражаться за святые храмы и общее благо, в одиночку или с другими; покинуть свою страну не в худшем, а в лучшем состоянии, чем он ее нашел; повиноваться властям и законам и защищать их от нападений; наконец, чтить религию своей страны”. Свидетелями этой клятвы были, помимо Зевса, несколько особых аттических местных божеств военного или аграрного значения.

Когда мальчик достигал состояния эфеба, он сбрасывал гиматий и надевал хламиду в качестве своей характерной одежды. Волосы, которые мальчики носили длинными, были коротко подстрижены, и этот акт подстригания волос был своего рода религиозной церемонией, поскольку отрезанные волосы часто посвящались какому-либо божеству. Этот священный обряд, важность которого мы сможем лучше понять, если представим себе наш современный обряд Конфирмации в сочетании с достижением совершеннолетия, обычно отмечался как праздник в семейном кругу. Новые эфебы, после принесения присяги и получения оружия, были публично представлены народу в Театре. Обычно это происходило на празднике Диониса, непосредственно перед представлением трагедии. Однако не совсем ясно, относилось ли это знакомство только к сыновьям тех, кто пал в бою, чье снаряжение было подарено им государством. Это, однако, как и большинство имеющихся у нас подробностей об эфебии в Древней Греции, относится особенно к Афинам; в Спарте и других местах существовали более или менее отличающиеся обычаи, о которых мы знаем мало или вообще ничего. Более того, в Афинах, а также в остальной Греции и Малой Азии употребление эфебов претерпело множество изменений в течение эллинистического периода и Римской империи. Многочисленные надписи дают нам гораздо больше точных подробностей об этом более позднем периоде, чем о лучшем времени; но мы воздерживаемся от их обсуждения, поскольку этот институт, который первоначально имел по существу воинственный характер, постепенно стал просто вопросом формы и был ограничен сыновьями богатых горожан, которые просто играли с обычаями, не придавая значения их этическому или политическому значению. Большая часть информации, которую содержат надписи об офицерах и учителях эфебов, также относится к более позднему периоду; огромное количество советов управления, касающихся эфебов, которые становились все более и более сложными, были либо созданы заново, либо преобразованы из старых, но их важность и полномочия были совершенно иными. Более того, наша цель - ограничить наше внимание классическим и эллинистическим периодом.

Мы упоминали выше, что местом, где эфебы получали свои гимнастические навыки или практиковались самостоятельно, был гимнастический зал. Гимназии, которых в каждом городе было по одной или несколько, были, подобно школам борьбы, не частными предприятиями учителей гимнастики, а государственными учреждениями. В Афинах двумя старейшими учреждениями такого рода были *Академия* и *Киносарги* у подножия *Ликабетта*, а во времена Перикла к *Лицею* был добавлен третий; гимназия Птолемея была построена только в эллинистический период. Первоначально простая структура и обустройство этих заведений с течением веков стали более сложными и обширными; и, хотя первые гимназии, вероятно, были не более чем простыми залами, поддерживаемыми колоннами, с пристроенным ипподромом, со временем были пристроены другие помещения, а также бани, поскольку гимнастические упражнения сразу после них делали купание абсолютно необходимым. Во времена Платона упоминается несколько различных помещений, принадлежащих к гимназиям, которые

показывают, что даже в то время они, должно быть, были очень обширными. Из рассказов греческих авторов мы не можем ясно сказать, как были устроены и соединены эти комнаты, а описание гимнасия, данное Витрувиусом, является неудовлетворительным, потому что во многих моментах он не совсем ясен в своих выражениях. Более того, в нем дается не общая схема, а лишь частное описание, и это может относиться не к его собственному периоду, как обычно предполагалось, поскольку римские гимназии были гораздо более сложной планировки, чем та, что описана Витрувиусом, а скорее к более раннему периоду, хотя и не самому лучшему.

Мы имеем возможность дополнить и исправить утверждения Витрувия, найденные на развалинах различных гимнасий в Малой Азии и Греции, особенно в Пергаме и Олимпии. Описание Витрувия связывает гимнасий и школу борьбы, но мы должны отличать это место для борьбы, которое было необходимой частью всего плана гимназии, от упомянутого выше, которое использовалось только как гимнастическая школа для мальчиков. На плане, приведенном Витрувиусом, центр представляет собой квадратный корт с крытыми аркадами; к нему примыкают помещения для эфэбов, комнаты для упражнений с *кориком* (бокс с манекеном), для умишания, посыпания пылью или песком перед борьбой, бани для горячих и холодных ванн и т.д.; далее, в связи с этими основными зданиями имеются крытые ипподромы с ровными полами, сады и места для упражнений, отдыха, экседры и т.д. Устройство гимназии в Олимпии, которая, вероятно, датируется концом четвертого или началом третьего века до н.э., по-видимому, было проще. Мы можем различить два отдельных здания — меньшее, собственно палестра, которое было почти полностью раскрыто; и большее, большой гимнастический зал, раскопано лишь немного. Оба расположены близко друг к другу, к западу от священной рощи Альтис, недалеко от берегов Кладеоса; на самом деле было очень распространено размещать гимнастические залы рядом с проточной водой, чтобы иметь под рукой воду, столь необходимую для принятия ванн. Однако мы не находим никаких следов тех сложных приспособлений для купания, описанных Витрувием, и, вероятно, они не стали обычным явлением до римского периода. В школе борьбы Олимпии мы можем проследить только одну большую баню, но все же возможно, что в более крупном спортивном зале были более обширные приспособления. Сама школа борьбы представляет собой квадрат, стороны которого имеют длину около шестидесяти четырех ярдов каждая, окруженный дорическими аркадами; с южной стороны находится длинный зал в ионическом стиле; с трех других сторон также расположены залы и комнатки, назначение которых мы не можем определить, соединенные с внутренним двором дверями или портиками; на северной стене находится дверь, соединяющая его с южным залом большого спортивного зала. Это последнее было отделено от места борьбы, хотя, как правило, это неотъемлемая часть или даже центр всего сооружения; оно имеет продолговатую форму и с двух или трех сторон окружено аркадами. Восточный зал простирается на 210 с половиной ярдов. Без сомнения, здесь проводились упражнения в прыжках, беге, метании кюйта и копья. Лучшее всего сохранились руины Эфеса и Александрии Троадской, но даже здесь мы вынуждены быть очень произвольными в наших попытках реконструкции.

В любом случае несомненно, что гимназии классического периода предоставляли достаточные возможности для различных видов гимнастических упражнений, а также для борьбы и различных состязаний, а также предоставляли места для отдыха и комфортного расслабления от физических нагрузок. Надзор за молодежью, которая здесь практиковалась, и поддержание порядка были обязанностью *гимназиархов*. У них было право на дисциплину, которое они могли применить к любому посетителю гимназии, и в знак этого они носили жезл; так, на вазах среди гимнастов мы часто видим мужчин с длинными палками, вероятно, изображавших гимназиархов. В более древний период в Афинах был только один гимназиарх, но впоследствии это звание разделили несколько человек. Мы не можем решить, в какой степени они также осуществляли право контроля над школами борьбы. Помимо гимназиарха или, возможно, ниже него, существовала коллегия должностных лиц, в обязанности которых входило следить за сохранностью зданий и инвентаря, используемого в гимназиях, в то время как общее руководство гимнастическими

упражнениями, а следовательно, и самим гимназиями, осуществлялось упомянутыми выше суперинтендантами (стр. 113), и, как правило, на эти должности избирались мужчины несколько преклонных лет.

Были и другие чиновники, которых интересовало не столько внешнее устройство гимназии, сколько проводимые там инструкции. Президент гимназии и глава учителей (κοσμητής) не упоминается до позднего эллинского и римского периодов; под его началом были настоящие учителя, а также те, кто обучал эфебов грамматике, риторике и философии; но в классический период никаких инструкций такого рода не давалось. Однако в то время мы находим тренера (γυμναστής), выступающего в качестве учителя гимнастики для юношей постарше, целью которых было подготовиться к спортивным соревнованиям и которые намеревались войти в списки профессиональных спортсменов. Поскольку мальчиков иногда готовили к таким соревнованиям, без сомнения, тренер иногда заменял обычного учителя; и опять же, с другой стороны, компетентный мастер гимнастики иногда брался за подготовку спортсменов. В целом, однако, в более ранний период сохранялось это различие, когда учитель мальчиков занимался главным образом общей тренировкой тела, подходящей для каждого, и борьбой на рациональной и гигиеничной основе, в то время как тренер был профессиональным преподавателем и больше занимался специальными предметами, чем общим гармоничным развитием тела. Ниже этих учителей стоял каучук (ἀλείπτης), задача которого первоначально была чисто механической, но постепенно, когда помазание и растирание стали рассматривать с гигиенической точки зрения и, возможно, были связаны с разновидностью *массажа*, его положение улучшилось, и через некоторое время он занял гораздо более важное положение, чем принадлежало ему по праву.

Несмотря на многочисленные упоминания об обучении эфебов, которые дошли до нас, многое все еще остается сомнительным или необъяснимым; как, например, то, в какой степени тренеры также обучали тех эфебов, которые не готовились к соревнованиям, и оплачивались ли их услуги государством или каждым учеником в отдельности. Во всяком случае, впоследствии эфебы, как правило, платили учителю только за музыкальное обучение, в то время как учителю гимнастики, по-видимому, платило государство.

Что касается предметов обучения гимнастике, то они частично совпадали с теми, которым мальчиков уже обучали в гимнастической школе, но постепенно становились более сложными, в то время как к ним добавлялись другие, которые обычно исключались из школы борьбы, а именно бокс, панкратиум и пятиборье. Помимо этого, существовало фехтование с тяжелым оружием (ὀπλομαχία); фехтование не было должным образом связано с упражнениями гимнастических тестов, но оно составляло важную часть военного образования эфебов и было тем более важным для них, потому что, когда они достигли совершеннолетия как граждане, им пришлось провести несколько лет в своего рода гарнизонной и пограничной службе (περίτολοι). Это была подготовка к военной службе, которую эфебы, как и все другие граждане, способные носить оружие, должны были проходить с двадцатого года жизни и выше, и обычно они служили государству в течение двух лет до этого вышеупомянутым образом. На методическое обучение фехтованию первоначально смотрели свысока, но все же оно было включено в учебную программу эфебов, и в надписях мастер фехтования (ὀπλόμαχος) занимает постоянное место рядом с другими мастерами. Платон также рекомендует фехтование как укрепляющее для тела и полезное в случае войны, но он предостерегает людей избегать всякой показухи и профессионализма.

Со временем были добавлены другие упражнения с оружием. Метание копья было частью регулярных гимнастических тренировок, которыми занимались даже мальчики; и во многих надписях последних трех столетий до н.э. упоминаются специальные учителя (ἀκοντίσται). Также обучались стрельбе из лука и стрел, и в этих надписях упоминается учитель для этого, а также тот, кто давал инструкции по метанию и использованию машин для метания. Вероятно, эти чисто военные упражнения не входили в обычную программу гимнастики. То же самое можно сказать и о верховой езде. Каждый юноша должен был учиться верховой езде, поскольку ему приходилось нести пограничную службу верхом; и на больших празднествах, особенно Панафинейских, конные войска эфебов составляли одну из самых заметных частей процессии, и, действительно, они занимают большую часть рельефа на фризе Парфенона.

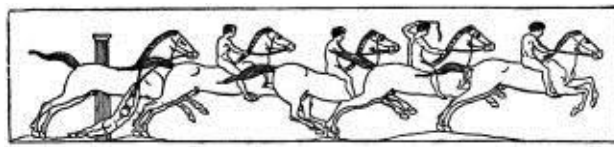

Рис. 76.

Рис. 76, взятый из вазописи, изображает эфебов, скачущих верхом; слева стоит колонна, без сомнения, обозначающая границу трассы. На самом деле, изображения эфебов на вазах верхом на лошадях очень распространены. Тем не менее, мы не можем предположить, что регулярное методическое обучение верховой езде проводилось в более древний период, во всяком случае, не как часть обучения молодежи, хотя даже во времена Платона были мастера верховой езды, которые, по-видимому, понимали, как обращаться с трудными лошадьми. В более поздний период президент, по-видимому, занялся обучением верховой езде, но мы не знаем никаких подробностей об этом. Греки не пользовались ни подковами, ни стременами, поэтому, если под рукой не оказывалось какого-нибудь камня для взбирания, им приходилось вскакивать на своих лошадей, и обычно они делали это с помощью своих копий; седла также были неизвестны, но обычно использовались попоны, и хотя на фризе Парфенона и вазописях мы видим эфебов верхом без них, мы должны рассматривать это как художественную вольность, как и отсутствие хитона на тех же

картинах. Скакать таким образом в процессии, одетый только в хламиду, без какой-либо нижней одежды, на лошади без седла, показалось бы весьма сомнительным удовольствием даже самым закаленным афинским юношам.

Что касается других упражнений, непосредственно не входящих в гимнастику, мы можем заявить, что плаванием занимались с самой ранней юности и считали его обязательным для всех, так что о совершенно необразованном человеке говорили, что он не умеет ни плавать, ни произносить азбуку. Самыми знаменитыми пловцами были жители острова Делос, но отличились и афиняне. Специальных мастеров плавания не было; дети учились плавать самостоятельно или получали инструкции от своих отцов.

Надписи также сообщают нам, что аттические эфебы каждый год совершали морские экспедиции из Пейрея в гавань Мунихии, а в более поздние времена также в Саламин, и они, по-видимому, носили характер регаты. С ними даже в эллинистический период были связаны военно-морские состязания, так что в то время эфебы, должно быть, имели некоторое представление об элементах мореплавания, если только эти морские бои не носили характер военно-морских игр и проводились скорее для развлечения, чем для серьезных военных целей; и это тем более вероятно, что в тот период, когда Афины давно утратили свое политическое значение, фактические приготовления к морской войне не имели особой цели для молодых афинян.

Наконец, даже в более ранние века в соседней стране проводились маршевые упражнения. Частично они были связаны с военным положением эфебов как защитников границы, а частично были направлены на расширение их знаний о местности, а также на то, чтобы попрактиковаться в маршировании и верховой езде. Поскольку иногда им приходилось выступать в тяжелых доспехах и, как правило, располагаться бивуаками в наспехразбитых палатках, иногда даже под открытым небом, эти марши предоставляли прекрасную возможность привыкнуть к тяготам военной жизни. Из всего этого ясно, что обучение эфебов носило наполовину гимнастический, наполовину военный характер и, таким образом, было направлено главным образом на физическое развитие; но, с другой стороны, молодым людям предоставлялось много возможностей для дальнейшего интеллектуального развития. Мы, конечно, не можем определить, воспользовалось ли этим большинство из них, поскольку, несомненно, это было факультативно и не было непосредственно связано с их необходимой подготовкой. Однако во втором веке до н.э. возобладал обычай позволять президентам различных гимназий Афин следить за тем, чтобы их регулярно посещали.

Что касается предметов этого более продвинутого обучения, то, безусловно, была предоставлена возможность для дальнейшего изучения арифметики, геометрии и астрономии, а также музыки и рисования. После четвертого века различные философские школы, возникшие в то время, начали занимать очень важное место в интеллектуальном развитии этой молодежи. Еще в пятом веке софисты обучали молодых и пожилых людей за плату; но после времен Платона высшее обучение было организовано регулярно, а также предоставлялось бесплатно, и с этого времени оно было тесно связано с обучением эфебов, поскольку гимназии, предназначенные для обучения гимнастике, использовались также для обучения философии. Платон и его школа преподавали, как хорошо известно, в Академии; Аристотель и перипатетики в Лицее; и Антисфен и школа киников в Киносаргах; стоики также первоначально преподавали в Лицее, но впоследствии в *Стоа Пойкиле* (“расписной портик”) возле старой *Агоры*; в Афинах только эпикурейская школа не была связана ни с одним существующим гимназическим залом. Эта связь, однако, между этими школами и гимназиями была чисто внешней и на самом деле означала, что земля и сады, принадлежащие им, находились во владении этих специальных гимназий. Однако тот факт, что школы на какое-то время заняли определенное место под руководством директора, во многом способствовал установлению их стабильности. Мы не должны рассматривать эти философские школы как высшие в современном смысле этого слова; хотя у каждой школы был глава, который держал управление в своих руках, а после своей смерти назначал преемника, все же не было и речи об организованной схеме обучения или о преподавании, регулярно

занимающем определенные часы дня, или, более того, о каких-либо условиях, которые можно было бы сравнить с нашими современными университетами, по крайней мере, до периода Римской империи. В четвертом веке и в эллинистический период наставление заключалось просто в беседе, произносимой главой, или диспуте со своими учеными, посредством которого рассматривались различные разделы философии и этики. Практическое обучение риторике также давалось, иногда философами, но чаще знаменитыми риторам, такими как Исократ, и это обучение длилось несколько лет. Очень часто молодые люди готовили себя таким образом к своей будущей карьере государственных деятелей или юристов; и в эллинистический период изучение филологической грамматики начало приобретать все большее значение, особенно в школах Александрии, Пергама и Антиохии, куда знаменитые учителя привлекали множество учеников. Эти исследования никоим образом не были связаны с регулярными тренировками эфебов.

Вообще говоря, мы можем сказать, что главной целью воспитания молодежи в лучший период греческой античности было воспитание гражданина, способного телом и умом, который был бы способен служить своей стране как на войне, так и в мирное время, как в общественном, так и в частном качестве, в то время как любое специальное развитие какой-либо отрасли обучения, за исключением, конечно, гимнастических элементов, было исключено. Это тем более понятно, что греческая античность не была знакома с высшими профессиями в нашем смысле этого слова.

Гораздо меньше можно сказать об образовании девочек, поскольку никаких регулярных инструкций не проводилось. Сферой, которой были ограничены женщины во всех греческих государствах, было домашнее хозяйство, и их положение, особенно в ионических государствах, было настолько явно подчиненным, что не считалось желательным давать им еще и регулярное обучение. Вследствие этого не существовало школ для девочек; девочки, принадлежащие к лучшим классам, немного обучались чтению и письму у своих матерей или нянек — женщин из низших классов не учили даже этому — и, с добавлением некоторых поверхностных знаний о религии и мифологии, которые можно было почерпнуть из рассказов или чтения поэтов, это составляло все интеллектуальное развитие, выпавшее на долю девочек. Иногда также давались небольшие музыкальные инструкции, и даже в Ионных состояниях были некоторые исключения, поскольку мы слышим о женщинах с более высоким интеллектуальным развитием. Как правило, это были только гетеры, более свободное общение которых с мужчинами позволяло им получать от них более обширную литературную культуру; и как следствие, мы обнаруживаем, что даже мужчины с высокими интеллектуальными способностями предпочитали общаться с этими людьми, и что в Афинах, во всяком случае, мужчины, которые желали стимулов от общения с интеллектуальными женщинами, были вынуждены искать их у этого класса. Вина, конечно, была их собственной, поскольку полу-восточная система изоляции женщин от внешнего мира и низведения их до положения простых управляющих домашним хозяйством неизбежно снижала среднюю культуру женщин. И все же иногда случалось, что мужчина, женившийся на молодой девушке с открытыми взглядами, ухитрялся возвысить ее интеллектуально до самого себя и развить ее способности, как показал Ксенофонт в своем *"Об экономике"*.

С другой стороны, греческие женщины, по-видимому, были искушены в женских искусствах, таких как прядение и ткачество, шитье и вышивки, которым они, несомненно, научились у своих матерей и нянек. Не проводилось регулярного обучения ни им, ни приготовлению пищи — искусству, с которым гречанки, несомненно, были хорошо знакомы. Эта система образования девочек, однако, не встретила всеобщего одобрения, поскольку мы находим, что Платон в своих *"Законах"* предписывает регулярное школьное обучение девочек предметам, необходимым для женщин, а также музыкальную и даже гимнастическую подготовку. Однако эти принципы так и не были практически реализованы в Афинах, хотя в других местах условия, возможно, были иными, поскольку в надписи из Теоса, датированной несколько более поздним временем, прямо упоминается об общем обучении мальчиков и девочек.

Естественным следствием совершенно иного положения, занимаемого женщинами в Афинах и Спарте, было то, что последние имели образование, совершенно отличное от афинских женщин. Хотя юные спартанские девушки, в отличие от мальчиков, не собирались вместе в клубы, а оставались со своими семьями, тем не менее государство заботилось и о них и специально предписывало им гимнастические тренировки, которые по сути были такими же, как у мальчиков, хотя и с соответствующими изменениями, с целью развития и укрепления их тел.

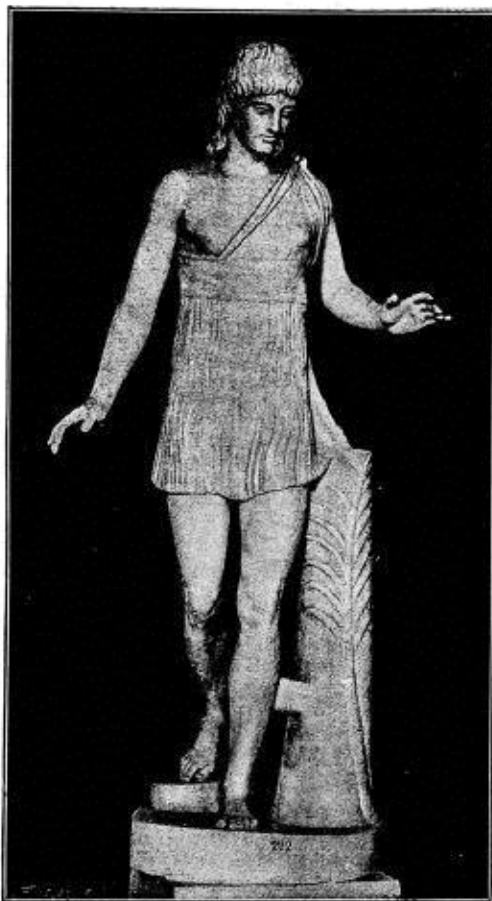

Рис. 77.

Конечно, у них были свои специальные школы для этой цели, отличные от школ для мальчиков, где их обучали бегу, прыжкам, борьбе, метанию копья и квойту, а также нескольким упражнениям в беге и прыжках, которые частично носили военный характер, частично были связаны с танцами. Для этой цели они носили специальное платье; на рис. 77 изображена гонщица из Элиса. Статуя, находящаяся в Ватикане, выполнена в античном стиле и представляет собой крепкую девушку, одетую в короткий хитон с поясом, спускающимся лишь немного ниже бедер и оставляющим открытой правую грудь. Это специальное платье, используемое для гимнастических упражнений, не следует, однако, путать с тем, в котором обычно появлялись спартанские дамы, хотя и оно, как уже говорилось (стр. 39), отличалось от обычной одежды греческих девушек. Однако, несмотря на эту одежду и тот факт, что юноши и девушки, которые в ионических государствах едва ли когда-либо встречались друг с другом, кроме как на религиозных празднествах, часто контактировали в Спарте, особенно на публичных состязаниях, играх, хоровых выступлениях и т.д., спартанские женщины пользовались незапятнанной репутацией. Система физических упражнений создавала здоровых женщин, крепко сложенных, с цветущим цветом лица; и она также прививала и развивала в них мужественный и решительный дух, которым отличались лаконианские женщины

и матери. Тем не менее, даже в Спарте не было и речи об интеллектуальном воспитании девочек; и, действительно, как мы уже видели, даже в случае мальчиков это считалось гораздо менее важным, чем физическое воспитание.

ГЛАВА IV.

БРАК И ЖЕНЩИНЫ.

Любовь у греков—Помолвки—Брачные обряды и церемонии—Лаконский обычай—Брак в Дорических государствах—Образ жизни афинских женщин—Их личные привычки—*Гетеры*.

ТНЕ Отрочество молодого афинянина было занято школой и играми; его юность прошла в гимнастических упражнениях, а иногда также в научных исследованиях и военных подвигах. Достигнув совершеннолетия как гражданин, он получил право исполнять свои политические и гражданские обязанности, принимая участие в народных собраниях и других общественных мероприятиях; но, по-видимому, молодые люди не особо пользовались этими привилегиями, когда впервые достигли своего политического совершеннолетия. Помимо этих занятий, было много других, отвлекавших их от серьезных обязанностей: приятное общение с компаньонками, попойки, а также прелести хороших гетер, которых легко было расположить к себе любого, у кого был сносно набитый кошелек. И это была вся компенсация, которую они имели за исключение из общества дочерей граждан; ибо, за исключением гетер и флейтисток и кифаристок, выступавших на пирах, женщины в Афинах не играли никакой роли в общественных отношениях. Было лишь несколько случаев, когда девушки покидали тесные женские покои для какой-либо огласки, и этот обычай, который напоминал восточный и, вероятно, был введен ионическими греками из Малой Азии, в то время как дорическая практика сильно отличалась, вызывал одну из самых больших потребностей в аттической жизни. Это убедительно демонстрируется нам в комедиях четвертого века, так называемой “Новой аттической комедии”, в основе которой обычно лежала история любви, которую наши современные представления сочли бы чисто чувственной или даже безнравственной; в то время как любовь в лучшем смысле этого слова никогда не изображалась. Исходя из этого, мы не должны предполагать, что греки были совершенно незнакомы с тем видом привязанности, который основан на реальных склонностях, сходстве ума и признании интеллектуальных добродетелей; фактически, контраст, часто подчеркиваемый поэтами и художниками между *Афродитой Уранией*, как типом небесной интеллектуальной любви, и *Афродитой Пандемос*, как типом чувственной любви, должен убеждать нас в обратном; в то время как греческая литература также приводит много примеров чистой любви в самом прямом смысле этого слова, хотя и с сильной примесью греческого чувственности была естественной даже здесь, для страстной южной расы.

Однако было довольно необычно, чтобы такая привязанность зародилась до брака, поскольку возможностей для этого не хватало. Но часто, несмотря на общепринятый способ заключения брака, эта привязанность развивалась после женитьбы, и мы не должны впадать в ошибку, судя о супружеской жизни в Греции, или особенно в Афинах, только по сильно преувеличенным описаниям Аристофана или саркастическим тирадам женоненавистников, таких как Еврипид. Подавляющее большинство женщин не были такими поверхностными или вздорными, какими их изображали эти поэты, а молодые люди, как правило, не были такими порочными или враждебно настроенными к браку, какими их изображают в большинстве Новоаттических комедий.

Конечно, достаточно верно, что брак был обычно предметом договора между отцами или опекунами молодой пары, а не следствием привязанности между юношей и девушкой; и именно это мы видим в комедиях Плавта и Теренция, которые копировали греческие оригиналы. Очень часто отцы соглашались на брак между своими детьми; иногда договоренности принимала женщина (*προμνηστρία*), знакомая с обстоятельствами семей граждан, которая занималась своего рода бизнесом по организации браков. Важным моментом было равенство состояния; конечно, обе стороны должны были быть полноправными гражданами, но степень родства, по-видимому, не была каким-либо препятствием. Согласия девушки вообще не спрашивали; само собой разумеется, что она должна была принять мужа, выбранного ее родителями, и, поскольку у нее не было других

знакомых мужчин, возражения могли быть выдвинуты очень редко. Как правило, она знакомилась с мужем, предназначенным ей судьбой, только случайно встречаясь с ним на прогулках или на праздниках. Предназначенный жених, скорее всего, стал бы возражать, если бы назначенная невеста ему не понравилась; однако и здесь, как правило, отец мог настоять на своем, поскольку его сын был полностью в его власти, если только не случалось так, что он сам зарабатывал себе на жизнь какой-либо профессией, что редко случалось среди высших слоев общества. Затем отцы или опекуны заключали договор о помолвке, в котором определялось приданое невесты и делались специальные договоренности об обмене имуществом, возврате приданого в случае развода и т.д. Гомеровский обычай, по которому жених приносил подарки, чтобы завоевать невесту, в то время как отец отдавал свою дочь тому, кто обещал самые богатые свадебные подарки, рано вышел из употребления, и, вероятно, даже в героический период это было принято только среди знатных семей. Висторический период приданое рассматривалось как необходимая основа для вступления в брак: настолько, что дочери или сестры бедных граждан часто получали средства за счет щедрых друзей, а бедные девочки-сироты - от своих опекунов; иногда государство даже давало приданое дочерям граждан, которые хорошо зарекомендовали себя в своей стране. Сама помолвка была, как правило, юридическим актом, который следовал за частным соглашением между отцами и считался важным предварительным этапом к законному браку; однако не было общего обычая отмечать этот акт светским банкетом. Как это обычно бывает в южных странах, девушки выходили замуж очень молодыми, иногда даже в возрасте пятнадцати лет или раньше; но период между их шестнадцатью и двадцатью годами, вероятно, был обычным для вступления в брак. По-видимому, четких возрастных ограничений для мужчин не существовало, но, вероятно, в возрасте от двадцати до тридцати лет большинство из них вступали в брак. Мы не знаем, сколько времени обычно проходило между помолвкой и бракосочетанием; вероятно, определенного обычая не существовало, но мы знаем, что очень часто свадьба следовала сразу за помолвкой. Мы также не можем сказать, были ли у невесты и жениха какие-либо возможности встретиться друг с другом в случае длительной помолвки. Сама свадьба обычно проходила зимой, и любимым временем был месяц *Гамелион* (конец января - начало февраля), который отсюда и получил свое название. Обычно выбирались определенные дни, считавшиеся благоприятными, и убывающей луны специально избегали. Любопытно, когда мы сравниваем наши собственные обычаи с римскими, отметить, что, хотя свадьба приобретала религиозный характер благодаря жертвоприношениям и другим торжественным церемониям, сама по себе она не рассматривалась как религиозный или юридический акт. Законность брака зависела от помолвки, и религиозное освящение совершал не жрец (который, как правило, не принимал участия в свадебной церемонии), а боги брака, к которым призывались молитвой и жертвоприношением, особенно Зевс и Гера, Аполлон, Артемида и Пейто, богиня убеждения. Теперь мы должны попытаться составить представление об афинской свадебной церемонии, описанной греческими писателями.

Среди церемоний религиозного характера, предшествовавших свадьбе, важную роль играла баня. И жених, и невеста принимали омовение либо утром в день свадьбы, либо накануне, для чего воду приносили из реки или из какого-нибудь источника, считавшегося особо священным, как, например, в Афинах источник Каллироя (или Эннеакрунос), в Фивах Исмен; и за этой водой должен был ходить мальчик, приходившийся кому-то близким родственником; иногда, однако, мы слышим о девушках, которых посылали за ней. Невеста также предлагала возлияния и подарки — например, свои игрушки, пряди волос и тому подобное — одной из богинь брака. Более важным было жертвоприношение, которое обычно совершалось в день свадьбы, но мы знаем мало подробностей о способе его совершения. Он предлагался упомянутым выше божествам бракосочетания, всем вместе или по отдельности; в церемонии принимали участие семьи как жениха, так и невесты. Мы не знаем никаких особых указаний относительно животных, подлежащих принесению в жертву; по-видимому, существовал обычай удалять желчь жертвы, а не сжигать ее вместе с остальными внутренними частями, и предполагалось, что это символически указывает на то, что в браке не должно быть никакой горечи.

За большинством жертвоприношений, связанных с забоем животных, следовал праздничный пир, на котором мясо жертв составляло главное блюдо, и, таким образом, за свадебным жертвоприношением также следовал пир, который обычно проводился в доме отца невесты. Поскольку, согласно обычаю, это должно было произойти во второй половине дня, мы можем предположить, что другие свадебные церемонии были совершены утром. Свадебный банкет был одним из немногих случаев, когда мужчины и женщины обедали вместе; обычно это происходило только в самом интимном семейном кругу, но не в присутствии гостей. Роскошь этих свадебных банкетов, похоже, возросла настолько, что государство, наконец, было вынуждено законодательно ограничить количество гостей. Платон не разрешил бы мужу и жене приглашать более пяти друзей и пяти родственников каждому — то есть всего двадцать человек — по любому поводу, будь то свадьба или что-то другое; а статут четвертого века до н. э. устанавливает тридцать максимальных пределов для свадеб и предписывает должностным лицам, отвечавшим за женщин (*γυναικόνομοι*), следить за тем, чтобы это правило не нарушалось; и они, похоже, выполняли свои обязанности настолько строго, что в таких случаях часто входили в дом, пересчитывали гостей и изгоняли всех, кто превышал допустимое количество. число. На пиру, как и на предшествовавшем ему жертвоприношении, невеста предстала во всех своих свадебных украшениях. Какая-нибудь родственница или подруга, взявшая на себя роль современной подружки невесты (*νυμφευτρία*), обязалась накрасить невесту и помазать ее дорогими эссенциями, а также одеть ее в одежду из какого-нибудь тонкого, вероятно цветного материала, при этом важными считались специальные туфли, ленты и цветы в волосах, а также вуаль, которая была особым знаком невесты и покрывала голову, низко опускаясь и частично закрывая лицо. Жених тоже появился в праздничном белом платье, которое отличалось от его обычной одежды главным образом тонкостью материала; на нем тоже был венок, как и на всех других гостях на банкете; но жених и невеста носили особые цветы, считавшиеся удачным предзнаменованием. Мы не слышим о каких-либо специальных блюдах, подаваемых на свадьбы, но торты, которым греки придавали символическую связь с праздничными мероприятиями, играли важную роль, и, в частности, кунжутные торты нашли место на свадебном банкете. Особый обычай, характерный для Афин, заключался в том, что мальчик, оба родителя которого должны были быть живы, ходил вокруг, увитый боярышником или желудями, с корзинкой пирожных, распевая: “Я бежал от несчастья, я нашел лучшую долю”.

Когда пир, согласно обычаю, завершился возлиянием и молитвами и наступила ночь, невесту проводили домой, в дом жениха. Только среди очень бедных людей невеста участвовала в этой процессии пешком; если это было вообще возможно, она занимала свое место между женихом и помощником жениха (*παράνυμφος* или напоксосом), который был близким родственником или другом жениха, в повозке, запряженной волами или лошадьми. Все остальные лица, принимавшие участие в процессии, то есть все, кто был на банкете, и, вероятно, многие другие тоже, шли пешком за каретой под звуки арфы и флейты, в то время как один шел впереди в качестве лидера. Мать невесты занимала почетное место в процессии, неся в руке свадебные факелы, зажженные у семейного очага, и таким образом невеста уносила священный огонь своего дома в свое новое жилище. По этой причине древние изображали бога брака, Гименея, с факелом в качестве символа. Если другие участники процессии также несли факелы, это было только в соответствии с обычаем использовать их при выходе вечером; только факелы матери невесты имели какое-либо символическое значение. Тем временем свита невесты спела свадебную песню, а процессия двинулась по улицам к дому жениха. Эта песня называется *Гименей*, и в конце “Птиц” Аристофана есть следующее: —

“Юпитер, этот возвышенный бог,

Когда Судьбы в прежние времена

Сравнила его с Царицей Небесной

На торжественном банкете, устроенном

Такой пир был устроен наверху,

И очаровательный бог Любви,

Находясь в командовании,

Как жених занял свою позицию

С золотыми поводьями в руках.

Гименей, Гименей, хо!"^[B]

Мать жениха, также с факелами в руках, ожидала процессию у дверей жениха, которые были празднично украшены венками. Новобрачных осыпали всевозможными сладостями, отчасти в шутку, отчасти в знак обильного благословения, ниспосланного на них; не была забыта и серьезная работа, которая теперь ожидала молодую жену в ее новом положении: пестик для растирания кукурузных зерен был повешен рядом с комнатой новобрачных, чтобы напомнить ей о ее обязанностях главы семьи, и по древнему афинскому обычаю невеста сама несла в процессии какой-нибудь домашний инвентарь, например, сито или сосуд для запекания. Другой символический обычай, который, как предполагается, также восходит к таинству Солона, заключался в том, что невеста по прибытии в свой новый дом съедала айву, которая, как и гранат, считалась символом плодородия.

Затем мать жениха проводила новобрачных в *таламус*, или комнату для новобрачных, где было приготовлено богато убранное, усыпанное цветами брачное ложе. Когда все гости разошлись, жених запер дверь, и пока невеста в первый раз открывалась ему, юноши и девушки снаружи спели другую песню — либо несколько стихов Гименея, либо Эпиталамию, сопровождаемую восхвалениями супружеской пары, а также, несомненно, какими-нибудь шутливыми личными намеками. Эпиталамия Елены у Феокрита начинается так:

“Ты так скоро засыпаешь, милый жених?

Ты слишком любишь поспать?

Или у тебя отяжелевшие от свинца конечности?

Или ты слишком много выпил

Когда ты бросил себя в свое логово?

Раньше тебе следовало поторопиться,

Если бы сон был всей твоей целью,

В свою холостяцкую постель,

И оставил ее на руках у матери

Прижаться и поиграть,

Девочка среди своих подружек,

До глубокой ночи:—

За то, что я не был один этой ночью,

И не только на следующий день,

Но через дни и годы

Она принадлежит тебе”.

И заканчивается это так:—

“Продолжай спать, люби и тоскуй”

Дышите грудью друг друга;

Но не подведи, когда вернется утро,

Чтобы пробудить вас от сна:

С рассветом мы поднимемся,

Когда, высоко подняв свой прекрасный

И оперенная шея, самая ранняя птица

Раздается сигнал к рассвету.

О Бог невест и бридалов,

Пойте ”Счастливая, счастливая пара!””[\[C\]](#)

Очень часто молодые люди, прежде чем отправиться домой, развлекались тем, что стучали в дверь комнаты новобрачных, хотя там дежурил друг жениха, якобы для того, чтобы помешать

девушкам войти к своему женатому товарищу. Последние строки процитированного выше *epithalamium* показывают, что хор иногда возвращался рано утром следующего дня, чтобы поприветствовать пару при их пробуждении.

На следующее утро после свадьбы молодоженов навестили и поздравили их родственники и друзья. Муж дарил своей молодой жене подарки, то же делали и гости, но эта церемония иногда происходила только на второй день после свадьбы; ибо существовал любопытный обычай (правда, только в Афинах), согласно которому муж на следующий день после свадьбы переезжал в дом своего тестя и проводил там ночь отдельно от своей жены; затем она присылала ему новую одежду, после чего он возвращался к ней. Вместе со свадебными подарками часто преподносили приданое, а также различные предметы, принадлежащие к приданому, такие как баночки, мази, сандалии, туалетные принадлежности и т.д. Затем свадебные торжества завершились банкетом, устроенным либо отцом жениха в его доме, либо самим женихом; но, похоже, на этом мероприятии не присутствовало ни одной женщины. Тем не менее, этот банкет имел определенное значение для молодой жены; в Афинах это было связано с ее официальным вступлением в клан, к которому невеста теперь принадлежала по браку. Каждое племя (*φυλή*) в Афинах было разделено на три клана (*φράτρυα*), каждый из которых делился на тридцать домохозяйств (*γένη*); члены кланов проверяли чистоту происхождения граждан, и каждый новорожденный ребенок должен был быть внесен в их реестр. Эта церемония придавала браку своего рода официальную или, по крайней мере, публичную легитимацию.

Рис. 78.

Среди сохранившихся до нас памятников есть несколько, в которых говорится о браке; но, как правило, они придерживаются мифологической формы и не представляют реальной сцены из повседневной жизни. Так, например, мы часто видим молодоженов, едущих в машине, но те, кто их сопровождает, являются богами Брака собственной персоной, особенно Аполлон и Артемида, и когда изображается вручение свадебных подарков молодоженам, мы обычно видим изображенную знаменитую пару, Пелея и Фетиду, в то время как те, кто предлагает им подарки, являются богами, такими как Гефест и Хора и т.д. Вазопись, которая здесь приведена на рис. [78](#), также носит мифологический характер, хотя она, без сомнения, очень близко соответствует формам реальности. Он символизирует прибытие невесты в дом жениха. Последний стоит, опираясь на копье (которое, однако, должно быть героическим атрибутом, а не обычным при заключении браков в исторический период) перед дверью своего дома. Слева идет невеста, которую можно узнать по вуали, покрывающей ее голову. Она приближается неуверенным шагом, и сопровождающая ее подружка невесты мягко подталкивает ее вперед обеими руками, в то время как шафер, который идет перед ней, держит ее за левую руку. Аполлон со своим лавровым посохом и Артемида с колчаном и луком сочувственно смотрят на невесту; перед ними женщина, то ли сваха, то ли мать невесты, протягивает обе руки, чтобы поприветствовать жениха.

Конечно, брачные обычаи в различных греческих государствах значительно различались, о чем свидетельствуют многочисленные упоминания. Самым странным из всех кажется лаконский обычай, который ясно указывает на брак путем пленения; обычай глубокой древности, упоминаемый во многих легендах (как, например, о диоскурах и дочерях Левкиппа). Здесь не упоминается о настоящем бракосочетании; жених увез свою невесту, которая, однако, должна была быть ранее обручена с ним ее отцом, из дома ее родителей и в своем собственном жилище

передал ее на попечение какой-то женщины средних лет (νυμφευτρία), которая была либо родственницей, либо близкой подругой. Во время его отсутствия за общим обеденным столом, к которому каждый день собирались все спартанские граждане и юноши, эта женщина отрезала невесте волосы, одела ее в мужское платье, в мужскую обувь и оставила лежать в темноте на соломе. Затем, когда жених вернулся, он развязал пояс невесты и отнес ее на руках в комнату для новобрачных. Достаточно любопытно, что видимость секретности сохранялась еще некоторое время; молодой муж продолжал жить с другими молодыми гражданами и лишь изредка тайно навещал свою жену. Подобная практика существовала и на Крите. Мы, однако, не знаем, как долго сохранялись эти странные обычаи в дорических государствах.

Рассматривая положение женщин по отношению к мужчинам и в домашнем хозяйстве, мы должны учитывать различия между героическим и историческим периодами, а также между дорическим и ионически-аттическим статуями. Об эолийских государствах нам известно очень мало. В героический период, насколько мы можем судить по гомеровским поэмам, женщины занимали важное положение, во многих отношениях равное положению мужчин. Героические времена, как и вся греческая античность, были знакомы только с моногамией; полигамия - это сугубо восточный обычай. Тем не менее, в старину для принцев и знати отнюдь не было чем-то необычным иметь несколько наложниц, которые были либо рабынями, либо пленницами, помимо их собственных законных жен, происходивших из знатной семьи. На самом деле идея супружеской верности была хороша только для женской части населения, в то время как мужчины были абсолютно свободны поступать так, как им заблагорассудится. Несомненно, были случаи, когда муж и жена настолько подходили друг другу, что мужчины сопротивлялись всем соблазнам супружеской неверности; к их числу мы можем отнести Гектора, Лаэрта и Одиссея, несмотря на любовные похождения последнего с Цирцеей и Калипсо. Всякий раз, когда мы ближе знакомимся с условиями супружеской жизни, как в случае с Гектором и Андромахой, Одиссеем и Пенелопой, получаемое впечатление остается благоприятным. Здесь заметна даже жилка истинной привязанности, которая обычно отсутствовала в древних представлениях о браке.

В героическую эпоху женщины были заняты главным образом ведением домашнего хозяйства и женскими достижениями, в то время как они выполняли свои обязанности со служанками в женских покоях; но их жизнь не была такой абсолютной уединенной, как в восточных гаремах. В некоторых случаях они общались с мужчинами и принимали участие в их жертвоприношениях и пирах; и хотя они никогда не выходили из дома без присмотра, все же молодым девушкам, должно быть, была предоставлена большая свобода, если судить по рассказу о Навсикае, которая спустилась к берегу моря, чтобы постирать одежду.

В историческую эпоху брачные обычаи дорических государств наиболее близки к героическим временам. Здесь мы также находим то же неприкрытое предположение, что брак существовал ради воспитания детей; и, фактически, законы Ликурга разрешали мужчине передавать свои супружеские права на время другому, если его бездетность ставила под угрозу существование семьи. Несмотря — или, возможно, благодаря — этому обычаю, неверность была очень редким явлением в Спарте, даже среди мужчин, и институт гетер так и не получил там распространения. Наложничество, которое было очень распространено в героическую эпоху, вышло из употребления в исторические времена, но, за исключением Спарты, на самом деле оно было прекращено только номинально. Семейные отношения между мужем и женой больше напоминали наши собственные в Спарте, чем в ионическо-аттических государствах. Даже в Спарте домашнее хозяйство было центром, вокруг которого вращалась жизнь женщины, но она не была низведена до простой домработницы; спартанец обращался к своей жене “Госпожа” (δέσποινα), делал ее партнером в своих интересах и консультировался с ней по важным вопросам. Это казалось настолько странным другим греческим государствам, что они были склонны считать мужей-спартанок подкаблучниками, что ни в коем случае не было таковым; но нет никаких сомнений в том, что история Спарты может похвастаться гораздо более замечательными женщинами и замечательными матерями, чем афинская. Сильный патриотизм спартанских женщин,

восторжествовавший над более нежными чувствами, иногда немного непривлекателен для наших современных чувств, но, в любом случае, эти женщины заслуживают нашего глубочайшего уважения.

Положение женщин в ионических состояниях носит более восточный характер, и здесь именно жена обращается к мужу “Господин”. Афинянин относился к своей жене как к подчиненному существу, которое должно было рожать ему детей и содержать его дом в порядке, но было неспособно подняться за пределы этой сферы. Женщина должна хранить молчание по всем политическим вопросам, и, как правило, она даже не была знакома с личными делами своего мужа. Муж очень редко бывал дома; общественная жизнь, профессиональные обязанности, гимнастика, общение в обществе большую часть дня отрывали его от семьи; за трапезами они встречались вместе, за исключением тех случаев, когда муж приглашал гостей, и тогда жене приходилось удаляться на покой. Как правило, муж и жена едва знали друг друга до брака; только впоследствии удавалось выяснить, подходят ли друг другу их характеры, и тогда часто оказывалось, что они совершенно несовместимы. Потом они шли каждый своей дорогой, или же ссорились. Иногда разумному мужчине удавалось воспитать и поднять до своего собственного уровня действительно умную жену, с которой он мог поделиться своими планами и интересами и таким образом сделать ее своим партнером в истинном смысле этого слова; но это было исключением, и, как правило, сферы деятельности мужа и жены оставались разными. Более того, постоянно растущее влияние гетер во многом способствовало ослаблению брачных уз. Женатые мужчины часто посещали гетер или вступали в любовные интриги с рабынями; и, как правило, жены закрывали на это глаза, пока проявлялось некоторое уважение к внешности. Если бы женатый мужчина привел гетеру в свой дом, это было бы основанием для развода; но неженатые мужчины очень часто содержали любовниц, и отношения между ними иногда очень напоминали брак. Предположим, что мужчина слишком сильно пренебрегает своей семьей из-за этого полового акта или, тратя таким образом свои деньги, причиняет им вред, жена, если она обладает всеми правами гражданства, имеет право подать жалобу. Непристойные выражения в присутствии женщин не допускались, и никому постороннему не разрешалось входить в апартаменты женщин в отсутствие мужа. Дети были обязаны к самому абсолютному послушанию и почтению как к отцу, так и к матери.

Вообще говоря, закон предоставлял женщине лишь слабую защиту от ее мужа; неверность с его стороны не давала ей права на развод. С другой стороны, от жены требовалась строжайшая верность; но, несмотря на уединение, в котором она жила, неверность отнюдь не была редкостью, поскольку всегда было много услужливых рабынь, готовых помочь своей госпоже в этих вопросах. В большинстве греческих государств нарушители наказывались потерей определенных прав, и муж был не только оправдан, требуя развода, но даже морально обязан сделать это, если о проступке его жены стало известно за границей. Закон не предпринимал никаких шагов для наказания любовника; но муж имел право подвергнуть его телесному наказанию или даже, если он поймал его на месте преступления, убить, если, конечно, он не предпочитал требовать компенсации за свой позор в виде денежного штрафа. В случае развода женщина также оказывалась в худшем положении, чем мужчина. Вследствие слабости брачных уз их было очень легко разорвать. Муж мог уволить свою жену или отправить ее обратно к родителям, или женщина могла просто уйти из дома своего мужа, и этого обычно было достаточно, чтобы аннулировать брак. В последнем случае жена была обязана лично подать жалобу на своего мужа архонту, поскольку с разводом были связаны определенные юридические вопросы, главным образом касающиеся приданого; как правило, если муж отсылал свою жену без достаточной причины, он должен был вернуть приданое ей или ее законному представителю (отцу, брату или опекуну), если только причиной развода не была неверность жены, которая была четко доказана. Но хотя здесь есть видимость справедливости, на самом деле преимущество было на стороне мужчины; ибо только самые убедительные причины могли побудить женщину добровольно уйти от мужа, в то время как мужчина часто произвольно разводился со своей женой по самым

тривиальным причинам; более того, поскольку женщина всегда была политически несовершеннолетней, и если она уходила от мужа, то не могла жить дальше одна, она была вынуждена вернуться под опеку своего отца или, если его больше не было в живых, своего брата или законного опекуна. Многие женщины предпочли бы вытерпеть самое жестокое обращение со стороны своего мужа, чем вернуться таким образом в отчий дом.

Жизнь афинских женщин была полностью посвящена домашним делам. Часть дома, отведенная для жены и детей, а впоследствии для взрослых дочерей и рабынь, обычно отделялась от остального жилища; и греческий писатель говорит, что, как дверь, отделяющая женские покои от остальной части дома, является границей, установленной для девушки, так и дверь, отделяющая дом от улицы, должна быть границей для жены. Однако мы не должны предполагать, что греческие женщины были полностью изолированы от публичности. Жены более бедных граждан, чьи обстоятельства, конечно, сильно отличались от условий жизни представителей высших классов, достаточно часто выходили на улицу. Некоторых вынуждала к этому их профессия, а другие, в распоряжении которых было мало рабов или вообще их не было, были вынуждены каждый день выходить за продуктами и другими предметами первой необходимости.

Рис. 79.

Для женщин было обычным делом приносить воду из общественных колодцев и немного поболтать там; но в богатых домах эта обязанность приносить воду, естественно, ложилась на рабынь. Мы находим упоминания об этих экспедициях к колодцу в легендах и в реальной жизни; и они часто изображены на памятниках, особенно на вазах. На рис. 79 приведен пример вида, взятый из вазописи в античном стиле. Слева мы видим колодец, увенчанный дорическим портиком; вода течет из львиной пасти в кувшин (ὕδρία), установленный под ним; женщина, пришедшая наполнить свой сосуд, стоит в ожидании рядом с ним. Справа мы видим других женщин, беседующих парами; две из них уже наполнили свои кувшины и несут их на головах, опираясь на маленькие подушечки, в соответствии с милым обычаем, который все еще широко распространен на юге; сосуды двух других еще не наполнены, как мы можем судить по их положению.

Женщины из высших слоев общества выходили на улицу только в сопровождении служанки или рабыни, да и то редко. Респектабельная женщина старалась как можно больше оставаться дома; на самом деле символом домашней жизни была черепаха, существо, которое никогда не покидает свой дом и считалось атрибутом Афродиты Урании. В результате женщины любили задерживаться у окон верхнего этажа, того, который обычно использовался для их квартир, чтобы смотреть вниз на улицу, что было для многих женщин единственным развлечением и переменой в их повседневных занятиях. Для них не было общих встреч, как для мужчин. Время от времени они навещали друг друга, и в том году было несколько фестивалей, на которые они ходили без мужчин, и тогда мероприятие, по-видимому, было очень оживленным, как, например, в Тесмофории. Женщины приехали в своих лучших нарядах на элевсинские торжества, а также приняли участие в Панафинейском празднестве, по случаю которого дочери проживающих здесь иностранцев (μέτοικοι) несли за собой их стулья и зонтики от солнца. В целом, создается впечатление, что женщинам постепенно предоставлялось больше свободы в вопросе появления на публике, хотя эта свобода не простиралась в Греции так далеко, как в Александрии во времена Птолемеев, когда Феокрит в одной из своих идиллий изображает двух гражданских жен, сопровождаемых их слугами, проникающими в самую густую толпу по случаю Праздника Адониса. Многочисленные противоречия, которые мы находим у древних авторов относительно внешнего вида женщин, вызвавшие так много различных мнений среди ученых современности, должны быть частично отнесены к различиям периода и, частично, к различиям местности.

Несмотря на это, везде и всегда в древности предполагалось, что сферой деятельности женщины было домашнее хозяйство, а когда семья и количество рабынь были большими, эта обязанность требовала много сил и внимания. Нужно было не только приготовить всю еду для семьи, но и обеспечить одеждой всех ее членов, поскольку для любой женщины, имевшей в своем распоряжении множество рабынь, было очень необычно покупать материалы или одежду в готовом виде. Поэтому большую часть дня они проводили со своими дочерьми и служанками в специально отведенной части дома, где были установлены ткацкие станки. Здесь, во-первых, шерсть, которая покупалась в грубом состоянии, подготавливалась к обработке путем стирки и взбивания, затем валялась и чесалась - неприятные занятия, которые из-за требуемых усилий

обычно поручались служанкам. Подготовленную таким образом для обработки шерсть затем укладывали в большие рабочие или прядильные корзины (*κάλαθοι* или *τάλαροι*), и мы часто видим их на памятниках, изображающих сцены из жизни женщины.

Рис. 80.

Статуя Пенелопы, прототип трудолюбивой женщины, несколько копий которой дошли до нас, представляет собой корзину для прядения под ее стулом. Прялка была неизвестна древности, но прялка и веретено использовались точно так же, как они используются до сих пор на юге. (Сравните изображение с вазописью на рис. [80](#).) Изображенная здесь женщина сидит (иногда мы видим женщин, идущих или стоящих во время прядения); она держит прялку в левой руке; перед ней подставка, к которой, кажется, прикреплена шерсть или лен, готовые заново наполнить прялку.

Рис. 81.

Для ткачества они использовали вертикальный ткацкий станок довольно простой конструкции, но все же пригодный для ткачества из тяжелых материалов и сложных узоров. Такой изображен на рис. [81](#), на вазе изображена Пенелопа у ткацкого станка. На уже готовом материале мы можем различить орнаментальную кайму и переплетение различных фигурных узоров. Конструкция ткацкого станка обозначена лишь поверхностно, и поэтому было дано множество различных объяснений, в которые мы в настоящее время не можем вникнуть. На рис. [82](#), взятом из вазописи, изображено несколько женщин, из которых одни заняты женской работой, а другие своим туалетом. Слева мы видим женщину, держащую в левой руке корзинку с прялкой; чуть правее вторая женщина сидит в мягком кресле (*καθέδρα*), держа в руках пальцы, на которые натянут

кусоч материи, в то время как третья женщина стоит рядом, наблюдая за ней. Еще правее - четвертая, которая расправляет складки своего платья и, вероятно, собирается застегнуть пояс. Женщина, сидящая рядом с ней в мягком кресле, держит перед собой не совсем отчетливый предмет — возможно, зеркало, изображенное в профиль, в которое она смотрит на себя; рядом с ней стоит горничная, держащая в правой руке баночку с мазью, в левой - какой-то неопределенный предмет, возможно, подушечку для булавок.

Рис. 82.

Валяние тканых материалов производилось не дома, поскольку это было сложной операцией и требовало специальных приготовлений; это делал валяльщик, которому также отправлялась любая испачканная одежда. Простую шерстяную одежду, как и льняную, конечно, стирали дома.

Рис. 83.

Очаровательное описание в "Одиссее" Навсикаи, которая отправляется со своими спутницами на берег моря стирать одежду, хорошо известно; несомненно, подобные сцены можно было наблюдать и в более поздние времена, хотя в них не участвовала царская дочь и никакой богоподобный герой не встревожил девушек своим неожиданным появлением. На рис. [83](#) изображена ваза, показывающая, как художник пятого века представлял себе эту сцену в Феагии, по аналогии с его собственным временем. В левой части картины, которая здесь не представлена, стоят Одиссей и Афина, и несколько предметов одежды развешаны сушиться на ветвях дерева; справа, которое здесь представлено, несколько девушек занимаются развешиванием одежды. Готовую или только что выстиранную одежду затем аккуратно складывали и укладывали в сундуки, поскольку шкафы для развешивания платьев, подобные тем, что есть у нас, похоже, были неизвестны.

Рис. 84.

Изображение вазы, представленное на рис. 84, показывает нам двух женщин, занятых сворачиванием какого-то вышитого одеяния; слева другая женщина поворачивается, чтобы посмотреть на них; на полу стоят стул и сундук, на стене висят зеркало и одежда.

Несмотря на эти многочисленные домашние хлопоты, у женщин, по-видимому, было достаточно времени, чтобы посвятить их туалету. Несмотря на то, что у них было мало возможностей предстать элегантно одетыми перед незнакомыми мужчинами или своими собственными друзьями, гречанки, похоже, не были исключением среди представителей своего пола в своей любви к нарядам и изысканной одежде.

Рис. 85.

Значительное внимание уделялось уходу за телом. Мытье и купание были, конечно, очень распространенным явлением. Сцены купания часто изображаются на памятниках; особенно часто мы находим в скульптуре или живописи изображения Афродиты или какой-нибудь прекрасной смертной, склоняющейся, пока служанка поливает ей на спину воду из кувшина. На изображении вазы, представленном на рис. 85, рядом с которым изображена сцена из туалета, одна женщина наливает воду в таз, в то время как другая разделась и поправляет волосы перед зеркалом. Мы должны предположить, что местом действия этих сцен была специальная ванная комната, которая всегда находилась в домах лучшего класса на нижнем этаже.

Обычное утреннее умывание совершалось в больших тазах, стоящих на высоких ножках, или иногда у самого колодца, который находился во дворе дома; женщины низших классов, вероятно, мылись в одном из общественных колодцев. На картине, изображающей Суд Парижа, некоторые фигуры которого представлены на рис. 86, вазописец наивно изображает Афину, совершающую таким образом свой туалет перед тем, как предстать перед судьей; она держит обе руки под струей воды, текущей из фонтана, очевидно, намереваясь умыться; она тщательно натянула платье между

колен, чтобы на него не попала вода. Существовали также большие общественные бани для женщин, но древние источники очень мало сообщают нам об их строительстве и использовании; тем не менее, кое-где письменные упоминания или надписи на памятниках позволяют нам с уверенностью утверждать об их существовании. Вазопись, рис. 87, дает удивительно яркое изображение одной из таких общественных бань для женщин. Это зал, поддерживаемый дорическими колоннами, покрытый на высоту около фута водой, которая всегда свежая стекает с голов животных под капителями колонн; вероятно, вода поступала по трубам, идущим от колонны к колонне, на которые женщины вешали свою одежду.

Рис. 86.

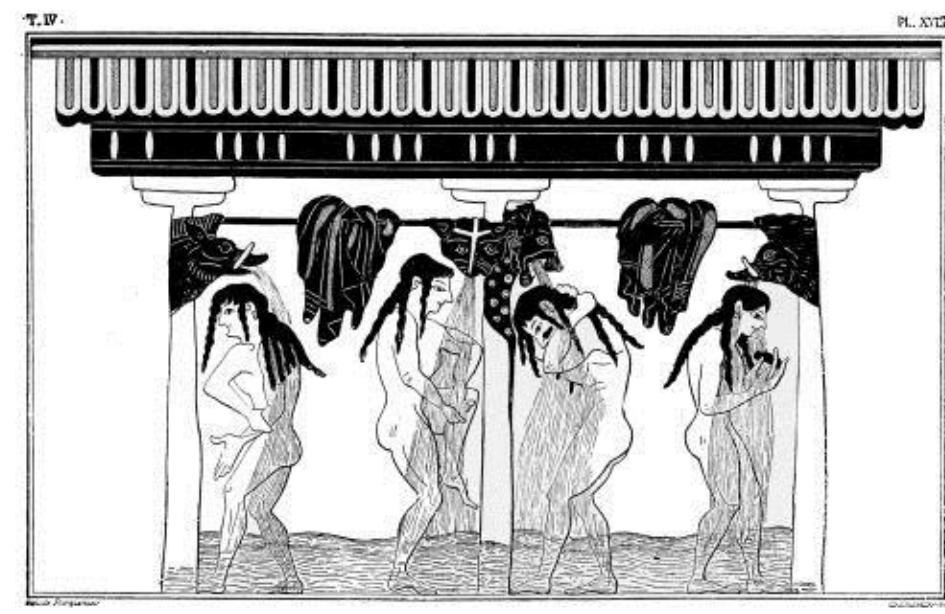

Рис. 87.

Женщины с волосами, заплетенными в косички, чтобы они не намокали, стоят под душем и позволяют воде литься им на голову, спину, руки и ноги, пока они растирают себя руками. Мы не можем сказать, посещали ли эти общественные бани женщины из высших слоев общества; в любом случае, большую часть посетителей составляли представители среднего класса, у которых, вероятно, не было собственных ванных комнат.

Купание сопровождалось умощением и натираем маслами или другими ароматными эссенциями; это тоже часто встречается на памятниках, где сама дама пользуется маленькой флажкой с маслом (λίκυθος), или служанка натирает ею ее тело. На самом деле, у богатых женщин всегда была рабыня, которая выполняла функции горничной, помогая им в туалете, и во многих туалетных сценах, изображенных на греческих вазах, мы редко видим женщин, одевающихся без посторонней помощи. Так, на рис. 88 (фронт.) две женщины помогают одеваться третьей; госпожа стоит посередине и собирается застегнуть пояс, и, чтобы ей не мешали ниспадающие складки ее хитона, она держит кончик во рту; перед ней стоит служанка с зеркалом в руках; другая женщина, стоящая позади нее, по-видимому, скорее подруга, чем рабыня, держит в левой руке шкатулку с драгоценностями, а в правой - жемчужное ожерелье, взятое из нее госпожой. На чердачных *стелах* мы очень часто находим даму, изображенную со своей камеристкой и шкатулкой с драгоценностями. Использование зеркала также является излюбленным сюжетом в произведениях искусства, особенно связанных с укладкой волос и вуали. Таким образом, на рис. 86 мы обнаруживаем, что даже Гера, прежде чем показаться Парису, считает необходимым с помощью своего ручного зеркальца немного изменить свою вуаль.

Рис. 89.

Рис. 90.

Похожая сцена изображена на красивой терракоте из Танагры (рис. 89). На рис. 90 изображена полностью одетая дама, возможно, невеста, в сопровождении двух камеристок, одна из которых держит перед ней открытую шкатулку с драгоценностями, чтобы она могла выбрать из нее что-нибудь еще, несмотря на то, что она так тщательно скрыта вуалью, что все украшения кажутся излишними. Помимо этих туалетных сцен, на рис. 91 изображена ваза с другими сценами из жизни женщин, которые, однако, еще не получили четкой интерпретации. Изображенная здесь женщина сидит на стуле, ее правая нога обнажена, и ступня поставлена на необычную подставку; в руке она держит бинт, как будто намеревается обмотать им свою ступню. Другая женщина стоит и смотрит на происходящее; на картине также изображены корзина для прядения и табурет. Невозможно сказать, следует ли это также рассматривать как сцену в туалете.

Рис. 91.

Греческие женщины пользовались множеством косметических средств для своего туалета. Они не только смазывали свои тела ароматными эссенциями, а волосы - душистыми маслами и помадами, но и очень распространенной была практика нанесения румян. Спартанские женщины, чей здоровый цвет лица славился, вероятно, мало пользовались им; но древние авторы приводят достаточно свидетельств того, что оно было распространено в Афинах. Эта практика, вероятно, зародилась на Востоке, и ее большая популярность среди женщин ионическо-аттической расы, вероятно, объясняется тем фактом, что недостаток свежего воздуха и физических упражнений придавали им бледный, болезненный цвет лица, и поэтому они считали необходимым улучшать его искусственно, хотя бы только для того, чтобы доставить удовольствие собственным мужьям. Они придавали нежный цвет лбу и подбородку свинцовыми белилами, красноту щек - киноварью, фукусом и стеклярусом или другими (обычно растительными) красителями; для подкраски под глазами использовался особый телесный оттенок. Брови красили черной краской, которая изготавливалась из сосновой сажи или измельченной сурьмы, а окрашивание волос было довольно распространенным явлением еще в пятом веке до н.э., и в этом не было ничего необычного даже среди мужчин. Румяна наносились либо пальцем, либо маленькой кисточкой. Напрасно поэты, особенно комики, направляли самые острые стрелы своего остроумия на этот порочный обычай; напрасно они в ярких красках описывали, как в летнюю жару две маленькие черные струйки стекали из глаз по лицу, в то время как румянец со щек стекал на шею; а волосы, падавшие на лоб, были окрашены свинцовыми белилами в зеленый цвет. Лучшее лекарство, несомненно, было бы найдено, если бы каждый мужчина был таким же разумным, как молодой муж, описанный в истории Ксенофонта, упомянутой выше (стр. 130), который вылечил свою жену от грубости, объяснив ей абсурдность этой практики, показав ей, насколько невозможно для женщины обмануть таким образом собственного мужа, поскольку правда может всплыть наружу в любой момент. Он также посоветовал своей жене не проводить весь день в своей комнате, а передвигаться по дому, присматривать за работой прислуги, помогать экономке и самой замешивать тесто и заниматься другими подобными делами, одновременно занимаясь физическими упражнениями, вытряхивая и складывая одежду. Тогда у нее улучшился бы аппетит к еде, улучшилось бы здоровье и, естественно, улучшился бы цвет лица. Но такие разумные мужья были редкостью, и, вероятно, не все женщины были такими послушными, как жена Ишомаха.

Мы не собираемся дальше углубляться в тайны туалета греческих дам, а вместо этого представим нашим читателям изображение вазы, в равной степени замечательное тонкостью рисунка и разнообразием представленных сцен. (Рис. 92.) Это украшение крышки какого-то

терракотового кувшина или шкатулки, которое, вероятно, использовалось в косметических целях. Здесь мы видим большое количество девушек, большинство из которых заняты своим туалетом. Несмотря на скромность их одежды и поведения, не кажется вероятным, что мы здесь получаем представление о семейном жилище; многочисленные изображенные маленькие Амуры, а также присутствие молодого человека наводят нас на мысль, что перед нами гетеры. Молодой человек прислоняется к сиденью богато одетой дамы, которая выглядит несколько более почтенной, чем остальные; в руке она держит открытую шкатулку с драгоценностями, из которой собирается достать какой-то предмет. Молодой человек опирается на палку, на конце которой изображен играющий Купидон. Если мы последуем мнению Л. Стефани, рассматривающего эту женщину как смотрительницу за девочками, он, вероятно, прав в своей дальнейшей интерпретации, что юноша отдал шкатулку этой даме, чтобы завоевать ее расположение и доступ к девочкам. Слева от этой группы мы находим девушку, держащую перед собой ручное зеркальце, очевидно, собирающуюся привести в порядок волосы, поскольку она держит одну руку поднятой, но это также может быть истолковано как жест приятного удивления ее внешностью.

Рис. 92.

Рядом с ней служанка помогает девушке поправить головной убор; обе ее руки заняты им, при этом девушка немного наклоняет голову вперед, а в руках уже держит ожерелье, которое собирается надеть. Рядом с ней стоят два Купидона, один несет какой-то неясный предмет, возможно, тимпан, другой, по-видимому, держит два браслета. На мягком стуле, под которым изображена птица, возможно, утка, сидит девушка, держащая в руках открытую шкатулку, из которой женщина, стоящая перед ней, достала какую-то тонкую материю или покрывало, которое она сейчас разворачивает. Между ними на земле стоит курильница для благовоний (*θυμιατήριον*), рядом изображен Купидон, держащий в руках фляжку с маслом. Богато одетая женщина прислоняется к конечной фигуре бородатого Диониса, обеими руками сгибая ветку в венок; впереди стоит собака и смотрит на нее снизу вверх. Дальше слева девушка сидит на табурете, в то время как служанка укладывает ей волосы; она положила обе руки на колени и сидит совершенно спокойно, в то время как другая, судя по положению ее левой руки, кажется, что-то говорит ей; купидон, стоя на коленях, застегивает сандалии сидящей девушки; рядом с ними стоит курильница для благовоний. Рядом с ними стоит женщина с богато уложенными волосами; ее правая рука опущена и держит зеркало; у ее ног лежит какой-то предмет, значение которого неясно. Еще дальше мы видим маленький столик на трех козлиных ножках, за которым друг против друга сидят две девушки, одна в мягком кресле, другая на сиденье попроще; под креслом клетка с маленькой птичкой. Мы не можем определить род занятий девушек, которые положили

руки на стол, в то время как одна из них держит в левой руке какой-то неясный предмет — вероятно, они играют в какую-то игру; над ними парит Купидон с венком из листьев; рядом с ним мы замечаем красиво украшенный маленький сундучок. Последняя из этих женских фигур стоит перед умывальником, в который она опустила обе руки, вероятно, для того, чтобы вымыть их, а не для того, как предполагает Стефани, чтобы постирать какой-то предмет в умывальнике; поскольку домашнее занятие, такое как стирка какой-либо одежды, не подходило бы к остальным сценам. На земле стоит кувшин для воды красивой формы.

Было бы нелегко судить о греческих женщинах в целом, поскольку расовые различия оказывают значительное влияние. Мы также не можем доверять нашим литературным авторитетам, меньше всего Аристофану, который говорит в "*Тезмофориазах*", что мужчины совершенно не могли доверять своим женам и были вынуждены держать их под замком и специально заводить молосских собак, чтобы отпугивать их любовниц, в то время как они лишали их даже ключей от кладовой. Это, конечно, преувеличенная выдумка, как и утверждение о том, что все подозрения женщин вызваны клеветой Еврипида. Поэты Старой комедии направляли стрелы своего остроумия только на женщин с дурной славой; а Новая Аттическая комедия выбирает большинство своих героинь из числа гетер (хотя излюбленным *эпизодом* было открытие, что на самом деле это были давно потерянные законные дочери горожан); и, следовательно, с женщинами обычно обращаются с их худшей стороны, а мужчин представляют несчастными жертвами. Цель комедии, которая состоит в том, чтобы вызвать смех, легче достигается изображением персонажей, мораль которых не безупречна; и в наше время было бы столь же несправедливо формировать картину современной морали на основе представлений сцены. Несомненно, афинские женщины были намного ниже спартанок в нравственности, и в некоторых городах — особенно в Коринфе и Византии — женская нравственность, по-видимому, находилась на очень низком уровне; но мы не должны по этой причине осуждать всех гречанок без разбора. Слишком часто слышен один упрек, и слишком явно доказано, что он дискредитирован, — это склонность к выпивке. Этот порок был настолько распространен, что в некоторых местах женщинам фактически запрещалось пить вино, и именно это иногда заставляло мужей отбирать ключи у своих жен.

Мы не можем закрыть этот раздел, не сказав ни слова о том классе женщин, которые продавали свои благосклонности любому, кто готов был за них заплатить. Греки эвфемистически называли этих гетер (ἑταῖραι), спутниц жизни. Они, по-видимому, были неизвестны в героическую эпоху, но в исторические времена их находили почти повсюду, и общение с ними было настолько распространенным явлением, что вряд ли это было поводом для упреков даже женатым мужчинам. Закон рассматривал их существование не только как нечто само собой разумеющееся, но даже как необходимость, и государство содействовало созданию для них домов. Таких было много во всех портах, и многие крупные промышленные или торговые города, такие как Коринф, приобрели благодаря этому особую репутацию; хотя в то же время часто говорили, что пребывание там было и опасным, и дорогостоящим. Помимо этих общественных заведений, посетители которых платили фиксированную плату за вход, размер которой варьировался в зависимости от элегантности дома, существовали также частные заведения несколько иного характера. Их содержал мужчина или женщина, иногда старая гетера, чьей собственностью становились девушки в доме, которых покупали непосредственно в качестве рабынь или добывали каким-либо другим способом. Многие из этих бедных девочек были разоблачены в младенчестве и воспитывались владельцами этих домов, которые окупали расходы на воспитание полученным таким образом доходом. Такие девушки часто становились героинями комедий и в конце концов счастливо соединялись со своими возлюбленными. Девушек-флейтисток, игравших на симпозиумах, также часто держали в таких домах, и их владельцы не только одевали их богато и элегантно, но и тратили много денег на их образование, и особенно на развитие их музыкальных талантов, что позволяло им получать более высокую зарплату.

Но гораздо большая часть гетер жила одна, и в каждом крупном городе было несколько таких женщин, которые распределялись по разным классам в зависимости от их образования. Некоторые из них были богатыми женщинами, владевшими большим количеством рабов; их слава распространилась по всей Греции, и их комнаты были переполнены людьми первого ранга в политике, литературе и искусстве; великие художники наперебой изображали их в бронзе и мраморе, и их слава дошла даже до наших дней. Среди всех них самой знаменитой была старшая Аспазия, подруга Перикла, женщина с высочайшими интеллектуальными способностями и самым утонченным вкусом, которая привлекала мужчин скорее силой своего интеллекта, чем своим обаянием. Другие знаменитые гетеры, такие как Лаис и Фрина, обязаны своей известностью, дошедшей даже до наших дней, главным образом своей необычайной красоте и многочисленным анекдотам, ходящим об их жизни, а также об их жадности к деньгам и бесстыдном характере. Эти гетеры, которые, таким образом, жили сами по себе, были либо вольноотпущенницами, либо иностранками; некоторые из них не являются непривлекательными персонажами, чей ум и грация могли легко привлечь даже известных мужчин, в то время как другие были простыми жертишками, алчными, поверхностными и любящими одеваться.

Чтобы понять возможность их общения с мужчинами с незапятнанной репутацией и тот факт, что эти девушки сыграли в греческой литературе роль едва ли не более важную, чем роль честных женщин, мы должны иметь в виду небольшое образование и уединенный образ жизни гречанок. Но даже это вряд ли может объяснить разрешение, данное такой гетере, как Фрина, посвятить свою статую работе Праксителя в Дельфах, или ее отваживание искупаться в море полностью обнаженной, подобно Афродите Анадиомене, в присутствии многочисленных восхищенных зрителей. Мы можем объяснить это, только вспомнив сильную эллинскую любовь к красоте, помимо соображений морали, которая смотрела на красивое человеческое тело как на божественное произведение, требующее обожания, что позволяло забыть присущие ему моральные слабости. В Коринфе, в храме Афродиты, содержалось более тысячи храмовых рабынь (ἱερόδουλοι), которые считались служителями богини, и это представление о любви как поклонении было очень распространено на Востоке. Но хотя в древние времена открыто делалось многое из того, что было бы скрыто в наши дни, было бы ошибкой предполагать, что положение, занимаемое этими женщинами, было действительно почетным.

Хотя официального контроля над ними не было, все же они не были оставлены абсолютно свободными; в большинстве городов они должны были платить налог государству. Более поздние авторы утверждали, но с какой точностью, неизвестно, что для них была предписана особая одежда; вероятно, они отличались от других женщин только бросающейся в глаза яркой одеждой и более изысканным убранством. На правовую защиту, обычно предоставляемую женщинам в случае неправомерного обращения, они, естественно, не могли претендовать, и гетера, родившая ребенка, не могла требовать от его отца денег на его содержание. Фактически, уделом большинства была в лучшем случае позолоченная нищета, и многие закончили свои дни в крайней нищете.

Греческое искусство очень богато сценами из жизни гетер; многие из них уже были представлены здесь (сравните рис. [17](#) и [17](#)), и за ними последуют другие. Мы должны признать тот факт, что тот самый период, который известен в греческой литературе и искусстве как период величайшего великолепия, был также временем морального разложения. Там, где много света, мы должны ожидать много тени; и в современном искусстве тоже наивысшее развитие живописи и скульптуры было одновременным с религиозным и моральным вырождением средневековья; более того, с Римом Александра VI. а Лев X, вероятно, был гораздо более аморальным, чем Афины Перикла.

ГЛАВА V.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В ДОМЕ И ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ.

В Спарте—В Афинах—Хронология—Солнечные часы—Завтрак—Утренние занятия—Обед—Вторая половина дня—Теплые ванны—Ужин—Развлечения—Гимнастический зал—Греческое гостеприимство.

А КАРТИНА повседневной жизни греков неизбежно должна подвергаться различным изменениям в зависимости от времени и места. Жизнь в шестом веке до н.э. отличалась от жизни в четвертом; повседневные занятия и образ жизни спартанца отличались от занятий афинянина или фиванца; и опять же, богатый и свободный гражданин проводил свое время совершенно иначе, чем мелкий ремесленник или сельский житель, который зависел от работы своих рук.

О героическом периоде можно сказать очень мало, и мы не можем составить о нем никакого полного представления. Гомер описывает только жизнь знати, но он не сообщает нам, как они проводили время, когда не сражались, хотя это было очень распространенным занятием из-за многочисленных междоусобиц и грабительских походов против их соседей. Маловероятно, что принцы и знать проводили все свое время на праздничных пирах, наслаждаясь обильной едой и напитками и слушая песни барда, хотя у Гомера есть много отрывков, которые могут навести нас на такое предположение. Несомненно, удовольствия от пира и вина ценились очень высоко в героический период, однако серьезные и респектабельные граждане вряд ли могли проводить весь свой день в роскошном безделье, подобно ухажерам Пенелопы, которые ежедневно пировали за счет других. Лаэрт, который даже в преклонном возрасте работал в своем саду, был гораздо более типичным гомеровским аристократом, который на самом деле был всего лишь крупным землевладельцем и посвящал большую часть своего времени сельскохозяйственным занятиям, сам часто принимая в них активное участие. Он также был занят гимнастическими упражнениями, а иногда и политическими обязанностями, такими как посещение народных собраний, которые касались интересов страны. Но большая масса народа, в противоположность немногочисленным представителям знати, занималась главным образом земледелием и разведением крупного рогатого скота и, в небольшой степени, ремеслами, которые были лишь слабо развиты в то время, когда многие вещи импортировались из других стран, а другие в основном изготавливались дома. Конечно, все они должны были служить своему принцу в качестве вассалов в случае войны, и, следовательно, даже в мирное время должна была проводиться военная подготовка для низших классов. Однако, кроме военных подробностей, мы ничего не узнаем у Гомера о жизни этих классов общества и очень мало о жизни знати, поскольку его описание жизни феаков имеет лишь очень частичную аналогию с греческими обстоятельствами того времени, поскольку поэт желает представить этот народ как особенно удачливый по сравнению с другими. Поэтому мы можем оставить туманную область легенд и обратиться к тем эпохам, которые освещены для нас писателями, хотя даже там мы найдем много незаполненных пробелов.

Естественным следствием характера наших властей является то, что даже в исторические времена описания авторов дают нам в основном отражение жизни в городах, особенно в крупных поселках или столицах. В наши дни жизнь в больших городах отличается во многих существенных отношениях от жизни в маленьких и даже в большей степени от жизни в сельской местности; и, несомненно, даже в древности существовали сильные контрасты, хотя, возможно, и менее отчетливо выраженные, чем в наше время. В больших городах также было много различий, обусловленных характером расы и природой самого города; жизнь горожанина в большом торговом городе, должно быть, сильно отличалась от жизни в месте, где было очень мало торговли, а интересы жителей были сосредоточены на сельском хозяйстве. Но обо всем этом на самом деле мы знаем очень мало.

Жизнь спартанских граждан была самой регулярной и однообразной, и это вследствие постоянных и суровых требований, предъявляемых к ним государством. Их жилища, хотя и были

большими и вместительными, отличались простейшим описанием, и в других отношениях жизнь дорийцев также отличалась простотой, но даже здесь утонченность жизни постепенно завоевывала популярность, а в дорийских колониях часто доходило до того, что порождало изнеженность. Жизнь в самой Спарте дольше всего сохраняла свою первобытную простоту. Здесь также дольше всего сохранялся старый дорийский обычай общих трапез, называемый *Сисситией* или Фидитией; спартанец принимал пищу не со своей семьей, а с другими товарищами, обычно связанными родством. Это были небольшие группы примерно из пятнадцати человек, которые собирались вместе для этой цели; каждый вносил свою долю в расходы на трапезу, частично натурой (особенно ячменем, вином, сыром, инжиром или финиками), частично деньгами на покупку мяса. Последнее, однако, частично обеспечивалось частыми жертвоприношениями, а также охотой, поскольку преобладал обычай время от времени приносить дополнительные дары, помимо положенных по закону пожертвований: иногда немного дичи или пшеничного хлеба вместо обычного ячменного, или домашней птицы, молодняка крупного рогатого скота, фруктов и т.д., В зависимости от возможности или сезона. Пресловутый “черный бульон”, игравший большую роль в этих трапезах, был не столько супом, сколько твердым мясным блюдом с бульоном, и, хотя готовился просто и легко, вероятно, был не так плох, как казалось изысканным гурманам других греков. Эти общие трапезы, хотя и ни в коем случае не были роскошными, ни в коем случае не были скудными; и хотя обильное питье после трапезы не было в Спарте таким обычным делом, как в других местах, все же каждый гость держал рядом с собой чашу, наполненную смешанным вином, и как только она опорожнялась, виночерпий наполнял ее снова. Общение между этими людьми было веселым и свободным; они обсуждали политические и военные вопросы, а также находили время для веселья и даже пения. Женщины обедали одни дома с младшими детьми и дочерьми; мальчиков, как только они перерастали материнскую опеку, отцы отводили в столовую и усаживали там рядом с ними на низкие табуретки, получая небольшие порции блюд, которые считались подходящими для молодежи. Когда они подросли, то ужинали вместе со своей кашей.

Ни одна греческая раса не презирала ремесла ради денег так сильно, как дорийцы; ни один спартанец не стал бы заниматься ремеслом или торговлей. И все же жизнь лаконца не следует представлять себе как сплошную праздность; у него было достаточно возможностей для других занятий. На первом месте были гимнастические и военные упражнения, которые занимали большую часть дня, затем было изучение музыки, которое продолжалось даже после окончания их образования; охота также была очень любимым занятием дорийцев и ценилась из-за ее склонности закалять тело. Некоторое время также было занято государственными делами, а также выполнением религиозных обязанностей, таких как жертвоприношения, пение хором и т.д. Более того, среди мужчин было много светской жизни. В большинстве дорийских городов существовали специальные залы для собраний, или клубные комнаты (*λέσχη*), которые существовали также в Афинах и других местах. Там обычно собирались пожилые люди и обсуждали различные интересующие их вопросы.

Теперь мы должны обратиться к Афинам, где благодаря более многочисленным литературным источникам мы можем составить более четкое представление об условиях, а также попытаться составить представление о самом городе, таким, каким он выглядел в период своего наибольшего расцвета при Перикле и после него. Было бы большой ошибкой составлять представление о внешнем виде всего города по великолепным зданиям на Акрополе, храмам, которые частично сохранились и по сей день, и другим общественным зданиям, которые были построены и украшены без учета затрат. Большинство частных домов снаружи были довольно простыми; на первом этаже обычно не было окон; не было ни великолепных портиков, ни вычурных фасадов, и они были низкими, редко превышая два этажа. В древний период не было регулярного расположения улиц, не больше, чем в наших городах в средние века; и даже после сожжения города персами, когда пришлось строить жилища для возвращающегося населения, город был быстро отстроен без какого-либо регулярного плана. Лишь позже улицы были методично проложены, и это было в значительной степени связано с влиянием Гипподама Милетского,

который процветал примерно в середине пятого века и реформировал древний стиль застройки городов. Сами Афины не могли извлечь выгоду из его системы, которая приняла единый художественный план застройки целого города; но он смог осуществить свой план при строительстве нижнего города, недалеко от Пирея, которое происходило при Перикле. Здесь Гипподам построил сеть прямых широких улиц, пересекающих друг друга под прямым углом, а посередине он разместил большой рынок, очевидно, в форме площади, названный “Рынком Гипподама”. Земля, принадлежащая этому пригороду, вероятно, была очень мало застроена; мы не знаем, имело ли государство какое-либо право собственности на эти новые здания. Цветущие пригороды, многочисленные общественные площади, засаженные деревьями и разбитые на манер парков, многое сделали для улучшения внешнего вида города, но, должно быть, еще многое требовалось для того, чтобы он казался по-настоящему комфортным нам, современным людям, или даже римлянам времен Империи. Во-первых, улицы были немощеными, и не было тротуаров; эти усовершенствования были введены только в римский период, а греческая античность довольствовалась обычными большими дорогами; поэтому естественно, что в сухую погоду пыль, а в дождливую - грязь должны были быть неприятными. Чистоте дорог общего пользования уделялось очень мало внимания; весь кухонный мусор, воду для ванн и т.д. Просто выливали за двери; ночью его даже выбрасывали прямо из окон на улицу, и хотя было принято кричать “С дороги”, все же неосторожные люди иногда могли забрызгаться по дороге домой ночью. Публичной уборки улиц не проводилось; смыть всю нечистоту было предоставлено благотворительным дождям, хотя уличная и рыночная полиция (*ἀστυνόμοι*) и (*ἀγορανόμοι*), в обязанности которых входило поддерживать порядок на улицах и рыночных площадях, должны были следить за тем, чтобы они содержались в надлежащем состоянии, и могли заставить владельцев, которые выбрасывали пепел или иным образом отказывались это убирать; тем не менее, они, вероятно, ограничивались поддержанием улиц в довольно хорошем строительном состоянии, и следили за тем, чтобы все было в порядке, когда процессии должны были проходить по определенным дорогам. Вообще говоря, Ниссен^[1], вероятно, прав, когда утверждает, что для формирования представления о жизни в Афинах с точки зрения любого современного аналога мы должны думать не о Флоренции или Мюнхене, а скорее о Каире или Тунисе.

Что касается внутреннего убранства домов, мы очень мало знаем об устройстве и назначении комнат. Естественно, они были подвержены вариациям, поскольку небольшая семья могла проживать в скромном маленьком жилище, или могли быть дома побольше, вмещающие множество квартир. Парадная дверь, открывавшаяся (иногда наружу) на улицу, в которую желающие войти стучали пальцами или молотком, открывалась рабом, исполнявшим роль привратника, и обычно вела в холл, через который, либо напрямую, либо через вторую дверь, можно было попасть в открытый зал, окруженный колоннадой (*Перистилиум*), который в жилых домах исторического периода соответствовал открытому двору дворца Гомера и имеет аналогию с *Атриумом* римского дома. Это пространство, открытое посередине и окруженное колоннадами, было обычным местом обитания семьи; иногда они принимали там пищу, и обычно там стоял алтарь *Зевса Геркея*. Вокруг располагались квартиры, двери и, вероятно, окна которых тоже выходили в центральный холл; поскольку не было принято, чтобы окна первого этажа выходили на улицу, а стены домов обычно касались стен соседних зданий, так что комнаты на первом этаже могли, как правило, получать свет только из центрального холла. Некоторые из этих квартир предназначались для мужчин, а другие - для женщин, но общей комнаты там не было. Если дом был построен на значительном пространстве и имел только один этаж, мужские комнаты обычно выходили прямо в центральный холл, в то время как женские располагались позади них и были отделены от них специальной дверью и, несомненно, также специальным коридором, через который женщины могли выходить на улицу, не проходя через мужские квартиры. Если дом был небольшим, его строили двухэтажным, а женские квартиры располагались на верхнем этаже. Последнее решение, по-видимому, встречалось чаще. Мы часто находим намеки на женщин, смотрящих вниз на улицу из окон верхних этажей, и мы также часто находим женщин,

изображенных на вазах, сидящими у окон верхних этажей. Эти оконные проемы были закрыты либо решетками, либо деревянными ставнями, поскольку в греческий период стеклянные панели были неизвестны. Там, где было много рабов, по-видимому, рабы-мужчины спали в мужских покоях, а женщины - в женских, за исключением тех случаев, когда хозяин разрешал определенным парам жить вместе. В больших домах, которые содержали большое количество комнат, мы должны представить себе не только специальные спальные и столовые, а также гостевые покои, комнаты для рабов, кладовые, рабочие комнаты, библиотеку, ванную и т.д., Но также второй зал в центре женских покоев и связанные с ним сады; хотя цветочные сады, по-видимому, появились в Афинах поздно - действительно, говорят, что они относятся ко временам Эпикура. Мы не должны предполагать, что в древних Афинах у каждого был свой дом. Это правда, что дом можно было приобрести за очень низкую цену, как доказывает пример Сократа, все богатство которого облагалось налогом в размере пяти миней (что-то около двадцати фунтов стерлингов) и все же включало дом; но все же было большое количество более бедных граждан, которые нанимали свои жилища. Верхний этаж, который, без сомнения, имел специальный вход и который иногда выступал за пределы первого этажа, сдавался жильцам, в то время как владелец жил на первом этаже. Больших многоэтажных жилых домов, подобных тем, что существовали в Риме, вероятно, не было в Афинах в классический период.

У нас нет определенной информации о месте расположения кухни. Вероятно, она всегда находилась на первом этаже и, безусловно, была единственной комнатой в доме, где был дымоход, поскольку в жилых комнатах не было отопительных приборов. Судя по всему, здесь полностью отсутствовали все санитарные удобства.

В наши дни незаменимым фактором в наших повседневных занятиях является какой-либо прибор для измерения времени. В греческой древности это не имело такого большого значения, и, по сути, не хватало средств для точного разделения. У них не было точного распределения дней, длящихся от полуночи до полуночи, с двадцатью четырьмя часами равной продолжительности, но вместо этого они различали дневное и ночное время, считая от восхода до заката, и, естественно, продолжительность этих периодов различалась в зависимости от времени года. Эти два основных подразделения были снова разделены; сначала наступало раннее утро (примерно с 6 до 9, если брать периоды равноденствия), предутренний час, когда рыночная площадь начинала заполняться (с 9 до 12), полуденная жара (с 12 до 3) и поздний вечер (с 3 до 6); ночью было, во-первых, время, когда зажигались лампы (с 6 до 10), затем мертвые часы ночи (с 10 до 2), наконец, рассвет (с 2 до 6). Кроме того, они разделили день на двенадцать равных частей, продолжительность которых, естественно, менялась в зависимости от продолжительности дня. Для этой цели они использовали солнце, которое, конечно, было доступно только в безоблачные дни, хотя на юге они отнюдь не редкость. Все эти устройства для измерения времени, вероятно, были изобретены вавилонянами в очень древние времена, а среди греков их ввел Анаксимандр около 500 г. до н.э. Самым примитивным является “теневого указатель”, представляющий собой всего лишь заостренную палку, воткнутую в землю, или колонну, или что-либо еще в этом роде; длина тени, которая меняется в зависимости от положения солнца, служила стандартом для исчисления часов. Длина тени, которая менялась с утра до вечера, делала возможным поверхностное разделение времени, но оно не могло установить время раз и навсегда, для всех дней года, а должно было быть специально рассчитано в соответствии со сменой времен года. Двенадцать делений суток, определяемых тенью, соответствовали нашим только в день равноденствия; эти часы, если можно так выразиться, были длиннее летом и короче зимой, чем наши равноденственные часы. Это объясняет, почему время главного приема пищи, которое обычно принималось около пяти или шести часов пополудни, обозначалось иногда 7-футовой, иногда 10-12-футовой или даже 20-футовой тенью; ибо, хотя в середине лета тень в это время была совсем маленькой, в равноденствие она имела значительную длину, а во время зимнего солнцестояния, вероятно, они ужинали только после захода солнца. К сожалению, у нас недостаточно информации, чтобы точно определить длину этого теневого указателя, который, несомненно, всегда был одним и тем же, во

избежание путаницы. Предположение о том, что указатель был примерно среднего роста человека и что люди даже использовали свои собственные тени для измерения времени, очень маловероятно. Такие указатели тени, вероятно, стояли в общественных местах, где каждый мог ими воспользоваться с помощью линий, нарисованных на земле; их можно было установить только в частных домах, когда в них были большие открытые пространства (что случалось нечасто), к которым солнце могло иметь доступ в течение всего дня. В более поздние времена были сделаны изобретения, которые восполнили недостаток этого способа отсчета времени; на каменном полу, на котором стоял теневой указатель, были начертаны линии, которые, во всяком случае, давали некоторое представление об изменении продолжительности часов в зависимости от месяцев; сеть линий с таким описанием принадлежала обелиску, который Август установил на Марсовом поле, а также использовался в качестве теневого указателя.

Солнечные часы, изобретенные позже теневых указателей, вероятно, Аристархом, около 270 г. до н.э., были иными; здесь тень от палки, очерченная полукругом, на котором линиями были отмечены часы, указывала время суток. Существовало три вида: во-первых, те, которые были рассчитаны в том месте, на котором они были установлены, и не могли быть перемещены, и которые указывали часы дня в соответствии с тем, как они менялись в течение года; во-вторых, те, которые были приспособлены для перемещения и могли быть установлены в разных местах; и, в-третьих, те, которые использовались математиками, которые показывали часы равноденствия, такие, какими мы пользуемся сегодня. Невозможно, однако, определить, были ли греки знакомы со всеми тремя видами, которые мы находим в употреблении в римский период.

Кроме того, использовались водяные часы, и здесь мы снова должны различать два вида. Обычные водяные часы, которые, подобно нашим песочным часам, отмечали определенный промежуток времени утечкой определенного количества воды, безусловно, являются очень древним изобретением. Эти часы состояли из глиняного или стеклянного сосуда в форме кувшина или чаши, который наполнялся водой через отверстие сверху, и второго сосуда чашеобразной формы, на верхней части которого первый был расположен таким образом, что вода медленно выливалась через маленькие отверстия, похожие на сито, в нижний сосуд. Водяные часы такого типа, вероятно, существовали в большинстве домашних хозяйств, но не были настоящими часами, поскольку они не показывали час дня, а использовались только для расчета какого-то определенного периода времени. В основном они использовались в судах для обозначения времени, отведенного каждому оратору, и когда речь прерывалась для заслушивания свидетелей, или для зачитывания документов, или для любой другой цели, поток воды останавливался, и он возобновлялся, когда оратор продолжал свою речь. Эти водяные часы использовались и в других случаях, когда необходимо было рассчитать определенные периоды времени, и это могло иметь место в любом доме. Тот же принцип лежал в основе водяных часов, которые, как предполагалось, были изобретены Платоном и усовершенствованы александрийцем Ктесибием, с помощью которых длительный период времени можно было разделить на равные части и, таким образом, можно было рассчитать ночные часы, что имело огромное значение. Эти водяные часы могли быть сконструированы только тогда, когда можно было изготовить прозрачные стеклянные сосуды, достаточно большие, чтобы вместить количество воды, достаточное для двенадцати часов и более; на стекле была выгравирована шкала, которая показывала отношение хода часов к высоте воды. Но поскольку продолжительность ночи уменьшается и увеличивается в течение года, как и продолжительность дня, и, следовательно, продолжительность ночных часов постоянно уменьшается и увеличивается, потребовалась очень сложная сеть линий; четыре вертикальные линии обозначали продолжительность часов в два солнцестояния и два равноденствия, так что было дано точное соотношение для этих дней.

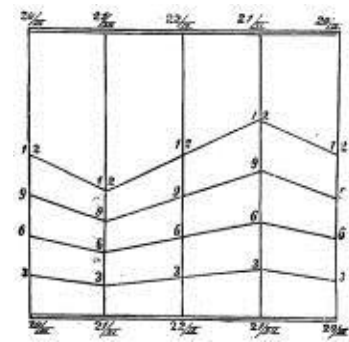

Рис. 93.

В других случаях им приходилось производить смену с более или менее точным расчетом, которому помогали горизонтальные кривые, соединявшие вместе третий, шестой, девятый и двенадцатый часы (сравните схему, представленную на рис. 93, на которой показана сеть линий, выгравированных на стеклянном сосуде). Самые длинные и самые короткие дни здесь указаны в соответствии с широтой Афин: первые равны 14 часам 36 минутам 56 секундам, вторые - 9 часам 14 минутам 16 секундам. Усовершенствование Ктесибия состояло в добавлении к сосуду с водой таблицы с горизонтальными часовыми линиями, на которой металлическая проволока, прикрепленная к плавающей на воде пробке, отмечала время по ее положению, которое поднималось в соответствии с увеличением уровня воды. Этими часами, конечно, можно было пользоваться в дневное время, когда погода делала солнечные часы бесполезными, но требовалась шкала, отличная от шкалы ночных часов. Тем не менее, поскольку разница между самой длинной ночью и самым длинным днем, а также между самой короткой ночью и самым коротким днем очень мала, ту же шкалу можно использовать для дня и ночи, но в обратном порядке, как показано на рис. 93.

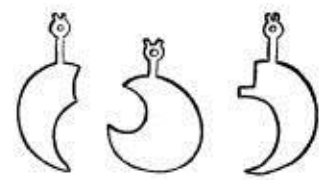

Рис. 94.

Давайте теперь рассмотрим, как афинский гражданин обычно распределял свое время. Мы, конечно, не можем назвать какого-либо определенного часа для восхода солнца, тем не менее представляется вероятным, что ранний подъем был правилом в Афинах и что не только ремесленники начинали свою работу сразу после восхода солнца, но и школы часто открывались рано. Утренний туалет, похоже, не отнял у меня много времени. При мытье раб обливал своего хозяина водой из кувшина над тазом, при этом использовался какой-нибудь заменитель мыла, такой как земля фуллера или щелок; люди, которые вели очень простую жизнь, такие как Сократ, вероятно, совершали свои омовения в одном из общественных колодцев. Завтрак был скудным и обычно состоял из несмешанного вина и хлеба. После этого ремесленники или другие лица, имевшие определенное ремесло, приступали к своим повседневным занятиям; но граждане, не имевшие постоянной профессии, если только их не привлекало какое-либо другое занятие, такое как охота, обычно проводили утренние часы в гостях у своих друзей, занимаясь гимнастикой или, если они откладывали эти занятия на более поздний час, посещая цирюльника, чтобы привести в порядок волосы или подстричь бороду или побриться. Поскольку мы уже обсуждали вопрос о прическах (стр. 65), мы приведем здесь только изображение некоторых древних бронзовых бритв (рис. 94), которые имеют полукруглую форму и существенно отличаются от наших современных.

Симпатичная терракотовая группа из Танагры на рис. 95 переносит нас в парикмахерскую; достойный гражданин, по-видимому, закутанный в длинную мантию, сидит на низком табурете, в то время как стоящий за ним невысокий мужчина - возможно, раб — аккуратно подстригает его волосы ножницами.

Рис. 95.

Парикмахеры брали на себя уход как за волосами, так и за бородой, а также стригли и чистили ногти. Эти парикмахерские были также местами встреч горожан — не только бездельников, но, вообще говоря, всех, кто желал услышать новости. Этот обычай до сих пор преобладает во многих частях Италии, особенно на юге, где *Салон* является местом общих собраний. Даже в древние времена парикмахеры имели репутацию людей разговорчивых. Каждый день в их лавки заходило множество людей, и среди них были незнакомцы, которые приносили новости и рассчитывали получить что-то взамен. Хорошо известно, что весть о поражении афинской экспедиции на Сицилию впервые была озвучена в парикмахерской в Пейрее незнакомцем, который только что высадился.

Все это заняло примерно первую четверть дня; вторая часть была посвящена посещению рынка. Рыночная площадь служила не только своей первоначальной целью как место для продажи, но и была местом, где встречались знакомые и совершались деловые сделки. Здесь стояли менялы и банкиры в своих киосках или лавках; здесь были тенистые аркады с удобными сиденьями, где летом можно было укрыться от жарких лучей солнца, а зимой была возможность воспользоваться теплом мастерских, расположенных рядом с рыночной площадью. В холодную погоду было очень распространенным обычаем ходить в общественные бани или кузнечные мастерские, где наверняка можно было найти теплую печь, и бедняки, у которых не было средств согреться дома, часто так жадно прижимались к банным печам, что подпаливали свою одежду. На самом деле, это был очень распространенный обычай - заходить в любую мастерскую или стэнд, чтобы поболтать там с владельцем или посетителями, даже без какого-либо намерения совершать покупки. Поэтому нам не нужно удивляться, когда мы слышим о том, что Сократ посещал сапожника, скульптора или любого другого ремесленника и начинал с ним дискуссию; этот обычай был настолько распространен, что встречи устраивались в мастерских — так, например, жители Децелеи, приезжая в Афины, всегда встречались в определенной парикмахерской.

Мужчины также ходили на рынок с целью совершения покупок, ибо в Афинах, как ни странно, эти покупки совершали не женщины или их слуги, а мужчины, которых сопровождал раб, и они сами покупали необходимые продукты, и в частности рыбу, столь популярную в Афинах, для

которой был устроен специальный рынок, о начале которого возвещал колокол. Позже, в третьем веке, похоже, уже не считалось правильным, чтобы хозяин дома сам совершал покупки; в более богатых домах для этой цели содержался специальный раб (*ἀγοραστής*); иногда присылали и рабынь.

В полдень рынок обычно заканчивался; затем мужчины расходились по домам и слегка перекусывали, ни в коем случае не главным приемом пищи за день, а скорее чем-то вроде нашего ленча. Эта трапеза, конечно, сильно варьировалась в зависимости от индивидуальных предпочтений; многие довольствовались остатками вчерашнего ужина, другим подавали свежие горячие блюда; а на Сицилии и Великой Греции, где большое значение придавалось хорошей и обильной пище, это часто становилось действительно сытным застольем. Некоторые люди полностью отказались от этого обеда и заказали либо поздний завтрак, либо более ранний ужин. Тем не менее, большинство состоятельных людей, похоже, поели в конце своих утренних дел.

Вторая половина дня была проведена по-разному. Жара, царящая в это время большую часть года, обычно вынуждала людей оставаться дома; некоторые немного вздремнули в середине дня, но это было не очень распространено. Люди серьезного склада характера посвящали эти часы чтению или другим интеллектуальным занятиям, в то время как те, кто был склонен к безделью, вероятно, даже днем отправлялись в дома, предназначенные для игры в кости и выпивки, или же бездельничали в парикмахерских, мастерских и т.д.; помещения клуба, которые были специально отведены для общения горожан, вероятно, были в это время очень переполнены. Между третьим и четвертым разделом дня они обычно принимали ванну, готовясь к ужину. Обычай ежедневно принимать теплую ванну поначалу встречал большое сопротивление в Греции. У Гомера мы находим, что теплые ванны упоминаются только как освежающее средство после долгих путешествий или других утомительных действий или же использовались для поддержания чистоты; позже холодные ванны, особенно в море или ручьях, были рекомендованы как полезные для здоровья и укрепляющие нервы, в то время как теплые ванны считались ослабляющими; тем не менее, стал очень распространенным обычай принимать ванну перед обедом либо дома, либо в одной из общественных бань. Мы уже познакомили наших читателей с общественной баней для женщин; На рис. 96 изображена общественная баня для мужчин, взятая с изображения вазы. В середине находится купальня, где вода льется из голов двух животных. Справа и слева - юноши, которые уже приняли ванну и собираются умастить себя маслом. Мы очень мало знаем об этих общественных банях от писателей или по остаткам зданий. Они, конечно, были далеко не такими большими и роскошными, как *термы* Римской империи; но даже в греческих банях были отдельные помещения для теплых, холодных и паровых ванн, с большими резервуарами или бассейнами поменьше, в которых вода лилась на тело, а также комнаты для раздевания, умачения и т.д. Чем больше рос обычай часами оставаться в этих местах или соединять их с гимнастическими залами, тем обширнее они становились и роскошнее.

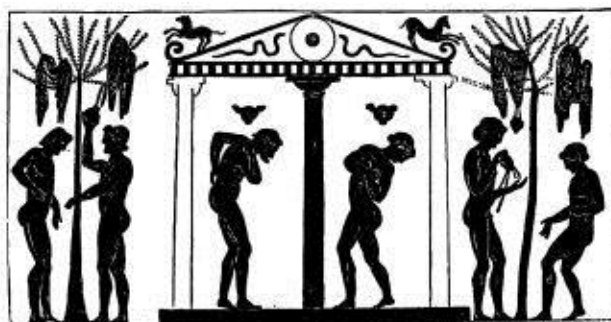

Рис. 96.

Мы не можем точно установить, в какой степени государство иногда владело этими общественными банями и заботилось об их содержании, но вход не был бесплатным даже в них;

банщику, который присматривал за этим местом и оказывал помощь в бане, выплачивалась небольшая плата, возможно, не столько для покрытия расходов на содержание, сколько за его собственные хлопоты и труд. Владельцы частных заведений были обязаны взимать более высокую плату, если они хотели не только покрыть свои расходы, но и получить прибыль; упоминается частное банное заведение, которое было продано за 3000 драхм и, следовательно, должно было принести покупателю соответствующий интерес, который мог быть получен только за счет платы за вход купальщиков. Владелец и обслуживающий персонал отвечали за уход за баней, но не за одежду купальщиков, которую часто крали. Поэтому те, у кого было много рабов, обычно брали с собой одного из них, чтобы нести посуду, необходимую для принятия ванны, такую как полотенца, фляжки с маслом и стригили, а также присматривать за одеждой своего хозяина, пока он мылся. По мере того как обычай ежедневно принимать теплую ванну становился все более распространенным, сцена в банях за час до ужина становилась все более оживленной. Продолжались разговоры и шутки; веселые люди даже пели, хотя это считалось неприличным; в комнатах, предназначенных для освежения после ванны, играли в кастет, кости или мяч, иногда даже в коттабу, для игры в которое требовалось вино, и отсюда мы должны заключить, что возможность распития вина предоставлялась там и в более поздние времена.

Ближе к закату, или зимой после захода солнца, они возвращались домой к основному ужину, или же отправлялись в дом какого-нибудь друга, который пригласил гостей. В последнем случае трапеза обычно была довольно продолжительной, а за ней следовала попойка, которая затянулась далеко за полночь. Те, кто обедал дома со своими женами и детьми, обычно заканчивали трапезу очень быстро, и поскольку преобладал обычай рано вставать, у них, вероятно, вошло в привычку рано ложиться спать, если только заботы по бизнесу, учебе или другим серьезным занятиям не мешали некоторым из них бодрствовать при свете лампы; ибо ночная тишина была благоприятным временем для серьезных размышлений после дневного шума, который, вероятно, был таким же сильным в древние времена на оживленном юге, как и сегодня. Хорошо известно, что Демосфен готовил почти все свои речи по ночам.

Было также много других занятий, отчасти серьезных, отчасти развлекательных, которые заполняли жизнь греческого гражданина. Во времена наивысшего политического развития Афин, в пятом и четвертом веках, политические и судебные обязанности отнимали у гражданина значительное количество времени. Даже если он не занимал ни одной из многочисленных неоплачиваемых должностей и не заседал в Совете пятисот, *Буле*, в обязанности которого входило проведение предварительных обсуждений, ему все равно приходилось посвящать около сорока дней в году обычным народным собраниям, в дополнение к которым часто проводились внеочередные заседания. Предположим, что жребий должен был назначить его одним из ежегодно избираемых 6000 присяжных (*ἡλιασταί*), это дало ему много работы на год пребывания в должности, поскольку, помимо заседаний, ему приходилось получать информацию о различных судебных процессах, по которым он должен был высказать свое мнение; и мы знаем, главным образом из Аристофана, насколько преданными были многие граждане своим судебным обязанностям и как все их мысли и действия часто были сосредоточены на этой деятельности, которая отнюдь не всегда оказывала на них хорошее моральное влияние. Богатые граждане также оказывали добровольные общественные услуги (*λειτουργίαι*), которые частично заключались в развлечении народа сценическими или хоровыми представлениями, гимнастическими играми, факельными шествиями и т.д., Частично в важных услугах государству, таких как оснащение военного корабля за свой счет. Эти добровольные услуги не только налагали на богатых граждан значительное денежное бремя, которое в более поздние времена, когда богатство Афин уменьшилось, уже не могло быть выполнено одним человеком, но и отнимали у них много времени, поскольку они должны были не только добывать необходимые деньги, но и контролировать и организовывать работу. Еще одно изменение в монотонности повседневной жизни вносили религиозные праздники, которыми аттический календарь был необычайно богат, и связанные с ними театральные и другие представления, о которых мы поговорим позже.

Те, кто владел поместьями в сельской местности, даже когда они жили в городе, часто выезжали к ним, чтобы присматривать за хозяйством; охота и ловля птиц также были очень популярными занятиями. Первое особенно было любимым развлечением. Охота в древние времена сильно отличалась от нынешней; отчасти это связано с большой разницей между нашим современным огнестрельным оружием и охотничьими орудиями древних, отчасти с их почти повсеместным обычаем использовать сети, в которые они загоняли дичь и там убивали ее. Эти сети использовались почти для всех четвероногих, на которых они охотились, и прочность и плотность сеток различались в зависимости от объекта охоты, а также от метода расположения. Там были, в частности, сетки для мешков, которые стягивались за дичью, когда она натыкалась на нее, и падающие сети, которые свободно подвешивались на раздвоенных палках, и когда животное натыкалось на них, падали с палок и запутывали его. Силки также использовались для ловли не только зайцев и лисиц, но и более крупной четвероногой дичи, такой как кабаны и олени. Вследствие этого обычая загонять дичь и загонять ее в угол, луки, рассчитанные на большие расстояния, были очень малопригодны на охоте; животных убивали либо легким дротиком, брошенным с небольшого расстояния, либо, если дичь обращалась в гнедую, с помощью вешалки, что было особенно полезно при охоте на кабана. Собаки использовались для подстерегания дичи и загонения ее в загнанные сети, и древние уделяли большое внимание их дрессировке; действительно, важная роль, которую собаки играли в греческой охоте, выражается греческим названием егеря, что означает “собака-вожак” (κυνηγός). Раньше они охотились на кабанов, оленей, зайцев; на хищных зверей, таких как волки и шакалы, охотились только тогда, когда они были опасны для стад; а более крупных животных, таких как львы и медведи, вообще не существовало в Греции в исторические эпохи, хотя многочисленные легенды об охоте на львов содержат достаточно свидетельств об их существовании в более ранние времена. Птиц ловили с помощью сетей, силков, западней и извести; и поскольку Греция отнюдь не была богата четвероногими, пригодными для охоты, ловля птиц была одним из самых популярных занятий, к тому же прибыльным. С другой стороны, рыбалка, которая велась как лесками, так и сетями, похоже, так и не стала обычным видом спорта.

Мы уже упоминали о практике посещения гимназий и о воинских обязанностях граждан. Были также публичные дома и игорные дома, но они, по-видимому, не играли большой роли в жизни мужчин. Вечеринки с выпивкой предоставляли достаточно возможностей для светских встреч. Те, кто посещал общественные питейные заведения, обычно делали это и с другими целями — посмотреть на хорошеньких девушек или встретиться с товарищами для игры в кости, хотя обе эти цели могли быть достигнуты в специальных домах. Поэтому естественно, что посещение этих винных таверн считалось неприличным и что серьезные люди, равно как и принципиальные юноши, избегали их. Тем не менее, даже здесь обычай, кажется, постепенно ослабевает, и хотя афиняне никогда не были такими плохими, как жители Византии, которых обвиняли в том, что они проводили весь день в барах, все же в конце четвертого и в третьем веке до н.э. для молодых людей или представителей низших классов было обычным делом бездельничать в винных барах и игорных домах.

Путешествия играли гораздо менее важную роль в жизни греков, чем в наши дни. В древние времена почти единственным стимулом для путешествий были дела. Купец занимался своим ремеслом в основном как моряк, мелкий лавочник путешествовал по стране в качестве разносчика. В героический период мы также находим ремесленников и странствующих певцов в их странствиях, а в первые века развития искусства и в некоторой степени даже позже скульпторов и архитекторов вызывали издали для выполнения заказов по приказу государства или какой-либо специальной коллегии чиновников. Но те, кто не был ни торговцами, ни ремесленниками, имели меньше склонности к путешествиям, поскольку военные экспедиции, которые, конечно, были многочисленными, вряд ли можно отнести к путешествиям. Были также официальные посольства и паломничества к знаменитым святыням или посещения великих национальных праздников. Опять же, Солон, Геродот и другие путешествовали с политическими или научными целями, с

целью изучения истории или этнографии, чтобы познакомиться с иностранными народами, их манерами и обычаями, странами и зданиями. В александрийский период путешествия предпринимались также с естественнонаучными целями. Наш современный обычай посещать чужие страны ради их естественной красоты был неизвестен в греческой древности, но мы не должны из-за этого предполагать, что древние не испытывали чувства естественной красоты. "Одиссея" дает картину путешествий в героические времена; простой человек тащится пешком, в то время как богач едет в своей карете, запряженной лошадьми или мулами, и тот факт, что последнее было возможно даже в гористом Пелопоннесе, доказывает, что даже в то время там должны были существовать хорошие дороги. Греки никогда не достигали такого совершенства в устройстве дорог, как римляне; очевидно, те дороги, которые вели к национальным святилищам, содержались в наилучшем состоянии, и здесь в каменистом грунте были вырублены правильные колеи, и там были места для проезда других экипажей, остановки и т.д. Однако это было не со всеми дорогами, и мы не должны предполагать, что Древняя Греция обладала ухоженной сложной сетью улиц, подобной той, которую практичные римляне строили в каждом месте, куда приходили их легионы; действительно, в исторические времена, похоже, люди очень мало путешествовали в экипажах. Конечно, их приходилось использовать в длительных путешествиях, особенно когда путешествовали женщины; тогда они пользовались четырехколесными экипажами, в которых иногда спали; и у них также были двухколесные тележки поменьше. Но, как правило, мужчины путешествовали верхом на лошадях или мулах, а очень часто просто пешком, сопровождаемые одним или несколькими рабами, которые несли багаж, необходимый для путешествия, в частности, покрывала, одежду, утварь и т.д.

Если во время многодневного путешествия приходилось где-нибудь заночевать, широко распространенный прекрасный обычай гостеприимства, который преобладал в древние времена и заставлял людей считать каждого незнакомца находящимся под покровительством Зевса, позволял им найти убежище; и, хотя этот обычай не мог сохраниться в более поздние времена в полном объеме, все же последствия его все еще сохранялись, и многие люди заключали своего рода договор гостеприимства с жителями других городов, который обычно передавался потомкам. Этим они обязывались в случае визитов членов той или иной семьи принимать их в своих домах и оказывать им гостеприимство; какой-нибудь маленький знак признания, о котором договаривались заранее, — например, маленькая табличка, кольцо, разломанное на две половинки, или что-нибудь еще в этом роде, — использовался в таких случаях для придания легитимности незнакомцу. Иногда целые округа вступали в такого рода союзы друг с другом, или один-единственный богатый человек становился "другом-гостем" какой-нибудь иностранной общины и развлекал их, когда они приходили в его дом. Услуги "друга-гостя" не всегда простирались настолько далеко, чтобы обеспечить незнакомцу полноценное развлечение, а также кров; часто он предоставлял только кров, необходимые покрывала для постели и пользование камином, которые нелегко было раздобыть, но в остальном оставлял гостя, если он приводил с собой слуг, обеспечивать себя самому; обычно ему присылали какие-то дополнительные подарки в знак гостеприимства. Тем не менее этого обычая "дружбы с гостями" было недостаточно, чтобы обеспечить кровом всех путешественников; поэтому в крупных торговых городах, вблизи гаваней и мест паломничества, таких как Делос, Дельфы, Олимпия и т.д., открывались постоялые дворы, где за плату принимали незнакомцев. Эти постоялые дворы были очень разнообразного характера — некоторые из них, по-видимому, предоставляли только комнаты и немного мебели, особенно кроватей, в то время как приезжий приносил свою кровать и покрывала и должен был сам обеспечивать себя едой; другие поставляли еду и питье и часто пользовались дурной славой, и, следовательно, естественно, что на должность трактирщика в греческой древности обычно смотрели свысока. Вероятно, эти постоялые дворы были не особенно приятными местами для проживания; очень часто хозяин обманывал путешественников, и было принято заранее договариваться о цене на все; были также постоялые дворы, которые использовались как укрытия грабителями и воришками, и, таким образом, могли оказаться опасными местами для гостей. На

другое неприятное свойство южных гостиниц, даже в наши дни, намекает Аристофан в “Лягушках”, когда Дионис, отправляясь в Аид, спрашивает, на каких постоялых дворах меньше всего блох. Путешественники, похоже, не беспокоились о паспортах; легализация была необходима только тогда, когда город, в который они направлялись, был занят войной, или когда они отправлялись во враждебную страну во время войны. Но путешествовать вообще в такое время было нежелательно, поскольку дороги, которые и без того не были особенно безопасными, тогда кишели бродячими наемниками или мародерами. Иногда путешественникам приходилось подвергаться досмотру своего багажа. Официальные лица обычно передавали сборы частным похоронным бюро, и те, следовательно, имели или, во всяком случае, воспользовались правом, если подозревали путешественников в попытке контрабанды предметов, облагаемых пошлиной, останавливать их и досматривать их багаж, а иногда даже вскрывать письма, которые были при них.

ГЛАВА VI.

ПИТАНИЕ И СВЕТСКИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

Банкеты—Различные курсы—Симпозиум—Его Характер—Беседы—Музыка—Развлечения—Жонглеры—Флейта-Девушки—Загадки—Игры—Чрезмерное употребление алкоголя.

В Афинах, как, вероятно, и во всей Греции — за исключением, возможно, Спарты, — главная трапеза дня совершалась вечером. Однако в гомеровский период этого не было, когда его употребляли в середине дня, а вечерняя трапеза имела меньшее значение. Обычаи героической эпохи во многих отношениях отличались от обычаев более поздних времен. В частности, тогда преобладала практика сидеть на стульях во время еды, и фактически не было большого общего стола, которым пользовались все, но перед каждым гостем был свой маленький столик, на который слуги ставили блюда, нарезанные на специальной доске, используемой для этой цели. Другое отличие состоит в том, что, хотя гомеровские герои, в соответствии с условиями своего времени, придававшие особое значение чувственным удовольствиям, очень заботились об обильной еде и питье, и хотя во время трапез постоянно ходили по кругу полные кубки, все же регулярные попойки, которые были обычны в более поздние времена и которые следовали за самой трапезой, были совершенно неизвестны в героическую эпоху.

Рассматривая трапезы того исторического периода, особенно в Афинах, мы должны помнить, что мы имеем дело прежде всего с большими общими банкетами, которые были очень часты среди мужчин, а не с обычными семейными трапезами, которые хозяин дома устраивал в кругу своей семьи. Мы очень мало знаем о том, что происходило на этих семейных обедах, и то только по произведениям искусства. На греческих рельефах на надгробиях мы часто находим изображения семейной трапезы, начиная с классического и заканчивая имперским периодом, когда хозяин дома лежит на своем ложе, а его жена сидит на нем у его ног, поскольку женщинам не считалось правильным ложиться за едой, как это делали мужчины, и когда мы видим на произведениях искусства женщин, лежащих вместе с мужчинами, мы можем быть уверены, что это гетеры, которые не были связаны теми же правилами обычая. Дети в доме сидели вокруг стола на стульях. Но, как правило, жена и дети обедали только в самом тесном семейном кругу; когда приглашались гости, они ужинали одни в женских покоях, и только в некоторых редких случаях, особенно на свадьбах и семейных праздниках, женщинам разрешалось появляться перед мужчинами.

Обычай устраивать развлечения только для мужчин был гораздо более распространен в древности, чем в наши дни; ибо эти банкеты заменяли не только наши вечеринки и другие общественные мероприятия, но и давали мужчинам возможность, особенно во время последовавшей за ними попойки, сидя вместе за вином, обсудить на досуге как серьезные, так и легкомысленные темы. Существовало также множество праздничных случаев, которые давали возможность для этих общих банкетов; публичное или частное жертвоприношение было очень распространенным оправданием, хотя бы потому, что плоть жертвы, от которой, как правило, сжигались только внутренности, можно было наилучшим образом использовать таким образом. Были также дни рождения, похороны, победы в каком-нибудь соревновании или игре, отъезд или возвращение из путешествия друга и т.д.; все эти события отмечались застольями, а также были большие общественные банкеты, которые обычно носили более простой характер из-за количества гостей и того факта, что расходы оплачивались публично. Помимо этих трапез, на которые люди приглашали своих друзей или родственников, пикники были очень распространены. Очень часто все участники посылали корзины с провизией в дом того, кто уступал для этой цели свои комнаты; но еще более распространенным было то, что каждый вносил определенную долю денег и таким образом покрывал расходы на трапезу, которая подавалась в доме одного из участников или какой-нибудь услужливой гетеры. Мы не знаем, какая договоренность была достигнута по поводу вина и были ли расходы, связанные с ним, также покрыты за счет общих расходов.

Вообще говоря, в пятом и четвертом веках было много простого и приятного общения; друзей приглашали без всяких церемоний, в течение дня, прийти на вечернюю трапезу. Если они не появлялись в назначенный час, трапеза начиналась без них, и если гость появлялся позже, это считалось само собой разумеющимся. Кажется, не было ничего необычного в том, чтобы прийти даже без приглашения на трапезу или на *Симпозиум*, который последовал за ней, и один из выступающих в “Симпозиуме” Платона предлагает следующую версию строки из Гомера:—

“На пиры добрых люди приходят незванными”.

Иногда праздные люди, такие как паразиты, которые всегда охотились за обедом, слишком щедро пользовались этим гостеприимством, или появлялись люди, которые не вписывались в остальную компанию и нарушили бы общую гармонию. В таких случаях слуга, стороживший дверь, получал приказ отослать определенных лиц, говоря: “Моего хозяина нет дома”, или же: “Он уже удалился отдыхать”.

Обычный ход событий на одном из таких банкетов был следующим. Приглашенные гости, которые, согласно обычаю, ранее посещали баню, сначала заняли свои места, расположившись на приготовленных для них кушетках. Рабы хозяина или даже гостей, которые часто приводили их помогать прислуживать за столом, затем снимали сандалии или туфли своих хозяев, и поскольку уличная пыль могла испачкать их ноги, которые были лишь слегка защищены подошвами, рабы мыли их еще раз, что было тем более необходимо, что, ложась, они часто отдыхали на кушетках, покрытых очень дорогими покрывалами. После этого они ложатся, как правило, вдвоем на один диван, но памятники часто показывают нам трех или даже более человек на одном диване, и мы не всегда можем с уверенностью определить, придерживался ли художник реальной практики или внес свои собственные произвольные изменения. Лежа, они опирались на левый локоть или на многочисленные подушки за спиной; правая рука оставалась свободной, чтобы брать еду со стола и подносить ее ко рту; но тарелки, блюда, чашки и т. Д. Также брались в левую руку. Когда все гости улеглись и вымыли руки в мисках, которые раздавали по кругу для этой цели, принесли маленькие обеденные столики на трех ножках, которые всегда были немного ниже диванов. На них еда была разложена по тарелкам и всегда нарезана мелкими ломтиками, поскольку вилки никогда не использовались за столом, а только на кухне поварами для разделки мяса, в то время как гости пользовались вместо этого ложкой или иногда выдолбленным куском хлеба и очень редко пользовались ножом. Скатерти и салфетки были неизвестны; место последних заняло мягкое тесто, о которое натирались пальцы. На больших банкетах иногда между блюдами раздавали полотенца и воду для мытья рук, и это всегда делалось в конце трапезы. Практика использования пальцев при еде сделала это незаменимым.

Роскошная жизнь, которая, конечно, была неизвестна в Спарте, была гораздо менее распространена и в Афинах, чем во многих других греческих государствах, таких как Фессалия и, в частности, Сицилия и Великая Греция. В этих местах гастрономическое искусство культивировалось в высокой степени, и существовали книги, в которых различные виды мяса и рагу, рыбы и сладостей и т.д. Перечислялись в стихах, иногда в шуточной манере, а иногда с должной серьезностью. Беотийцы, с другой стороны, пользовались дурной славой за то, что потребляли большое количество пищи, и это грубое описание. В Афинах классического периода трапеза была, как правило, простой и скромной. В различных описаниях банкетов, дошедших до нас от разных авторов, ни разу не упоминается приготовление пищи, и о простоте блюд Платона можно сделать вывод из несколько ехидного замечания, обычно делаемого о том, что те, кто обедал с Платоном, на следующее утро были в отличном здравии.

Чаще всего употреблялось мясо жертвенных животных, особенно быков, овец, коз и свиней; последнее было очень популярно как в жареном, так и в соленом или копченом виде, а также использовалось для изготовления колбас. Древние были знакомы с различными видами колбасы; мы находим упоминания о них даже у Гомера; они также были знакомы с практикой

фальсификации колбас путем добавления мяса собак или ослов. Что касается домашней птицы, то у них были домашние птицы, утки, гуси, перепела, а также дикие птицы, такие как куропатки и лесные голуби; особыми фаворитами были дрозды, которые были очень популярным лакомством на птичьем рынке, где недобросовестные птицеводы надували птиц, чтобы они казались жирнее и в лучшем состоянии. Любимым видом дичи был заяц, о котором очень часто упоминают; у них даже была пословица: “Жить среди жареного зайца”, что означает жить в стране изобилия. Рыбу тоже ели в огромных количествах. В гомеровский период вкуса к ней еще не существовало, но в более поздние времена она была очень популярна. Особым деликатесом были угри из озера Копайс, которые часто упоминаются и были любимыми у всех афинских *гурманов*. В остальном морская рыба была предпочтительнее пресноводной, и, кажется, нет конца различным упомянутым видам, которые также готовились самыми разными способами. Неисчерпаемые богатства соседнего моря позволяли даже беднякам есть рыбу в изобилии; в частности, нежные сардины, которые вылавливались в гавани Фалерума и которые были дешевыми и к тому же быстро готовились, составляли важный продукт питания афинян. Было также большое количество соленой и копченой рыбы, которую готовили в крупных коптильных мастерских Черного моря и на побережье Испании и привозили торговцами в Грецию. Соленые тунелы, селедка и т.д. Были превосходны и к тому же дешевы, а потому очень распространены в качестве пищи для людей. В домах более богатых слоев населения также использовались более изысканные сорта — различные рыбные соусы, икра, устрицы, черепахи и т.д., которые добавляли разнообразия в меню и могли удовлетворить даже самый изысканный вкус.

Говоря о растительной пище, мы должны в первую очередь рассмотреть хлеб и кашу. В основном использовались пшеница и ячмень, а также полба; рожь в Греции не выращивалась, и ржаной хлеб считался пищей варваров. Хлеб пекли в основном из пшеницы, и он был белым или коричневым, в зависимости от большего или меньшего добавления отрубей и более тонкого качества муки. Но простые люди ели мало пшеничного хлеба; главной ежедневной пищей более бедных людей была разновидность ячменной лепешки, называемой *маза*, разновидность каши, которую смачивали и растворяли в воде и из которой делали различные виды с различными пикантными добавками. Эта каша, по-видимому, напоминала *поленту*, которую до сих пор используют на юге, но, вероятно, богатые слои населения ее ели мало. У них также были зеленые овощи и салаты, спаржа, редис, грибы, чечевица, горох, люпин и т.д. Эти бобовые овощи были питательной пищей для бедных людей, и поэтому уличные повара продавали их горячими с огня по низкой цене. Мы находим, что даже в древности южные народы все еще любили лук и чеснок, и их ели сырыми с хлебом. Помимо соли, перца и уксуса, для ароматизации блюд использовались различные специи, такие как кунжут, кориандр, тмин, горчица и т.д., А также сильфий, который пользовался большим спросом, но был очень дорогим и импортировался из Кирены, но в начале христианской эры его уже нельзя было достать. Для приготовления пищи использовалось оливковое масло.

Второе блюдо, игравшее важную роль на больших обедах, состояло из сыра (масло в пищу не употреблялось), всевозможных фруктов и пирожных. Афины особенно отличались своими пирожными, потому что превосходный гиметтский мед служил хорошим материалом для них; кондитеры знали, как печь самые разнообразные виды пирожных, и часто изготавливали их в форме животных, людей и других предметов.

Принято считать, что греки вообще не пили во время еды, но это несостоятельное мнение. Большое количество соленых или приправленных специями блюд, которые они ели, неизбежно должно было вызвать жажду. На самом деле, многие упоминания авторов показывают нам, что во время ужина продолжалась выпивка, но в очень умеренной степени по сравнению с симпозиумом, который последовал за трапезой, и только с целью утоления жажды. Как бы то ни было, когда подали последнее блюдо, они выпили по глотку неразбавленного вина в честь “добротного гения”. Затем столы убрали, и, если застолья не последовало, гости вставали со своих диванов, еще раз вымыв руки. Однако обычно за этими банкетами следовал симпозиум.

Ход симпозиума в целом был следующим: — Присутствующие слуги убрали большие столы, которые использовались во время ужина, и принесли вместо них другие столы поменьше, которые также были на трех ножках, но с круглыми столешницами. На них они расставили чашки для питья, миски и сосуды для охлаждения, тарелки со всевозможными десертами и маленькими лакомствами, которые могли вызвать жажду. Затем гостям раздавали венки, чтобы украсить их головы, а иногда и надеть на шею, и раздавали душистые мази. Пока гости были заняты украшением себя, слуги приносили вино в больших чашах для смешивания, обычно по три в начале застолья, а позже и больше, по мере необходимости. Обычным напитком на этих пирах была смесь вина и воды. Даже в наши дни южные народы редко пьют крепкое вино, не смешанное с водой, а в древние времена несмешанное вино пили только в очень небольших количествах; на симпозиуме, когда было принято пить много и долго, они только смешивали вино, иногда беря равные части вина и воды, а иногда, что было еще более распространенным явлением, три части воды на две части вина. Как правило, в начале каждого симпозиума президент, или “Симпозиарх”, назначался путем жребия или игры в кости, чтобы взять на себя командование до конца вечера, и в его обязанности входило определять крепость смеси, поскольку она могла быть разного вида, такой же слабой, как две части вина на пять воды, или одна к трем, или даже одна часть вина на пять воды, что в последнем случае, безусловно, было несколько безвкусным напитком и презрительно называлось “лягушачьим вином”. В прежние времена было принято сначала наливать воду в чашу для смешивания и заливать ее вином; затем происходил обратный процесс.

Рис. 97.

Более простые сорта вина были очень дешевыми, и, как следствие, это был универсальный напиток, который употребляли даже бедняки и рабы; лучшие сорта были дороже, и лучшее привозили с островов, особенно Лесбоса и Хиоса; Родосские и тазийские вина также в значительной степени экспортировались.

Рис. 98.

Пиво отнюдь не было чем-то неизвестным в древности; в Египте, Испании, Галлии, Фракии и т. Д. Варили солодовый ликер, который, должно быть, имел некоторое сходство с нашим пивом, но греки не любили этот напиток и всегда отзывались о нем презрительно. “Дар Диониса”

оставался национальным напитком греков, но во многом отличался от наших современных вин. Большая часть древнего вина, должно быть, напоминала по вкусу смоляное вино современного Египта, поскольку в него добавляли смолу, а поскольку большие глиняные бочки, в которых вино экспортировалось, были изнутри выкрашены смолой, это, несомненно, придавало вину особый вкус. Они также не знали, как очистить свое вино; обычно оно было густым, и, чтобы сделать его светлым, его каждый раз перед употреблением приходилось фильтровать через мелкое сито или ткань. Вернемся к симпозиуму. Рис. 97 и 97, сделанные по изображениям на внешней стороне расписных чашек, изображают вечеринки с выпивкой. На рис. 97 мы видим трех бородатых мужчин с венками, лежащих рядом друг с другом; перед ними стоят две чаши, кувшин для вина, сосуд для охлаждения, скамеечка для ног и башмак. Мужчина справа держит чашку в левой руке и прикладывает правую руку к голове, которая откинута назад; его открытый рот показывает, что он, как предполагается, поет. Гость посередине энергично играет на двойной флейте, тот, что справа, держит лиру, а в правой руке жезл, но по струнам не ударяет; рядом с ним, на стене, висит футляр для флейты. На рис. 98 также изображены трое мужчин, а перед ними миска, банка, охлаждающий сосуд, еще один сосуд необычной формы и три башмака. Мужчина слева протягивает правую руку с чашей мальчику, стоящему рядом с ним с банкой вина; тот, что посередине, тоже держит чашу и поворачивается в разговоре к тому, кто справа, кто в правой руке держит кубок (σκύφος).

Симпозиум начинался с трех возлияний, возносимых олимпийским божествам, героям и *Зевсу Сотеру*; иногда в это время воскуривали благовония, и если девушка-флейтистка, которая, как правило, появлялась только после этого, присутствовала в начале симпозиума, торжественное действо, вероятно, сопровождалось игрой на флейте. Для этих возлияний они использовали три заранее приготовленные чаши для смешивания, делая по одному возлиянию из каждой; после возлияния из первой они хором пели короткий гимн во славу Диониса (Ραean), который повторялся, если, как это часто случалось, в течение вечера нужно было приготовить новую смесь. Питье, как и остальная процедура, проходило в соответствии с определенными установленными правилами, которые чем-то напоминали те, которые до сих пор практикуются немецкими студентами. Если избирался президент или симпозиарх, он должен был определить не только крепость смеси, но и вид чашки, большой или маленькой, из которой ее следует пить, и, по сути, обычно брал на себя руководство беседой, тосты, фанты и т.д. Обычно на памятниках мы находим плоские чаши с двумя ручками, которые использовались на симпозиуме, но иногда также и большие, глубокие кубки, и после того, как они пили в течение некоторого времени, кажется, что они даже иногда пили из вместительных сосудов, на самом деле предназначенных для охлаждения вина с помощью снежной воды, и что опытные любители выпить, такие как Сократ и Алкивиад, могли опорожнить их одним глотком. Это был очень распространенный обычай опорожнять таким образом кубки, и многие чаши для питья были сформированы таким образом, что их нужно было опорожнять сразу, так как они не могли стоять вертикально. Каждый гость должен был подчиняться постановлениям симпозиарха; он пользовался неограниченной властью в вопросе выпивки, если, конечно, с самого начала не было оговорено, что каждый должен пить мало или много, по своему усмотрению, в течение этого вечера. Те, кто не подчинялся приказам президента, должны были подвергнуться определенному наказанию, которое заключалось либо в употреблении определенного количества алкоголя, либо было направлено на какой-либо личный недуг; так, например, лысому человеку было велено причесаться, заикающемуся - петь, хромоту - прыгать и т.д. Такое принуждение подчиняться указам президента, естественно, приводило к очень обильному употреблению алкоголя, и даже смесь воды с вином была недостаточной защитой от этой практики. Также было очень распространено пить друг за друга и предлагать здоровье друзей или популярных девушек. Было принято, чтобы выпивка распространялась направо, и эта практика также сохранялась для всех других представлений, которые ожидалась от каждого гостя, таких как пение песен, отгадывание загадок и т.д.

Хотя главной целью симпозиума, несомненно, была выпивка, все же мы не должны сравнивать греческие симпозиумы с дикими попойками, обычными в Германии в средние века, которые продолжались до 17 века. Из-за слабости смеси, должно быть, потребовалось некоторое время, чтобы опьяняющий эффект проявился. Более того, были различные развлечения, из-за которых выпивка несколько отошла на второй план, но они, естественно, сильно варьировались в зависимости от уровня культуры и характера гостей. Симпозиумы, подобные тем, что описаны Ксенофонтom и Платоном, на которых не только много пили, но и вели по-настоящему интеллектуальные беседы и обсуждали глубокие проблемы, конечно, идеализированы; и даже на Симпозиуме Платона присутствие девушки-флейтистки показывает, что чувственный элемент рассматривался так же, как интеллектуальное развлечение. Как правило, музыка играла важную роль на симпозиумах. Даже в гомеровский период песня была важной составляющей банкета. Хитрый певец, который пел истории о богах и героях под аккомпанемент “лиры” и которого все жадно слушали, никогда не отсутствовал ни на одном пиршестве, на котором присутствовало большое количество гостей. В исторические времена музыкальные развлечения принимали иной характер, поскольку гости, вместо того чтобы просто слушать, сами принимали в них участие, как правило, не только играя, но и распевая. Существовало три вида пения: припевы, исполняемые всеми вместе, такие как уже упомянутая *Хвалебная* песня; частушки, в которых все пели не вместе, а каждый по очереди; и соло, исполняемые теми, кто обладал особыми музыкальными способностями и образованием. Эти соло были особенно популярны; певец аккомпанировал себе на арфе, и здесь тоже придерживались обычая всегда передавать справа арфу и миртовую ветвь, которые певец должен был держать в руке во время исполнения. Особое значение среди этих сольных песен, с литературной точки зрения, имели “Scolia”, которые обычно носили серьезный характер, либо религиозный, патриотический, либо общеморального характера. Хорошо известный сколион воспевал двух заговорщиков, убивших тирана Гиппарха; это начиналось так:

“В миртовой вуали я надену меч;

Ибо таков меч патриота

Гармодий и Аристоклит обнажились,

Когда они пронзили грудь тирана;

И приказал афинянам быть

Восстанавливаться в равенстве.

Возлюбленный Гармодий, о, никогда

Смерть будет твоей, живущей вечно.

Твоя тень, как говорили люди, наследует

Острова благословенных духов,

Где бессмертные живут славными мертвецами,

Ахилл, пехотинец и Диомед. [\[E\]](#)

Другие песни воспевали вино, радости любви, счастье дружбы; были также особые застольные песни, некоторые из которых были написаны очень великими поэтами, такими как Алкей, Сафо, Анакреонт, Симонид, Пиндар, которые сочиняли их в разных размерах. На вазописи изображен гуляка, лежащий на ложе с венком на голове, держащий в руке лиру и поющий, подняв голову, как будто вдохновленный; слова, написанные внизу вазописцем, показывают нам, что он поет оду Феогна в честь прекрасного мальчика. Здесь тоже со временем менялись вкусы; многие старые песни считались старомодными даже во времена Аристофана, а тот, кто, когда приходила его очередь, пел песню Симонида вместо какой-нибудь величественной песни из Еврипида, считался совершенно отсталым от времени.

Очень часто на симпозиуме присутствовали девушки, играющие на флейте или арфе, и развлекали гостей игрой и пением, а также, вероятно, танцами. Эти девушки были либо специально приглашены и оплачены хозяином на вечер, либо по собственной воле вошли в дом, где, по их мнению, собралась веселая компания, или их иногда представляли гости, пришедшие поздно вечером. Так, в "Симпозиуме" Платона мы находим девушку-флейтистку, присутствующую в начале; она сопровождает вступительное возлияние своей игрой, но один из гостей предлагает отослать ее и позволить ей играть либо для себя, либо для женщин в их собственных апартаментах, поскольку мужчины предпочитают развлекать друг друга разумной беседой. Но Платон был почти одинок в этом мнении, которое он выражает гораздо решительнее в другом месте, говоря, что образованным людям не требовались девушки с флейтами или арфами, танцовщицы или какие-либо подобные глупые развлечения во время выпивки. Большинство людей считали этих играющих девушек одинаково незаменимыми на симпозиуме с развлечениями и венками, и, соответственно, на банкете Платона ближе к концу вечера Алкивиада,

возвращающегося с очередной попойки, уже в состоянии алкогольного опьянения, поддерживает девушка-флейтистка, которая аккомпанирует ему. На изображениях на вазах эти девушки редко бывают лишними; и эти живописные изображения, а также другие намеки на симпозиумы показывают, что присутствие этих девушек было вызвано не только пристрастием к музыке. Девушки-флейтистки и арфистки почти всегда были гетерами, и с ними допускались разного рода вольности; например, гостю могли приказать пронести девушку-флейтистку несколько раз по комнате, или ее могли выставить на аукцион и передать тому, кто предложит самую высокую цену, как его собственность на вечер; и вследствие присутствия этих девушек попойки часто превращались в настоящие оргии, в которых Эроту чтили не меньше, чем Дионису. Художники-вазописцы иногда рисуют нам картины, почти слишком правдивые, хотя в более поздние времена это вырождение обычая, по-видимому, скорее усилилось, чем уменьшилось.

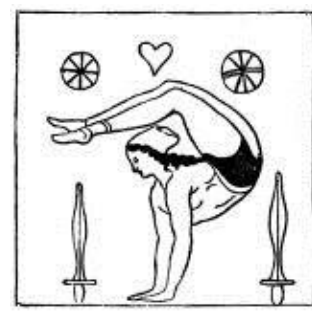

Рис. 99.

Гостям симпозиумов были предложены и другие развлечения. В “Пиршестве” Ксенофонта на ранней стадии мероприятия появляется сиракузанин, приглашенный хозяином, с девушкой-флейтисткой, танцующей девушкой и красивым мальчиком, который играет на арфе и танцует. Они играют и исполняют пантомимические танцы; в частности, есть полное описание одного такого танца, который очень грациозно изображает встречу Ариадны с Дионисом. Фокусники, так называемые “Тауматургисты”, тоже демонстрируют свое мастерство в таких случаях. Танцующая девушка в “Пиршестве” Ксенофонта во время танца подбрасывает в воздух двенадцать колец и ловит их все по очереди; затем она исполняет смелый танец с мечом, переворачиваясь кубарем в стойку, вокруг которой расставлены острые ножи, и снова таким же образом выходит. Мы часто находим подобные изображения на вазописях; так, на рис. 99 изображена девушка, идущая на руках и исполняющая опасный танец между острыми мечами. В аналогичной позе женщина, изображенная на рис. 100, пальцами ног пускает стрелу из лука, зажатого между ступнями. Древние жонглеры, по-видимому, знали все многочисленные трюки, которыми до сих пор восхищаются на ярмарках и других популярных фестивалях, такие как глотание мечей, поедание огня и т.д.; неизвестным в наши дни умением было писать на быстро вращающемся гончарном круге или читать что-то написанное на нем. Было очень распространено приглашать таких жонглеров на свадьбы или после застолий, но, несомненно, прибегать к таким трюкам вместо того, чтобы вести интеллектуальную и интересную беседу, было признанием слабости. На таком же низком уровне находились официальные “артисты”, которые в древности занимали место придворных шутов средневековья. Шутки этих “артистов”, которые путешествовали из дома в дом, от трапезы к трапезе, которые всегда были голодны и рады поделиться своими шутками в обмен на развлечение и плату, были, как правило, очень скудными и поверхностными, и их главная цель, по-видимому, заключалась в том, чтобы заставить молодых людей подшучивать друг над другом и добродушно подчиняться шуткам, разыгрываемым над ними.

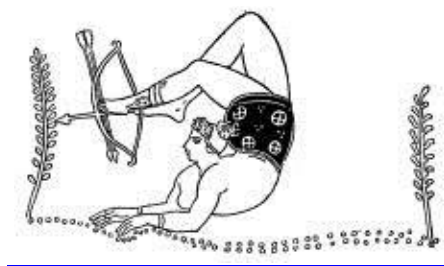

Рис. 100.

На более высоком уровне находились те общественные развлечения, которые способствовали развитию интеллекта и остроумия участников. Вначале была свободная беседа, касавшаяся многих насущных вопросов, политики, литературы и т.д.; Но они обычно избегали серьезных тем, и Анакреонт говорит: —

“Мне не дорог тот человек, который пьет свое вино из полной чаши,

Когда-либо о завоеваниях и войне поет только печальная мелодия,

Но кому принадлежат славные дары Муз и прекрасной Афродиты,

Сливаясь воедино, вспоминаешь чувства радости и любви”.[F]

Они развлекались играми, требующими размышлений — загадками и тому подобным, - например, называли предмет, содержащий имя определенного бога, или пели стих, в котором не должна встречаться одна конкретная буква, или первый и последний слоги которого должны иметь особое значение, и т.д. В кругах, где культура была выше среднего, гостям иногда предлагалась определенная тема для ораторского обсуждения. Здесь, как и в выпивке и пении, очередь также шла направо после того, как тема была предварительно обсуждена и согласована всеми вместе. Назначенные задания были различного рода. Любимым развлечением, по-видимому, было сравнивать присутствующих гостей с определенными объектами, такими как мифические монстры и т.д., и здесь предоставлялась возможность проявить остроумие и отпускать невинные шутки. Иногда, когда присутствовал профессиональный “конферансье”, задача возлагалась на него, но поскольку он не всегда был в изобилии наделен остроумием, часто случалось, что бедняга, который практиковался в своих шутках по необходимости, сильно огорчался из-за того, что его остроты игнорировались. Более сложной задачей, предъявляющей большие требования к интеллекту, было произнести небольшую импровизированную речь на какую-то заданную тему, похвалить или порицать что-то конкретное, и это стало особенно распространенным явлением с развитием риторического искусства. Так, в “Пиршестве” Ксенофонта каждый гость должен сказать, чем он гордится, и привести свои доводы; в “симпозиуме” Платона задачей является прославление Эроса. В эпоху александрийской образованности это даже приводило к ученым дискуссиям, в ходе которых за чашками чая обсуждались всевозможные научные проблемы. Те, кто преуспевал в этих интеллектуальных состязаниях, кто разгадывал трудные загадки и т.д., Были вознаграждены, получив венки или ленты, а иногда и поцелуи; с другой стороны, симпозиарх наказывал тех, кто терпел неудачу, и они обычно заключались в том, что они выпивали залпом целую чашу неразбавленного вина или, что было еще хуже, вина, смешанного с соленой водой.

На симпозиуме, как и в другое время, было также проведено множество игр, в основном молодыми людьми. Той, которая была наиболее популярна на симпозиумах и которую, как

следствие, мы находим на многочисленных памятниках, был *Коттабус*, игра, завезенная с Сицилии, вышедшая из употребления в эпоху преемников Александра и неизвестная римлянам, так что имеющиеся у нас сведения о ней несколько запутанны. Несомненно лишь то, что она заключалась в умелом бросании капель вина, оставшихся в кубке, на какую-то определенную цель и достижении определенного эффекта при попадании в нее. Чашку держали не за ножку, а за одну ручку пальцами, и при броске использовали не всю руку, а только запястье или, если рука была согнута, только предплечье. Существовали различные способы играть в эту игру; для самого распространенного, они, кажется, использовали подставку, что-то вроде высокого канделябра (см. Тот, что представлен на рис. 101), стержень которой можно было закручивать выше или ниже в зависимости от требований. Сверху на нем было закреплено, неплотно расположенное, маленькое блюдце или чаша из меди, и разливаемое вино должно было со звоном пролиться на него и опрокинуть диск; из различных росписей на вазах ясно, что это не было прикреплено к верхушке, поскольку мы видим девушек, устанавливающих диск на верхнюю часть стержня. Этого, однако, было недостаточно; были добавлены различные усложнения, чтобы увеличить сложность. На некоторых стендах коттабуса они прикрепили фигурку раба, называемую “Грива”, сделанную из меди, по которой также нужно было бить при метании, и в зависимости от того, как она была прикреплена к древку, первой или последней. Иногда диск, на который наливали вино, при ударе должен был упасть на другие маленькие весы, установленные немного ниже, и издаваемый затем звук, в зависимости от того, был он сильным или слабым, считался своего рода любовным оракулом. На рис. 101 бородатый мужчина, лежащий на кушетке, выплескивает вино, оставшееся в его кубке, который он держит указательным пальцем правой руки, на стойку коттабуса. Рядом с ним лежит юноша с тирсом, который протягивает фрукты или что-то в этом роде женщине с бубном, сидящей перед ним на подушке. Справа - виночерпий, обнаженный мальчик с банкой вина. Иногда кажется, что они выплескивают вино изо рта, а не из чашки; или они оставляют маленькие блюдца или ореховую скорлупу пустыми плавать по воде и пытаются наполнить их, бросая туда винные капли и заставляя их тонуть. Это занятие, несмотря на большую популярность, которую оно, по-видимому, имело в пятом и четвертом веках, можно рассматривать лишь как очень неинтеллектуальное.

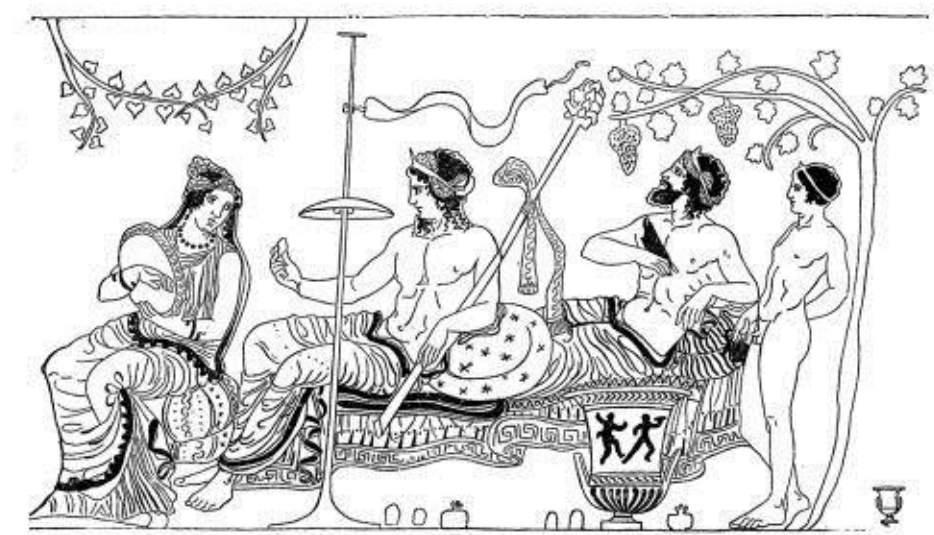

Рис. 101.

Мы можем сразу же перейти к другим наиболее важным играм, в которых взрослые люди принимали участие в часы своего досуга. Многие из них также были детскими играми, в частности игра в мяч, которую мы находим еще во времена Гомера, и она была очень популярна на протяжении всей античности, особенно в часы отдыха после бани или после физических

упражнений в гимнастическом зале, и особенно рекомендовалась врачами как полезное упражнение. Некоторые другие игры также носили полугимнастический характер и поэтому будут упомянуты позже в разделе "гимнастика". Большой популярностью пользовались игры на ловкость или удачу, в которые играли с помощью досок, фигурок, костей и т.д. Мы встречаемся с этими настольными играми, которые были известны египтянам еще в гомеровский период. И в более поздние времена они были любимым развлечением, и мы часто находим их изображения на древних памятниках. Среди различных способов игры в эти игры некоторые имели большое сходство с нашими современными играми; "игру в городки" можно сравнить с нашими шашками; два противника играли за доской, разделенной на клетки, по тридцать камней в каждой, которые отличались по цвету, и игра заключалась в том, что они помещали враждебный камень, чтобы либо захватить его, либо помешать ему двигаться. Терракотовая группа, представленная здесь на рис. 102, вероятно, изображает игру такого рода. Юноша и женщина играют вместе, в то время как третий человек, карикатура, наблюдает за ними; доска грубо разделена на сорок два квадрата, и на ней двенадцать плоских камней, но мы не можем из этого сделать никакого вывода о характере игры.

В этой игре, как и в шахматах или шашках, победа полностью зависела от мастерства игрока, но был добавлен элемент случайности, когда защита камней на их линиях или квадратах зависела от броска костей, как это имело место в игре "пятилинейка" (πεντέγραμμος).

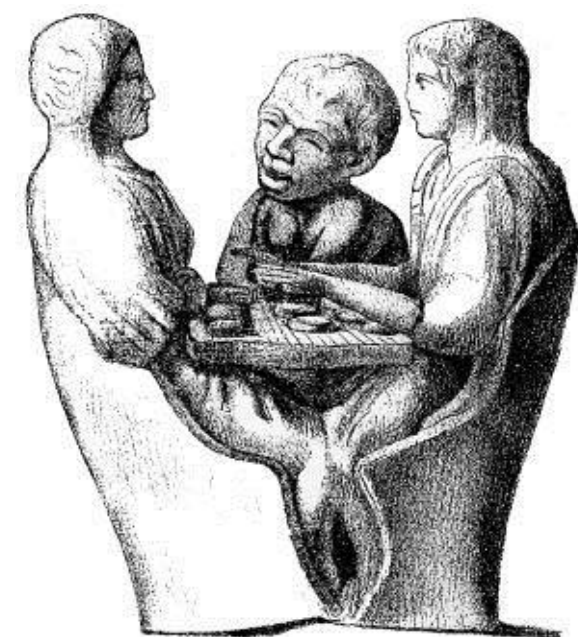

Рис. 102.

Но даже здесь, по-видимому, были внесены изменения, которые позволили бы опытному игроку компенсировать себе неблагоприятный бросок выбором различных доступных ему ходов. Игры, в которые играли костяшками пальцев и игральными костями, были чисто азартными играми, и очень часто в них играли на деньги. При игре в кости они использовали несколько, обычно три, игровых кости, точно соответствующих современным, и чашку, из которой они их бросали, и доску или стол с приподнятым краем, на который они бросались. Победа зависела от количества набранных очков. Лучший бросок, трижды по шесть, назывался "Коан", худший, трижды по

одному, назывался “собака”, но существовали различные правила игры, касающиеся определенных комбинаций, например, такие, как в игре в кости по сей день.

Существовало несколько способов игры с астрагалами, или костяшками пальцев, которые на самом деле были подушечкой голеностопного сустава ягненка, или же были искусственно имитированы из другого материала. Один из способов игры, используемый в основном детьми, но иногда и взрослыми людьми, был настоящей игрой на ловкость и состоял в том, чтобы подбрасывать несколько, обычно пять, костяшек, камешков, бобов, монет и т.д. И снова ловить их тыльной стороной ладони, тем временем подбирая вытянутыми пальцами те, что упали. Иногда они играли только в “нечет или чет”, и один из игроков должен был сразу угадать, есть ли у другого в закрытой руке нечетное или четное количество этих астрагалов, которые заменяли наши фишки. Иногда они играли с астрагалами так же, как с игральными костями. В этом случае четыре большие стороны кости, на которые она могла упасть, имели определенное числовое значение, которое на ней не было написано, но зависело от формы кости, поскольку каждая сторона отличалась от других. Выпуклая узкая сторона засчитывалась как одна, другая, вогнутая, узкая сторона - как шесть, широкая выпуклая сторона - как три, а широкая вогнутая сторона - как четыре; двух и пяти не хватало вообще, поскольку другие маленькие поверхности кости не учитывались, поскольку она никогда не могла упасть на них. Для игры обычно использовались четыре фигуры, и с ними обращались точно так же, как с игральными костями; лучшим броском был тот, при котором каждый из астрагалов лежал в разной позиции, и, таким образом, были представлены все значения, иногда они засчитывались в соответствии с наибольшим выпавшим числом. В произведениях искусства мы очень часто видим девушек, играющих с астрагалом. Одна из самых красивых из них - терракотовая фигурка из Танагры, представленная на рис. [103](#).

Рис. 103.

Другой азартной игрой была “быстрая и беспроеигрышная”, которая очень напоминала игру, в которую до сих пор играют на ярмарках шулеры.

Рис. 104.

Ремешок складывался вдвое и несколько раз наматывался на стол; затем игрок прокалывал его кинжалом или другим заостренным инструментом, и если при разматывании ремешка оказывалось, что острие прошло между слоями ремешка, он выигрывал; но он проигрывал, если ремешок удавалось полностью размотать. Другой любимой игрой была *морра*, все еще популярная в Италии. Два игрока быстро вытягивают вперед свои правые руки с одними согнутыми пальцами, а другими вытянутыми, и они должны с первого взгляда заметить и воскликнуть, сколько пальцев обеих рук вместе вытянуто. Эта игра часто изображается на древних произведениях искусства; например, на вазе, изображенной на рис. 104. Здесь играют юноша и девушка, оба сидят, хотя современные игроки в морра стоят; в левой руке они держат клюшку, цель которой - не дать им в азарте игры по ошибке использовать левую руку. Точно так же итальянцы во время игры закладывают левую руку за спину. Юноша вытягивает четыре пальца, девушка - два, так что число, которое нужно назвать в этом случае, равно шести. Купидон, сидящий наверху, вручает девушке венок и таким образом указывает на ее победу.

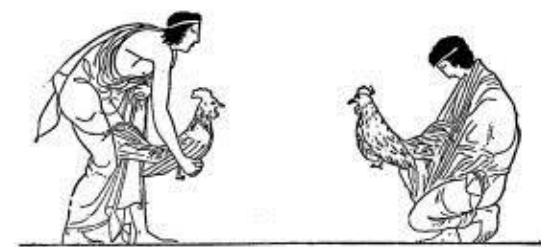

Рис. 105.

Популярным развлечением в Греции были петушиные и перепелиные бои, занятие, которое играло в Афинах настолько важную роль, что для этой цели пришлось использовать даже большой театр Диониса, и афиняне действительно утверждали, что это зрелище было рассчитано на то, чтобы пробудить мужество граждан к отважным поступкам. Бойцовых петухов обучали в Танагре и на Родосе; как молодые, так и пожилые мужчины стремились завладеть бойцовыми петухами или перепелами, носили их с собой часами и пытались всеми возможными способами возбудить их мужество, чтобы получить призы. Для этой цели их кормили чесноком, а иногда им даже привязывали медные шпоры, чтобы сделать нанесенные ими раны более серьезными. Изображения (сравните вазопись, рис. 105) показывают, что перед началом боя каждый владелец брал в руку свою птицу, опускался на колени и таким образом постепенно приближал петухов друг к другу, чтобы возбудить их на расстоянии; затем их направляли друг против друга, и владельцы снова вставали.

Рис. 106.

Иногда при драке присутствовали куры, потому что петухи были более склонны драться в их присутствии. Упоминается любопытный обычай, а именно, что владелец поверженной птицы поднимал ее как можно быстрее и громко кричал ей в ухо; предполагалось, что целью этого было помешать поверженному петуху услышать торжествующее карканье своего победителя и, таким образом, отбить у него охоту к будущим боям.

Вернемся к симпозиуму. Мы уже упоминали, что, несмотря на обычай смешивать вино с водой, выпитое в больших количествах, поскольку пьянство продолжалось далеко за полночь, часто приводило к опьянению. Сцены, которые иногда разыгрывались при свете дрожащих масляных ламп, не всегда были очень привлекательными или свидетельствовали о грации и умеренности, которые мы склонны считать особыми качествами греков. Вазопись, изображенная на рис. [106](#), показывает нам непосредственные последствия чрезмерного употребления алкоголя: мы видим, как юношу рвет вином, в то время как хорошенькая девушка улыбается и держит его за голову.

Официальным завершением симпозиума было возлияние Гермесу, но даже тогда они не всегда отправлялись в путь домой в компании рабов, которые ждали своих хозяев с факелами, но иногда их возбуждение заставляло их шумно бродить по улицам с девушками-флейтистками и факелоносцами в Комусе (κῶμος), и таким образом они входили в дома друзей, которые все еще сидели за вином или отпускали всевозможные шутки и нелепости. Это, естественно, приводило к другим сценам, таким как драки и т.д., особенно если один из участников пытался проникнуть к гетере, когда между соперниками часто возникали ссоры. Вазопись, изображенная на рис. [107](#), представляет собой сцену из Комуса, главным действующим лицом в которой является пьяный Геракл в сопровождении сатиров, но на самом деле это всего лишь сцена из реальной жизни, перенесенная в область героев. Герой, лежащий мертвецки пьяный на земле, по-видимому, потребовал впустить его в дверь, которая оставалась для него закрытой, и какая-то пожилая женщина вылила на него воду из окна над дверным проемом.

Рис. 107.

Два юных сатира, украшенных лентами и венками, из которых один несет тирс и корзину с фруктами и пирожными, другой - миску для смешивания и филе, а также девушка-арфистка с тирсовым жезлом и флейтистка с факелом - сопровождающие этого ночного странника. Эти сцены неприятно контрастируют с завершением Платоновского симпозиума, когда Сократ, который всю ночь сильно пил, но в то же время вел серьезный разговор с несколькими друзьями, такими же стойкими, как и он сам, встает на рассвете, в то время как остальные участники крепко спят, твердым шагом направляется к колодцу в Лицее, а затем, как обычно, приступает к своим дневным занятиям.

ГЛАВА VII.

БОЛЕЗНЬ И ВРАЧИ, СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНИЕ.

Великая чума—Упоминания Гомера о врачах—*Асклеиады*—Клятва Гиппократы—Врачи общей практики и специалисты—*Плут* Аристофана—Обычаи, связанные со смертью, погребением и сожжением—Могила и их украшения.

ГРЕЧЕСКАЯ мифология повествует нам, что в золотой век человечество жило без забот и печалей, одинаково незнакомое ни с пороком, ни с жестокими болезнями; но когда роковое любопытство открыло зловещий ящик Пандоры, наряду с тысячами других бед, преследующих человечество, появились и бесчисленные болезни, которые поражают людей днем и ночью. Таким образом, миф простым языком выражает, что с развитием цивилизации и исчезновением древнего простого образа жизни в соответствии с природой увеличилось и количество болезней. Но чем больше число этих нападений на здоровье и жизнь человечества, тем с большим рвением люди стремятся избежать их, хотя поначалу и чисто эмпирическим путем, и, следовательно, зачатки искусства врачевания столь же древни, как и сама человеческая цивилизация. Древнейший литературный памятник греческой жизни, Гомеровский эпос, почти не упоминает о болезнях, за исключением великой чумы, которая опустошила лагерь греков перед Троей. Причина этого, однако, кроется в характере темы, о которой писал поэт, и мы не должны на этом основании делать вывод, что о болезни было мало известно. Даже у Гомера упоминаются врачи, и хотя гомеровские врачи были в основном озабочены заживлением ран, нанесенных на войне, все же они обладали некоторым хирургическим мастерством вытаскивать стрелы из ран, накладывая повязки и т.д., а также были знакомы с целебными свойствами определенных трав, которые они использовали не только для наружного лечения ран, но и, по-видимому, для внутреннего применения, для уменьшения лихорадки и т.д. Знания такого рода всегда появляются очень рано, даже у народов со слабо развитой цивилизацией, и передаются из поколения в поколение. Но искусство врачевания не ограничивалось героями или полубогами, такими как Эскулапий и Подалирий, которые впоследствии считались родоначальниками профессии врачей и которые в равной степени восходили к богам своим происхождением и своими знаниями. Даже в то время существовали профессиональные врачи, и, конечно, нельзя было полагаться на случай, чтобы определить, что в каждой армии должно быть несколько человек, обладающих хирургическими и медицинскими знаниями.

Уже невозможно проследить в деталях развитие медицинской профессии после времен Гомера. В исторический период мы находим, что искусство врачевания развивалось в двух особых направлениях: во-первых, как практикуемое настоящими медиками; во-вторых, как своего рода религиозное таинство в руках священников; помимо этого, шарлатанство было известно в древности, как и во все времена.

Профессиональные врачи, которые даже в более поздние времена считали свое искусство божественным и переданным по наследству их предком Эскулапом (из-за чего они также называли себя *Асклеиадами*), вероятно, произошли от врачей-жрецов. Весьма вероятно, что в первые столетия после Гомера практика врачебного искусства все еще была напрямую связана с поклонением Эскулапу, и что разделение, которое мы находим в исторический период, когда одни оставались помощниками жрецов в святилищах, а другие практиковали независимо, на свой страх и риск, лишь постепенно проходило. Не может быть простой случайностью, что места, где существовали самые знаменитые медицинские школы древности, Кос и Книд, также считались главными местами поклонения Эскулапу. Профессиональные врачи, которые практиковали свое искусство независимо и не были связаны со святилищами, естественно, получали гонорар, и хотя это принесло им несколько дурную славу, с которой считалось каждое искусство, ведущее к зарабатыванию денег, все же их занятие пользовалось гораздо более высокой общей оценкой, чем любая из профессий, и было серьезным упреком, если они, как это иногда случалось, настаивали

на получении оплаты заранее, а в случае невозможности заплатить вообще отказывались проводить какое-либо лечение. Их знания не были приобретены в колледжах или больницах, как у наших современных врачей, но, как правило, они становились ассистентами или учениками старых опытных врачей, которых сопровождали во время их визитов и которые обучали их диагностике и терапии, а также приготовлению лекарств. Были продавцы лекарств, которые хранили самые важные лекарства, но не было аптекарей в нашем современном понимании, и врачи всегда готовили свои лекарства сами. В ранние времена, по-видимому, не требовалось никакого обследования перед занятием медицинской профессией или какого-либо прямого контроля или надзора со стороны врачей, но в более поздние времена врачи, по-видимому, объединились в своего рода гильдию и, возможно, даже торжественно увольняли своих учеников по окончании периода обучения перед собравшимися коллегами. На это указывает сохранившаяся до нас клятва Гиппократов, в которой молодой ученик Эскулапа обещает заботиться только о благополучии своего пациента, хранить молчание, никому не давать яд, даже по его собственной просьбе, и т.д. Вероятно, эта клятва использовалась только в школе Гиппократов и его последователей.

Среди профессиональных врачей существовало еще одно различие между теми, кто практиковал частным образом, и теми, кто занимал официальные должности. Первые либо давали советы дома, либо посещали своих пациентов. Легкие инвалиды, которые могли выходить на улицу, обычно посещали врача в часы его консультаций, и там они получали не только совет, но иногда и непосредственное лечение, поскольку другие помещения для купания, операционной и т.д. были соединены с кабинетом для консультаций, и врач также готовил и раздавал здесь свои лекарства. Даже тех, кто был очень болен, как, например, раненого Ламаха в “Ахарниях” Аристофана, при неотложных обстоятельствах доставляли прямо к врачу. Конечно, очень знаменитый врач не мог сам лечить всех своих пациентов, и поэтому он нанял ассистентов в своем кабинете для консультаций, которые также сопровождали его, когда он наносил визиты за границу, чтобы воспользоваться опытом мастера у постели больного; и, возможно, пациентам было не очень приятно, когда доктор таким образом прибыл в сопровождении немалой группы студентов. Однако было еще неприятнее, если нехватка средств вынуждала их прибегать к помощникам низшего звена, которые иногда даже были рабами. Эти врачи-рабы были вызваны не только к населению-рабам, но они также лечили свободных людей, в основном тех, кто был слишком беден, чтобы платить высокую плату. О них говорили, что они отличались от лучших врачей, которые были осторожны, изучали и наблюдали за своими пациентами, тем, что наносили очень поспешные визиты, едва уделяя время выяснению природы болезни и торопясь дать любые указания, которые могли прийти им в голову. Иногда гражданин поручал какому-нибудь врачу обучить одного из своих рабов искусству врачевания, предполагая, что тот проявит какие-либо способности к этой профессии, и таким образом у него в доме был кто-то, кто в случае необходимости мог немедленно оказать помощь. Положение греческих рабов, особенно в Аттике, было сравнительно свободным, и поэтому мы не должны удивляться, что они были готовы доверить благополучие своего тела рабу, видя, что они даже оставляли ему большую часть морального воспитания своих детей. Часто жаловались также на свободных врачей, но не из-за их поспешности и беспечности, а скорее из-за их хвастливого и надменного поведения; так, например, Менекрата, врача из Сиракуз, обвиняли в том, что он всегда одевался самым изысканным образом и хотел, чтобы его называли Зевсом. Другие были грубы или невнимательны к своим пациентам, как тот врач, который ответил пациенту, когда тот выразил страх смерти, словами Гомера: “Патрокл тоже мертв, и он был лучшим человеком, чем ты”. Другие вызвали раздражение небрежностью в одежде и шумными манерами, громкими разговорами и т.д. Гиппократ настаивал на том, что врач должен стремиться к определенной элегантности в одежде и бережному отношению к своей персоне, хотя он характерно добавляет, что любой врач волен поступать иначе, предполагая, что так предпочитают его пациенты.

Положение государственных врачей, которые были выбраны и оплачены сообществом и, следовательно, не должны были получать никакой платы за свое лечение, было иным, хотя неясно, лечили ли они всех граждан или только бедных. Эти государственные врачи иногда получали очень высокую зарплату. Так, врач Демоцед, будучи государственным врачом Эгины, получал жалование в размере одного таланта (около 326 фунтов стерлингов); после этого он был вызван в Афины с жалованием в сто миней (393 фунта стерлингов), а в следующем году тиран Самоса Поликрат пригласил его, вероятно, занять должность государственного врача, а не своего личного врача, и назначил ему жалование в размере двух талантов (вероятно, аттических талантов, следовательно, 471 фунт стерлингов). С другой стороны, мы иногда слышим о богатых врачах, которые бесплатно лечат бедных.

Специалисты, по-видимому, не были обычным явлением в Древней Греции, одни и те же врачи лечили внешние и внутренние жалобы, а также мужчин и женщин. Однако из клятвы Гиппократов следует, что существовали специалисты, которые брались за операцию огранки камня. Окулисты были неизвестны до более позднего периода, когда медицинская практика в целом развивалась различными путями, и в частности влияние гимнастики и связанной с ней диетологии оказало очень важное влияние на медицинские методы.

Эти врачи, хотя иногда и использовали странные или “симпатические” методы лечения, все же в целом стремились к научным методам, опираясь на знания, переданные им их предшественниками, и обогащая их своим собственным опытом и исследованиями. С другой стороны, лечебные процессы, к которым прибегали жрецы эскулапских святилищ, по-видимому, занимали весьма сомнительное положение между эмпирической терапией и суеверными фокусами-покусами. С древних времен у жрецов Эскулапа был обычай практиковать искусство врачевания. Предполагалось, что их знания частично были очень древними, переданными самим богом, а частично - божественным откровением, которое постоянно обновлялось. Некоторые святилища Эскулапа были известны и посещались больше всех других благодаря своим чудесным и успешным исцелениям, в частности Кос, Книд, Трикка, но особенно Эпидавр, а впоследствии и Пергам. В эти святилища инвалиды, искавшие исцеления, отправлялись в качестве паломников, точно так же, как в католических странах люди до сих пор ходят к чудотворным святыням, и поскольку в них мы видим бесчисленные памятники успешных исцелений, изображения и описания болезней, восковые или серебряные имитации исцеленной части или конечности и т.д., Так и в древние времена Эскулапу приносили благодарственные подношения, иногда в форме монет, иногда также имитаций рук, ног, глаз, ушей и груди и т.д., Из мрамора, серебра или золота, или же из простого воска или глины, вместе с другими предметами. имя человека, который нашел там исцеление. Некоторые также посвящали таблички, на которых был написан подробный отчет об их болезни и излечении, и жрецы установили во владениях храма большие таблички, на которых были описаны всевозможные чудесные исцеления. Географ Страбон сообщает нам о подобных надписях, описывающих болезни, в святилищах Эпидавра, Коса и Трикки. Павсаний видел во владениях храма в Эпидавре шесть больших табличек такого рода. Несколько лет назад были найдены очень значительные фрагменты двух из них, которые дают нам очень интересное представление о работе в святилищах эскулапов.

Методы исцеления жрецов Эскулапов особенно отличались от методов профессиональных врачей завесой тайны и чудес, которые окружали их, поскольку они правильно понимали, что любовь простых людей к чудесам всегда принесет им успех. Исцеление производилось путем так называемой “инкубации”; пациент должен был лечь ночью в святилище и уснуть; во сне ему являлся бог и либо подсказывал ему средство, которое могло вылечить его, либо же предпринимал немедленное исцеление спящего, так что пациент, проснувшись, обнаруживал, что выздоровел, и радостно уходил! Аристофан в своем “Плуте” драматично описывает одно из таких исцелений в храме. Слепой бог богатства приходит в храм Эскулапа в поисках исцеления; после омовения в море его проводят в святилище; он приносит жертву, а затем ложится спать вместе с другими пациентами, и один из служителей храма предупреждает их соблюдать нерушимое молчание.

Слуга, сопровождающий Плутуса и рассказывающий о происходящем, кажется несколько свободомыслящим мошенником. Он не может заснуть, и поскольку он замечает, что после того, как инвалиды ложатся спать, священники забирают и кладут в карман подношения, возложенные на алтари, он также пользуется случаем, чтобы стащить горшок с кашей у пожилой женщины рядом с ним. Через некоторое время появляется сам бог в сопровождении двух богинь исцеления. Он обходит, осматривает отдельных пациентов и, наконец, приходит также к Плутусу; он ощупывает его голову, вытирает веки льняной тканью, и одна из богинь закрывает его лицо пурпурным покрывалом. Внезапно из глубины храма появляются две огромные змеи, заползают под завесу и лижут веки Плутуса, к которому таким образом возвращается способность видеть. Здесь исцеление происходит во время сна, как и в упомянутых выше историях, связанных с надписями Эпидавра. Там также рассказывается об исцелении слепой женщины, которой во сне является Эскулап и восстанавливает ей зрение, капнув ей в глаза немного целебного лосьона, в обмен на обещание, что она посвятит Эскулапу серебряного поросенка (которому часто приносили в жертву свиней) в качестве наказания за то, что пришла в храм в состоянии неверия. Такие способы лечения слепоты часто упоминаются в надписях; иногда собака, которая также была посвящена Эскулапу, занимает место бога, как змеи у Аристофана, и лечит глаза, облизывая их; в другом случае змея Эскулапа вылечивает раненые пальцы ног пациента, облизывая их. Многие случаи еще более удивительны. Человек, полностью потерявший один глаз, получает его снова с помощью целебного лосьона, который бог вливает в его глазницы во время сна. Женщине, у которой в теле завелся червь, снится, что Эскулап разрезает его для нее, вынимает червя и зашивает снова. У человека есть родинки на лбу, которые бог удаляет, накладывая повязку на лоб, после чего в следующий момент он кажется совершенно белым и чистым, в то время как родинки остаются на повязке; у другого человека отнялись пальцы одной руки, бог прыгает ему на руку и снова выпрямляет пальцы, после чего он снова может ими пользоваться, и т.д., и т.п. Действительно, эскулап лечит не только больных людей, но и безжизненные предметы. Раб разбил чашу своего господина, и пока он сидит, печально глядя на нее, прохожий со смехом говорит, что даже Эскулап не смог бы это починить. Это наводит его на мысль отнести осколки в храм, а на следующее утро, когда он открывает футляр, в который он их положил, то видит, что чаша снова цела!

Трудно сказать, какая часть этих историй является простым шарлатанством, а какая относится к реальному медицинскому лечению с помощью операции. Вполне естественно, что священники сначала получали информацию, расспрашивая каждого пациента о его болезни. Сон в святилище, необходимый для исцеления, вероятно, был не естественным, а либо месмерическим сном — поскольку, несомненно, древние были знакомы с этим, — либо полусном, вызванным каким-либо наркотиком, во время которого появлялись жрецы на службе Эскулапа или их помощники и производили легкие хирургические операции над больными людьми. Эта гипотеза более вероятна, поскольку все лекарства, упомянутые в этих надписях из Эпидавра (которые, хотя и датируются временами Александра Македонского, являются копиями более древних надписей, вероятно, пятого века), касаются только внешних средств и никогда внутреннего лечения; никаких лекарств или целебных напитков не упоминается.

Исцеления, которые происходили позже в святилищах Эскулапов посредством инкубации, или храмового сна, которые были обычны даже в римский период, носили иную природу. Инвалиды на самом деле не были исцелены во время сна, но они получили во сне указание от бога о том, каким образом они могут освободиться от своих страданий, указания, иногда касающиеся диетических мер, таких как ванны, голодание и т.д., А иногда и лекарств. В этих случаях мы также должны предположить, что больной впадал в состояние полусна, во время которого появлялся священник в образе бога и давал соответствующие указания, в которых некоторое количество медицинских знаний, постепенно приобретаемых опытом, сослужило священникам хорошую службу. Иногда целебные *термы*, или источники, которые были найдены рядом с некоторыми святилищами, оказывали хорошую услугу, особенно если инвалиды оставались там в течение

некоторого времени. Греческие святилища Эскулапа почти всегда располагались на возвышенности, где воздух был здоровым и чистым. Должно быть, всегда существовали дома для приема больных людей, особенно тех, кто приезжал издалека. Так, святилище Эскулапа в Эпидавре находилось примерно в четырех милях от города, но, чтобы предотвратить любое осквернение святого места, там не должны были рождаться дети и никто не должен был умирать, и по этой причине беременных женщин и умирающих людей безжалостно отсылали прочь. Конечно, жрецы оказывали свою помощь не просто так, но были вознаграждены деньгами или подношениями святилищу, и мы находим много упоминаний об этих подношениях; действительно, святилище в Эпидавре могло соперничать по богатству с дельфийским.

Оракулы из снов существовали не только в храмах Эскулапа. Многие другие боги или герои проявляли подобную заботу о страдающем человечестве, точно так же, как в наши дни святилища, в которых хранятся чудесные изображения мадонн или реликвии, соперничают друг с другом. Таким образом, больных принимали в храме Гадеса, расположенном между Траллесом и Нисой в Лидии, но здесь метод лечения открывался во сне священникам, а не пациентам, и это также имело место в храме Амфиарая в Оропе, на границе Аттики и Беотии.

Следует также упомянуть о шарлатанстве и симпатических способах лечения. Вера в последнее была очень распространена в древности, и ее разделяли даже непредубежденные люди со значительным образованием. Это производилось с помощью амулетов, которые, как предполагалось, отгоняли или исцеляли болезни, а также магических слов, которые мы теперь должны описать как заклинание; возложение рук, символическое омовение и т.д. Продавцы лекарств были особенно заняты шарлатанством; помимо румян, красок и других средств пропаганды красоты, они также продавали лекарства и предлагали свой товар в манере шарлатанства. Очень часто, когда больным людям не удавалось добиться облегчения или излечения у обычного врача, они отказывались от него и вместо этого прибегали к шарлатанству.

Существовал ряд наполовину символических, наполовину суеверных обычаев, связанных со смертью и погребением, которые частично были связаны с верой в то, что душу будет легче принять и ей будет позволено оставаться в темном царстве теней вследствие такой заботы о теле; но древние также рассматривали подобающее погребение и уход за могилой как выполнение долга, возложенного богами, и, вероятно, также для того, чтобы принести благословение выжившим представителям расы. Таким образом, этой обязанностью пренебрегали лишь в самых редких случаях. Преступников хоронили без всяких церемоний или оставляли гнить непогребенными; самоубийцам тоже отказывали в обычных почестях общественного погребения, и их убирали ночью, в время, которое не было принято для похорон.

Чтобы получить некоторое представление об этих обычаях, давайте еще раз обратимся к тому дому, который мы посетили, чтобы присутствовать при рождении и ранней жизни афинянина из состоятельного класса. Давайте предположим, что, проведя долгую и достойную жизнь на службе своей стране, он лег отдохнуть в последний раз. Окруженный самыми близкими членами своей семьи, он испустил свой последний вздох после того, как сам, умирающей рукой, прикрыл лицо одним из краев своей одежды, чтобы избавить своих друзей от мучительного зрелища смертельной схватки. Теперь один из выживших подходит к кровати, открывает лицо мертвеца и мягко закрывает ему глаза и рот. Согласно любопытному древнему поверью, не свойственному грекам, что человек нечист сразу после вступления в жизнь, а также при его уходе из мира, и поскольку эта нечистота распространяется на весь дом и всех, кто с ним общается, сразу после смерти перед дверью ставится сосуд с освященной водой, которую нужно принести из другого дома, и каждый, кто покидает жилище, окропляет себя из него, чтобы снова быть чистым и иметь возможность общаться с другими. Затем женщины семьи омывают труп, умащивают его прекрасным маслом и душистыми эссенциями и облачают в чистые белые одежды. Это обычная одежда — хитон и гиматий, но надетые так, чтобы были закрыты обе руки и видны были только голова и ноги. Юноши, вероятно, были одеты в хламиды, а спартанцы предпочитали облачать

своих умерших в алые военные плащи, в то время как в Афинах иногда вместо белой одежды использовались цветные. На голову умершего они возлагают венок из настоящих цветов — независимо от времени года, — или же из лавра, оливы или плюща. При погребении его часто заменяли искусственным венком из чеканного листового золота, и многочисленные остатки этих посмертных венков, которые часто были очень художественной работы, были найдены в греческих могилах. Родственники и друзья также прислали свежие венки и гирлянды в знак сочувствия, и они были использованы для украшения носилок и могилы. В рот мертвецу клали монету в качестве платы за проезд для паромщика, который должен был переправить души через Стикс; ибо после того, как вера в Харона, неизвестная в гомеровский период, прочно укоренилась среди греков, считалось благочестивым долгом как можно скорее снабдить мертвеца этими деньгами на проезд, чтобы тень не могла слишком долго беспокойно бродить по берегу Стикса. Монету клали ему в рот, потому что в обычной жизни не было ничего необычного в том, чтобы класть отдельные монеты во впадину за щекой, поскольку в древнем костюме карманы были неизвестны; большие суммы редко носили с собой, или же их клали в сумку. Похожее суеверие заставляло людей в некоторых местах класть рядом с трупом медовую лепешку, чтобы умиротворить пса Цербера, свирепого стража нижних областей. Перед похоронами состоялось торжественное возложение тела, когда друзья и знакомые пришли в последний раз навестить усопшего, а близкие родственники приняли участие в заупокойной панихиде по усопшим. Это выкладывание, или *πρόθεσις*, обычно происходило в центральном зале дома, но при этом заботились о том, чтобы солнце не светило на труп, поскольку даже бог Солнца не должен осквернять себя видом мертвого тела. Покойного клали на кушетку, покрытую подушками и драпировками, украшенную цветами и ветками, его ноги были повернуты к двери дома, через которую он должен был отправиться в свой последний путь; вокруг него, по крайней мере в Афинах, ставили большие или маленькие фляжки с маслом (*λήκυθοι*), украшенные картинами, все изображающие сцены, связанные со смертью или могилами, которые были изготовлены на одной из аттических вазонных фабрик специально для этой цели и, вероятно, были присланы сочувствующими друзьями в качестве погребальных подношений. Помимо ближайших родственников, в торжественном траурном оплакивании принимали участие и близкие друзья, которых иногда специально приглашали для этой цели. Слуги дома также стояли у ложа вместе с другими скорбящими и присоединились к ним в плаче, к которому мужчины и женщины, стоявшие отдельно, присоединялись поочередно. Этот плач был не диким, нерегулярным воплем, а обычным гимном скорби, и очень часто певцов специально нанимали, чтобы придать исполнению красоту, и гимн иногда прерывался припевами, исполняемыми либо всем собранием, либо полупорочьями. Было также показано много внешних признаков скорби, таких, какие обычны на юге, где характер людей более вспыльчивый, а именно: бить себя в грудь, царапать щеки, вырывать волосы, рвать одежду; и иногда крики горя прерывали траурную песню.

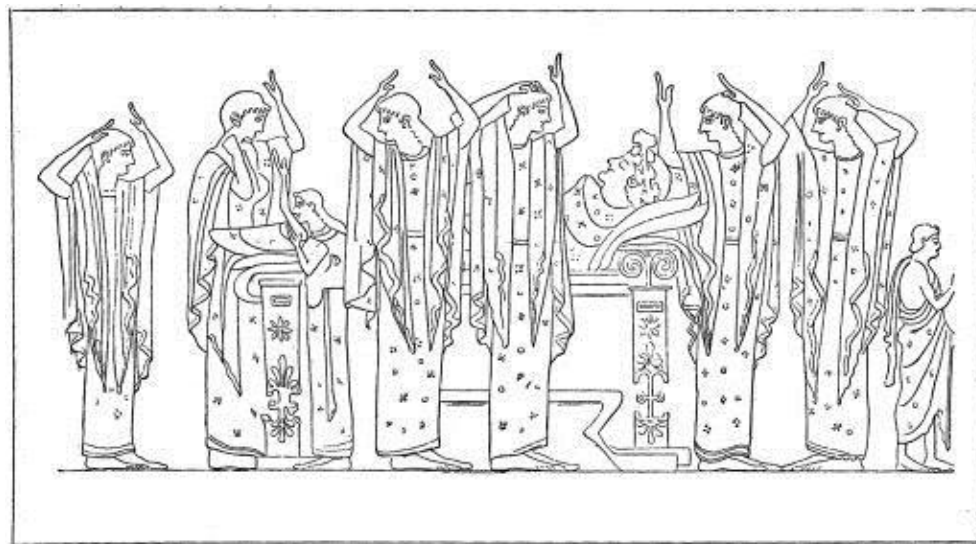

Рис. 108.

Солон предписал проявлять умеренность в этих проявлениях скорби, но, должно быть, было трудно, если не невозможно, какими-либо законодательными указами ограничить выражение дикого отчаяния, особенно со стороны женщин.

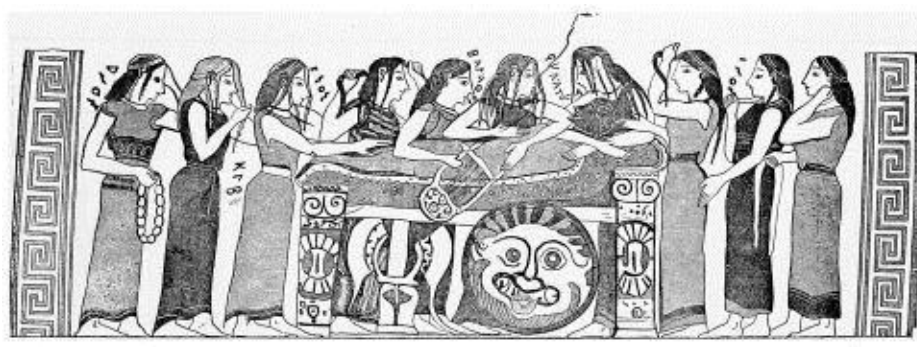

Рис. 109.

Обычай этих похоронных причитаний очень древний. Мы находим его повсеместно принятым в гомеровский период, и здесь тоже в форме откликов; этот плач слышен в Трое у труп Гектора, а также в греческом лагере у гроба Ахилла. Мы находим, что расположение тела и погребальный плач представлены на очень многих вазописях, как, например, на той, что изображена на рис. [108](#). Здесь мы видим покойника, лежащего на богато убранном ложе, перед которым стоит скамеечка для ног; он закутан в мантию до шеи, на голове у него венок, а голова покоится на нескольких подушках. Перед диваном и по бокам стоят шесть женщин, все они поднимают руки в скорбном жесте; некоторые из них прикасаются к головам, как бы вырывая волосы. Маленькая девочка в такой же позе стоит в изножье кровати; справа, отвернувшись от сцены, стоит мальчик. Аналогично выглядит и рис. [109](#). Здесь мы видим под ложем покойника его щит, шлем и кирасу; из плачущих женщин, которые почти все рвут на себе волосы, одна держит в руке лиру, а другая филет; первая аккомпанирует плачу, другая собирается накрыть труп или носилки. Жаркий климат юга обычно требовал ограничить продолжительность этой церемонии одним днем, и, действительно, Солон прямо повелел, чтобы это было сделано; только там, где принимались особые меры для сохранения тела, можно было оставить его на несколько дней. Бальзамирование не было обычным делом в Греции; только когда трупы тех, кто умер в чужих землях, привозили

домой для захоронения, их помещали в какое—нибудь вещество, чтобы остановить растворение, - например, в мед, как спартанцы поступали со своими царями, умершими вдали от дома.

Похороны обычно происходили ранним утром, до восхода солнца, и на протяжении всей древности как погребение, так и сожжение были обычным делом, иногда они существовали бок о бок, в то время как в другое время тот или иной способ был более распространенным. Похоже, что поначалу погребение было более распространенным явлением среди греков, чем сожжение. Это правда, что в гомеровских поэмах мы находим упоминание только о сожжении, но мы не должны забывать, что в "Илиаде" речь идет об исключительных обстоятельствах, поскольку воины, павшие под Троей, умерли не дома; и в таких случаях, даже в более поздние времена, сжигание было предпочтительнее, поскольку оно позволяло выжившим унести пепел мертвеца с собой домой. Тем не менее, даже в те далекие времена захоронение было очень распространенным явлением, как доказывают, несмотря на отсутствие литературных свидетельств, древние захоронения, обнаруженные во многих местах Греции; и точно так же в исторический период сжигание мертвых тел, хотя и практиковалось, было не таким обычным делом, как захоронение, хотя бы по той очень практической причине, что последнее было намного дешевле и доставляло гораздо меньше хлопот. Какую бы форму ни выбрали друзья или назначил сам покойный, торжественная похоронная процессия никогда не пропусклась; крематории, как и кладбища, находились за городскими воротами, поскольку в Афинах и, вероятно, в большинстве греческих государств не разрешалось хоронить своих умерших внутри городских стен; только дорические государства, по-видимому, сделали исключение из этого правила. Очень древняя расписная ваза, по-видимому, служит доказательством того, что в древности было принято доставлять умерших на кладбище в повозке, запряженной лошадьми, но, во всяком случае, в историческую эпоху труп доставляли в могилу на том же ложе, на котором он был выставлен на обозрение. Эту обязанность обычно выполняли домашние рабы, а там, где их было недостаточно, специально нанимались могильщики; в то время как в случае с мужчинами, которые хорошо зарекомендовали себя в своей стране, граждане считали за честь самим выполнять эту обязанность. Если покойный умер насильственной смертью, перед ним несли копье, что указывало на предстоящую месть; затем копье воткнули в землю рядом с могилой, и ближайший родственник произнес проклятие в адрес убийцы, после чего за местом следили в течение трех дней. Это, однако, указывало не только на месть со стороны родственников, но и на наказание, которое должно быть применено законными властями. Как правило, родственники и друзья мужского пола шли во главе процессии, а женщины - позади трупа; но одно из постановлений Солона ограничивало число женщин-последовательниц ближайшими родственницами, не выходящими за рамки племянниц. Среди более дальних родственников только женщинам старше шестидесяти лет разрешалось следовать за ними. Однако этот закон, по-видимому, не соблюдался достаточно строго. Все присутствующие были одеты в серый или черный траур; ближайшие родственники остригали волосы, поскольку обычай сбривать волосы в случае смерти очень древний, и даже у Гомера мы читаем, что срезанные волосы иногда вкладывали в руку покойного. Во время процессии снова пели причитания и сопровождали их завывающие звуки флейты; но здесь обычаи несколько отличались, и, например, в Кеосе, где до нас дошли обряды, касающиеся погребения, во многих отношениях отличающиеся от аттических обычаев, были особые указания выносить тело в тишине. Покойник был одет в ту одежду, в которой его положили, но расточительность и чрезмерная роскошь требовали некоторых ограничений со стороны закона, так что Солон прямо предписал, чтобы количество предметов одежды не превышало трех, а вышеупомянутым постановлением разрешалось использовать только одно нижнее белье, один плащ и одно покрывало, общая стоимость которых не превышала 300 драхм, а также предписал, чтобы ложе, на котором покойника отнесли в могилу, и другие портьеры или подушки не сжигались и не закапывались, а возвращались обратно.

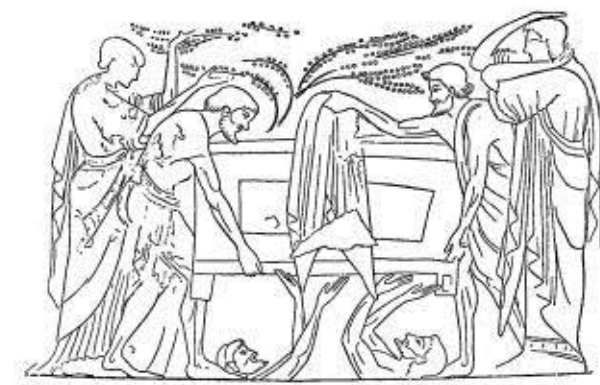

Рис. 110.

Существовали различные способы погребения мертвых. Если их клали в могилу, то было принято использовать гроб, который носильщики опускали в могилу. Мы видим это на изображении вазы, рис. 110. Двое мужчин, похожих на рабов-варваров или представителей низших классов, стоят в могиле и поднимают руки, чтобы принять гроб, который осторожно опускают двое мужчин похожей внешности; справа и слева стоят плачущие женщины. Гробы иногда изготавливались из дерева, особенно кипрского, которое иногда украшалось дорогой резьбой и росписью; иногда из глины, реже из камня, хотя каменные саркофаги находили и в Греции, но обычай украшать их бока скульптурными изображениями не стал обычным явлением до римского периода. Формы гробов различались; были квадратные коробчатые гробы, а также другие овальной формы или заостренные гробы, сделанные из плоской терракотовой плитки.

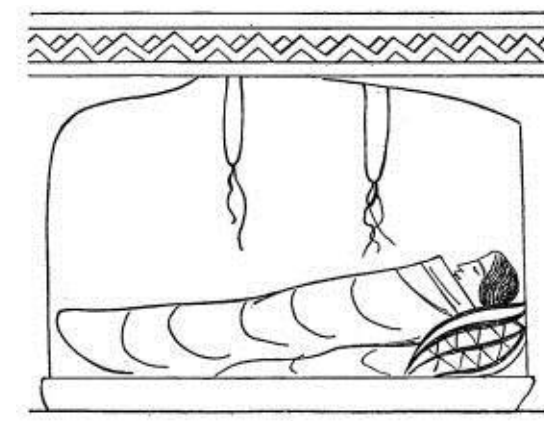

Рис. 111.

Бедных людей обычно хоронили на каком-нибудь общем кладбище, в простых гробах или в могилах, рассчитанных на большое количество людей. У более богатых людей были специальные склепы, которые строились либо путем выдалбливания скалистого грунта под землей или над ней, либо путем искусственного возведения кургана. Любопытные *сооружения* толос в Микенах, Орхомене, Аттике и т. Д. В настоящее время обычно считаются не чем иным, как большими склепами такого рода; и действительно, по всей Греции, Сицилии и Нижней Италии были обнаружены многочисленные гробницы, либо высеченные в скале, либо построенные из больших каменных блоков, не говоря уже о храмах и башнях, которые встречаются в основном в Малой Азии и обычно, по-видимому, имеют негреческое происхождение или влияние. В этих склепах, которые часто служили для целых семей, они хоронили своих умерших либо в гробах, либо без них, просто в погребальных одеждах, обычно на плоском камне. Так, аттическая ваза на рис. 111 изображает мертвеца в его гробнице, свод которой имитировал художник, завернутого в белую ткань, с подушкой под головой; сверху свисают ленты. В Аттике было принято класть тела так, чтобы их головы были обращены на запад, а ноги - на восток, в то время как противоположное положение было обычным в Мегаре, где обычаи отличались другими способами, и иногда в один

гроб клали три или четыре трупа. Обычай класть в могилу рядом с умершим различные предметы, необходимые в повседневной жизни, был универсальным, главным образом вещи, которыми он был занят при жизни или которые принадлежали к его профессии; туда клали одежду, деньги, фляжки для масла и другие вазы, а кроме того, в случае ребенка - его игрушки; в случае воина - его оружие; женское веретено или украшения и зеркало; юношеский стригаль и фляжку для масла; флейту или лиру музыканта. Почти всеми небольшими художественными сокровищами, дошедшими до нас из древности, такими как вазы, терракота, камеи, золотые украшения, шкатулки и т.д., мы обязаны этому обычаю украшать могилы умерших предметами, используемыми в повседневной жизни. Многие из них, особенно вазы, лампы, подсвечники, оружие и т.д., по-видимому, были специально изготовлены для того, чтобы их поместили в могилу, поскольку они часто были бесполезны для практических целей. Несомненно, за стенами были специальные места, предназначенные для сожжения тел, хотя вполне возможно, что некоторые люди были сожжены на своей собственной земле, если она оказалась достаточно большой. Для сооружения кучи использовались дерево, сучья и другие легко воспламеняющиеся вещества; на нее клали тело вместе с подушками, предназначенными для сожжения, среди которых, помимо уже упомянутых предметов, часто были любимые животные умершего; и кучи поджигали факелом. Вокруг стояли плакальщики, которые много раз громко зывали к умершему, прощаясь с ним. По-видимому, с похоронами не было связано никаких других церемоний, и они не носили особо религиозного характера, который придавало бы им присутствие священников или принесение жертв; тем не менее, мы не должны забывать, что сам акт захоронения или сожжения считался религиозным. Надгробные речи произносились только в случае солдат, павших на войне, или людей, которые особенно хорошо относились к своей стране. Когда труп был поглощен огнем и куча сгорела дотла, тлеющие останки были погашены водой или вином. Этот акт изображен на вазописи (рис. [112](#)), на которой изображена сцена из "Апофеоза Геракла". Затем пепел и кусочки костей, которые не были съедены полностью, собирали и складывали в специальный сосуд. Для этой цели они использовали урны, ящики, похожие на гробы, и небольшие сосуды, которые впоследствии помещались в ящики большего размера. Они были изготовлены из различных материалов, глины или камня, латуни, свинца, иногда даже серебра или золота. Затем урны, как и гробы, помещались в склеп или под землю.

По окончании погребения или сожжения родственники и близкие друзья умершего по обычаю возвращались в дом последнего, и после того, как и дом, и его обитатели были очищены от скверны, связанной со смертью, с помощью благовоний и окропления или омовения освященной водой, они вместе принимали участие в поминальном пиршестве. При этом близкие родственники, которые до сих пор воздерживались от еды или, по крайней мере, от мяса, впервые снова приступили к трапезе - обычай, который, вероятно, мог быть соблюден только тогда, когда похороны проводились на второй день после смерти.

Рис. 112.

На третий и девятый дни после этого ближайшие родственники отправлялись на могилу с возлияниями, которые состояли частично из бескровных подношений, таких как молоко, мед, вино и т.д., а частично из принесения настоящих жертв. На месте, где было захоронено тело или прах, если только останки не были помещены в какой-нибудь склеп над землей, они воздвигли надгробный памятник, на котором было указано название семьи и дома покойного, иногда в метрической форме; и даже были приведены подробности о его жизни и его добродетелях.

Рис. 113.

Обычно это было художественно оформлено. Самой распространенной формой была “Стела”, которая иногда представляла собой высокую колонну, иногда просто горизонтальный надгробный камень и изображала умершего человека за каким-либо занятием повседневной жизни. Можно увидеть мальчика, играющего с мячом, и девочку со своей куклой; молодой человек держит в руках свое оружие; сильный воин стоит в полном вооружении, как будто готовый к отъезду; крестьянин в сопровождении своей верной собаки опирается на свою сучковатую палку; молодая жена сидит возле своей рабочей корзинки или с удовольствием разглядывает свои украшения, как на рельефе на рис. [113](#), где дама, кажется, достает кольцо из шкатулки для драгоценностей, которую держат для нее ее слуги; другие изображают умершего в одиночестве или с другими, не занятого каким-либо занятием, но в какой-то простой естественной позе, как две женщины на камне, изображенные на рис. [114](#); другие предполагают смерть, поскольку родственники прощаются с членом семьи. На одной мать умирает, и самый маленький из детей подкрадывается к ней (сравните рис. [62](#)), или они протягивают ей ребенка, все еще завернутого в пеленки, для последнего поцелуя (сравните рис. [58](#)); муж подходит к своей жене, которая отдыхает в мягком кресле, и протягивает ей руку для последнего прощания с выражением печали, смешанной с самообладанием. На некоторых надгробиях удлиненной формы изображена семейная трапеза; муж лежит на диване, жена сидит рядом с ним, дети теснятся вокруг них, и даже верные животные, собака и любимая лошадь, не забыты. Этот сюжет очень распространен; иногда это простая сцена из повседневной жизни, иногда мастер изображается в более героической позе уже мертвым, и его родственники воздают усопшему подобающие почести и обожание.

Рис. 114.

Рис. 115.

Кажется, на большинстве греческих надгробий мало попыток изобразить настоящие портреты; это идеальные типы, часто необычайной красоты, иногда, возможно, с некоторым легким сходством с умершими, но ни в коем случае не реалистичные портретные статуи. Но будь то сцена из реальной жизни, представленная искусством, или горькое последнее прощание, или какой-либо намек на будущую жизнь, что в последнем случае отнюдь не редкость, эти рельефы всегда отличаются умеренностью в выражении боли и умиротворяющим чувством спокойствия и достойного выражения печали, что может лишь оказать возвышающее воздействие даже на тех, кто вырос во взглядах христианства. Так обстоит дело даже тогда, когда какой-нибудь простой каменщик грубо выразил в камне мысль о расставании и воссоединении; насколько же больше этого можно сказать о тех великолепных творениях лучшего периода аттического искусства, к которому принадлежат представленные выше образцы.

Рис. 116.

Для этих надгробий было принято много других форм. Очень часто стелы украшались росписью вместо рельефов; у некоторых поверхность была расширена, а фон выдолблен, что придавало им характер, подобный алтарю, и они часто обрамлялись соответственно колоннами и фронтонами. Иногда камни имели форму вазы, особенно сосуда для масла, столь важного в своей ассоциации со смертью, и это тоже могло быть украшено скульптурой. Иногда на могиле устанавливали низкие колонны круглой или квадратной формы, на которых часто изображали

сирену, имевшую особое значение как исполнительницу траурных песен; иногда туда помещали целые статуи — идеальные картины или портреты умершего, хотя этот обычай был более распространен в эллинский период, чем в лучшие века искусства.

Детская привязанность и вера побудили их еще больше украсить эти могилы венками, гирляндами, растущими растениями и т.д. Эти отношения часто возобновлялись, и особенно в годовщины рождения и смерти, они сопровождались возлияниями и жертвоприношениями, распространяя сладкие ароматы или вино, или другими способами демонстрировали, что память об ушедшем не покинула их. Сохранилось много рисунков, особенно на вазах, изображающих уход за могилами. На рис. [115](#) с вазописи изображены две женщины, приближающиеся к стеле с тарелками с флягами и филе. Точно так же на рис. [116](#) плачущая женщина в конце стелы нарисована с особым изяществом.

Таким образом, греки достойно чтили память своих умерших, хотя их траур длился и близко не так долго, как принято у нас, а обычно ограничивался одним или несколькими месяцами.

Рис. 117.

Даже в случае с теми, кто умер вдали от дома и чьи останки невозможно было вернуть, как, например, с теми, кто утонул в море или вообще пропал из виду, они воздвигали кенотафы, чтобы иметь какое-то место, с которым можно было связать церемонии, посвященные памяти умерших. Надгробие, представленное на рис. [117](#), вероятно, принадлежало человеку, который расстался с жизнью каким-то подобным образом, возможно, в результате кораблекрушения. На рельефе изображен мертвый человек, печально сидящий на суше рядом со своим кораблем и смотрящий в сторону своего далекого дома, который ему больше не позволили увидеть. В пустом месте ниже его имя и, вероятно, также подробности его смерти были начертаны письменно, которое сейчас стерто.

ГЛАВА VIII.

ГИМНАСТИКА.

Прыжки—Использование гантелей—Бег—Гонка с факелом—Метание копья—Борьба—Бокс—Панкратион—Пятиборье—Игры мячом—Стрельба из лука—Тренировки.

У НАС уже была возможность упомянуть о важной роли гимнастики в жизни греков. В дорических государствах это было основой образования как девочек, так и мальчиков, и даже в Афинах тренировка тела была важной чертой воспитания мальчиков и юношей, а также усердно культивировалась даже впоследствии ради развития и укрепления тела. Теперь мы должны рассмотреть наиболее важные из этих гимнастических упражнений и способ, в котором они выполнялись, рассматривая сначала более легкие и незатейливые, а затем более трудные и запутанные.

Одним из главных упражнений в гимнастических школах и вообще в спорте были прыжки. Наряду с бегом, метанием ядра, борьбой и боксом, прыжки рассматривались даже в гомеровскую эпоху как часть гимнастики, но мы очень мало знаем о способе, которым они практиковались. В тот исторический период мы находим те же виды прыжков, что и в наши дни, а именно прыжки в высоту, в длину и в высоту в длину; среди них прыжки в длину имели первостепенное значение и были единственными, которые использовались на соревнованиях. В то время как мы, однако, больше ограничиваемся прыжками с трамплином или без него и не используем никаких искусственных средств, за исключением, возможно, шеста, в древние времена широко использовались гири (*ύλτήρες*), и хотя они требовали от прыгуна больших усилий из-за дополнительного веса, все же они давали ему некоторое преимущество, увеличивая импульс. Эти гири представляют собой просто гантели, сделанные из металла или камня, и по форме напоминают те, которые мы используем в наши дни для самых разных целей. Их было два вида. Более старая форма напоминала сегмент круга, несколько меньший, чем полукруг, причем часть круга использовалась в качестве рукояти. Этот более старый вид гантели, который представлен на многих изображениях на вазах, использовался в более поздние времена главным образом в гигиенических целях. Другой вид вошел в широкое употребление в спорте, и особенно в пятиборье; они в точности напоминали наши современные гантели, для которых, собственно, и служили образцами. Круглый мяч крепится на обоих концах массивной ручки, изогнутой во что-то вроде изгиба, и иногда — особенно когда они использовались не только для тренировки рук, но и при прыжках — один из этих мячей был больше и тяжелее другого, и при прыжке он выбрасывался вперед.

Нам прямо говорят, что эти гантели также использовались в древней гимнастике для укрепления плеч, рук и пальцев, и на многих старинных вазах, где мы видим гантели в руках юношей, поза предполагает именно такие упражнения, а не прыжки. На картине, представленной на рис. [118](#), один из мужчин держит в руках две такие гантели; нелегко решить, готовится ли он к прыжку, как обычно предполагается, или только отрабатывает упражнения с гантелями. Тем не менее, последнее, по-видимому, использовалось только второстепенно, а главным применением гантели были прыжки.

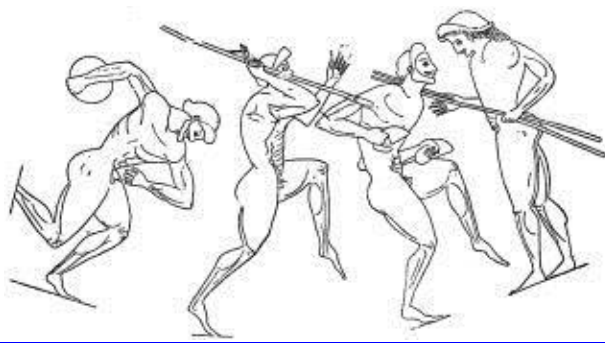

Рис. 118.

Во время бега, предшествующего прыжку, они держали гантели за спиной и в момент прыжка сильно выбрасывали руки вперед; импульс, создаваемый весом, затем передавался также ногам и позволял им преодолевать большее расстояние. Поэтому мы часто находим прыгунов, изображенных на картинах с вытянутыми перед собой руками; и практические попытки, предпринятые в последнее время, убедили нас в том, что важность гантелей в прыжках объяснялась не столько движением назад, сообщаемым ими, сколько выбросом рук вперед. При прыжке вниз руки снова были отведены назад, как мы также можем узнать из рисунков, и таким образом была достигнута устойчивая и безопасная поза стояния. В случае с юношей, изображенным с гантелями на рис. [119](#), взятыми с гравированного диска (сравните ниже, рис. [126](#)), неясно, использует ли он их просто для тренировки рук или для помощи в прыжках; возможно, он совершает предварительную пробежку. Другие изображения перемычек приведены ниже, на рис. [121](#) и [121](#). Весьма вероятно, что эти пружинящие утяжелители использовались для прыжков в длину, но не для прыжков в высоту, где они были бы скорее препятствием, чем подспорьем.

Другой сложный вопрос заключается в том, пользовались ли древние шестами для прыжков. Нет ни одной картины, о которой мы могли бы с уверенностью сказать, что она представляет упражнения с шестом для прыжков, хотя на вазах с изображениями гимнастических сцен мы действительно очень часто видим палки или шесты, но всегда можно найти для них другую интерпретацию. Таким образом, это могут быть дротики, которые использовались для метания, или измерительные стержни, с помощью которых надзирающие учителя или судьи измеряли длину прыжка или броска, или это могут быть просто палки, которые носят в знак официального положения. Ни один из авторов не предоставляет прямой информации об использовании шестов для прыжков; они почти не упоминаются, за исключением упоминаний о случайных прыжках через траншеи с помощью шеста и вскакивании на лошадей с помощью копья; и, соответственно, мы можем сделать вывод, что они не играли важной роли в древней гимнастике.

Рис. 119.

Еще один спорный вопрос заключается в том, использовали ли древние трамплин. Некоторые упоминания более поздних авторов, по-видимому, предполагают, что они использовали небольшую возвышенность (*βατήρ*), с которой они совершали прыжок в длину, который был

самым распространенным и единственным видом, используемым на соревнованиях. Однако ничто не указывает на то, что это возвышение было деревянным и, таким образом, давало прыгуну преимущество из-за его эластичности; по-видимому, это был всего лишь небольшой холмик земли. Ход событий был примерно таким: все, кто принимал участие в состязании, занимали свои места в ряд за линией, начерченной на песке школы борьбы, и прыгали оттуда по очереди; конечно, это делалось не без предварительного бега, поскольку некоторые достижения древних в прыжках в длину были бы совершенно невозможны без бега. Соответственно, они, должно быть, добежали от назначенного места до насыпи и спрыгнули с нее. Там, где остановился первый прыгун, была проведена новая линия киркой, какую мы часто видим на изображениях ваз в руке юноши или суперинтенданта, и они также использовались для рыхления земли, чтобы уменьшить удар при прыжке вниз. Те, кто следовал за ними, конечно, пытались прыгнуть еще дальше, и каждый более длинный прыжок снова отмечался линией, в то время как короткие оставались незамеченными, если только, как в случае с пятиборьем, целью не было иметь нескольких победителей. Наконец, результат различных прыжков определялся с помощью длинных цепочек измерений. То, что древние писатели рассказывали нам о замечательных достижениях греческих атлетов в прыжках в длину, звучит почти сказочно; особенно история о Хионисе, который, как говорят, прыгнул на 52 фута, и Файлле, который прыгнул на 55. Современные авторы по гимнастике объявили эти утверждения невозможными и преувеличенными, несмотря на то, что они основаны на хорошем авторитете; но было бы неправильно заявлять о нашей неверии только из-за нашей современной гимнастической подготовки, которая полностью отличается от греческой, поскольку эластичность сухожилий и мышц, которые задействованы при прыжках, с ранней юности не была развита так хорошо, как это было в Греции; более того, эти описания относятся к особым *упражнениям в силе*, и были лишь замечательными исключениями. В любом случае, греки, должно быть, многого требовали даже от обычных прыгунов, иначе они не считали бы прыжок, который сам по себе является одним из самых простых упражнений, одним из самых сложных достижений в гимнастических соревнованиях.

Бег уже упоминается Гомером среди видов спорта, которыми занималась молодежь Феакии; он был очень популярен и в более поздние времена и составлял важную часть гимнастических состязаний, которые проводились на великих эллинских празднествах. Скорость имела не такое большое значение, как выносливость и преодоление трудностей на местности, потому что они бежали не по твердой земле, а по мягкому песку, где быстро бежать было вдвойне трудно, так как ноги вязли, если их ставить слишком твердо. Существует четыре вида гонок, в зависимости от продолжительности курса: один курс (*στάδιον*), двойное поле (*δίαιλος*), скачки (*ἵπλιος δρόμος*), так и длительный курс (*δολὶχός*). Единственной дистанцией была длина беговой дорожки, или *стадиона*, то есть шестьсот футов; бегун должен был измерить дистанцию от начала до конца. При двойном ходе одно и то же пространство было пройдено в обоих направлениях, то есть дважды. В конных скачках они дважды пробегали взад и вперед, следовательно, четыре *стадиона*, что, следовательно, было длиной дистанции для верховой езды, отсюда и ее название. Существуют очень разные сведения о протяженности длинной трассы; упоминалось семь, двенадцать, двадцать и даже двадцать четыре *стадиона*; последний (около трех миль), по-видимому, был обычной протяженностью в Олимпии. Невозможно сказать, вызваны ли эти различные утверждения ошибочными расчетами или различиями в обычаях; тем не менее, нет причин сомневаться даже в упомянутой самой длинной дистанции, поскольку многие из наших современных бегунов могут преодолевать гораздо большие дистанции, так что дистанция в двадцать четыре *стадиона* вполне могла бы считаться высшим достижением хорошего спортсмена. Наши власти, однако, не сообщают нам, какая степень скорости была обычной. Мы знаем, что образовательная и практическая ценность бега зависела не только от достижения большой скорости на короткой дистанции, но и от выносливости, необходимой для преодоления длинной дистанции; и среди упражнений в гимнастических залах, вероятно, равному темпу в длинных забегах придавалось такое же значение, как и скорости. Но когда на соревнованиях

практиковался бег, умеренность в скорости, конечно, уступала место попытке быть первым в забеге, и в результате мы слышим о случаях, когда бегун-победитель, достигнув призового места, падал замертво из-за чрезмерного напряжения, подобно бегуну Ладасу, статую которого сделал Майрон. Поэтому у бегунов, как и у других, кто участвовал в гимнастических соревнованиях, была привычка предварительно натирать свое тело маслом, чтобы сделать конечности гибкими. При беге трое или пятеро обычно вступали в игру одновременно; когда их было больше, они, по-видимому, делились на партии по четыре человека, и в этом случае победившая сторона должна была бежать еще раз, чтобы определить окончательную победу. Сигнал к бегу подавался сбрасыванием веревки, натянутой перед бегунами; во время бега они либо держали руки с локтями, плотно прижатыми к бокам, либо яростно и регулярно размахивали ими назад и вперед, в такт движениям ног; первое положение, вероятно, было зарезервировано для длинной дистанции, когда речь шла о сохранении равной скорости, а второе - для самой быстрой дистанции, в которой размахивание руками могло бы помочь; однако даже здесь правило гласило, что хороший бегун должен сначала двигаться медленнее, и только постепенно двигайтесь с максимальной скоростью.

Рис. 120.

Изображения бегунов, которые очень часто встречаются на вазах, особенно на так называемых *Панафинейских* призовых амфорах, обычно демонстрируют особенность держать переднюю ногу очень высоко, в то время как другая отведена далеко назад и, кажется, касается земли только пальцами ног. На обычных изображениях бегунов мы обычно видим переднюю ногу, упирающуюся в землю, а другую отброшенную далеко назад, и это иногда встречается на старинных изображениях, но реже; поэтому мы должны предположить, что быстрый бег в древние времена состоял скорее из серии широких прыжков, при которых земли касались только пальцы ног. На вазописи, представленной на рис. [120](#), мы видим четырех бегунов, движущихся таким образом слева направо; их левые ноги выбрасываются далеко вперед, правые - назад, а руки размахиваются движением, соответствующим движению ног. Ранее существовавшая гипотеза о том, что на вазописях бегуны слева направо бегут одиночным ходом, а бегуны справа налево - длинным, однако, несостоятельна. Двое тренирующихся мужчин на вазе, рис. [121](#), прыгают точно таким же образом; позади них другой мужчина готовится прыгать с гантелями, рядом с ними стоит учитель или суперинтендант в плаще, с розгой в руке; на земле лежит ключ.

Рис. 121.

В древние времена бегуны обычно носили на чреслах какую-нибудь драпировку, но впоследствии на них вообще не было одежды. Существовал, однако, особый вид забега, называемый “гонка в доспехах” (ὀπλιτοδρομία), который был введен в Олимпийские игры только в 520 году, когда бегуны носили тяжелые доспехи *гоплитов*. В древние времена они, по—видимому, бегали в полном доспехе, то есть в шлеме, кирасе, понож, меч и копье; впоследствии, если мы можем доверять изображениям на вазах, забег в доспехах заключался в беге в шлеме и круглом щите, как показано на рис. [122](#). Этот вид забега, который, конечно, требовал еще большего напряжения, по-видимому, использовался только для одиночного и двойного забега, и главным образом для последнего, но не для конного забега или длинного забега.

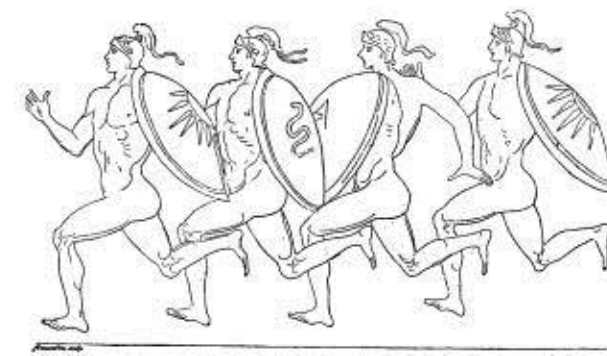

Рис. 122.

Гонка с факелами (λαμπάδοδρομία) была скорее вопросом мастерства, чем скорости или физической силы. Это было особенно популярно в Афинах, и составляло важную часть некоторых фестивалей, особенно Панафинейских, а также фестивалей Гефеста и Прометея, но не имело ничего общего с гимнастическими состязаниями наст на великих национальных играх. Молодые люди, принявшие участие в факельном забеге, зажгли свои факелы у алтаря в Академии и вместе побежали оттуда с горящими факелами в какое-то назначенное место в городе. В этой гонке победителем становился не тот, кто бежал быстрее всех, а тот, кто первым добрался до цели с горящим факелом. Поэтому было важно бежать быстро и в то же время осторожно, чтобы факел не погас. Расходы на организацию, которые, однако, не могли быть очень значительными, относились к так называемым Литургиям - расходам, добровольно взятым на себя некоторыми богатыми гражданами. Они также должны были руководить тренировкой или, во всяком случае, следить за тем, чтобы она выполнялась. Если мы можем судить по древним изображениям гонки с факелом, бегуны иногда, помимо факела, носили щит на левой руке, а также какой-нибудь головной убор и, поскольку на самом деле речь не шла о большой скорости, какой-нибудь легкий предмет одежды.

В-третьих, мы должны рассмотреть возможность использования квот. Это упражнение, целью которого было забросить тяжелый диск как можно дальше, также упоминается в "Одиссее". Юноша из Феакии играл в нее, но Одиссей превосходит их всех и посылает брошенный им диск дальше всех отметок других игроков. Квойты также упоминаются как развлечение женихов и среди погребальных игр в честь Патрокла. Гомер упоминает о качестве камня и железа; в более поздние времена металл, главным образом железо или бронза, был самым распространенным материалом. Они были круглой и плоской формы, несколько приподнятые с каждой стороны, диаметром около фута, и поэтому были очень тяжелыми, и их нелегко было схватить из-за их гладкости. Описания древних писателей и памятников дают нам очень четкое представление о том, каким образом были брошены эти диски.

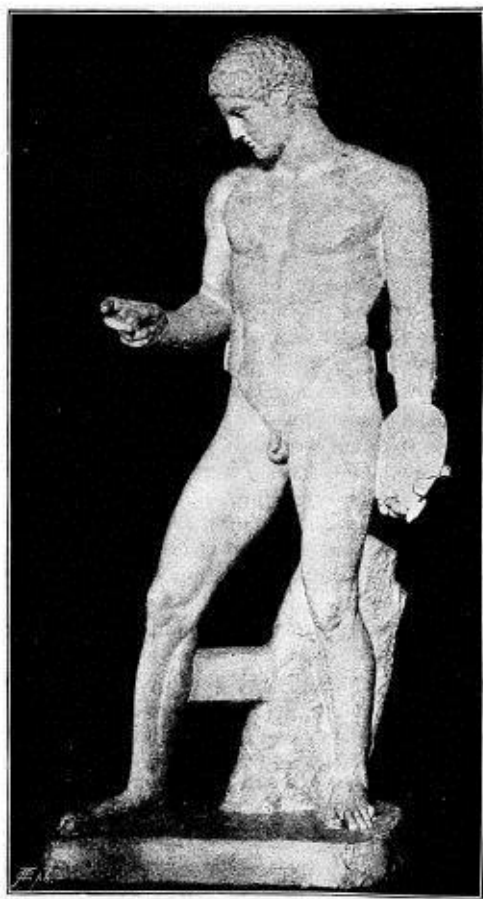

Рис. 123.

Игрок в квойт, прежде всего, занимал твердую позицию, и пока он измерял пространство, через которое ему предстояло бросить свой диск, он держал его в левой руке, чтобы не слишком утомлять правую; именно в таком положении мы видим стоящего “Дискобола” в Ватикане, представленного на рис. [123](#). Позу, принятую при фактическом броске, лучше всего передает Дискобол Мирона, который дошел до нас в нескольких экземплярах и который так описан Лукианом: “Он наклоняется, чтобы прицелиться, (его тело) повернуто в направлении руки, которая держит курок, одно колено слегка согнуто, как будто он намеревался изменить свою позу и приподняться при броске”. Поэтому метатель несколько согнул все свое тело в тот момент, когда он выбросил назад правую руку с диском, чтобы придать ей необходимый импульс, крепко прижимая левую ногу к земле и зарываясь пальцами ног в песок, в то же время сгибая правое колено, чтобы придать диску большую силу, подпрыгивая из своего согнутого положения в момент броска. В этой позе положение головы повторяло все направление тела с небольшим наклоном вправо (слева от зрителя), как мы можем узнать из лучших сохранившихся до нас копий

"Дискобола" Мирона, статуи в Палаццо Массими в Риме и бронзовой статуэтки в Мюнхене; наклон головы вниз в копии из Ватикана, представленной на рис. [124](#), и на других копиях статуи, вызван ошибкой реставрации. Мы также можем с некоторой уверенностью предположить, что они не оставались на том же месте в момент броска, а имели достаточно места, чтобы отбежать немного вперед, как это делается даже сейчас при игре в кегли — игре, которая мало чем отличается от игры в кво, — поскольку сила броска была бы проверена, оставаясь на одном месте. Так, бронзовая статуя, рис. [125](#) (хотя иногда ее интерпретируют как борца, бегущего в атаку), изображает метателя диска, бегущего на несколько шагов вперед, верхняя часть его тела наклонена вперед, и пытающегося проследить за результатом своего броска. Вероятно, небольшое возвышение, с которого, согласно древним авторам, метатель метал мяч, обеспечивало необходимое пространство для этого движения вперед, и крайний край этого возвышения ($\beta\alpha\lambda\beta\acute{\iota}\varsigma$) также был пределом, который в случае соревнования не позволял никому бежать дальше других или метать свой диск с более близкой точки, так что условия соревнования могли быть одинаковыми для всех. Судьи, или суперинтенданты, тщательно отмечали линиями или каким-либо другим способом место, в которое каждый участник боя бросал свой диск, и тот, чей мяч пролетал дальше всех, становился победителем.

Метанию мяча, а также бегу и прыжкам обучали даже мальчиков, но, несомненно, они использовали диски меньшего размера и легче, чем мужчины. Диск с Эгины, ныне находящийся в Берлинском музее, одна сторона которого представлена выше на рис. [119](#), имел всего восемь дюймов в диаметре и весил около четырех фунтов, но, вероятно, никогда не использовался в качестве настоящего школьного инструмента.

Метанию копья также обучали в гимнастических школах для мальчиков. Первоначально это было военное упражнение; мы находим, что оно упоминается в героические времена не только как способ ведения боя, но и как игра. В гимнастических школах мальчиков и юношей часто использовали, как мы можем судить по картинкам, вместо настоящего копья тупую палку примерно такой же длины, но, должно быть, иногда для своих упражнений они использовали настоящие копья с острыми концами, поскольку оратор Антифон рассказывает нам, что один из старших мальчиков в гимнастическом зале убил младшего, который по ошибке оказался у них на пути, и это было бы невозможно, если бы использовалась простая палка.

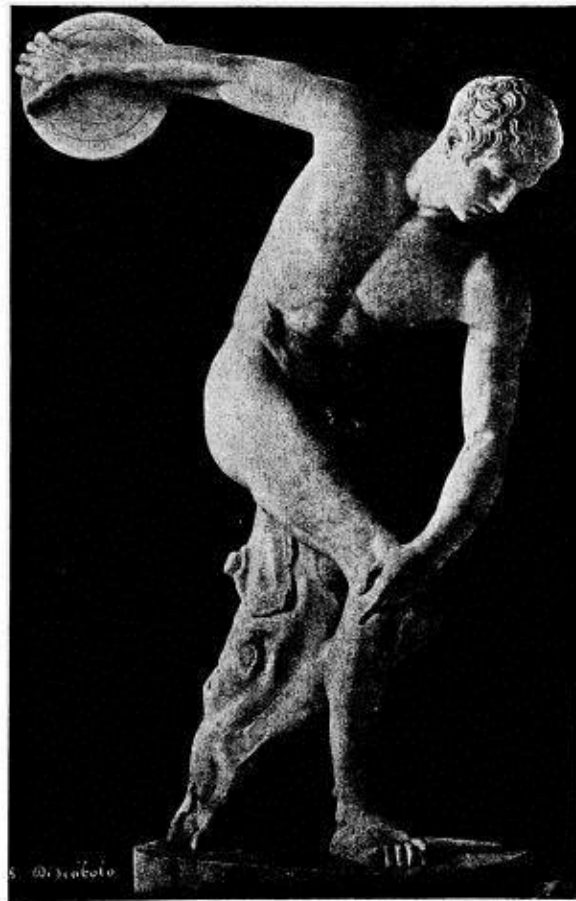

Рис. 124.

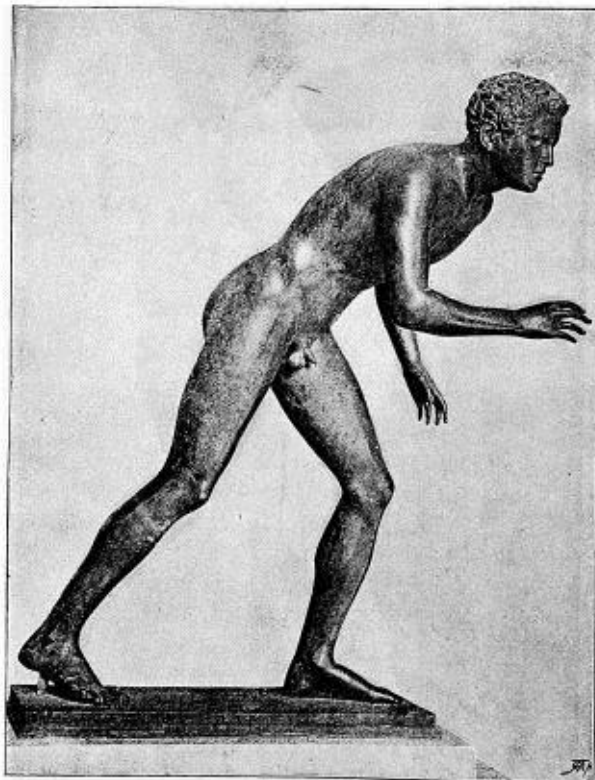

Рис. 125.

Вероятно, вес копий постепенно увеличивался, как и вес квойтов, и юноши использовали более тяжелое оружие, чем мальчишки, в то время как мужчины, в свою очередь, использовали еще более тяжелое. Мы можем, однако, сделать вывод, что, помимо метания простой палки, целью которой была бы уверенность в прицеливании, они использовали настоящие копья и изучали особые способы обращения с ними, поскольку копье, снабженное петлей или ремешком, нужно было метать совершенно особым образом, в то время как на палке петли не было, и ее можно было метать совершенно по-другому. Эта петля находилась у нижнего конца копья; метатель продевал в нее первый и второй пальцы правой руки — иногда это была двойная петля, так что каждый палец охватывал отдельный ремешок — он накладывал большой палец на древко копья, которое опиралось на третий или безымянный пальцы, расположенные снизу, или же только на третий палец; в этом положении рука отводилась назад, а затем прицеливался в какую-то определенную цель, природа которой нам неизвестна. Об этом мы узнаем из уже упомянутого берлинского диска (рис. [126](#)), а также из различных росписей на вазах и рисунка гигантского фриз из Пергама. Бросок был либо горизонтальным, если была нацелена дистанция, что было наиболее обычным, либо вверх, к какой-либо приподнятой отметке. Среди гимнастических упражнений, представленных на вазописи (рис. [127](#)), метание копья также играет важную роль. Мы видим здесь, слева (рядом с ручкой), юношу, изображенного готовым к бегу; справа, рядом с ним, второй человек упражняется с гантелями или же готовится к прыжку. Рядом с флейтистом в длинных одеждах, музыка которого сопровождает упражнения, вперед бежит копьеметатель, но его лицо обращено не вперед к цели, а назад, к руке, держащей копье (как у метательного Дискобола), так что мы должны предположить, что речь шла не о том, чтобы метнуть копье в определенную цель, а только о том, чтобы послать его как можно дальше. Рядом с бородатым суперинтендантом, одетым в плащ и держащим в руках рубильник, следует игрок в квойт, который собирается бросить диск, который он держит в правой руке. Наконец, у нас есть пара боксеров, отношение которых будет обсуждаться далее. Другие изображения показывают нам, что при броске вверх рукоятка с петлей удерживалась вниз, но при броске на расстояние, если цель должна была быть брошена как можно дальше, правая рука отводилась назад, как на рис. [119](#) и здесь; но если целью была цель, плечо удерживалось в горизонтальном положении, примерно на высоте уха, и перед броском тщательно прицеливалось. Копье, используемое в гимнастических упражнениях и состязаниях, отличается от копья, используемого на войне, тем, что изготовлено из очень легкого дерева и не имеет наконечника копья, подобного тому, что используется в бою, но, как показано на рис. [119](#), очень тонкого и довольно длинного наконечника, очевидно, для того, чтобы копьём было легче цепляться за метку, которая, вероятно, была сделана из дерева.

Рис. 126.

На протяжении всей античности любимым состязанием была борьба, и важность этого зависела от того факта, что все тело тренировалось одновременно, и в игру вступали все мышцы; а также от того, что это не было упражнением, выполняемым одним человеком, а представляло

собой немедленную померку силы двумя противниками, и, следовательно, даже в большей степени, чем другие состязания, требовало полной физической силы.

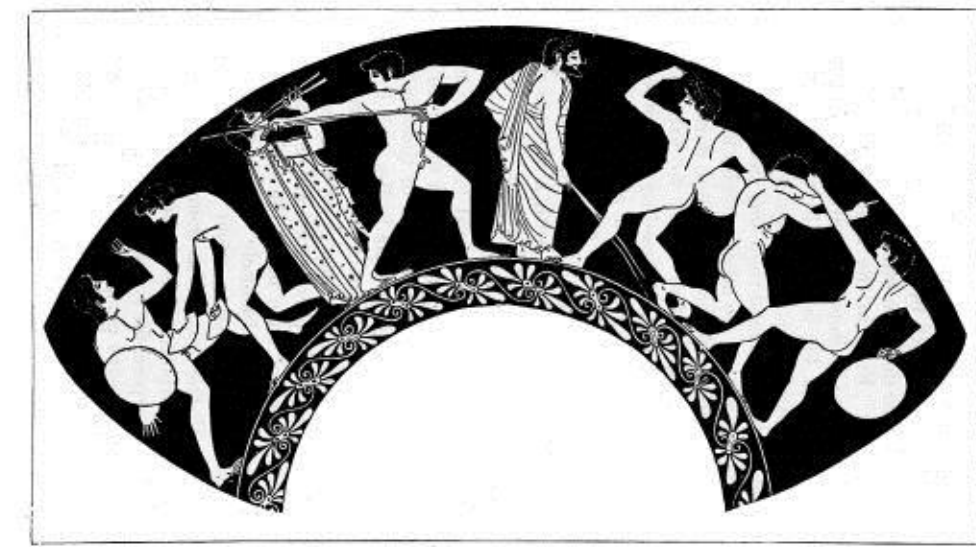

Рис. 127.

Таким образом, даже в эпоху Гомера борьба играла важную роль, и о том, какое глубокое влияние она оказала на греческую жизнь, свидетельствует огромное количество технических выражений, заимствованных из борьбы, которые в метафорической форме вошли в обычный повседневный язык; ни одно другое упражнение не имело такого большого запаса технических выражений; действительно, для нас абсолютно невозможно найти слова, чтобы выразить их все в наши дни. Борьба, как и другие гимнастические упражнения, проводилась сначала с некоторой драпировкой вокруг чресел, а затем без какой-либо одежды. В качестве подготовки бойцы натирали все свое тело маслом, чтобы сделать свои конечности более гибкими и эластичными. Для этой цели в гимназиях и школах борьбы были специальные помещения, в которых стояли большие сосуды, наполненные маслом, из которых они наполняли свои собственные маленькие фляжки; затем они наливали немного масла из них себе на руки и либо натирали им свое тело, либо поручали натирать их одному из служителей гимназии, назначенному для этой цели (*ἀλείπτης*). Но поскольку это смазывание маслом и пот, возникший в результате состязания, сделали бы тело слишком гладким и скользким, и за него было бы абсолютно невозможно ухватиться, они покрыли себя, когда помазание было закончено, мелкой пылью, взятой из специальных углублений или приготовленной специально. Предполагалось, что это также служит гигиеническим целям, поскольку предполагалось, что пыль предотвращает чрезмерное потоотделение и, следовательно, экономит силы; это также считалось полезным, потому что закрывало поры и защищало их от воздуха, который мог оказывать вредное воздействие. Масло, пот, пыль, а также мягкий песок, который, когда борцы продолжали свое состязание на земле, прилипал к их телам, вместе образовывали толстую корку, которую нельзя было в достаточной степени удалить простой теплой ванной; поэтому борцы использовали *стленгис*, или *стригиль*, для очищения своего тела, оттирая грязь частично сами, а частично с помощью помощников, а затем принимали теплую ванну. Действие этого соскабливания, которое, несмотря на свою неэстетичную природу, породило множество изящных поз, часто пластически изображалось художниками; до нас дошла хорошая копия самой знаменитой из этих фигур, *Апоксиомена* Лисиппа. После ванны обычно еще раз смазывали тело маслом, потому что употребление масла считалось полезным для здоровья и укрепляло конечности. Как уже упоминалось, это помазание сопровождалось своего рода массажем, надавливанием и разминанием тела, который понимал какучук и который рассматривался как гигиенический метод, так что тот, кто был особенно искусен

в нем, назывался медицинским каучуком (ιατραλείπτης) и в какой-то мере совмещал обязанности врача и каучука. Постоянное пребывание на свежем воздухе и привыкание обнаженного тела к солнечным лучам в сочетании с упомянутыми выше смазыванием маслом и опудриванием вызывали особенно у борцов, хотя в некоторой степени и у всех атлетов, очень темный цвет лица, который древние считали признаком здоровья и мужественности и часто вызывали восхищение по контрасту с бледной кожей ремесленников и домохозяек, которые “сидели в тени”. В обычной борьбе было два основных метода — борьба стоя и борьба в партере. В первом виде состязаний все зависело от броска противника, либо мастерством, либо определенными приемами, которые допускались в борьбе, таким образом, чтобы его плечо касалось земли, в то время как другой сохранял свое положение; бросок один раз, однако, не определял победу, но для того, чтобы одержать победу в схватке стоя, мужчине было необходимо таким образом бросить своего противника три раза. Когда оба противника падали вместе во время борьбы, не обнимая друг друга, они вскакивали и начинали поединок заново; но если они крепко хватались друг за друга при падении, так что исход поединка еще не был решен, борьба обычно переходила во вторую стадию, на которой оба боролись, лежа на земле, когда то один, то другой мог получить преимущество, пока один из двоих не объявлял себя побежденным и не прекращал борьбу. Борцы в знаменитой флорентийской мраморной группе, представленной на рис. [128](#), находятся в таком положении. Однако эта борьба на земле проводилась только в гимнастической школе для мальчиков, а затем на публичных соревнованиях панкратиастов (см. Ниже, стр. 296) и профессиональных спортсменов; на больших соревнованиях и в пятиборье разрешалась только борьба стоя. Способ, в котором борцы начали поединок, был четко описан несколькими писателями и часто изображен на памятниках. Каждый участник боя занял свое место, слегка расставив ноги, выставив правую ступню вперед, вытянул руки, немного втянул голову в плечи и выставил вперед верхнюю часть своего тела, спину, плечи и шею, чтобы несколько защитить нижнюю часть от атаки своего противника. Таким образом, сражающиеся шагнули навстречу друг другу, каждый выжидая момента, когда другой каким-нибудь образом обнажит себя, чем он сможет воспользоваться, и поскольку они, естественно, оба были максимально настороже, часто проходило значительное время, прежде чем они могли начать схватку со своими противниками.

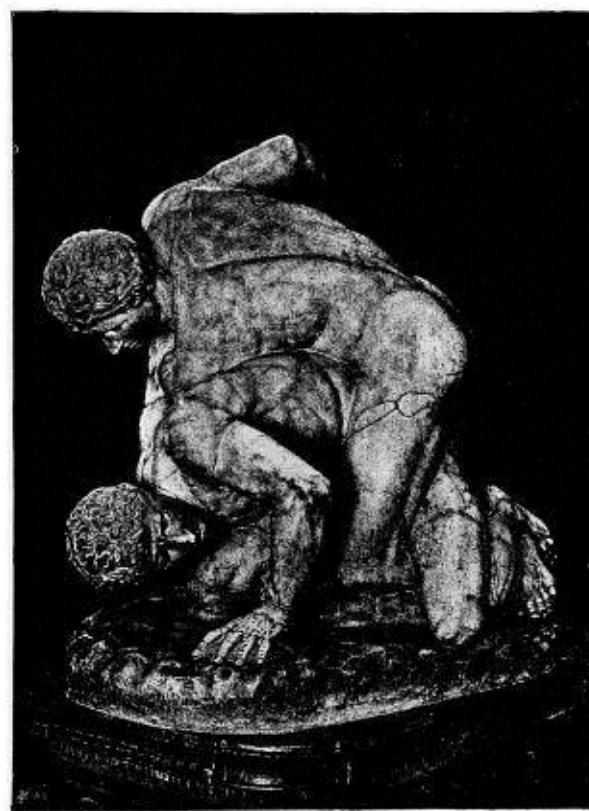

Рис. 128.

Рис. 129.

Но когда это только начиналось, мастера или другие должностные лица, которые следили за тем, чтобы не использовались никакие приемы, противоречащие традиции и правилам, чтобы не было ударов или укусов; но все же им разрешалось использовать определенные приемы или финты, чтобы обмануть противника или получить преимущество над ним. Среди разрешенных методов было удушение, либо путем прикосновения к шее противника, либо обхватив ее рукой, либо надавливая локтем ему под подбородок, и иногда боец, на которого напали таким образом, был вынужден из-за нехватки воздуха объявить себя побежденным, даже не будучи брошенным; точно так же его противник мог заставить его, сжав его тело, отказаться от поединка; и в партерной борьбе иногда случалось, что боец, у которого была превосходящая рука, становился на колени на того, кого бросили на землю, и душил его, пока тот не запросил пощады.

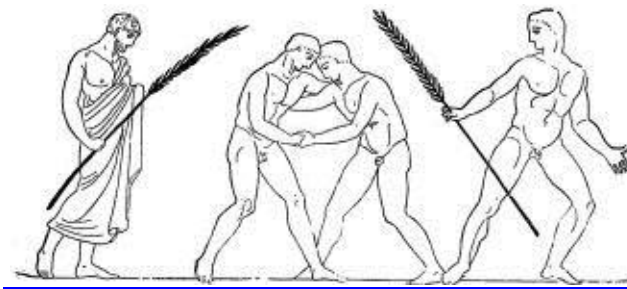

Рис. 130.

Также разрешались скручивание и сгибание конечностей, удар рукой или ногой в живот противника, толчок или выталкивание его с места, что, если руки были заняты, часто делалось с помощью удара лбом, при этом двое сражающихся бились головами друг о друга, как два разъяренных быка; это был очень любимый трюк, и его часто изображают на произведениях искусства. На рис. [129](#), взятом с вазописи, мы видим двух борцов, которые сцепились, каждый держит правую руку противника своей левой; их лбы прижаты друг к другу, один отвел правую ногу назад, чтобы увеличить силу сопротивления. Бойцы, изображенные на рис. [130](#), сражаются аналогичным образом: левая рука одного из них захватывает правую руку своего противника, в то время как его правая рука обхватывает его тело; тем временем левая рука другого атакует противника в спину. Слева стоит зритель в плаще и держит в руке ветку; справа молодой человек быстро убегает. Среди разрешенных финтов был внезапный выпад ногой, который наносил удар по колену противника сзади ногой таким образом, чтобы отбросить его, или, если это было невозможно, предпринималась попытка аналогичного удара сбоку; они также захватывали противника за ногу или лодыжку таким образом, чтобы сильным толчком оторвать ее от земли, так что он должен был упасть назад. Иногда сильный и умелый борец обхватывал руками бедра своего противника таким образом, чтобы полностью оторвать его от земли и перевернуть головой вниз. На вазописи, представленной на рис. [131](#), в группе справа, один из борцов таким образом поднял своего противника, и последний пытается освободиться от удерживающих его рук. В другой группе один из борцов правой рукой захватывает левую руку своего противника и пытается придавить его своим телом, перекидывая голову через левое плечо другого; последний, однако, перекидывает голову через спину противника, а правой рукой захватывает правую руку противника сзади. Богато одетый юноша, стоящий рядом, имеет почти женственную внешность, держа в руках посох и цветок, и неясно, с какой целью он здесь. Аналогичные приемы и маневры использовались в наземной борьбе. Помимо этого, они также пытались запутать ноги противника в своих, чтобы помешать ему снова встать. Существовало великое множество похожих способов или планов борьбы, все со специальной терминологией, и кажется, что ни одно гимнастическое упражнение не было так тщательно развито в настоящее искусство, как борьба.

Бокс, о котором мы слышим среди погребальных игр в честь Патрокла, также практиковался в исторический период, но как способ борьбы он на самом деле не был необходим для гимнастической подготовки каждого грека, а скорее изучался теми, кто хотел занимать призовые места в публичных играх и получать почести и награды за свои физические навыки и силу.

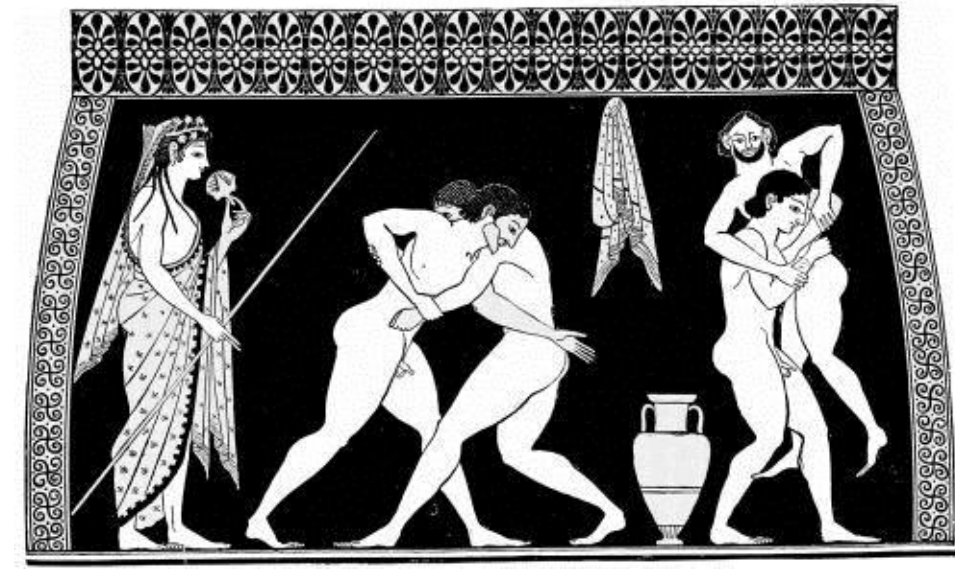

Рис. 131.

Роспись на вазе.

Мы привыкли рассматривать гимнастические тренировки греков как направленные не только на развитие тела, но и на развитие ума; и мы не можем отрицать, что бокс, особенно в той форме, которую он принял на протяжении веков, был грубым видом спорта, и что удовольствие, которое греки, несомненно, получали, наблюдая за ним, хотя и не такого унижительного характера, как жестокое наслаждение, получаемое римлянами от боев гладиаторов и диких зверей, однако, рассматриваемое в связи с некоторыми другими популярными видами спорта, такими как петушиные бои, должно быть воспринято как признак того, что даже высший уровень культуры, которого афиняне, несомненно, достигли к пятому веку, был недостаточен для полного подавления животного инстинкта в человеке. В конце концов, наш хваленый девятнадцатый век не лишен таких развлечений, как бокс, стрельба по голубям и тому подобные виды спорта.

Бокс, как и борьба, подчинялся особым правилам, из которых мы видим, что больше внимания уделялось художественным и элегантным методам, чем простым свидетельствам огромной физической силы. Действительно, особо искусные боксеры посвящали себя главным образом тому, чтобы измотать своего противника, оставаясь строго в обороне, то есть парируя все его удары руками и таким образом вынуждая его в конце концов отказаться от поединка, вместо того чтобы делать его непригодным к бою меткими ударами. Они также отличались в обороне между правильно нацеленными ударами и просто грубыми ударами, которые иногда давали бойцу победу, если он обладал значительной силой, но ни в коем случае не завоевывали ему репутации. Тем не менее, серьезные телесные повреждения или, во всяком случае, стойкие деформации, особенно головы и лица, неизбежно были связаны с боксом, и для боксеров не было ничего необычного в том, что их уши были полностью изуродованы и избиты совершенно плашмя, и, действительно, мы видим это на некоторых древних головах; впоследствии стало обычным использовать специальные повязки для защиты ушей. Практика, которая делала бокс особенно грубым, а иногда даже опасным для жизни, заключалась в том, чтобы прикрывать руки кожаными ремнями. Первоначально эти ремешки были относительно безвредны; они состояли просто из кожи и надевались таким образом, чтобы пальцы оставались свободными, в то время как ремешки простирались немного выше запястья и прикрывали часть предплечья — конечно, таким образом, чтобы не стеснять движения руки. Но эти, более мягкие, которые все еще были способны наносить довольно серьезные травмы, впоследствии использовались только для предварительной тренировки перед серьезным соревнованием; для последнего использовались тяжелые боксерские перчатки из закаленной бычьей кожи, в которые были вделаны свинцовые набалдашники и т. Д.

Мы легко можем представить, какие ужасные раны мог бы нанести удар одного из них. Многие старые атлеты могли показать тела, покрытые ранами, как у старого солдата, а авторы эпитаграмм со смехом сравнивали тела атлетов с дырявыми ситами. И хотя им намеренно запрещалось наносить удары, угрожавшие жизни противника, все же иногда случалось, как в печально известном состязании между Крюгасом и Дамоксенусом, что в момент возбуждения сражающиеся забывали установленные правила, и профессиональное состязание превращалось в простую жестокость, от которой те из зрителей, чьи чувства были менее грубы по своей природе, с ужасом отворачивались.

Для состязания они обычно занимали позицию таким образом, чтобы не поворачиваться всем телом к врагу, а только одной стороной, и, как правило, левой.

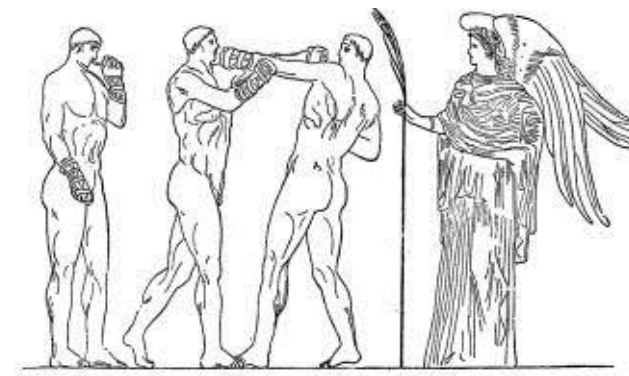

Рис. 132.

Природа состязания заключалась в том, что должна была происходить постоянная смена атаки и защиты; позиция, представленная на многочисленных памятниках, в которой левая рука используется для парирования, а правая - для атаки, была обычной не только в качестве дебюта, но и повторялась на каждой новой фазе, хотя иногда имело место изменение, и правая рука использовалась для защиты, а левая - для нападения. На вазописи, представленной на рис. [132](#), мы видим двух боксеров, огромные пропорции которых показывают, что они были наделены необычной силой; оба прикрыли руки тяжелыми ремнями, один, по-видимому, наносит удар левой, другой парирует правой; его левая нацелена в голову противника. Справа стоит крылатая Богиня Победы, слева - боксер в ремнях, поднимающий левую руку к голове.

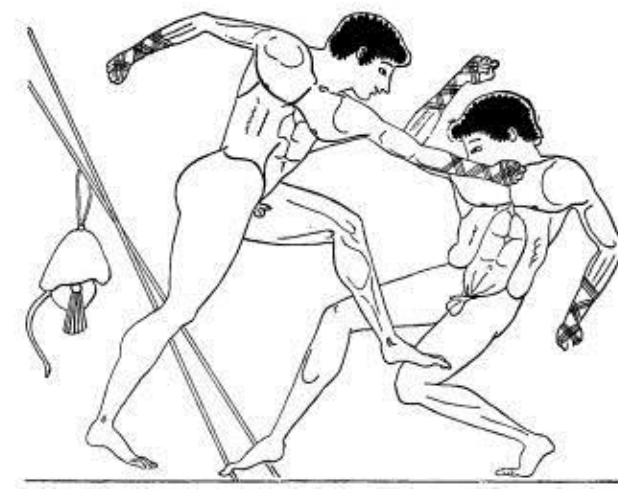

Рис. 133.

Вазопись, рис. [133](#), изображает двух боксеров, один из которых наносит меткий удар левой в грудь другого, который пошатывается. С одной стороны лежат несколько шестов, а также инвентарь, принадлежащий школе борьбы, стригиль, губка и т.д. На вазописи, представленной на

рис. 127, также изображены два боксера. Тот, что справа, так эффективно “попал в цель” левой по голове, что другой, который пытался защититься левой рукой, вынужден уступить, и, похоже, с него хватит, потому что он поднимает указательный палец своей правой руки в знак того, что он молит о пощаде и объявляет себя побежденным. Ремни здесь надеты только на правую руку одного из бойцов, но, вероятно, это было просто упущением со стороны художника.

В качестве предварительной практики в боксе, особенно при разучивании самых распространенных атак и парирований, они использовали своего рода квинтейн (кóрукос), мочевой пузырь или кожаный мяч, подвешиваемый и наполняемый песком; это упражнение часто изображено на старых памятниках, и наиболее отчетливо на так называемой “фикоронской кисте”. Этот удар куинтином был одним из регулярных соревнований в гимнастическом зале, ибо, хотя опасные бои со свинцовыми ремнями были предоставлены профессиональным спортсменам, испытание мастерства в обычном виде безобидного бокса, в котором не было риска потерять зубы и т.д., было очень любимым занятием, и это, без сомнения, подразумевается, когда мы находим упоминание бокса даже среди гимнастических упражнений мальчиков.

Подобным был *Панкратион*, столь же сложный, сколь и опасный, который был неизвестен героическому веку, комбинация бокса и борьбы, которая, хотя и входила в число упражнений мальчиков и юношей, имела реальное значение только для профессиональных спортсменов. Здесь в игру вступали все части тела, приемы и хитроумные финты, направленные на то, чтобы сбить противника с толку, были допустимы и столь же важны, как телесная сила и мощные кулаки. Бойцы сражались обнаженными, как борцы, предварительно смазав свои тела маслом и посыпав пылью; но они не пользовались ремнями, которые мешали бы в борьбе, и им не разрешалось наносить удары всем кулаком, а только согнутыми пальцами. Они начали бой стоя, как в борьбе, и особая трудность при переходе в наступление заключалась в том, чтобы избежать захвата противником, а также парировать неожиданный удар его кулака. Удары наносились не только в бою стоя, но и в партере, а в панкратионе они даже больше использовали ноги для нанесения ударов, чем в отдельных соревнованиях по борьбе и боксу; они также пытались скрутить руки противника и сломать ему пальцы, поскольку главной целью было сделать его неспособным к бою. Поэтому естественно, что среди профессиональных спортсменов панкратион считался наиболее важным из всех видов борьбы.

Другое соревнование, *пятиборье*, носило совсем иной характер. В панкратионе два вида борьбы и бокс были объединены вместе, но в пятиборье различные соревнования проводились одно за другим несколькими участниками, и тот, кто преуспел во всех из них и занял первое место в некоторых, объявлялся победителем в целом. Состязание состояло в прыжках, беге, метании кувалды, копья и борьбе. Хотя сочетание этих пяти состязаний было организовано с расчетом на публичные игры, оно также имело определенное воспитательное значение; поскольку здесь сочетались сложные и легкие состязания, как те, которые требовали мастерства, так и те, в которых первенство отдавала простая физическая сила, и, таким образом, пятиборье было хорошо рассчитано на гармоничное развитие всего тела и удержание профессионалов от того, чтобы уделять слишком много внимания одной стороне гимнастики в ущерб другим. По этой причине он был введен в число упражнений мальчиков. У нас нет убедительной информации о ходе соревнований в пятиборье, порядке, в котором различные соревнования следовали одно за другим, и условиях, при которых тот или иной боец объявлялся победителем. Среди современных ученых, которые выдвинули гипотезы на этот счет, существует большое расхождение во мнениях. Одна большая трудность при решении этого вопроса возникает из-за того факта, что, хотя в четырех первых упомянутых состязаниях могло бы участвовать значительное количество бойцов, борьбой по природе вещей должны заниматься только двое; следовательно, мы должны предположить, что состязания были организованы таким образом, что только двое бойцов должны были остаться напоследок. Вероятно, они начали с бега, в который могло принять участие значительное количество людей; предположим, их было очень много, возможно, впоследствии у них было несколько серий боев. Затем пять лучших бегунов участвовали во втором соревновании,

возможно, в метании копья; затем худший из этих пяти выбывал, а оставшиеся четверо участвовали в следующем, прыжке; затем три лучших прыгуна бросали квойт, а два лучших метателя квойта, наконец, боролись за пальму первенства. Независимо от того, было ли это или что-то подобное, могло случиться так, что боец, который никогда не занимал первого места ни в одном из первых четырех соревнований, мог в конце концов одержать победу, но они избегали этого по правилу, согласно которому, если кто-то занимал первое место в первых трех соревнованиях или в трех из четырех, два последних или предпоследних могли быть исключены, и он считался победителем в пятиборье. Следовательно, финальный поединок по борьбе проводился только в том случае, если после четвертого соревнования победа все еще оставалась неопределенной, то есть если среди двух лучших метателей мяча ни один из них трижды не занимал первого места. Таким образом, могло случиться так, что человек, дважды занявший первое место и один раз второе в первых трех соревнованиях, был выбит в четвертом, и победа досталась другому, который никогда не занимал первого места, кроме как в последнем. Тем не менее, эта очевидная несправедливость уравнивалась тем фактом, что последнее соревнование было действительно самым сложным, в то время как от каждого, кто вообще участвовал в пятиборье, требовалось определенное среднее мастерство в предыдущих соревнованиях; также немалой заслугой было сохранить место среди победителей во всех пяти соревнованиях, хотя оно могло быть и не первым и не вторым. Конечно, это всего лишь гипотезы; у нас нет достаточных материалов для достижения уверенности в этом вопросе.

Ряд других гимнастических упражнений имел большее значение для гимназии, чем для публичных игр. Среди тех, которые были всего лишь предварительной подготовкой к более серьезным задачам, мы уже упоминали гантели и квинтейн. Другие имеют некоторое сходство с нашей гимнастикой; так, например, упражнения на сгибание колен, которые были особенно популярны в Спарте и также практиковались там девушками; вытягивание рук вперед и назад при стоянии на цыпочках, прыжки на одной ноге или смена ступни и т.д. Мяч также был включен в число игр полугимнастического характера, как и у нас, он играет определенную роль в гимнастических упражнениях; перетягивание каната также было любимым занятием, но на протяжении всей античности самой популярной развлекательной игрой в гимнастических школах была игра в мяч, и для нее были отведены специальные места, как впоследствии появились в банях или термах. Древние авторы упоминают несколько других занятий такого рода, находящихся на полпути между серьезными упражнениями и простыми играми; несомненно, было много других, о которых у нас нет информации, и рельеф на рис. 134, вероятно, показывает нам одно из них. Похоже, это представляет собой игру с большим твердым мячом, который подбросили в воздух и поймали за бедро, и, возможно, оттуда снова подбросили в воздух.

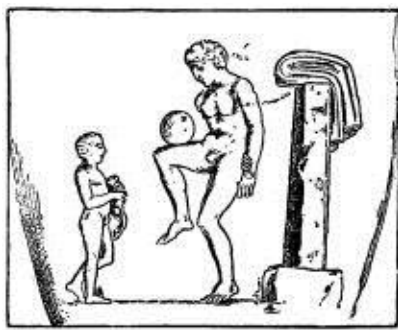

Рис. 134.

В гимназиях также практиковались многие упражнения отчасти военного характера. Помимо метания копья, которое считалось исключительно гимнастическим упражнением и практиковалось на публичных состязаниях, существовала стрельба из лука, которая в александрийскую эпоху, как мы упоминали ранее, даже нашла место в учебной программе аттической молодежи. Так было и с критянами, которые славились как превосходные лучники во времена Платона, а возможно, и еще

раньше. Они использовали для этой цели лук, сделанный из рога или твердого дерева; луки были двух различных форм, одна из которых была распространена на Востоке и уже описана Гомером, в которой два роговидных конца соединялись прямой средней частью; другая была более простой формы, в которой весь лук состоял из одного куска эластичного дерева, почти не изогнутого, когда лук не был согнут, и который при сгибании приобретал полукруглую форму. Как правило, когда лук не использовался, тетива крепилась только на одном конце. Перед съемкой его прикрепляли к крючку на другом конце с помощью маленького кольца или ушка. Требовалось изрядное усилие, чтобы согнуть лук достаточно сильно, чтобы прикрепить тетиву. Стреляя, они отводили оперенную стрелу, на которой была насечка, вместе с тетивой к груди, крепко держа лук в левой руке. Вазопись, изображенная на рис. 135, представляет собой упражнение в стрельбе из лука. Мишенью здесь служит деревянная фигурка петуха, установленная на колонне; из трех юношей, которые упражняются, один стреляет стоя, второй - стоя на коленях, обычная позиция лучника, а третий как раз собирается натянуть лук, упираясь в него коленом. Все трое используют лук второго типа. Конечно, это всего лишь художественная вольность, что лучники расположены так близко к своей цели; точно так же стрелы все еще летят, в то время как два лучника собираются выпустить новые.

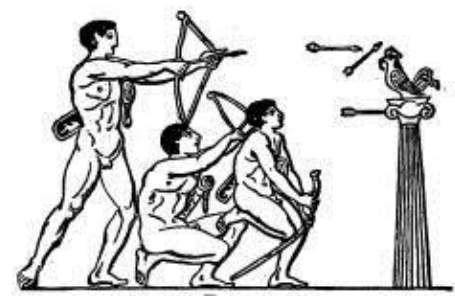

Рис. 135.

У нас уже несколько раз была возможность указать на разницу между гимнастическими тренировками юношей, продолжающимися в зрелом возрасте с целью укрепления тела, и профессиональной гимнастикой спортсменов; поэтому мы должны сказать несколько слов о позе, а также о подготовке последних. По мере того, как значение публичных игр возрастало, а слава, завоеванная победителями, побуждала амбициозных юношей и мужчин стремиться к венку в гимнастических состязаниях и, таким образом, приобретать бессмертную славу для себя и своего родного города, постепенно вошло в обычай для особо сильных и искусных спортсменов (*ἀγωνισταί*) делать развитие своего тела для этих гимнастических состязаний целью своей жизни, чтобы путем постоянной практики, особой диеты и образа жизни увеличить свою силу, достичь высшего положения в этой профессии и, таким образом, быть почти уверенными в победе. . Таким образом, “агонистика”, которая первоначально была всего лишь развитием гимнастики в соответствии с правилами искусства, стала обычной профессией, и те, кто посвящал себя ей, были отчетливо известны как спортсмены. Поскольку атлетизм стал профессией и средством зарабатывания денег, он, конечно, перестал быть занятием, достойным свободного и благородного гражданина; и поэтому естественно, что в Спарте, где на любую профессию, с помощью которой можно было заработать деньги, смотрели свысока, она не имела успеха, и что в других местах тоже только мужчины низших классов посвящали себя ей, какой бы заманчивой она ни казалась амбициозному юноше, желавшему достичь материальных преимуществ, которыми пользовались победители в этих состязаниях, а также славных почестей, которыми они особо отличались. .

Спортсмены проходили подготовку у тренера (*γυμναστής*), которого следует тщательно отличать от учителя гимнастики мальчиков (*παιδοτρίβης*). Тренер обучал своих учеников высшим разделам гимнастики, часто упражнялся с ними и, вероятно, также сопровождал их на публичных играх, чтобы инструктировать их до самого последнего момента, поскольку победа ученика также была почетной и выгодной для учителя. Упражнения, вероятно, проводились в спортивных залах,

принадлежащих тренерам, или в общественных гимнастических залах; и состояли не только в методическом увеличении обычных гимнастических упражнений до достижения наивысших результатов, но также во многих из них, которые не практиковались в других местах и которые не были рассчитаны на то, чтобы закалить тело или сделать конечности гибкими. Наряду с гимнастическими упражнениями они соблюдали, как уже упоминалось, очень осторожный образ жизни, за которым наблюдал каучук, чье наполовину медицинское образование уже упоминалось. Частично эта диета соблюдалась постоянно, но была особенно строгой непосредственно перед играми, на которых должен был появиться спортсмен. В древние времена основным питанием спортсменов были свежий сыр, сушеный инжир и пшеничная каша; в более поздние времена они отказались от этой вегетарианской диеты в пользу мяса и отдали предпочтение говядине, свинине и козлятине. Хлеб нельзя было есть с мясом, но его употребляли за завтраком, в то время как основная трапеза состояла из мяса; кондитерские изделия были запрещены; вино можно было употреблять только в умеренных количествах. В дополнение к этой диете, которая была предписана спортсменам на весь год, иногда приходилось проводить специальные тренировки, особенно при подготовке к играм, которые длились более трех четвертей года; в это время спортсмены каждый день, после завершения своих тренировок, должны были потреблять огромное количество той пищи, которая была им разрешена, а затем переваривать ее во время длительного сна. Постепенно увеличивая количество, спортсмен, наконец, преуспел в потреблении огромного количества мяса, и в конце концов это стало привычкой и даже необходимостью. Этим способом они достигали, правда, не закали мышц, а полноты, которая часто изображается на древних изображениях и которая могла быть полезна в определенных состязаниях, особенно в борьбе и панкратионе, поскольку позволяла им легче давить и изматывать своих противников; с другой стороны, эта искусственно вызванная полнота была очень вредна для здоровья, и естественно, что эти атлеты были подвержены многим видам заболеваний, особенно апоплексическим ударам.

Тренировки и образ жизни только что описанных спортсменов явно не подходили для всех видов гимнастических соревнований. Такая диета была бы очень вредна для бега и прыжков; борьба, бокс и панкратион были их главной областью, и именно в них особенно выделялись наиболее знаменитые атлеты древности, чьи имена дошли до нас, а именно: Милон, Полидамас, Главк и остальные. Их награды были разного рода. Победителям олимпийских игр разрешалось устанавливать статую в Роше Альтис в Олимпии за свой счет или за счет своих родственников, иногда даже за счет государства, к которому принадлежал победитель; и дома они тоже очень часто удостоивались такой же чести в виде публичной статуи, присвоенной им самим. Вернувшись с игр, они торжественно въехали в свой город, одетые в пурпур, верхом на колеснице, запряженной четверкой белых лошадей, в сопровождении своих друзей, родственников и ликующей толпы; существовал даже древний обычай сносить часть городской стены, чтобы показать, что город, способный произвести на свет таких граждан, не нуждается в стенах для своей защиты. Затем последовал банкет в честь победителя, на котором были спеты гимны в его честь. Награды также выдавались монетами. В Афинах после Солона победитель Олимпийских игр получал 500 драхм, победитель одного из трех других великих национальных состязаний - сто драхм; в более поздние времена они даже имели право каждый день обедать за общественный счет в ратуше (*πρυτανεῖον*), а также пользовались честью сидеть на передних скамьях театра (*προεδρία*). Более того, большинство профессиональных спортсменов, если они вели осторожный образ жизни и воздерживались от любых отклонений от своего обычного рациона питания и образа жизни, могли продолжать свои соревнования в течение многих лет, иногда тридцати или более, и, таким образом, были в состоянии воздавать честь за честь и награждать за награду. Безграничное восхищение, которое народные массы, и особенно молодежь, которых легко было завоевать демонстрацией силы, вызывали у этих бойцов, которые в наши дни кажутся нам всего лишь грубыми боксерами-призерами, резко контрастирует с суждением, произносимым о них людьми действительно интеллектуального развития, особенно философами. Они справедливо жаловались,

что это одностороннее развитие тела было совершенно бесполезно для государства, поскольку спортсмены были способны только в своей области, но были совершенно неспособны переносить переутомление и проходить военную службу; они указывали, что образ жизни, направленный просто на увеличение физической силы, имел тенденцию уменьшать интеллект, и что, следовательно, спортсмены были абсолютно бесполезны как для политических, так и для всех интеллектуальных целей. Мудрые педагоги, таким образом, не одобряли спортивную подготовку, и, действительно, величайшие воины и государственные деятели Греции, похоже, всегда презирали ее.

ГЛАВА IX.

МУЗЫКА И ТАНЦЫ.

Струнные инструменты—Лира—Кифара—Духовые инструменты—Флейта—Трубы, Бубны и другие инструменты—Танцы как популярное развлечение— Танец в религиозных церемониях.

Мы не намерены в этом месте обсуждать историю и теорию античной музыки, а лишь дополняем то, что уже было сказано о музыкальном обучении молодежи, указанием наиболее важных направлений музыки, которые изучались в Греции, и описанием используемых инструментов. Мы полностью опустим вокальную музыку, поскольку в древности она не играла большой роли, кроме инструментального сопровождения, и ее главным назначением были песни и драмы.

Самыми распространенными инструментами в обычном использовании были струнные. Они хорошо подходили как для сольного исполнения, так и для сопровождения песен, и певец мог аккомпанировать себе на них, что было бы невозможно в случае с духовыми инструментами. На всех струнных инструментах, используемых в Греции, играли ударами или треньканьем, а не с помощью смычка; фактически, является спорным вопросом, были ли древние, и в частности египтяне, вообще знакомы со смычком; в любом случае мы не находим его в классической древности. Среди различных видов струнных инструментов, которые либо существовали в Греции с древнейших времен, либо были завезены из-за рубежа, особенно с Востока или из Египта, были только два, которые имели особое значение для образовательных и обычных целей. Это были лира и кифара, которые были тесно связаны друг с другом и различались только по эффекту звучания. Из них более простой и, вероятно, также более древней была лира, которая, согласно греческой легенде, была изобретением Гермеса, который сконструировал первую лиру из черепахи, которую он использовал в качестве деки, протянув через нее шнуры. Даже в более поздние времена панцири черепах, по-видимому, действительно использовались при изготовлении лир, и на произведениях искусства, особенно на вазах (сравните “Чашу из дуриса”, которая представляет школьное обучение в Аттике, рис. 75), мы можем ясно различить отметины черепахи на внешней стороне инструмента. Однако, должно быть, более обычным было изготавливать деку из дерева и украшать ее только снаружи панцирем черепахи или другими декоративными материалами; авторы упоминают самшит и илекс в качестве основных материалов для изготовления лир, а также слоновую кость, которая, вероятно, использовалась в декоративных целях. В гомеровском гимне Гермесу, в котором подробно описывается изобретение богом лиры, Гермес срезает маленькие стебельки тростника, которые он прикрепляет к раковине на манер решетки и обтягивает бычьей кожей, и таким образом получается необходимое покрытие для деки. В более поздние времена процедура, вероятно, была иной, поскольку обычным материалом для деки, несомненно, было дерево, и покрытие, без сомнения, тоже было сделано из дерева. Но форма деки всегда оставалась неизменной; внешняя сторона была значительно приподнята, в то время как внутренняя сторона, к которой крепились струны, представляла собой ровную поверхность. В эту деку были вделаны два рычага, которые почти всегда изображаются на греческих памятниках просто как изогнутые куски дерева, прикрепленные к внутренней стороне деки; но обычай, который в более поздние времена, особенно в александрийский и римский периоды, стал очень распространенным, не просто придавать этим рычагам форму рогов, но даже делать их из настоящих рогов серны или газели, несомненно, существовал даже в древнегреческий период.

На своих верхних концах две ветви, которые можно было бы назвать рогами, были скреплены вместе поперечиной, называемой хомутом, которая обычно изготавливалась из твердого дерева, и к ней были натянуты веревки, сделанные из овечьих кишок. Из них у лиры обычно было семь, все одинаковой длины, как и в случае с кифарой. Эти струны, как мы можем ясно видеть на лирах вышеупомянутой чаши (рис. 75), спускались вниз по мостику, состоящему из куска тростника, закрепленного на плоской поверхности деки, а затем крепились отдельно, вероятно, к маленькой

квадратной дощечке, такой, какую мы видим на лире, висящей на стене на рис. [75](#). Вероятно, эту маленькую дощечку можно было вынуть, и таким образом, если струна порвется, повреждение можно было легко исправить. Иногда струны просто привязывали к ярму; но, поскольку этот примитивный метод делал невозможным их настройку, мы должны предположить, что обычно существовало какое-то другое приспособление, хотя ни писатели, ни памятники не дают нам достаточной информации об этом. На лирах на рис. [75](#), а также на других изображениях струнных инструментов мы видим на верхних концах струн удлиненные валики, которые в других местах имеют форму колец или дисков и, вероятно, расположены под углом к натянутым струнам. Гипотеза была выдвинута Фон Яном, который, основываясь на древних авторах, после сравнения аналогичных приспособлений в нубийских струнных инструментах, заключил, что эти валики были изготовлены из толстой кожи или шкуры, снятой со спин быков или овец; струны были закреплены в этих клейких чехлах и обвивались вместе с ними вокруг гнезда лиры до тех пор, пока не приобретали нужную мелодию, а затем они были закреплены в нужном положении путем сильного нажатия на эти валики из кожи. Тем не менее, этот грубый способ крепления, который мог позволить лишь очень поверхностную настройку струн, кажется не очень удовлетворительным; более того, сам фон Ян обращает внимание на гораздо более художественное изобретение, наблюдаемое на некоторых рисунках, которое, однако, еще не получило удовлетворительного объяснения. По-видимому, существовал и третий способ крепления; иногда весь хомут делился на такое количество маленьких шкивов, соединенных кольцами, сколько было струн, так что у каждой струны было, так сказать, свое собственное ярмо, затягиванием которого ее можно было настраивать, не затрагивая другие струны. У нас нет никаких дополнительных подробностей об этой конструкции.

На вазе, изображенной на рис. [136](#), на которой изображено несколько женщин с музыкальными инструментами, возможно, Муз, одна из них удобно откинулась на спинку кресла и играет на лире, здесь представленной с шестью струнами; женщина, стоящая перед ней, кажется, собирается настроить струны своей кифары. Кифара отличалась от лиры главным образом формой и строением деки. Он был построен из дерева, часто художественно украшен ценными материалами, драгоценными камнями и т.д., и был намного больше и более арочным, чем дека лиры. Обычно у него было прямое основание, а иногда и звучащие отверстия, что реже случалось с лирой, а его рукояти были намного шире и квадратнее, и, будучи к тому же полыми, это, по-видимому, способствовало усилению звука. На некоторых инструментах ясно видно, что дека и выступающие из нее рычаги были изготовлены из цельного куска, и, следовательно, полости соединены; на некоторых рычагах цвет деки отличается от цвета деки, обычно белого, что наводит на мысль о слоновой кости; тем не менее, мы не должны на этом основании делать вывод, что они были изготовлены отдельно, поскольку возможно, что разная окраска была лишь внешним украшением или облицовкой рычагов, и это не должно приводить нас к предположению о другом материале для всей конструкции.

Рис. 136.

Руки обычно были слегка изогнуты наружу, но вверху снова загибались внутрь. Инструмент на рис. 136 - один из самых простых, поскольку рукоятки довольно простые; на других примерах мы часто видим искусную резьбу. Перемычка, соединяющая два рычага, представляет собой либо совершенно простой стержень, как в случае с лирой (сравните рис. 136), либо рычаги имеют на выступающих концах прочные ручки или сгибы, которые, вероятно, помогали настраивать. Первоначально количество струн в кифаре было ограничено; поначалу обычным числом было семь, и это число было даже установлено законом в Спарте, но в других местах использовалось девять, десять или одиннадцать струн. Авторы и рисунки дают нам не более точной информации о способе крепления этих струн к хомуту и деке, чем о лире; рисунки, датируемые римским периодом, гораздо яснее в этом отношении, но мы не можем смело использовать их в качестве авторитетных источников.

На лире обычно играли сидя. Этот инструмент, который был легким, держали близко к левой стороне, как мы видим на рис. 75 и 136, и поддерживается сиденьем стула. На кифаре играли стоя, и поэтому из-за значительного веса инструмента было необходимо подвесить ее за ленту, перекинутую через плечи. Эта группа редко представлена в произведениях искусства, но всегда следует предполагать, что она там есть, поскольку способ игры на струнных инструментах не оставлял свободной руки для ее удержания. И на лире, и на кифаре играли таким образом, что струны перебирались снаружи левой рукой, но ударялись изнутри инструментом, называемым *плектр*, который держали в правой руке и который был сделан из дерева, слоновой кости или какого-нибудь полудрагоценного камня. Этот медиатор был прикреплен струной к инструменту (сравните еще раз рис. 75). Были, однако, исключения из этого способа игры; так, женщина на рис. 136, по-видимому, не пользуется медиатором, а перебирает струны лиры обеими руками, а в других случаях кажется, что левая рука и медиатор, который держали в правой, использовались не одновременно, а по очереди. Таким образом, на рис. 75 и учитель, и ученик бьют по инструменту только левой рукой, оставив медиатор в покое. Практическая цель крепления плектра к инструменту заключалась в том, чтобы это позволяло игроку в любой момент перейти от использования плектра к пальцам правой руки, и *наоборот*. Гипотеза, основанная на произведениях искусства и, по-видимому, очень правдоподобная, была выдвинута Фон Яном, который предполагает, что музыканты, как правило, сопровождали свою песню игрой левой руки и использовали медиатор только в паузах.

Помимо лир и кифар, к которым мы, безусловно, должны отнести гомеровский *форминкс*, которых мы находим различные виды, но все с одинаковыми основными характеристиками, есть несколько других струнных инструментов, которым мы можем, как правило, с некоторой уверенностью присвоить древние названия, хотя мы находим очень большое количество обозначений для этих инструментов у разных авторов, и, по-видимому, большинство из них были завезены в Грецию с Востока и из Египта. Одно из самых надежных обозначений относится к большому многострунному инструменту, формой очень напоминающему нашу современную арфу (рис. 136). Эту роль играет третья женщина в центре, а также она встречается в других местах (сравните роспись на вазе, рис. 137). Мы почти всегда находим этот инструмент в руках женщин; они играют на нем сидя, положив горизонтальное основание себе на колени, в то время как более

широкая дека, которая присоединяется к ней под углом, упирается в верхнюю часть их тела; они ударяют по коротким струнам рядом с собой правой рукой без медиатора, а левой рукой по длинным струнам, которые находятся дальше от них. На картинках иногда изображены приспособления для настройки, укорачивания или удлинения струн; количество струн варьируется. Поскольку форма обычно треугольная, мы, вероятно, можем предположить, что этот инструмент называется *Тригононом*. Возможно, некоторые из приведенных примеров могут быть экземплярами *самбуки*, поскольку она тоже имела треугольную форму.

Рис. 137.

Мы также слышим о многих других струнных инструментах, из которых нам известны только названия, некоторые с небольшим количеством струн — тремя или четырьмя, другие с большим количеством — от тридцати до сорока; но мы мало или вообще ничего не знаем об их форме и, следовательно, не будем вдаваться в подробности, касающиеся их, тем более что их использование, должно быть, было очень редким по сравнению с использованием уже описанных инструментов. Мы должны просто упомянуть о *барбитоне*, поскольку представляется вероятным, что инструмент, который очень часто встречается на древних памятниках, очень узкий и длинный, с декой, очень напоминающей лиру, но меньшего размера, и с очень небольшим количеством струн, на котором играли рукой и медиатором, мог быть барбитоном, который был популярен на праздничных собраниях и для сопровождения любовных песен.

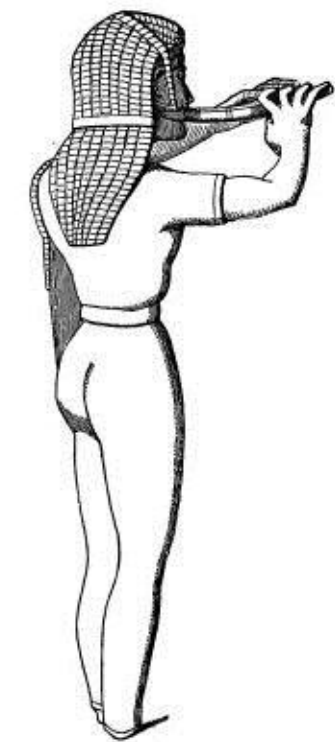

Рис. 138.

Среди духовых инструментов мы должны, в первую очередь, рассмотреть флейту. Хотя какое-то время это не было популярно в самых модных кругах Афин, все же оно широко использовалось в Беотии, а также в остальной Греции, даже среди любителей, и во все времена имело большое значение, особенно для хоровых коллективов и праздничных представлений, для развлечений во время трапез, танцев и других подобных случаев.

Рис. 139.

Форма этого инструмента, наиболее распространенная на памятниках, - двойная флейта. Древняя флейта (αὐλός) отличалась по форме и использованию от той, которая носит это название в наши дни, поскольку музыканты не дули в нее сбоку, а использовали мундштук, подобный мундштуку кларнета. Этот мундштук, который обычно изготавливался из того же материала, что и сама флейта, имеет легко вибрирующий язычок, вырезанный в верхней части, который вибрирует во рту, поскольку игрок берет большую часть мундштука прямо в рот. Основная часть канавки, труба, которая либо имеет одинаковую толщину по всей длине, либо несколько расширена на нижнем конце, иногда формировалась из цельного куска, а иногда из нескольких составных частей. Различные ноты издавались отверстиями, которых сначала было всего три или четыре, но впоследствии их стало больше; были также отверстия сбоку, которые помогали увеличить объем флейты, и различные другие приспособления, такие как клапаны сбоку, кольца, которые при повороте открывали или закрывали отверстия и т.д. Несмотря на очень многочисленные практические попытки, предпринятые в течение нынешнего столетия, составить некоторое представление о манере игры и воздействии древней флейты, получить какое-либо правильное представление о ней не представляется возможным.

Свирель, по-видимому, никогда не использовалась в Греции отдельно, а только как двойная флейта, как мы видим на многих изображениях, и, как правило, обе флейты одинаковой длины. Чтобы облегчить игру на двух инструментах одновременно или в быстрой последовательности, а также, возможно, предотвратить утечку воздуха, они часто, хотя и не всегда, использовали щечку вокруг рта. Бронзовая статуя флейтиста, обе стороны которой представлены на рис. [138](#) и [138](#), очень ясно показывает способ, которым эта повязка крепилась двумя кожаными ремешками, пропущенными вокруг головы; мы также можем узнать ее у флейтиста на рис. [140](#), вазописи, которая, несомненно, как указывает пьедестал, на котором он стоит, изображает флейтиста на публичном состязании; на это указывает и его любопытный костюм — длинная праздничная мантия и короткая куртка без рукавов.

На вазописи, представленной на рис. [127](#), флейтист, сопровождающий гимнастические упражнения, также играет на двойной флейте с повязкой для рта; через его руку перекинут футляр для флейты, который обычно делался из кожи и с которым соединялся футляр для мундштуков, которых у них было несколько. С другой стороны, юноша на рис. [75](#) не имеет повязки; ни две женщины на рис. [126](#), ни сидящая гетера на рис. [142](#), ни юноша, который на вазе, изображенной на рис. [141](#), с двойной флейтой в руке взбирается на пьедестал, с которого он намеревается выступить перед публикой, сидящей рядом.

Рис. 140.

Рис. 141.

На греческих памятниках доримского периода мы всегда находим две похожие флейты, соединенные вместе, но впоследствии, и особенно на изображениях, связанных с поклонением Кибеле, одна из флейт очень часто имеет изогнутый рог, что, по-видимому, было особой особенностью фригийской флейты. По-видимому, в древние времена грекам это было неизвестно.

Рис. 142.

Другие деревянные духовые инструменты не имеют особого значения для музыки или искусства. *Сиринкс*, или свирель-пан, изготовленная из нескольких связанных вместе тростинки, которые у одних видов сиринкса были одинаковой длины, а у других варьировались от коротких до длинных, использовалась пастухами и часто встречается на картинах, особенно с изображением Пана и других лесных и полевых божеств, но не играла никакой роли в реальной музыке. В еще большей степени это относится к *плагиятам*, которые соответствуют современной *флейте traversière*, появившейся в Египте, и к различным другим видам одиночных флейт, которые были нам описаны.

Металлические духовые инструменты, или трубы (*σάλπιγξ*), использовались только в военных и религиозных целях. Обычно они делались из бронзы, с костяным мундштуком, имели продолговатую форму, с очень широким ртом. Среди других музыкальных инструментов, используемых греками, мы должны упомянуть бубны (*τύμπανα*), тарелки и кастаньеты (*κρόταλα*), которые использовались при поклонении Дионису и Кибеле и в танцах оргиастического характера; на рис. 142 девушка, танцующая под звуки флейты, держит в руках кастаньеты. Но, несмотря на частоту, с которой эти инструменты представлены на произведениях искусства, особенно тех, которые связаны с Дионисом, их использование в повседневной жизни, должно быть, было очень редким, за исключением танцовщиц, которые появлялись на симпозиумах и отмечали ими время своих движений.

О танцах у греков можно сказать очень мало; несмотря на их важность в религиозных обрядах, пьесах или хоровых коллективах, в повседневной жизни они не имели большого значения. Мы не находим упоминания об этом среди обычных предметов обучения, за исключением, конечно, Спарты. Танцы были популярным развлечением, особенно во время банкетов и застолий с выпивкой; но сами гости не танцевали, а довольствовались созерцанием профессиональных исполнителей. Тем не менее, без сомнения, иногда случалось, что, когда гуляки выпивали много вина, они чувствовали вдохновение присоединиться к танцу; безусловно, были возможности научиться этому, поскольку нам прямо сказано, что Сократ брал уроки танцев в преклонном возрасте. Почти всегда речь идет о сольных танцах; они заключались главным образом в ритмичных движениях рук и ног в различных хорошо подобранных позах и были в основном связаны с гимнастикой, в которую иногда включалось обучение танцам. Совместные танцы людей разного пола, как это принято у нас, были неизвестны в общественной жизни античности и в любом случае были бы невозможны в Греции из-за разделения, которое существовало в обычной жизни между мужчинами и женщинами.

Танец использовался главным образом в религиозных целях. В древнейшие времена торжественные танцы всегда были частью богослужения; веселые танцы были частью служения Дионису; и иногда в этих хороводных танцах принимали участие представители обоих полов, но даже здесь речь шла не о хороводе, а только о серии движений, регулируемых музыкой, величественного и ритмичного характера. Танцы в доспехах, которые были популярны в дорических государствах и, конечно, исполнялись только мужчинами, носили более оживленный характер. Танцоры были вооружены шлемом, щитом и мечом и прошли ряд хореографических эволюций; танцы на деревенских праздниках, которые очень часто носили пантомимический характер, также носили живой характер. Здесь, так же как и в торжественных религиозных танцах, танцорам было очень свойственно петь во время танца, а иногда даже аккомпанировать себе на каком-нибудь инструменте; фактически, это различие остается в силе между танцами в древности и в наше время, поскольку в древности это не было самоцелью, а всегда было тесно связано с другими музыкальными искусствами. Древний танец достиг своего наивысшего развития и совершенства в драме, где танец, музыка и пантомима сочетались наиболее совершенным образом; но у нас будет возможность обратиться к этому позже, при обсуждении театра греков.

ГЛАВА X.

РЕЛИГИОЗНОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ.

Греческая религия—Функции священника—Формы поклонения, молитвы и жертвоприношения—Очищение—Святая вода—Две формы жертвоприношения, кровавое и бескровное—Возлияния—Пророчества и гадания—Оракулы.

В описании греческой жизни невозможно полностью обойти стороной многие обычаи, связанные с поклонением богам, и их значение в жизни отдельных людей. Греческая религия не предписывала каких-либо фиксированных церемоний, которые нужно соблюдать каждый день, как это делают иудейская или магометанская религии; но все же она связывала верующего с Божеством и, таким образом, давала повод для какого-либо религиозного акта каждый день. Были также некоторые особые случаи, которые заставляли их обращаться к своим богам, и поэтому естественно, что религиозное поклонение должно было играть очень важную роль в жизни греков, тем более что лишь в редких случаях им приходилось прибегать к посреднической помощи священника; как правило, любой грек мог совершать различные религиозные церемонии самостоятельно. Спорным является вопрос о том, была ли греческая естественная религия на первых порах знакома с храмами, изображениями богов и жрецами как отдельным классом; в любом случае, в древнейшем литературном памятнике греческой жизни, поэмах Гомера, богослужение находилось главным образом в руках мирян, а служение в храмах и жречество обычно играли очень второстепенную роль в жизни человечества.

Греческая религия не была знакома с регулярным богослужением, возвращавшимся в определенные назначенные дни, на которое священники и миряне собирались вместе в Доме Божьем. Это правда, что храм считался жилищем бога; но верующий, как правило, входил в него только в том случае, если ему нужно было совершить какую-то особую молитву, а в остальном исполнял свои религиозные обязанности дома, в своем собственном жилище. Обычно это он мог сделать без помощи священника; священник существовал, во-первых, ради бога и только во-вторых, для того, чтобы облегчить общение между богом и человеком. Боги желали поклонения и жертвоприношений, и, поскольку нельзя было полагаться на случай, сможет ли кто-то один обеспечить это, поскольку богослужение не должно прерываться, необходимо было создать класс людей, чьей работой в жизни было выполнение этих обязанностей по отношению к божеству. Вероятно, именно эта идея побудила их назначить класс священников; и только вследствие этого миряне иногда обращались за помощью к священнику, особенно в важных случаях, поскольку предполагалось, что эти люди, находившиеся в постоянном общении с богами, обладают наиболее точным знанием форм, угодных божествам. Следовательно, по мере того, как развитие цивилизации предъявляло все большие требования к обычным людям в их профессиональной деятельности, такой как военная служба, политика, учеба и т.д., и, таким образом, отвлекало их от божественных дел, все чаще стали прибегать к посреднической помощи священника, и, таким образом, влияние и важность священнического сословия продолжали возрастать. Была еще одна причина, побудившая мирян прибегнуть к помощи священников. Согласно греческим верованиям, боги открывали свою волю человечеству посредством различных знаков и видений; однако не каждый знал, как интерпретировать эти знаки; требовались глубокие знания божественной природы и воли, а также богатый опыт, и поэтому было естественно, что они обратились с этой целью к тем, кто посвятил всю свою жизнь раскрытию воли богов. Это были провидцы или толкователи, которые были тесно связаны со священниками, хотя их не следует отождествлять с ними.

Когда мы говорим о священническом классе среди греков, мы не должны понимать это в буквальном смысле слова; греческие священники не составляли класс в нашем современном понимании этого слова, поскольку для этой должности не требовалось предварительной подготовки. Греческая религия не имела догм; обязанностью священника было только совершение

определенных обрядов и церемоний, и им было легко научиться. Следовательно, священство в Греции не ограничивалось возрастом и полом; мальчики и девочки, юноши и девицы, мужчины и замужние женщины могли выполнять священнические функции в течение длительного или короткого периода. Существенным требованием было законное рождение и участие в сообществе, в котором должны были выполняться священнические функции; также требовались телесная чистота и моральный облик; члены древних и знатных семей пользовались особыми привилегиями, и иногда при выборе учитывались телесная сила и красота. Однако, вообще говоря, предъявляемые требования различались не только в зависимости от богов, на службе у которых они должны были стоять, но и в зависимости от местных или других случайных обстоятельств. Таким образом, иногда от жриц требовалось быть девственницами, если не на всю свою жизнь, то, по крайней мере, на время их священства; однако в других случаях жреческие функции могли выполнять замужние женщины. То же самое относилось и к мужчинам. Хотя, как правило, священники вступали в должность на всю свою жизнь, все же иногда случалось, что их священнические функции выполнялись лишь некоторое время, как, например, в случае с мальчиками или девочками, которые поступали на службу в храм до тех пор, пока не становились мужчинами или женщинами, или в других случаях, когда граждане становились священниками на один или несколько лет, а по истечении времени снова уходили на пенсию и позволяли другим занять их место.

Существовали различные способы назначения священников. Они были либо избраны из числа нескольких кандидатов, и в этом случае право избрания принадлежало гражданам или их представителям, либо по жребию, либо это право было дано от рождения. Определенные должности священнослужителей передавались по наследству в семьях; либо первенец назначался как таковой, либо жребий должен был определяться между различными членами семьи; иногда, если возникали споры, могло быть даже вынесено юридическое решение. Следовательно, ясно, что священники в Греции не составляли особой касты, и поскольку они очень часто снова уходили в частную жизнь, их влияние не было обширным или очень важным.

Обязанности священников состояли, во-первых, в совершении тех актов поклонения божеству, которые также мог совершать любой мирянин, а именно молитв и жертвоприношений; и, во-вторых, тех, которые относились к поклонению конкретному божеству и повторялись в определенные установленные периоды, и особенно тех, которые они совершали по просьбе других. Помимо этого, существовали различные обязанности, связанные с уходом за храмом и божественными изображениями, выполнением различных обычаев, связанных с поклонением каждому божеству, совершением таинственных посвящений и очищений, охраной сокровищ храма и т.д. Этому были обязаны различные постановления, касающиеся их образа жизни, пищи, одежды и т.д. Их личности считались священными, как и святилище, и они также получали свою долю в поклонении богам, считаясь, в какой-то мере, их представителями. Очень часто они имели дом во владениях храма и получали долю от его дохода, который должен был, в первую очередь, обеспечивать средства для совершения служения богу, возведения необходимых зданий, статуй и т.д., Но который часто приносил священникам также значительную прибыль; таким образом, шкуры и определенные части жертвенных животных выпадали на их долю. В некоторых святилищах доход, получаемый от храмовой собственности и денег, ссужаемых под проценты с храмовых сокровищ, был очень значительным и намного превышал средства, необходимые для содержания святилища и служения богу. Еще одной привилегией, которой пользовались священники, было право занимать почетные места в театре и на публичных собраниях. Своей одеждой они обычно выделялись среди остальных горожан; они носили длинные хитоны, которые вышли из моды у обычных людей; обычно они были белого или пурпурного цвета, в их длинные волосы были вплетены венки и ленты, и, вероятно, они носили посох как знак достоинства.

Священникам помогало выполнять их обязанности в храмах большое количество слуг. Некоторые из них лишь изредка принимали участие в процессии или жертвоприношении, и, поскольку это считалось честью, они отдавали свою службу безвозмездно. Некоторые из них были

постоянными служителями храма, которые либо выполняли за плату определенные черные услуги, связанные с богослужением и уходом за храмом, либо были рабами и собственностью бога. Среди них были так называемые “подметальщики храма” (νεωκόροι), мужчины и женщины, в чьи обязанности входило убирать храм и ухаживать за ним. Были также вестники, служители для жертвоприношений, мясники, носители священных сосудов, певцы и музыканты и т.д., о которых надписи дают нам много информации. Даже эти должности, пока выполняемые услуги были не черными, а почетными, были предметом честолюбия граждан или рассматривались как ценная привилегия, унаследованная определенными семьями; так, например, в Олимпии потомки Фидия хранили статую Зевса, которая была шедевром их предка.

Двумя формами, в которых главным образом состояло богослужение древних, были молитва и жертвоприношение. Молитва, обращенная либо ко всем богам вместе, либо к какому-то одному, освящала начало и конец дня; в сочетании с возлияниями она сопровождала начало и конец трапезы и, по сути, была неотъемлемой частью каждого важного действия повседневной жизни. Эти молитвы носили, конечно, общий характер, но были и другие случаи, когда использовались специальные молитвы, приспособленные к конкретным случаям; таким образом, само собой разумеется, что на собраниях народа при обсуждении следовало призывать благословение бога. Отправляясь на войну, они призывали на помощь бога в предстоящей битве, и точно так же частные лица просили божественной помощи в своих начинаниях и помощи в трудностях, хотя некоторые более мудрые люди — и особенно те, кто получил философское образование — не могли скрыть от самих себя, что глупо надеяться, что их молитвы обязательно будут услышаны, и они смотрели на молитву скорее как на религиозное освящение человеческих поступков. Преклонение колен и складывание рук были неизвестны древним. Во время молитвы они вставали и простирали руки к области, которую они считали жилищем призываемого божества; таким образом, они поднимали их вверх, когда молились одному из олимпийских божеств, вперед, когда молились морскому богу, и вниз, к земле, если молитва была обращена к одному из адских божеств, в то же время пытаясь привлечь его внимание топаньем по земле. Чаще всего они стояли лицом к востоку; когда они молились в храме, они поворачивались к алтарю и статуе бога, а иногда даже обнимали алтарь. Фактически, поклонение храмовым статуям привело к очень чувственному представлению о молитве; они не только целовали бога, которому поклонялись, но даже прикасались или целовали его статую; в то время как просители бросались на землю перед храмовым изображением или, по крайней мере, преклоняли перед ним колени.

Чтобы обеспечить эффективность молитвы, те, кто ее возносит, должны быть свободны от всякой телесной и нравственной скверны и, следовательно, при необходимости подвергнуться очищению. Был ряд случаев, которые делали человека нечистым и непригодным для общения с божеством; таковы были рождение и смерть, которые требовали очищения всех тех, кто соприкасался с матерью или умершим человеком, не только для того, чтобы они могли предстать незапятнанными перед божеством, но и для того, чтобы предотвратить передачу ими своей нечистоты другим и дать им возможность снова вступать в общение с человеческими существами. Даже без учета этих особых случаев было невозможно сказать, могло ли какое-то случайное соприкосновение привести к загрязнению, и по этой причине акту молитвы обычно предшествовало омовение или, во всяком случае, символическое очищение, такое как окропление святой водой. С этой целью у входа в каждый храм ставились сосуд со святой водой и венчик для окропления, которыми пользовались те, кто входил во владения; аналогичные устройства были сделаны в частных домах, и предпочтение отдавалось проточной воде, особенно морской, которая, как предполагалось, обладала особой очищающей силой; для окропления использовали ветку какого-нибудь священного дерева, например лавра. Это очищение распространялось не только на личность тех, кто приближался к божеству, но и на их одежду и утварь, используемые для молитв и жертвоприношений, а также на жилище в целом; следовательно, очищение огнем и дымом — особенно с помощью жженой серы — играло важную роль наряду с мытьем. Существовали также

определенные растения, которым приписывалась очищающая сила; так, было принято вешать морской лук-порей над дверью дома.

Очищение такого рода было, конечно, еще более необходимо, когда было совершено какое-то реальное преступление, такое как убийство, пусть даже случайное, или любое другое действие, которое сделало бы человека непригодным для присутствия божества. В этих случаях важную роль также играли жертвоприношения, поскольку это было древнее поверье, встречающееся также в еврейском ритуале, — что грехи могут быть возложены на жертву и таким образом сняты с грешника. В таких случаях использовались специальные церемонии, такие как очищение кровью свиней, поскольку предполагалось, что эти животные обладают особой очищающей силой. В Афинах был обычай приносить в жертву поросят-сосунов перед народным собранием; убитых животных носили по всему собранию, сиденья окропляли их кровью, а тела бросали в море. На вазописи, изображающей очищение Ореста после убийства его матери, сам Аполлон держит молочного поросенка над головой убийцы; аналогичный процесс представлен на вазописи Рис. 143, где женщина, совершающая обряд очищения, — вероятно, жрица — держит в правой руке молочного поросенка, в левой — корзину с подношениями, в то время как на земле перед ней стоят три факела, дым от которых также обладает очищающей силой. Подобные церемонии соблюдались теми, кто, согласно очень распространенному суевию, считал себя заколдованным, или кто хотел защитить себя от вредного влияния настойки или другого колдовства, или же излечиться от безумия, которое объяснялось гневом адских богов; в этих случаях Геката была богиней, которую нужно было умиротворить, и часть любопытной церемонии состояла в том, чтобы носить на руках молодых собак.

Рис. 143.

После молитвы самым распространенным обрядом было жертвоприношение. Антропоморфная концепция богов побудила греков попытаться завоевать их расположение, как они старались бы завоевать расположение могущественных князей, с помощью подарков, полагая, что они будут более склонны исполнять человеческие желания, если их задобрить ценными подарками.

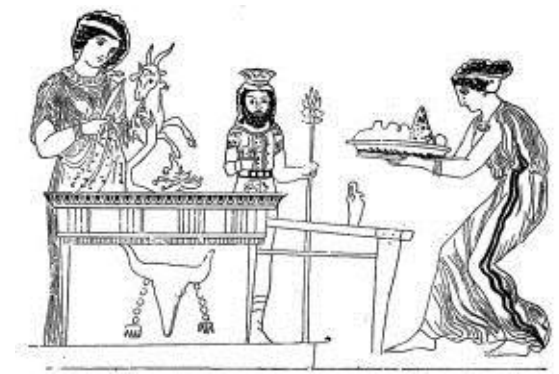

Рис. 144.

Эти дары состояли из посвященных подношений, а также жертвоприношений, и их нужно было регулярно приносить, чтобы сохранить благосклонность божеств. Вообще говоря, любой дар, приносимый богу, мог рассматриваться как жертвоприношение; но, как правило, это название применялось только к тем подношениям, которые не должны были стать постоянным достоянием бога, а делались только для сиюминутного наслаждения и, как правило, должны были быть уничтожены, как правило, с помощью огня. Идея, лежащая в основе этих жертвоприношений, заключалась в участии богов в материальных благах людей. Не все дары, включенные в раздел подношений, были такого рода, чтобы их можно было уничтожить сразу; таким образом, первые полевые плоды, фрукты, банки с вареной чечевицей, цветы, филе и другие подобные вещи не могли рассматриваться как настоящие дары из-за их преходящей природы; и их просто клали на алтарь бога или же вешали рядом с ним; иногда рядом с алтарем стоял специальный стол для приема этих даров.

Рис. 145.

На вазописи (рис. 144) такой стол изображен рядом с алтарем; за ним мы видим старинную статую Диониса, с одной стороны стоит женщина с козой, предназначенной для жертвоприношения, а справа приближается другая женщина, несущая плоское блюдо, вероятно, с пирожными. Подношения, представленные на рис. 145 и 145, вероятно, также предназначались Дионису. Сатир, неся в левой руке ветку, в правой блюдо, вероятно, с пирожными, приближается к алтарю, на который уже были возложены подобные дары; с другой стороны, возле стола для подношений, на котором лежат фрукты и пирожные, сидит женщина, вероятно, менада, держащая в правой руке ветку, в левой - плоскую корзинку с маленькими жертвоприношениями. Хотя эти дары не были немедленно уничтожены огнем, они носили настолько преходящий характер, что их нельзя было причислить к тем, которым суждено было стать постоянным достоянием богов. Греки называли эти дары жертвоприношениями без огня.

Жертвоприношения обычно делились на два класса — кровавые и бескровные. Бескровные, по видимому, самые древние; они состояли главным образом из первых полевых плодов и лепешек, обычно приготовленных из меда, которые некоторые боги считали особо желанным даром. Очень часто лепешки использовались в качестве замены животных, поскольку бедные люди, которые не могли позволить себе значительные расходы на принесение в жертву настоящих животных, придавали тесту форму быков, свиней, овец, коз, гусей и т.д. К этому классу мы можем отнести дымовые подношения. Обычай сжигать душистую древесину и специи, вероятно, пришел в Грецию из Азии, где он долгое время господствовал. Сначала они использовали местные продукты, особенно кедровую древесину; впоследствии ладан, сторакс и другие ароматические вещества были завезены из-за рубежа. Эти курительные подношения часто были связаны с жертвоприношениями животных, поскольку крупинки благовоний бросались в пламя алтаря, на котором сжигалась плоть животного, чтобы перебить запах горящего мяса. Возлияния также могут быть включены в число бескровных жертвоприношений. Точно так же, как боги требовали часть пищи людей, они также желали разделить с ними питье, поскольку предполагалось, что они нуждаются в пище и питье так же, как и люди. Поэтому возлияния совершались перед тем, как выпить вина после трапезы или любого другого напитка, и Сократ даже хотел предложить немного своего болиголова богам. В других случаях также совершались возлияния, как, например, перед публичными выступлениями, по случаю жертвоприношений за умерших, обращения к богам с особыми целями и т.д. Часть вина или другой жидкости, предназначенной для бога, выливалась из плоской чаши либо на землю, либо в пламя алтаря, а тем временем произносились слова освящения. Чаще всего употреблялось несмешанное вино, но были некоторые боги, которым нельзя было предлагать вино, в частности Эринни, адские божества, нимфы, Музы и т.д.; им они посвящали возлияния меда, молока или масла, либо по отдельности, либо смешанные вместе, либо с водой. По этим случаям требовалось соблюдать определенные фиксированные церемонии, но они не были одинаковыми во всех частях Греции.

В легендах есть многочисленные указания на то, что греки изначально были знакомы с обычаем человеческих жертвоприношений; но в исторический период о них больше ничего не слышно, и везде, где они существовали раньше, их место заняли символические действия или принесение в жертву животных вместо людей. Самыми распространенными жертвами были животные, и выбор конкретной жертвы зависел от бога, которому приносилась жертва. Здесь, как и в случае с бескровными жертвоприношениями, некоторые боги отвергали дары, которые были приятны другим, и определенным богам приносились в жертву особые животные. Не всегда легко проследить происхождение этого выбора, хотя в некоторых случаях это можно сделать; так, например, коз приносили в жертву Дионису за то, что они уничтожали виноградники, а свиней — Деметре за то, что они повреждали кукурузные поля. Быки и овцы были самыми распространенными жертвами после коз и свиней, и очень часто в общее жертвоприношение приносились несколько животных. Лошадей приносили в жертву Посейдону и Гелиосу, собак — Гекате, ослов — Аполлону и т.д. В жертву Эскулапу приносились и птицы; например, гуси, голуби, курятина и, в особенности, петухи. Для этой цели очень редко использовались дичь и рыба, вероятно, потому, что в древние времена они не часто употреблялись в пищу; в большинстве случаев стандарт употребления в пищу определял, каких животных следует использовать, хотя были и исключения среди уже названных классов.

Первоначально существовал обычай сжигать животное целиком, вместе со шкурой и шерстью, но, хотя этот экстравагантный способ жертвоприношения иногда использовался в более поздние времена, стало обычным сжигать только бедренные кости и определенные части мяса животного, а остальное использовать для праздничного банкета. Вследствие этого количество жертв часто рассчитывалось в соответствии с количеством приглашенных на пир; в других случаях это зависело от важности случая или состояния приносящих жертву, и даже в исторические времена не было ничего необычного в том, что целые общины или очень богатые частные лица

приносили гекатомбу (жертву из ста быков) или даже нескольких, и в таких случаях жертвоприношение лишь предоставляло возможность развлечь людей с великолепным размахом. Как правило, приносимые в жертву животные должны быть здоровыми во всех отношениях; но в Спарте, которую часто упрекали в чрезмерной экономии при жертвоприношениях, иногда использовался больной скот. Требовалось соблюдать несколько других необходимых условий; таким образом, животные никогда не должны были находиться на службе у человека; бык, тянувший плуг, не мог быть принесен в жертву. Пол жертвы обычно соответствовал полу божества, которому она приносилась в жертву. Даже цвет имел значение; белые животные обычно приносились в жертву богам света, черные - адским богам. По-видимому, не существовало каких-либо фиксированных правил в отношении возраста, за исключением того, что животные должны были достичь определенной зрелости.

Церемония, соблюдаемая при жертвоприношениях, была почти одинаковой на протяжении всей античности и оставалась такой, какой ее описывает Гомер. Жертва, посвященная богу, была украшена венками и лентами, и ее вели к алтарю слуги или сопровождающие; Гомер говорит о позолоте бычьих рогов, и впоследствии это стало обычным делом. По возможности они пытались побудить животное идти вперед по собственной воле, поскольку насильственная борьба считалась неблагоприятным предзнаменованием и иногда приводила к отказу от жертвы. Было даже принято требовать от животного дать своего рода согласие, кивнув головой; это согласие жертвы было, конечно, получено искусственными средствами, такими как заливание воды в уши и т.д. После этого всех участников торжественного действия подготовили к окроплению святой водой, которую освятили, окунув в нее головешку, взятую с алтаря, и призвали соблюдать нерушимое молчание. Затем настоящее жертвоприношение начиналось с посыпания животного жареными зернами ячменя, как древнейшей пищи их предков, и в знак посвящения они срезали пучок волос у него со лба и бросали в огонь, который уже горел на алтаре. В героические эпохи князья, как верховные жрецы, сами убивали животных; впоследствии эту обязанность брали на себя жрецы или слуги. Они били животное по лбу дубинкой или топором, а затем перерезали ему горло жертвенным ножом и окропляли алтарь кровью; при этом они обычно откидывали голову назад; или, принося жертву адским богам или теням умерших, они прижимали ее к земле. Когда жертва падала, женщины, стоявшие вокруг, издавали тихий вскрик, и в века после Гомера было обычным сопровождать всю церемонию звуками флейты. Затем опытные служители сдирали с животных кожу и разделяли тела, после чего части, предназначенные для богов, особенно бедренные кости, обмазанные жиром, сжигались в пламени алтаря вместе с благовониями и жертвенными лепешками, и одновременно совершались возлияния; мясо держали в огне с помощью длинных вилок. Это очень часто изображено на древних произведениях искусства. На вазописи на рис. [147](#) мы видим алтарь, на который, по-видимому, регулярно складывают дрова; в пламени видны части жертвоприношения. Служитель, одетый в короткую одежду вокруг чресел, становится на колени впереди, держа в огне кусок мяса на длинном шесте или вертеле; слева от него мужчина держит чашу для возлияний, в которую богиня победы, пролетая над алтарем, наливает жидкость; справа стоит Аполлон с лирой и медиатором.

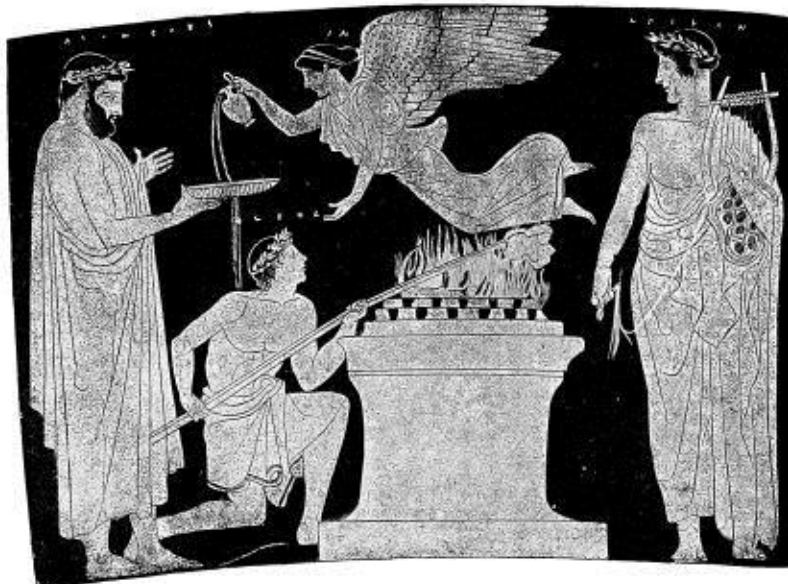

Рис. 147.

Мясо животных, которое не использовалось для жертвоприношения, обычно употреблялось на пиру, который следовал за церемонией; от этого обычая отступали только в случае жертвоприношений теньям умерших или в целях умиловливания, а затем мясо, которое не сжигалось, закапывали или уничтожали каким-либо другим способом, и, фактически, в этих случаях многие церемонии были другого рода.

Как правило, жертвоприношение сопровождалось другой целью; необходимо было не только снискать благосклонность богов или искупить какое-то преступление, но и разгадать волю богов путем толкования знаков. Хотя молитвы требовались от всех людей — как от рабочего, так и от священника — и жертвоприношения, хотя обычно приносились священниками, могли совершаться и другими, толкование предзнаменований было искусством, которое зависело от древних традиций и знания ритуалов и было почти полностью ограничено священниками, хотя, по природе вещей, этим мог заниматься любой. Этот способ пророчества существовал в различных формах с самых древних времен. Самым распространенным, хотя и неизвестным во времена Гомера, было исследование внутренностей, при котором структура, то есть цвет, форма и целостность внутренних частей жертвы, особенно печени, желчи и т.д., рассматривались как удачное или неудачное предзнаменование. Поэтому некоторые анатомические знания о внутренних частях животных были необходимы, и поэтому естественно, что эта отрасль знаний находилась в руках священников. Более древний вид пророчеств, описанный у Гомера, имел иную природу, поскольку зависел от всевозможных явлений, происходящих во время жертвоприношения; быстро или медленно охватывало ли пламя жертву, ярко ли оно горело, поднималось ли вверх, не гасло ли оно до тех пор, пока не было сожжено все животное целиком, громко ли потрескивали дрова, какую форму принимал пепел жертвы и дров и т.д. и т.д.

Помимо жертвоприношений, пророчества и гадания играли большую роль в жизни и религии греков. Сами древние проводили различие между пророчеством с помощью искусства и без искусства. Пророчество без искусства рассматривалось как вдохновение человека божественным духом и не зависело от внешних знаков или интерпретации опытного человека. Существовало три вида: экстаз, при котором дар пророчества передавался человеку без его собственной помощи божественной силой; сны, в которых боги непосредственно открывали людям свою волю или грядущие события; и, в-третьих, оракулы, которые носили несколько иной характер, будучи связанными с профессиональным пророчеством. Они также рассматривались как прямое

откровение воли бога, поэтому способ, которым это было выражено, сильно различался в зависимости от различных оракулов; но спрашивающий не испытывал немедленного вдохновения, как в экстазе и снах, ему требовался посредник, тот, кто один был способен истолковать откровения богов.

Из этих трех классов наименее важным в течение исторического периода был экстаз; видящие в реальном смысле этого слова, с которыми мы так часто встречаемся в легендах, позже не имели значения. Второй вид, оракул сновидений, имеет гораздо большее значение. Идея о том, что сны были посланиями богов, не в меньшей степени, чем другие оракулы и знамения, была принята настолько повсеместно, что не только прочно укоренилась в народных верованиях, но и разделялась образованными людьми, даже теми, кто более или менее отказался от старой веры в богов. Древние писатели сообщают нам множество рассказов о зловещих снах; несчастливые сны предотвращались религиозными церемониями, жертвоприношениями богам, которые могли отвлечь несчастье, окроплением святой водой и т. Д. Обычно молились о вещих снах, и, как мы уже видели, они были специально вызваны спящими в храме Эскулапа, хотя впоследствии они часто требовали толкования от священников. Это очень старое поверье, что сны раскрывают волю богов не прямо и не сразу, а в форме притч или образов, которые требуют особого понимания и тайных знаний, и, таким образом, толкование снов стало особым искусством, что привело к появлению целой литературы сонников (остатки которой сохранились до нас; в частности, сонника Артемидора, датируемого вторым веком нашей эры) и профессии толкователей, которые, хотя и не пользовались особым почетом, все же были очень востребованы всеми классами общества.

Влияние оракулов было еще более важным. В Греции и Малой Азии было несколько сотен мест, где давались оракулы; общим для всех них было то, что не боговдохновенный человек, а сам бог объявлял свою волю особыми знаками, в то время как священники были всего лишь толкователями воли бога; знаки и методы толкования значительно различались. Оракулы Аполлона были самыми знаменитыми, поскольку он был особым богом пророчеств; среди них дельфийский оракул превосходил по значимости все остальные. Здесь медиумом, через которого бог открывал свою волю человечеству, была святая жрица по имени Пифия; пар, поднимавшийся из расщелины в земле, вызывал экстаз у Пифии, которая предварительно очистилась, пожевав лавровые листья и напившись из священного источника, и облачилась в богатые одежды с золотым головным убором, длинными ниспадающими одеждами и кокетками, и заняла свое место на треножнике над расщелиной. В этом состоянии она произносила оракулы, которые были, как правило, непонятны обычным людям. Затем обязанностью священников, присутствовавших во время экстаза с вопрошающими, было раскрыть истинное значение бессмысленных звуков и облечь ответ в поэтическую форму, обычно гекзаметрами, которые, как правило, были хитро составлены таким образом, чтобы иметь двоякое значение. Сначала это происходило только раз в год, но когда репутация оракула возросла и тысячи людей ежегодно приезжали в Дельфы или посылали гонцов с вопросами в храм, вошло в обычай давать ответы круглый год, и из-за большого количества людей двум пифиям приходилось поочередно взбираться на треножник, в то время как третья была под рукой, чтобы время от времени заменять их. Только несколько дней в году считались несчастливыми, и тогда никаких оракулов не давалось. Во времена Империи, когда влияние дельфийского оракула значительно ослабло, к нему можно было обращаться только раз в год. Порядок, в котором должны были входить просители, обычно определялся по жребию; в некоторых редких случаях это могло быть определено по рангу. Священной церемонии, конечно, предшествовали молитва и жертвоприношение; в основном приносились в жертву козы, потому что, согласно легендам, открытие этого чудесного пара произошло благодаря козе.

У других оракулов Аполлона дела обстояли иначе: в Гизее, в Беотии, пророк искал вдохновения в колодце; в Аргосе - в крови жертвы; в кларийском храме Аполлона, в Колофоне, жрец спускался в священную пещеру и пил святую воду, после чего ему был дарован дар пророчества; в святилище Бранхид, в Дидиме, близ Милета, оракулы произносила жрица, которая

смачивала подол своего одеяния и произносила заклинания. опустите ее ноги в колодец, а затем позвольте поднимающемуся пару воздействовать на нее. В других оракулах бог раскрывал свою волю или события будущего знаками, а не словами, которые затем должен был интерпретировать священник. Так было с древнейшим и наиболее священным из всех греческих оракулов — оракулом Зевса в Додоне в Эпире. Эти знаки были разного рода: иногда это был шелест ветвей священного дуба, иногда журчание источника у его подножия, иногда звук, издаваемый медной чашей. Раскопки, недавно проведенные в Додоне, дали некоторую информацию о характере и разнообразии вопросов, но не о том, каким образом было дано предсказание. Те, кто желал получить ответ оракула, должны были изложить свой вопрос в письменной форме, обычно на свинцовой табличке, на которой он был нацарапан. Это помещалось в сосуд и помещалось в святилище, чтобы жрица могла узнать, в чем заключался вопрос; затем ответ давался на аналогичной табличке, иногда той же, на которой был написан вопрос. Найденные примеры этих табличек показывают, что эти вопросы не всегда имели политическое значение и направлялись целыми общинами или князьями, но что даже частные дела иногда становились предметом обсуждения. Так, на табличке, представленной на рис. 148, некий Лисаний спрашивает, действительно ли ребенок, которого собирается родить ему жена, его собственный; другой спрашивает, было бы ли ему выгодно разводить овец; третий спрашивает, кто украл потерянные им подушки.

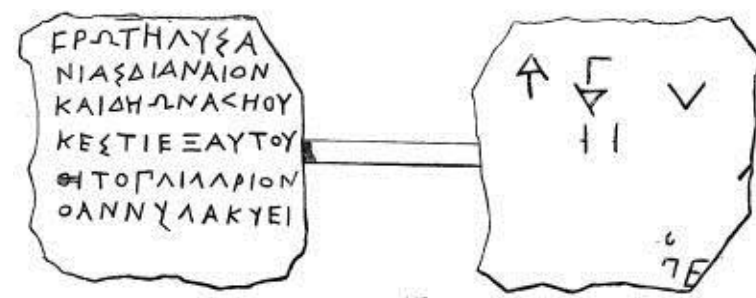

Рис. 148.

Эти вопросы на свинцовых табличках использовались и в других местах. У оракула Аполлона-Коропея, на полуострове Магнесия, в Фессалии, спрашивающие должны были назвать свои имена храмовому писцу, чтобы тот записал их на табличке; затем их вызывали по очереди и проводили в святилище, где им вручали свинцовые таблички. На них они написали свои вопросы; затем таблички были собраны и помещены в сосуд, который был запечатан официальной печатью светских и духовных чиновников и оставлен на ночь в святилище. На следующее утро печати были сломаны, имена задавших вопросы были названы в соответствии со списком, а таблички возвращены с ответами. Среди оракулов мы должны упомянуть о Зевсе Аммене в Ливийской пустыне, который пользовался большой репутацией в Греции даже в ранние времена; о Зевсе Трофонии, в Лебадии, в Беотии; об Амфиарае в Оропе, который последним был включен в число оракулов сновидений, поскольку посредничество жрецов здесь не требовалось, и вопрошающие получали свои откровения непосредственно от бога. Было бы невозможно перечислить все оракулы и обычаи, соблюдавшиеся там; на протяжении всей греческой древности они играли очень важную роль в жизни нации и отдельного человека и часто были решающими в политических вопросах, а также в тривиальных деталях повседневной жизни.

Не менее важными, чем уже упомянутые способы пророчества, являются те, которые можно назвать профессиональными и которые зависели не столько от прямого раскрытия воли бога, сколько от наблюдения и интерпретации определенных, по-видимому, случайных знаков, которые, однако, должны были исходить от божества. Конечно, многие оракулы были очень тесно связаны с этими профессиональными пророчествами. Здесь мы также можем выделить несколько различных видов. Во-первых, существует интерпретация знаков, которые появляются, хотя их и не просили. Число их, конечно, неисчислимо, поскольку все царство природы и жизни предоставляет

им простор. Небесные знамения, атмосферные явления, изменение течения рек, землетрясения, расщелины в земле, аномальные роды, все то, что часто упоминается в древней истории, может быть включено в этот класс, как и полет птиц, которым уделялось особое внимание, хотя также наблюдались за поведением других животных, или сам факт их появления, как предполагалось, предвещал хорошую или плохую судьбу. Затем появились явления, относящиеся к человеческим существам, такие как чихание, пение в ушах, случайно произнесенные слова и т.д., И место, где эти вещи происходят, имеет большое значение, как, например, на правой или левой руке. Второй класс профессиональных пророчеств - это те, в которых человек ищет знамения и призывает бога даровать ему знак своего присутствия и воли. В этот класс мы можем включить пророчества о жертвоприношении, а также некоторые из оракулов, но в особенности частные оракулы — если можно так выразиться, — с помощью которых люди любыми способами добывали знамения и либо интерпретировали их сами, либо нанимали какого-нибудь опытного пророка, который делал это за них. Это очень напоминает нашу современную манеру предсказывать судьбу по картам, и в этих случаях пророчество обычно толковал не священник, а какой-нибудь шулер или фокусник; таким образом, для предсказания использовались кости и сита, а о судьбе судили по физиономии или линиям руки, как это делается до сих пор.

Толкователи пророчеств и знамений, независимо от того, принадлежали ли они к классу священников или мирян, естественно, представляли свое искусство как исходящее непосредственно от богов, и любили окутывать его завесой тайны, хотя в других отношениях греческая религия стремилась к публичности и всеобщему пониманию. Существовали, однако, некоторые церемонии, которые были тщательно скрыты от внешнего мира; и те, кто принимал в них участие, должны были соблюдать абсолютную секретность и подвергались постепенному посвящению, проходя через несколько стадий, прежде чем они достигали последней. Мы имеем в виду мистерии, которые были повсеместно известны по всей Греции и, благодаря большому числу тех, кто искал посвящения, играли важную роль в жизни древних греков. Наши знания об этих тайных доктринах очень невелики, что естественно при данных обстоятельствах, и, следовательно, самые последние исследования привели к совершенно иным гипотезам. Тем не менее, последние открытия позволяют нам быть уверенными в том, что эти мистерии не были, как предполагалось ранее, остатками древней богооткровенной мудрости, содержащей более чистые и усовершенствованные доктрины, чем были известны популярной религии; и не были они, как предполагает Восс, просто жреческим обманом. Они представляли религиозные мифы, и их форма соответствовала обычному религиозному богослужению; таинственность была обусловлена просто тем фактом, что в мифе преобладали символические и аллегорические элементы, а в богослужении очищения и искупления занимали особенно важное место; в то время как другие связанные с ними церемонии, такие как жертвоприношения, знаки, танцы и т.д., носили ярко выраженный оргиастический и экстатический характер. Существовали также драматические или пантомимические представления мифических действий, и использовалось множество художественных и декоративных средств, чтобы привести разум посвященных в состояние, подходящее для торжественных и таинственных доктрин. За этими мистериями, которых было так много, что почти у каждого бога был свой собственный, не скрывалось по-настоящему глубоких секретов; и действительно, посвящение не было трудным и было открыто для каждого свободного и непорочного грека.

ГЛАВА XI.

НАРОДНЫЕ ГУЛЯНИЯ.

Олимпийский фестиваль—Соревнования по гимнастике и конному спорту—Ипподром—Судьи—Предварительные церемонии—Ход фестиваля—Почести победителям—Дельфийский фестиваль и Пифийские игры—Истмийские и Немейские игры—Афинские фестивали—Фестивали Диониса.

КАК в древности, так и в наше время было принято связывать общественные праздники с какими-либо религиозными обрядами, даже если фактическим поводом могло быть празднование смены времен года или какое-то регулярное мероприятие, связанное с сельским хозяйством. Греческое богослужение, естественно, носило веселый характер. За жертвоприношениями обычно следовали банкеты, которые придавали акту богослужения праздничный характер, и это часто сопровождалось пением и танцами, иногда серьезного и торжественного характера, в другое время оживленными и веселыми. Как правило, жертвы небесным божествам приносились рано утром, но банкет продолжался только после обеда, и, таким образом, предоставлялась возможность посвятить перерыв развлечениям, среди которых, наряду с песнями и танцами, вскоре начали занимать место драматические и гимнастические представления, постепенно приобретающие характер регулярных соревнований. Жертвоприношения адским божествам совершались днем или вечером, и, как следствие, за ними следовали ночные празднества, которые часто перерастали в дикую оргию. Эти празднества, которые были частично связаны с богослужением, а частично отмечались сами по себе или были связаны с древними национальными играми, поначалу были естественным следствием религиозных церемоний и того способа, которым их отмечал народ с веселым нравом греков. Но по мере того, как эти представления и празднества становились все более тесно связанными с религиозными празднествами, они постепенно становились их неотъемлемой частью и больше не оставлялись на произвол заинтересованных лиц, а находились в ведении государства или общины и подлежали регулярному проведению.

Развлечениями, наиболее часто добавляемыми к религиозным церемониям на фестивалях, были, во-первых, развлечения музыкального характера, частично вокальные, частично инструментальные или сочетание того и другого; во-вторых, танцы, как хоровые, так и пантомимические, наконец, сценические представления, гимнастические состязания, процессии, национальные игры и т.д. Среди них музыкальные, хореографические, сценические и гимнастические представления впервые были возведены в ранг регулярных соревнований. Конечно, разные фестивали отмечались по-разному; помимо местных различий, сам характер божества, в честь которого проводился фестиваль, и различные этапы легенды требовали различий в способе празднования и в регулировании тех, кто должен был принимать в них участие; таким образом, некоторые фестивали отмечались обоими полами вместе, а другие - только одним, исключая другого. Особенно в одном моменте эллинские праздники отличались от наших современных христианских праздников. Естественным следствием христианской религии является то, что великие праздники отмечаются в одно и то же время всеми верующими во всех частях цивилизованного мира, в то время как греческая религия не знала таких религиозных праздников, общих для всех эллинских племен. Существовало несколько национальных праздников, которые имели равное значение для всех греков; но они отмечались не одновременно по всей стране, а только в одном специально отведенном месте, куда зрители стекались со всех концов и которое, таким образом, предоставляло возможность для больших национальных собраний, повторяющихся через регулярные промежутки времени. В результате децентрализации страны это стало единственным средством пробуждения и поддержания национального чувства среди греков. Другие праздники были характерны для определенных стран или даже для городов или общин; различия, существующие в греческой вере, которые часто тесно связаны с национальными традициями и расовыми особенностями, также были отмечены в акте богослужения. Даже те

регулярные праздники, которые одинаково отмечались в большинстве греческих государств, проводились не в один и тот же день, а в разное время, что, вероятно, было связано с тем фактом, что греческая древность не знала общего календаря. Мероприятия на этих фестивалях также сильно различались в зависимости от места. О большинстве из них мы знаем очень мало; до нас дошло большинство подробностей, касающихся аттического календаря и тамошних обычаев, хотя даже здесь наши знания весьма неполны. В первую очередь нашего внимания заслуживают великие эллинские национальные праздники, которые отмечались в Олимпии, Дельфах, Немее и на Коринфском перешейке.

Из них Олимпийский фестиваль является старейшим, во всяком случае, с точки зрения его национального значения. Фестиваль и проводимые там игры существовали задолго до 776 года до н.э., после чего его регулярное повторение использовалось для обозначения даты года; тем не менее, только с этого времени мы можем рассматривать его как действительно национальный праздник. Пифии начали считать по своим играм только в 586 году, истмийцы - в 582-м, а немейцы - в 573-м. Олимпийский и Пифийский фестивали повторялись каждые четыре года, два других - каждые два года; олимпийские фестивали всегда проводились в первое полнолуние летнего солнцестояния, Пифийский - осенью третьего года Олимпиады; мы не можем определить точный период остальных и знаем только, что истмийские игры проводились в середине лета, а Немейские - попеременно зимой и летом. Главными особенностями всего этого, помимо обычных богослужебных актов, таких как молитвы, жертвоприношения и т.д., были связанные с ними гимнастические состязания. Все четыре достигли такой высокой репутации даже за пределами своей узкой родины, что большинство греческих государств приняли в них участие посредством официальных посольств (θεσρίαι), и множество зрителей приезжало издалека, и, как следствие, там был устроен большой рынок. Этот всеобщий интерес к празднествам придавал им характер неприкосновенности, так что они могли продолжаться даже во время войны, поскольку на время проведения игр всегда существовало перемирие, и всем, кто принимал в них участие, разрешалось беспрепятственно путешествовать, как только глашатаи мира объявляли начало священного месяца, сначала в их собственном государстве, а затем и в государстве всех греков, принимавших участие в состязаниях. Мы располагаем гораздо большим количеством подробностей об олимпийском фестивале, чем какие-либо другие, и, по сути, он превзошел их все по важности. Игры составляли самую важную часть, и именно ради них зрители приезжали из самых отдаленных уголков древнего мира на равнину Алфей; и действительно, миф о происхождении праздника тесно связан с этими играми. Каждому свободнорожденному греку было разрешено принять в них участие. Варвары были строго отвергнуты, во всяком случае, в лучший период олимпийских празднеств, и только во времена Римской империи, когда ее слава давно угасла, от этой практики отказались. Они также исключили всех, кто совершил убийство или любое другое тяжкое преступление, или лишился прав гражданства, и перед началом конкурса была проведена строгая проверка заявлений всех, кто пожелал принять участие. Сначала допускались только юноши и мужчины; начиная с 632 года, к соревнованиям допускались мальчики, по крайней мере, в некоторых видах спорта. Мы слышим о женщинах, принимавших участие в Олимпийских играх или становившихся победительницами, но это не означает, что они появлялись лично; в гонках на колесницах и верховой езде не было обычая, чтобы владелец лошади управлял автомобилем или скакал верхом, и, таким образом, богатые женщины, которые были заинтересованы в дрессировке лошадей, могли позволить им участвовать в Олимпийских играх; и поскольку короновался не возничий или наездник, а тренер и владелец лошадей, таким образом, они могли получить приз.

Соревнования в Олимпии носили гимнастический или конный характер; музыкальные состязания были исключены. Но совершенное развитие гимнастики, показанное на олимпийских соревнованиях, происходило очень постепенно. Сначала соревнования состояли только в беге, и так было на первых тридцати Олимпиадах после начала подсчета голосов. Затем была введена двойная дистанция, а вскоре после этого длинная дистанция (724 год до н. э.). В 708 году было добавлено пятиборье, и, таким образом, наряду с бегом были введены самые важные виды спорта

— прыжки, метание копья и квойта, а также борьба, и с тех пор они считались одной из самых привлекательных частей всего соревнования. В 688 году был добавлен боксерский поединок; в 680 году - гонки на колесницах с четырьмя взрослыми лошадьми; в 648 году - скачки верхом и панкратион. Больше никаких соревнований добавлено не было; дальнейшие изменения касались лишь незначительных модификаций, таких как допуск мальчиков, которые сначала участвовали только в беге и борьбе, затем на короткое время в пятиборье, а впоследствии в боксерском поединке и только в очень поздние времена (200 год до н.э.) в панкратионе. В 520 году были введены гонки в полном вооружении, а в 408 году - гонки на колесницах с двумя лошадьми. Предпринимались попытки ввести мулов и кобыл, но вскоре от них отказались; однако были введены жеребята для соревнований с четырьмя и двумя лошадьми, а также для верховой езды. Естественно, что при таком большом количестве событий все они не могли, как вначале, произойти в один день; и, действительно, вряд ли стоило бы преодолевать такие большие расстояния. Время от времени, по мере добавления новых видов спорта, фестивалю отводился еще один день, так что, когда номер был завершен, он обычно длился пять дней, разделенных таким образом, что три промежуточных дня были посвящены состязаниям, первый и последний - публичным и частным жертвоприношениям, процессиям и банкетам.

Гимнастические состязания уже обсуждались в предыдущем разделе; здесь мы должны привести некоторые подробности о конных состязаниях, среди которых скачки на колесницах, запряженных четверкой лошадей, всегда считались одними из самых великолепных. Для этой цели они использовали легкие двухколесные колесницы, использовавшиеся в битвах героической эпохи; у них, как правило, были колеса с четырьмя спицами, а колесница была открытой сзади и закрытой полукруглой формой спереди, с двумя загнутыми назад обручами, которые использовались для удержания при прыжках. (Сравните роспись на вазе, рис. 149.) Здесь мы видим приготовления к вождению; возничий, одетый в длинное одеяние, согласно древнему обычаю, стоит позади двух лошадей, которые впряжены в колесницу, и, кажется, собирается завершить установку упряжи, в то время как слуга в короткой одежде помогает ему; другой слуга ведет третью лошадь, которая, вероятно, также будет впряжена в колесницу; в то время как владелец держит в руке поводья и понукалку, которыми подгоняет лошадей.

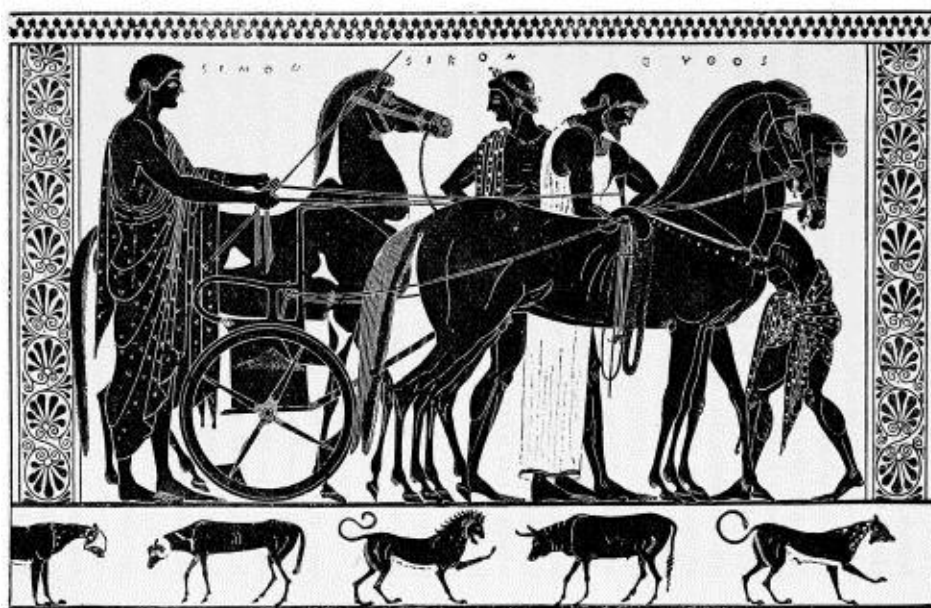

Рис. 149.

Обычный план состоял в том, чтобы привязать среднюю лошадь к ярму на конце шеста, который поднимается спереди, в то время как крайние лошади были связаны веревками с обеих сторон,

прикрепленными к кольцу перед колесницей. Все поводья были продеты через кольцо или петлю в верхней части шеста, а штырь, к которому было прикреплено это кольцо, был соединен с вертикальным стержнем в передней части колесницы очень туго натянутой веревкой, назначение которой неясно; возможно, это было сделано для установления равновесия между повозкой, которую тянуло назад весом возницы, и давлением, оказываемым на шест лошадьми. На этом рисунке также показаны другие детали упряжи, уздечка и т.д.

Скачки проходили на ипподроме; но тот, что в Олимпии, полностью разрушен, и всеми знаниями, которыми мы располагаем о его ситуации, мы обязаны Павсанию, который не дает нам никакой информации о длине дистанции, которую должны пробежать дважды взрослые лошади. Однако он подробно описывает стартовые места, которые были очень сложными, поскольку ни один участник не должен был иметь преимущества перед другим, стартуя раньше или преодолевая более короткий участок трассы. Для этой цели две длинные стороны Ипподрома были неодинаковой длины, и та, в конце которой находились ворота и места судей, была несколько короче другой; трибуны для колесниц располагались не по прямой линии, а в форме сегмента круга. Вербки, которые мешали колесницам стартовать раньше назначенного времени, упали не все в один и тот же момент, а одна за другой таким образом, что колесницы стартовали первыми с более дальних трибун и достигли заданной точки одновременно с колесницами с более ближних трибун, которые стартовали несколькими секундами позже, так что гонки начались в этом месте при равных условиях. Сигнал был подан звуком труб, а также каким-то хитроумным механизмом, который заставил бронзового дельфина, находившегося на возвышении в начале трассы, упасть, в то время как орел, который до этого покоился на алтаре, поднялся в воздух с распростертыми крыльями. По этому знаку барьеры упали, и колесницы тронулись в установленном порядке по более длинной стороне трассы, а затем, повернув назад, вернулись по более короткой стороне. Это было захватывающее состязание, которое так великолепно описано Гомером в его рассказе о погребальных играх в честь Патрокла и Софоклом в “Электре”. Победитель, первым достигший цели, возле которой сидели судьи, получал столь желанную награду в виде венка; но даже следующий, похоже, отличился или, во всяком случае, удостоился почетного упоминания.

Скачки с участием четырех взрослых лошадей всегда были самыми популярными, но были также скачки с колесницами, запряженными двумя лошадьми, и с жеребятами. Впоследствии, когда в моду вошли скачки верхом, они стали чрезвычайно популярными, хотя и не достигли того большого значения, на которое претендовали гонки колесниц на Олимпийских играх. В обоих состязаниях победителем считался дрессировщик лошади, и хотя иногда случалось, что владелец или его сын управлял автомобилем сам, все же чаще это делали незнакомцы, очень часто профессиональные возничие и нанятые для этой цели всадники, вроде наших современных жокеев. Вместо венка, который им не был вручен, они получили филе в знак победы.

Судьи (Ἐλλανοδίκαί) были назначены элианами, на территории которых проходили игры. Их количество менялось с течением лет. Сначала, в 576 г. до н.э., двое граждан были выбраны по жребию для организации соревнований и надзора за ними; но сто лет спустя было назначено девять судей: трое для соревнований по конному спорту, трое для пятиборья и трое для остальных видов спорта; к этим девяти вскоре добавилась десятая часть, затем на короткое время их число сократилось до восьми, а затем еще раз увеличилось до десяти, и это число осталось установленным. Они были выбраны по жребию даже в более поздние времена. Поскольку их решения имели чрезвычайную важность, выполнение этой ответственной должности считалось делом немалым; фактически, судьи должны были проходить обучение в специальном здании на рыночной площади Элиды, в аркадах которого они проводили большую часть дня в течение десяти месяцев, проходить инструктаж по своим обязанностям у блюстителей законов (νομοθῦλακες) и, в частности, приобретать точные знания правил гимнастики. Когда пришло время игр, они принесли торжественную клятву в здании суда в Олимпии, перед алтарем *Зевса Геркея*; срок их полномочий продлился только на один праздник.

В их обязанности входило организовывать соревнования и все связанные с ними фестивали; проверять участников на предмет их права участвовать; наблюдать за тренировками спортсменов и их учителей в гимнастическом зале; следить за тем, чтобы спортсмены действительно участвовали в соревнованиях, которые они выбрали, и чтобы все делалось в соответствии с установленным обычаем, и законы игр никоим образом не нарушались; для этой цели они также обладали дисциплинарной властью и правом налагать значительные штрафы, а иногда даже применять телесные наказания. Наконец, в случае неопределенности они должны были вынести решение о победе, при необходимости, большинством голосов. Участник боя, который не был удовлетворен, мог обжаловать их решение в совете (βουλή) Олимпии, но впоследствии он не мог быть объявлен победителем; самое большее, чего он мог добиться, если окажется, что судьи были неправы, - это приговорить их к уплате штрафа. Под началом судей находились чиновники, которые помогали поддерживать порядок и выполнять их распоряжения; и все присутствующие служители — а их, должно быть, было значительное число из—за большого скопления зрителей и сражающихся - подчинялись их приказам.

Мы можем составить некоторое общее представление о последовательности событий и организации празднеств в течение пяти дней фестиваля, хотя и не знакомы полностью со всеми деталями. Предварительной церемонией был въезд посольств различных греческих государств. Все государства считали важным посылать своих представителей, экипированных как можно более роскошно, и поэтому для этой цели всегда выбирались самые богатые люди. Поскольку эти делегаты демонстрировали большое великолепие во время праздничных шествий со своими колесницами и лошадьми, великолепной утварью и т.д., Они, вероятно, устроили торжественный въезд по прибытии, и таким образом зрители в самом начале фестиваля смогли удовлетворить свою любовь к красивым зрелищам. Без сомнения, все началось с жертвоприношения Зевсу, в честь которого проводились игры и который считался их руководителем. Затем судьи, спортсмены, участвовавшие в соревнованиях, и приехавшие с ними тренеры принесли торжественную присягу в здании суда Олимпии. После того, как свинья была принесена в жертву, участники должны были поклясться, что они обладают всеми правами граждан, что они выполнили все условия, необходимые для допуска, и были готовы подчиниться правилам. Несмотря на эту клятву, их претензии были рассмотрены; необходимо было не только доказать право гражданства, но и назначить подготовку к соревнованиям по уже описанной спортивной диете, и по этой причине присутствие тренеров было желательным, если не обязательным, на экзамене и присяге. Лошади для скачек также были проверены. Неясно, проводилась ли жеребьевка для определения групп участников в этот первый день. Жеребьевке предшествовала молитва *Зевсу Мойрагету*, Вершителю Судеб; затем колесничие тянули жребий, определяя свои места на старте, а остальные - порядок въезда. Бегуны были разделены на группы, вероятно, по четыре человека; жребий определял порядок, в котором они должны были следовать друг за другом; и победители в этих забегах должны были затем еще раз побегать за призом. Однако это, вероятно, имело место только в случае с одиночной и двойной трассой, поскольку маловероятно, что на более сложной длинной трассе и гонке в полном снаряжении было так много участников. Борцы, боксеры и панкратиасты тянули жребий из урны, в которую бросали маленькие жребии, пара из которых была помечена одинаковыми буквами; каждый участник вытягивал по одному. Те, кто вытянул одинаковые буквы, должны были сражаться вместе; затем победители сражались заново. Если победителей было больше двух, они, вероятно, снова тянули жребий таким же образом. Наконец осталась только одна пара, из которых одна стала победительницей во всем соревновании. Иногда случалось, что при жеребьевке количество сражающихся было неравным, и, таким образом, один оставался без противника. Его называли третьим бойцом (ἑφεδρος), и ему очень повезло, что выпал этот жребий. Конечно, было бы очень необычной удачей для одного человека стать третьим бойцом во всех розыгрышах и, таким образом, наконец-то встретиться с не сломленным в силе противником, который уже выдержал бы множество боев; тем не менее, вытянуть этот жребий хотя бы один раз означало получить явное преимущество. Конечно, с этим

была связана определенная доля несправедливости, но они, похоже, не нашли другого выхода из дилеммы; тем не менее, в большинстве случаев, когда победители и третий участник боя снова сходились вничью, можно было полагаться на случай, чтобы увидеть, что одному человеку не слишком благоволили. Иногда участнику удавалось получить венок вообще без какого-либо соревнования; например, если на конкретное соревнование претендовали только двое, а один из них не явился вовремя или отказался от борьбы. Многие знаменитые спортсмены могли бы получить приз таким образом, просто устранившись своих имен.

Соревнования по гимнастике и конному спорту продолжались со второго по четвертый день; вероятно, мальчики соревновались на второй, мужчины - на третий и четвертый дни. Мы мало знаем о порядке проведения соревнований; тем не менее, вполне вероятно, что на третий день сначала состоялись скачки, и именно в таком порядке — длинные, одиночные и двойные дистанции, затем борьба, бокс и панкратион; на четвертый день - соревнования по конному спорту, пятиборью и, наконец, скачки в полном снаряжении. Затем местность несколько раз менялась, поскольку соревнования по конному спорту проходили на Ипподроме; скачки, пятиборье и другие гимнастические виды спорта - на Стадионе. Конечно, в Олимпии был спортивный зал, но он не мог вместить столько зрителей, сколько Стадион, и, следовательно, школа борьбы и спортивный зал в Олимпии использовались исключительно для предварительной подготовки участников, которые приезжали туда на соревнования. В последний день были розданы призы. Приз, как хорошо известно, был самым простым из возможных — простой оливковый венок, который мальчик, оба родителя которого, согласно старой традиции, должны быть живы, срезал золотым ножом с дикой оливы в роще Альтис. Другим внешним знаком победы была пальмовая ветвь, вручаемая победителю, и, как следствие, ладонь как знак победы часто появляется на статуях олимпийских победителей. В старину венки для раздачи возлагались на медный треножник; но Колот, ученик Фидия, соорудил для этой цели великолепный стол из золота и слоновой кости, который обычно хранился в храме Геры. В обязанность одного из судей входило увенчать голову победителя венком после того, как она была предварительно окружена шерстяной повязкой. Во время этого торжественного акта герольд объявил имя победителя, а также его отца и его родного города. Важность, придаваемая древними победе на Олимпийских играх, была такова, что этот гордый момент, когда победитель получал свою награду под аплодисменты всего народа и, так сказать, на глазах у всей Греции, был достаточной компенсацией за все хлопоты и трудности, связанные с подготовкой к соревнованию. Тем не менее, на его долю выпало много других почестей, как в Олимпии, так и дома, в его собственной стране.

После того, как было объявлено имя победителя, состоялись жертвоприношения и банкеты. Неизвестно, имело ли место великое жертвоприношение элианцев - гекатомба, приносимая в жертву Зевсу как верховному распорядителю состязаний; в любом случае, многочисленные благодарственные жертвы были принесены победителями, а также делегатами, присланными из других государств. Очень часто жертва победителя сочеталась с жертвой его соотечественников; ибо государство, к которому принадлежал победитель, считало себя удостоенным его победы, и долгом делегатов было продемонстрировать как можно больше великолепия при жертвоприношении, а также при связанной с ним процессии. Эти торжественные шествия, сделавшие последний день праздника особенно пышным, сопровождались игрой на флейтах и кифарах, а, возможно, также пением хоров. Вероятно, сначала они обходили алтари, пока на них горел огонь жертвоприношений, а затем прикасались ко всем священным местам рядом со священным Альтисом.

После полудня большой пир, устроенный элианцами в честь победителей, объединил их всех в ратуше (πρυτανεῖον); но даже на этом празднестве не закончились, ибо пир продолжался вечером и далеко за полночь, когда победители развлекали своих родственников и друзей, которые поспешили на место. Они были более или менее великолепны в зависимости от средств дарителей, хотя иногда государство, которому они принадлежали, брало на себя часть расходов. Эти

праздничные собрания также сопровождалась музыкой и песнями, и именно в этих случаях часто исполнялись песни победы (ἐπινίκια), специально сочиненные во славу победителя и его семьи, наряду со старыми песнями, предполагая, что за этот короткий промежуток времени можно было написать, сочинить и изучить один из этих гимнов победы. Большинство од, особенно дошедших до нас сочинений Пиндара, исполнялись не по этим поводам, а на празднествах, устраиваемых в честь победителя в его собственной стране, которые часто отмечались там из года в год.

На этом официальная программа празднеств подошла к концу, но недостатка в дальнейших развлечениях не было, поскольку возможность выступить перед таким большим числом своих соотечественников и таким образом обрести внезапную славу была очень привлекательной для поэтов и писателей, которым в те дни книготорговля мало помогала. Обычай проводить лекции или декламировать стихи перед собравшимися людьми возник в 5 веке, когда, как говорят, он был введен Геродотом, который зачитал вслух часть своей истории в Олимпии, хотя эта история не полностью устранена из сомнений. Однако фактом является то, что с того времени декламации такого рода стали обычным явлением; так, софист Горгий и элианин Гиппий вели здесь долгие беседы; и точно так же Продик и Анаксимен, Лисий, Исократ и др. Читали лекции в Олимпии; и в более поздние времена это было частым явлением. Иногда, хотя и реже, здесь выставлялись на обозрение произведения искусства; так, художник Эций выставил свою картину, изображающую бракосочетание Александра Македонского и Роксаны, а астроном Ойнопид с Хиоса выставил медную табличку, которая должна была объяснить новый метод вычисления времени, открытый им самим. Последнее, однако, оказалось неудачным. Реклама олимпийского фестиваля использовалась и другими способами. Важные указы, касающиеся торжественных обещаний, договоров между государствами, взаимного признания заслуг, решений о награждении коронами или других важных вопросов, о которых было желательно как можно скорее довести до всеобщего сведения, провозглашались торжественным голосом герольда, а затем высекались в бронзе или камне и устанавливались в Алтаре.

Каждый свободный человек мог присутствовать на состязаниях и других празднествах при условии, что его средства позволяли ему покрыть расходы на поездку и пребывание в праздничном городе. Естественно, что большее число зрителей прибыло из соседних государств Пелопоннеса, но, тем не менее, многие проделали очень большой путь. Интерес к этим состязаниям был настолько велик, что посмотреть на них приходили люди из всех сословий, и даже люди высочайшего интеллектуального уровня получали от них удовольствие. Государственные деятели и полководцы, такие как Фемистокл, Кимон, Филопомен; философы, такие как Фалес, Хирон, Пифагор, Сократ, Платон; ораторы, такие как Горгий, Лисий, Демосфен; поэты, такие как Пиндар, Симонид, были среди зрителей; и хотя некоторые из поэтов, особенно Еврипид, и философы были склонны довольно сурово критиковать ценность представлений в Олимпии, все же это были всего лишь отдельные мнения, которые никоим образом не снижали популярности игр или слава победителей в глазах широкой публики. Этот интерес проявлялся в стойкости, с которой зрители продолжали наблюдать за играми, несмотря на то, что они проходили в самый жаркий сезон и длились большую часть дня; с раннего утра, когда они пришли на Стадион, чтобы занять хорошее место, до позднего вечера, когда было принято решение, они смотрели и переносили жару, пыль, давку и жажду, стоя или сидя на корточках, в зависимости от того, позволяло ли пространство, с тем терпением и выносливостью, на которые способны только жители юга. Несомненно, во время соревнований были шумные выражения сочувствия, ободряющие или насмешливые крики, аплодисменты и звуки скорби, поскольку южные народы выражают все чувства бурным образом. Женщинам не разрешалось присутствовать на играх. Утверждение о том, что девы Элиды были исключением из этого правила, едва ли заслуживает доверия. Те женщины или девушки, которые пришли на фестиваль, чтобы сопровождать соревнующихся мужей, сыновей или братьев, должны были оставаться по другую сторону Алфея. Из-за большого количества зрителей были построены постоянные дворы для размещения тех, кто, подобно священным посланникам, не привез с собой своих палаток. Более того, как уже

указывалось, с олимпийскими празднествами была связана своего рода ярмарка; торговцы всевозможными товарами, некоторые из которых были предметами, непосредственно связанными с фестивалем, такими как филе, цветы, еда и т.д., и другими полезными предметами, устанавливали свои киоски и палатки; и, таким образом, наряду с фестивалем шла оживленная коммерческая деятельность, обычная для любого места, где в определенное время собирались большие толпы людей.

Игры, проводимые в Дельфах в честь Пифийского Аполлона, носили название Великой Пифии, чтобы отличать их от Малой Пифии, ежегодно проводимой в Дельфах, а также от одноименного фестиваля, отмечаемого в других местах. Этот фестиваль, который сначала проводился каждые восемь лет, был изменен на четырехлетний после начала 6 века до н.э.; он длился несколько дней, и постепенно к первоначальным конкурсам было внесено много дополнений. Сначала музыкальное соревнование, включавшее игру на кифаре и флейте, было единственным; в более поздние времена оно также стало основной частью фестиваля, но по примеру Олимпийских игр были добавлены гимнастические и конные состязания. Всеобщее перемирие было связано как с Пифийскими играми, так и с Олимпийскими, и оно длилось достаточно долго, чтобы зрители из отдаленных колоний на берегах Средиземного моря могли безопасно добраться до Дельф и обратно. Главные события фестиваля и порядок проведения были примерно такими.

Великое жертвоприношение трем богам, Аполлону, Артемиде и Лето, называемое *Триттиесом*, вероятно, послужило вступлением. Затем последовала важная часть фестиваля, рассчитанная на то, чтобы вызвать живой интерес публики, - *Пифийский Номос*, темой которого была знаменитая битва Аполлона с драконом Пифоном. Было высказано много предложений о характере этого представления. Одна из них заключается в том, что бой был представлен в немом шоу; другая - что это была песня в сопровождении инструментов; и, опять же, другая очень популярная теория заключается в том, что этот пифийский Номос был концертом соло для флейты, с помощью которого различные стадии боя с драконом были представлены в тональной живописи. Вероятно, таким образом можно было изобразить наиболее важные ситуации — битву, благодарение и гимн победы, и, действительно, они, должно быть, достигли значительного мастерства в тональной живописи, поскольку даже скрежет зубов дракона был музыкально представлен. С целью усиления этого эффекта флейта, которая всегда оставалась главным инструментом, впоследствии была усилена в определенных местах трубами и пастушьими свирелями. Этот пифийский Номос составлял часть музыкального состязания, которое имело большее значение на пифийских играх, чем гимнастические состязания, поскольку Аполлон, по сути, был представителем музыкального искусства. Помимо сольного исполнения на флейте, музыкальный конкурс включал песни в сопровождении кифары, и сначала также с флейтой, но это последнее было прекращено, поскольку было сочтено слишком грустным и мрачным; и вместо этого в музыкальном конкурсе была представлена игра на кифаре без песни. Только в гораздо более поздние времена, когда для придания празднеству большей пышности были вызваны отряды артистов, с согласия официальных лиц страны на Пифийских играх также были представлены драмы.

Мы очень мало знаем о гимнастических состязаниях, которые постепенно нашли место в Пифийских играх. В основном они были такими же, как и в Олимпии, но также были добавлены двойное блюдо и длинное блюдо для мальчиков, в то время как в Олимпии эти два соревнования были открыты только для мужчин. Порядок соревнований тоже отличался; участники были распределены по возрасту, и каждый класс, завершив свои соревнования, имел возможность отдохнуть, пока остальные выполняли то же упражнение, так что эти промежутки для отдыха позволили мальчикам совершать более высокие беговые подвиги, чем они могли на Олимпии, где они должны были участвовать во всех своих соревнованиях до того, как вообще наступит очередь

мужчин. Впоследствии к обычным гимнастическим видам спорта были добавлены забег в полном снаряжении и панкратион для мальчиков. Рано были введены конные соревнования; скачки на взрослых лошадях, на колесницах, запряженных четверкой, а затем и на колесницах, запряженных двумя лошадьми; когда в Олимпии были представлены жеребьята, примеру последовали и в Дельфах: вероятно, события развивались таким образом, что музыкальное состязание было связано с богослужениями, за ним последовали гимнастические, а затем конные состязания. Гимнастические состязания проводились во времена Пиндара в окрестностях разрушенного города Кирра, к югу от устья Плейстоса; впоследствии Дельфийский стадион находился к северо-западу от города, в то время как соревнования по вождению и верховой езде проходили на старом стадионе недалеко от разрушенного города Кирра. В более поздние времена здесь также был театр для проведения музыкальных конкурсов.

Здесь, как и в Олимпии, от участников соревнований требовалось пунктуальное присутствие; те, кто входил незаконно, изгонялись слугами Амфиктионов, на которых были возложены дисциплинарные полномочия. Именно они руководили играми, а также имели право судить. Первоначально обе эти привилегии принадлежали жителям Дельф; но после реорганизации игр в 586 году обязанности суперинтендантов и судей перешли к амфиктионам или назначенным ими должностным лицам. Кажется, что мы должны различать амфиктионических суперинтендантов (ἐπιμεληταί), в чьих руках были организация программы и все вопросы расходов, назначение или утверждение официальных лиц праздника и т.д. (ἄγωνοθεσία), и настоящие судьи (βραβῆς), которые должны были сами принимать наиболее важные меры для проведения соревнований, такие как распределение мест для колесниц в гонках и принятие решений о победе; но мы не можем достичь какой-либо определенности в этом вопросе. Иногда, ближе к концу эпохи греческой свободы, право надзора предоставлялось князьям — как, например, Филиппу Македонскому, — и во времена Империи не было ничего необычного в том, что богатый человек брал на себя расходы, связанные с церемонией, полностью или в значительной части; хотя даже здесь старый обычай, по крайней мере внешне, соблюдался. Призами за победу первоначально были ценные подарки, треноги и т.д.; При переносе игр возник обычай дарить вместо них венок, как это делалось в Олимпии, из лавра, посвященного Аполлону. Они также последовали примеру Олимпии, представив лекции и декламации историков и поэтов; так, софист Горгий выступил с речью по одному из таких случаев. Очень важной частью праздника была великая процессия (πομπή), в которой принимали участие пришедшие на игры чужеземцы, посольства со своими жертвоприношениями, чиновники и жрецы; и помимо подношений, которые часто были очень роскошными, были выставлены ценные сокровища, обычно хранившиеся в сокровищницах; дорогое оружие и доспехи, великолепные одежды и драгоценности, вазы и т.д., Были выставлены на обозрение, так что эта процессия, которая, вероятно, прошла от пригорода Пилеи вверх к храму Аполлона, должно быть, представляла собой очень разнообразную и богато раскрашенную картину. Помимо уже упомянутого тройного жертвоприношения, были и другие торжественные жертвоприношения, среди которых гекатомба Аполлону; это, конечно, было связано с большим пиром, на котором не было недостатка в музыкальных развлечениях.

Истмийские игры, третий из великих национальных праздников Эллинов, отмечались на Коринфском перешейке, в священной сосновой роще Посейдона, где были возведены ипподром и стадион для конных и гимнастических состязаний. Фестиваль, который с 582 года стал национальным и греческим, проводился каждые два года, в первый и третий годы Олимпиады; он состоял из музыкальных, гимнастических и конных состязаний. Мы не слышим о каких-либо различиях между этими играми и играми в Олимпии, и мы можем предположить, что там были обычные соревнования для мужчин и мальчиков; в дополнение к ним существовал промежуточный класс безбородых, то есть юношей (ἑφηβοί). Конечно, во время Истмийских игр было всеобщее перемирие, и на них присутствовали многочисленные и великолепные посольства, поскольку место между двумя морями облегчало посещение. Организация программы легла на плечи "Коринтианса", который также назначил судей, вероятно, из числа богатых и уважаемых

горожан. Наградой за победу был венок из плюща, который впоследствии заменили венком из сосны, и, по-видимому, это все еще было в обычае во времена Ибика, который, как сообщает нам Шиллер, встретил свою смерть по пути на это "состязание колесниц и песни". В более поздний период, особенно в эллинистические и римские времена, на Истмийских играх также проводились риторические и поэтические декламации, но они не были частью музыкального состязания.

Немейские игры проводились в Арголиде, в долине между Клеонами и Флиусом, в роще, принадлежащей святилищу *Зевса-Немея*, и они не приобрели национального значения до 573 года. Они, как и Истмийские игры, проводились каждые два года, на второй и четвертый годы Олимпиады. Соревнования здесь также включали музыкальные, гимнастические и конные состязания; нам случайно сообщили, что в музыкальном состязании участвовали кифаристы и флейтисты. У нас нет информации о его продолжительности, но оно, безусловно, должно было длиться несколько дней. Клеонеи долгое время были начальниками и судьями, но когда аргивяне завладели Немеиским святилищем, они также претендовали на эту привилегию. Наградой за победу здесь, как и на Истмийских играх, был венок из плюща; были те же договоренности о всеобщем перемирии и визитах священников, что и на других великих празднествах.

После этого рассмотрения национальных праздников Греции мы должны теперь обратиться специально к Афинам, с праздничным календарем которых мы гораздо лучше знакомы; но мы должны довольствоваться выбором из числа наиболее важных. Первое место принадлежит величайшему празднику афинян, *Панафиней*, отмечаемому в первый месяц афинского календаря Гекатомбеон (вероятно, наш июль). Мы должны различать малую и большую Панафенеи; первая праздновалась каждый год; вторая, введенная Писистратом, - каждые четыре года; реальная разница заключалась в том, что на большой Панафенее состязания были более пышными и, вероятно, длились дольше. Фестиваль проводился в честь богини-покровительницы в древнем храме *Афины Полиас*; он состоял из жертвоприношений и соревнований, конных, гимнастических, а также музыкальных. Древнейшим музыкальным состязанием было соревнование рапсодов, возможно, введенное Пейсистратом. Выступления рапсодистов, вероятно, были в основном посвящены гомеровским поэмам, которые были собраны и отредактированы по приказу Писистрата, но мы не знаем, каким образом они боролись за приз; местом декламации был Одеон. Впоследствии гомеровские рапсодии отошли на второй план, когда Перикл расширил музыкальные состязания, введя игру на кифаре, флейте и песни. Из надписей мы узнаем, что песни под аккомпанемент кифары, а также под аккомпанемент флейты были обычными, и в них также говорится о циклических припевах, то есть дифирамбах, которые исполнялись хорами, кружась вокруг алтаря, на котором сжигалась жертва. Призом за музыкальный конкурс был золотой венок и немного денег. Соревнования по гимнастике были организованы в соответствии с возрастом (мальчики, юноши, мужчины); самые младшие участвовали первыми, и каждый класс заканчивал свои соревнования до начала следующего. Точно так же соревнования переходили от простого к сложному; они были обычного вида, уже описанного, но все это требовалось только от мужчин. Мальчики и юноши в самый ранний период занимались бегом, борьбой и боксом, панкратионом и пятиборьем. Впоследствии от пятиборья отказались, и вместо него ввели двойную и удлиненную дистанцию, хотя, вероятно, требования к ним были снижены, поскольку обычные результаты на этих соревнованиях были бы слишком высоки для мальчиков. Мы не знаем точно, где проходили гимнастические соревнования, поскольку Панафинейский стадион был построен только во второй половине четвертого века. До этого, по-видимому, существовало место к западу от Пейрея, где проводились как конные, так и гимнастические состязания; здесь также объявлялись победители и вручались им призы. Они состояли из некоторого количества масла со знаменитых оливковых деревьев Афины в Академии, которое разливалось в глиняные амфоры, на одной стороне которых был изображен образ богини-покровительницы, а на другой обычно изображалась сцена из гимнастических соревнований. Существует множество имитаций этих амфор, и немалое их количество дошло до нас и известно как панафинейские призовые амфоры.

В Афинах проводилось несколько соревнований, характерных для конных состязаний. Таким образом, в Аттике и Беотии прыжки с колесницы были популярным видом спорта. Помимо возничего в двухколесной повозке находился второй человек (ἄλοβάτης), который, пока колесница двигалась на полной скорости, прыгнул с повозки и снова поднялся с помощью возничего; легенда восходит ко временам Эрихтония. Были также боевые состязания, в которых воины в полном вооружении стояли на своих колесницах; а также состязания метателей копья, которые целились в неподвижную цель со своих бегущих лошадей; но эти виды спорта, связанные с Панафинеями, известны нам только по случайным намекам, а не по точному описанию. Здесь, как и везде, мы узнаем из надписей, что проводились обычные виды скачек, а именно с участием четырех лошадей, а затем и с жеребьями, а также скачки верхом. Здесь, как и на соревнованиях по гимнастике, призом были банки с маслом; в обоих случаях первый приз обычно в пять раз превышал стоимость второго.

К празднествам Панафенеи относилось также исполнение пиррова военного танца (πυρρίχη), который возник в Спарте и, вероятно, был представлен в Афинах во времена Солона и Писистрата. В более поздние времена они различали три вида в зависимости от возраста. Представители различных классов, облаченные в великолепные доспехи, объединились в группы и исполнили танец под музыку флейты, который сочетал в себе двойную природу хореографических и военных движений. Сохранившийся рельеф с Акрополя, созданный хорагом, получившим приз (богатые граждане взяли на себя оснащение пирровых хоров в качестве общественной службы или литургии), представляет несколько юных танцоров, исполняющих размеренный танец в легких шлемах и держащих щит в левой руке, но без какой-либо одежды; они разделены на два отряда; хораг стоит над ними в длинных хитонах (как праздничная одежда) и гимации. Мы не знаем, как была решена победа пиррова хора. Призом за победу был бык.

Еще одним соревнованием, характерным для Панафинеи, был сбор мужчин (εὐανδρία). Подобно драматическим представлениям, забегу с факелами и пиррову пляске, это была литургия, то есть добровольное богослужение, совершаемое богатым гражданином. Его обязанностью было выбрать самых красивых и сильных мужчин своего племени, одеть и экипировать их и представить на празднике; то племя, которое, по мнению судей, произвело наилучшее впечатление, получало приз. Этот любопытный обычай возник после изгнания писистратидов, поскольку во времена тирании им не разрешалось выводить вооруженных граждан таким образом. Другой литургией был забег с факелами (λαμπάδοφορία), которым руководили гимнасиархи; победитель в этом состязании получал кувшин с водой. Соревнования Панафинеи завершились регатой, которая проходила в Пейрее. Здесь, опять же, за приз боролись не отдельные люди, а племена, что было немалым, поскольку победившее племя получало 300 драхм и деньги на праздничный банкет.

Расходы на эти различные состязания, если они не были добровольными услугами, оплачивались из казны афины Полиас; жертвоприношения, в частности гекатомба, приносимая богине на больших Панафинеях, обеспечивались распорядителями жертвоприношений (ἱεροποιοί), назначаемыми десятью представителями десяти племен, но иногда для этой цели требовались специальные взносы, и, во всяком случае, на больших празднествах города-клиенты Аттики присылали свои пожертвования на жертвоприношения, по-видимому, по одной корове и двум овцам на каждого. Гекатомба была принесена в главный день праздника; другое жертвоприношение было совершено *Афине-Гигее*, а третье - в Ареопаге, но мы не знаем, когда это произошло и приносились ли они также в малых Панафинеях.

У нас есть лишь общее представление о порядке проведения празднеств. Они начали с конкурсов, которые длились несколько дней, взяв сначала музыкальный конкурс, за которым последовали гимнастические состязания, а затем снова конный спорт. С ними, вероятно, были связаны пирровы танцы и сбор людей. Затем наступил главный день из всех, слава фестиваля, начавшаяся накануне вечером празднеством, совмещенным с гонкой факелов, и продолжавшаяся

далеко за полночь (παννυχίς). На восходе солнца началась великая процессия, характерная для больших Панафинеев. Здесь богиня получила свое великолепное одеяние, которое обновлялось каждые четыре года и было искусно изготовлено аттическими женщинами и девами, чтобы изобразить битву богов и великанов. Эта процессия, чудесно идеализированное изображение которой дошло до нас на фризах Целлы Парфенона, сочетала в себе все главное великолепие и славу Афин, всю гордую молодость и прекрасную красоту женщин. В нем маршировали жрецы и пророки, архонты и казначеи Афины, распорядители жертвоприношений, генералы, посланцы из аттических колоний со своими жертвоприношениями и другие делегаты, присланные на праздник. За этими достойными мужчинами следовали прекрасные девушки, несущие жертвенные сосуды, кадила и т.д.; затем шли постоянно проживающие иностранцы (μέτοικοι) с плоскими блюдами, наполненными медовыми лепешками, фруктами и другими жертвоприношениями, и кувшинами с вином, необходимым для жертвоприношений; их дочери несли зонтики и сиденья для дочерей граждан Аттики. Затем прибыли многочисленные стада коров и овец для жертвоприношений в сопровождении погонщиков. За ними следовали жители Аттики, почтенные старики и мужчины в расцвете сил, неся в руках свои сучковатые палки и оливковые ветви; затем следовали колесницы, запряженные четверкой лошадей, которые участвовали в состязаниях предыдущих дней. Большую часть процессии занимала кавалерия, в которой участвовали граждане, служившие верхом в армии, а также другие владельцы прекрасных лошадей; любовь к разведению лошадей, свойственная Аттике, делала эту часть процессии особенно многочисленной и великолепной. Были также тяжеловооруженные пехотинцы под командованием своих офицеров и музыканты, игравшие во время марша на своих инструментах — флейтах и кифарах; конечно, в шествии принимали участие победители в различных состязаниях, хотя, вероятно, каждый шел с членами своего племени. Самое заметное место занимало одеяние богини, которое, во всяком случае, после начала четвертого века, было подвешено подобно парусу на мачте корабля, вращалось на роликах и расправлялось таким образом, что все могли любоваться великолепной работой.

Эта бесконечная процессия двинулась от Керамейкоса к рыночной площади, затем на восток к Элевсиниону, к северу от Акрополя, и, обогнув его, направилась к западному подъему цитадели, где корабль остановился, и одеяние было снято, чтобы процессией пронести его к храму Афины Полиас, Эрехтейону. Здесь гекатомба была принесена в жертву на большом алтаре перед храмом, так же как и жертвы клиентов Аттики. Обильный пир завершил этот главный день праздника, ибо принесенное в жертву мясо было разделено между людьми и распределено между всеми владениями отдельно, которые специально выделили несколько членов, чтобы они получили свою долю. Трапеза также проходила в соответствии с дем. Последующее празднование в Пейреусе состояло из уже упомянутой регаты. Мы не можем сказать, как долго длился весь фестиваль великой Панафиней; мнения разнятся от шести до девяти дней, в зависимости от того, предполагается более длительный или более короткий период для различных соревнований. Общее руководство процессией и жертвоприношениями, а также ночным празднеством находилось под контролем и надзором ежегодных распорядителей жертвоприношений; в то время как десять судей (ἀθλοθέται), назначенных сроком на четыре года, осуществляли руководство состязаниями.

Ежегодный Священный праздник Элевсинии следует отличать от малого Элевсинийского праздника, отмечаемого весной в Аграэ. Это произошло в месяц Боэдромион, примерно в сентябре, в честь Деметры Элевсинской. Это было празднование мистерий и, следовательно, не было национальным праздником, но все же число посвященных было так велико, а мистерии были известны так далеко даже за пределами Аттики, что его можно было считать эллинским, тем более что о проведении мистерий объявляли в соседних государствах специальные посланники или герольды, должность которых передавалась по наследству в определенных семьях, и во время празднования царил всеобщее перемирие. Весь фестиваль состоял из двух частей, из которых первая проходила в Афинах, вторая - в Элевсине. Все началось с общего собрания, о котором мы

знаем только, что это, вероятно, было шумное шествие, подобное тому, что было очень распространено при праздновании мистерий. Другой особенностью начала фестиваля были публичные обращения к сообществу, произнесенные в *Стоа Пойкиле* (Расписной портик) в Афинах, где Иерофант, главный жрец элевсинских святилищ и один из первосвященников Аттики, и факелоносец (*δαδούχος*), другой элевсинский чиновник, ознакомили кандидатов на посвящение с организацией фестиваля и условиями, от которых зависело участие в церемонии. Обязанностью Инициаторов (*μυσταγωγοί*) было следить за тем, чтобы собравшиеся многочисленные люди действительно выполняли эти условия; это были не официальные лица, а частные лица, прошедшие все степени посвящения и знакомые со всеми обрядами; и иностранцы, посещавшие мистерии, были обязаны в первую очередь доказать им свое посвящение. Либо в этот, либо на следующий день последовала церемония, получившая свое название от крика “К морю, вы, мисты!”, когда вся община спустилась к морскому побережью, чтобы очистить себя и жертвенных животных, которыми в данном случае были свиньи, в морской воде для предстоящих жертвоприношений. Иногда, если посетитель соревнований осознавал особые и многочисленные проступки, это очищение повторялось несколько раз, и эффективность дополнительно обеспечивалась девятидневным голоданием, то есть воздержанием от пищи в период между восходом и заходом солнца. В последующие дни приносились жертвы, особенно великое Благодарственное Приношение (*σωτήρια*), приносимое распорядителями мистерий Деметре, Коре и другим богам, вероятно, в городе Элевсиния. Другим городом, принесенным в жертву, была *Эпидаврия*, которая, как говорили, была основана в честь Эскулапа, с опозданием прибывшего из Эпидавра. Мы не знакомы ни с местом проведения этой церемонии, ни со временем, ни с другими обстоятельствами, связанными с ней; были предложены четвертый и пятый дни фестиваля. Затем последовала основная часть праздника - великая процессия, которая сопровождала Якха, священное дитя богов, из Афин в Элевсин. В течение дня участники шествия, которых часто насчитывалось несколько тысяч, собирались в разных частях города и выстраивались по порядку на Агоре и Керамейкосе. Жрецы и чиновники, а также весь отряд Мистов были украшены листьями мирта и плюща и несли в руках початки кукурузы и сельскохозяйственные орудия, а также факелы, поскольку они не добрались до Элевсина засветло. Предводителем процессии был сам Якхус, хотя в то же время его вели. Его священное изображение было вынесено вместе с храмовой утварью из святилища Иакха и помещено на колесницу в сопровождении слуг (*Ίακχαυωγοί*) во главе процессии, которая отправилась из Керамейкоса к воротам, известным как Дипилон, под громкие крики “Иакх”, и через них начала свое долгое путешествие по священной дороге в Элевсин. Процессия двинулась дальше, распевая песню, специально сочиненную для нее, как считалось, самим богом, сопровождаемую танцами и другими церемониями. Путешествие длилось четыре часа, и из-за его продолжительности богатые женщины привыкли ездить в экипажах, пока оратор Ликург не запретил это специальным законом. Во время этого долгого перехода они останавливались по пути, чтобы поклониться в различных святилищах, а также развлекали друг друга шутками, как это было принято на праздниках Деметры и Диониса: особенно много шуток и насмешек было на Кефисосе. У фонтана Каллихорос при свете факелов устраивались танцы и игры. Конечно, все это задержало процессию дольше, чем требовала бы сама продолжительность путешествия, так что по прибытии в Элевсин, когда изображение бога было водружено на свое место, паломникам потребовался отдых и подкрепление, прежде чем отправиться на оставшуюся часть праздника.

Обряды в Элевсине также длились несколько дней. Помимо торжественных жертвоприношений и связанных с ними праздничных банкетов, существовала церемония поиска Девушки (*κόρη*) и священные представления. Первое было имитацией печальных странствий Деметры в поисках своей дочери, которую у нее украли; мисты бегали с факелами в белых одеждах элевсинских святилищ, и частые шутки, иногда грубого характера, напоминали им, что Деметру в ее странствиях точно так же подбадривали в ее глубокой печали грубые шутки ее служанки Ямбы. Мисты также подражали богине, выпивая укрепляющее зелье (*κοκέωυ*), которое,

согласно легенде, богиня выпила в Элевсине после долгого поста. Главной особенностью, однако, было представление на сцене в святилище таинственных священных драм, которые знакомили новых посвященных с тайными доктринами элевсинских мистерий, а также ясно представляли их перед глазами тех, кто уже был посвящен. Однако мы не должны предполагать, что все присутствовали на одних и тех же представлениях. Фактически, здесь разница в степенях требовала разных представлений; новички, среди которых были некоторые, не очень далекие от детского возраста, допускались только к представлениям, соответствующим обычным легендам о Деметре и Персефоне, в то время как высшие степени, которые предоставлялись только лицам преклонного возраста, выходили за рамки этих популярных представлений и представляли новорожденного Якха, воссоединившегося в блаженстве с Персефоной и Деметрой. В этих случаях даже высшие сановники Элевсини не гнушались выступать в роли актеров: иерофант в роли *Демурга*, лидер посвященных в роли Гелиоса, алтарный жрец в роли Селены, вестник (ἱεροκῆρυξ) в роли Гермеса и т.д. Эти драмы, полностью занявшие восьмой и девятый дни, завершили, таким образом, главную часть церемонии. Последним актом поклонения было взять два глиняных сосуда, наполненных водой, как это делалось на похоронах, и вылить их на восток и запад под таинственные слова (πλημοχόαι). Затем последовало несколько дней, заполненных всевозможными развлечениями — гимнастическими состязаниями, национальными играми, песнями и танцами, а в более поздние времена еще и сценическими представлениями.

Фестиваль *Тесмофории*, проводившийся в Пианепсионе (октябрь), был посвящен одной только Деметре; он длился пять дней, и принимать в нем участие могли только женщины. Эти женщины должны были пройти торжественную подготовку, длившуюся девять дней, в течение которых они держались отдельно от своих мужей и различными способами очищались. После этого они отправились в Халимус, место проведения Тесмофории, но не длинной процессией, а небольшими группами и в ночное время. Комическая сторона праздников Деметры была видна и здесь: те, кто шел один, встречали друг друга по пути и требовали знаков признания в шутку, под громкий смех, который становился чрезмерным, если, как иногда случалось, человек попадал им в руки. В Халиме, в святилище Тесмофории, мистерии совершались ночью; день был занят очистительными купаниями в море, играми и танцами на берегу. После того, как это продолжалось день или полтора, женщины снова отправились в Афины, на этот раз длинной процессией, неся законы Деметры, *Тесмы*, откуда фестиваль и получил свое название, в шкатулках на головах священных женщин, и затем праздник был продолжен в Афинах, либо в городском Тесмофории, либо в Пейреусе. Это дальнейшее празднование заняло два дня, помимо дня возвращения; сначала был день “поста”, названный так потому, что в этот день женщины в глубоком трауре сидели на земле и ничего не ели, вероятно, распевая панихиды и соблюдая другие обычаи, распространенные на случай смерти; они также приносили в жертву адским богам свиней. Третий день (καλλιγενεία) носил более веселый характер. Его название, означающее “рождение прекрасных детей”, по-видимому, отсылает к Деметре, которая, как предполагалось, была умиротворена и даровала женщинам благословение на рождение прекрасных детей. Этот день был занят жертвоприношениями, танцами и веселыми играми, о которых мы знаем очень мало. На всех этих празднествах присутствие мужчин было строжайше запрещено; участвовать могли только те женщины, которые были полноправными гражданами, и, вероятно, ни одна незамужняя.

Существовали различные более мелкие праздники, о которых мы должны умолчать и обратиться к праздникам Диониса, оказавшим важное влияние на жизнь в Греции, а также на ее литературу и искусство. Ежегодно в Афинах их проводилось четыре; в месяц Посейдона (февраль) проходила страна Дионисия, называемая также “малой”. Естественно, это был праздник винограда, как и следовало ожидать из характера бога; но распространенное мнение, что это было сделано для празднования сбора урожая, допускает множество возражений, тем более что время праздника кажется слишком поздним для сбора урожая. Более вероятно, что тогда впервые было попробовано новое вино. Этот праздник не был связан с каким-то особым местом; деревенские Дионисии отмечались в каждой деревне, и не только в Аттике, но и повсюду в Греции, где выращивались виноградные лозы, и он всегда носил характер веселого национального праздника, связанного с весельем. В “Ахарнианах” Аристофана крестьянин празднует праздник наедине со своей семьей; он начинается с молитвы и процессии к жертвоприношению, в которой дочь в качестве корзиночницы (καρτηφόρος) несет на голове корзину с подношениями; затем следует раб с *фаллосом*, символом плодородия и никогда не угасающей производящей силы земли; и хозяин дома поет свою веселую фаллическую песню, в то время как его жена наблюдает за процессией с крыши дома. То, что было сделано здесь в небольшом масштабе одной семьей, мы должны предположить, было выполнено в большем масштабе на настоящей церемонии всеми собравшимися жителями деревни. Были и другие части праздника, особенно хор, который стоял вокруг алтаря во время жертвоприношения козла и восхвалял бога в речи и песне, вероятно, также в ответном припеве; они воспевали рождение, страдания и смерть Диониса и были источником дифирамба, а также драмы, поскольку эта последняя, как хорошо известно, обязана своим происхождением празднествам Диониса. Часто в малой Дионисии устраивались настоящие драматические представления; особенно часто бродячие актеры в таких случаях разыгрывали перед сельскими жителями старые пьесы, которые уже были представлены в городах. Среди других развлечений, наряду с праздничными шествиями, хорами и банкетами, одно особенно достойно упоминания (ἄσκόλια). Это была игра, в которой деревенская молодежь прыгала на промасленных винных бурдюках и пыталась столкнуть друг друга вниз, в то время как случайные прохожие встречали падения смехом; те, кому удавалось удержаться на своем месте, получали призы. Это развлечение, которое можно приравнять к нашему бегу в мешках, было обычным и на других праздниках Диониса.

Второй афинский праздник Диониса был характерен только для Афин, но, вероятно, был лишь одним из деревенских праздников, перенесенных Дионисией в город; он назывался *Ленея*, в честь места, где он обычно проводился, Ленеона, в пригороде Лимны, и проводился в месяце Гамелион (январь). Название предполагает праздник прессования вина, который не совпадает со временем празднования; было предпринято много попыток объяснить эту трудность, но безрезультатно. Праздник, или, по крайней мере, особая его часть, носила название Амброзия, вероятно, потому, что они пили много молодого вина, которому присвоили это божественное название; и, фактически, обильное питье было характерной чертой всех праздников бога вина. Празднества сопровождал большой банкет, для которого государство предоставило все необходимое, а также было торжественное шествие в город, в котором участвовало много людей, среди шуток и веселья, так что “шутки из машины” вошли в поговорку. В Ленаэоне, к которому сначала направлялась процессия с жертвенными животными, во время состязания пели торжественные дифирамбы, а призом был венок из плюща; были также драматические представления, на которых исполнялись как старые, так и новые пьесы.

Третьим праздником Диониса была *Антестерия* в месяце Антестерион (февраль), который длился три дня и был еще более отчетливо связан с дегустацией молодого вина, чем Ленея. Первый день фестиваля носил характерное название “Открывание бочек” (πιθογύα). По сути, это был семейный праздник. Бочонки с новым вином, которое должно было использоваться на следующий день для банкета, были принесены слугами и открыты; вино было разлито по амфорам или другим сосудам, и, естественно, было выпито много вина, и в особенности свою долю

получили рабы. Ибо афиняне, которые всегда хорошо относились к своим рабам, не пожалели для них справедливой доли в этот праздничный день, и когда они приносили свои жертвы при открывании бочек и помогали разливать вино, они, вероятно, сами наполнили кувшин для своих слуг и работников новым даром Бахуса. Вся остальная работа прекратилась на этот и следующий день, и у детей тоже были каникулы. Старое изображение Диониса, которое должно было торжественно въехать в город в процессии на следующий день, также было перенесено в этот первый день из храма в Немеоне в часовню на внешнем Керамейкосе. Но этот праздник был лишь подготовкой к главному дню, называемому “Праздником кувшинов”, который начинался на закате — в то время, когда начинались все праздники, — большой процессией. Те, кто принимал в нем участие, появлялись в венках и с факелами (поскольку шествие не начиналось до наступления темноты) во внешнем Керамейкосе; дети тоже, за исключением тех, кто не достиг трех лет, принимали в нем участие, вероятно, в сопровождении своих матерей или в экипажах, поскольку многие участники ехали верхом; и здесь, как и в сельской Дионисии, было принято издеваться над прохожими из экипажа. Фактически, эта часть фестиваля носила характер веселого карнавала; многие люди появлялись в костюмах Хор, нимф, вакханок и т.д. И весело толпились вокруг триумфальной колесницы, на которой в город везли статую *Диониса-Элевфероса*, которая была доставлена из храма накануне. По пути в различных местах, освященных легендой, совершались религиозные обряды. В одном месте *Василинна*, то есть жена архонта Базилевса, должна была сидеть на колеснице рядом со статуей Диониса, ибо в этот день она была невестой бога, и поэтому на своей свадебной колеснице она въехала в Ленеон, где в самой внутренней части храма Базилиной была принесена мистическая жертва на благо государства вместе с четырнадцатью фрейлинами, назначенными для этой цели архонтом (γεραιαί). Они принесли торжественную клятву королеве перед началом церемонии и при этом следовали древней формуле, начертанной на каменных колоннах храма. После жертвоприношения, с которым были связаны другие тайные церемонии, последовал символический брак Василины и Диониса. Пока эти священные церемонии, на которые допускались лишь немногие, происходили внутри храма, другие участники празднества развлекались по-разному. На следующий день состоялся настоящий Праздник Кувшинов - большой пир с последовавшим за ним состязанием в выпивке. На этом большом общественном празднике архонт-басилевс руководил празднеством, но государство покрывало расходы, первоначально, вероятно, натурой, но впоследствии таким образом, что каждый гражданин получал фиксированную сумму денег и на эти деньги снабжал себя едой, а также банкой чистого вина, которая стояла перед всеми и дала свое название по сей день. И банкет, и состязание в выпивке, вероятно, проводились в театре в Ленеоне, где главный жрец Диониса должен был предоставить подушки, столы и другие удобства. Прокламация герольда в старинном стиле предвещала самое интересное событие — состязание в выпивке. По сигналу, поданному трубой, все, кто принимал в нем участие, подносили свои кувшины ко рту, и судьи присуждали победу тому, кто первым опорожнит свой; приз состоял в бурдюке с вином, пирожных или чем-то в этом роде. Помимо этого публичного банкета, были также частные приемы, оказанные теми, кто предпочитал отмечать этот день в одиночестве, в кругу нескольких близких друзей, и здесь тоже продолжалось много выпивки; в частности, софисты, которые в этот день получали гонорар и подарки, имели обыкновение приглашать на пир своих знакомых. Так весело продолжалось до наступления ночи; затем каждый гость отнес свой кувшин и венок из свежих цветов, который он носил на празднике, в святилище *Диониса-Элевфероса*, который был разделен веревкой, и здесь венки были переданы жрице, а остатки в кувшине вылиты в качестве возлияния богу.

Третий день назывался “Праздником горшков” (χῦτροι) из-за жертвоприношения, приносимого *Гермесу Хтонию* и духам умерших, и здесь они соблюдали традиционный обычай первого принесения жертвы тем, кто погиб во время наводнения Девкалиона. При этих жертвоприношениях важную роль играли горшки, содержащие ряд растительных субстанций, приготовленных вместе, и эти блюда также составляли трапезу этого дня, на которой не употреблялось мясо. Фрейлины также приносили жертвы Дионису на шестнадцати специально

воздвигнутых алтарях, и, вероятно, с этим были связаны другие церемонии; фактически, этот третий день "Антестерии" с его серьезным церемониалом резко контрастировал с весельем предыдущих дней и наводит на мысль о подобном контрасте между нашей масленицей и Пепельной средой. Но даже в "День горшков" у народа не было недостатка в развлечениях; священными хорами дирижировали поэты, но, похоже, никаких регулярных драм не разыгрывалось. Возможно, драматические состязания были обычаем в прежние времена, или же были разрешены только такие состязания, которые определяли допуск поэтов и актеров, получивших приз по этому случаю, к соревнованиям в большом Дионисии. Главным праздником Диониса в Аттике был великий, или городская Дионисия, в Элафеболионе (март), который длился по меньшей мере пять дней, а возможно, и дольше, и главное значение которого заключалось в пьесах, разыгрывавшихся в эти дни. Первая торжественная церемония великой Дионисии была проведена в честь Эскулапа, которому было принесено публичное жертвоприношение. Здесь тоже была процессия, в которой несли статую *Диониса-Элевфероса*; было ли это старое деревянное изваяние, которое несли в Ленею, или новая статуя Алкамена, неизвестно, но последняя была из золота и слоновой кости, и, следовательно, ее нелегко переносить; в любом случае статую извлекли из святилища в Ленею и при свете факелов отнесли в театр Диониса, где ее установили в оркестре. На следующий день прибыла процессия, в которой, вероятно, участвовали жертвенные животные, а также подарки, присланные союзниками. Процессия остановилась на рыночной площади, и циклический хор исполнил танец вокруг алтаря в честь стоявших там дельфийских богов. Когда они прошли дальше, то, по-видимому, забрали статую Диониса из театра и снова понесли ее в праздничной процессии к святилищу в Ленеоне. За этой процессией последовали жертвенные банкеты, а в другие дни частью празднования также было обильное пиршество. Следующие дни были в основном заняты представлениями, которые, по-видимому, следовали примерно в таком порядке: прежде всего, лирические припевы; участвовали как мужчины, так и мальчики, и расходы, которые были большими, оплачивались гражданами, выступавшими в качестве хорагов. Возможно, этот день завершался "Комусом", поскольку публичные шествия такого рода часто следовали за обычными банкетами, а поскольку особо почитался бог вина, он, без сомнения, был великолепно оборудован. Следующие дни были заняты представлениями трагических тетралогий и комедий; неизвестно, длились ли они два или более дня, но вполне вероятно, что они продолжались три дня, и что в каждый из них утром исполнялась тетралогия, а днем - комедия. Вечером третьего дня представлений, завершавшего весь фестиваль, были розданы призы; в этих музыкальных конкурсах они состояли из быков и треножников. Эти последние победители часто устанавливали на людной улице на высоком пьедестале, и отсюда она получила название "Улица треножников".

Ночные празднества, которые проводились в некоторых частях Греции, но особенно на Кифероне и Парнасе, на островах и в Малой Азии, раз в два года, сильно отличались по характеру от этих дионисийских празднеств в Аттике и в которых принимали участие только женщины, как замужние, так и незамужние. Дикий и оргиастический характер этих дионисий зародился во Фракии, но распространился очень быстро и нашел большую популярность среди женщин, которые были склонны к такого рода экстатическому поклонению. Они пришли на середину зимы, примерно во время самого короткого дня; женщины для этой цели облачились в вакхические костюмы, набросили на плечи оленьи шкуры, распустили волосы, взяли в руки тирсовый посох и бубен и таким образом отправились на холмы неподалеку от своих домов и там совершали всевозможные таинственные церемонии, жертвоприношения, танцы и т.д., среди самого дикого веселья, вызванного виноградным соком, который им редко разрешался. Мы можем составить некоторое представление о дикой природе происходящего из описаний поэтов и художественных образов менад; тем не менее, мы всегда должны помнить, что и поэты, и художники описывали не столько обычаи своего времени, сколько обычаи мифических или героических периодов, и позволяли себе много преувеличений, которые не соответствовали действительности.

Этих описаний греческих, и особенно афинских, празднеств должно быть достаточно, и мы оставим без внимания ряд праздников в Греции и колониях, о которых нам известно немногим больше, чем названия. Тем, кто желает получить поразительную картину великого праздника, который, хотя и был восточным по своему происхождению, стал эллинизированным и отмечался в большом городе в александрийскую эпоху, следует прочитать великолепное описание Феокрита в его пятнадцатой идиллии "Праздник Адониса в Александрии".

ГЛАВА XII.

ТЕАТР.

Происхождение греческой драмы—Структура театра—Театр Диониса—Театр в Сиракузах—Зрительный зал—Сцена—Оркестр—Сцена-Роспись—Сценические принадлежности—Греческая драма—Трагедия, комедия и сатира—*Хорагия*—Театральные маски—Костюмы—Условия входа в театр—Обеспечение мест—Зрители.

ГРЕЧЕСКАЯ драма, как трагедия, так и комедия, зародилась в национальных забавах и выступлениях хоров на дионисийских празднествах. Необходимо также сказать несколько слов об устройстве театра, каким он был во времена наибольшего расцвета афинской драмы. Здесь, к счастью, у нас есть такой большой запас информации и сохранившихся памятников, что мы можем составить очень четкое представление об этих представлениях, поскольку они полностью отличались от наших современных представлений.

Несмотря на огромный прогресс, достигнутый греческой драмой от грубых народных зачатков до времен ее величайшей славы, и несмотря на огромную разницу между трагедиями трех великих мастеров и комедиями Аристофана, как в целом по их характеру, так и в деталях их структуры и исполнения, и циклическими хорами и деревенскими забавами древней Дионисии, все же есть несколько моментов, в которых драма, даже в ее наивысшем развитии, обнаруживает следы своего происхождения. Одним из них является обычай давать театральные представления только в определенные праздничные сезоны года и каким-то образом связанный с поклонением Дионису как фактическим религиозным актам, хотя ближе к концу древнеэллинистического периода театральные представления также давались на фестивалях не в честь Диониса.

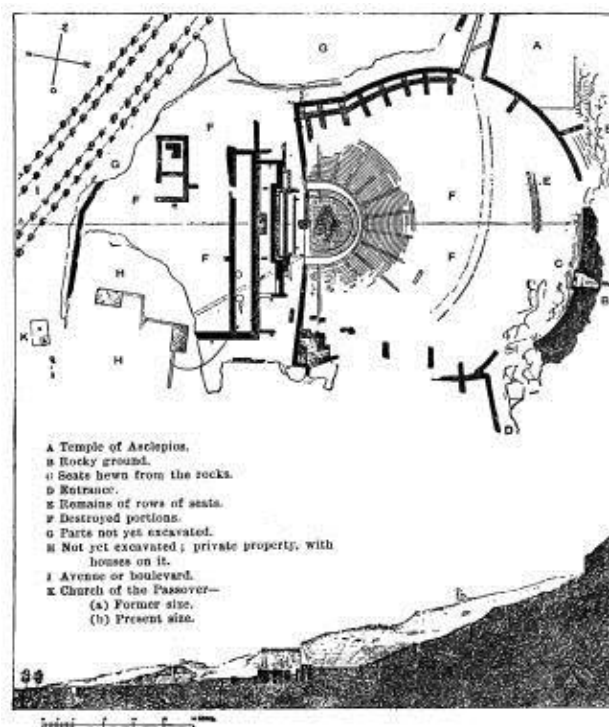

Рис. 150.

Вследствие этого структура театров, и особенно места для зрителей, должны были быть намного больше, чем в наши дни. Поскольку представления проводились всего несколько раз в году, и на них собиралось не только все население города и окрестностей, но даже многие незнакомые люди издалека, пространство для зрителей должно было быть настолько большим, чтобы там могли поместиться многие тысячи, даже десятки тысяч человек, и оно также должно было быть

построено таким образом, чтобы представление было удобно видно из любого места. Эти замечания относятся, в частности, к Афинам, с театральным устройством которых мы лучше всего знакомы и которые, более того, были образцом для большинства других. Во-первых, было невозможно иметь закрытое пространство; крытые театры -концертные залы (ὠδεδία), как их называли, — предназначались не для драматических, а для музыкальных представлений; во-вторых, представления проходили при дневном свете, вследствие чего большая часть иллюзии была утрачена. Опять же, большие размеры зала и значительное расстояние большинства сидений от актеров потребовали определенных особенностей в костюмах этих последних, которые мы должны обсудить позже.

Память о происхождении драмы из хоров, к которым со временем добавилось драматическое действие, сохранилась в виде разделения между исполнителями, которые представляли действие, и хором, который только сопровождал его, — разделения, которое постепенно исчезло в то время, когда средств было недостаточно для покрытия значительных расходов на оснащение хора. Это различие между актерами и хором наблюдалось не только в композиции драмы, но и в местности; хору, который не только пел, но также танцевал и маршировал, требовалось очень большое пространство для своих эволюций, в то время как актерам, число которых было очень небольшим, хватало и меньшего. Таким образом, в то время как современный театр состоит всего из двух частей, сцены с ее аксессуарами и зрительного зала, греческий театр состоял из трех частей; помимо зрительного зала и конструкции сцены, между ними было пространство для хора, известного как оркестр.

Рис. 151.

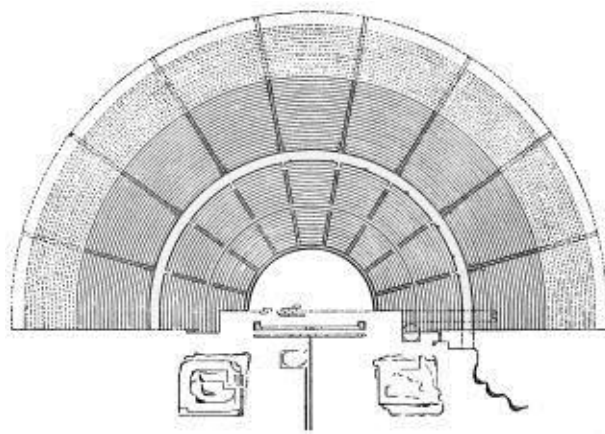

Рис. 152.

При рассмотрении расположения зданий нам помогают описания древних, а также сохранившиеся остатки греческих театров. На рис. [150](#) представлен план руин большого театра Диониса в Афинах, хотя мы должны помнить, что это сооружение, первоначально построенное в пятом и четвертом веках до н.э., претерпело значительные изменения в римский период. На рис. [151](#) показан Сиракузский театр в его нынешнем состоянии, а восстановленный план местности показан на рис. [152](#); в то время как на рис. [153](#) показан восстановленный вид театра Сегеста, реконструированный Штраком. Мы можем рассматривать оркестр как центр всей структуры.

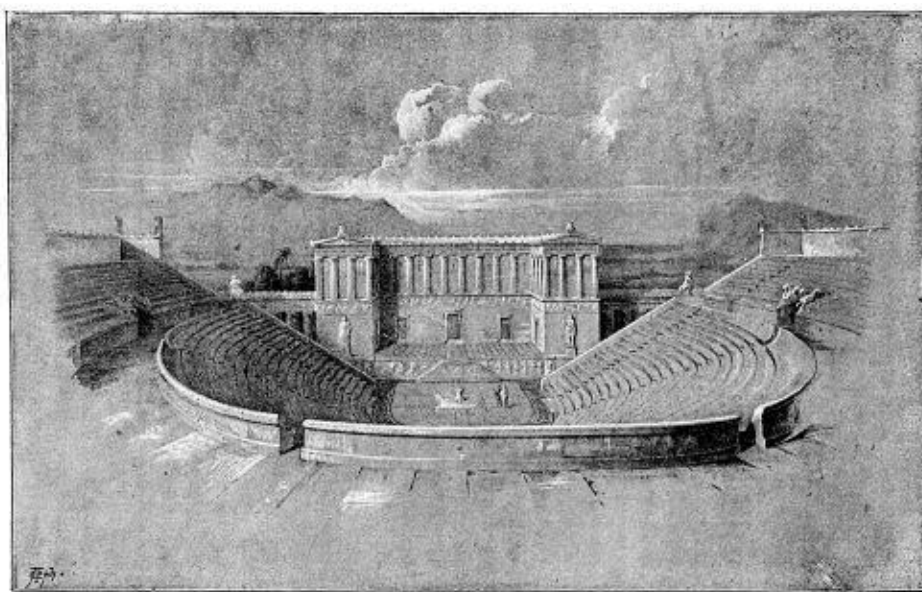

Рис. 153.

Первоначально это было всего лишь ровное место для танцев, и его форма обычно представляла собой неполный круг, поскольку часть была отрезана сценой, которая тянулась под прямым углом вдоль оркестра. Напротив, по периметру оркестра концентрическими линиями располагались приподнятые сиденья зрительного зала - театра в истинном смысле этого слова. Не существует фиксированного стандарта для формы оркестра и соответствующего зрительного зала; иногда это полукруг с небольшим расширением окружности с обеих сторон, иногда его удлиняют касательной или какой-либо другой линией, расположенной под прямым углом к окружности. В большом театре Диониса оркестр изначально представлял собой идеальный круг; полный полукруг, обычный для римских театров, был очень необычен в греческих. Здесь, как и в сооружениях, используемых для игр, таких как Стадионы и Ипподромы, греки старались, насколько это было возможно, использовать естественные условия местности для своих театров.

Поэтому, если возможно, они размещали зрительный зал на каком-нибудь естественном возвышении; так, большой театр Диониса простирается вверх по южному склону Акрополя; а если такого возвышения не было, они часто заменяли его искусственными земляными насыпями, отличаясь этим от обычая римлян, которые, вследствие большего развития своих архитектурных знаний, смогли построить театр на открытом пространстве и поддерживать зрительный зал прочными подструктурами. Греческий способ строительства имел преимущество в большей дешевизне и безопасности и, если позволял характер местности, также позволял им делать выходы и входы для публики, помимо тех, что находятся внизу. В театре Диониса также были боковые подходы на возвышенности. Зрительный зал греческого театра обычно располагался в каком-нибудь красивом месте, откуда посетителям театра, во всяком случае, тем, кто находился на возвышении, кому не мешала конструкция сцены напротив, открывался обширный обзор. Так, из Сиракузского театра (рис. [151](#)) открывался великолепный вид на гавань и город — фактически, почти все театры по соседству с морем обычно построены так, что зрительный зал обращен к морю, и свежий бриз может освежить публику в жаркие часы дня.

Сиденья, в зависимости от характера местности, были либо высечены непосредственно в каменистом грунте, либо построены на искусственном фундаменте. В Афинах зрители первоначально сидели на голой земле склона Акрополя или на расставленных там деревянных скамейках; в четвертом веке здесь были сделаны каменные ступени. В Сиракузах, Сикионе и других местах почти весь зрительный зал и ступени были высечены в скале; концы или крылья зрительного зала, которые выступали там, где заканчивались сиденья, рядом со сценой, должны были быть специально массивной конструкции. Иногда, хотя чаще в римских, чем в греческих театрах, зрительный зал касался боковых кулис сцены; но это был не особенно удобный метод, поскольку значительное количество мест вдоль этой каменной стены не имели вида на сцену или, во всяком случае, имели только очень неудовлетворительный вид. Вход для публики был обеспечен через большие ворота, которые вели справа и слева между зрительным залом и сценой и которые, когда зрители были в сборе, также служили входами для хора (πάροδοι). Когда театр располагался на возвышении, существовали и другие подходы, ведущие к проходам верхних этажей; вероятно, они использовались только для опорожнения театра, а не для входа, поскольку при входе зрители должны были заплатить за вход или предъявить свои билеты, и поэтому количество входов, вероятно, было ограничено с целью упрощения контроля. В тех театрах, где сиденья доходили до сцены, подходы, которые находились ниже сидений, должны были быть прикрыты (сравните вид театра в Сиракузах), но, как правило, мы должны предполагать, что они были открыты. Сиденья были расположены таким образом, что ступени, которые поднимались от оркестра к верхней части театра, также использовались в качестве сидений; люди сидели на настоящем камне, если только, как это иногда случалось, они не приносили с собой подушки или не поручали их нести рабам. В нижних рядах было несколько мест, отличавшихся от других почетными сиденьями, также сделанными из камня, обычно из дорогого мрамора; некоторые из этих мест, датируемые, однако, римским периодом, были найдены в театре Диониса. Обычная высота ступеней составляла примерно от 16 до 19 дюймов, а глубина - от 24 до 28. Разделения мест не было, и хотя, вероятно, были приняты меры к тому, чтобы не столпилось слишком много людей, все же не было проведено никаких линий для обозначения назначенных мест. Это было очень удобное и в то же время простое устройство, не позволявшее ногам тех, кто сидел на более высоком ряду, доставлять неудобства тем, кто сидел впереди. Глубина сиденья часто была достаточной, чтобы предотвратить контакт, но, кроме того, существовал обычай выдвигать ту часть ступеньки, куда зрители ставили свои ноги. Некоторые ступеньки, по сути, имеют три отдельные поверхности: ближайшая к верхнему ряду была выемкой для ног; затем шел проход для тех, кто хотел переместиться на свои места или с них, которые могли таким образом проходить, не мешая сидящим; и третьей поверхностью была та, на которой сидели в следующем ряду ниже. Спинки у сидений, как правило, не было, но в местах, где был более широкий проход, и, таким

образом, один ряд зрителей не соприкасался непосредственно со следующим, их иногда вводили и делали из одного куска с сиденьем.

В больших театрах зрительный зал почти всегда был разделен проходами на несколько этажей. Эти проходы огибали зрительный зал концентрически с креслами, и их целью было облегчить передвижение публики; поэтому они были значительной ширины (сравните рис. [153](#)), и иногда два таких прохода ставились близко друг к другу, один повыше, а другой пониже, чтобы публика могла легко перемещаться по ним, не толкая друг друга. Отдельные сиденья повсюду были соединены ступеньками. Хотя расположение всего зрительного зала с приподнятыми сиденьями напоминало цирковое, все же сиденья были слишком высокими, чтобы их можно было использовать еще и в качестве ступеней, и их пришлось сконструировать специально. Они были двух видов: маленькие ступеньки по направлению к сиденьям, целью которых было дать возможность людям подниматься с одного места на другое, и главные лестницы, которые пересекали сиденья по всей их протяженности сверху донизу и образовывали, так сказать, радиусы круга, представленного зрительным залом. Количество этих лестниц было больше или меньше по мере необходимости; иногда их количество удваивалось наверху, где расстояния увеличивались, путем введения третьей лестницы между каждой парой; иногда лестницы, которые начинались внизу, не продолжались наверху, но были изменены радиусы. Однако чаще всего эти лестницы пересекали весь театр вплоть до самых высоких мест и, таким образом, делили весь зрительный зал на ряд клиновидных перегородок, которые, собственно, и получили обозначение клиньев (κέρκιδες). Иногда эти клинья носили особые названия, будучи названными в честь статуй, которые были установлены там, как, например, в театре в Сиракузах, и эти обозначения облегчали поиск мест. Как правило, ступеньки располагались таким образом, что на каждое сиденье приходилось по две, таким образом, каждая ступенька составляла половину высоты сиденья.

В более поздние времена верхние зрительские места вели к открытым аркадам; когда это позволяла почва, римляне часто разбивали дорожки и сады на возвышении театра, где зрители могли освежиться во время антрактов; внизу, рядом с оркестром, зрительный зал был отгорожен стеной, которая должна быть настолько низкой, чтобы зрители на первых местах могли удобно видеть сцену, которая была значительно приподнята над оркестром. Иногда за этой стеной устраивался первый проход для публики, ограниченный низким бруствером; в этом случае к оркестру сбоку вели ступеньки первого упомянутого типа (сравните рис. [153](#)).

Размеры аудитории сильно различались. Если наши измерения количества разрушенных театров верны, театр в Эфесе был самым большим из всех; Фалькнер подсчитал, что в нем могло разместиться 56 700 человек. Самым большим театром в Европе был театр "Мегалополис", рассчитанный на 44 000 мест, и театр Диониса - на 30 000. Эти расчеты, однако, очень неточны, поскольку мы не знаем, сколько футов было отведено каждому человеку, и отклонение в полфута имело бы очень значительную разницу.

Самый важный вопрос, связанный с оркестром, касается *Тимелы*, на которую часто ссылаются древние авторы. Ранее предполагалось, что это древний алтарь Диониса, вокруг которого первоначально танцевали хоры, и что он был расположен в центре оркестра, в то время как хор группировался вокруг него, и что руководитель хора стоял возле Тимела или на его ступенях, и официальные лица театра также занимали свои места там. Вид, приведенный Стрэком на рис. [153](#), построен в соответствии с этой гипотезой; в середине оркестра расположено сооружение, напоминающее алтарь со ступенями. Но такая интерпретация Тимеле оказалась несостоятельной, и хотя невозможно решить этот вопрос с какой-либо определенностью, все же среди различных гипотез гипотеза Визелера кажется наиболее вероятной, а именно, что Тимеле представлял собой деревянные подмости, сооруженные в оркестре, на которых хор исполнял свои танцы. Главной целью этих лесов, или подиума, было не столько разместить хор на возвышении, сколько облегчить их игры и танцы, потому что было легче двигаться и танцевать на эластичном полу

деревянных лесов, чем, как раньше, в пыльном оркестре, который, собственно, из-за этого обстоятельства получил название “пыльное место” (κοῖστρον), или даже на каменном тротуаре, который, по-видимому, впоследствии был уложен в оркестре. Мы не знаем, были ли ступени, ведущие от пола оркестра к этим лесам, и, по сути, мы даже не можем определить их высоту. Размер подиума, должно быть, был значительным, поскольку на нем было достаточно места для большого хора. Помимо его участников, число которых в циклических хорах часто достигало пятидесяти, там занимали свои места музыканты, аккомпанировавшие им, и, по-видимому, даже констебли (ῥαβδοφόροι), надзиравшие за театром; ибо, каким бы странным нам ни казалось, что чиновники, в обязанности которых входило поддерживать порядок среди публики, были поставлены на столь видное место сбоку от хора, все же доказательства в пользу такого расположения кажутся решающими. Обычные входы в оркестр для хора были такими же, как и для публики; здесь, как и в постановках на сцене, правилом было то, что вход справа от зрителей указывал на приближение из окрестностей, из города или гавани, а слева - на прибытие издалека.

Сцена на заре существования театра представляла собой не более чем деревянные подмости, на которых выступали актеры, в то время как хор исполнял свои танцы в оркестре внизу. Со стороны, отвернутой от оркестра, была палатка, которая служила местом ожидания актеров, когда им нечего было делать на сцене, и именно эта палатка (σκηνή) дала свое название сцене, хотя даже впоследствии проводилось различие между собственно сценой и связанными с ней сооружениями. Настоящая сцена представляла собой продолговатую поверхность, приподнятую на десять-двенадцать футов над оркестром; ее называли авансценой (προσκήνιον), а иногда местом для выступлений (λογεῖον). Нижняя передняя стена была украшена в римский период архитектурными рисунками, рельефами или росписью; мы не знаем, имело ли место то же самое в греческом театре, как предположил Штрак в своей реконструкции, но весьма вероятно, что передняя сцена, повернутая к зрителям, не была оставлена совсем пустой. По мнению Штрака, там были также ступеньки, ведущие из оркестра к месту выступления. Мы не можем сказать, регулярно ли они устанавливались в театрах. Тем не менее, ступеньки между оркестром и сценой были необходимы в тех пьесах, в которых (как, например, в “Филокете”) хор покидает оркестр и поднимается на сцену; но вполне возможно, что для этой цели использовались специальные деревянные ступеньки, которые снова убирали, когда эта связь не требовалась. Существование этих подвижных ступеней особенно упоминается у древних писателей.

С этой авансценой были связаны здания, принадлежащие сцене; обычно они образовывали конструкцию высотой в несколько этажей, которая окружала сцену с трех сторон (сравните рис. [153](#)) в плане театра Диониса (рис. [150](#)). Старые стены, относящиеся к четвертому веку, зарисованы более поверхностно, чем более поздние реставрации; здесь стены сцены, собственно *сцена*, обозначена как G. Z.; справа и слева были боковые крылья (παράσκήνια), и они заканчивались стенами 12 и 13. Последние исследования Дерпфельда доказывают, что сцена театра Диониса, построенная оратором Ликургом, первоначально не имела фиксированной авансцены, но для каждого случая сооружалась новая деревянная сцена. В более поздние времена они отрезали кусок от двух боковых крыльев и закрепили декорации между ними. Из шатра на сцену вели несколько дверей; как правило, на заднем плане их было три, средняя из которых служила входом для главного действующего лица, называемого “Главным героем”, и должна была вести либо из королевского дворца, либо из жилища, либо из пещеры, в зависимости от характера пьесы; дверь справа предназначалась для второго актера, та, что слева, особого значения не имела. Однако мы не должны рассматривать эти утверждения как универсальные. Вероятно, обычно на сцену было три входа, хотя в театре Диониса есть только одна дверь; но поскольку передняя часть обычно была покрыта каким-либо украшением, эти входы непосредственно не использовались, но актеры проходили через них в узкое пространство между стеной сцены и декорациями, а оттуда через двери в декорациях на сцену. Декорации заднего плана менялись в зависимости от характера действия, и иногда требовалось несколько дверей или входов; иногда там могло вообще не быть дверей, поскольку в распоряжении актеров также были входы через боковые кулисы.

Следовательно, эти утверждения относятся только к определенным пьесам, особенно к тем трагедиям, в которых главным действующим лицом является король; в данном случае, вероятно, предполагалось, что средняя дверь вела в королевский дворец, и поэтому ею пользовался только главный герой, хотя мы не должны из-за этого предполагать, что он всегда входил и выходил через эту дверь, поскольку природа пьес сама по себе запрещает это. Очень часто в пьесе также появлялся король, роль которого была неважной, не отведенной главному герою, и тогда, конечно, процитированное выше правило не могло быть соблюдено.

Боковые кулисы использовались для ожидания актеров, и весьма вероятно, что хор также перед своим появлением и в то время, когда они не присутствовали в оркестре, удалился туда, и что оттуда были проходы, ведущие к боковым входам. Были также двери, сообщающиеся со сценой, и они, как и двери в оркестре, имели свое особое значение; через правую дверь входили те актеры, которые должны были приехать из города, а через левую те, кто приходил издалека, например, посыльные, гости, друзья, возвращающиеся домой, и т.д.

Декорации были только на сцене, оркестр остался совершенно голым и, вероятно, не имел даже каких-либо подвижных объектов. Было бы чистой фантазией предполагать, что в некоторых пьесах была установлена связь между сценой и оркестром путем представления всего комплекса в виде горы со скалистыми пещерами и т.д. Греки допускали определенную долю иллюзии, но ограничивали ее сценой; они не заботились о пространстве перед сценой, не больше, чем мы сегодня заботимся о появлении оркестра перед оперой. Именно сцена, представленная на сцене, придавала значение оркестру; если был представлен дворец, а сцена представляла место перед ним, то оркестр становился открытым пространством, на котором собирались люди; если фоном был храм, оркестр был священным пространством непосредственно перед ним (τέμενος), и так далее. Возможно, стена под передней частью сцены была связана с декором, так что, если сцена, например, представляла собой дикий лес с пещерой, передняя часть сцены была оформлена аналогичным образом.

Сценография, в которой греческое искусство впервые предприняло попытку рисования в перспективе, в те времена не ставила перед собой таких сложных задач, как в наши. Главными элементами декорации были задний план и вращающиеся фигуры (περίακτα). Фон авансцены должен был закрывать стену сцены, а также указывать на место действия, будь то площадь перед дворцом, или улица с частными домами, или лес и т.д. Мы не должны думать об огромном разнообразии декораций, известных нашей современной сцене; без сомнения, они также довольствовались очень простым исполнением, всего лишь намекая на требуемую сцену. Фон, вероятно, был подвешен на деревянных подмостках или раме и располагался непосредственно перед внутренним фасадом сцены на полу. Однако мы не знаем, как менялось оформление заднего плана, поскольку смена сцены иногда была необходима даже в древней драме; возможно, в таких случаях у них был обычай размещать одну из сцен перед другой, так что, как и в наши дни, переднюю декорацию нужно было только передвинуть, либо опустив ее, либо разделив на две части, отведенные в сторону (поскольку из-за отсутствия стержней они не могли поднять их), и таким образом вторая сцена становилась видна сзади.

Вторым видом декораций, которые заменили наши подвижные сцены, были вращающиеся фигуры. Это были два приспособления в форме трехсторонней призмы, расположенные по обе стороны сцены на небольшом расстоянии от боковых кулис; их ось была прикреплена к деревянному полу сцены, и вокруг него они перемещались. Каждая из них имела три поверхности для украшения, так что, поворачивая их, можно было изобразить три разные сцены, и этого, несомненно, было достаточно для любой пьесы, поскольку в дошедших до нас пьесах сцена меняется только в двух, в “Эвменидах” Эсхила и в “Аяксе” Софокла, и в обеих этих трагедиях есть только одно изменение. У этих вращающихся фигурок, должно быть, также был небольшой запас украшений, поскольку было очень легко покрыть их сменой рисунка, поскольку они, по-видимому, представляли собой простые подставки. Теория о том, что на античной сцене было

всего три сцены для этих трибун, а именно: одна для трагедии, одна для комедии и одна для сатирической драмы, несомненно, ошибочна.

На греческой сцене не было других декораций, кроме фона и вращающихся фигур; там должны были быть какие-то подвижные объекты, такие как скамейки, алтари, гробницы и т.д., На что указывает содержание многих сохранившихся до нас пьес. Очень сомнительно, чтобы греческий театр походил на римский в использовании занавеса, который вместо того, чтобы подниматься, опускался в землю в начале спектакля; нет абсолютных доказательств того, что это было так. Современная суфлерская будка была неизвестна, и очевидно, что суфлером они не пользовались.

Механизм древней сцены, по-видимому, был очень сложным. О большинстве театральных механизмов мы знаем только названия и можем составить о них весьма неполное представление. Изобретением, которое очень часто использовалось, была “выкатная машина” (ἐκκύκλημα), которая, согласно утверждениям древних авторов, использовалась для показа зрителям происходящего внутри дома — как бы мы сказали, “за кулисами”; ибо в греческой драме действие никогда не происходило внутри комнаты, а все происходило на открытом воздухе. Наши авторитетные источники, однако, не позволяют нам составить какое-либо четкое представление об этом устройстве; вероятно, задний план каким-то образом раздвигался, и человек или группа, которых можно было увидеть на машине, были выкатаны на деревянных подмостках, движущихся на роликах или колесиках, которые, конечно, должны были быть каким-то образом оформлены; в некоторых случаях, возможно, не было необходимости раздвигать задний план, и было достаточно, чтобы машину втолкнули внутрь через одну из трех дверей. Существовало аналогичное приспособление для выкатывания персонажей, которые должны были быть показаны на верхнем этаже дома на соответствующей высоте над сценой, как мы видим из “Ахарнианцев” Аристофана, где Еврипид появляется таким образом на своего рода балконе в верхнем этаже. Другое приспособление носило особое название “машина” (μηχανή) и было источником выражения *Deus ex machina*, используемого, когда бог, спускаясь с Олимпа, яростно разрубал узел действия; это использовалось для подвешивания в воздухе богов, героев или смертных, но особенно тех людей, которые должны были появиться наверху, как будто летят. Мы не можем сказать, где была прикреплена эта машина и как она работала; по-видимому, подобные приспособления находились по обе стороны сцены, над боковыми входами, рядом с боковыми фигурами, и тот, что слева, использовался богами, в то время как тот, что справа, использовался для других целей. Сама машина, как правило, хранилась на каком-нибудь верхнем этаже сценического сооружения. Должно быть, это было несколько опасное средство передвижения; актеры, которые должны были совершать это воздушное путешествие, обычно были крепко связаны веревками или подпругами, и в “Мире” Аристофана Тригея, садясь на своего воздушного коня, навозника, который, должно быть, был похожим летательным аппаратом, умоляет управляющего оборудованием, который должен следить за всеми этими приготовлениями, быть очень осторожным, чтобы он не разбился. “Место для выступлений богов” (θεολογεῖον), по-видимому, представляло собой строительные леса над главным входом на заднем плане, на которых появлялись боги, вероятно, в окружении облаков; оно отличалось от “машины” тем, что показывало богов, мирно восседающих на тронах наверху, вместо того, чтобы спускать олимпийских божеств на землю. С “машиной” был связан “кран” (γέρανος), похожий на кран механизм, спущенный сверху, который использовался, когда людей нужно было поднять со сцены; как, например, когда Эос уносила труп Мемнона по воздуху.

У них также были машины для производства грома и молнии. Мы не знаем, как была создана молния, и трудно представить, что она могла быть произведена с каким-либо замечательным результатом среди бела дня. Гром был вызван перекачиванием пузырей, полных мелких камешков, взад и вперед по медным тарелкам в пустом пространстве под сценой. В этом пустом пространстве, вероятно, также находились “ступени Харона” — приспособление для вызова духов умерших на сцену. Ничего определенного не известно об этих ступенях, но весьма вероятно, что

они были устроены по образцу наших люков, поскольку, несомненно, пол сцены закрывал полое пространство, и, таким образом, приспособление такого рода было очень легко изготовлено.

Затем мы должны рассмотреть пьесы, которые должны были быть поставлены здесь. На древнегреческой сцене существовало три вида драмы — трагедии, комедии и сатирические драмы. Комедии разыгрывались поодиночке, и каждая представляла собой законченное целое; но трагедия, развившаяся из легенды о Дионисе и разделения действия на три связанных с ней части, была построена так, что большой круг мифов был обработан в трех отдельных трагедиях, содержание которых было взаимосвязано, но которые были структурно завершены сами по себе, и они были названы Трилогией. Но примерно в то же время возник любопытный обычай вслед за этими тремя серьезными пьесами с их глубоко патетическим содержанием ставить веселую сатирическую драму того же автора — дикий фарс, в котором хор сатиров вводился в связи с каким-нибудь мифическим действием, которое, конечно, фигурировало только в пародии; и это сочетание четырех драм получило название Тетралогии. К сожалению, ни одна тетралогия не дошла до нас в полном виде; одна только трилогия Эсхила, посвященная истории Ореста, дает нам некоторое представление о том, каким образом трагические поэты оформляли свой материал в виде трилогии. Первая часть, “Агамемнон”, представляет убийство Агамемнона Клитемнестрой и Эгистом; вторая, “Хофоры”, месть Ореста убийцам; третья, “Эвмениды”, отпущение грехов Ареопагом за убийство его матери. Трагические поэты не очень долго придерживались обычая представлять в “Дионисии” полные тетралогии, в которых трилогия представляла один взаимосвязанный сюжет. Своего полного развития она достигла при Эсхиле, но Софокл уже начал отходить от нее, и в тетралогиях, с которыми он соперничал с Еврипидом, внутренняя связь между трагедиями отсутствовала. В более поздние времена было принято, чтобы трагедии, завершенные сами по себе, разыгрывались поодиночке, так что поэты соревновались драмой с драмой; тем не менее, надписи показывают нам, что даже в четвертом веке разыгрывались тетралогии, хотя они, возможно, и не были связаны между собой. Каждый из этих трех видов драмы претерпел несколько изменений в ходе развития греческой литературы.

В трагедии, предметом которой обычно была легенда, но которая также касалась вопросов современности, таких как оккупация Милета и войны с персами, поначалу явно преобладал лирический элемент, поставляемый хором, над чисто драматической частью. До Эсхила не было особого представления о драматической обработке; в то время был только один актер, который вместе с хором обеспечивал все действие и ограничивался главным образом декламацией, так что не могло быть и речи о ярких ситуациях и диалогах. Затем Эсхил ввел второго актера; и поскольку эти актеры, переодевшись, могли исполнять несколько ролей, действие расширилось и оживилось, а диалоги стали более интересными. Когда Софокл добавил третьего актера — нововведение, которым Эсхил также воспользовался в свой поздний период и которое составило наибольшее число, когда-либо использовавшихся в греческой драме, — победа драматической партии над лирической была достигнута; и с этого времени значение хора снизилось по сравнению с актерами и, наконец, исчезло совсем. В трагедиях Еврипида драматический элемент стал настолько важным, что без хора действительно можно было обойтись; правда, Еврипид не мог рискнуть полностью отказаться от этого обычая, который был освящен религией и традицией, но, постепенно уменьшая долю хора в действии, он готовился к полному отказу от него. Поэтому у Эсхила торжественные песни и размышления хора занимают значительное место, и хор даже иногда принимает активное участие в действии, поскольку он преобладает в пьесе и может рассматриваться как действующий персонаж; у Еврипида его присутствие более случайно — он излагает догмы и мнения поэта, но не принимает участия в действии, а в трагедиях он мог бы быть полностью опущен без ущерба. Только у Софокла хор и диалог гармонично сбалансированы. Этим изменениям в положении хора соответствовало количество, отведенное им на декламацию. В целом мы можем сказать, что хор пел вступительную песню (πάροδος), а затем по ходу пьесы хоровые песни для обозначения пауз в действии, сопровождаемые маршированием, но не покидая оркестра, и они назывались стоячими песнями (στάσιμα); эти длинные оды делили драму на ряд

частей, называемых эпизодами (ἐπεισόδια), которые можно сравнить с нашими актами, поскольку действие прекращается во время песни, и у зрителя есть время собраться с мыслями. и позволить тому, что он услышал и увидел, воздействовать на него, в то время как песня продолжается в антракте, помогает ему сохранить впечатление, произведенное действием, или же подготавливает его к тому, что должно последовать.

Более старая комедия, главным представителем которой является Аристофан, использовала хор и диалоги так же, как и трагедия. Его сюжеты касались реальной жизни и касались политических, социальных и литературных вопросов, а также других вопросов, представляющих всеобщий интерес, но в фантастической манере, с самыми эксцентричными масками и абсурдными изобретениями, нанося удары повсюду с самой дикой распушенностью и не щадя ни простых граждан, ни самых могущественных и возвышенных личностей. Роль, которую исполнял хор, во многих отношениях отличалась от той, которую исполнял в трагедии; комический хор очень часто совершенно выходил за рамки действия и, как рупор поэта, который использовал эту возможность, чтобы донести до публики свои политические или иные мнения, улаживать личные ссоры и вообще говорить все, что ему заблагорассудится, обращался к публике; таковы те комические хоры, которые носят название *Парабасис*. Комический хор также адекватно отличался от трагического как по разнице костюмов, так и по количеству его участников; последних обычно было всего двенадцать, а первых в два раза больше. Опять же, танцы и ритмические движения комических хоров сильно отличались от танцев трагических. Но еще при жизни Аристофана началась трансформация комедии как во внешней форме, так и в ее реальной природе. Внешнее изменение заключалось в упразднении хора, расходы на который граждане больше не желали оплачивать, и, таким образом, была упущена прекрасная возможность говорить грубые истины со смеющимся лицом, и был проложен путь для постепенной смены темы. Изменение было совершено так называемой новой Аттической комедией, в которой не было хора, а вместо политической или социальной сатиры сюжетом служили картины из афинской жизни, любовные интриги, комические недоразумения и т.д., И, по сути, она больше напоминала наши современные комедии. Затем, естественно, исчез лирический элемент, который в старой комедии, как и в трагедии, проявлялся не только в хоре, но и в драматической игре актеров; действие было представлено только диалогами, а музыкальный элемент, который раньше играл очень важную роль в комедии, был ограничен сопровождением декламации и, таким образом, стал полностью подчиненным.

Сатирическая драма - это та, в которой мы можем проследить наименьшее количество изменений, но она просуществовала недолго. Он был изобретен Пратинасом, современником Эсхила, вероятно, с намерением компенсировать публике, которая, к сожалению, скучала по популярным видам спорта, которые раньше оживляли празднование Дионисии, и удовлетворить их тягу к более грубой пище. Сначала казалось, что сатирическая драма предшествовала трагедиям, но вскоре это изменилось. В лучший период драматургии мы никогда не находим одних сатирических пьес без предшествующих им трагедий; они были настолько существенной частью трагедии, что мы слышим о трагических писателях только как о составителях сатирических драм. Лучшим периодом сатирической драмы было время Пратината и Эсхила; Софокл и Еврипид тоже сочинили их — один из них, “Циклоп”, дошел до нас, — но в то время его лучший период уже закончился, поскольку он больше не служил необходимым завершением драматической тетралогии. Тем не менее, сатирические драмы сохраняли свое положение на сцене до II века, и, по сути, александрийские поэты предприняли новую попытку соединить сатирическую драму с трагедиями в тетралогии. Мы очень мало знаем о сюжете этих более поздних сатирических драм. Дошедшие до нас названия александрийских пьес показывают, что в то время была представлена реальная жизнь, хотя использовались и мифологические сюжеты, которые легли в основу античной сатирической драмы.

Древняя драма, к которой мы относим трагедию, сатирическую драму и комедию, представляла собой сочетание трех искусств — поэзии, музыки и танца. Последнее, как правило,

исполнялось хором, и очень редко случалось, чтобы актер в пьесе исполнял танец, но музыкальная часть принадлежала не только хору, но и актерам; ибо, хотя обычный диалог состоял просто из декламации, все же в чисто драматической части были длинные пассажи, которые актеры не декламировали, а пели. Наши современные писатели высказывают совершенно разные мнения о том, в какой манере были прочитаны диалоги. Нам представляется наиболее вероятным, что в комедии, как правило, была только речь без какого-либо музыкального сопровождения; в то время как в трагедии была введена непрерывная музыкальная композиция, чередующаяся с драматической речью, то есть устной декламацией в сопровождении музыки, и даже с простой декламацией. Затем были также сольные песни актеров, размер которых был лирическим, и они имели некоторое сходство с мелодиями нашей современной оперы; они менее распространены в более древней трагедии, чем у Еврипида, у которого они иногда занимают непропорционально большое место. Также были музыкальные диалоги между актерами и хором, в частности его руководителем. Инструментами, использовавшимися для аккомпанемента, были лира и кифара, а также флейта. Струнные инструменты использовались главным образом для того, чтобы взять несколько нот, подобных аккордам, взятым при нашей декламации; флейта указывала только на главные ноты и сопровождала мелодию припева и сольной песни либо на той же высоте, либо на одну-две октавы выше. Игра на флейте сопровождала большинство хоровых песен; вместе с хором вступал флейтист, который всегда занимал свое место на тимеле. В более поздней трагедии музыка, которая раньше была очень простой, стала более сложной; несколько флейтистов играли одновременно, и их пронзительная музыка очень часто заглушала пение; но сольные выступления на сцене сопровождалась только одной флейтой.

Хореографический элемент в драме, который особенно характерен для хора в трагедии, состоял главным образом в маршировании различными фигурами, очень похожими на наш современный полонез. Танцы в комедии были гораздо более живыми и часто носили похотливый характер, а танцы сатирического хора также носили бурлескный характер. Но, несомненно, хоровой танец состоял не только в определенных регулярных движениях ног, приспособленных к музыке, но также и в ритмичных движениях всего тела, и особенно кистей рук, так что их танец, должно быть, чем-то напоминал наш современный балет. Нелегко получить какое-либо полное представление об этом; более поздние гипотезы никоим образом не доказаны, и было сделано много странных заявлений о декламации хора, разделении куплетов и слов песни между полухором, лидерами или отдельными участниками. В любом случае задача хора была нелегкой, поскольку его участники были не профессиональными артистами, как актеры, а любителями, которые должны были проходить специальную подготовку к каждому выступлению. Это произошло благодаря учреждению *Хорагии*.

В древние времена оборудование и постановка пьес не были, как впоследствии, обязанностью государства; поэт брал на себя расходы и старался покрыть их за счет вступительных взносов. Но когда театральное представление стало регулярной частью дионисийских праздников, государство взяло дело в свои руки и устроило все таким образом, что расходы на хор взял на себя какой-нибудь богатый гражданин в качестве литургии, в то время как остальные расходы покрывало государство. Эта литургия называлась *Хорагией*, потому что первоначально человек, который оплачивал расходы, также обучал хор и руководил им. Для различных хоровых представлений, необходимых на многих фестивалях — поскольку помимо трагических и комических хоров были также циклические и другие хоровые представления, — каждое племя выбирало свой “хораг”, и это делалось за год вперед, потому что подготовка требовала много времени. Если поэт хочет поставить одну из своих драм на фестивале, ему нужно думать не о том, как нанять необходимых актеров, а только о том, как заполучить свой припев. С этой целью он обратился к тому архонту, в чьи обязанности входило заниматься приготовлениями к данному празднеству, и попросил его назначить ему хорага. Похоже, что во власти этого чиновника было принять или отклонить пьесу. Вероятно, поэты передали рукописи своих пьес. Единственными ограничениями при подаче

заявки было то, что поэт должен быть гражданином с незапятнанной репутацией; а в комедии, из-за ее политического характера, он должен быть определенного возраста — тридцати лет, согласно большинству утверждений. Если архонт принимал драму, он назначал поэта одним из хораги либо по выбору, либо по жребию. Отнюдь не было безразлично, требовалось ли это для трагедии или комедии; ибо в то время, когда они конкурировали с тетралогиями, трагедия требовала по меньшей мере таких же затрат, как и комедия с ее большим хором. Поэтому вполне вероятно, что хорагам иногда помогало государство, тем более что в более поздние времена, когда слава Афин угасла, а ее граждане уже не были так богаты, становилось все труднее находить людей, готовых взять на себя такие большие расходы; и в более поздние времена не было ничего необычного в том, что несколько хорагов вместе руководили хором.

Первой обязанностью хорага было собрать необходимое количество людей и заплатить тем, кто не был обязан оставаться неоплаченным. Он также должен был выбрать и оплатить преподавателя хора, который должен был тренировать хор (*χородιδάσκαλος*), и обычно занимал место руководителя хора на выступлении. В прежние времена, когда это обучение хора не было профессией, как это было позже, и поэт часто помогал в обучении, хораг часто сам тренировал хор и даже выступал в качестве их руководителя на представлении; но в более поздние времена это было необычно. Хораг должен был также обеспечить или, при необходимости, нанять место для тренировок хора, содержать участников во время тренировок и обеспечить их праздничной одеждой и венками для выступления. От него зависело потратить большую или малую сумму на эту последнюю цель, но хораг, который экономно снаряжал комический хор, рисковал стать предметом сарказма поэта в каком-нибудь будущем случае, и при распределении призов также учитывался внешний вид хора, а также то, как он выполнял свою задачу.

Участники хора обычно были свободными гражданами; посторонние ревниво исключались. Их задача ни в коем случае не была легкой; для танцев требовалась ловкость тела, а хорошая музыкальная подготовка, хорошая подача и понимание поэтического текста были необходимы для того, чтобы удовлетворительно представить творчество поэта остро критичной аттической публике. Поэтому естественно, что хорошему хорагу потребовалось немало усилий, чтобы заполучить хороший хор, тем более что хорагия была состязанием, в котором за приз боролись не только поэт, но и хораги. Помимо уже упомянутых, у хораги были и другие обязанности: обеспечивать реквизит, такой как оформление боковых сцен, возможно, даже поставлять жертвенных животных, если они требовались в спектакле. В более поздние времена, когда хор утратил свое значение, а расходы были менее значительными, хорагу приходилось также снабжать нарядами актеров, хотя этого никогда не было в лучшие периоды развития драмы. На самом деле, как мы можем узнать из надписей, полное изменение в хорагии произошло в эллинистический период. У народа вошло в обычай выбирать президентов конкурсов (*ἁγωνοθέται*), в обязанности которых входило обеспечивать музыкальные конкурсы на Дионисии и других фестивалях. Они должны были следить за регулярным и надлежащим проведением состязаний, поставлять определенных жертвенных животных и т.д.; Часто это было очень дорогостоящим мероприятием, и, как и все официальные лица, они должны были сделать заявление относительно своей должности по окончании ее срока. Это учреждение в некотором смысле передало хорагию в руки народа, который передал свои обязанности президентам, и те должны были затем оснастить все хоры, которые уже не были так многочисленны, как раньше. Это нововведение было вызвано тем фактом, что число богатых семей, от которых можно было потребовать таких денежных жертв, стало очень небольшим, и теперь они обеспечивали президентов. Это изменение в устройстве хорагии, по-видимому, произошло при правлении Деметрия Фалерского, ближе к концу четвертого века до н.э.

Хорошо известен факт, что в античном театре женщины никогда не появлялись на сцене, и все женские роли исполняли мужчины; мы также отметили тот факт, что сначала был только один актер, который исполнял различные роли одну за другой и вступал в диалог с руководителем хора, и что Эсхил добавил вторую, а Софокл - третью. Первоначально сам поэт выступал как актер, а

когда актеров было несколько, как главный герой - то есть он исполнял главную роль. Когда Софокл, который сам появлялся несколько раз, отказался от этого обычая, он постепенно вышел из употребления, и первого актера, как и двух других, поэту предоставило государство. Как правило, актеры распределялись между поэтами по жребию; однако, по-видимому, прежде чем государство обязалось заплатить актеру, он должен был пройти экзамен, и только те, кто уже выступал и чьи выступления были хорошо известны, были исключены из этого экзамена. Таким образом, государство нанимало для каждого фестиваля определенное количество главных героев, второстепенных и тритагонистов, соответствующее количеству соревнующихся поэтов; таким образом, если соревновались три поэта, им требовалось девять актеров, предполагая, что одни и те же актеры продолжали выступать на протяжении всей тетралогии, в чем мы не можем быть уверены. Жребий определил каждому из поэтов один из трех классов; тем не менее, мы знаем, что у некоторых поэтов всегда был один и тот же главный герой, который появлялся во всех их пьесах и для которого, на самом деле, они иногда писали особую роль; следовательно, у поэтов, которые уже одержали победу, должно быть, было принято просить определенного главного героя без жеребьевки, и этот обычай, вероятно, впоследствии стал правилом. Однако мы не можем сказать, как были выбраны двое других.

Роли в пьесе теперь были разделены между этими тремя действующими лицами; главная роль, которая, как правило, была самой трудной, выпадала главному герою; следующая по важности, а именно та, которая была наиболее тесно связана с главным персонажем, выпадала второстепенному актеру; тритагонисту достались второстепенные роли, такие как посланники, герольды и т.д., И эти актеры низшего разряда не пользовались особым уважением публики. Но поскольку пьесы состояли более чем из трех частей, каждый актер должен был сыграть несколько, и поэтому, даже сочиняя пьесу, поэт должен был следить за тем, чтобы у актеров, если им предстояло появиться в другой роли, было достаточно времени для смены костюма, и чтобы отсутствие актера, который должен был быть использован для другой роли, было каким-то образом объяснено. Были, однако, пьесы, в которых было абсолютно невозможно обойтись тремя актерами, и для них существовало приспособление, о котором авторы ссылающихся на него отрывков придерживаются совершенно разных мнений, и, действительно, кажется, что у самих авторов есть ошибки или искажения. Наиболее вероятно, что когда поэту требовалось больше, чем три актера, назначенных ему государством, он обращался в хораг и приходил к соглашению с ним; затем он предоставлял четвертого актера или даже пятого, поскольку таким образом приходилось исполнять только небольшие роли, и, при необходимости, хораг также предоставлял второй, или второстепенный, хор, такой, какой требовался в определенных пьесах (*parachorêgêma*). Были также немые персонажи, или государственники, которых также называли “копыеносцами”, поскольку эти части часто были просто стоящими частями. Мы не знаем, платило ли за них государство или хораг. На самом деле у нас мало информации об оплате актерам, которая, однако, должна была различаться пропорционально их выступлениям; в македонский период знаменитые актеры получали очень высокую зарплату. В эллинистический период в актерском мастерстве произошла полная трансформация. Когда хор был упразднен, и представление драм, как следствие, стало проще и проходило на других фестивалях, а также на Дионисии, были образованы союзы актеров, называвших себя “дионисийскими артистами”, о которых надписи дают нам много интересной информации. Некоторые из этих компаний объединились в священные гильдии, которые располагались в крупных городах, и отправляли своих членов группами в маленькие города, а также в провинции вплоть до Малой Азии для праздничных представлений. Мы лучше всего знакомы с аранжировками компании дионисийских художников из Теоса, ионического города на побережье Лидии. Они появились не только в Малой Азии, но и имели права в Дельфах, Фивах и Теспии. В нем состояло великое множество членов, не только актеров, но и авторов трагедий, комедий и сатирических драм, эпических поэм и энкомий; композиторов, музыкантов, танцоров, машинистов, декораторов, гардеробщиков и т.д. Они также учредили драматическую музыкальную школу, своего рода консерваторию, в которой обучались ученики из разных частей

Греции, которые, как правило, в свою очередь становились членами гильдии. Очень интересно исследовать детали, управление, внутреннюю организацию и жизнь членов этих актерских гильдий в александрийский период, но, к сожалению, пространство не позволяет нам сделать это здесь.

Все уже описанные аранжировки демонстрируют сильные контрасты между древними и современными театрами, и, пожалуй, нет ничего более необычного, чем греческий театральный костюм, и особенно внешний вид актеров в масках. Для нас невозможно понять это полное игнорирование выражения и изменений в представлении чувств, и этот постоянный пристальный взгляд неизменной маски. Этот любопытный обычай объяснялся многими различными способами. Ошибочно полагать, что греческие театры были слишком велики, чтобы можно было разглядеть игру выражения лица актера, и что грубые черты маски были расположены с учетом такого расстояния, на котором отсутствие изменений было бы менее разительным. Поскольку они играли среди бела дня, при резком ясном свете южного неба, зрители, даже находясь в самых отдаленных местах, могли следить за игрой черт актера, тем более что у древних было лучшее зрение, чем у нашего нынешнего поколения. Неверно также предполагать, что маски были необходимы для того, чтобы приспособление в форме воронки, приложенное ко рту, усиливало звук; поскольку акустика в греческих театрах обычно была настолько хорошей, что малейшее слово, даже произнесенное шепотом на сцене, было слышно в зрительном зале. Несомненно, без масок было бы невозможно, чтобы один и тот же актер сыграл много ролей в быстрой последовательности; но в то же время мы можем спросить, придерживались бы они так строго этой системы разделения всех ролей между тремя актерами, если бы у них уже не было масок, а следовательно, и возможности оставаться в рамках этих ограничений. Представлению реальных персонажей, черты которых должны были быть точно воспроизведены, также способствовали маски, но хорошие имитаторы могли добиться этого и без них, как показали примеры на современной сцене. Следовательно, ни одна из этих причин на самом деле не объясняет использование масок; на самом деле они возникли в религиозных обычаях, которые послужили источником драмы, а впоследствии были просто сохранены вместе со многими другими реликвиями ее религиозного происхождения, поскольку люди привыкли к ним и находили их удобными. Раньше в Дионисии, откуда зародилась драма, люди маскировали свои лица, намазывая их виноградной лозой и т. Д., Или полностью закрывали их, или маскировали венками из плюща и т. Д. Вместо того чтобы раскрашивать и покрывать их листьями, они постепенно стали использовать куски льна, поначалу совершенно бесформенные и предназначенные только для того, чтобы закрывать лицо и препятствовать узнаванию, но впоследствии, имитируя человеческие черты, они превратились в маски. Этот обычай сохранялся и тогда, как освященный традицией, и, действительно, все театральные постановки рассматривались как священная церемония в честь Диониса.

Театральные маски, материалом для изготовления которых в более поздние времена также был лен, покрытый парижской штукатуркой, или же дерево, кора и т.д., отличались от наших современных масок тем, что закрывали не только лицо, но и всю голову актера. Актер, надевший маску, мог, конечно, видеть только через прорези для глаз, и, действительно, иногда случалось — и в древнейший период, по—видимому, это было обычным делом, - что вместо того, чтобы вырезать прорезь для всего глаза, была только одна для зрачка, а радужная оболочка была изображена на самой маске и раскрашена, так что перед актером стояла трудная задача смотреть только через место для зрачка; тем не менее, поскольку размеры масок обычно были больше, чем у человеческого лица, эта, возможно, была больше его собственной. Конечно, маски были полностью окрашены; брови, губы, щеки, морщины и т.д. Были обозначены; борода и волосы были сделаны из настоящих волос, или шерсти, или какого-то другого сукцедана. У некоторых трагических масок был высокий пучок волос надо лбом, чтобы увеличить рост; это называлось “поверхностностью” (опκος), и его целью было главным образом увеличить рост актера и придать ему больший вид — цель, на которую также были направлены многие другие особенности трагического костюма. Уши были видны не всегда. Рот обычно был открыт, очень широкий, с

губами и иногда искусственными зубами. Большая ширина отверстия для рта была предназначена для того, чтобы актер мог беспрепятственно декламировать и петь. Комические маски (см. Ниже, рис. [156](#) и [157](#)), очень часто имели воронкообразное отверстие для рта, что придавало очень гротескное выражение всему лицу и, возможно, было связано с каким-то особым техническим объектом или просто предназначалось для усиления комического эффекта. Надевая маски, они брались за подбородок и натягивали их снизу вверх; затем их завязывали под подбородком веревочками, и шея актера была почти полностью закрыта маской и одеждой; отсюда любопытное, можно сказать, астматическое впечатление, производимое изображениями древних актеров.

Вообще говоря, мы можем различить три вида масок в соответствии с тремя видами драмы — трагическую, комическую и сатирическую; и среди многочисленных изображений масок на древних произведениях искусства нетрудно провести различие между этими тремя видами, тем более что выражение, как правило, является решающим. В трагических масках мы видим спокойную торжественность, глубокую скорбь, или дикую страсть; каждое чувство выражается в большом и обычно достойном масштабе.

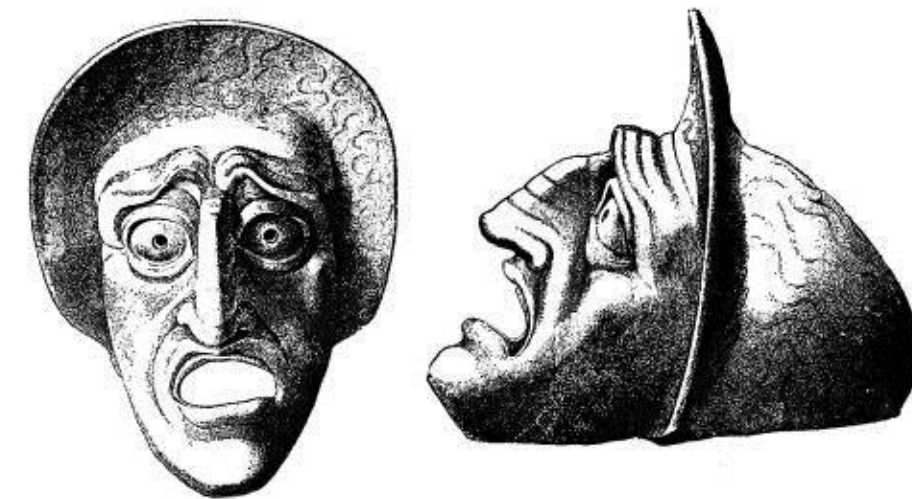

Рис. 154.

Рис. 155.

Комические маски, с другой стороны, всегда склонны к карикатурности; а те, что использовались для сатирической драмы, поскольку они предназначались для сатиров, естественно, изображают физиономии животных. Но, помимо этих общих указаний, существовало большое количество градаций — некоторые из них были очень четко обозначены, — что доказывает нам, что древние изготовители масок, которые были особой отраслью ремесла, досконально разбирались в своей работе, а также в физиогномике человека. В старину они, по-видимому, делали маски специально для каждой драмы, чтобы они в точности соответствовали персонажам. Так было как в трагедии, так и в более древней комедии: Эсхилу, которому приписываются особые новшества и изобретения в этой области, потребовались совершенно новые маски для его “Эвменид”, которые никогда прежде не появлялись на сцене; так поступали Аристофан и другие поэты более древней комедии для своих фантастических персонажей — Лягушек, Облаков, Птиц и т.д., А также для реальных персонажей, представленных в их комедиях, таких как Еврипид, Сократ, Клеон, и они могли использовать уже существующие маски только для обычных типичных фигур граждан и сограждан. - жены, рабыни и т. Д., А также для мифологических персонажей, таких как Геркулес, Дионис и т. Д. Более новая аттическая комедия с ее типичными персонажами очень редко нуждалась в специально изготовленных масках, и поэтому для каждой сцены или актерской труппы вошло в обычай включать значительный запас масок персонажей всех видов, которых в большинстве случаев было достаточно для удовлетворения спроса. Следовательно, говорить просто о трагических или комических масках — значит выражаться довольно поверхностно; ибо, хотя действительно комическая маска, то есть та, абсурдность которой вызывает смех, никогда не могла быть использована в трагедии, все же существовали серьезные маски, которые можно было использовать в комедии; и было бы неверно предполагать, что все персонажи комедии, например Менандра, появлялись в масках, которые можно было бы назвать специально комическими.

Среди типичных масок они различают пол, возраст и различия в фигуре; так, была маска, называемая “молодая девушка”, другая - “худая старуха”, “толстая старуха” и т.д.; затем они различали по цвету или стрижке волос: был “кудрявый юноша”, “коротко стриженная девушка”, “светловолосый мужчина”, “седой сатир”, или по бороде: “мужчина с длинной бородой”, “безбородый сатир”, или по цвету лица: “смуглый мужчина”, “белокурая женщина с распущенными волосами” и даже формой носа, например, “сатир с курносом носом”. Другие маски характеризовались социальным положением, которое они должны были представлять,

например, “старая домохозяйка”, “сельская жительница”, “старая гетера”, “солдат”, “камеристка с замысловатой прической” или в соответствии с особыми особенностями ума или характера; “достойный молодой человек”, “разговорчивая пожилая женщина”. Даже различные настроения ума или чувства были представлены масками, и поэтому вполне вероятно, что когда в каком-то одном человеке происходила важная перемена, актер менял свою маску за кулисами. Авторы также приводят различные примеры, чтобы показать различные средства, с помощью которых были представлены особые черты характера. Одним из таких признаков был цвет лица; коричневый цвет лица характеризовал здоровых мужчин, которые много жили на свежем воздухе или посвящали себя физическим упражнениям; белый цвет лица был присущ женщинам и нежным или женоподобным юношам; бледный или желтоватый - инвалидам или тем, чей ум был расстроен или страдал, как, например, несчастным влюбленным. Цвет и выражение глаз также были важны; они различали тусклые, пронзительные, темные, мрачные, печальные и т.д., и все это не было представлено актером, но уже было указано на маске. Брови тоже имели значение; когда они были высоко подняты, в комедии они указывали на гордость и хвастовство и, таким образом, были присущи паразитам, солдатам и т.д.; узкие брови указывали на серьезность или печальное состояние души. Не менее важным для характера маски была обработка лба, носа и т.д. Чтобы объяснить все это, мы приводим на рис. [154](#) и [154](#) вид спереди и сбоку трагической терракотовой маски, широко открытый рот, вытаращенные глаза, брови, поднятые вверх, и морщинистый лоб указывают на страх. Контрастом к ним является комическая маска (рис. [156](#) и [157](#)), с воронкообразным отверстием рта, курносом носом, прищуренными глазами и опущенными к середине бровями. Аналогична маска, которую носит комический актер на рис. [158](#), который в других отношениях появляется в обычном костюме, то есть в коротком платье раба, и маска комического актера на рис. [159](#) — аналогичная карикатура.

Помимо обычных масок, из которых актеры выбирали те, которые соответствовали их роли, если только поэт заранее не предписал, что они должны были надеть, другие в более поздние времена были приспособлены для экстраординарных ситуаций — для персонажей совершенно ненормальной фигуры, аллегорических персонажей и т.д. — и их нельзя было использовать для обычных представлений. Особенно часто трагедии были вынуждены выводить на сцену необычные маски; а комедия Южной Италии, в которой мифологические сюжеты трактовались в гротескной манере, возможно, иногда требовала совершенно особых масок. Так, на помпейской настенной росписи (рис. [160](#)), которая, несомненно, была скопирована с греческой картины, маски связаны с легендой об Андромеде; та, что слева, принадлежит юноше со смуглым цветом лица, чья крылатая шапка и арфа, лежащие на земле, указывают на то, что он Персей; это особая маска, как и маска чудовища в середине, в то время как маска Андромеды вверху справа и другие справа внизу, которые не совсем отчетливы, легко могли составлять часть изображения Персея. обычный запас.

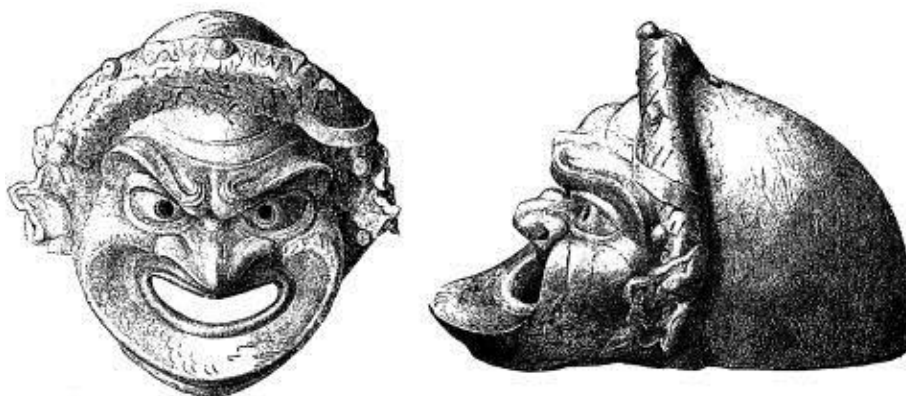

Рис. 156.

Рис. 157.

Рис. 158.

Столь же странным и непохожим на современный был и остальной костюм греческой сцены. Говоря о трагическом снаряжении, мы можем охарактеризовать контраст между тем временем и нашим собственным, сказав, что греки при выборе своего трагического костюма ориентировались на тип, в то время как мы хотим указать на индивидуальность. В театральном костюме, как и в искусстве, мы хотим представить все с исторической достоверностью; история костюма и моды является предметом специального изучения для современных режиссеров. Древние трагедии очень редко касались исторических сюжетов, но обычно касались легенд; поэтому для персонажей приходилось как бы придумывать костюмы.

Рис. 159.

Искусство мало чем могло им помочь, поскольку обычно представляло богов и героев обнаженными; но театр, который в то же время был религиозным учреждением, в котором все участники были участниками празднества, добивался своего эффекта главным образом за счет великолепия костюмов. Так была разработана обычная трагическая одежда, которая не принадлежала ни к действительности, ни к прошлому, но была идеальным костюмом, наиболее похожим на одеяния религиозных празднеств. Были также приняты определенные специальные средства для увеличения роста актера за пределы реальности, но мы не должны предполагать, что этого требовало большое расстояние, с которого были видны актеры; эти попытки увеличения были скорее вызваны желанием заставить актеров казаться сверхчеловеческими, героическими персонажами, превосходящими людей того времени физической силой и достоинством, точно так же, как чудесные деяния гомеровских героев превосходили слабые поступки их потомков. Требования к костюмам в комедии были несколько иными; для богов и героев использовались те же костюмы, что и в трагедии, но также были представлены рабы или обычные люди, которые не могли быть облачены в торжественные одежды. Трудно найти фиксированный стандарт в комедии, поскольку мы должны принимать во внимание не только разницу между более старой и новой комедией, но и комедию за пределами Аттики — например, комедию сицилийцев, тарентинцев и т.д., — которая имела свой особый характер и, несомненно, также своеобразную одежду, точно так же, как "Арлекино" из венецианской популярной комедии появляется в одежде, отличной от флорентийского "Стентерелло" и неаполитанского "Пульчинеллы", хотя первоначально все трое были одним и тем же лицом. Для сатирического хора не требовался специальный костюм, поскольку все, что здесь было необходимо, — это как можно лучше имитировать то, что было представлено произведениями искусства. В сценическом костюме, как и в реальной жизни, мы должны различать верхнюю и нижнюю одежду. Нижней одеждой трагического актера, а также хора, как мужского, так и женского, был длинный хитон, который носили в Аттике до времен Перикла и который вел свое происхождение из Ионии; эта одежда сохранялась на сцене, потому что это была особенно праздничная одежда, и, подобно этим праздничным одеяниям, театральные платья были разноцветными, богато украшенными вышивкой или каймой и часто очень дорогими, если богатый хораг желал великолепно экипировать свой хор. Как правило, этот хитон подпоясывался по старинке, которую мы видим также у кифаристов, сразу под плечами, образуя таким образом очень высокую талию. Они также носили длинные рукава, достигающие до кистей, особенность праздничного костюма, которая исчезла из реальной жизни. Чтобы усилить великолепие, хитон часто имел шлейф, не только у женщин, но даже у мужчин. Верхней одеждой были либо гиматии и хламиды, обычные в обычной жизни, либо предметы одежды, характерные для сцены, от которых до нас дошло несколько

названий, но точных сведений об их форме и способе ношения нет. Здесь тоже цвет был правилом; черную одежду носили несчастные и преследуемые люди.

Рис. 160.

В их случае, конечно, праздничный костюм, который составлял бы слишком резкий контраст с их ролями, был отброшен; Филоктет, Телеф и др. Появлялись не в царском великолепии, а в простых одеждах или даже в лохмотьях. Мы можем вспомнить приведенное в “Эдипе в Колоне” описание внешности несчастного принца-изгнанника; а шутки Аристофана показывают нам, что Еврипид специально стремился вызвать жалость зрителей жалкой одеждой нищего. Одежда женщин, вообще говоря, была схожей; возможно, была разница в способе надевания верхней одежды. Второстепенные персонажи трагедии — посланники, спутники, рабы и т.д. — носили короткие хитоны; пайдоггой появлялся в уже описанной варварской одежде; и таким образом создавалось разнообразие во внешности актеров, в то время как церемониальная одежда предназначалась для самых важных персон. Статуэтка актера из слоновой кости, две стороны которой представлены на рис. [161](#) и [161](#), дает прекрасное представление о трагическом костюме. Он носит длинный хитон с рукавами (в оригинале окрашенными в синий цвет), украшенными тремя широкими полосами, спускающимися от пояса к ногам, и горизонтальными полосами вокруг рукавов. Маска с высокими очертаниями носит выражение дикого гнева; размер прорезей для глаз примечателен, и мы можем видеть сквозь них глаза актера, а также часть лица непосредственно вокруг них. Как правило, в греческих масках появляется только ученик, и поэтому редактор (К. Роберт) предполагает, что это указывает на римский обычай эпохи Империи. Эта статуэтка также интересна формой “котурнуса”, обычного ножного убора трагического актера. cothurnus были довольно высокими ботинками, но сшитыми так, чтобы подходить для любой ноги; трагические cothurnus особенно отличались очень высокой пробковой подошвой, которая значительно увеличивала рост владельца.

Рис. 161.

Рис. 162.

Как здесь видно, ступня с настоящим котурном скрыта под платьем, под ним видны только высокие подошвы. Когда рост актера был таким образом увеличен за счет надкостницы и котурна, необходимо было придать больший вид остальной фигуре; для этой цели они набивали себе подушки и надевали перчатки с длинными пальцами, которые, по-видимому, были прикреплены к рукавам, и т.д. Все это производило эффект, который вряд ли пришелся бы по нашему вкусу, но на самом деле был далеко не таким странным, как костюмы героев Корнелия и Расина, для придворных костюмов и длинных париков которых семнадцатый век, похоже, не стал исключением. Конечно, к этому костюму прилагались различные необходимые дополнения: оружие для воинов, скипетр для королей, львиная шкура и палица для Геракла, палевая шкура для Артемиды и т.д. В комедии женщины, вероятно, появлялись в костюмах из обычной жизни. Для мужских персонажей, за исключением фантастических ролей, короткий хитон, по-видимому, был самым распространенным, особенно для представителей низших классов; а рабы, которые никогда не отсутствовали в новой комедии, носили “экзомис”, обычную одежду рабочего. Деревенские жители также носили одежду из кожи, а их снаряжение дополняли рюкзаки и сучковатые палки. В более поздних комедиях особые персонажи выделялись цветом одежды: так, паразиты носили черные или зеленые платья; другие, опять же, цветные платья с плащами; рабы - белые экзомисы; юноши - белые хитоны с пурпурной каймой; повара - незастеленные одежды и т.д. Точно так же были выделены женские персонажи; там были старухи, дочери горожан, богатые наследницы, гетеры и т. Д. В комедии Южной Италии, костюм которой представлен на многих вазописях, исполнители мужских ролей обычно носят облегающее платье, закрывающее ноги до лодыжек, а руки - до кисти, а поверх этого - облегающую тунику, оставляющую руки и ноги свободными (сравните рис. [163](#)).

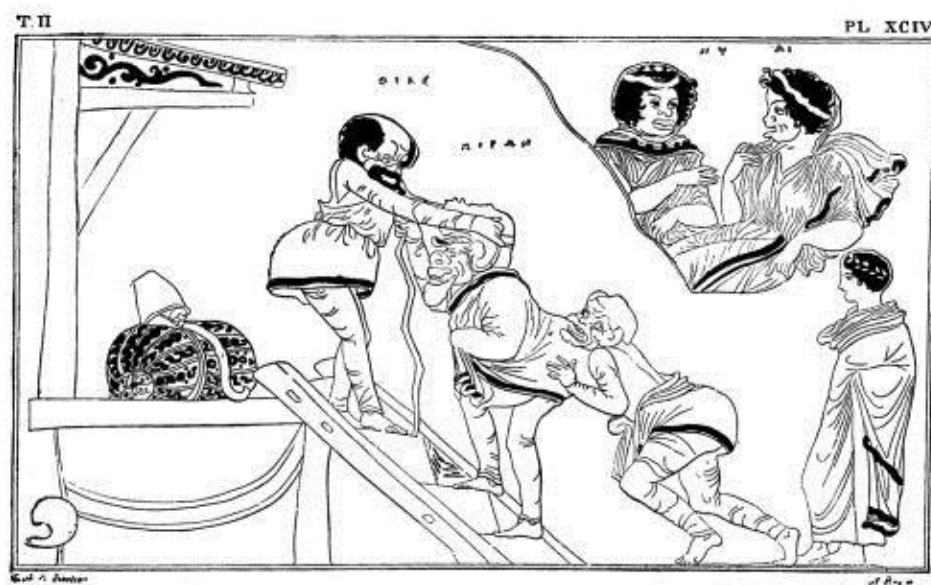

Рис. 163.

Т. II, Стр. XCIV.

Здесь очевидно, что нижняя одежда заменяет наше трико; предполагается, что руки и ноги должны быть обнажены. Если объект должен был изображать абсолютную наготу, тунику заменяли облегающим жилетом, обычно снабженным фальшивой подкладкой, на которой были обозначены грудь и пупок. К этому иногда добавлялся комический фаллос, остаток старых грубых популярных шуток, которыми часто баловались Старые Комедианты. Но в Новой комедии оно постепенно вышло из употребления и полностью отсутствовало в изображениях обычной жизни, хотя и было введено в фарсы, в которых пародировались мифы и сказки о героях.

Мы приводим здесь несколько примеров картинок из древней комедии. На рис. [163](#), значение которого неясно, с левой стороны сцены расположены строительные леса, покрытые крышей, к которым ведет лестница; на полу этого сооружения лежат связка кроватей или ковров, шапка и подстилка. Хирон, чье имя указано на табличке, с трудом взбирается по лестнице и наклоняется, опираясь на свою грубую сучковатую палку; раб подталкивает его сзади, в то время как Ксантия, стоя на верхней площадке лестницы, хватает его за голову, как бы пытаясь поднять. На заднем плане мы видим двух не особенно привлекательных нимф, из которых видна только верхняя часть; они снова обозначены в надписи; юноша справа, в гиматии и без маски, не является одним из действующих лиц. Возможно, это изображение больного Хирона, ищущего исцеления в святилище нимф. Костюм и трико, а также гротескные маски заслуживают внимания. Вазопись на рис. [164](#) не получила удовлетворительного объяснения.

Рис. 164.

Очевидно, что Геракл вовлечен в какое-то любовное приключение, о чем свидетельствуют львиная шкура, в которую одет актер, шутящий с девушкой, и дубинка, лежащая рядом с ним. Фигура справа, вероятно, изображает старую женщину; слева - мужчину, созерцающего происходящее. За исключением девушки и женщины в центре, маски представляют собой крайние карикатуры; костюмы двух мужчин напоминают костюмы на рис. [163](#). Здесь можно сравнить рис. [165](#), помпейскую настенную роспись, поскольку она явно имитирует греческие прототипы, а сцена, изображенная в центре, относится к более поздней комедии. Единственный актер в странном головном уборе и с копьем кажется чем-то вроде *Майлза Глориозуса*, человек в почтительной позе, разговаривающий с ним, - паразит. Трое молодых людей, стоящих рядом, не носят масок, и поэтому сомнительно, следует ли рассматривать их как часть образа, возможно, государственныхников, которые могли появиться без масок. Два старика справа и слева от центральной сцены, сидящие на несколько более низкой ступеньке и опирающиеся на свои сучковатые палки с серьезным официальным видом, несомненно, являются театральной полицией, которая должна была поддерживать порядок во время представления. Нелегко сказать, какое место в театре они должны были занимать.

Мы получаем некоторую информацию о костюме для сатирической драмы из очень интересной вазописи, которая, однако, по разным причинам не может быть представлена здесь и которую мы поэтому предлагаем кратко описать. Это персонажи, участвующие в сатирической драме перед началом представления; группа в центре верхнего ряда не принадлежит исполнителям: это Дионис, отдыхающий на ложе с Ариадной, рядом с ним женщина, держащая маску, вероятно, Музу, и маленький *Эрос Химерос*.

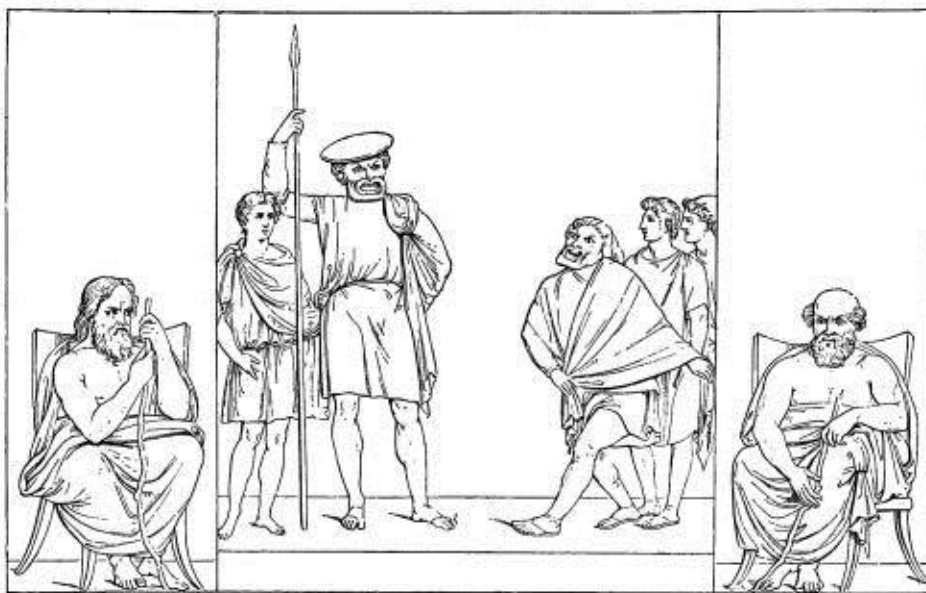

Рис. 165.

Справа и слева от этой группы, которую следует рассматривать как идеальную сцену, стоят три актера, каждый держит в руке свою маску (видны веревочки, на которых они держались); следующим справа стоит Геракл, которого можно узнать по его львиной шкуре, дубинке и колчану; рядом с ним "Паппосилен", все его тело покрыто кожей, на левую руку наброшена шкура пантеры, в руках короткий посох; мы не знаем имени третьего актера слева. Хор сатиров состоит из одиннадцати человек, из которых только один пока надел маску. Этот человек разучивает танец, готовясь к представлению. Большинство участников хора одеты одинаково, лишь немного прикрывая кожу на поясице и короткий хвост сатира; на одном из них, однако, есть небольшая одежда из какого-то материала с рисунком, а другой носит расшитое платье с орнаментом; его можно было бы принять за актера, если бы его маска не имела сатирического типа, как у остальных, - курносый нос и заостренные уши. В середине нижнего ряда изображены два музыканта: великолепно одетый флейтист сидит, перед ним стоит кифарист. Дальше слева сидит молодой человек, держащий в руке свиток, еще один свиток лежит на земле, за его спиной видна лира. Несмотря на свою поразительную молодость, этот молодой человек, вероятно, учитель хора или сам поэт. Актеры - бородатые мужчины, хористы - безбородые юноши. Два штатива рядом, вероятно, указывают на приз, за который нужно побороться.

Теперь мы должны сказать несколько слов о внешних деталях представления, публике и восприятии пьес. Первоначально вход на театральные представления был бесплатным, как на религиозный праздник, в котором должно было принять участие все население. Но когда толпа зрителей становилась больше, это имело свои недостатки, и очень часто между горожанами и незнакомцами возникали ссоры за места. Мы мало знаем об условиях в других местах; но в Афинах, когда в 500 году до н.э. во время представления рухнул старый деревянный театр и был возведен новый каменный театр Диониса, они воспользовались случаем, чтобы взимать плату за вход, размер которой неизвестен. Даже в начале пятого века доход от этого источника, по-видимому, принадлежал арендатору театра, в обязанности которого, следовательно, входило поддерживать здание в надлежащем состоянии. Он заплатил государству фиксированную сумму, а взамен получил вступительные деньги. Хорошо известно, что Перикл, отчасти из благожелательного желания сделать театр доступным для беднейшего класса граждан, а отчасти также для того, чтобы повысить свою популярность этой демократической мерой, ввел закон, по которому каждый гражданин получал плату за вход от государства. Это были "шоу-мани" (θεωρίον), институт, который, кажется, существовал веками, но механизмы, связанные с ним, ни в коем случае не ясны. Во-первых, это, вероятно, было рассчитано только на бедных; но и богатые

тоже пользовались этим, хотя бы для того, чтобы избежать возможных упреков в гордыне или высокомерии со стороны некоторых из многочисленных осведомителей, которые в то время существовали в Афинах. Распределением занималась специальная комиссия; выставочные деньги распределялись между гражданами в соответствии с племенами кассирами, назначенными по жребию, в чьи обязанности входило следить за тем, чтобы никто не получал их без надлежащего требования. Поэтому он был распределен по отдельным племенам в соответствии с реестрами граждан в дем. Утверждения древних не сходятся во мнениях относительно суммы денег; но наиболее вероятной из новейших гипотез является то, что для одного дня она равнялась двум оболам, а для трех дней великой Дионисии - одной драхме. Деньги выплачивались при входе в театр арендатору, который либо получал их лично, либо взимал с помощью своих контролеров или кассиров; те же люди брали гонорары с тех, кто не получил денег за шоу, таких как постоянно проживающие иностранцы, незнакомцы и т.д. Очень трудно решить, было ли это оплачено монетой или нет; одна из гипотез состоит в том, что вместо денег граждане получали билеты, которые имели денежную ценность и упрощали как выплату, так и возврат денег; многие такие жетоны с театральными эмблемами дошли до нас и, как предполагается, были пропусками на вход. Тем не менее, против этой гипотезы были выдвинуты серьезные возражения; и более вероятно, что граждане действительно получали настоящие деньги, с которыми они могли делать все, что им заблагорассудится; они либо покупали билет в театр — и, весьма вероятно, эти жетоны действительно были входными билетами, — либо тратили их любым другим способом, который им нравился. Контролировать это было невозможно; и в этом, без сомнения, крылся недостаток института, о котором часто говорили как о вредном для аттической демократии, поскольку за ним следовали аналогичные институты в другие времена, и, следовательно, непроизводительные расходы аттического бюджета увеличивались все больше и больше. Ряд мест в театре предоставлялись бесплатно или были почетными: так, например, места, зарезервированные государством для иностранных посланников, места для священников и других лиц, имевших право на особые места; естественно, расходы на эти места должны были оплачиваться государством арендатору театра.

Часто задают вопрос, разрешалось ли женщинам и детям посещать театр. Несомненно, женщинам разрешалось присутствовать при трагедиях, поскольку имеется достаточно отрывков, подтверждающих это. Теперь за трагедией следовала сатирическая драма, которая часто была чрезвычайно грубой как в языке, так и в жестах; очевидно, тогда женщины должны были пересидеть это, и это не должно казаться нам таким уж странным, поскольку, по-видимому, среди гречанок не было особой стыдливости. Более того, сатирическая драма была неприличной лишь время от времени, а шутки, по нашим представлениям, были вульгарными, но не совсем легкомысленными и не хуже современных оперетт, на которые привыкли ходить дамы. Комедии были разными, особенно старые комедии, поскольку все содержание часто бывает грубым, и в них возникают ситуации, которые не позволяют нам представить, что при этом должны были присутствовать женщины или мальчики. Тем не менее, все указывает на то, что их видели женщины, с тем ограничением, что респектабельные женщины, которые заботились о своей репутации, не ходили на комедии; гетеры, о которых часто говорят как о заядлых театралах, вероятно, составляли большую часть женской публики. Также кажется, что присутствовали мальчики. Рабам разрешалось посещать театр; некоторые даже зарабатывали деньги и поэтому могли сами оплатить вход, другие, возможно, ходили прислуживать своим хозяевам или получали деньги за вход каким-то другим способом; но маловероятно, что они сидели среди граждан; вероятно, им были отведены специальные места; действительно, было высказано предположение, что для каждого класса были отдельные места. Единственные места, о которых это известно наверняка, - это нижние ряды, которые были почетными местами для чиновников, священников и т.д. Более того, вполне вероятно, но не совсем наверняка, что самые высокие места были зарезервированы для незнакомцев. Также предполагалось, что женщины сидели на более отдаленных местах или, во всяком случае, не в первых рядах, и это кажется вероятным; в

противном случае, нет ни одного отрывка, который наверняка доказывал бы, что места для мужчин в Афинах отличались от мест для женщин.

Другой вопрос заключается в том, каким образом были распределены незарегистрированные места. Кажется несомненным, что они не были пронумерованы, и, действительно, это было бы едва ли возможно среди стольких тысяч; но, возможно, существовало общее разделение театра по клинам и отдельные подразделения каждого клина, и они могли быть указаны на счетчиках у входа. Бенндорф предположил, что в Афинах каждый клин, возможно, принадлежал членам определенного племени, и что на жетоне, выдаваемом каждому гражданину, данное племя было отмечено каким-либо символом. Но эта гипотеза вероятна только в том случае, если мы предположим, вместе с Бенндорфом, что граждане получали не деньги, а жетоны; если бы зрители покупали билеты в театр у арендатора на деньги от представления или за свой счет, было бы невозможно какое-либо разделение мест по племенам, поскольку это потребовало бы нового и очень хлопотного контроля над реестрами граждан. Следовательно, мы должны предположить, что прилавки, купленные у арендатора театра, были размечены в соответствии с разделением, и зрители должны были занимать свои места соответственно, но что, за исключением нескольких категорий зрителей, не было принуждения занимать место в каком-либо специальном разделе.

Из трех музыкальных конкурсов, отмечавшихся в великой Дионисии, у каждого вида, а именно у трагедий с сатирическими драмами, комедий и циклических хоров, были свои особые судьи. При назначении хораги, которое состоялось задолго до фестиваля, Совет Пятисот, вероятно, под председательством архонта, в присутствии избранных хораги, избрал их путем голосования, и жребий еще раз решил, кто из них должен вынести решение. Мы точно знаем, что для комедии было назначено пять судей, вероятно, столько же требовалось для трагедии, хотя упоминается исключительный случай, во время состязания между Эсхилом и Софоклом, в котором участвовало десять судей, отступление от обычного обычая, которого требовали большое возбуждение публики и страх, что это может повлиять на решение судей. Судьи должны были высказать свое мнение по трем пунктам: творчеству поэта, исполнению хора и хорагуса и актерской игре. Наградой поэту-победителю был венок из плюща; хораги получили разрешение установить общественный памятник в знак его победы, и, как уже упоминалось, хораги в трагических хорах обычно посвящали треножники, в комических - филе, тирсовые жезлы и другие праздничные принадлежности; их решения также были увековечены надписями. Приз актеров, вероятно, заключался в дополнительных денежных подарках помимо причитающихся им по закону гонораров.

ГЛАВА XIII.

ВОЙНА И МОРЕПЛАВАНИЕ.

Героический период—Племенные войны—Колесница—Характеристики греческих воинов—Спартанцы—Афинский строй—Греческое оружие—Кавалерия—Греческие осады—Греческие корабли—Трирема.

ЕДВА ЛИ какие-либо изменения, по-видимому, произошли в характере наступательного и оборонительного вооружения греков с древнейшего периода до римских времен, хотя за тысячу лет, прошедших между Троянской войной и эпохой Александра Македонского и его преемников, военное дело достигло огромных успехов. Наши источники о самом раннем периоде весьма немногочисленны, но войны пятого и четвертого веков до н.э. были тщательно описаны историками, некоторые из которых сами обладали военными знаниями. Поэтому мы должны довольствоваться тем, что черпаем наши знания о войне в древние времена из описаний поэтов, которые, естественно, стремились к результату, совершенно отличающемуся от результатов историка. Гомеровские эпосы не являются авторитетными источниками, которым мы можем следовать абсолютно во всех отношениях, но все же они позволяют нам составить картину военных действий того периода и получить некоторое общее представление о способе их ведения.

Военные условия того времени носили тот же патриархальный характер, который характеризовал правительство героической эпохи. Греция, которая даже в историческую эпоху была разделена на ряд отдельных народностей, в героический период была просто совокупностью племен, живущих в постоянной вражде друг с другом и предпринимающих постоянные грабительские набеги на территорию своих соседей; знать ставила себя во главе группы предприимчивых людей и ни в коей мере не считала эти действия бесчестными для себя. Иногда какое-нибудь крупное общее предприятие объединяло несколько племен под началом одного вождя, но даже тогда власть этого вождя ни в коем случае не была неограниченной; отдельные племена, участвовавшие в походе под командованием своих собственных князей и знати, находились под их непосредственным командованием, и от доброй воли этих маленьких королей зависело, подчинятся ли они распоряжениям главного военачальника или нет. Следовательно, не могло быть и речи об общем расположении армии или о разделении людей в соответствии с характером используемого ими оружия; боевой порядок был составлен в соответствии с племенами.

Они также не были знакомы с каким-либо определенным планом сражения. Основная тяжесть сражения ложилась на плечи знати, которая сражалась со своих колесниц, и чьи единоборства с прославленными вождями другой стороны вызывали такой всеобщий интерес, что очень часто битва на это время прекращалась. Более того, эти поединки часто были решающими для победы или поражения всей армии. Знать появлялась в полном вооружении в сопровождении своих возничих на своих боевых колесницах, обычно запряженных двумя лошадьми. На вазописи, изображенной на рис. [166](#), художник изобразил четырех лошадей, запряженных в колесницу, но при этом он следовал не старой традиции, поскольку в его время обычай сражаться на колесницах давно прекратился, а скорее универсальной практике древней вазописи, которая всегда изображала боевые колесницы с четырьмя лошадьми, следуя примеру *Квадриг*, используемых в гонках. Воин стоит, держа поводья в левой руке и копье в правой, и еще не сел на свою колесницу; он в полном вооружении, как и воин, стоящий перед колесницей, и, следовательно, мы вправе предположить, что это действительно боевая колесница. Греки, когда они сражались со своих колесниц, со всех ног бросались из своих рядов на врага и часто вызывали врага на поединок словами горькой насмешки; это начиналось с копий, а затем, когда сражающиеся сблизились и, возможно, покинули свои колесницы, с меч; в пылу боя не пренебрегали даже камнями. Кавалерия была неизвестна во времена Гомера; массы пехоты редко сражались врукопашную, но обычно на расстоянии с помощью луков и дротиков. Но когда они подошли к ближнему бою, они

сомкнули свои ряды и сомкнули щиты; ибо принцип сомкнутой фаланги, который стал таким важным для греческой войны, был обозначен еще в героическую эпоху. Их способ ведения войны показывает нецивилизованное состояние греков того времени. Хитрость и нападение из засады считались допустимыми, а жестокость по отношению к поверженному врагу были повсеместными. Пленные, взятые на войне, становились рабами, если за них не требовали выкупа, а иногда даже безжалостно приносились в жертву. Считалось славным делом лишить поверженного врага его доспехов в разгар боя, и не было ничего постыдного в том, чтобы оставить его труп непогребенным, на съедение диким зверям. И все же в их поведении по отношению к своим соотечественникам были следы благородного самопожертвования и товарищества.

В последующие столетия, после множества революций и внутренних распри, племена были объединены в отдельные государства, что продолжалось с небольшими территориальными изменениями вплоть до македонского периода.

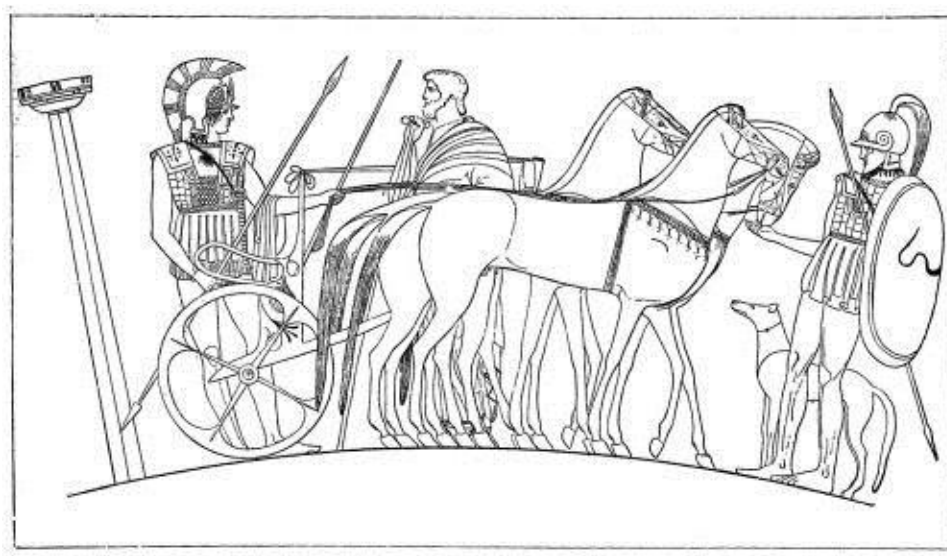

Рис. 166.

Но поскольку грекам так и не удалось стать одной великой объединенной державой или даже федерацией государств, они так и не создали общей армии, а армии Греции были столь же разнообразны, как обстоятельства в различных маленьких государствах Эллады. До нас дошли подробности, касающиеся очень немногих; мы знаем большую часть Спарты и Афин.

Спарта, в частности, была воинственной по всему характеру своих жителей, и, следовательно, вся конституция была основана на военных принципах. Каждый "спартиат", то есть каждый мужчина, происходивший из древнего спартанского рода, был обязан проходить военную службу в своей стране с двадцатого по шестидесятилетний возраст. Конечно, они не призывали всех, способных носить оружие во время войны, но в каждом конкретном случае эфоры решали, какие классы должны быть набраны. Каждая из пяти общин Спарты поставляла одно подразделение (λόχος); они снова были разделены на компании (μόραι), которые работали сообща. В более поздние времена, ближе к концу пятого века, деление было изменено. Затем вся лакедемонянская армия была разделена на шесть дивизий, каждая из которых состояла из двух рот; численность этих дивизий варьировалась в зависимости от потребностей. Неграждане тоже были призваны на военную службу; "периойки" формировали отдельные подразделения, которые, как правило, не сражались в одних рядах со спартиатами, но все же служили подобно им, в качестве тяжеловооруженной пехоты (οπλίται), в то время как "илоты", которые были настоящими рабами, следовали за своими хозяевами в бой в качестве сопровождающих, главным образом в

качестве щитоносцев, и иногда использовались в бою в качестве легковооруженных войск. Командование во время войны переходило к одному из двух королей, и именно граждане решали, кто из них двоих должен взять на себя главное командование в том или ином случае. У каждого отдельного подразделения войск был свой командир, которому, вероятно, в мирное время также поручалась военная подготовка и физические упражнения его людей. В военном деле спартанцы намного превосходили большинство других греков, потому что вся их подготовка и воспитание основывались на военной основе, и никакая слава не считалась большей, чем та, которая была достигнута на войне. Более того, ни один спартиат не мог работать по какой-либо профессии или ремеслу, но был обязан посвятить все свои силы государству, и поэтому спартанцы были профессиональными солдатами в истинном смысле этого слова. Это правда, что они были сильны только в пехоте; кавалерия была незначительна как по качеству, так и по количеству. В каждой дивизии было немного кавалерии, но для этой цели они брали более слабых людей, которые были неспособны служить тяжеловооруженной пехотой, и, как следствие, кавалерия играла очень незначительную роль в спартанской армии, и им часто приходилось привлекать для этой цели иностранных наемников.

Воинственные спартанцы рассматривали военную экспедицию как желанную возможность испытать свои силы, приобретенные в мирное время, и это действительно было для них своего рода праздником. Они отправились в поход, пожертвовав собой и приняв покровительство. На территории врага они разбили лагерь, и он был не квадратным, как это было принято у греков, а круглым и ничем не укрепленным; его охраняли аванпосты и кавалерия, высланная для патрулирования. Илоты расположились лагерем снаружи. Военная муштра внутри велась очень энергично, но все же в целом жизнь и дисциплина на поле боя были менее суровыми, чем дома; и в этих случаях надевали пурпурные одежды, а волосы тщательно завивали и украшали венками, чего никогда не делали дома в мирное время. Перед битвой они приносили жертвы ранним утром; затем они выступали против врага сомкнутыми рядами и ровным шагом, под радостные звуки флейт и маршевую песню, к которой присоединялась вся армия. Героическое мужество и самоотверженная стойкость, с которыми сражались лакедемоняне, даже не надеясь на победу, известны повсюду, и благородные дружеские отношения между пожилыми и молодыми людьми в этих случаях предстали в самом ярком свете.

В Афинах граждане также были обязаны проходить военную службу до шестидесятилетнего возраста, но эта обязанность не была столь общей, как в Спарте. Согласно конституции Солона, к военной службе были обязаны только граждане трех высших классов; "теты", составлявшие четвертый класс, были освобождены, и только в исключительных случаях, таких, какие имели место в более поздние времена, во время длительных и серьезных войн, их набирали в легковооруженные войска или, чаще, в качестве матросов для флота. После переворота Клизфена, когда Аттика была разделена на десять племен, это политическое разделение было сохранено и в отношении сбора налогов; реестр граждан был положен в основу списка мужчин в каждом племени и деде, которые подлежали военной службе, и в каждом отдельном случае народным указом определялось, какого возраста должен взиматься сбор. Однако существовало правило, что первые два возраста, с восемнадцатого по двадцатый год, *то есть* эфебы, не должны призываться на службу в полевых условиях, а только в сельской местности в качестве верхового патруля, и только после достижения двадцатого года граждане должны были служить за пределами страны. Члены совета, а также высшие должностные лица были освобождены от военной службы в период их пребывания в должности. Афинская армия была разделена на десять дивизий (τάξεις) в соответствии с количеством племен; они, опять же, были разделены на роты и другие подразделения, численность которых варьировалась в зависимости от размера рекрутского набора и условий страны. Постоянно проживающие иностранцы, которые также были обязаны к военной службе, служили во флоте, а также в сухопутной армии в пехоте, но никогда в кавалерии; в основном они использовались для размещения гарнизонов в укрепленных местах и защиты городов. Кавалерия была гораздо важнее в Афинах, чем в Спарте. Каждое племя поставляло сотню

всадников, и в общей сложности они образовали две дивизии по пятьсот человек под командованием гиппархов. Поскольку государство не предоставляло лошадей, но ожидало, что солдаты добудут и прокормят их сами, эта услуга была очень дорогостоящей и, следовательно, выполнялась только первыми двумя классами. Эти кавалерийские полки, составлявшие гордость афинских граждан, тренировались и в мирное время, и время от времени их инспектировал Совет пятисот; мы уже упоминали, что кавалерия играла важную роль в Панафинейском шествии. В древние времена армией командовал во время войны король, а затем архонт, пока был только один; когда архонтов было девять, эта обязанность ложилась на одного из них, называемого Полемархом. После реформ Клисфена для каждого племени стало обычным избирать полководца (στρατηγός), а главное командование во время войны переходило ко всем этим полководцам по очереди, каждый из которых командовал в течение дня. Затем появились “таксиархи”, два “Гиппарха” и десять “Филархов”, но почти все эти должности потеряли свое значение, как и военная организация граждан, когда была введена система наемничества.

Рис. 167.

Это началось еще во времена Пелопоннесской войны и постепенно набирало обороты. Первоначально они нанимали войска из иностранных государств, которых не хватало в их собственной армии; так, метатели копья были привезены с Родоса, а лучники - с Крита, но в течение четвертого века само эллинское население, и в частности население Аттики, становилось все более и более невоинственным, и по мере того, как князья Македонии и других неэллинских государств начали формировать постоянные армии из хорошо дисциплинированных наемных войск, эллинские республики были вынуждены последовать этому примеру, поскольку их собственная военная мощь уменьшалась. Эта система наемничества во многом подорвала независимость Греции и способствовала ее подчинению македонскому владычеству. Даже во время Пелопоннесской войны аркадийцы были готовы сражаться за любого, кто им заплатит, против своих собственных соотечественников; в десяти тысячном походе они составляли важную часть войск младшего Кира, и отнюдь не худшую часть.

Рис. 168.

Поскольку население обнищало в результате многочисленных войн, они стали охотнее откликаться на приглашение любого способного *кондотьера*, собранного из всех государств, но главным образом из Пелопоннеса; и иногда случалось, что члены одного государства или племени объединялись в особое подразделение армии. По мере того как воинственный дух исчезал среди горожан, которые не желали подвергаться тяготам службы, эти постоянные наемные войска под командованием превосходных генералов становились все более дисциплинированными и способными. Жалованье рядового солдата обычно составляло четыре обола в день (около пяти пенсов), половина из которых составляла жалованье, а другая половина - паек; иногда эту сумму увеличивали. Капитан роты получал вдвое больше, генерал - вчетверо, но перспектива добычи была даже более привлекательной, чем деньги; ибо в соответствии с условиями ведения войны того времени каждая кампания была грабительской и разорительной экспедицией, и наемные войска, которые шли на войну из чисто личных побуждений, не щадили ни друзей, ни врагов, и в этом просто следовали примеру своих лидеров.

Рис. 169.

Теперь мы должны сказать несколько слов о греческом оружии, в котором, как уже упоминалось, произошло очень мало изменений. Полное вооружение гомеровского героя состояло из поножей, кирасы, шлема, щита, меча и одного или двух копий, и по всем основным признакам это были также доспехи тяжеловооруженных солдат исторического периода; однако в последующие за Гомером столетия произошло несколько модификаций.

Рис. 170.

Защитные доспехи пехоты состояли из шлема, кирасы, поножей и щита. Как правило, они начинали с надевания поножей, так как после надевания кирасы было бы трудно согнуть тело, и мы видим, что это правило соблюдается в большинстве старинных произведений искусства, хотя есть некоторые исключения. Поножи представляли собой полусогнутые пластины из меди, обшитые изнутри кожей или шерстью; они должны были быть эластичными, потому что при надевании загибались наружу и благодаря своей эластичности плотно прилегали к ноге, которую они прикрывали спереди, доходя выше колена; тем не менее, вокруг лодыжки должно было быть кольцо, чтобы крепко удерживать их, и, возможно, наверху было другое крепление. На рис. [167](#), который вместе с рисунком [168](#) представляет изображения из раскрашенной чаши с красными

фигурами, мы видим справа молодого воина, наклоняющегося, чтобы надеть один из своих поножей, который он для этой цели выгибает наружу; вопреки обычаю, юноша уже надел кирасу и хламиду поверх своего хитона. На рис. [169](#), внутреннем изображении чаши для питья, изображающем убийство Долона, греческий герой Диомед носит поножи, на которых мы можем отчетливо узнать кольцо ниже.

Кираса героического и исторического периодов короче, чем та, которая была принята у римлян, но все же опускается достаточно низко, чтобы прикрывать большую часть тела снизу, и ее можно увидеть на произведениях искусства; но, как правило, массивные части не доходят ниже талии, и к ней прикреплены подвижные накладки для защиты нижних частей. Кираса обычно изготавливалась из бронзы и состояла из двух пластин, одна из которых прикрывала грудь, другая - спину, и они скреплялись вместе по нижним краям, а также ниже и выше плеч пряжками или другими застежками. В более поздние времена были добавлены наплечники, которые не упоминаются у Гомера; они крепились сзади, а когда кираса надевалась, снимались оттуда через плечо и укреплялись спереди маленькими цепочками или шнурами, прикрепленными к кольцам или крючкам. На рис. [168](#) человек справа, который надевает доспехи, уже натянул кирасу; два наплечника все еще открыты, и он как раз собирается выдвинуть правый наплечник вперед, чтобы прикрепить его там к передней части своей кирасы.

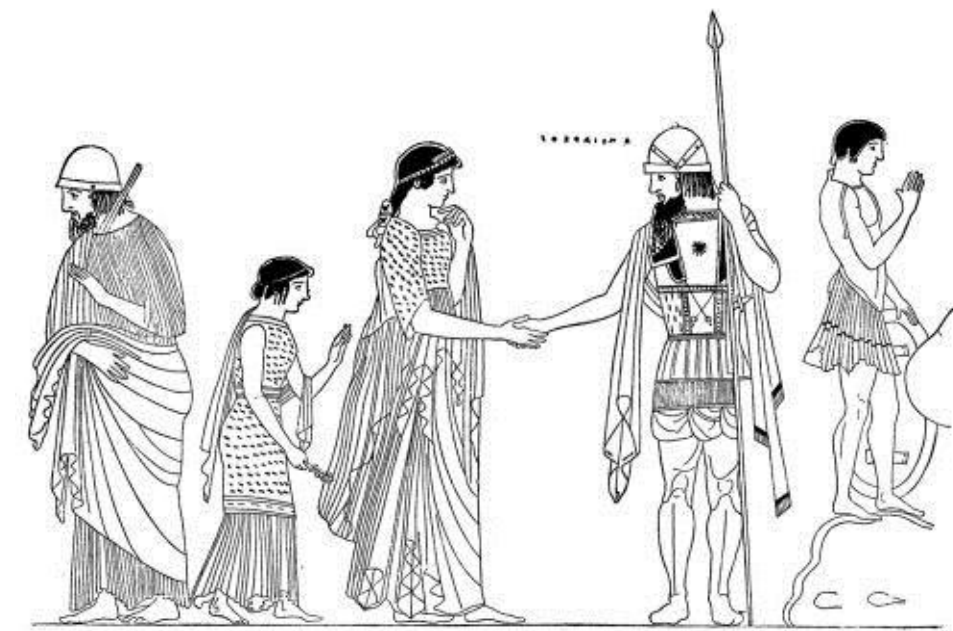

Рис. 171.

Рис. 172.

На рис. [170](#), изображающем героический жанр, мы видим это более отчетливо. Здесь Ахилл перевязывает руку раненого. Патрокл; правый наплечник Патрокла завязан, но левый расстегнут, чтобы не повредить раненую руку. Способ, которым наплечники крепились к кирасе, очень четко представлен в фигуре Амфиарая на рис. [171](#), вазописи, изображающей "Прощание Амфиарая". Существовало два вида кирас: с жесткими пластинами и с чешуей. В первом случае наиболее распространены те пластины, которые не плотно прилегают к телу, а лишь приблизительно повторяют его форму; такого рода кирасы воинов на рис. [167](#) и [167](#), а также кирасы Амфиарая на рис. [171](#). На рис. [172](#), взятом из чаши, расписанной Дурисом, юноша, который собирается сражаться, получает кирасу такого типа (сравните также рис. [166](#)). Иногда эта кираса изготавливалась в форме, распространенной среди римлян, имитирующей форму человеческого тела и представляющей его основные черты. Воины на рис. [170](#) носят чешуйчатые доспехи; кирасы, очевидно, сделаны из кожи, покрытой маленькими медными пластинками, расположенными одна над другой наподобие чешуек. Некоторые части кирас, по-видимому, также сделаны из пластин; например, пояс Ахилла и полоса сзади, а также верхняя часть нагрудника Патрокла; однако наплечники сделаны из чешуи, поскольку гибкость здесь имела особое значение. Живот был защищен кожаными полосками или накладками, покрытыми металлом, свисавшими с нижнего края кирасы и закрывавшими часть бедер (сравните рис. [169](#) и [170](#)). Кираса обычно крепилась вокруг бедер кожаным поясом с латунными накладками; возможно, это тот предмет, который мальчик на рис. [168](#) предлагает воину, облачающемуся в доспехи.

Под кирасой они носили короткий хитон, сотканный из особо прочных нитей и часто упоминаемый Гомером как витой или тканый; рукава обычно были короткими, ниспадали немного ниже плеч, и он спускался только до части бедер. (Сравните фотографии.) Гомер также упоминает о широком поясе (μίτρα), покрытом медью, который надевался непосредственно поверх хитона таким образом, что верхняя часть пояса была прикрыта кирасой, в то время как нижняя оставалась открытой. Этот пояс, по-видимому, вышел из употребления вскоре после гомеровской эпохи, поскольку мы не можем найти никаких следов его на каких-либо произведениях искусства. Льняные туники, упомянутые у Гомера и ставшие более распространенными в более поздние времена, вероятно, были сотканы из прочной нити и покрыты медью в наиболее открытых местах.

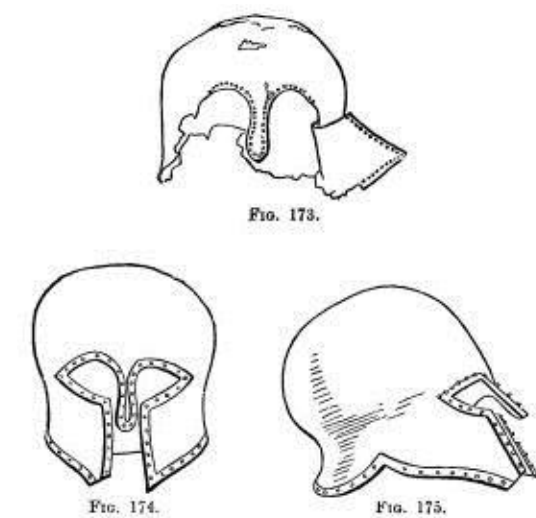

Рис. 173.

Рис. 174. Рис. 175.

Шлем, который даже в древнейшие века заменял первоначальный кожаный головной убор, обычно изготавливался из бронзы и, согласно утверждениям Гомера и сохранившимся оригиналам, был трехслойным, наиболее прочным посередине, с более тонким слоем сверху и снизу.

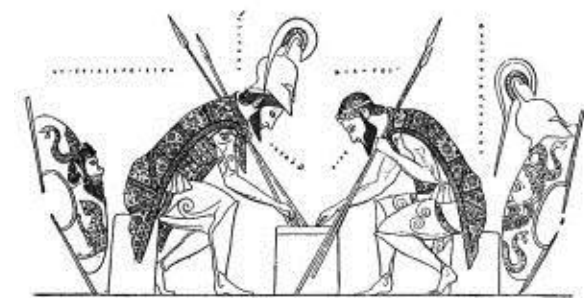

Рис. 176.

Основная часть шлема плотно прилегала к голове, как шапочка, и закрывала лоб и виски; спереди он двумя отдельными частями свисал на щеки; между носовой частью и щеками было два отверстия для глаз. В древние времена черепная крышка и щитки изготавливались из цельного куска, как мы видим на древнегреческих шлемах из Олимпии и Сардинии, представленных на рис. [173](#) по [175](#); они также снабжены носовыми частями, так что в войне, покрытом таким образом, мало что можно было узнать. Шлем приобретал дополнительную защиту за счет гребня, проходящего по середине черепной коробки от затылка до лба, в котором крепился гребень; существовали также шлемы с двумя гребнями для увеличения силы сопротивления, и у этого тогда было два гребня. Очень часто гребень, который был большого размера, не крепился непосредственно к гребню, а соединялся с ним посредством высокого, узкого возвышения, так что оно высоко возвышалось над шлемом. На вазописи, представленной на рис. [176](#), изображены шлемы этого типа, принадлежащие двум воинам, играющим в шашки; один из них снял шлем и положил его на щит рядом с собой; другой не снял его, но поднял часть надо лбом; форма напоминает оригиналы, представленные на рис. [173](#) - [175](#). Иногда гребень крепился прямо к тубетейке без какого-либо гребня, как на рис. [166](#) на шлеме, принадлежащем воину справа. В более поздние времена форма шлемов претерпела много изменений; носовая часть и щеки иногда были гибкими, а иногда жесткими, но другой формы; так, шлем Ахиллеса на рис. [170](#) имеет жесткие лоб и переносицу, но щеки перемещаются на шарнире, и для удобства герой повернул их вверх. Из трех шлемов на рис. [167](#), тот, что на земле справа, по-видимому, также имеет

подвижные щеки, но у него нет носовой части, а только защита для лба, которую, вероятно, также можно было бы отодвинуть назад; у двух других жесткие носовые и щечные части составляют одно целое с черепной крышкой, но щеки не заострены, как это обычно было у более старого типа, а закруглены. (Сравните также рис. [166](#), [169](#) и [172](#).) Обычно имелась также защитная деталь для шеи, которую можно увидеть на многих других изображениях. Произведения искусства демонстрируют разнообразные способы украшения шлемов. (Сравните шлем Диомеда на рис. [169](#).) Иногда их делали в форме человеческого лица, имитируя линии лба, бровей и т.д., выполненные из бронзы. Любопытно достаточно, эта маска форме иногда переводят даже в задней части шлема, как может быть видно на фиг. [177](#), представляющий смерти Мемнона, где длинные волосы воина опускается ниже шлема, хотя это может быть из-за ошибки со стороны художника; другой интересный момент про этот шлем двумя гребнями. Помимо этих высоких и обычно великолепных шлемов, в более поздние времена также сохранились простые шлемы в форме шапочки, которые были укреплены гребнями или прибитыми к ним медными пластинами; такой шлем носил Амфиарай на рис. [171](#). Чтобы предотвратить чрезмерное давление на голову, они обычно носили под ней плотно прилегающую шапочку, как мы видим в случае с Патроклом на рис. [170](#).

Рис. 177.

В эпоху Гомера существовало два основных вида щитов: небольшой круглый и овальный щит почти в человеческий рост. Они делались из нескольких слоев бычьей шкуры, нашитых друг на друга и покрытых, как правило, с внешней стороны бронзой. Поскольку диаметр обшивки уменьшался снаружи изнутри, а прочность металлических покрытий уменьшалась от середины к краю, в результате середина щита, которая должна была оказывать наибольшее сопротивление, также была самой прочной частью; кроме того, в центре внешней стороны также была закреплена выпуклая бронзовая пластина (ἔμφαλος), но в более поздние времена на ее место поместили герб. Меньший круглый щит, по-видимому, держался за двойную рукоятку, в одну часть которой, в середине углубления, просунулась рука, в то время как другая, с краю, была зажата рукой (сравните рис. [169](#)). Такой способ переноски был бы невозможен для больших щитов, и они должны были управляться одной ручкой, хотя мы не должны забывать, что эти очень тяжелые щиты также были подвешены к телу с помощью ремней. В более поздние времена мы также находим, что круглые и овальные щиты все еще использовались, но последние были значительно уменьшены в размерах, что вполне естественно, поскольку носить эти огромные щиты в бою, должно быть, было крайне неудобно и хлопотно. Оба вида были умеренно сводчатыми и имели несколько выступающий край; щиты, как круглые, так и овальные, часто имели по бокам две прорези, целью которых было дать возможность воину разглядеть врага из-за своего щита, а также, возможно, направить свое копьё через отверстие; эти прорези можно узнать на щитах на

рис. [176](#). Что касается способа ношения, то иногда мы находим две ручки, обе на небольшом расстоянии от центра, как на щите на рис. [171](#), внутренняя сторона которого видна; иногда поперечная перекладина проходила по всей внутренней ширине щита, через которую просовывалась рука, в то время как по краям были различные ремни, за которые можно было легко ухватиться и которые позволяли продолжать пользоваться щитом, даже если одна из этих ручек должна была быть оторвана. Щит, изображенный на рис. [167](#), имеет несколько иную конструкцию, мы видим внутреннюю сторону: вместо одной перекладины, используемой в качестве диаметра круга, в центре сходятся три одинаковых радиуса. Здесь тоже, вероятно, были петли по краю. Очень часто щиты были обшиты изнутри цветными материалами и украшены кистями или шнурами; на маленьких круглых щитах мы иногда находим широкую накидку из кожи или какого-либо подобного материала, свисающую вниз, чтобы дать сражающемуся дополнительную защиту нижней части его тела. Гербы, которые были очень разнообразны и полны значения, были либо нанесены рельефно, как голова сатира в центре щита на рис. [176](#), либо инкрустированы металлом другого цвета или прибиты гвоздями.

Fig. 178.

Fig. 179.

Fig. 180.

Рис. 178.

Рис. 179.

Рис. 180.

Рис. 181.

Наступательное оружие можно разделить на то, которое использовалось в ближнем бою, особенно копье и меч, и то, которое использовалось на расстоянии, в частности, копье, лук и праща. Копье, или лэнс, представляло собой древко, обычно изготовленное из ясеня, снабженное на обоих концах бронзовым наконечником; один из этих наконечников использовался для атаки, другой (сравните рис. [166](#)) использовался для закрепления копья в земле, когда это не требовалось. Материалом для острия в героическую эпоху обычно служила бронза; в более поздние времена - железо. Лезвие острия, необходимого для атаки, обычно имело листовидную форму и было обоюдоострым (сравните рис. с [178](#) по [181](#), взятые из оригиналов в Додоне); его длина составляла от 7 до 8 дюймов, ширина около $2\frac{1}{2}$ в середине; оно крепилось к верхнему заостренному концу древка с помощью гнезда, и это гнездо было окружено кольцом для увеличения прочности. Нижний конец обычно представлял собой лишь короткое коническое острие. Длина копья в героическую эпоху была больше, чем впоследствии. Гомер упоминает копья длиной около пяти ярдов, а в морской войне даже одно длиной около десяти ярдов, но оно было изготовлено из нескольких частей, скрепленных вместе, и, вероятно, использовалось только в морской войне для защиты от абордажных скоб; в более поздние времена обычная длина составляла от двух до двух с четвертью ярдов. Это примерно длина копий, представленных на рис. [167](#), [168](#) и [171](#). Мы часто находим, как на рис. [176](#), два копья в руке воина; обычно это происходило, когда солдат использовал свое длинное копье не только для колющих ударов, но и для метания, и в этом случае ему требовалось запасное копье. В толчках, так же как и в метании, он сжимал копье посередине только правой рукой.

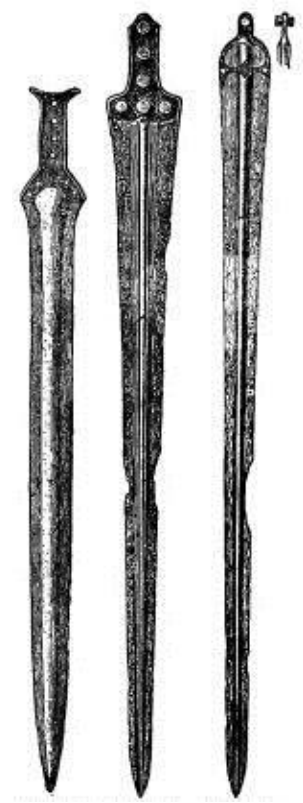

Рис. 182. Рис. 183. Рис. 184.

Меч - еще более полезное оружие для рукопашного боя, чем копье, которое из-за своей длины можно использовать только с некоторого расстояния. Первоначально мечи изготавливались из бронзы, и это единственный вид, упомянутый Гомером, впоследствии из железа; клинок был обоюдоострым и в героическую эпоху был довольно длинным, вероятно, такой формы, как на рис. [182](#), который был привезен из Микен и имел длину двадцать четыре дюйма; обоюдоострый клинок и верхняя часть рукояти, которая была украшена пластинками из дерева, кости или чего-то подобного, прикрепленными гвоздями, но которые не сохранились, были сделаны из цельного куска. Поскольку этот меч и другие, похожие на него, были одинаково хорошо рассчитаны для нанесения колющих и пронзающих ударов, теория Хелбига о том, что они наиболее похожи на гомеровские мечи, является весьма вероятной. Мечи на рис. [183](#) и [183](#), также из Микен, другого вида; лезвия обоюдоострые и достигают тридцати двух дюймов в длину; верхняя часть рукояти сделана из того же куска, что и лезвие, и покрыта пластинами из другого материала, но это оружие, по-видимому, использовалось исключительно для протыкания.

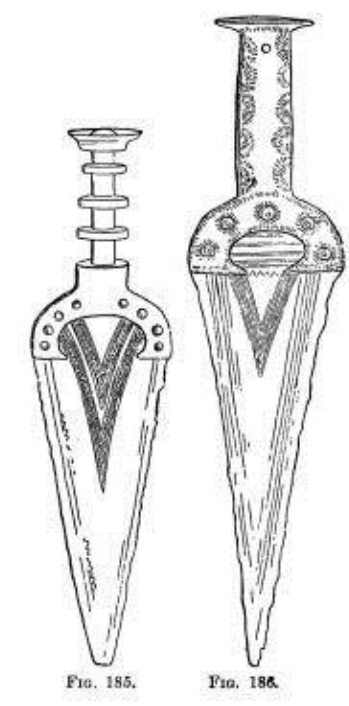

Рис. 185.

Рис. 186.

Другого рода - те, что изображены на рис. [185](#) и [186](#), но они относятся к итальянским озерным жилищам, хотя говорят, что такие же были найдены и в Греции. Обоюдоострый клинок здесь короткий, очень широкий в верхней части, но постепенно сужающийся, так что по форме почти напоминает остроугольный треугольник. Рукоять, нижний конец которой загнут наружу в форме полукруга, обработана из отдельного куска бронзы и соединена с лезвием гвоздями. В историческую эпоху мечи обычно были короткими, клинок около двадцати дюймов длиной, тростниковидный и обоюдоострый, приспособленный для нанесения колющих ударов; рукоять, которая обычно подходит для парирования ударов, довольно маленькая (сравните меч на рис. [169](#), где хорошо представлены ножны и наплечный ремень). Ножны часто были из какого-нибудь дорогого материала и художественно украшены, обычные виды были сделаны из кожи; наплечный ремень обычно представлял собой кожаный ремешок с металлическими пластинами; он

перекидывался через правое плечо и был настолько длинным, что меч свисал с левой стороны, но в более поздние времена меч иногда носили с правой стороны. Помимо уже упомянутых видов мечей, были и некоторые другие; в частности, тот, который специально обозначен как лакедемонянский меч, лезвие которого слегка изогнуто с одной стороны от рукояти и далее и очень острое, в то время как другой край прямой и явно затупленный; этот вид меча, конечно, мог использоваться только для нанесения колющих ударов. Ближе к концу эллинского периода Ификрат снова ввел в греческих армиях длинные мечи; они имели длину рукояти в ярд, но тяжелооруженная пехота, вероятно, продолжала использовать короткий меч.

Существовало еще два вида оружия для ближнего боя - дубинка и боевой топор, но для греческой войны они не важны. Первое использовалось в основном в мифических состязаниях доисторических времен, второе, представленное на произведениях искусства как обычное оружие амазонок, иногда упоминается у Гомера как используемое греческими героями, но впоследствии оно использовалось только как настоящее боевое оружие у некоторых восточных народов.

Метательное оружие использовалось в основном легковооруженными войсками. В героические века копье было всего лишь охотничьим оружием; герои обычно использовали свои обычные длинные копья для метания. Легкое копье длиной около двух с тремя четвертями ярдов стало очень распространенным оружием нападения в следующий период, когда легковооруженные войска сформировали регулярную часть армии; оно очень напоминало копье, используемое в гимнастических соревнованиях, особенно в пятиборье, и, как и это, было снабжено петлей, которую метатель наматывал на пальцы. Мы уже обсуждали метод метания этого копья.

Далее мы должны рассмотреть лук и стрелы. Существовало два вида луков: во-первых, простой, сделанный из цельного куска эластичного дерева, загнутого наружу на концах; его форма слегка изогнута и приобретает форму сильного изгиба только тогда, когда он натянут. Этот лук назывался “скифский” или “парфянский”, но мы находим его также на греческих произведениях искусства, и, вероятно, это был более древний вид. Другая форма - двойной лук, в котором два изогнутых куска рога соединены вместе цилиндрическим куском металла; эта форма была распространена в греческой армии, и даже когда они отказались от использования козьих и газелиных рогов для лука, но изготовили его из дерева, он сохранил свою форму. Металлическая пластина посередине также использовалась в качестве упора для стрелы, а концы лука, к которым крепилась тетива, обычно были покрыты металлом. Шнур делался из сплетенных кишок и, как правило, когда лук не использовался, крепился только к одному концу и свободно свисал вниз, чтобы лук не терял своей эластичности из-за постоянного натяжения тетивы. Стрела представляла собой древко длиной около двадцати четырех дюймов, обычно из легкого тростника, к наконечнику которого, снабженному двумя или более зазубринами, крепилась тетива; на другом конце она обычно имела небольшой груз, снабженный насечкой для более плотного прилегания к тетиве.

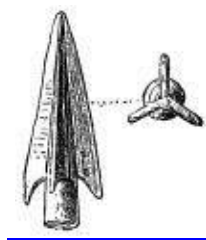
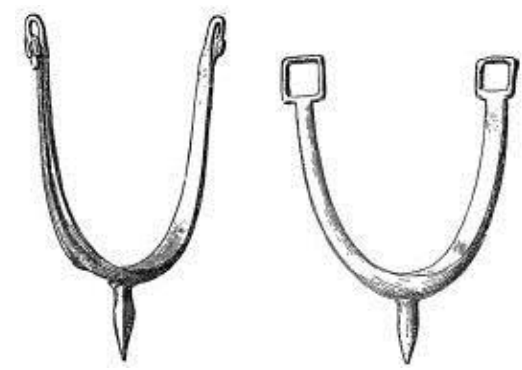

Рис. 187.

У нас есть свидетельства греческих раскопок о трехгранной стреле, упомянутой Гомером; сравните рис. [187](#), наконечник стрелы из Мегалополя. Стрелы хранились в колчане, сделанном из

кожи или плетеной корзины, которых было найдено два вида: один широкий, треугольной формы, носимый с левой стороны и обычно используемый с так называемым скифским луком; и меньший цилиндрической формы, который свисал сзади через левое плечо и принадлежал греческому луку. Праща состояла из шнура или ремешка, широкого посередине и более узкого с двух концов, с помощью которого метались маленькие перья; они надевались на широкую середину ремешка, два конца которого сжимались в руке и несколько раз оборачивались вокруг головы; тщательно прицелившись, они затем отпускали один конец ремешка, после чего пуля летела в направлении, которое она получила в результате импульса взмаха. В героическую эпоху для стрельбы из пращи всегда использовались каменные шары; впоследствии также использовались наконечники из глины или свинца, очень часто в форме желудя. Наиболее важной частью греческой армии в героическую эпоху, как в период гражданских армий, так и в период наемных войск, были тяжеловооруженные солдаты (ὀπλίται). Вес, который им приходилось нести, включая наступательную и защитную броню, составлял около 70 фунтов, но этот значительный вес мог нести только солдат в бою. В походе часть доспехов перевозили на повозках для багажа, либо щит или даже шлем отдавали рабу для переноски (ὑποσπιστής). Но по мере того, как неудобства, связанные с обозными повозками, были велики, а количество рабов - которое раньше было очень значительным, так что среди лакедемонян иногда приходилось семь илотов на одного спартанца — постепенно уменьшалось, мы замечаем тенденцию уменьшать вес солдатских доспехов, сначала заменяя медную кирасу туникой из кожи, отделанной медью, и наплечниками, а затем используя маленький круглый щит вместо большого овального. Во времена персидских войн легкая пехота заняла место рабов, которых раньше, чтобы они не были бесполезным дополнением к армии, вооружали дротиками и камнями. Но поскольку мастерство, требуемое от легковооруженных войск, не было одинаково развито у всех национальностей, здесь было необходимо восполнять их недостатки солдатами-наемниками. Таким образом, как мы уже упоминали, критяне были знаменитыми лучниками; превосходные пращники происходили с Родоса и Фессалии, а лучшие метатели копья - из Акарнании и Этолии. Эти три вида легковооруженных войск отличались друг от друга; все они шли в бой без каких-либо защитных доспехов, даже не в шлеме, а только в легкой войлочной шапочке или какой-нибудь национальной шляпе. Кроме них, на полпути между рабами и легковооруженными солдатами стояли “пельтасты”, первоначально фракийское войско, получившее свое название от *pelta*, небольшого деревянного щита, обтянутого кожей, который напоминал щит амазонок в форме полумесяца; их наступательным оружием были меч, длинное копье и четыре или пять маленьких дротиков. Легковооруженные войска и пельтасты размещались в поле, то впереди, то позади основных сил армии, на флангах или там, где это казалось удобным генералу; их также часто использовали для вылазок, стрельбы из лука, в качестве шпионов, в засадах и т.д.

Греки не придавали большого значения кавалерии, что отчасти было результатом гористого характера их страны, где кавалерийские полки редко могли быть должным образом развернуты. Следовательно, греческая кавалерия, как правило, двигалась плохо и неуверенно; они сражались только друг с другом и никогда не атаковали сомкнутые ряды пехоты, но преследовали их, когда они были приведены в замешательство; регулярные кавалерийские атаки, в которых лошадь не только несет своего всадника, но и является средством нападения, были неизвестны. Лошади носили чепраки, а не обычные седла, удила, уздечку и доспехи, состоящие из головного убора, нагрудника и боковин. Всадник носил бронзовую кирасу с шейными накладками, защищал живот обычным кожаным фартуком с металлическими накладками, а также носил особый вид кольчуги на руках и плечах; бедра также были защищены. Щит не использовался для обычной службы, наступательным оружием были длинное копье и меч. Не может быть никаких сомнений в том, что в то время использовались шпоры, но возможно, что они носили их только на одной ноге, как, кажется, показывают статуи амазонок; на рис. 188 и 189 изображены греческие шпоры, существующие до сих пор. Подковы и стремяна были неизвестны, всадник вскакивал на лошадь с помощью копья или же использовал какой-нибудь камень, ветку или другой предмет, чтобы забраться в седло.

Мы не собираемся вдаваться в подробности, касающиеся расположения и дисциплины, тактики и стратегии греческих армий. Необходимо сказать несколько слов об осадах греков. Раскопки Шлимана в Микенах и Тиринфе доказали нам великолепие некоторых древних укреплений. Поэтому естественно, что осада сильно укрепленного места была трудным делом для греческой армии, поскольку эффективные осадные машины изобретались лишь очень постепенно. Веками они довольствовались тем, что просто окружали город и пытались овладеть им с помощью голода; еще более излюбленным приемом была хитрость или предательство; они не были способны ни взять город штурмом, ни проделать брешу в стене. Первой машиной для штурма, которую использовали греки, был таран, изобретение карфагенян, но и он оказался неэффективным против очень прочных стен. Поэтому они очень часто прибегали к устройству подрыва стен, чтобы заставить их упасть; иногда они поднимали почву для атаки, сооружая насыпь, или делали передвижные башни, чтобы иметь возможность вести бой с той же высоты, что и гарнизон. Существуют различные техники, тоже за создание города, или, во всяком случае его укреплений, на огне; и если местные условия, они иногда пытались уменьшить осажденных конечностей, отрезав их питьевой водой или производить искусственное наводнение. Этот примитивный вид осады уступил место более рациональному методу только во время македонских войн; в частности, заслугой царя Филиппа было сосредоточить атаку на одной точке стены, в которой были проделаны брешу, вместо того чтобы окружать город. Открытие тяжелой артиллерии, совершенствование пробивных орудий, подвижных батарей, защитных устройств и вращающихся башен произошло только в александрийскую эпоху.

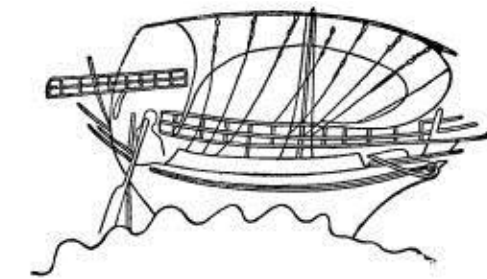

Рис. 190.

Естественным следствием географического положения Греции было то, что мореплавание развивалось гораздо быстрее. Даже в героический период строились довольно хорошие корабли,

хотя они лучше подходили для плавания каботажным путем, чем в открытом море. Ими управляли от двадцати до пятидесяти матросов, сидевших на скамьях по обе стороны корабля, в то время как их весла были подвешены на кожаных ремнях между уключинами; если ветер был благоприятный, они заменяли весла парусом, подвешенным к мачте на рее; на корме рулевой направлял курс корабля с помощью руля. Таким образом, корабль Одиссея изображался даже в более позднем искусстве прорубающим себе путь в море (сравните рис. [191](#)). Тем не менее, этот рисунок, относящийся к гораздо более позднему периоду, не может дать нам правильного представления о конструкции гомеровских кораблей: нам скорее следует обратиться к изображениям с древних ваз на рис. [192](#) и [193](#), несмотря на грубость и малость рисунка. Оба они имеют сильную шпору на носу и, следовательно, по-видимому, использовались для ведения морской войны, с которой гомеровская эпоха еще не была знакома. Вероятно, корабли героической эпохи имели высокие выступающие оконечности как вперед, так и на корму.

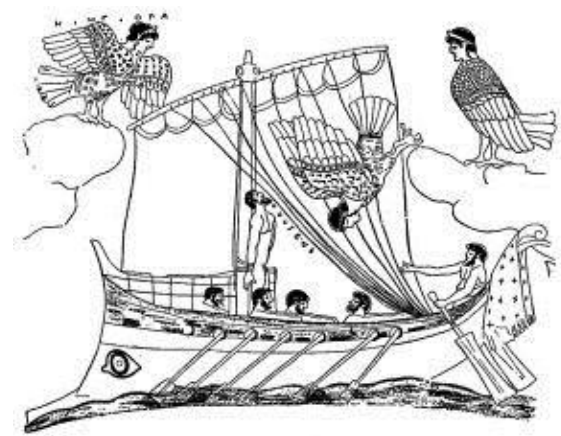

Рис. 191.

Как в гомеровскую эпоху, так, вероятно, и в последующий период, корабли строились таким образом, чтобы быть относительно плоскими и вмещать только одну шеренгу гребцов с каждой стороны; следовательно, на больших кораблях с каждой стороны было по пятьдесят гребцов или больше.

Рис. 192.

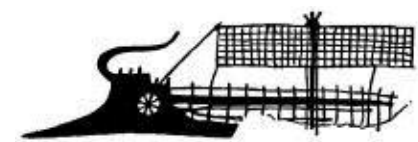

Рис. 193.

Но вскоре они начали строить корабли выше и расставлять гребцов в несколько рядов друг над другом, в два ряда, как показано на рис. [194](#), но чаще в три ряда, и тогда эти корабли назывались Триремами; в более поздние времена, особенно после четвертого века, было четыре или даже шесть рядов, а возможно, и больше. Расположение скамеек для гребцов представляет особый интерес, и это достаточно ясно видно на афинском рельефе, представленном на рис. [195](#).^[G] Скамьи гребцов занимали все пространство двух длинных бортов корабля, за исключением двух

концов; они располагались друг над другом рядами разной высоты, разделенные не перегородками, а только открытой деревянной конструкцией.

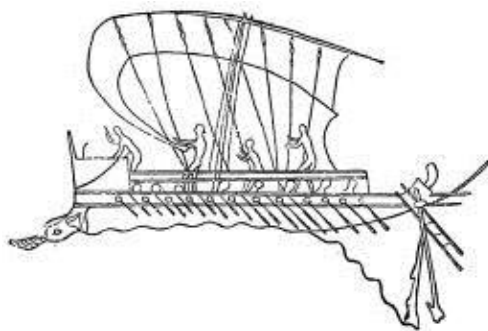

Рис. 194.

В каждом ряду каждый гребец сидел непосредственно перед следующим человеком по прямой линии, но существуют разные мнения относительно того, каким образом были расположены скамейки для гребли. По словам Грейзера, они находились непосредственно друг под другом, но гребцы не сидели перпендикулярно друг другу; но для того, чтобы максимально сэкономить место и частично облегчить их передвижения, они были расположены таким образом, что сиденье следующего по высоте человека находилось в том же направлении и на той же высоте, что и голова человека на следующем сиденье ниже, так что каждый человек, вместо того чтобы сидеть прямо под человеком сверху, сидел немного сзади и, двигаясь, держал руки непосредственно под сиденьем человека сверху. Леметр, с другой стороны, предполагает, что только самые нижние скамейки находились близко к краю, а те, что выше, были отодвинуты на ширину борта, третья - на две ширины, и в этом случае высота должна была быть устроена таким образом, чтобы весло человека наверху всегда проходило над головой того, кто находится непосредственно внизу.

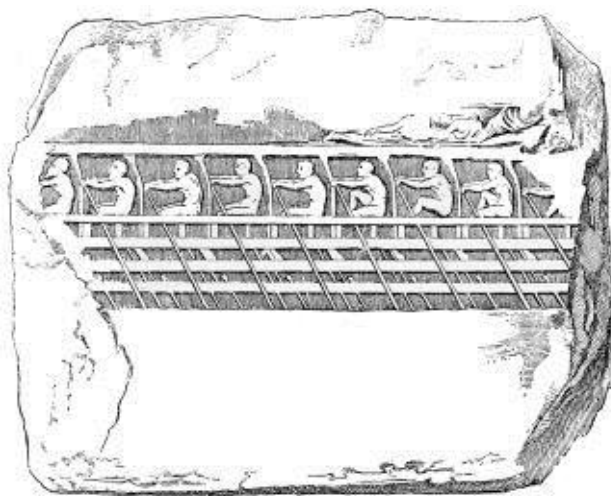

Рис. 195.

Невозможно достичь какой-либо уверенности в этом вопросе; обе гипотезы открыты для возражений. Длина весел, естественно, увеличивалась пропорционально расстоянию гребцов от воды, и весла самого высокого ряда должны были быть самыми длинными; согласно схеме Грейзера, длина весел увеличивалась на 1 ярд для каждого ряда, так что на корабле из пяти рядов самый нижний ряд имел весла длиной $2\frac{1}{2}$ ярда, самый высокий - $6\frac{1}{2}$; согласно схеме Леметра, длина была еще больше, но было и то преимущество, что более длинные весла имели также больший рычаг и, следовательно, ими было легче управлять. Чем больше было количество рядов, тем, как следствие, больше была длина весел, но все же они могли строить корабли в пятнадцать или шестнадцать рядов и управлять ими. Говорят, что великолепный корабль Птолемея Филопатра имел не менее сорока рядов, а длина самых высоких весел составляла 18 с половиной ярдов; но это не был военный корабль, и его использовали только на спокойной воде — фактически, современный специалист по мореплаванию рассматривает все описание этого сорокапалубного

судна как сатиру. Конечно, чем больше корабли, тем большее количество гребцов требовалось, поскольку количество рядов было бы больше; на “триреме” гребли 174 человека, на “квинкереме” - 310, при этом в каждом верхнем ряду было на два человека больше, чем в нижнем, потому что основная часть корабля была расширена кверху. При гребле необходима была величайшая регулярность движений; это достигалось командой специального капитана, а также тем, что он отбивал такт флейтами, чтобы все весла могли ударить по воде в один и тот же момент. Здесь мы сталкиваемся с проблемой, до сих пор не решенной: как удавалось длинным веслам верхних рядов сохранять ход вместе с короткими веслами нижних рядов? Это было бы невозможно, если бы одна и та же команда была отдана всем гребным скамейкам, поскольку взмах длинным веслом, естественно, потребовал бы больше времени, чем взмах коротким. Другой трудностью является большое количество гребцов, которое потребовалось бы для Аттики, где количество кораблей было очень значительным; тем не менее, количество матросов и морских пехотинцев было очень небольшим, поскольку в морской войне главной целью было потопить корабль противника с помощью носа, в то время как они не слишком утруждали себя стрельбой и сражением на расстоянии.

Что касается конструкции кораблей, то нос и корма были, вообще говоря, одинаковой конструкции; оба, как правило, заканчивались изгибами, но обычно корму украшали листьями или перьями, а на носу помещали изображение бога, или голову животного, или какую-нибудь другую картинку, на которой часто было указано название лодки; они были сделаны из дерева или бронзы, а наверху развевался флаг. Под носом, по большей части под водой, находился крепкий клюв, сделанный из досок, прочно закрепленных на носу, и защищенный спереди массивными железными наконечниками. На палубе обычно был небольшой навес с обоих концов; на рис. [194](#) он виден на передней палубе и, по-видимому, также на рис. [191](#), хотя это может быть небольшая палатка, используемая для защиты от солнца, такая, какую часто ставили на верхней палубе. На этих снимках отсутствуют вышка сзади и маленькая хижина для рулевого, из которой он управлял обоими рулями. На старых кораблях было два руля, справа и слева от кормы; с помощью механического устройства, которое, однако, не представлено на рисунках, эти два руля можно было направлять одновременно в параллельном направлении.

На рис. [192](#) и [192](#) мы наблюдаем около носа круглое отверстие, соответствующее аналогичному отверстию на рис. [191](#); его целью было дать возможность якорным канатам проходить через корабль к якорям, которые по всем параметрам напоминали наши современные, и когда они не использовались, были подвешены к небольшим выступам по обе стороны носа, которые также служили для защиты от вражеского корабля при уклонении от атаки. На большой грот-мачте были, как правило, два паруса квадратного ядра, закрепленных один над другим, с третьим над ними, а на верхушке мачты - два треугольных марселя. Военные корабли также имели два паруса по всей длине корабля, которые имели особое значение для поворота, когда ветер дул сбоку. Аттические надписи сообщают нам много других подробностей о мореплавании, но они представляют особый интерес только для профессиональных моряков.

ГЛАВА XIV.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ТОРГОВЛЯ И РЕМЕСЛА.

Древнегреческий предрассудок против труда—Обработка почвы—Сельскохозяйственные орудия—Разведение крупного рогатого скота—Ремесла—Организация труда—Различные профессии—Оптовая и розничная торговля—Банкиры и менялы.

ТНЕОбластями, в которых была в основном сосредоточена деятельность древних, были земледелие и скотоводство, торговля и ремесло. Интеллектуальный или художественный труд, который в наши дни играет очень важную роль как средство зарабатывания средств к существованию, в Древней Греции вообще почти не рассматривался, и художник, если он работал за плату, был поставлен на тот же уровень, что и ремесленник; на самом деле было очень мало интеллектуальных профессий, связанных с деньгами. Эти обстоятельства несколько изменились в эллинистический период; но даже там интеллектуальный труд учителей, врачей и т.д. Был отнесен к тому же классу, что и другие занятия, хотя постепенно, по мере увеличения оплаты этого труда, росла и оценка, в которой он проводился.

Что касается статистического соотношения между сельским хозяйством, промышленностью и торговлей, то, естественно, по мере развития цивилизации происходило много изменений; и опять же, местные условия в каждой части Греции, в каждом районе и, возможно, даже в каждом городе, а также географическое положение, характер земли, пригодность почвы для обработки и т.д. Имели значение для этих отраслей; и опять же, особенности расы, национальные предрассудки часто имели большое значение при выборе профессии. Это была идея, не свойственная дорическим расам, хотя и наиболее сильно развитая среди них, что в действительности любой вид работы, выполняемой за плату, непригоден для гражданина, и что вся его деятельность должна безвозмездно отдаваться государству; но эта теория — хотя основные ее черты отстаиваются даже такими философами, как Платон и Аристотель, и она основывается на предположении, что каждый гражданин должен иметь достаточно имущества для себя и своей семьи и получать то, что ему требуется, трудом рабов — развивалась лишь постепенно и была совершенно чужда гомеровской эпохе, так же как и средневековой. непосредственно за этим последовал период, в течение которого Гесиод мог рискнуть сказать, что постыдна не работа, а безделье. Изменения в политических условиях повлекли за собой и другие изменения. Когда старую монархию сменило правление олигархов, и привилегированный класс, владевший земельной собственностью и многочисленными рабами, посвятил всю свою деятельность военным и политическим вопросам, возникло предубеждение, что только такие занятия достойны свободного и благородного гражданина, а всякая работа низка и подневольна; и естественно, что это мнение должно было упрямо поддерживаться в Спарте, потому что конституция там наиболее жестко сохраняла характер олигархии. В других местах постепенно возобладали более здоровая концепция труда, и, в частности, тираны более раннего периода пытались бороться с нежеланием граждан заниматься профессиональной деятельностью; однако в их случае на них повлияли не только соображения политической экономии, но и политическая целесообразность, поскольку они не хотели, чтобы их правлению угрожало незанятое воинственное население, жаждущее доли в правительстве. Но эти усилия увенчались успехом лишь частично, и хотя во времена абсолютной демократии многие граждане занимались профессиями, связанными с деньгами, все же все еще преобладала старая идея о том, что те действительно стояли на более высоком уровне, чье состояние позволяло им жить без какого-либо определенного занятия, и мы постоянно встречаем следы этого даже у такого философа, как Сократ, чье утверждение о том, что праздность - сестра свободы, с особым акцентом отражает мнение большинства.

Предубеждение против многих профессий не было в равной степени направлено против всех. Сельское хозяйство было наименее подвержено ему. В героический период земледелие было главным занятием не только низших классов, но даже знати и принцев, которые не считали

ззорным выполнять своими руками или руководить многими обязанностями, связанными с земледелием. Естественно, что в эти патриархальные условия постепенно вносились изменения, и это было связано не только с политическими революциями, но и с развитием цивилизации и ростом промышленной и коммерческой жизни в Греции; тем не менее сельское хозяйство всегда оставалось одним из самых уважаемых занятий, особенно в тех государствах, географическое положение которых отрезало их от торговли, а природа почвы которых подходила для земледелия и скотоводства; в этих местах граждане тоже принимали участие в этих занятиях, хотя в других местах, особенно в Спарте, любая работа, выполняемая руками, считалась неподходящей для граждан, и присваивалась рабам или свободным подданным. В крупных городах, таких как Афины, где торговля и промышленность достигли большого расцвета, а демократия, становясь все более свободной, имела тенденцию поощрять праздность за счет официальных подарков гражданам, таких как пожертвования на шоу и общественные трапезы, сельское хозяйство потеряло всеобщее значение, и житель большого города рассматривал трудолюбивого крестьянина как существо более низкого ранга. Это было вполне естественно, и мы находим аналогии этому во многих наших современных условиях. Естественно, местные обстоятельства оказали большое влияние на определение положения, занимаемого сельскохозяйственным населением. Там, где земля была хорошей, а прибыль значительной, фермер занимал лучшее положение, чем в тех местах, где его труд вознаграждался лишь плохим урожаем. Почва Греции не везде была пригодна для земледелия, и во многих местах требовался самый тщательный труд, чтобы получить с нее какие-либо плоды. В Элладе горные районы более обширны, чем равнины, пригодные для возделывания; следовательно, во многих местах приходилось сооружать искусственные террасы, потому что иначе каменистая почва не принесла бы никаких плодов. В других местах нехватка воды, которая в жаркое время года часто приводила к настоящей засухе, требовала искусственного орошения с помощью каналов и дренажа, и опять же, горные ручьи, которые часто выходили из берегов в сезон дождей и угрожали уничтожением полей, приходилось регулировать с помощью дамб. Описания таких сооружений дошли до нас, и многие их следы все еще можно найти в Греции, некоторые из них даже указывают на очень значительные технические знания; государство тоже иногда проводило работы такого рода, что подтверждается управлением водного надзора, которое во многих местах контролировало естественные и искусственные водотоки, и в обязанности которого входило предотвращать нецелевое использование и налагать штрафы в таких случаях.

Мы очень мало знаем об управлении фермами и механизмах раздела земли между крупными землевладельцами или мелкими земледельцами в отдельных районах Греции. Греческая древность не обнаруживает следов *латифундий*, подобных тем, которые постепенно появились в Италии; там было несколько крупных поместий с многочисленными рабами, но чаще всего встречались небольшие фермы. В некоторых округах, как, например, в Аркадии, мелкое крестьянство составляло основную часть населения, и поэтому неудивительно, что даже руководители государства не уклонялись от участия в сельскохозяйственном труде, хотя крупные землевладельцы предоставляли это своим рабам и надсмотрщикам. Афиняне, однако, считали грубые манеры этих мелких фермеров грубыми, а жители крупных городов, привыкшие к изысканности обычной жизни, насмехались над их деревенскими манерами; мы едва ли когда-либо находим признание того факта, что сильная и здоровая раса крестьян вместе с трудолюбивым средним классом являются лучшими средствами для поддержания жизни государства.

В своих технических аспектах древнее сельское хозяйство на протяжении всей античности оставалось практически в том же состоянии, в каком оно находилось в героическую эпоху, и, вероятно, это было общим наследием индогерманской расы. У Гомера мы находим обычай, который всегда преобладал впоследствии, чередовать только жатву с паром; даже последующие эпохи, по-видимому, ничего не знали о севообороте. Орудия, используемые для необходимых сельскохозяйственных работ, были самого простого вида, в частности примитивный плуг, которого было недостаточно для вспахивания земли, так что им приходилось дополнительно использовать мотыгу; у них не было бороны или косы, вместо которых они использовали серп, и

их устройство для обмолота было крайне неудовлетворительным, поскольку они просто загоняли волов, лошадей или мулов на гумно и выбивали колосья копытами, из-за чего терялась большая часть урожая. Только большое количество рабочих рук, имевшихся в распоряжении фермеров, вследствие многочисленности рабов, к которым иногда, когда было много работы, они добавляли наемных работников, и большая забота, проявляемая при удобрении и улучшении почвы и т.д., Позволяли им вообще зарабатывать на жизнь. Большого богатства в Древней Греции никогда не достигали за счет сельского хозяйства, тем более за счет выращивания кукурузы; виноградные лозы и оливки приносили больше прибыли, хотя и здесь использовались самые простые инструменты, но почва была особенно благоприятна для их возделывания. Нефть, в частности, могла поставляться Грецией в зарубежные страны, но кукуруза не выращивалась в количестве, достаточном для обеспечения собственного населения, и, следовательно, им приходилось много импортировать из-за рубежа, особенно из Причерноморья, а затем и из Египта.

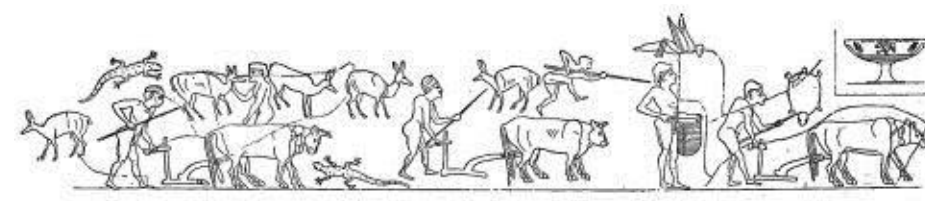

Рис. 196.

Греческие писатели дают нам очень мало информации о жизни местных жителей; несколько простых картинок, взятых с ваз, дают некоторое представление о ней. На рис. [196](#) изображены трое соотечественников, окруженных разнообразными животными: оленями, ящерицами, черепахой, странной птицей и еще одним существом, возможно, представляющим саранчу; каждый из мужчин управляет плугом, запряженным двумя волами, держа в одной руке рукоятку, а в другой - жезл для подстегивания животных. За одним из пахарей идет мужчина с большой корзиной в левой руке, в которой, без сомнения, должны быть семена, которые он собирается рассыпать правой рукой. На рис. [197](#) изображена сцена сбора урожая оливок. Справа и слева от оливкового дерева сидят двое мужчин, перед ними на земле стоят кувшины; один из них держит в левой руке маленькую фляжку и, кажется, выжимает в нее сок из оливы через воронку, чтобы проверить качество урожая. Надпись на картине гласит: “О, отец Зевс, если бы я мог разбогатеть!” Обратная сторона сосуда, не представленная здесь, показывает исполнение этой простой молитвы на рисунке и надписи.

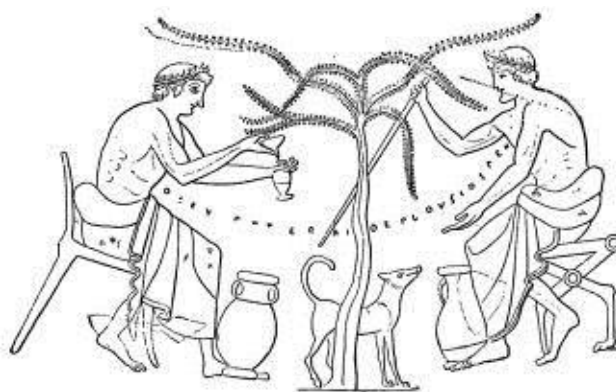

Рис. 197.

Разведение крупного рогатого скота играло очень важную роль в греческом земледелии. Во времена Гомера это даже превосходило по важности сельское хозяйство; богатство великих людей в то время состояло главным образом в стадах; дарить крупный рогатый скот в качестве

свадебного подарка было очень распространенным явлением; при расчете стоимости крупный рогатый скот служил основой вместо чеканных денег, которые в то время были неизвестны. В исторический период особенно культивировались лошади, ослы, мулы и быки, а также овцы, козы и свиньи. За исключением нескольких районов, разведение лошадей не имело большого значения. Гористая природа страны затрудняла использование лошадей для вождения, и, похоже, они не требовались для переноски тяжестей; в основном их использовали для верховой езды, в кавалерии, а также для путешествий, скачек и т.д.; А в связи со скачками разведение лошадей стало любимым занятием аристократии и почти манией в Афинах во времена Пелопоннесской войны, когда это погубило многих молодых людей. Разведение лошадей было лучше всего развито в Фессалии, где широкие равнины подходили для этой цели. Фессалийская кавалерия всегда славилась своим количеством и совершенством. В домашнем хозяйстве мулы и ослы заменили лошадей, особенно в качестве вьючных животных. Мулы использовались для волочения и для пахоты, в то время как ослы использовались главным образом для переноски грузов. Скотоводство, по-видимому, было более важным в эпоху Гомера, чем впоследствии, когда потребности населения не могли быть удовлетворены за счет домашнего выращивания, и был необходим импорт иностранного скота с побережья Черного моря и из Африки. Небольшое количество стад крупного рогатого скота, вероятно, было связано с тем, что в греческой древности употребляли очень мало коровьего молока, но в основном козье. Овцеводство, однако, было очень распространенным и доведено до большого совершенства, поскольку они не только использовали мясо и молоко овец в пищу, но, в частности, нуждались в их коже и шерсти для одежды. Лен был не очень поношен; деревенские жители носили овчины, а остальная часть их одежды была почти полностью сшита из овечьей шерсти. Превосходные по качеству шерстяные изделия производились в самой Элладе, а также в греческих колониях в Малой Азии и Нижней Италии, и значительная их часть экспортировалась в зарубежные страны, где шерстяные изделия Малой Азии, Аттики и Мегары пользовались большой репутацией с древнейших времен. Коз держали главным образом ради получения молока; шкуры крестьяне использовали для изготовления одежды. Козью шерсть вплетали в ткань не в самой Греции, а, вероятно, в Северной Африке и Киликии, где из нее изготавливали что-то вроде грубой ткани, которая, однако, не часто использовалась для одежды. Возможность разведения коз, которое не требовало особого ухода и могло осуществляться даже на каменистой почве, где росло мало травы, позволила ему стать очень обширным, и мы находим его, фактически, почти по всей Греции в древние времена. Разведение свиней, с другой стороны, играло очень малую роль, поскольку не приносило достаточной прибыли. Хотя мясо использовалось в пищу, все же в исторический период оно не было таким популярным блюдом, как в эпоху Гомера, и они не понимали, как другими способами извлечь выгоду из свиней. Разведение крупного рогатого скота велось на достаточно рациональных принципах. Они были очень осторожны в выборе животных, используемых для разведения, и в очень ранние времена предпринимались попытки улучшить породу путем импорта иностранных пород из других стран. Скот в основном кормился на пастбищах; стада выгонялись не только летом, но даже зимой, когда это позволял климат; летом их уводили в горы и леса, зимой - на равнины. Овцам уделялось наибольшее внимание, потому что качество шерсти зависело от ухода за ними, и Диоген, как предполагается, сказал, что в Мегаре лучше быть бараном, чем сыном горожанина, потому что овец тщательно покрывали, но детям разрешали бегать голышом. Этот обычай покрывать овец шкурами для сохранения шерсти существовал и в других местах. Поскольку Греция не была богата пастбищами, иногда возникали трудности с обеспечением достаточного количества пастбищ для стад; иногда их приходилось отправлять в очень отдаленные районы, случалось даже, что государства заключали совместные договоры, которые разрешали гражданам одного государства использовать пастбища другого в течение определенного периода.

В эпоху Гомера ремесленники, по-видимому, находились в положении, которое, в соответствии с представлениями древних о физическом труде, ни в коем случае не презиралось. Это легко понять, поскольку даже боги изображались как выполняющие труд ремесленников;

Гефест работал в кузнице, Афина ткала; и мы находим, что даже герои, принцы и знать иногда сами работали плотниками и столярами и своими руками сооружали какой-нибудь предмет для своего дома; нигде у Гомера мы не находим и следа презрения к ручной работе. Конечно, ремесла в то время были не очень развиты, и существовало лишь небольшое количество ремесел, которые можно было рассматривать как настоящие профессии, такие как кузнецы, золотопромышленники, плотники, каменотесы и т.д., В то время как многие занятия, которые впоследствии сформировались в отдельную профессию, выполнялись дома хозяевами и рабами. В более поздние времена произошли очень важные изменения, связанные с уже упомянутыми политическими и социальными революциями. Земледелие и скотоводство все еще рассматривались как занятие, которым свободный гражданин мог заниматься, не унижая себя, поскольку более черную часть работы выполняли рабы или наемные рабочие, а хозяин только надзирал; но работа ремесленников обозначалась ими словом "механическая" (βάναυσος), словом, обозначающим презрение, которое не может быть выражено в переводе. Это слово выражало полное презрение свободного гражданина, живущего на собственное состояние и посвящающего все свои интеллектуальные и физические силы государству — фактически джентльмена — к человеку с мозолистыми руками, который трудился в своей мастерской, чтобы заработать на хлеб насущный. Этот упрек в "механичности" никогда не был направлен на богатого владельца нескольких рабов, которые работали на его благо; владельцу фабрики не обязательно самому участвовать в работе, но об этом должны заботиться его надсмотрщики; на маленького человека, у которого не было других рук, чтобы работать на него, и который сам орудовал молотком или ткал ткань в мастерской фабриканта, они смотрели свысока. Тщетно мудрые законодатели пытались привлечь внимание граждан к благословию ремесла и почетному характеру этого занятия; тщетно демократы предоставляли политическое равенство ремесленникам, разрешая им голосовать и выступать в Народном собрании наравне с другими гражданами; в то время как существовал даже закон, запрещающий кому-либо публично порицать гражданина за его занятие. Были некоторые государства, в которых значительная часть процветания зависела от ремесел, и там постепенно уступили место более умеренным взглядам, но, вообще говоря, презрение к ремеслу оставалось и продолжалось, тем более что даже философы считали его всего лишь неизбежным злом. Несомненно, они признавали полезность ремесел, но все же они утверждали, что работа такого рода в мастерской, возле горячей печи или в мрачной комнате не подходит для свободного гражданина, и что усилия по зарабатыванию денег, связанные с этим, вредят уму и делают его грубым и некультурным, и именно таким образом слово *banausos* стало синонимом обычного, низкого и глупого. Неудивительно, что даже художники, чья работа зависела от ремесла и которые, за редким исключением, работали за плату, были поставлены в один класс с сапожниками, пекарями и кузнецами! Действительно, странно, что это принижение ремесла, наблюдаемое во всей греческой литературе, никоим образом не препятствовало развитию и совершенствованию технических искусств Греции. Было много отраслей, которые веками оставались на одном и том же уровне, не добиваясь каких-либо технических достижений; но все же ремесла достигли высокой степени совершенства в древности, хотя естественное чувство красоты греков проявлялось главным образом в тех, где практический элемент был не так важен, как художественный, так что существует множество изделий древнего ремесла, с которыми не могут соперничать даже наши современные ремесла. Фактически, мы могли бы почти сказать, что, за исключением таких профессий, как пекари, мясники или валяльщики, греческое ремесло почти во всех отраслях превратилось в искусство, в то время как в наши дни существует лишь несколько отраслей, которые поднимаются над уровнем обычного ремесла.

Ремесла частично находились в руках горожан, а частично - свободных поселенцев (μέτοικοι) и рабов. Пропорция, в которой они были распределены между этими тремя классами, сильно варьировалась в зависимости от времени и характера занятий. В Афинах число свободных граждан, занимавшихся ремеслами, было немалым, несмотря на презрение, с которым к ним относились; на Пелопоннесе только в Спарте свободные граждане держались в стороне от всех

ремесел, в то время как в других государствах условия были почти такими же, как в Афинах и других местах. Иностранцы-резиденты составляли очень важную часть рабочих; в то время, когда промышленность в Аттике наиболее процветала, торговля, по-видимому, была почти полностью в их руках; и вполне естественно, что в тех странах, где свободные граждане держались в стороне от торговли, поселенцы, выполнявшие свой труд с помощью рабов, должны были составлять значительную часть рабочего населения. Каждый мастер, чье положение позволяло, держал работающих рабов; богатые капиталисты вкладывали свои деньги в крупные предприятия, в которых работу выполняло большое количество рабов, которые либо принадлежали им, либо были наняты для этой цели. Позже у нас будет возможность обсудить условия, в которых они работали.

Мы очень мало знаем об организации труда. Не существовало каст, обязанных законом заниматься определенными ремеслами, хотя в некоторых местах особые профессии передавались по наследству; так, например, в Спарте повара и флейтисты всегда принадлежали к определенным семьям. В противном случае, когда мы находим какую-либо профессию наследственной, это происходит не из-за юридического принуждения, а по естественным причинам; таким образом, сыновья скульпторов очень часто становились скульпторами, или профессия врача передавалась по наследству в определенных семьях, и так далее. Мы также не встречаем гильдий, столь рано возникших в Италии; о них не слышали до римского периода, когда мы находим их в Малой Азии. Неясно, в какой степени государство было заинтересовано в торговле и ее производстве. Похоже, на это не было наложено никаких ограничений, за исключением определенных полицейских постановлений, таких, как в Афинах, которые вынуждали кожевников и торговцев сыром размещать свои мастерские и киоски за пределами более густонаселенных районов города из-за запаха. По-видимому, не было никаких налогов на торговлю; в Афинах взимался сбор с гетер; в Византии жонглеры, прорицательницы и т.д. Платили один налог; но нет оснований предполагать, что ремесла облагались таким же налогом.

Рис. 198.

Было бы невозможно войти в технические подробности всех ремесел. Вместо этого достаточно нескольких фотографий, взятых из жизни ремесленников. Терракотовая фигура № 198 изображает ремесленника в его обычном костюме - экзомисе, у которого оставалась свободной правая сторона, и пилосе, или войлочной шапочке; из рисунка неясно, каким занятием он занимается, поскольку предмет в его левой руке неразличим. Рис. [199](#) представляет нам сапожника за его работой; он сидит на низком табурете перед своим рабочим столом и одной рукой держит кусок

кожи, натянутый на доску из твердого дерева; он как раз собирается вырезать его кривым сапожным ножом; второй нож подвешен наверху, рядом с обувью, молотком и несколькими полосками кожи на стене. Рис. 200 также вводит нас в мастерскую сапожника. Вот с девушки снимают мерку для пары туфель; для этой цели у нее есть стол, чтобы бородатый рабочий, сидящий перед ним, мог обозначить контур ее подошв на коже, на которой она стоит.

Рис. 199.

В правой руке сапожник держит свой полумесяц, нож с изогнутым лезвием; подмастерье, сидящий с другой стороны, держит согнутый вместе кусок кожи, вероятно, предназначенный для изготовления верхней части обуви. Седовласый старик, возможно, хозяин мастерской или отец девушки, стоит рядом и дает указания; на стенах развешаны инструменты, веревки, полоски кожи и тому подобное. На рис. 201, аналогичном рис. 200, изображена кузница. Возле очага, от которого видна только часть, сидит на корточках молодой рабочий, держа щипцами в правой руке кусок железа на наковальне, в то время как другой рабочий, тоже без одежды, ударяет по железу массивным молотком, подвешенным обеими руками над его головой. Двое мужчин в гиматиях, возможно, посетители мастерской, сидят на низких табуретках. На полу лежат молоток и щипцы; на стенах висят инструменты, такие как молотки, стамески, сверла и изделия мастерской, а именно. меч и консервная банка.

Рис. 202 знакомит нас с мастерской художника и создателя металла. В присутствии двух мужчин, одетых в гиматии, двое рабочих, опираясь на свои палки, высекают или трудятся над колоссальной фигурой воина, изображенного в атакующей позе, которая установлена под строительными лесами. Есть еще одна колоссальная фигура обнаженного юноши, который упал на землю и простирает руки, словно моля о помощи. Здесь голова еще не была добавлена, поскольку, как правило, древние изготавливали свои большие бронзовые фигуры из нескольких частей; голова лежит на земле рядом со статуей, над которой рабочий что-то делает своим молотком, возможно, пытаясь сгладить шероховатости, образовавшиеся при отливке. Эта вторая фигура, по-видимому, связана с первой и в целом представляет группу сражающихся. Чуть дальше находится печь, за которой стоит помощник, оглядывающийся по сторонам; рабочий, скорчившийся на низком табурете, носит шапочку, которую обычно носят люди, работающие с огнем, и, следовательно, изображенные на изображениях Гефеста; он раздувает угли в печи до свежего жара длинным шестом, изогнутым на конце, а второй подмастерье стоит и смотрит на него, опираясь на свой молоток.

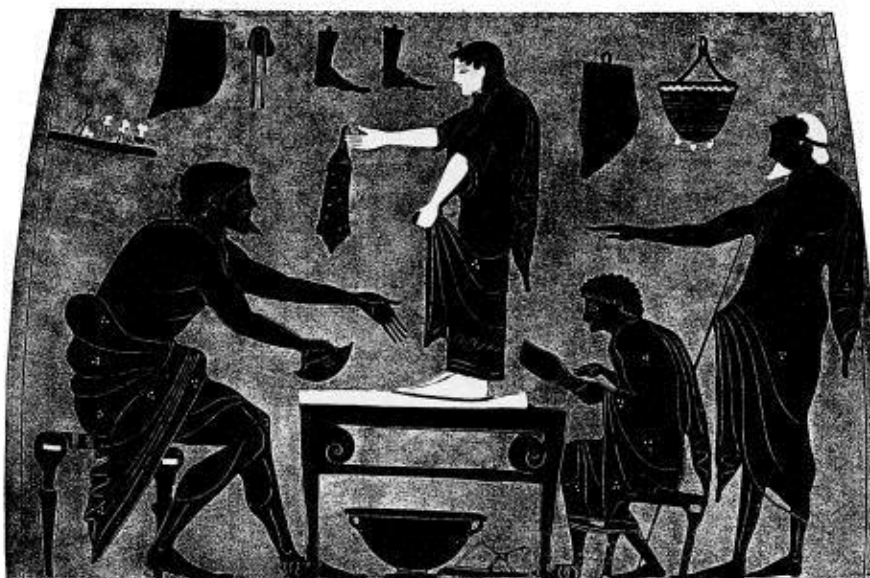

Рис. 200.

На стенах висят разнообразные инструменты — молотки, напильники, пила и т.д.; Также модели ног и голов и маленькие таблички с набросками целых людей и животных.

Не менее интересна мастерская вазописца, представленная на рис. [203](#). Здесь мы видим юношу, сидящего в кресле с большой чашкой с двумя ручками на коленях, которую он рисует кистью, которую держит в правой руке; рядом с ним стоит маленький низкий столик, на котором стоят несколько баночек с красками или лаком. Позади него молодой подмастерье, у которого рядом с ним на земле тоже стоят горшки, расписывает большую амфору; справа второй мальчик и девочка работают над чашей и другой амфорой, в то время как кувшин и большая чаша для питья (κάνθαρος) стоят на земле, а другие сосуды висят на стене. Афина, покровительница искусств, и Ника спешат увенчать умелых работников в награду за трудолюбие.

Трудно определить, какую работу выполняет величественный старик на рис. [204](#), терракотовая фигура из Танагры; перед ним доска, за которой он занят, и маленькая решетка. Одни называли его пекарем, другие - изготовителем гипсовых табличек "Париж", третьи - кожевником; возможно, он мог быть поваром, сидящим на улице и поджаривающим на сковороде какое-нибудь быстро приготовленное блюдо, чтобы продать его простым людям, которые часто добывали себе пищу таким способом у странствующих поваров.

Еще хуже, чем положение ремесленников, было положение наемных рабочих, то есть тех работников, которые, будучи свободными гражданами, не изучили никакого технического искусства, с помощью которого они могли бы зарабатывать себе на жизнь, и которые поэтому были вынуждены наниматься на тяжелый физический труд.

Рис. 202.

Не только горожане, но даже их жены часто были вынуждены выполнять такие черные работы, как поденщики на мельницах или в полях; многие такие рабочие носили тяжести в порту или помогали загружать или разгружать товары, таскать камни для строительства и т.д. Плата была очень маленькой, хотя бы из-за конкуренции рабского труда; иногда дневная заработная плата составляла три или четыре обола, хотя упоминаются и более высокие суммы. Флот, и в частности гребные лодки, комплектовался из представителей этого класса, который в социальном отношении считался низшим и носил название “тетес”.

Рис. 202.

В глазах греков торговцы стояли на одном уровне с рабочими-механиками. Конечно, существовало различие; если образованный грек, занимавшийся только высшими интеллектуальными занятиями, презирал ремесленника, потому что считал его физическую деятельность недостойной свободного человека, то торговец казался ему презренным, потому что на него влияло только стремление к наживе, и все его стремление было направлено на получение преимущества над другими. Прибыли и богатства, получаемые столь многими греческими государствами от торговли, было недостаточно, чтобы уменьшить предубеждение против занятий по зарабатыванию денег, даже простые люди были не в состоянии понять, что торговец из-за риска нанесения ущерба или даже потери своего товара, изменения ценовых условий и всех связанных с этим собственных неприятностей был вынужден требовать за свои товары более высокую цену, чем та, которая была первоначально уплачена им самим; и мнение о том, что бизнес торговца основан на жажде наживы и обмане, было настолько распространено, что даже такой философский интеллект, как Аристотель, находился под влиянием этого предрассудка. .

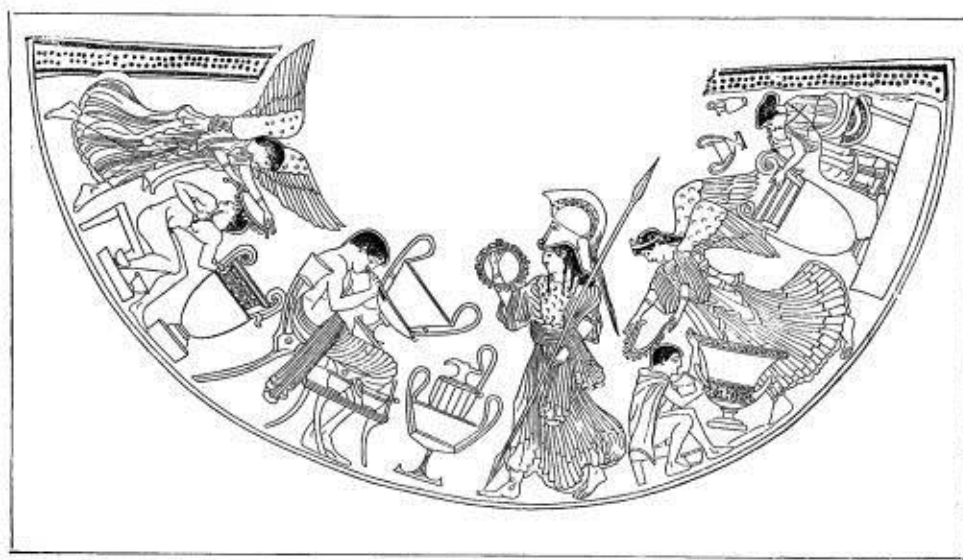

Рис. 203.

Возможно, что греческие купцы часто заслуживали репутацию нечестных людей, которую они носили; их предшественников, финикийцев, которые ранее вели всю торговлю Греции, не без оснований упрекали в обмане и даже в разбое и пиратстве, и вполне возможно, что следы этого все еще были видны у греческих купцов. И все же презрение к торговому классу не было направлено в равной степени на всех; оптовый торговец, который ввозил свои товары издалека и имел мало личных контактов с общественностью, был менее затронут этим; в торговых городах, таких как Эгина и Афины, большое количество богатых граждан принадлежало к этому классу. Но мелкий торговец был более подвержен упрекам в фальсификации мер и весов, фальсификации товаров, особенно продуктов питания, и всевозможным лживым уловкам. Были высказаны некоторые жалобы, которые слышны до сих пор, на то, что виноторговцы подмешивали воду в свое вино, что суконщики использовали искусственную подкормку, чтобы их материалы выглядели толще, что птицеводы выдували птиц, чтобы они казались толще, и т.д. Хуже всего была репутация торговцев зерном. Разделение между оптовыми и розничными торговцами, по-видимому, в древности было несколько более резким, чем в наши дни, отчасти потому, что первые были не только торговцами, но и мореплавателями.

Рис. 204.

Оптовые торговцы, как правило, были владельцами судов; они сами забирали свои товары во время путешествий или назначали вместо себя ответственных подчиненных. Судно было загружено дома товарами, которые, вероятно, нашли бы хорошую продажу в порту, в который оно направлялось; конечно, владелец заранее навел справки о лучших местах для продажи своих товаров, частных условиях, возможной конкуренции и т.д. Поэтому было очень важно выбрать подходящий момент, и искусственные маневры для повышения цен на товары не были чем-то необычным. Прибыв в пункт назначения, товары продавались публично, для чего в крупных гаванях были построены базары; затем товары покупались либо коллективно оптовым дилером, либо в небольших количествах более мелкими торговцами; были также агенты, которые брали на себя посредничество между покупателем и продавцом в обмен на комиссионные. Поэтому, как правило, товары покупались за деньги, главным образом продукты страны, которые можно было выгодно продать дома; было почти необходимо делать новые покупки, поскольку деньги другого государства не имели бы никакой ценности дома, хотя аттические деньги могли иметь хождение где угодно. Торговец не всегда довольствовался заходом в один-единственный порт; он часто посещал череду соседних портов, заходя по пути на более мелкие станции, иногда продавая, иногда покупая, и часто груз на корабле менялся три или четыре раза за время путешествия. Вероятно, эти оптовые торговцы имели дело не только с определенными товарами, как в наши дни, но брали все, что могло найти хорошую продажу, например, кукурузу, вино, масло, мед, шкуры, шерсть, одежду, текстильные изделия, изделия из металла, даже статуи и книги. Оплата производилась чеканной монетой, и расчет не всегда был простым из-за разнообразия денежных систем, преобладавших в древности. В гомеровскую эпоху товарообмен был обычным делом, но впоследствии он прекратился в цивилизованных странах, хотя в некоторых районах, как, например, в окрестностях Черного моря, он продолжался еще некоторое время.

Совсем иным было положение и род занятий розничного торговца или коробейника. Он не путешествовал по морю, вряд ли даже по суше, а обычно вел свои дела в одном месте; он либо покупал свои товары непосредственно у производителей, либо у оптовых торговцев и предлагал их на продажу в открытых магазинах или в киосках на рыночной площади; в крупных городах были специальные прилавки или рынки для определенных товаров, но те, кто предлагал свои товары в этих местах, обычно были самими производителями, таким образом, на Горшечном рынке в Афинах изделия предлагали настоящие гончары, которые, несомненно, изготовили их сами. Поэтому мы должны различать лавочников, которые жили только торговлей и сами ничего не производили, и производителей, которые сами привозили свои товары на рынок; древние считали последних торговцами, и ненависть, там, где она существовала, была направлена главным образом на мелких лавочников, которые продавали свои товары по как можно более высоким ценам. В небольших городах обстоятельства, возможно, были несколько иными, поскольку там осуществлялись только самые важные сделки, связанные с продуктами питания и одеждой, а многие отрасли вообще не были представлены; следовательно, многие виды товаров приходилось импортировать для продажи мелким лавочникам. Несомненно, жители маленьких городков и даже сельские жители часто ездили в столицу, чтобы удовлетворить свои потребности, особенно на большие рынки, проводимые в определенные дни месяца, обычно первого числа; национальные фестивали также предоставляли возможности для многих видов покупок, поскольку с ними обычно была связана своего рода ярмарка.

На рыночных площадях крупных городов обычно имелись крытые торговые ряды, в которых торговцы выставляли свои товары; в некоторых местах существовали торговые павильоны такого рода для особых товаров, таких как зерно, масло, мази и т.д. Помимо этих постоянных торговых точек, здесь были легкие киоски временного характера, построенные на манер палаток из тростника и льна. Жизнь на рыночной площади, вероятно, напоминала современную жизнь на юге; обычай выкрикивать и расхваливать товары существовал и в Древней Греции, так же как и чрезмерные требования продавца и пренебрежительное отношение со стороны покупателя, и даже

печально известная грубость продавщиц рыбы, по-видимому, была известна грекам. Мы находим упоминания также о торговле вразнос и переноске товаров из дома в дом, и это касалось главным образом провизии.

В греческом искусстве очень мало картин из жизни торговца. Рис. [205](#), взятый с вазописи, хотя и является карикатурой, представляет особый интерес из-за своего сюжета: некий киренский царь Арцесила (вероятно, мифический) изображен как торговец сильфием; хорошо известно, что растение сильфий, столь ценимое древними эпикурами, было родом из Кирены и являлось важным предметом торговли. Под навесом, занавески которого подвешены на кольцах, стоят большие весы, на которых пятеро мужчин взвешивают товары, часть из которых навалена на весы, а другие валяются на земле.

Рис. 205.

Большая часть товаров еще не распакована; однако эти рабочие уже наполнили ими большие шерстяные мешки, и один из них завязывает их, в то время как другой уносит. Взвешивание и упаковка производятся под руководством короля Арчесиласа, который сидит рядом, держа в левой руке свой скипетр, а правой, по-видимому, дает указания стоящему перед ним рабочему. Его костюм очень необычен. Пантера под креслом принца, ящерица, аист (или журавль), обезьяна и несколько голубей оживляют картину и частично указывают на место, где происходит действие. Под основным изображением, где, как мы должны предположить, находится подвал для складских помещений, рабочие складывают готовые пакеты под руководством человека в плаще.

Занятия, связанные с деньгами, были в значительной степени развиты в древности. Купцов, которые занимались таким бизнесом — банкиров и менял — греки называли “торговцами столами” (τραπεζίται), от стола, за которым они первоначально занимались своими занятиями. Их обязанности носили двойной характер; помимо собственно переодевания, они занимались вложением капитала и денежными операциями. Когда возросшая чеканка денег и расширение торговли и путешествий привели к тому, что крупные суммы оказались в руках отдельных лиц, те, кто не вложил свое имущество в товары, собственность или рабов, естественно, захотели извлечь из этого выгоду каким-либо другим способом, и таким образом постепенно развился ссудный бизнес, при котором капиталисты ссужали деньги тем, кто нуждался в них для любого торгового предприятия, в обмен на обеспечение и проценты. В облигации, оформленной в присутствии свидетелей, должны были быть указаны размер капитала, согласованные проценты, а также срок, на который был предоставлен заем. Для большей безопасности третье лицо обычно становилось обеспечением должника, или же закладывалось какое-либо имущество, стоимость которого соответствовала предоставленной займы сумме. Они проводили различие между залогами движимых объектов, таких как крупный рогатый скот, мебель, рабы и т.д.; и ипотеками, выдаваемыми частично на движимые объекты, такие как фабричные рабы, и частично на недвижимое имущество. Ипотечные кредиты такого рода были очень распространены в морском бизнесе. Торговец, занявший деньги у богатого горожанина для ведения с их помощью определенного бизнеса, закладывал свой корабль или товары, с которыми он имел дело, а возможно, и то и другое вместе, своему кредитору в официальном контракте. Они стремились получить как можно больше гарантий путем очень точных договоренностей относительно цели путешествия, характера товара и т.д.; Более того, интерес к бизнесу такого рода был очень высок, потому что кредитор рисковал потерять свою сделку полностью или частично из-за штормов, пиратов или других несчастий. Ипотека также выдавалась на земельную собственность, и право

собственности кредитора было начертано на каменных табличках, установленных на данной собственности, с указанием имени кредитора и суммы долга. В некоторых местах государство само вело книги учета закладных, в которые заносилось все имущество вместе с суммой заложенных по нему закладных. Здесь, как и по другим займам, проценты были высокими, и это было связано с незащищенностью торговли и весьма неполным развитием условий ведения сельского хозяйства. Законов против ростовщичества не существовало; от десяти до двадцати процентов или выше, если речь шла о риске на море, было обычным делом, но были даже случаи, когда доходило до тридцати шести или сорока восьми процентов. были изъяты. Конечно, при таких обстоятельствах были поданы жалобы на вымогательство.

Управление этим денежным бизнесом находилось в основном в руках банкиров. Их первоначальным и главным занятием была разменная монета — различные виды чеканки, вошедшие в обиход благодаря внешней торговле; и здесь они получали свою прибыль от обменного курса. Они также ссужали деньги, как небольшие суммы, так и капитал для торговли и других деловых начинаний, и это была их доля в этих денежных операциях. Богатые люди часто вкладывали свои деньги в этих банкиров, которые выплачивали им проценты и предоставляли им обеспечение или залоги; затем они сами ссужали деньги деловым людям и из-за риска, естественно, требовали более высокие проценты, чем платили сами. Но даже когда капиталист ссужал деньги непосредственно торговцу, при заключении контракта часто прибегали к посредничеству банкира; поскольку эти люди были хорошо известны публике благодаря своему обширному бизнесу и обладали значительными знаниями в области бизнеса. Как правило, хотя некоторые из них были известны как ростовщики, и иногда случались обманы и банкротства, они пользовались таким доверием, что их с радостью привлекали в качестве свидетелей при заключении деловых контрактов и просили заняться документами. У них также были депонированы деньги, которым в данный момент не было особого применения и которые не были бы в безопасности, если бы хранились дома; конечно, если бы этот капитал бездействовал, банкир не мог платить никаких процентов, но часто требовал определенную сумму за то, чтобы взять на себя управление вкладом. Некоторые из них оставляли свои деньги в руках менял, чтобы увеличить деловой капитал, и степень, в которой это было сделано, подтверждается тем фактом, что банкир Пасион во времена Демосфена при деловом капитале в 50 талантов (11 700 фунтов стерлингов) имел 11 талантов (2593 фунта стерлингов), одолженных частными лицами.

ГЛАВА XV.

РАБСТВО.

Рабы в Древней Греции—Пленные, взятые на войне—Работорговля—Цена рабов—Коренные крепостные—Илоты—пенесты и клароты—Статус раба—Защита от жестокого обращения—Обязанности раба—Способы освобождения.

ВСЕ социальные и экономические условия древности основаны на институте рабства и без него были бы невозможны; фактически, рабство настолько тесно переплетено со всей жизнью античности, что даже политическое развитие древних народов и их достижения в области искусства и промышленности были бы необъяснимы без существования большого числа рабов. Значение рабства в древности было настолько велико, что любой отчет о греческой жизни был бы неполным, если бы не давал хотя бы небольшого представления об этих особых условиях.

Институт рабства в Греции очень древний; невозможно проследить его происхождение, и мы находим, что даже в самые ранние времена он рассматривался как естественная необходимость, точка зрения, которой придерживались даже последующие века и самые просвещенные философы. В более поздние времена время от времени раздавались голоса, протестующие против необходимости этого института, демонстрирующие некоторое слабое представление об идее прав человека, но это были лишь отдельные мнения. С самых ранних времен право сильнейшего установило обычай, согласно которому пленники, взятые на войне, если их не убивали или не требовали выкупа, становились рабами победителей или продавались ими в рабство. Этот обычай, который был всеобщим в гомеровскую эпоху, продолжал существовать и в исторический период, так что он был принят не только в соперничестве между эллинами и варварами, но даже в многочисленных междоусобицах между эллинами и эллины часто обрекали своих соотечественников на тяжелую участь рабства; однако в более поздние времена к этому средству прибегали только в случаях особой вражды; как правило, они обменивали или выкупали пленных греков. Помимо войн, пиратство, первоначально считавшееся отнюдь не бесчестным, поставляло рабов на рынки; и хотя в более поздние времена предпринимались попытки ограничить его, торговля людьми никогда не прекращалась, поскольку потребность в рабах была значительной не только в Греции, но еще больше в странах Востока.

В исторический период рабы в Греции были по большей части варварами, главным образом из районов к северу от Балканского полуострова и Малой Азии. Греческие торговцы снабжались на больших невольничьих рынках, которые устраивались в городах на Черном море и на азиатском побережье Архипелага, не только самими варварами, но даже греками, в частности хианцами, которые вели значительную работорговлю. Затем эти рабы выставлялись на продажу дома; в Афинах первого числа каждого месяца для этой цели устраивались специальные рынки; рабов расставляли на помостах, чтобы покупатели могли осмотреть их со всех сторон, поскольку они стремились главным образом приобрести физическое совершенство и силу конечностей для тяжелой работы, и поэтому, если покупатели этого желали, рабов приходилось раздевать. Конечно, те рабы, которых покупали просто ради их физической силы, были наименее ценными; более высокая цена назначалась за тех, кто обладал какими-либо особыми навыками или подходил на доверенные должности, и значительные цены также назначались за хороших рабынь или красивых мальчиков. Следовательно, существовало большое разнообразие цен; во времена Ксенофонта цена за обычного раба мужского пола, пригодного только для грубой работы, составляла половину мины (около 2 фунтов стерлингов), в противном случае обычная средняя цена составляла две мины (около 8 фунтов стерлингов); для рабов, которые обладали какими-либо техническими навыками или высшим образованием, цена выросла с пяти до десяти мин (20-40 фунтов стерлингов) и даже в исключительных случаях составляла один талант (240 фунтов стерлингов).

Большая часть рабовладельческого населения состояла из тех, кто родился в рабстве, то есть детей рабов или свободного отца и матери-рабыни, которые, как правило, также становились рабами, если владелец не распорядился иначе. У нас нет возможности узнать, было ли велико или мало число этих детей-рабов, родившихся в домах Греции. В Риме они составляли значительную долю рабовладельческого населения, но условия в Италии сильно отличались от условий в Греции, и римские землевладельцы заботились об увеличении числа своих рабов не меньше, чем о своем скоте. Помимо этих двух классов рабов, тех, кто был захвачен на войне или в результате пиратства, и тех, кто родился рабами, существовал также третий, хотя и не важный класс. В прежние времена даже свободные люди могли стать рабами законными методами; например, иностранцы, если они пренебрегали своими юридическими обязательствами, и даже греки, если они были неплатежеспособны, могли быть проданы в рабство своими кредиторами - суровая мера, которая была запрещена законодательством Солона в Афинах, но все еще преобладала в других греческих государствах. Дети, разоблаченные, становились собственностью тех, кто находил и воспитывал их, и таким образом многие гетеры и девушки-флейтистки становились собственностью своих владельцев.

Наконец, мы знаем, что в некоторых странах эллинское население, первоначально проживавшее там, было покорено чужеземными племенами и стало рабами своих завоевателей, и их положение лишь в немногих отношениях отличалось от положения рабов-варваров, купленных на рынках. Такими местными крепостными были илоты в Спарте, пенесты в Фессалии, клароты на Крите и т.д. У нас есть большая часть информации о положении и обращении с илотами; но здесь мы должны относиться к заявлениям авторов с большой осторожностью, поскольку они, несомненно, сильно преувеличили в своих рассказах о жестокости, с которой спартанцы обращались с илотами. Тем не менее, несомненно, что во многих отношениях их судьба была печальной. Постоянный страх перед всеобщим восстанием со стороны илотов, который испытывали спартанцы, численность которых была намного меньше, и ужасная суровость, с которой они наказывали не только за реальное восстание, но даже за просто предполагаемую революцию, доказывают нам, что заявления о жестоком обращении с илотами не совсем безосновательны. Но, как правило, они не выполняли черную рабскую работу в домах свободных граждан, а обрабатывали их земли, и поскольку они были обязаны передавать владельцам только определенную часть прибыли, они могли оставить остальное себе, а иногда накапливать состояния и даже покупать свою свободу. Мы также не слышим о случаях, когда отдельные спартанцы обращались с подчиненными им илотами с особой суровостью — большинство случаев жестокости по отношению к илотам - это те случаи, когда государственные соображения, казалось, требовали такого разбирательства и были направлены не против отдельных лиц, а против всей массы рабов. Это было связано с любопытным устройством, по которому илоты были не частной собственностью отдельных граждан, как другие рабы, а государственной собственностью и закреплялись за определенным участком земли, а вместе с ним и за владельцем на некоторое время, не позволяя ему сохранять право собственности на них. Поэтому мы не должны рассматривать илотов в том же свете, что и обычных рабов; они были скорее общественными крепостными, и по этой причине они были в лучшем положении, чем те, кто принадлежал индивидуальным владельцам. Кажется несомненным, что помимо илотов в Спарте были и частные рабы, которые оказывали личные услуги по хозяйству.

Положение и обращение с рабами варьировались в разные периоды, а также различались в разных частях Греции. Здесь тоже условия героической эпохи были патриархальными, и различие между свободными людьми и рабами не было столь велико, как впоследствии. Заслуживающие доверия рабы присматривали за обширными фермами и многочисленными стадами; старые рабыни полностью руководили домашним хозяйством; они часто были тесно связаны с обитателями дома и проявляли трогательную верность и привязанность к своим хозяевам, с которыми они жили на дружеской ноге. Подобные условия существовали и в более поздние времена, но только в отдаленных пастбищных районах, таких как Аркадия, где даже в

историческую эпоху рабы считались почти членами семьи, ели за одним столом со своими хозяевами и разделяли их труды и развлечения. Вообще говоря, дорийцев считали суровыми хозяевами, а афинян - более добрыми и тактичными; фактически, распространенным упреком в адрес афинян было то, что их доброта выродилась в слабость, и что рабы нигде не были такими наглыми, как в Афинах; говорили, что они свободно выражали себя, не уступали дорогу даже свободным гражданам на улице, они пили, они собирались вместе на общие банкеты, заводили любовные интрижки и т.д., совсем как свободные люди. Эти упреки, по-видимому, не были полностью преувеличены, о чем свидетельствует важная роль, которую играли рабы в новой аттической комедии; обычно это были дерзкие, хитрые парни, которых мало заботили случайные побои, и они всегда были готовы сыграть со своими хозяевами злую шутку или вступить с сыновьями в интригу против их суровых отцов. Тем не менее в Аттике не было ничего необычного в побегах рабов, и поэтому рабовладельцы пытались предотвратить это строгим надзором и даже заковыванием в цепи и клеймением. Естественно, что темпераменту афинян, который быстро менялся от крайности к крайности, не часто удавалось найти правильное соотношение между суровостью и добротой, и поэтому при их внезапных переходах от чрезмерной предупредительности к жесточайшей жестокости настоящее чувство привязанности между рабами и хозяевами было очень редким; тем не менее, были случаи преданной верности со стороны рабов, и многие сохранившиеся надписи говорят о такой преданности, сохраняющейся даже до могилы.

Права, закрепленные законом за хозяином в отношении его рабов, были очень значительными. Он мог заковать их в цепи, заковать в колодки, обречь на тяжелейший труд — например, на мельницах, — оставить их без пищи, заклеить, наказать побоями и довести до крайнего предела выносливости; но, во всяком случае, в Афинах ему было запрещено убивать их. Эти суровые наказания обычно применялись для особых случаев упрямства, воровства или чего-то подобного; как правило, с рабами обращались так же, как с нашими слугами. Их хозяева выдавали им обычную одежду ремесленников и мастеровых — экзомис, или короткую одежду с рукавами (сравните терракотовую фигурку, № 206); их пища была простой, но питательной, в основном ячменной кашей и бобовыми, иногда мясом; их питьем было дешевое местное вино; у них были собственные спальни, обычно спальни рабов-мужчин были отделены от спален рабынь, за исключением случаев, когда хозяин позволял рабу основать семью и жить с одним из своих товарищей-рабынь.

Рис. 206.

Законные браки между рабами были невозможны, поскольку они не обладали личными правами; владелец мог в любой момент снова разделить семью рабов и продать отдельных ее членов. С другой стороны, если бы рабы были в состоянии зарабатывать деньги, они могли бы сколотить собственное состояние; тогда они работали бы за свой счет и платили только определенную долю своим владельцам, оставляя остальное себе, и когда они накопили необходимую сумму, они могли бы выкупить свою свободу, предполагая, что владелец был готов согласиться, поскольку его никто не принуждал. Вообще говоря, положение государственных рабов было еще более благоприятным. Были определенные профессии, за которые свободные люди не желали браться, и для этой цели государство использовало рабов; так, например, в Афинах палачи, мучители, тюремщики и полицейские были рабами; у них были собственные жилища, выделенные им государством, они могли владеть собственностью и получали небольшое жалованье от государства, из которого они должны были сами себя кормить и одевать; они могли также зарабатывать деньги другими видами работы и иногда достигали состояния. Некоторые из них, как, например, афинская полиция, занимали должность, которая давала им определенные права по отношению к гражданам, и, следовательно, положение этих общественных рабов должно было быть очень независимым, в то время как многочисленные храмовые рабы также ощущали тяжесть своего положения гораздо меньше, чем те, владельцами которых были частные лица.

Защита, предоставляемая рабам государством, была очень незначительной, но и здесь в разных штатах были различия. Только в случаях крайней необходимости государство вмешивалось в отношения между хозяином и рабом. В древнейший период владелец имел власть над жизнью и смертью своего раба, но более позднее законодательство положило этому конец, и в Афинах, в частности, хозяин не мог даже убить раба, если застал его за совершением преступления, наказанием за которое была смерть; случаи необходимой обороны или такие, когда преступление можно было предотвратить только убив преступника, были, конечно, исключены. Если какой-либо владелец убивал своего раба, не имея возможности оправдаться, он наказывался за это, но не так сурово, как если бы он убил свободного человека, а только так, как если бы это было непредумышленное убийство. Дальнейшую защиту от чрезмерно жестокого обращения со стороны их хозяев обеспечивало право убежища, которое позволяло рабу искать убежища у алтаря какого-либо бога, где он находил, во всяком случае, защиту на какое-то время; они могли даже, предположив, что их хозяева слишком жестоко использовали их, попросить продать их другому хозяину, и даже кажется, что владелец мог быть юридически вынужден удовлетворить эту просьбу. В других отношениях государство мало обращало внимания на рабов, за исключением запрета определенных вещей, таких как гимнастические упражнения, занятия любовью со свободными гражданами, участие в определенных фестивалях и жертвоприношениях. Очень любопытными и характерными для их взгляда на рабов были договоренности, когда раб должен был давать показания в суде. Их мнение о моральном облике варваров, и особенно о тех, кто не был свободен, было настолько плохим, что они думали, что рабов можно заставить говорить правду только прямым физическим принуждением, и поэтому их всегда допрашивали под пытками. Если в судебном процессе одна сторона требовала показаний раба своего оппонента, последний мог отказаться от них, но он делал это с риском проигрыша судебного процесса. Иногда хозяин добровольно предлагал своего раба в качестве свидетеля. Если пытки, которые были различных степеней, некоторые из них очень серьезные, нанесли какой-либо длительный вред его телу или здоровью, владелец может потребовать компенсации, предполагая, что он не был проигравшим в этом деле.

Способы использования рабов сильно различались в зависимости от того, требовались ли хозяину его рабы для личной службы или домашнего хозяйства, или он использовал их для работы в поле или в каком-либо ремесле, или отправлял их работать на других. Среди тех, кто состоял на личном служении своему господину, были все, кто был занят домашними обязанностями и прислуживанием своему господину и его семье. Их количество, конечно, регулировалось размером семьи; бедной семье часто приходилось довольствоваться одним рабом, но очень

немногие были настолько бедны, что не имели ни одного; в больших домах содержалась целая армия рабов, у каждого из которых были свои особые обязанности, хотя часто и очень незначительные. Это были привратник, рабы, которые сопровождали своего хозяина или его семью на улице, пайдагоги, горничная, повар, кучер, конюхи, водоносы, работники по пошиву шерсти и т.д. Вся эта армия слуг обычно находилась под непосредственным наблюдением суперинтенданта или стюарда, который сам был рабом, но заслуживал особого доверия, которому его хозяин часто доверял настолько, что распоряжался его ключами и кольцом с печаткой. Должность этих управляющих имела особое значение в загородных поместьях, где у них в непосредственном подчинении находились все рабы, необходимые для ведения сельского хозяйства, и они должны были назначать им занятия и руководить их работой, если только хозяин не брался за это или сам не переезжал жить в поместье. Рабы, которые могли бы занимать такие доверенные посты, конечно, стоили бы очень дорого, и их положение никоим образом не может сравниться с положением обычных рабов. То же самое можно сказать о тех, кто обладал некоторой интеллектуальной культурой и мог служить своим хозяевам в качестве секретарей или чтецов или даже помогать им в научных трудах, делая выписки и т.д.; Но это было гораздо реже среди греческих рабов-варваров, чем среди греческих рабов римлян. Рабы также могли оказывать своим хозяевам важную помощь с помощью технических навыков; таким образом, в богатом доме, помимо повара, был специальный пекарь для выпечки хлеба и пирожных, а также ткачихи, валяльщицы, вышивальщицы, в чьи обязанности входило обеспечивать их одеждой. И как рабы в деревне должны были работать в полях и на лугах, ухаживать за виноградниками и оливковыми садами, сторожить скот и ухаживать за ним, так и ремесленник заставлял своих рабов работать в своей мастерской и либо сам обучал их своему искусству, либо покупал таких, которые уже были обучены для этой цели. Даже у врачей часто были помощники-рабы, и некоторые из них пользовались таким доверием своих хозяев, что занимали их место у постели больного.

Также было очень распространено, что люди, которые сами не были ремесленниками, владели несколькими рабами, которые занимались каким-то определенным ремеслом, например, на фабрике. У древних рабы заменяли машины, поскольку их было относительно дешево покупать и обслуживать, и, таким образом, фабрика такого рода, на которой работали рабы, была хорошим вложением капитала, особенно если владелец достаточно разбирался в бизнесе, чтобы самому руководить им, или если у него был хороший надсмотрщик. Эти фабриканты также избежали предрассудков по отношению к ремесленникам; владеть рабами, которые зарабатывали деньги трудом своих рук, не считалось “механическим” до тех пор, пока они держали свои собственные руки подальше от работы. Так, отец Демосфена владел фабрикой ножей, отец Исократ - фабрикой флейт, Лисий и его брат владели фабрикой щитов со ста двадцатью рабочими. Рабы, которые работали на них, не обязательно все были собственностью владельца. Очень часто рабовладелец, который сам не разбирался в бизнесе, сдавал свой дом кому-то, кто занимался им на свой страх и риск; или, предположив, что у хозяина среди его рабов был человек, разбиравшийся в каком-то определенном ремесле, он сдавал его на определенное время за плату (которая выплачивалась не рабу, а хозяину) кому-то, кто мог его использовать, возможно, на крупной фабрике. Таким образом, рабов часто выпускали для работы в шахтах, для которой требовалось очень много рабочих рук; фактически, их могли выпускать на длительный или короткий период, даже на дни и полдня, для работы в полях, домашних работ, личного обслуживания и т.д. Многие девушки-флейтистки и гетеры были рабынями и нанимались своими владельцами на час, день или месяц - порядок, с которым мы знакомы по древней комедии.

Более того, иногда случалось, что рабы, освоившие какую-либо профессию, заключали соглашение со своими хозяевами о выплате им определенной доли своего заработка, а остальное оставляли себе; иногда они жили в своих собственных домах и сами платили за еду, и могли легко заработать достаточно, чтобы выкупить свою свободу.

Существовали различные способы освобождения рабов, и процедуры были разными в разных штатах; вопрос о том, был ли раб частной собственностью, принадлежал ли он государству или

какому-либо святилищу, также имел определенное значение. Не существовало определенной юридической формулы для освобождения частных рабов, как в Риме; государство не вмешивалось в этот вопрос, а лишь требовало определенного налога с освобожденного раба. Как правило, акт освобождения совершался при свидетелях или публично в каком-либо большом собрании, в Театре, в судах и т.д., чтобы дать освобожденному человеку гарантию его действительности. Часто случалось, что владелец предоставлял свободу всем или некоторым своим рабам в своем завещании либо сразу после своей смерти, либо при условии, что раб должен служить его наследникам в течение определенного периода или выплатить им определенную сумму из своего собственного заработка в обмен на свою свободу. Если раб приобретал свою свободу при жизни своего хозяина, существовал любопытный механизм установления законности судебного разбирательства, поскольку раб не мог заключить юридически действительный контракт. Мы обязаны нашими знаниями об этом процессе главным образом документам Delphi. Должна была быть проведена фиктивная продажа; хозяин продавал раба за сумму, указанную в контракте (которая выплачивалась самим рабом, если только она не была переведена хозяином) какому-нибудь богу, *например*, Аполлону в Дельфах, при условии, что он будет свободен, как только вступит во владение бога. После этого раб не стал храмовым рабом, но был освобожден богом, вероятно, в обмен на какую-то небольшую плату святилищу. Поскольку эти контракты заключались в присутствии свидетелей, обычно жрецов соответствующего божества, и сдавались на хранение в святилище, освобожденный раб имел гарантию того, что впоследствии не будет востребован своим бывшим хозяином или его наследниками и снова не потеряет свою свободу. Иногда эти контракты содержали пункты, которые обязывали раба выполнять определенные обязательства по отношению к своему хозяину до конца его жизни, или по отношению к его наследникам, или заботиться о погребении и могиле своего бывшего хозяина и т.д. В большинстве случаев освобожденный раб не сразу терял всякую связь со своим старым хозяином; он не был гражданином, и поэтому его бывший владелец становился его законным покровителем. В контракте не было ничего необычного в том, что в случае смерти раба без детей его имущество должно принадлежать его бывшему хозяину или его наследникам, а иногда это распространялось даже на детей раба, предполагая, что они, в свою очередь, умерли, не оставив законных наследников. Возможно, часто случалось, как это было и среди некоторых русских крепостных в наше время, что освобожденный раб был богаче своего хозяина, и таким образом мы можем объяснить такие обязательства, как уже упомянутые, или условие, согласно которому освобожденный раб должен содержать своего хозяина до его смерти. Право гражданства редко предоставлялось рабам, когда они были освобождены; если бы это было так, конечно, все подобные обязательства были бы опущены. Обычно это делалось, когда раб заслуживал особого расположения своей страны; так, например, все те, кто сражался в битве при Аргинусах, получили свободу и право гражданства. Условия в Спарте были иными; иногда илоты получали свою свободу от государства, особенно те дети илотов, которые получали образование и воспитывались вместе с сыновьями граждан, но право гражданства никогда не сочеталось с этой свободой. Тем не менее, не было ничего необычного в том, что дети, рожденные от отцов-спартанцев и матерей-илотов, были свободными людьми и гражданами; знаменитые спартанские полководцы Лисандр, Гилипп и Калликратидас были сыновьями спартанцев и илотов.

Было бы невозможно сделать предположение о количестве рабов в Греции. Сохранились утверждения по этому вопросу, но их недостаточно, чтобы дать нам какое-либо общее представление. Не может быть никаких сомнений в том, что их было очень много; отсутствие рабов вообще было признаком величайшей бедности, и Эсхин упоминает, как признак очень скромного домашнего хозяйства, что рабов было всего семь на шесть человек. Если мы добавим к этим домашним рабам многие тысячи людей, работавших в стране, на фабриках и рудниках, а также тех, кто был собственностью государства и храмов, то, по-видимому, нет сомнений в том, что их число должно было значительно превышать число свободного населения. Пагубное влияние этой части населения, которая была в основном варварами, ощущалось по-разному; и

хотя в Греции это не так очевидно, как в Риме, где катастрофические последствия рабства наиболее заметны, все же мы не можем без колебаний утверждать, что быстрое падение Греции с ее политической и социальной высоты и печальная картина, которую она представляла под римским владычеством, были вызваны, среди прочих причин, в значительной степени институтом рабства.

КОНЕЦ.

СПИСОК АВТОРИТЕТНЫХ ИСТОЧНИКОВ, К КОТОРЫМ ОБРАЩАЛИСЬ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ЭТОЙ КНИГИ.

I.—РАБОТЫ, ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ТЕМЕ В ЦЕЛОМ.

- Дж. А. Сент-Джон. "Эллины". Лондон, 1844.
Дж. П. Махаффи. "Общественная жизнь Греции от Гомера до Менандра". Лондон, 1875.
В. А. Беккер. "Charikles neu bearbeitet von H. Goell." Berlin, 1877.
К. Ф. Германн. "Griechische Privataltertümer", 3-е изд., под редакцией Х. Блюмнера. Freiburg and Tübingen, 1882.
Панофка. "Bilder antiken Lebens." Berlin, 1843.
Панофка. "Griechen und Griechinnen." Berlin, 1844.
Weiszer. "Lebensbilder aus dem Klassischen Altertum." Stuttgart, 1862.
A. Baumeister. "Denkmäler des Klassischen Altertums." Мюнхен, 1884.
Th. Schreiber. "Kulturhistorischer Atlas des Altertums." Leipzig, 1885.
H. Blümner. "Kunstgewerbe im Altertum." Leipzig and Prague.

II.—РАБОТЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ СПЕЦИАЛЬНЫМ ТЕМАМ.

1. *Костюм.*

- W. Helbig. "Das homerische Epos aus den Denkmälern erläutert." Leipzig, 1884, pp. 115-180.
J. Boehlau. "Quaestiones de re vestiaria Graecorum." Weimar, 1884.
FR. Studniczka. "Beiträge zur Geschichte der altgriechischen Tracht." Vienna, 1886.
Th. Schreiber. "Mitteilungen des deutschen archaeologischen Instituts in Athen." Vol. VIII. (1883), стр. 246 и далее; IX. (1884), стр. 232 и далее

2. *Рождение и раннее детство.*

- X. В. Сведицкий. "Die Pflege der Kinder bei den Griechen." Breslau, 1877.
Becq de Fouquières. "Les jeux des anciens." Париж, 1869.
L. Grasberger. "Erziehung und Unterricht im Klassischen Altertum." Würzburg, 1864-1881.

3. *Образование.*

- L. Grasberger. (См. 2.)
Дж. Л. Уссинг. "Erziehung und Jugendunterricht bei den Griechen und Römern." Berlin, 1885.

4. *Брак и женщины.*

Никаких специальных книг не цитируется.

5. *Повседневная жизнь в Доме и за его пределами.*

Г. Билфингер. "Die Zeitmesser der antiken Völker." Stuttgart, 1886.

6. *Питание и светские развлечения.*

Анастасиос Мальтос. Новогреческий труд о симпозиумах древних греков. Афины, 1880.

7. *Болезнь и врачи; Смерть и погребение.*

Велкер. "Kleine Schriften." III., pp. 1 f.

8. *Гимнастика.*

L. Grasberger. (См. 2.)

Дж. Х. Краузе. "Die Gymnastik und Agonistik der Hellenen." 2 vols. Leipzig, 1841.

Изд. Пиндер. "Ueber den Fünfkampf der Hellenen." Berlin, 1867.

Х. Марквардт. "Zum Pentathlon der Hellenen." 1886.

9. *Музыка и танцы.*

К. В. Янв. "Die Griechischen Saiteninstrumente. Programm des Lyceums von Saargemünd." Leipzig, 1882.

Геверт. "Histoire et théorie de la musique dans l'antiquité." Vol. II. (1881), pp. 241 f.

К. В. Янв. An article in "Baumeister's Denkmäler des Klassischen Altertums." I., 553 f.

10. *Религия.*

К. Ф. Германн. "Lehrbuch der gottesdienstlichen Altertümer der Griechen." Второе издание. Переработано К. Б. Старком. Heidelberg, 1858.

Metzger. Статья, озаглавленная *Divinatio* в книге Поли "Realencyklopädie". II., стр. 1113 f.

Bouché-Leclercq. "Histoire de la divination dans l'antiquité." Париж, 1880 год.

Büchschütz. "Traum und Traumdeutung im Altertum." Berlin, 1882.

11. *Игры и фестивали.*

Й. Х. Краузе. "Ελληνικά". Часть I. Олимпия. Вена, 1838. Part II., Pythien, Nemien, und Isthmien. Leipzig, 1841.

E. Curtius. Олимпия. Berlin, 1852.

Ad. Böttiger. Олимпия. "Das Fest und seine Stätte." Второе издание. Berlin, 1886.

Холверда. Статья в "Archæologische Zeitung" за 1880 год, стр. 169 и далее.

А. Моммзен. "Delphica." Leipzig, 1878, pp. 149-214.

H. Guhrer. "Der Pythische Nomos" in "Supplemente der neuen Jahrbücher für Philologie und Pädagogie." Vol. VIII., стр. 309 и далее

А. Моммзен. "Heortologie. Antiquarische Untersuchungen über die städtischen Feste der Athener." Leipzig, 1864.

А. Михаэлис. "Der Parthenon." Leipzig, 1871.

Preller. Статья в книге Поли "Реальная энциклопедия". Том III., стр. 83 и далее.

Preller. "Demeter und Persephone." pp. 342 f.

12. *Театр.*

Визелер. Статья, озаглавленная "Театр грехов", в "Эрше". "Энциклопедия" Грубера. Первая серия. Том. LXXXIII., стр. 243 и далее.

Визелер. "Theatergebäude und Denkmäler des Bühnenwesens." Göttingen, 1851.
 Alb. Müller. "Lehrbuch der szenischen Altertümer." Freiburg-im-Br., 1886.
 У. Дональдсон. "Театр греков". Девятое издание, Лондон, 1879.
 Lüders. "Die Dionysischen Künstler." Berlin, 1873.
 Зоммербродт. "Scaenica." Берлин, 1876. стр. 199 ф.
 Арнольд. An article in "Verhandlungen der 29ten Philologen Versammlung," 1875. pp. 16 f.
 Визелер. "Das Satyrspiel." Göttingen, 1848.
 О. Benndorf. "Beiträge zur Kenntnis des Attischen Theaters," an article in the "Zeitschrift für österreichische Gymnasien." 1875.

13. *Война и мореплавание.*

W. Rüstow and H. Köchly. "Geschichte des Griechischen Kriegswesens." Aarau, 1852.
 Helbig. "Das Homerische Epos aus den Denkmälern erläutert." pp. 195-250.
 Jähns. "Handbuch einer Geschichte des Kriegswesens von der Urzeit bis zur Renaissance." Leipzig, 1880.
 A. Müller. An article in Baumeister's "Denkmäler des Klassischen Altertums." T. I., стр. 525 ил.
 Бокх. "Urkunden über das Seewesen des Attischen Staates." Berlin, 1840.
 Грейзер. "De veterum re navali." Berlin, 1864.
 А. Карто. "La trière Athénienne." Париж, 1880 год.
 А. Брейзинг. "Die Nautik der Alten." Bremen, 1886.
 Raoul Lemaître. "Sur la disposition des rameurs sur la trière antique," an article in the *Revue Archéologique* for 1883. pp. 89 f.

14. *Сельское хозяйство, торговля и коммерция.*

Büchsenschütz. "Besitz und Erwerb." Halle, 1869.
 Büchsenschütz. "Die Hauptstätten des Gewerbflusses im klassischen Altertum." Leipzig, 1869.
 W. Drumann. "Die Arbeiter und Kommunisten in Griechenland und Rom." Königsberg, 1860.
 Blümner. "Die gewerbliche Thätigkeit der Völker des klassischen Altertums." Leipzig, 1869.
 Blümner. "Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern." 4 vols. Leipzig, 1875-1887.

15. *Рабы.*

Валлон. "Histoire de l'esclavage dans l'antiquité." Второе издание. Париж, 1879.
 Büchsenschütz. "Besitz und Erwerb." pp. 104—208.

НАПЕЧАТАНО КОМПАНИЕЙ CASSELL & COMPANY, LIMITED, LA BELLE SAUVAGE, ЛОНДОН, ВОСТОЧНАЯ
ЕВРОПА

СНОСКИ:

[A] Перевод С. К. Калверли.

[B] Перевод Дж. Хукхэма Фрера.

[C] Перевод С. К. Калверли.

[D] Ниссен.—“Помпейская студия”.

[E] Каллистрат, перевод Элтона.

[F] Перевод Т. Дж. Арнольда.

[G] Сравните эссе Рауля Леметра “О расположении предметов антиквариата в триере” в “Археологическом ревю” за 1883 год, стр. 89 и след. Его выводы, однако, отличаются от выводов Грейзера. Вопрос о расположении весел все еще остается открытым.

THE HOME LIFE
OF THE ANCIENT
GREEKS

[back](#)

[back](#)

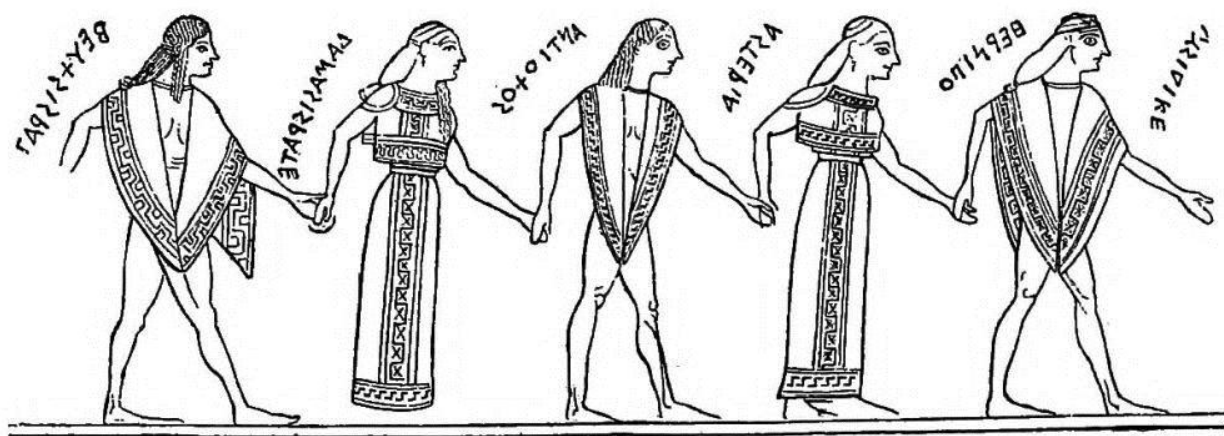
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

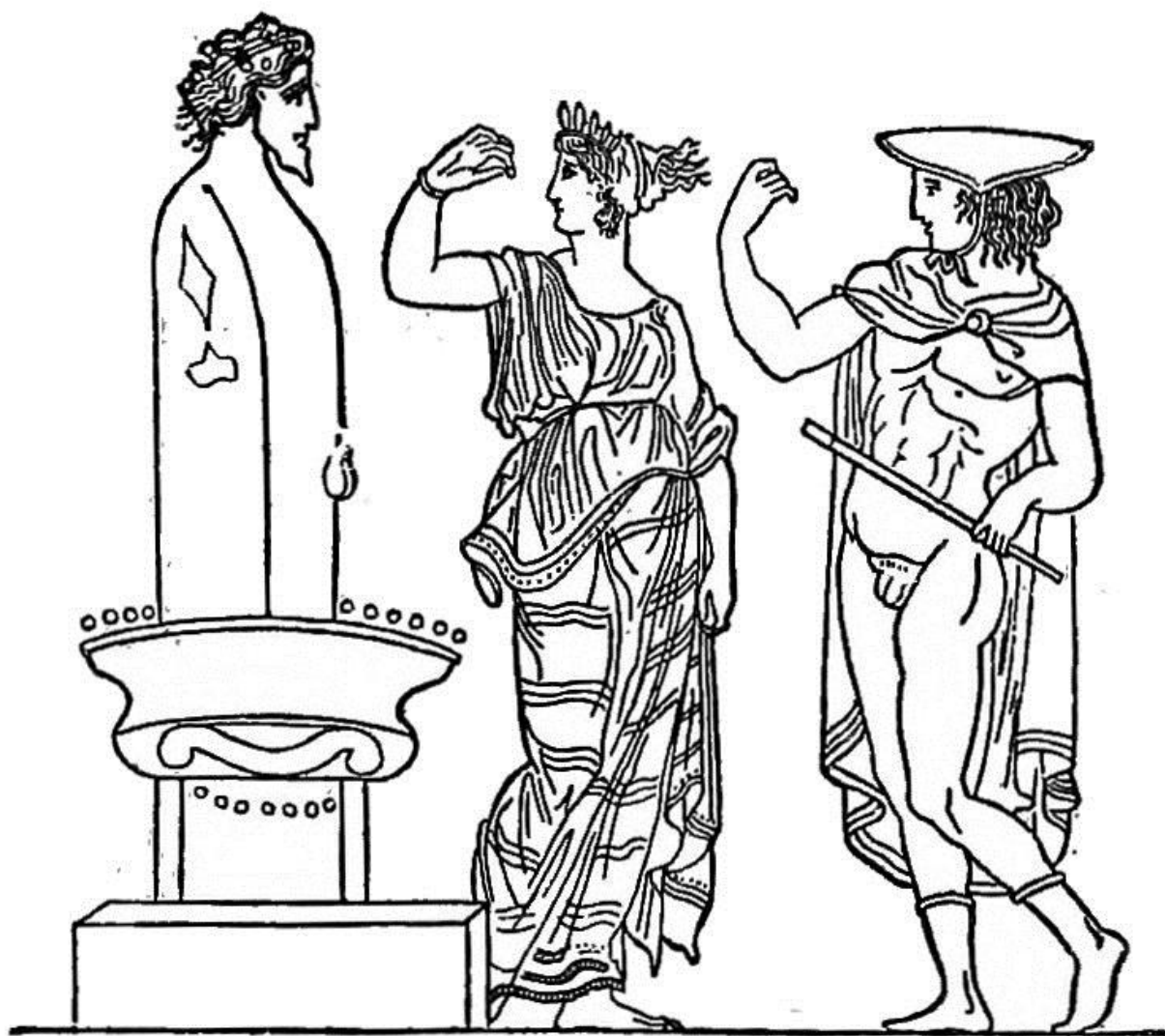
[back](#)

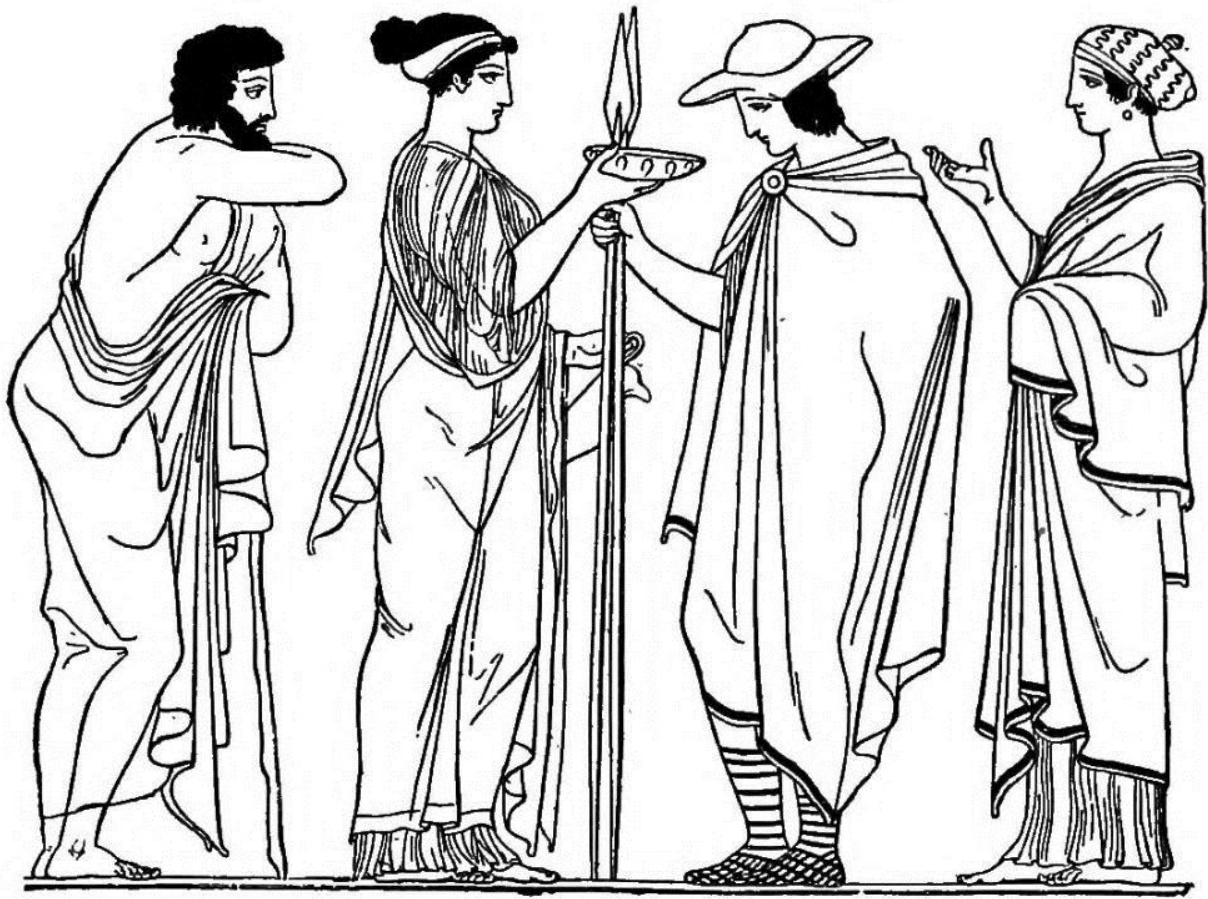
[back](#)

[back](#)

[back](#)

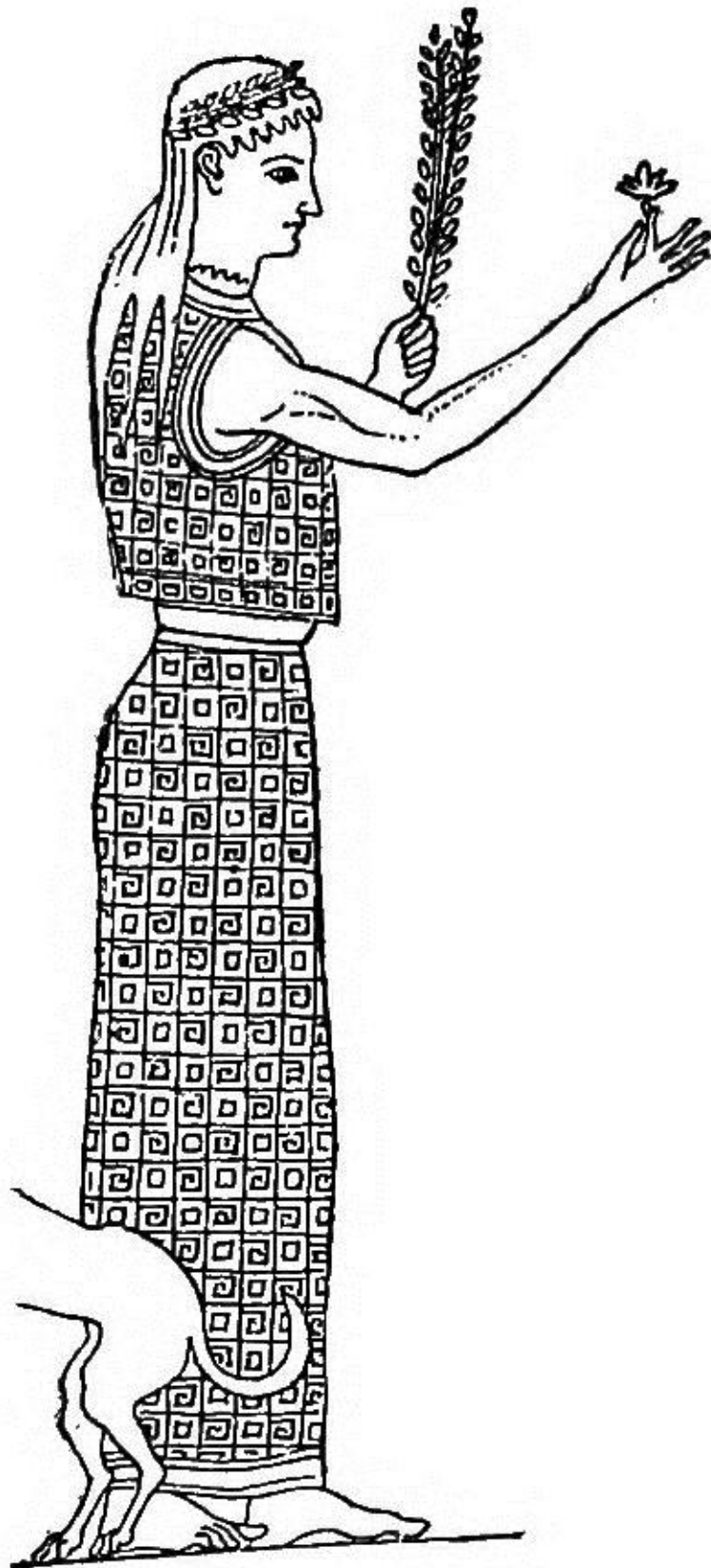

[back](#)

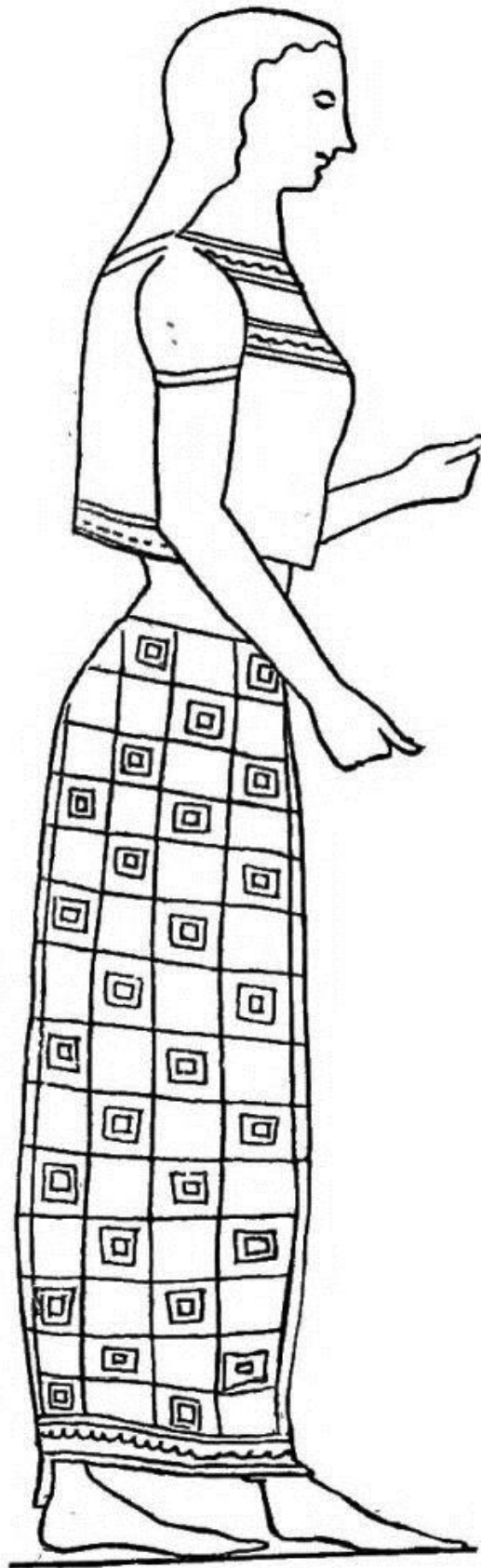
Mo p A

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

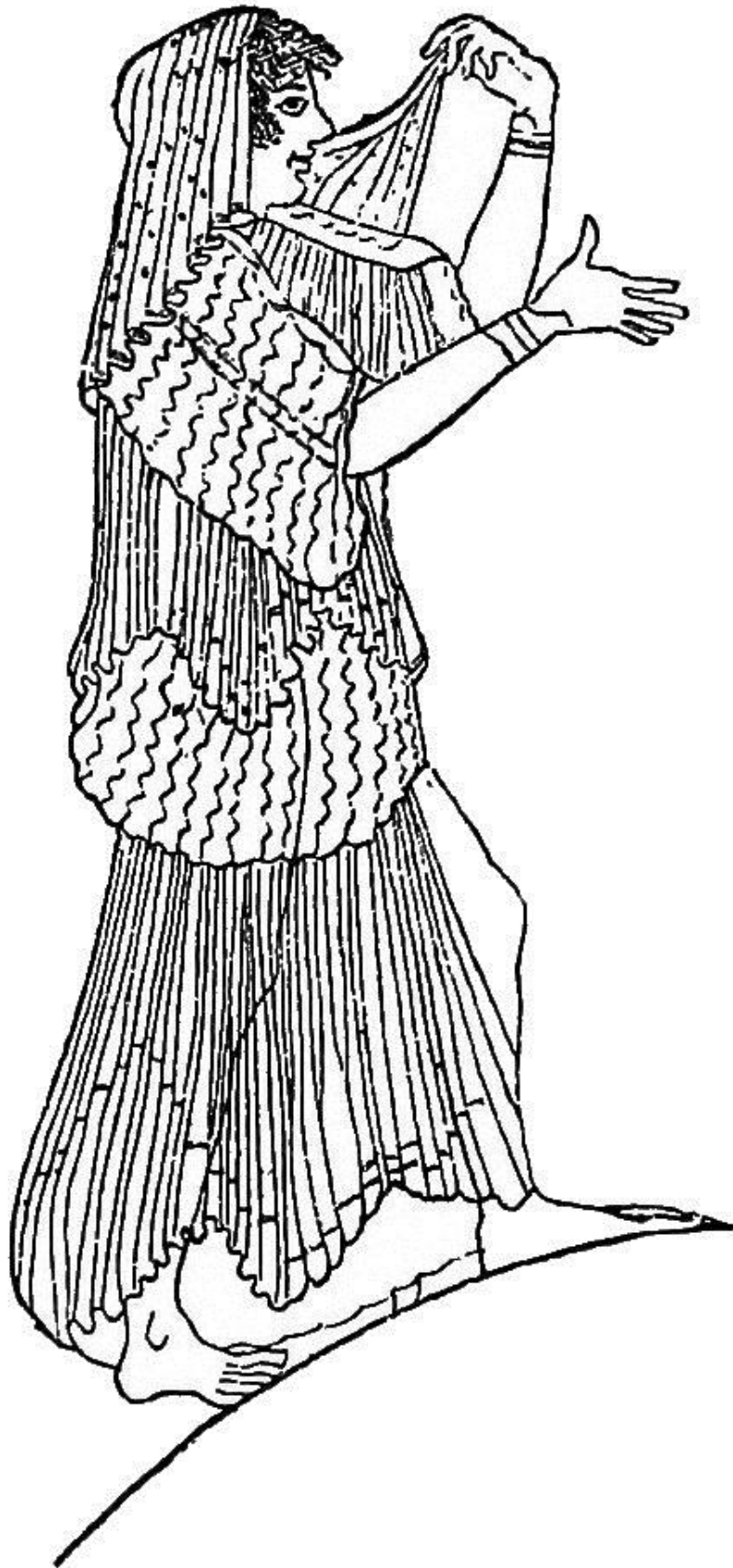
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

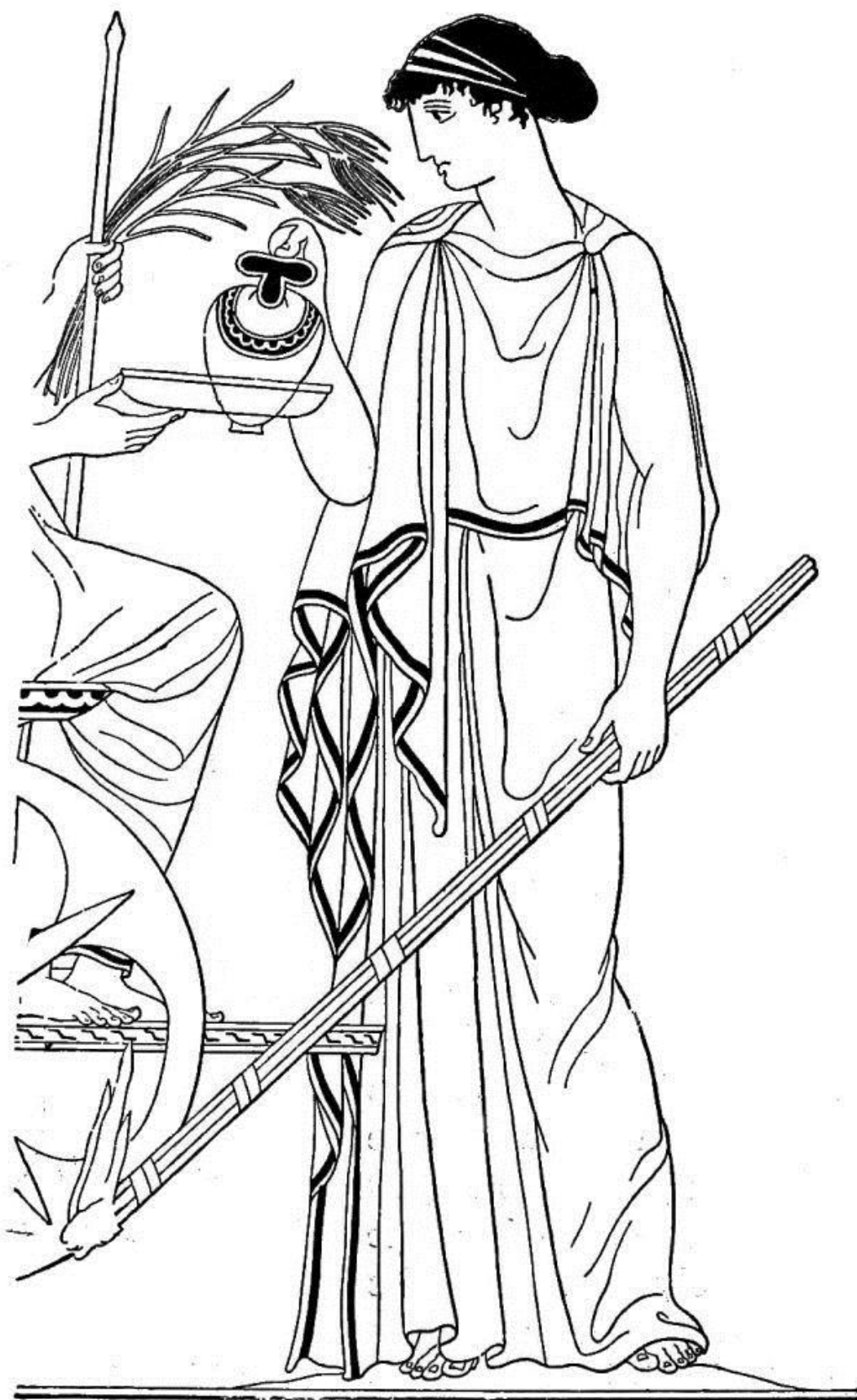
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

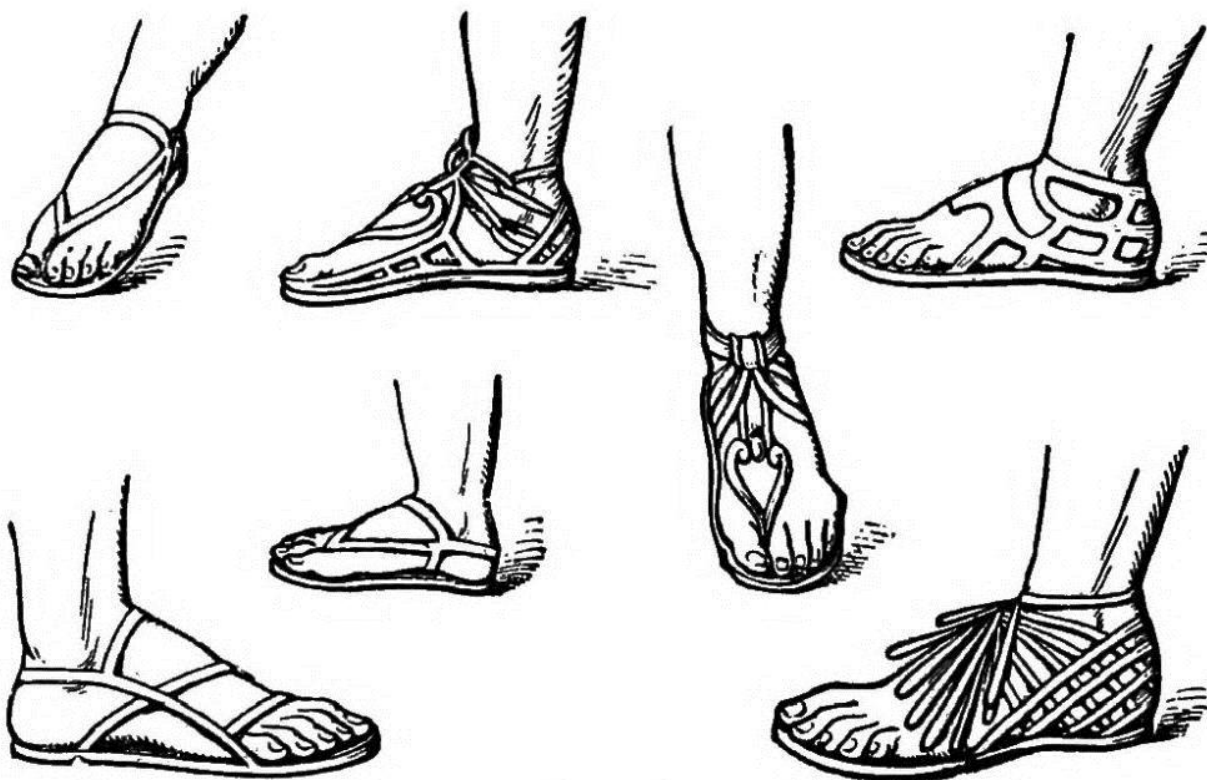
[back](#)

[back](#)

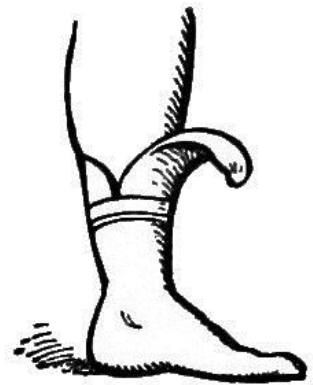
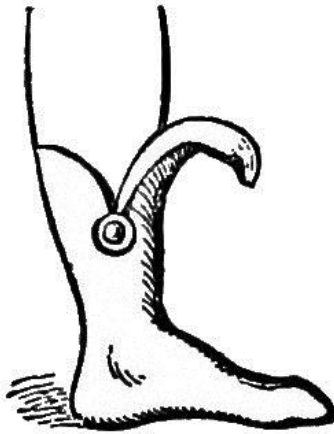
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

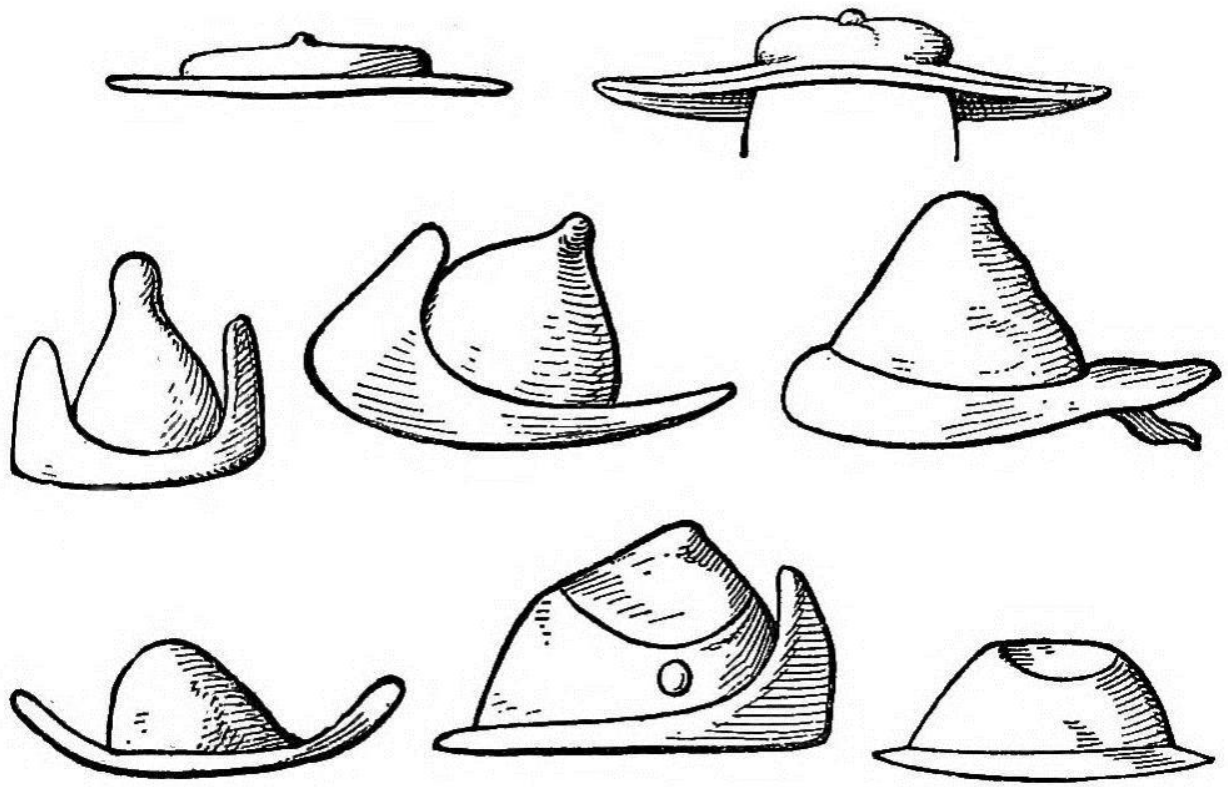
[back](#)

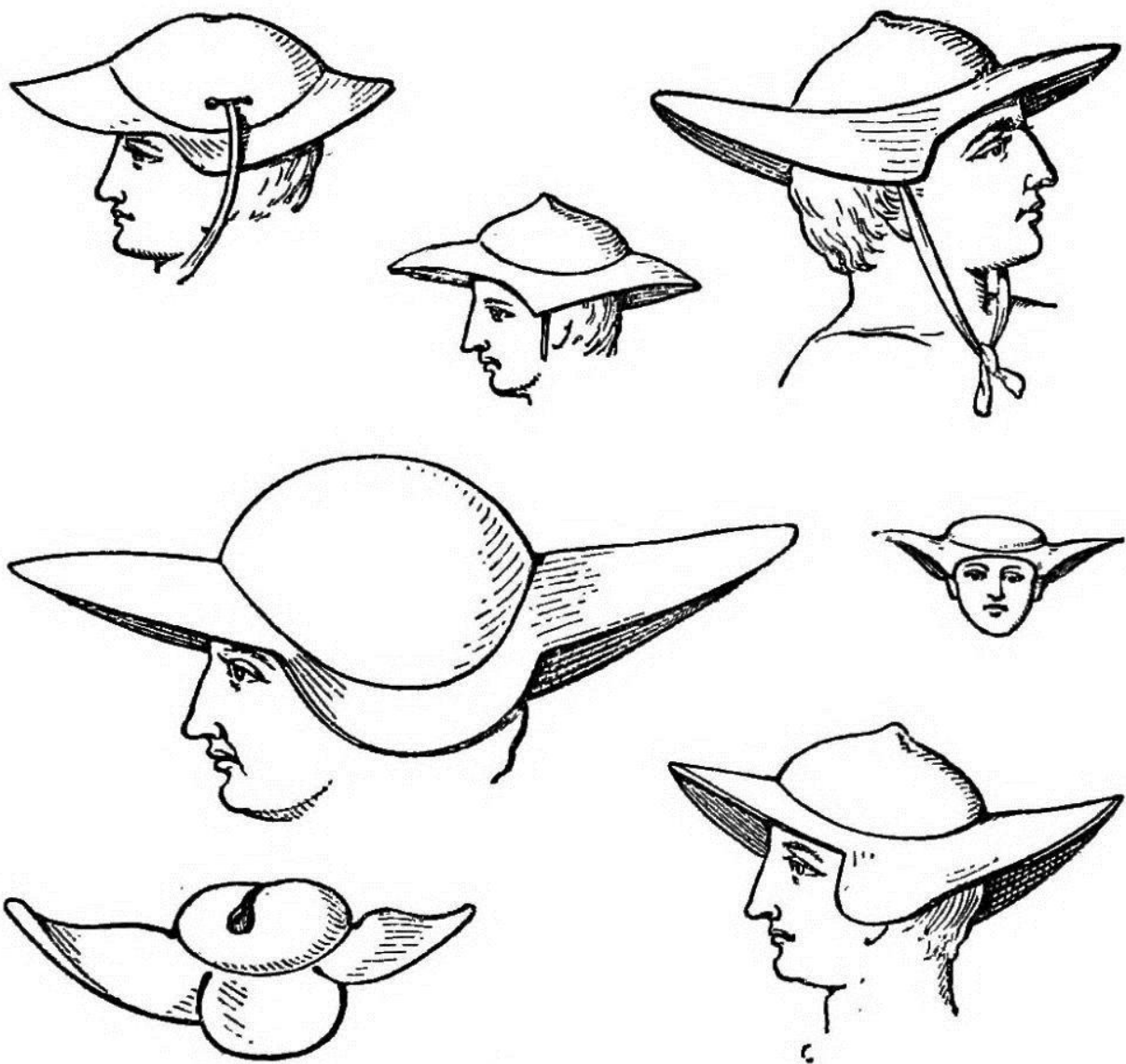
[back](#)

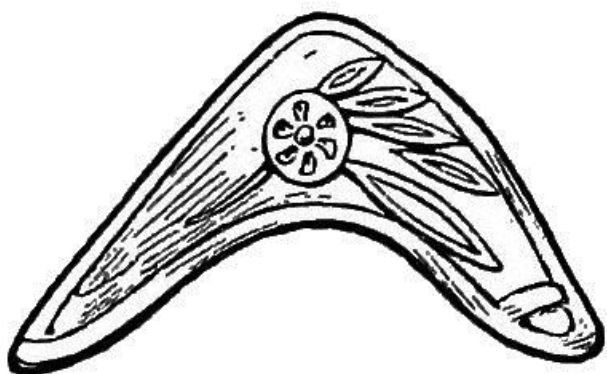
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

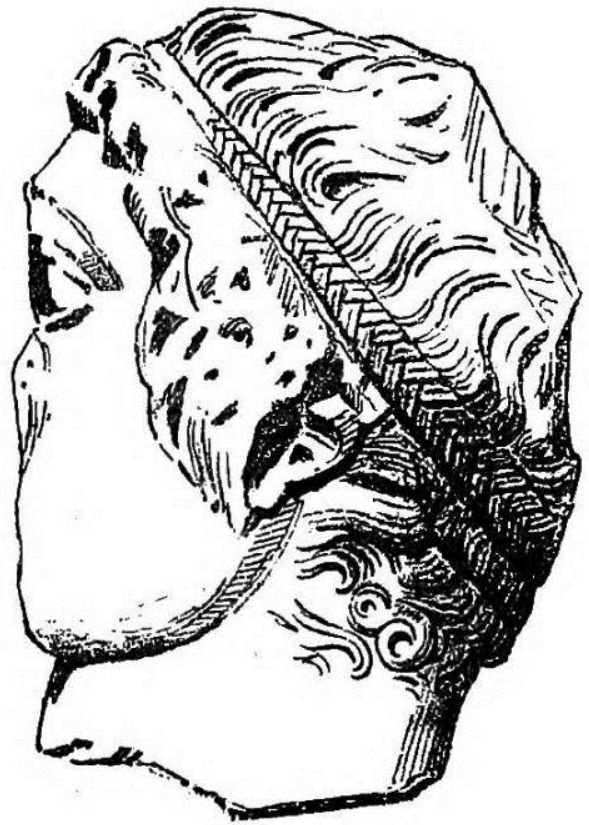
[back](#)

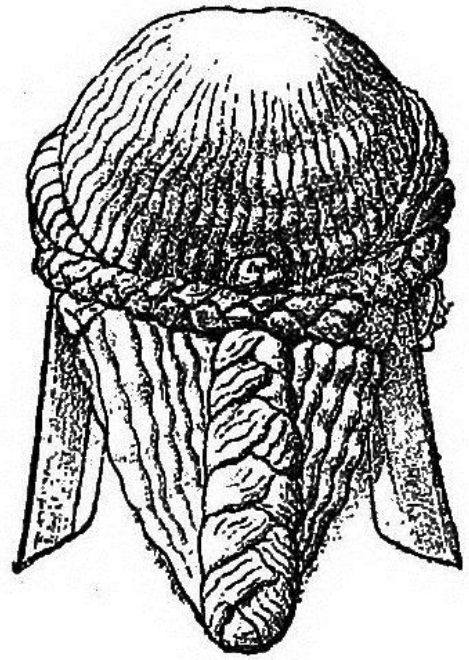
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

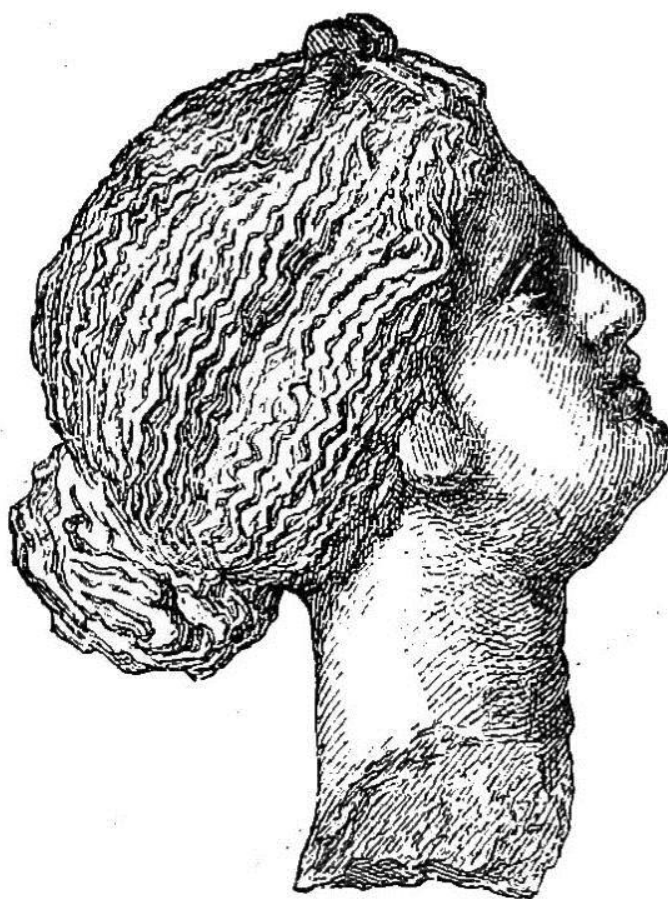
[back](#)

[back](#)

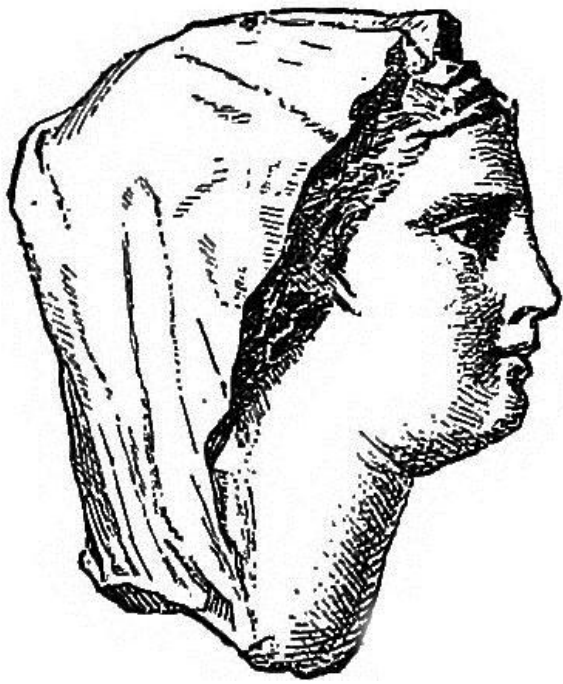
[back](#)

[back](#)

[back](#)

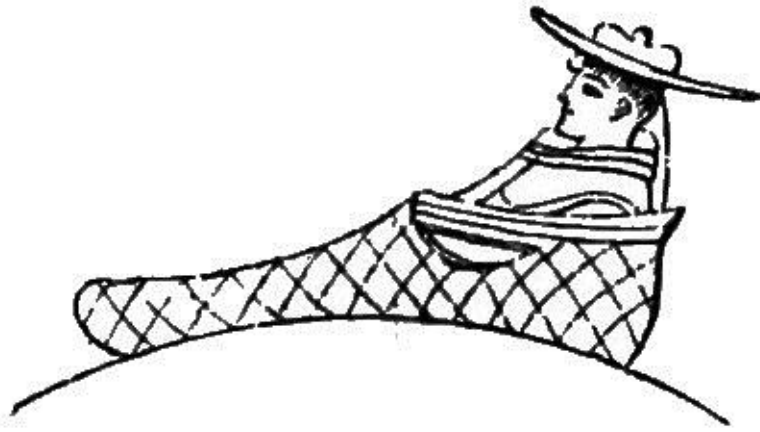
[back](#)

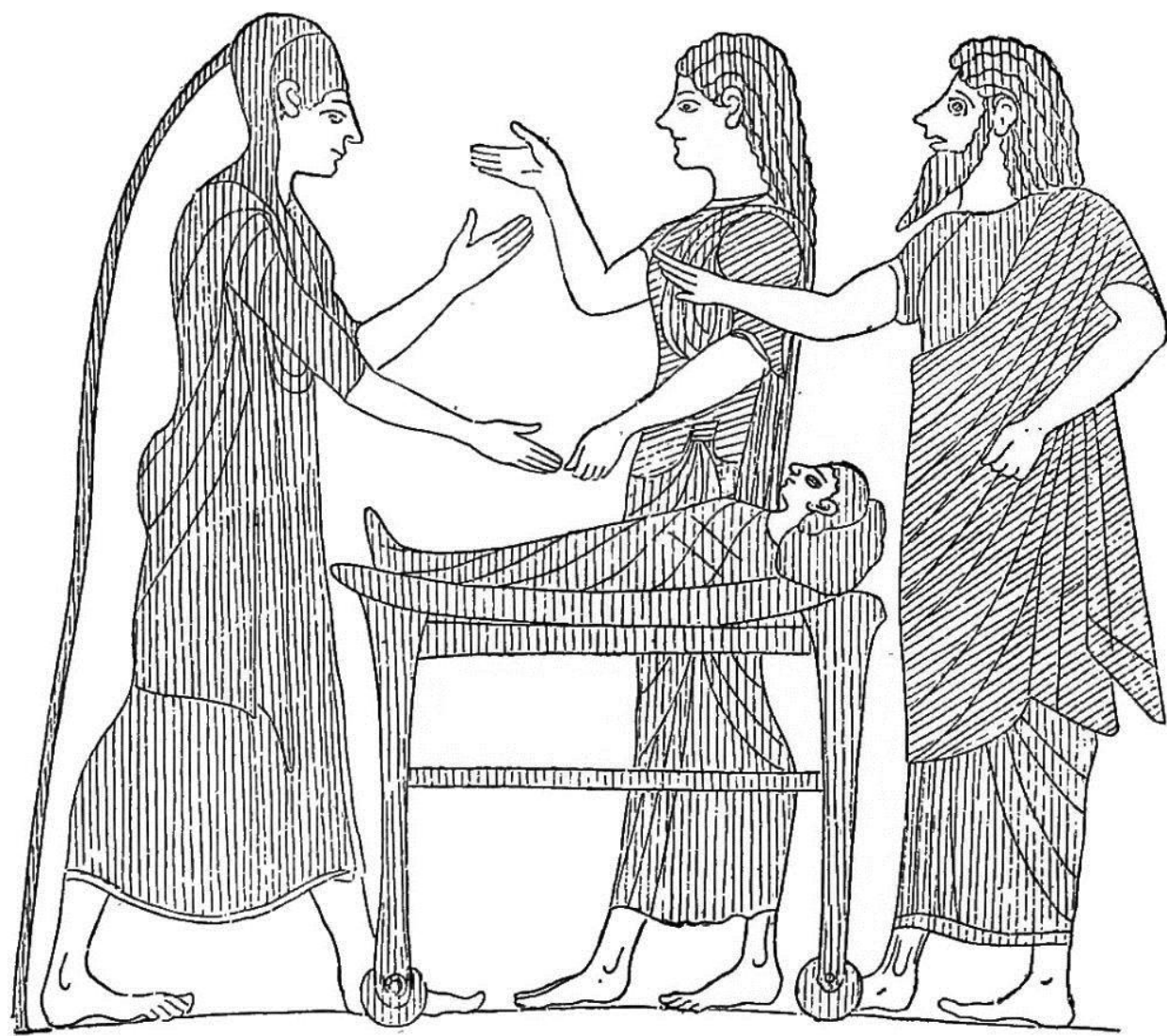
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

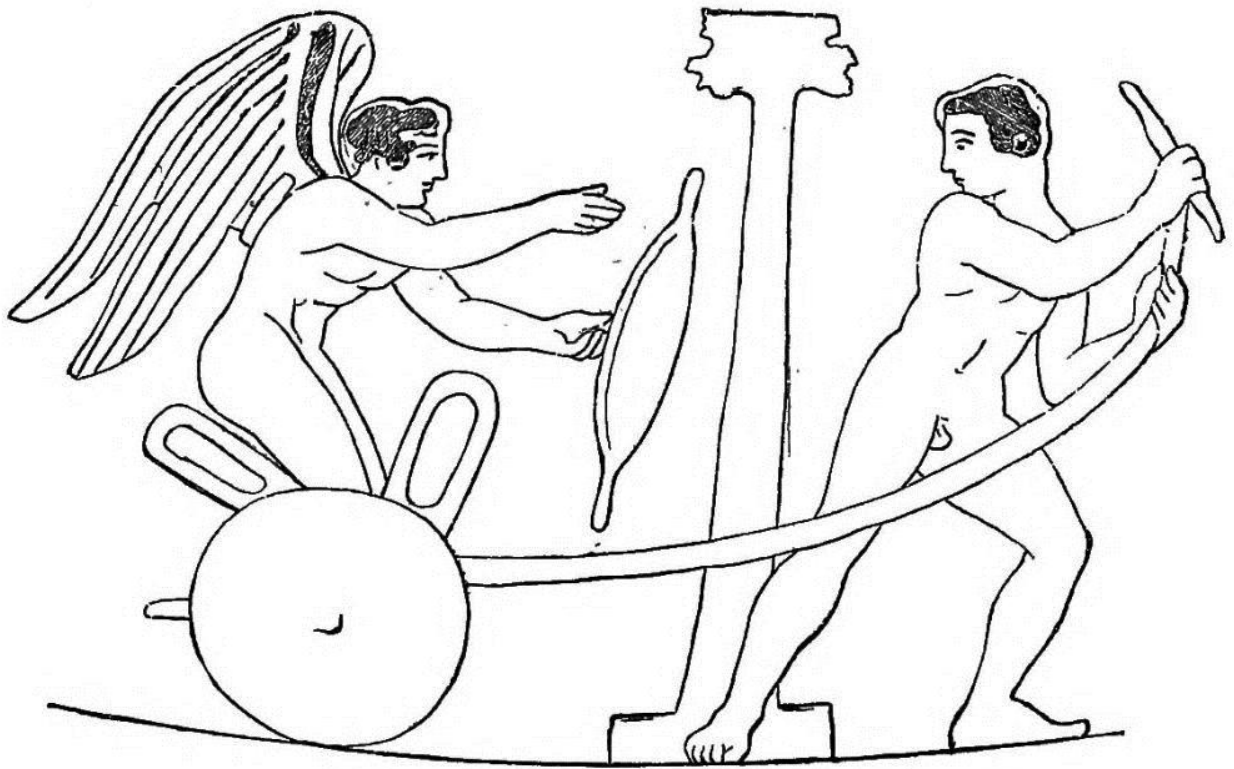
[back](#)

[back](#)

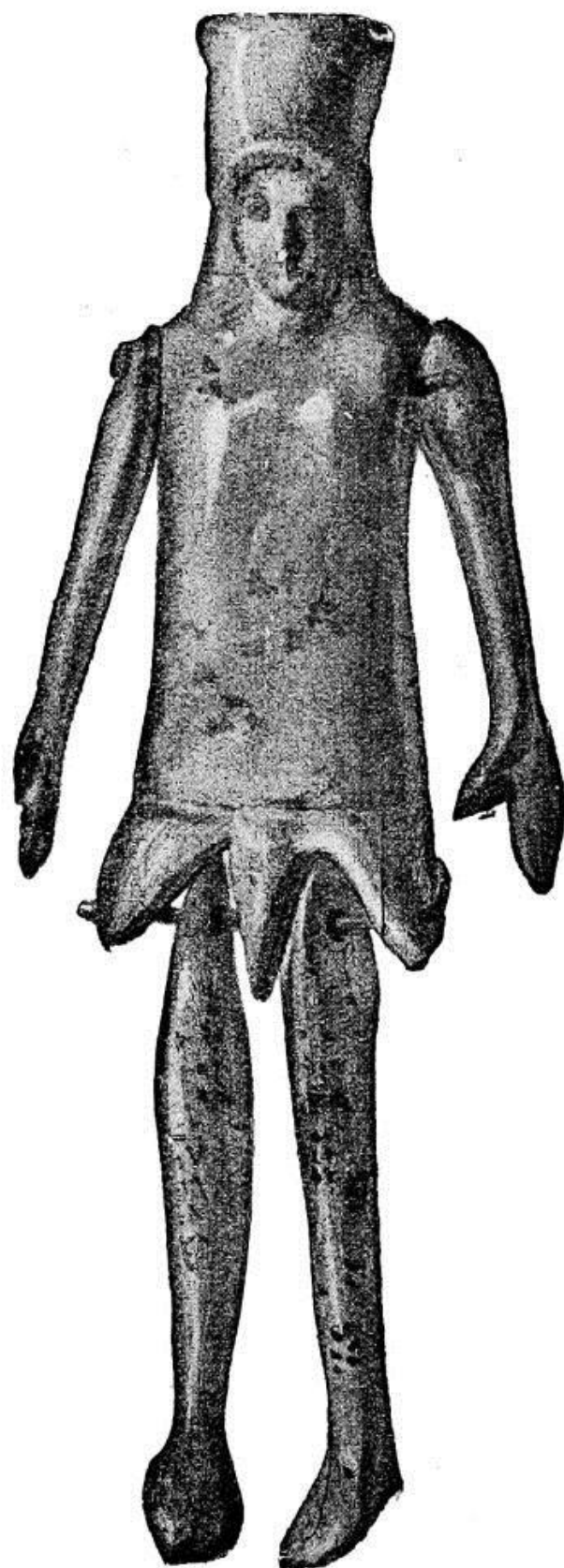
[back](#)

[back](#)

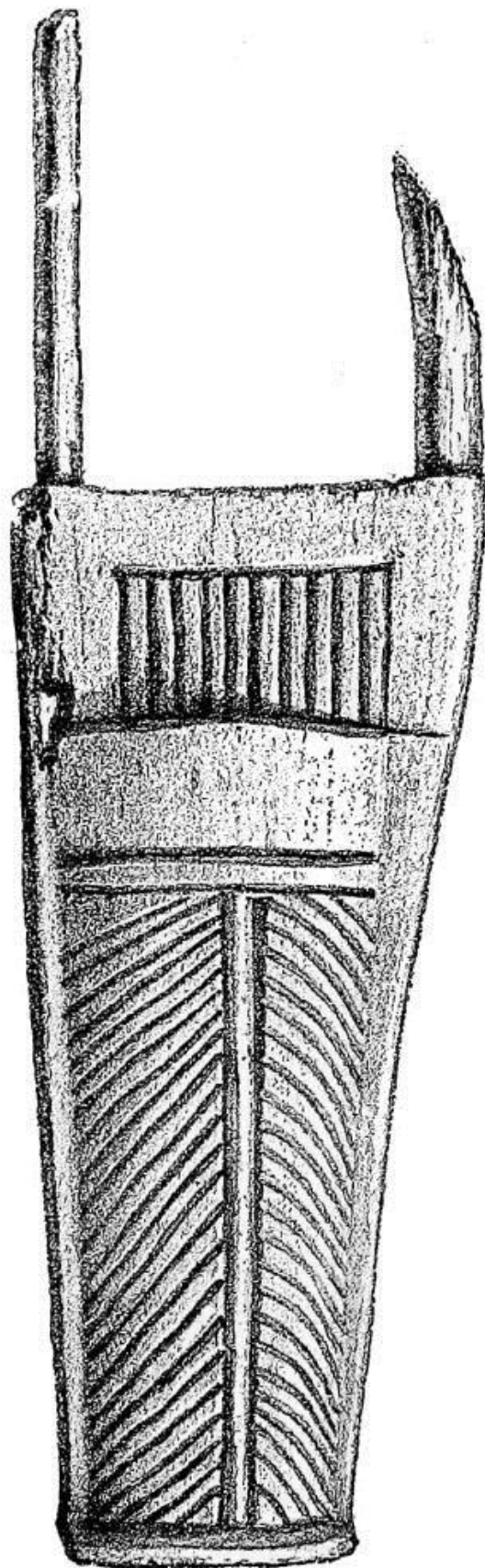
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

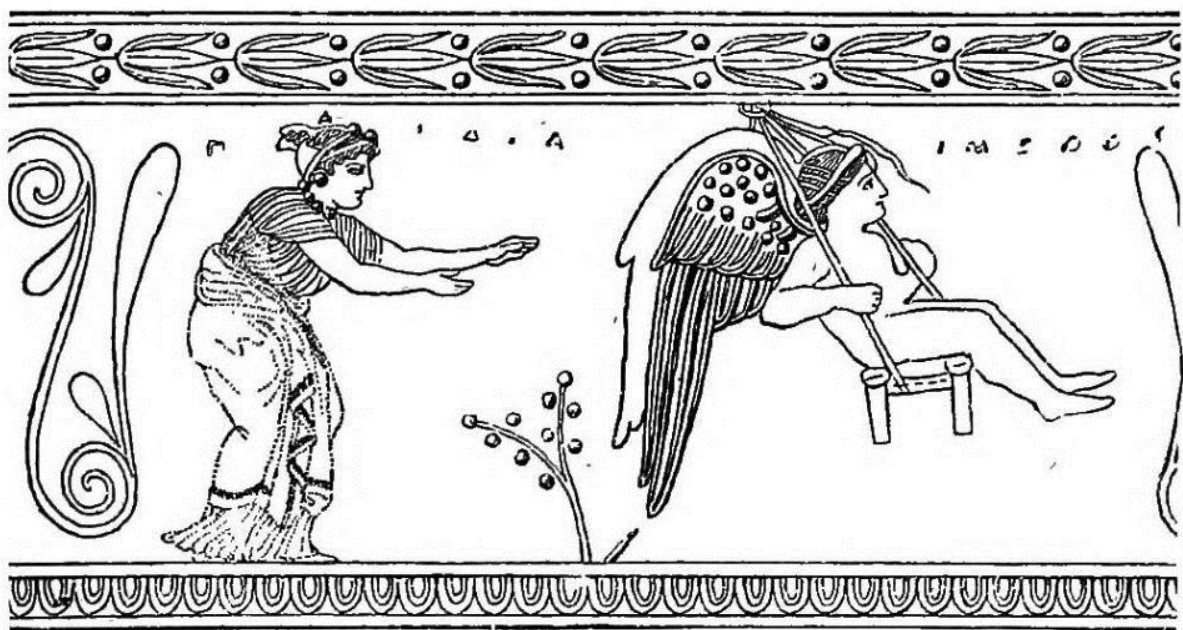

FIG. 72

[back](#)

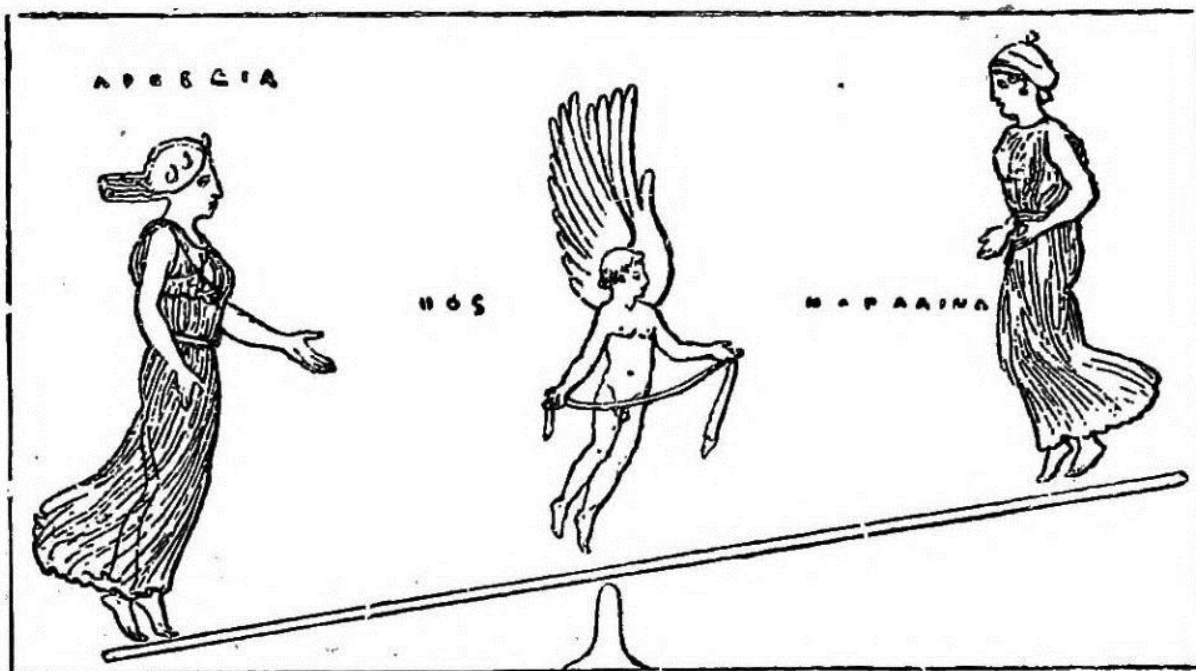

FIG. 73.

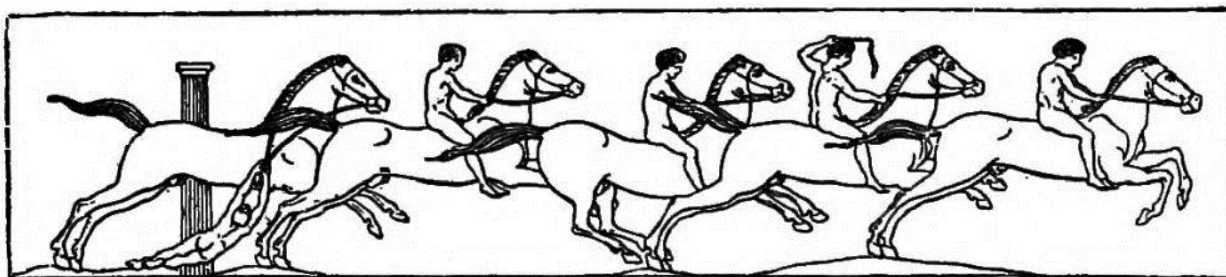
[back](#)

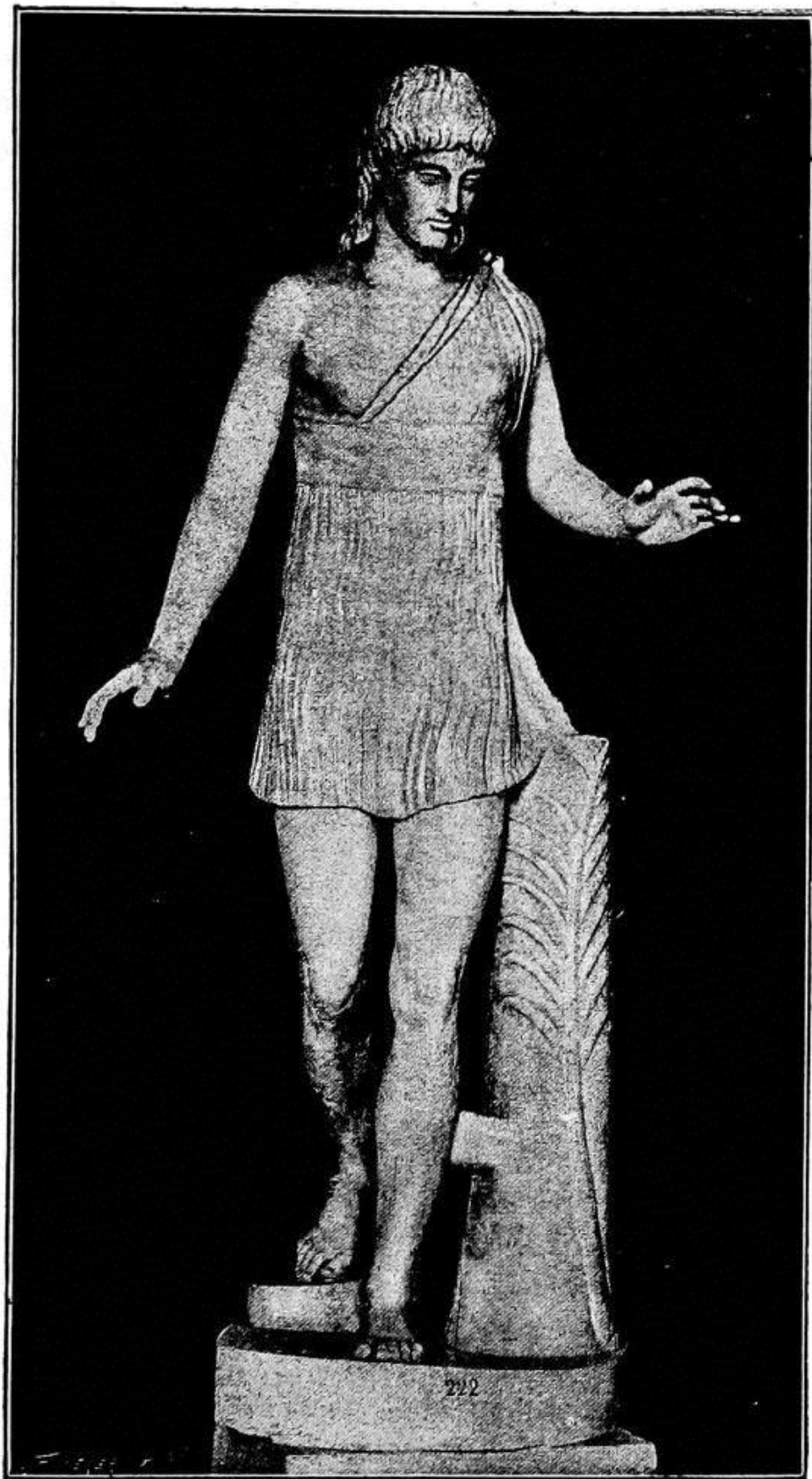
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

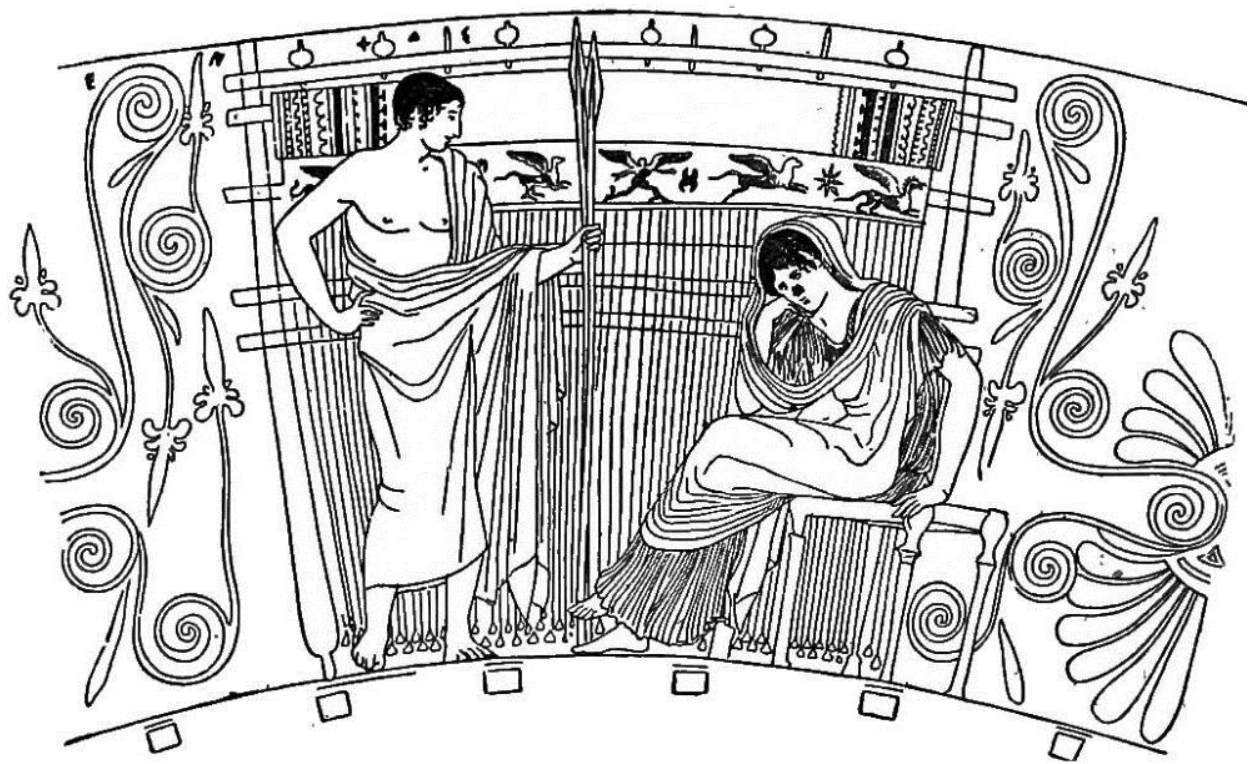
[back](#)

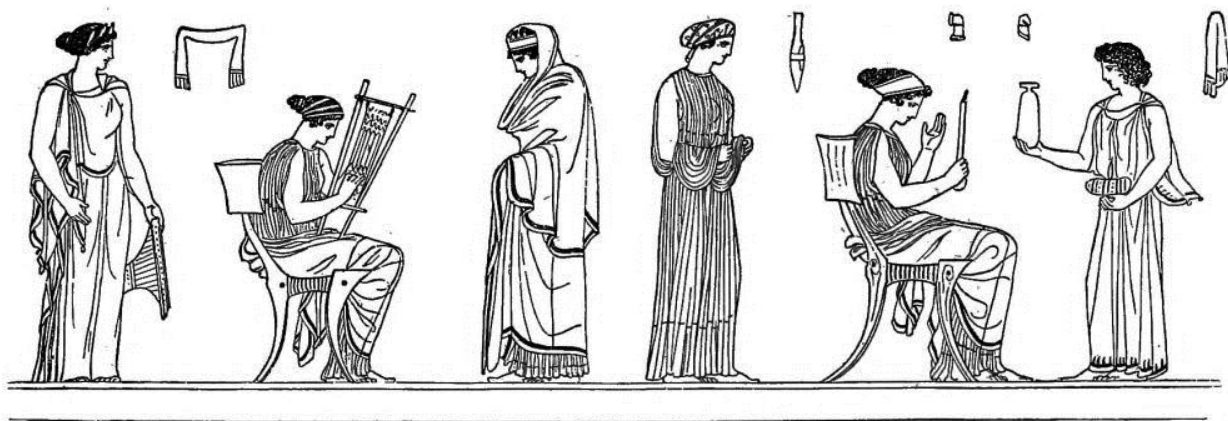
[back](#)

[back](#)

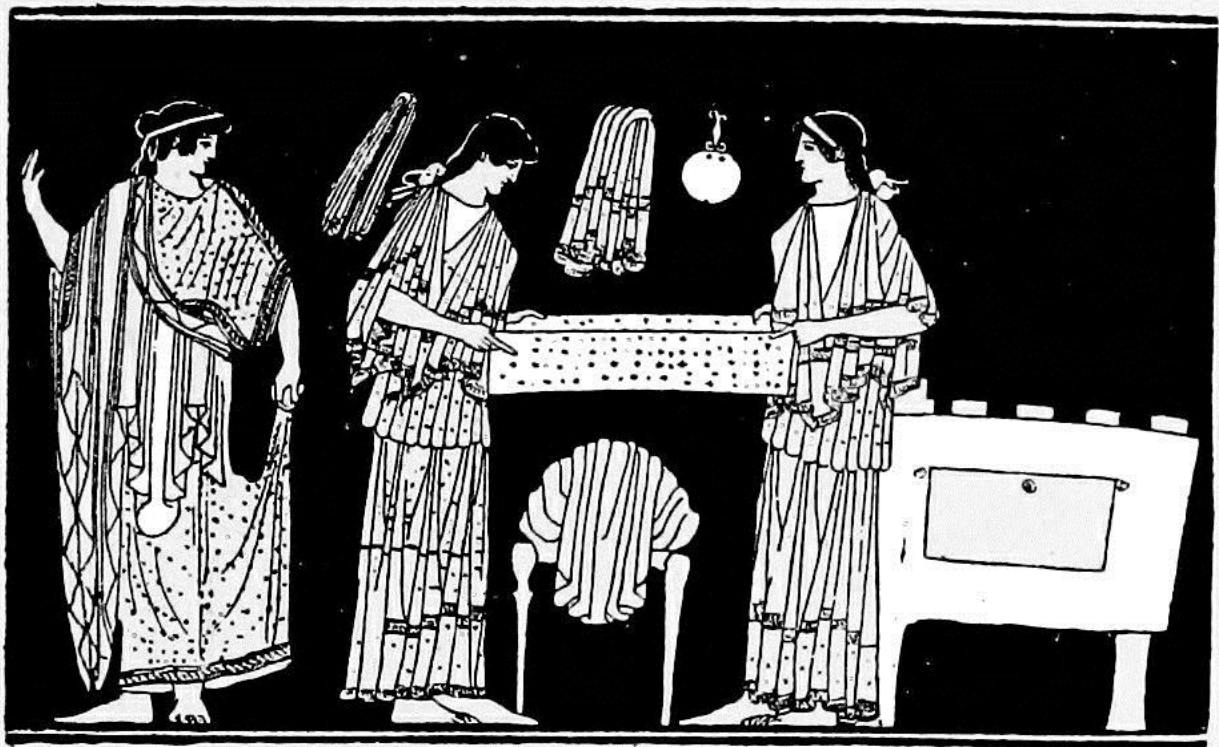
[back](#)

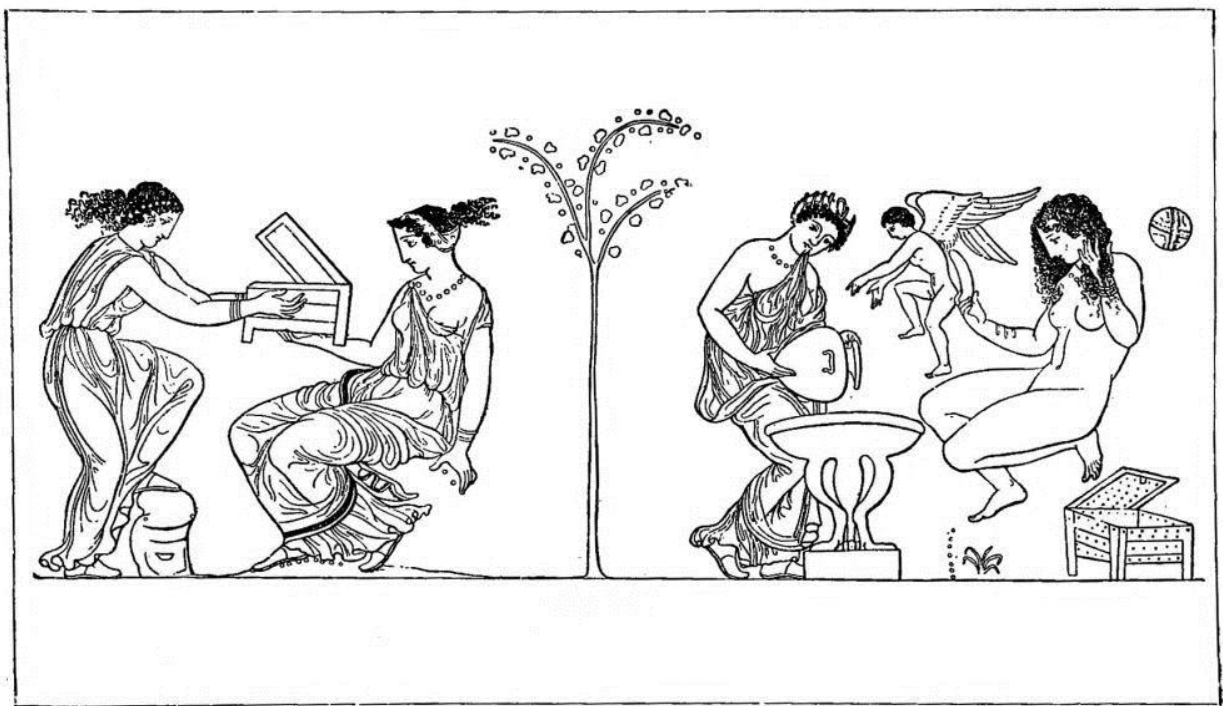
[back](#)

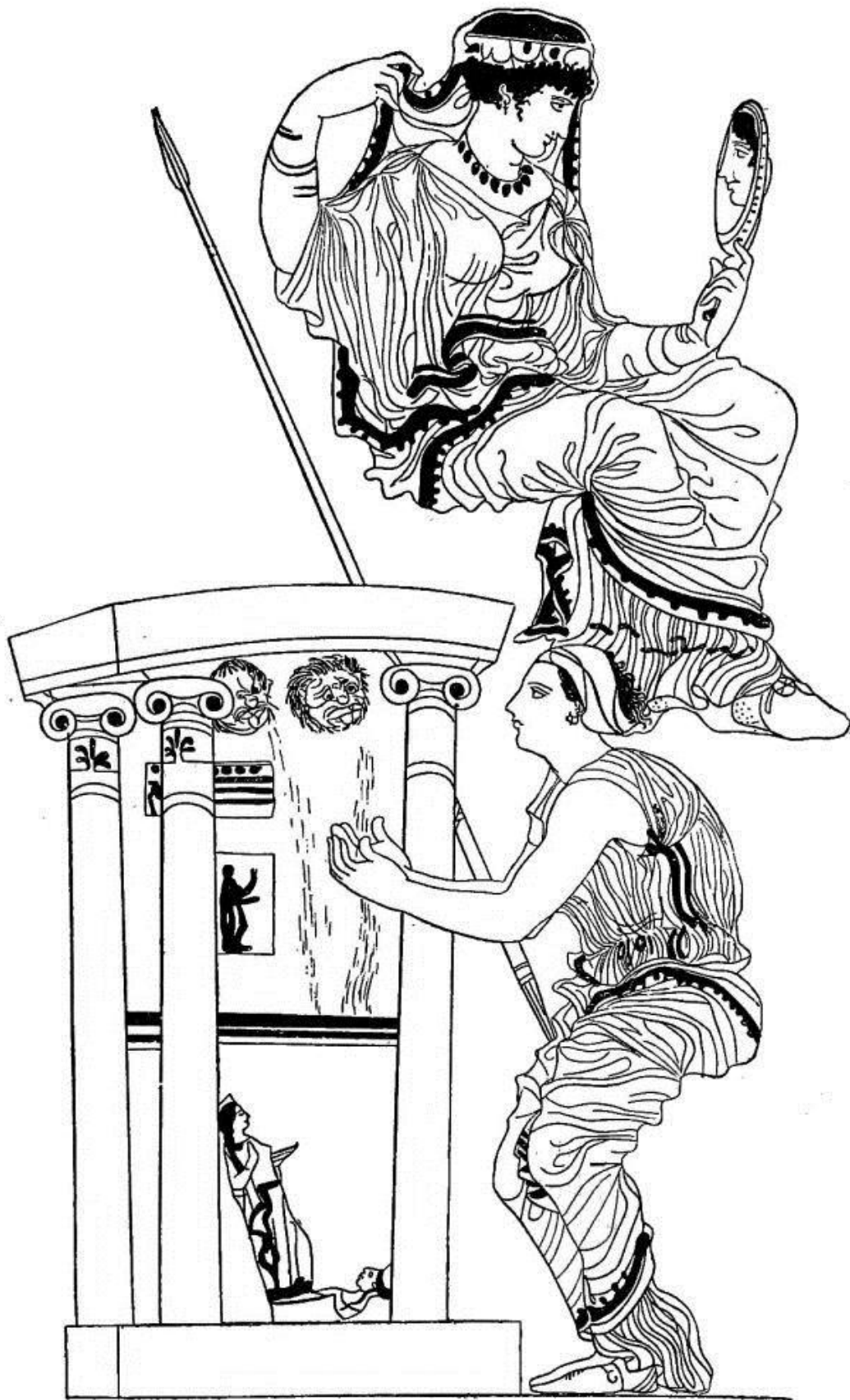
[back](#)

[back](#)

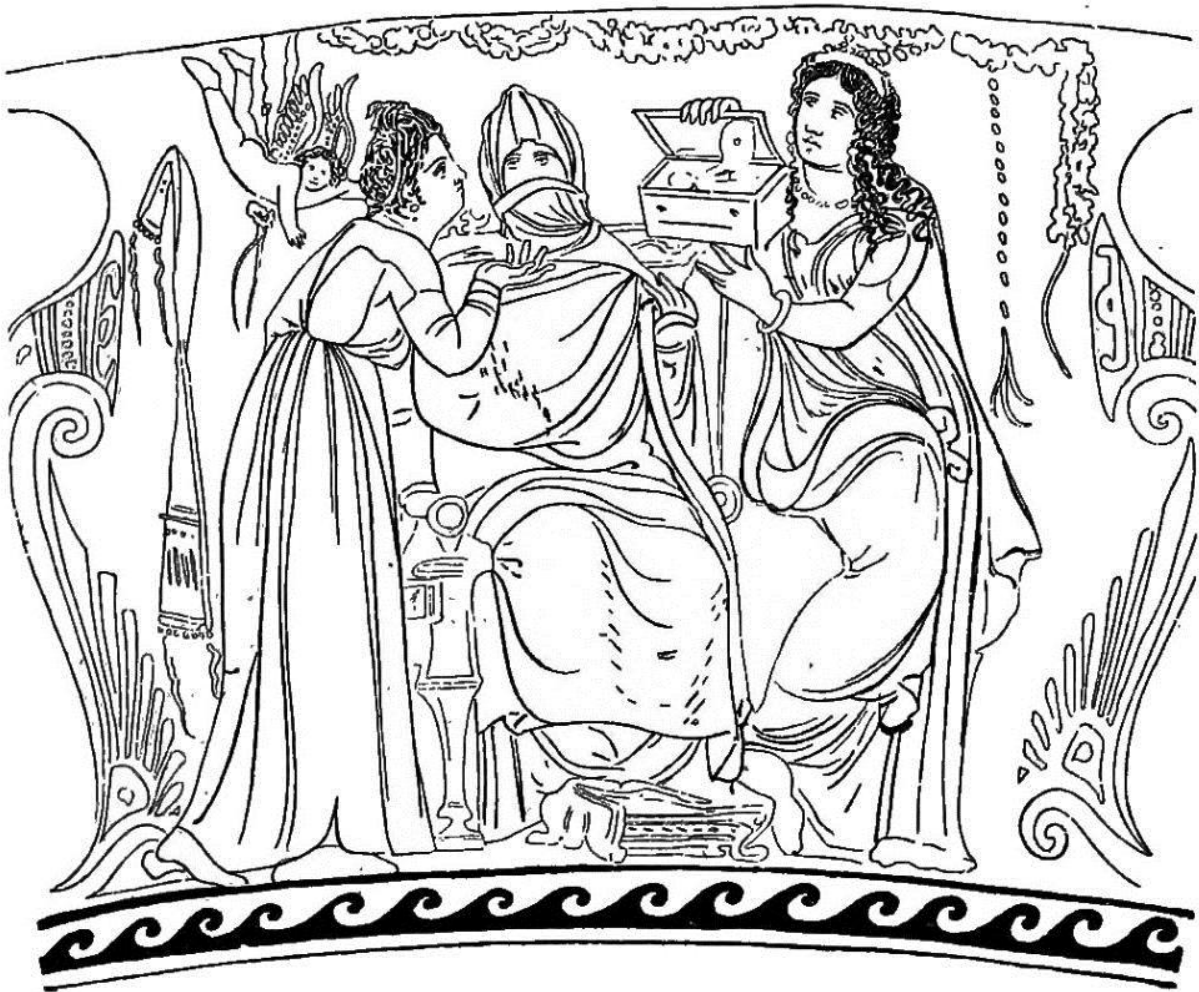
[back](#)

[back](#)

[back](#)

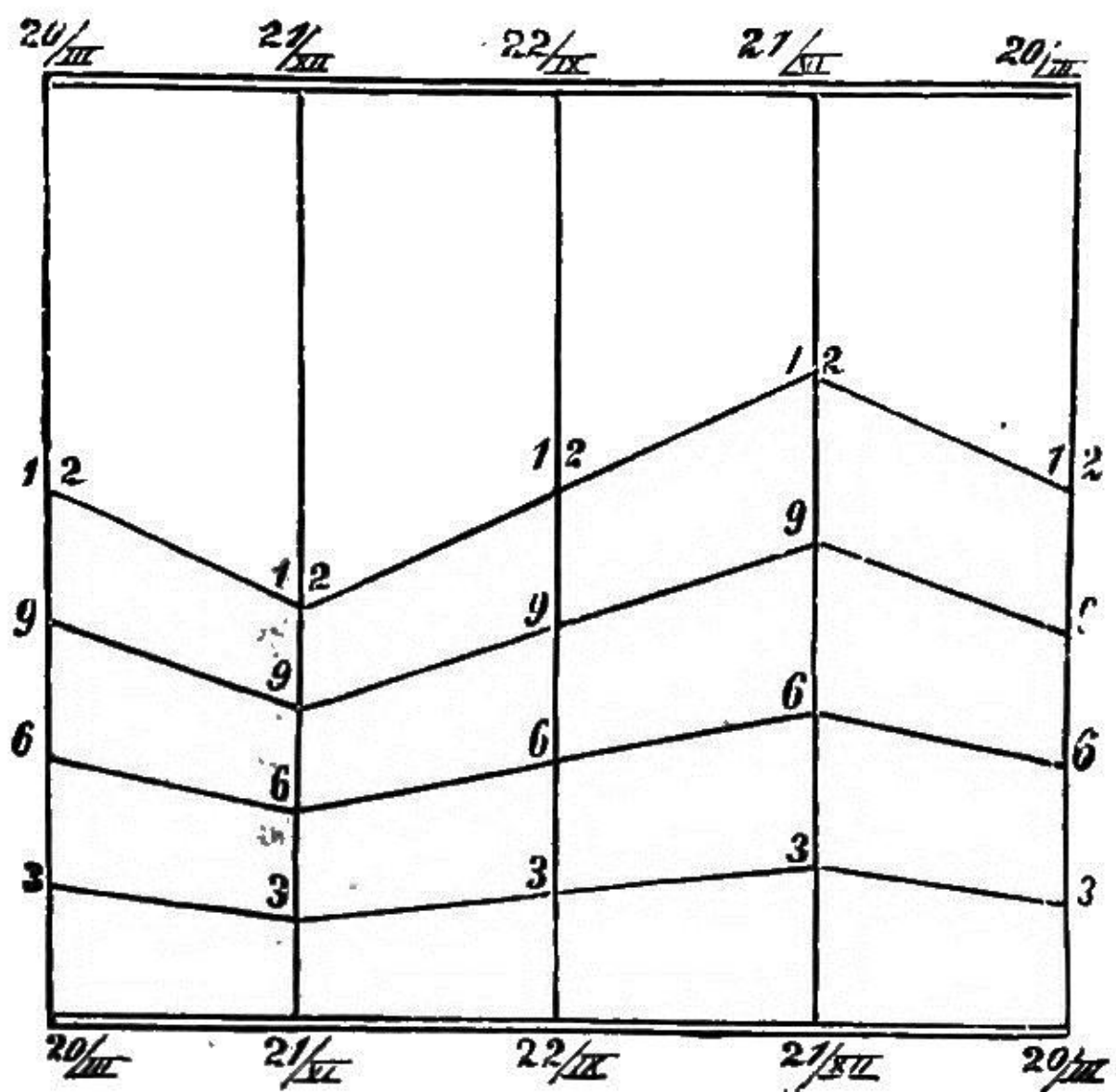
[back](#)

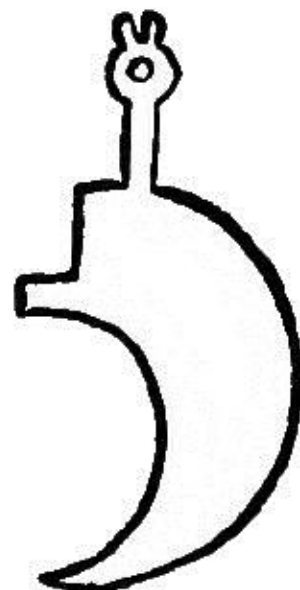
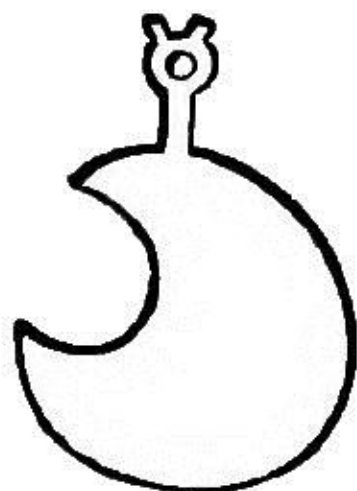
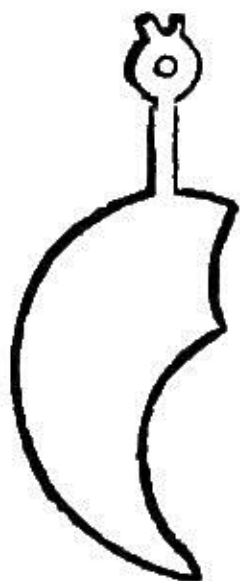
[back](#)

[back](#)

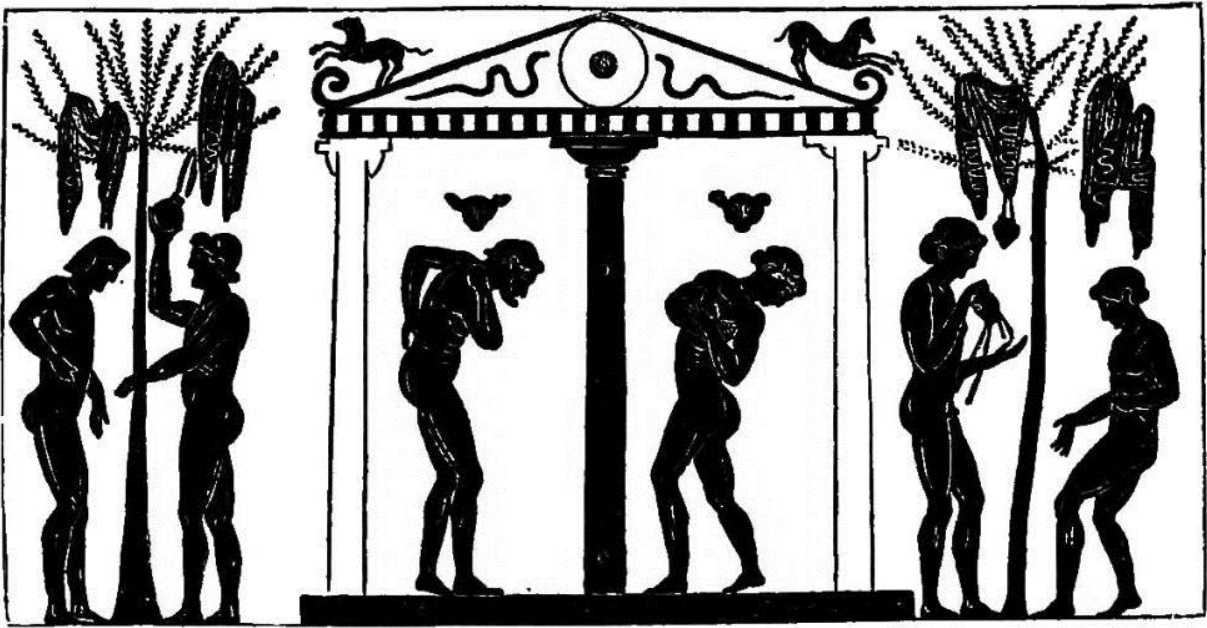
[back](#)

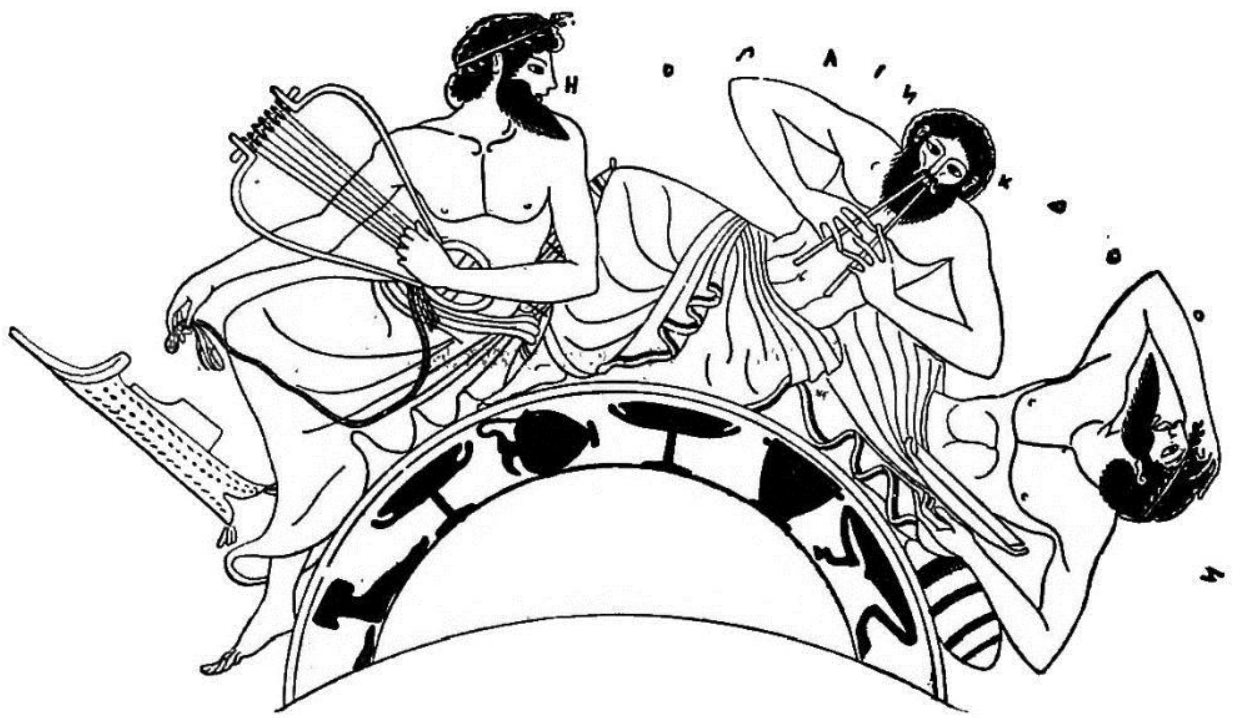
[back](#)

[back](#)

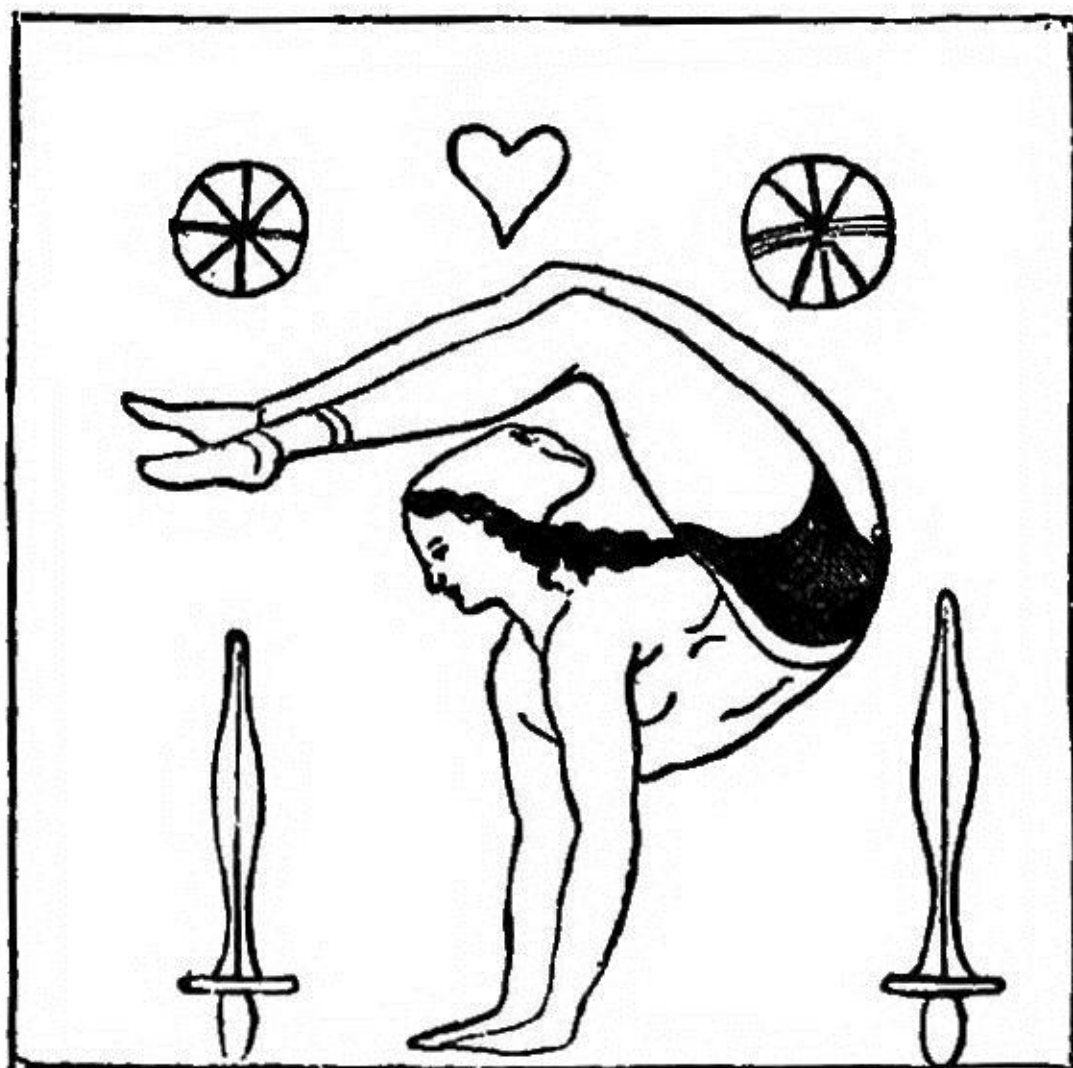
[back](#)

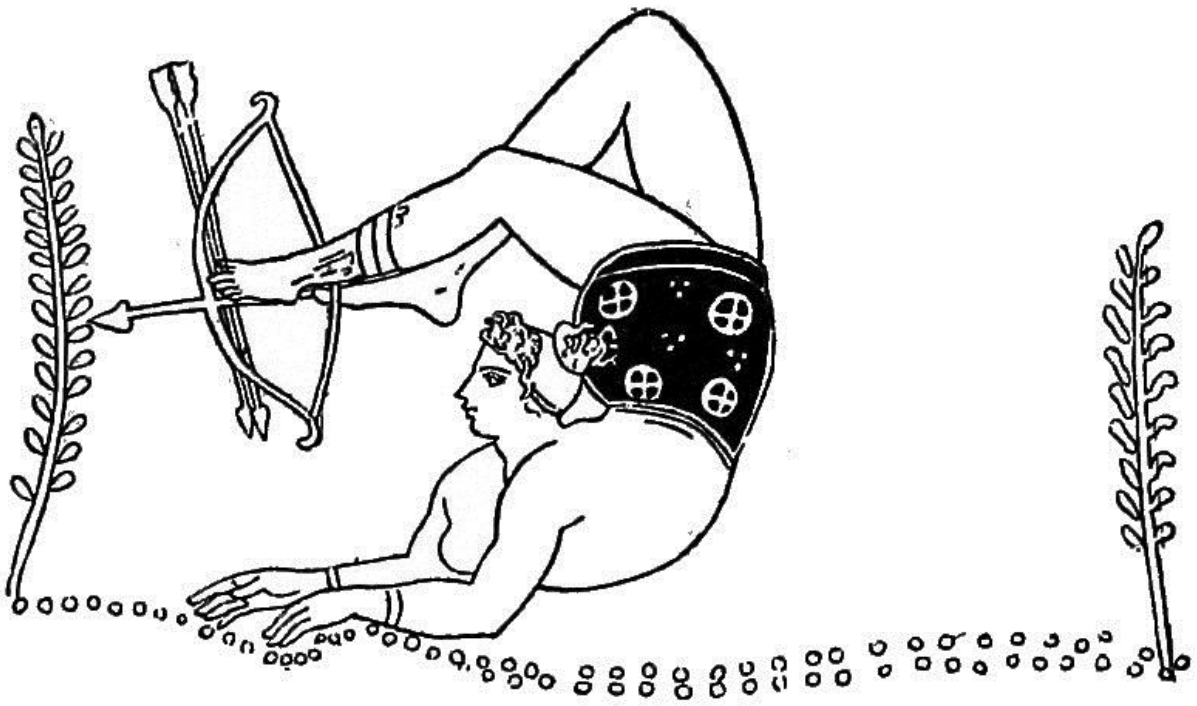
[back](#)

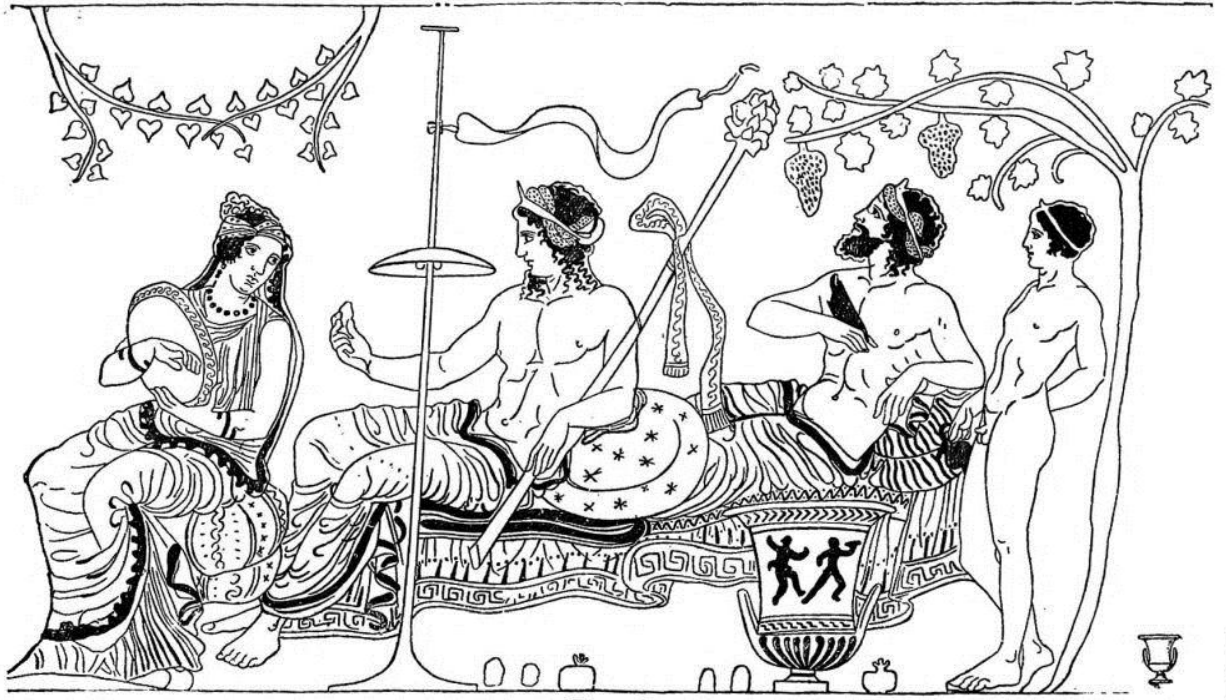
[back](#)

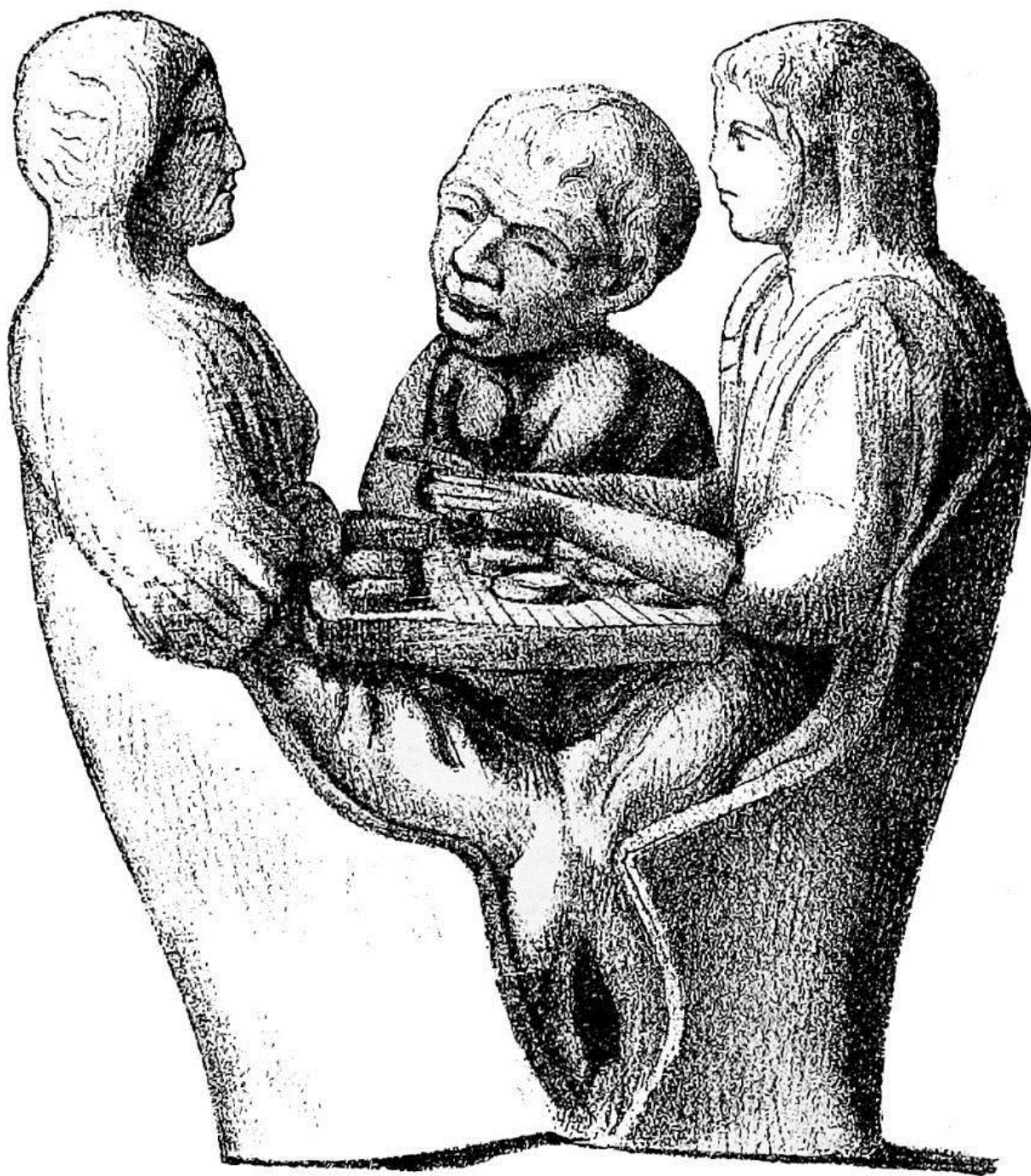
[back](#)

[back](#)

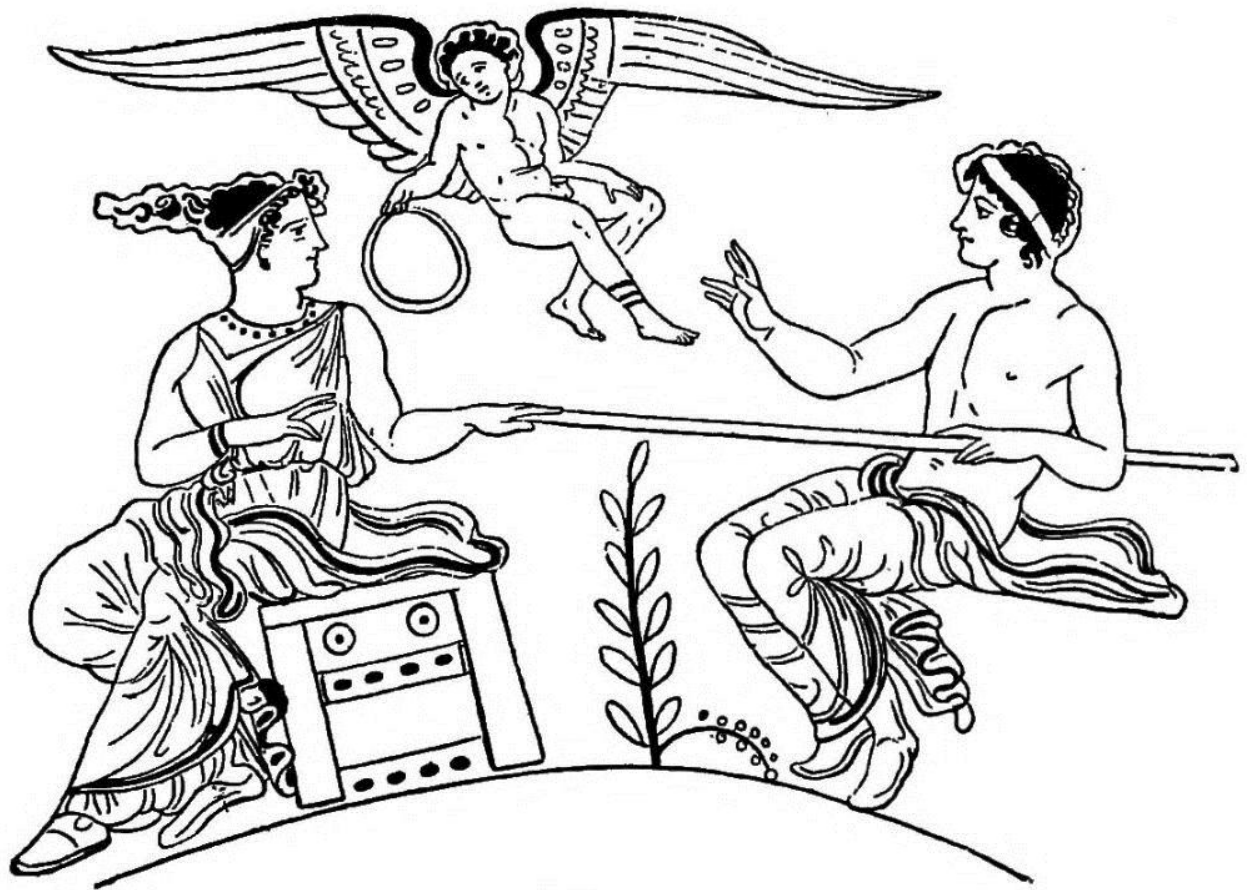
[back](#)

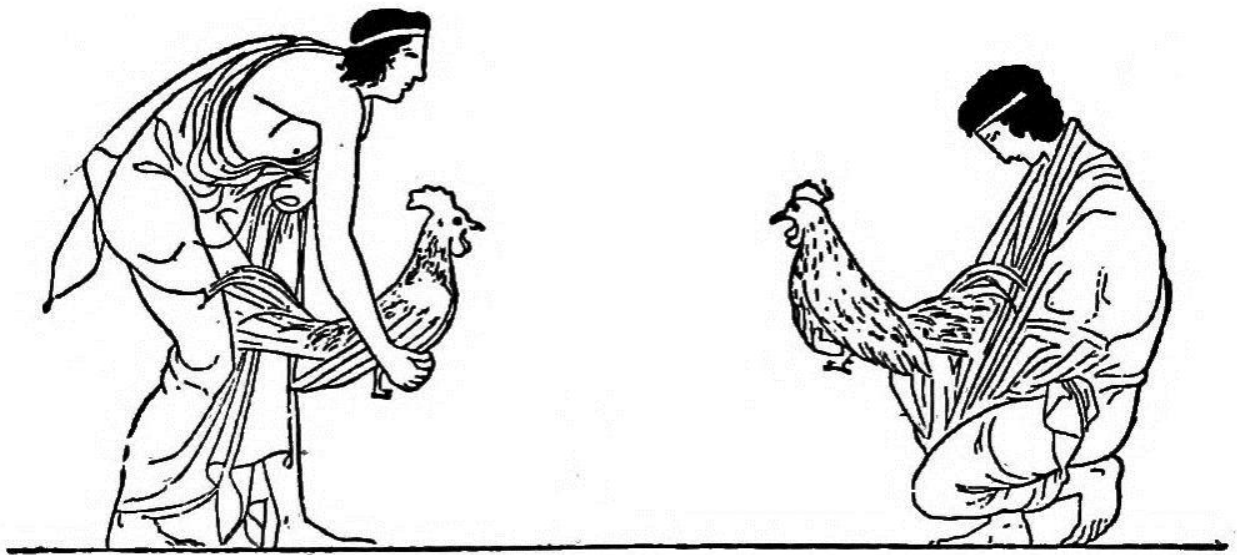
[back](#)

[back](#)

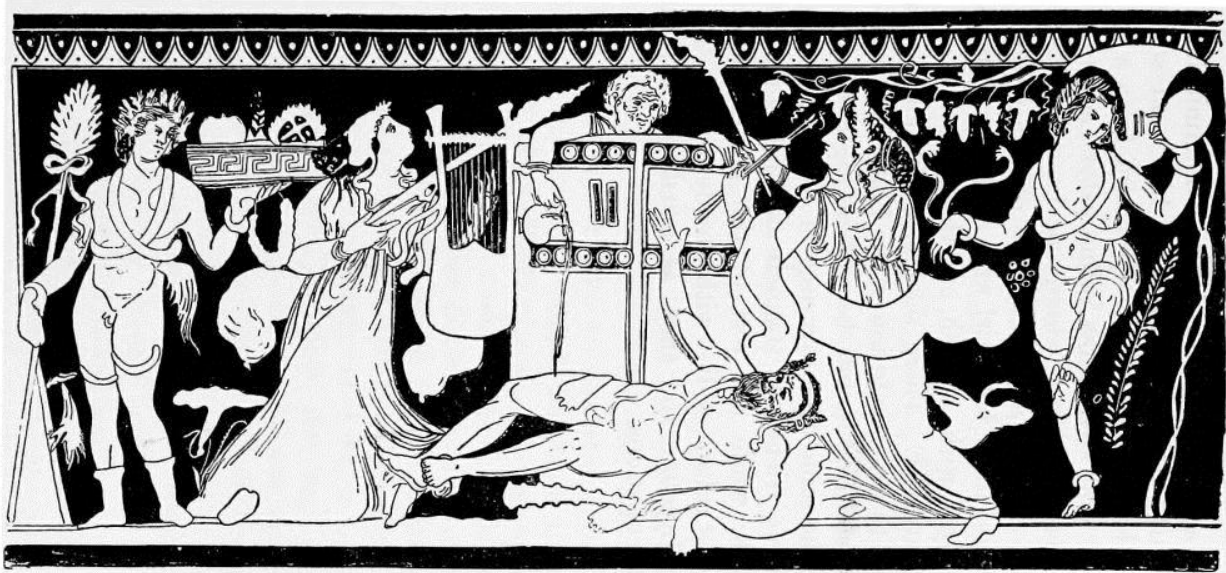
[back](#)

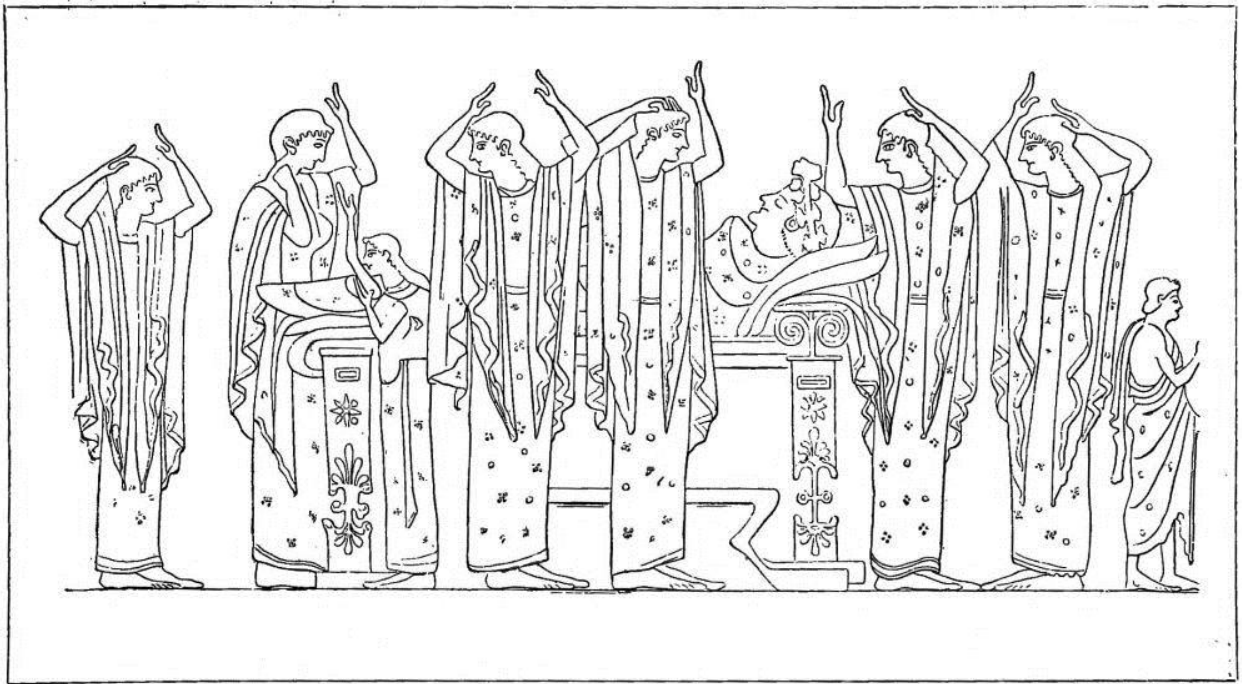
[back](#)

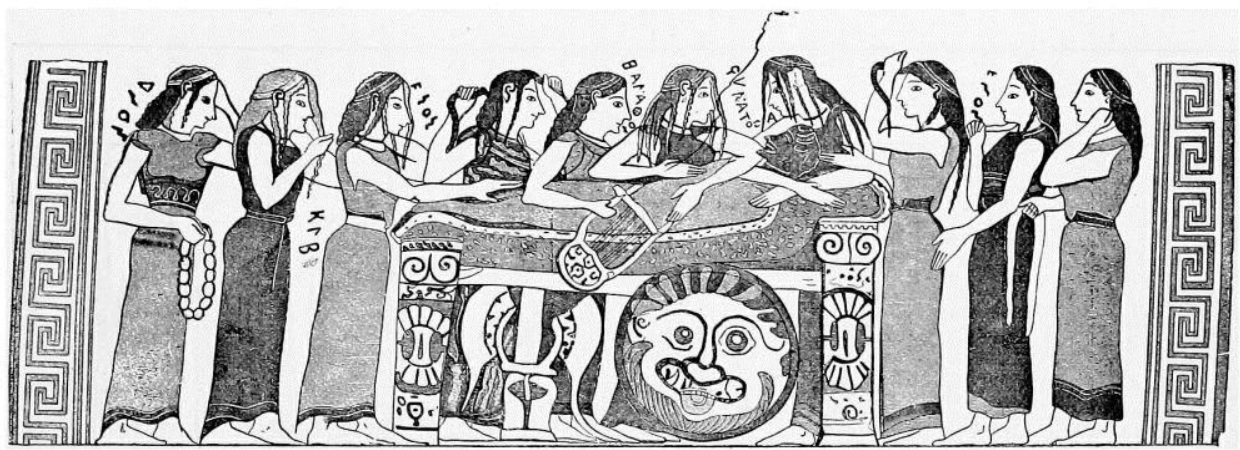
[back](#)

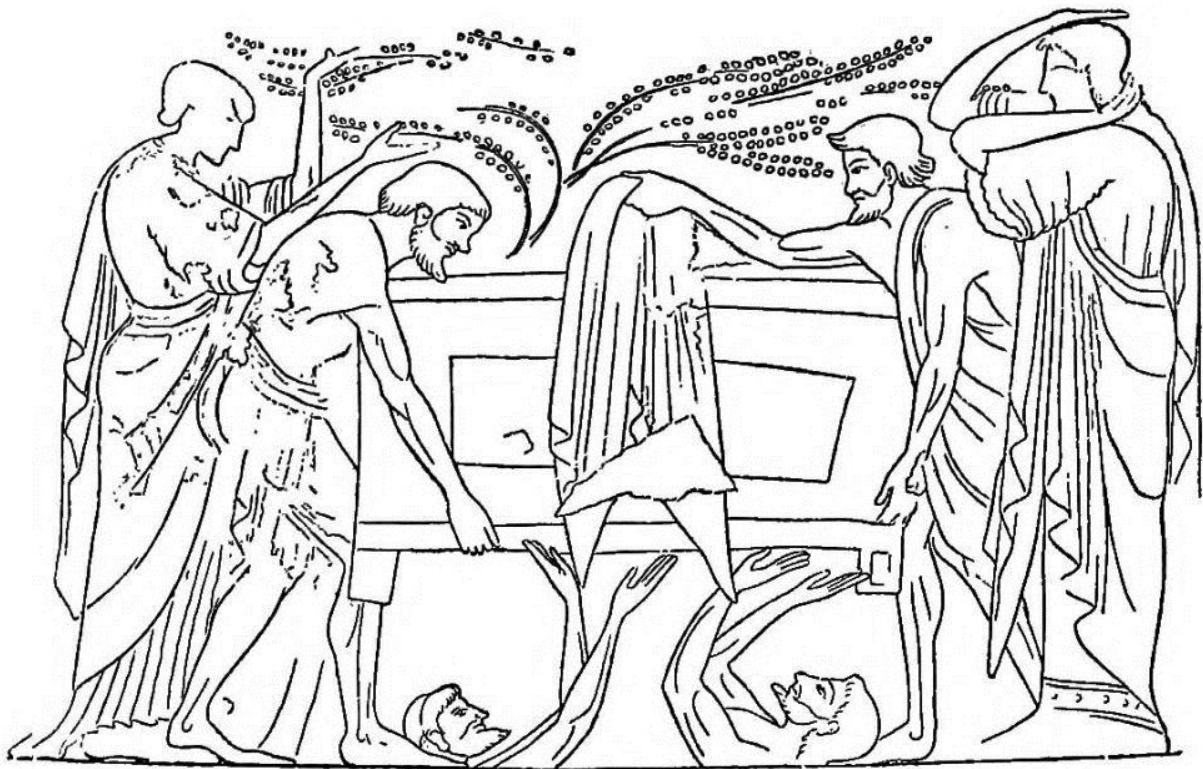
[back](#)

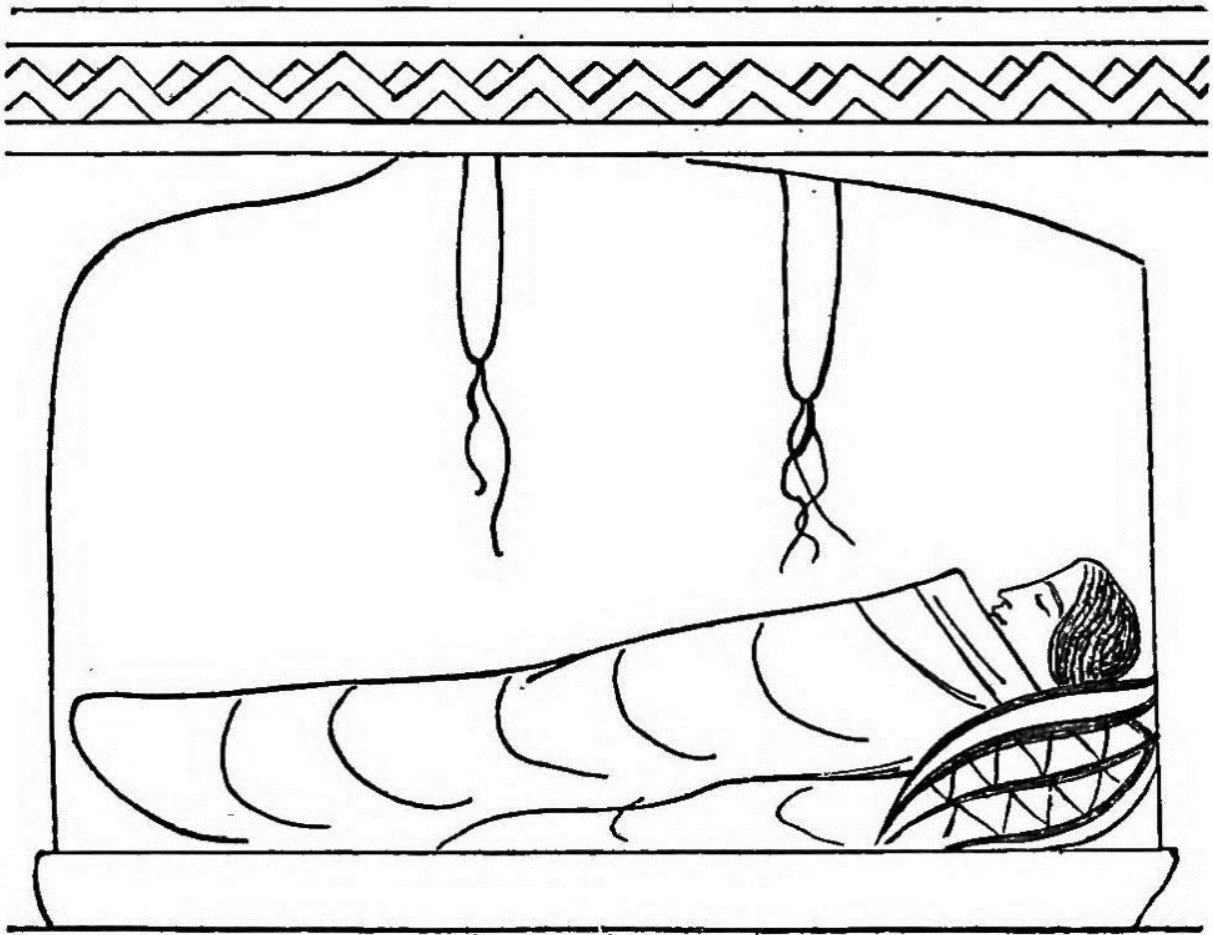
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

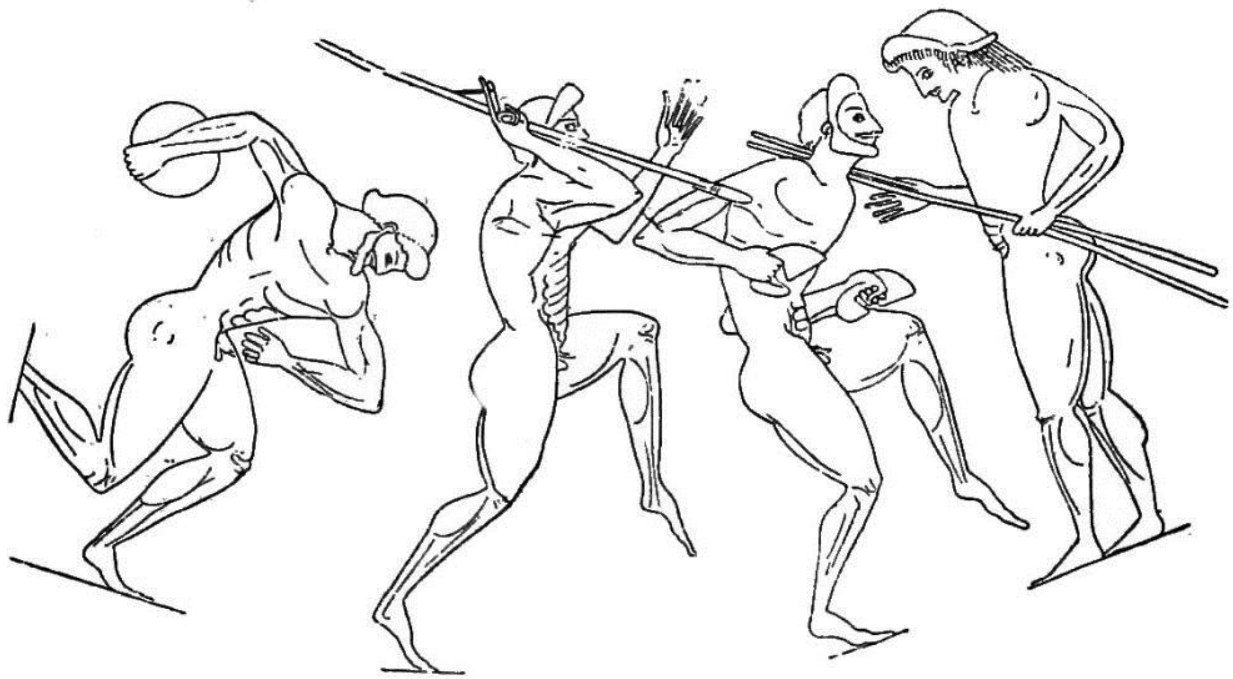
[back](#)

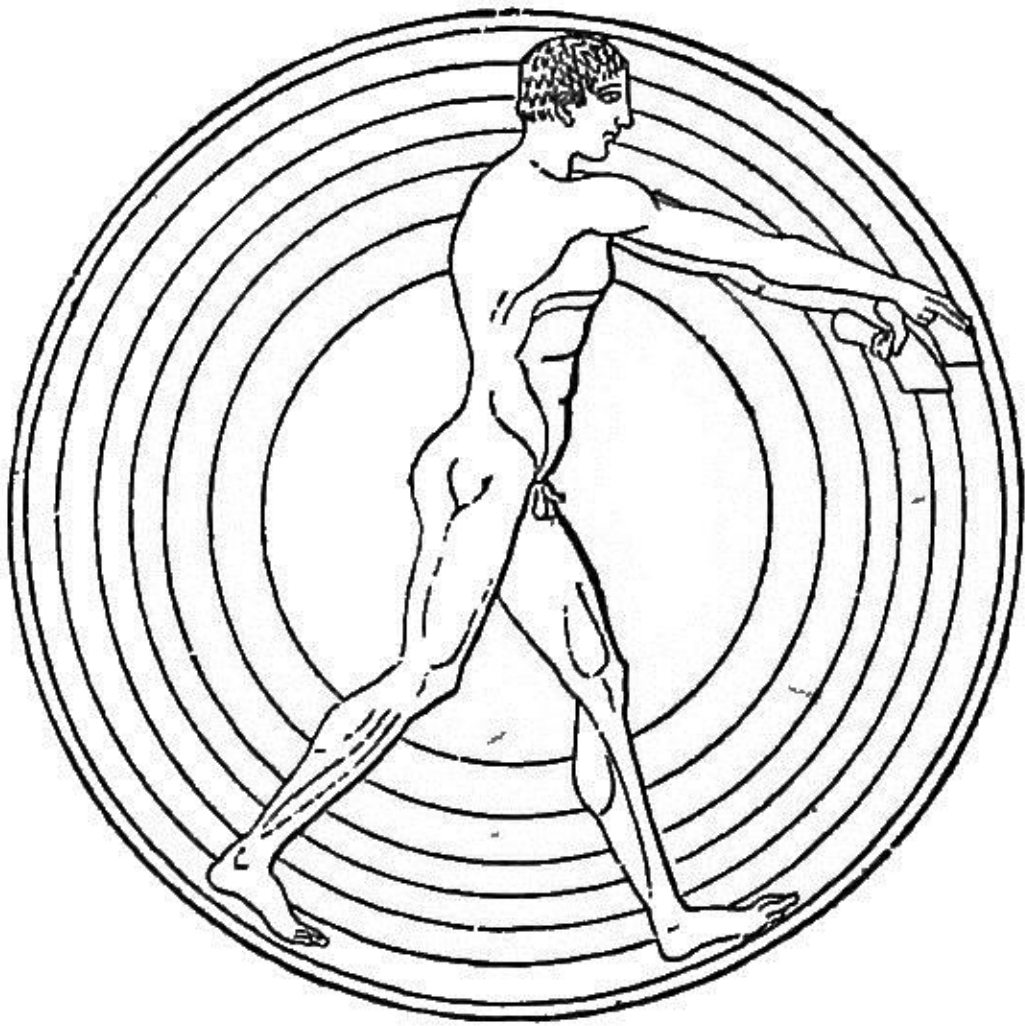
[back](#)

[back](#)

[back](#)

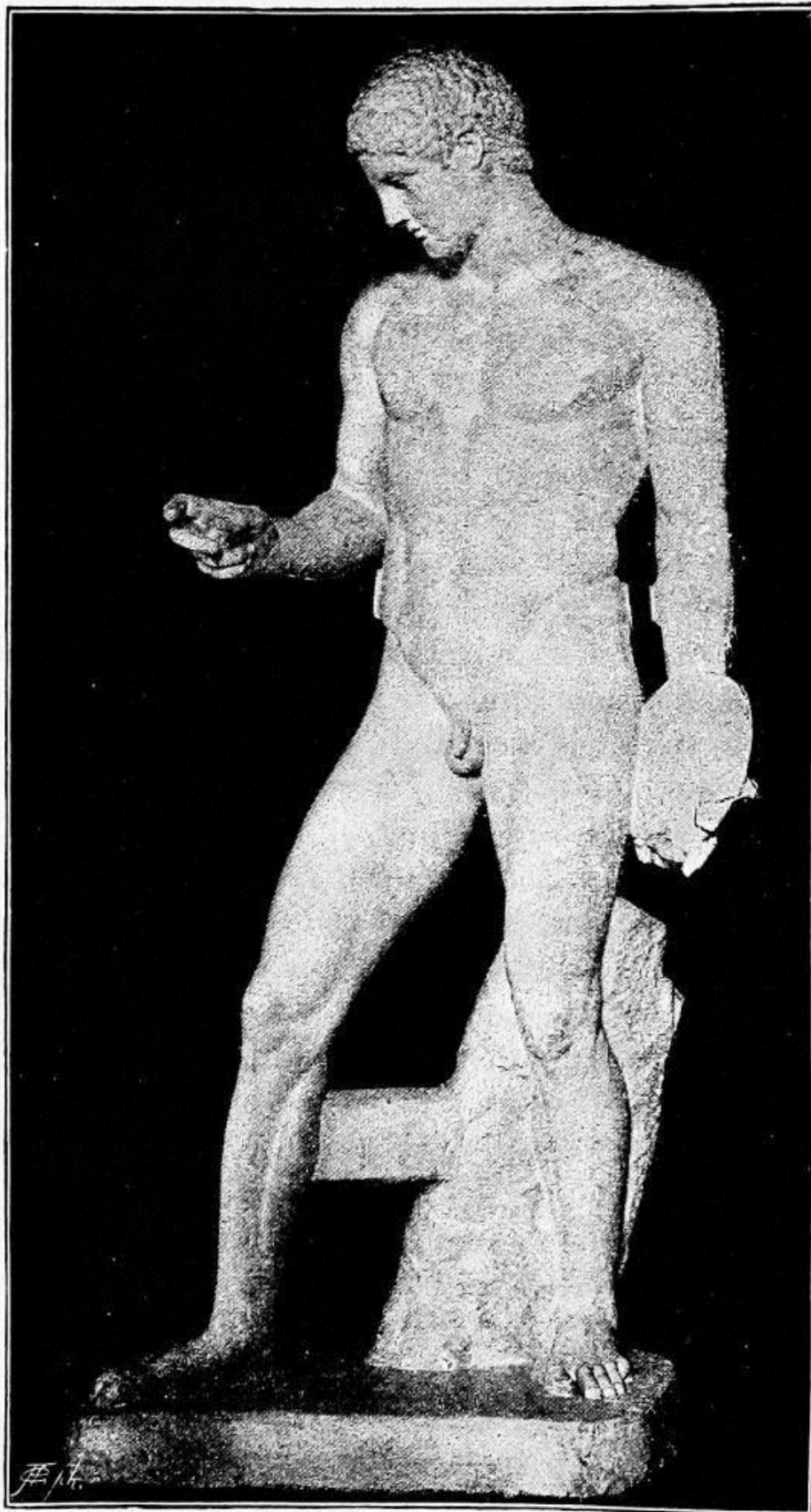
[back](#)

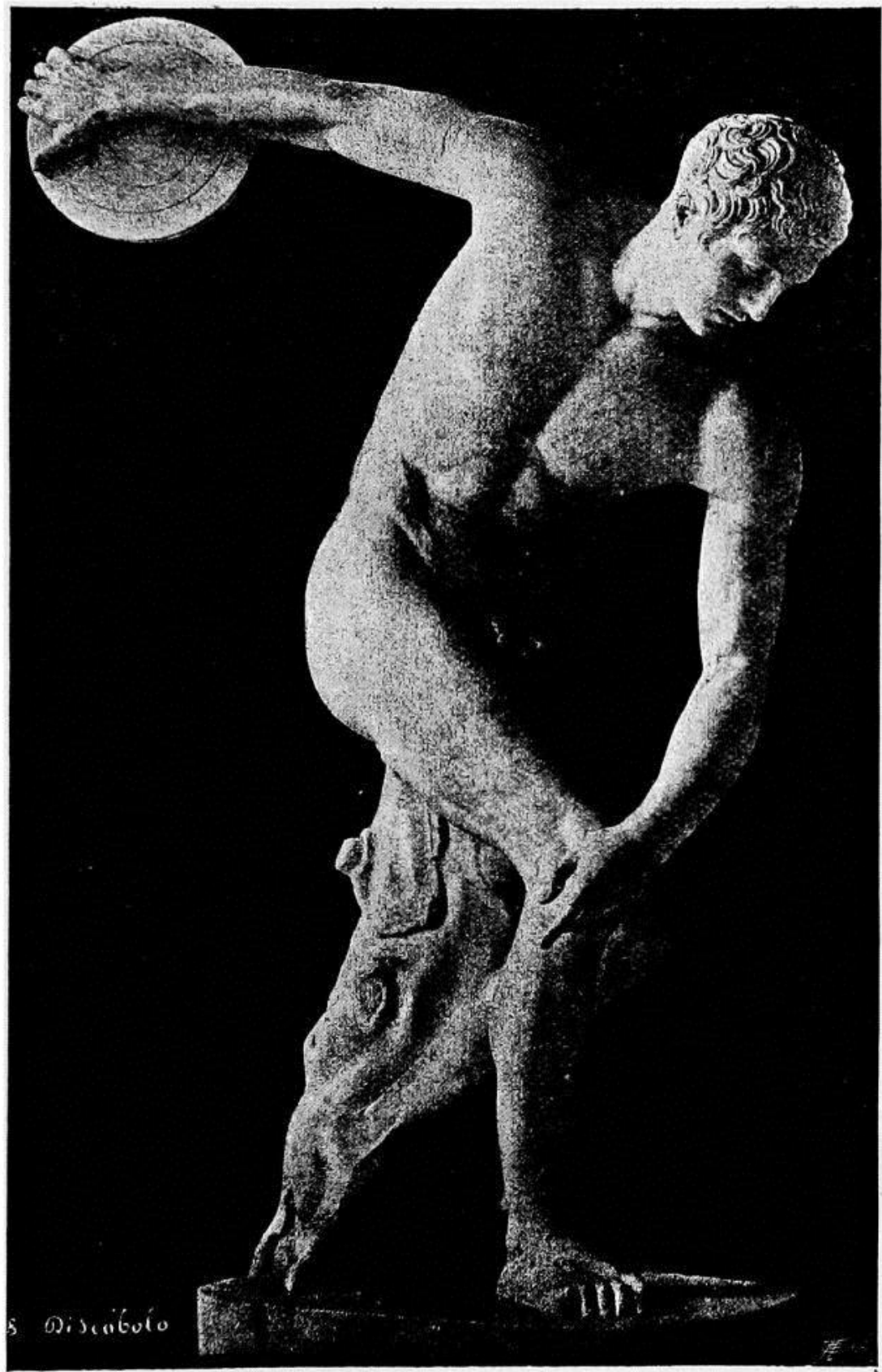
[back](#)

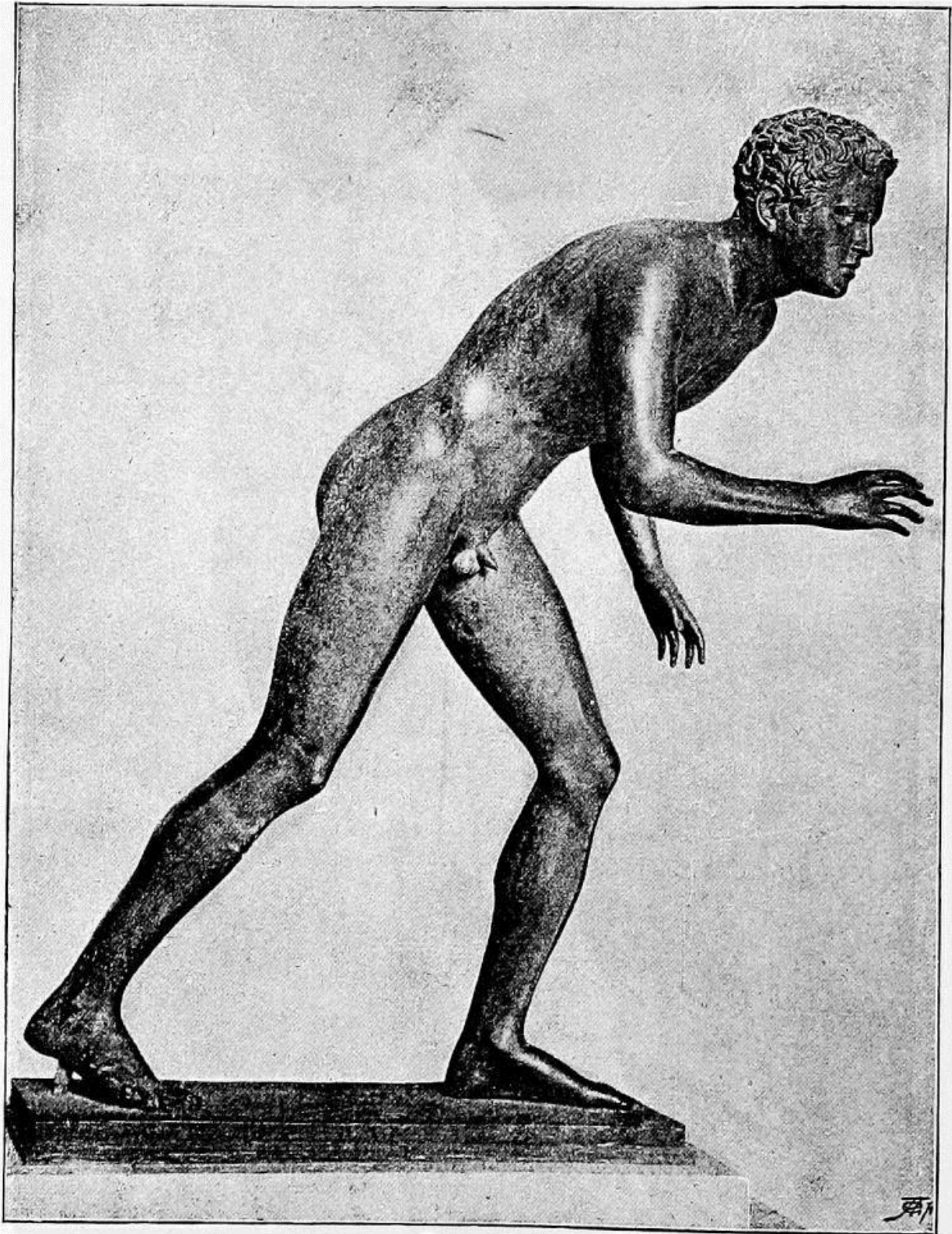
[back](#)

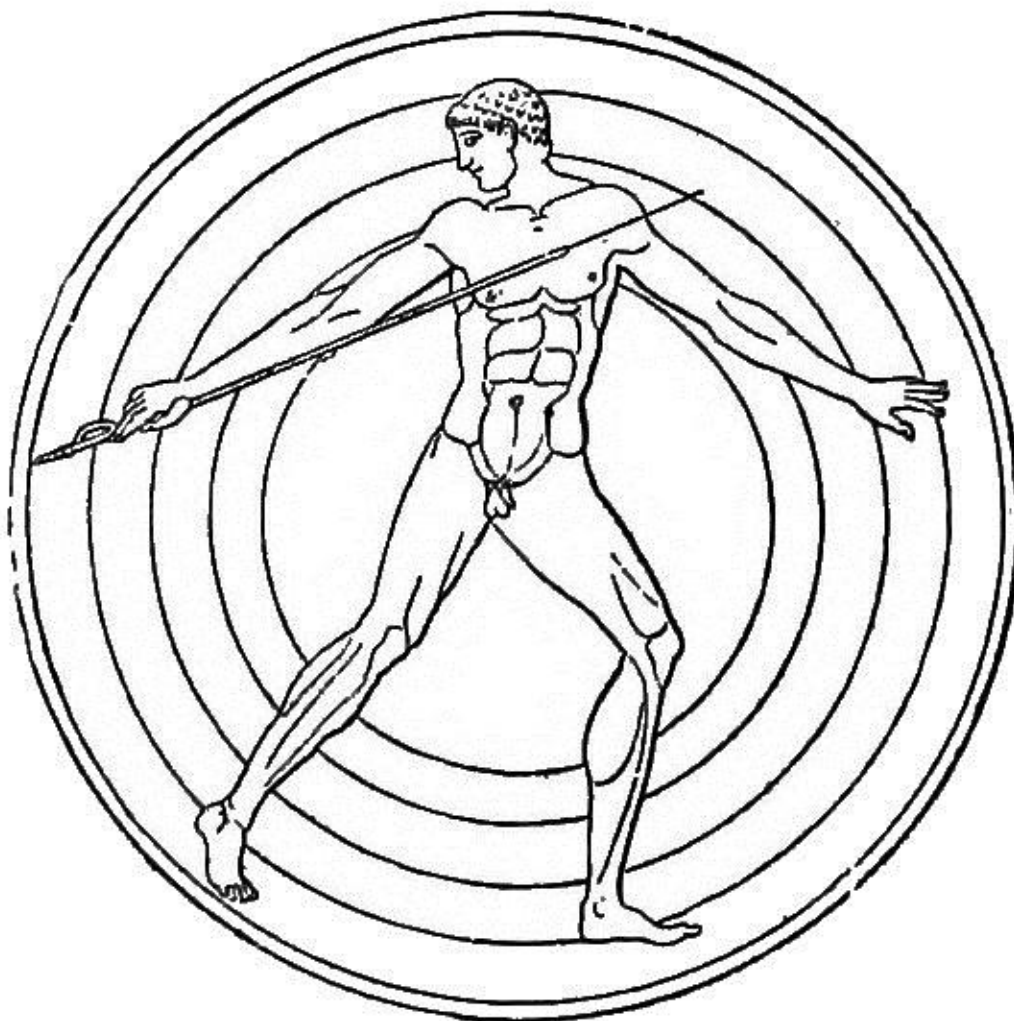
[back](#)

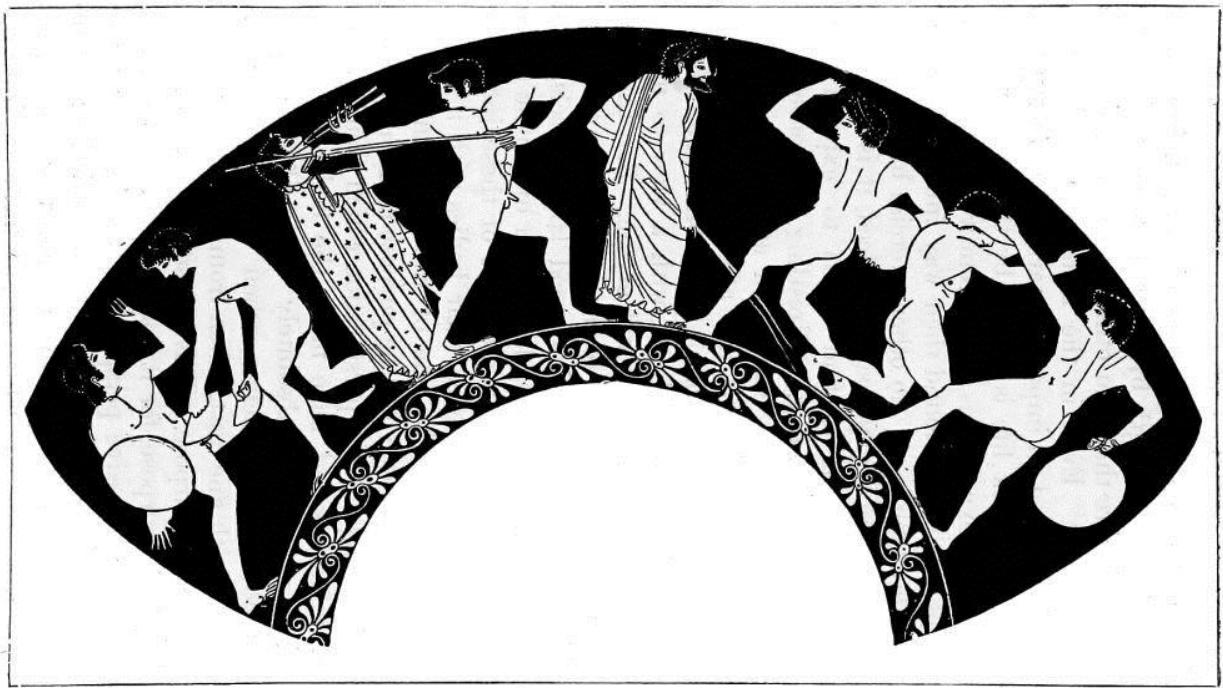
[back](#)

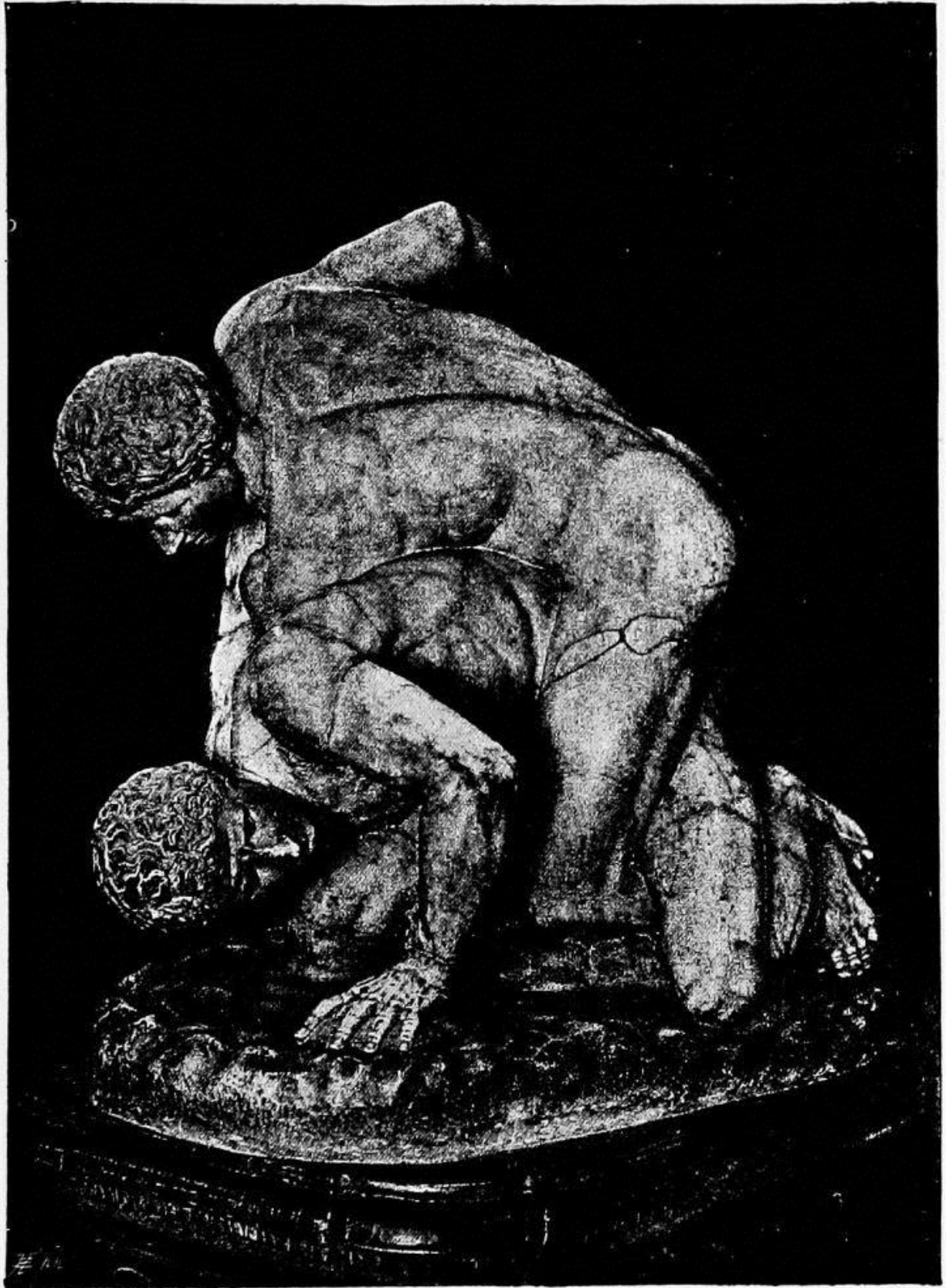
[back](#)

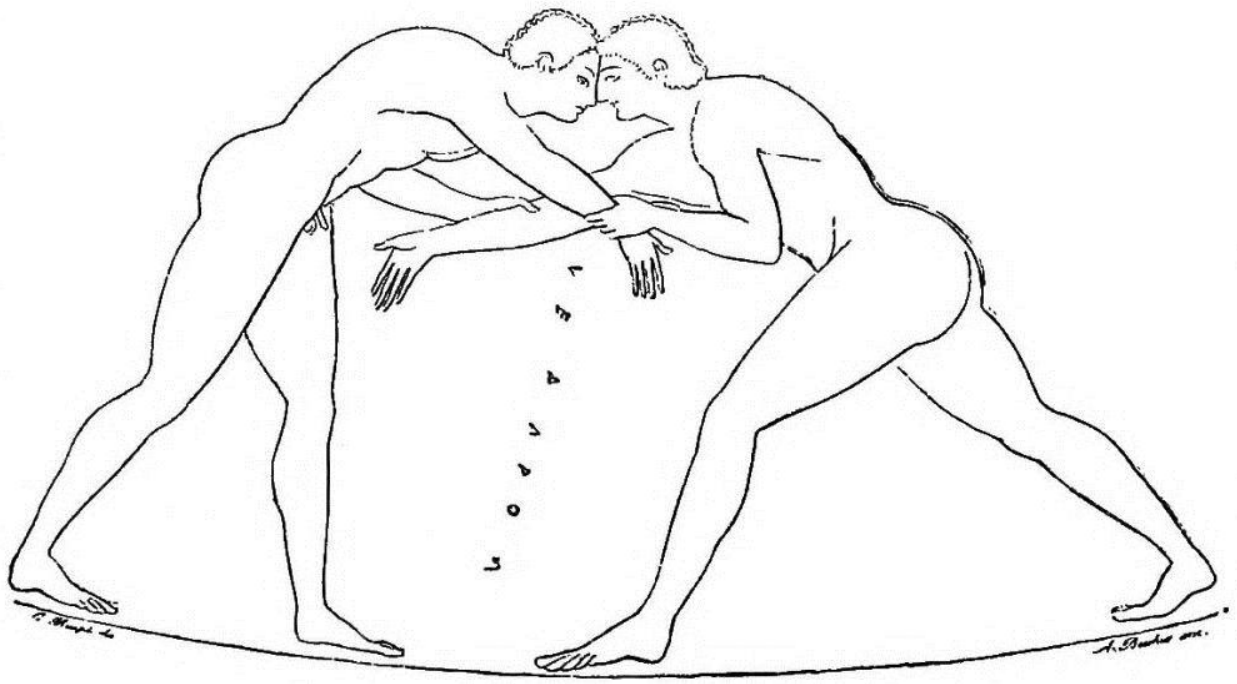
[back](#)

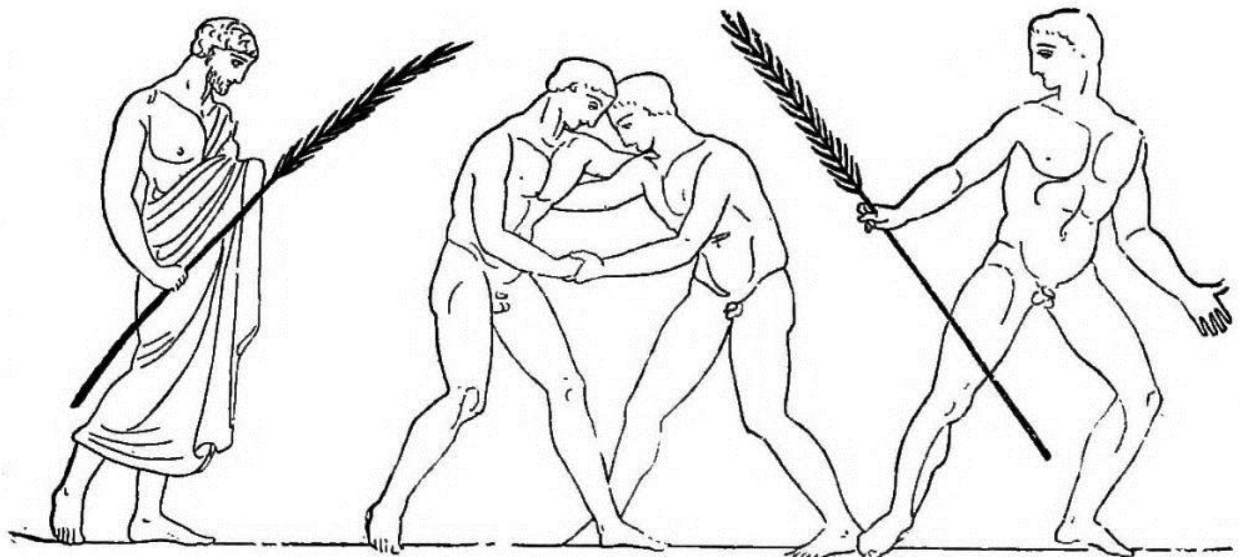
[back](#)

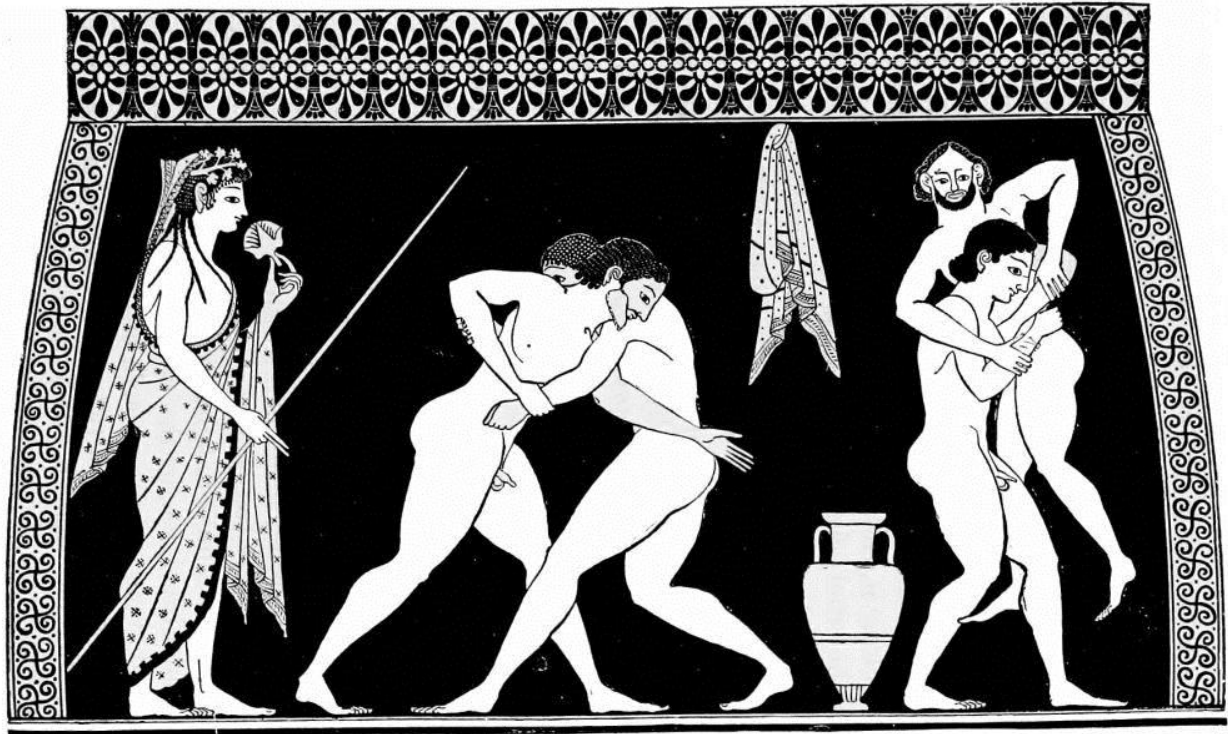
[back](#)

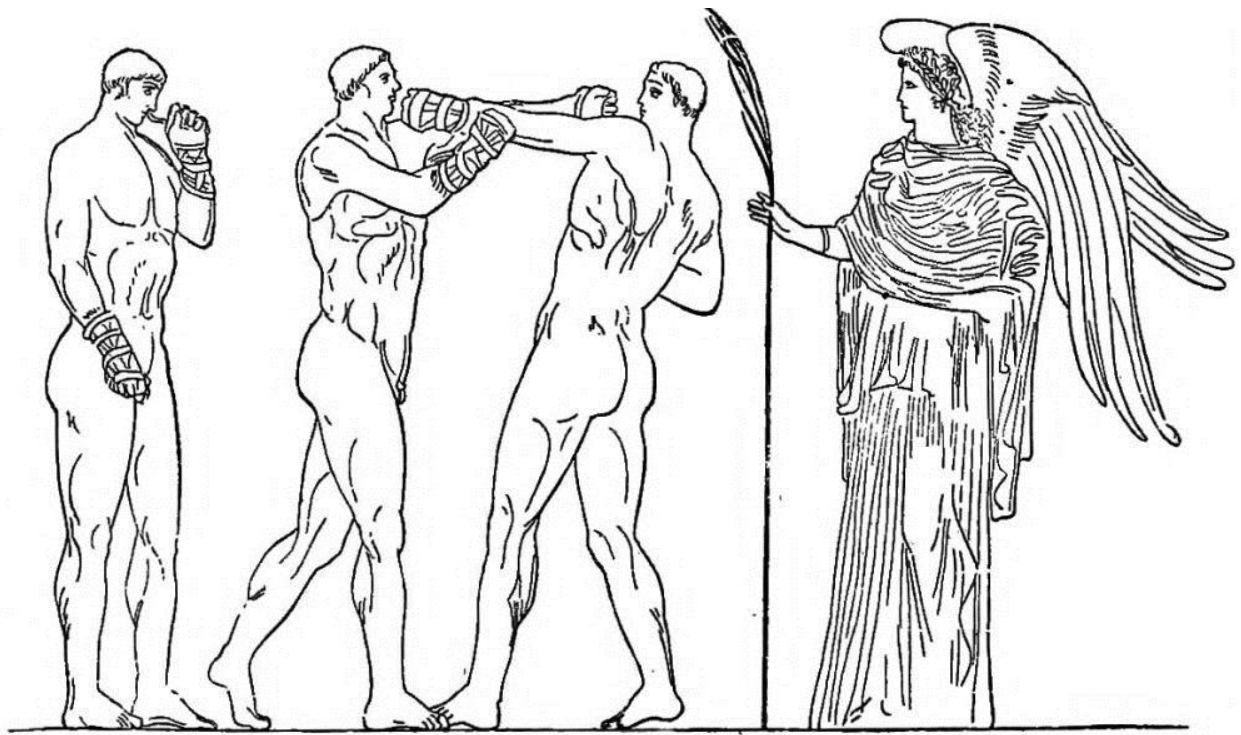
[back](#)

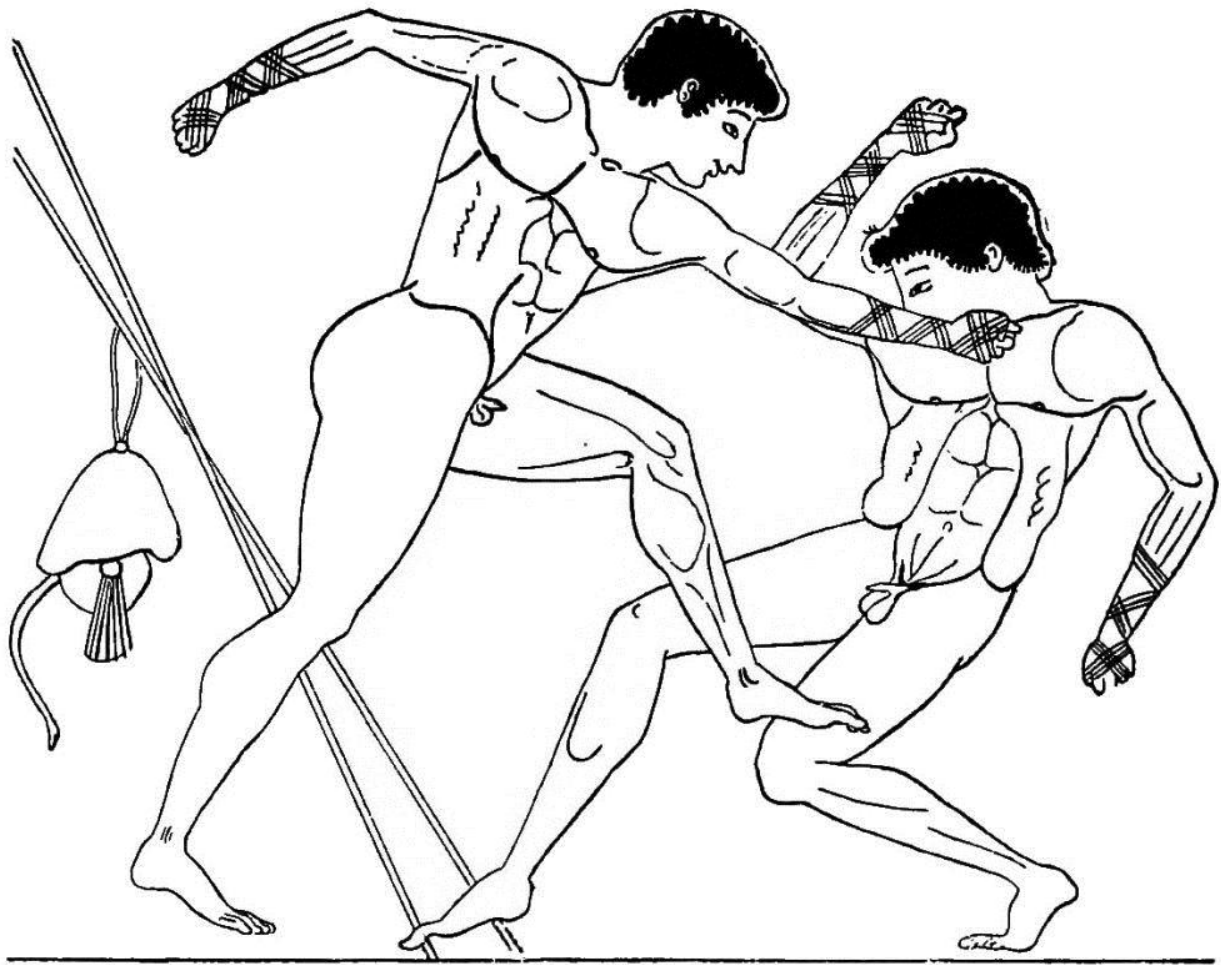
[back](#)

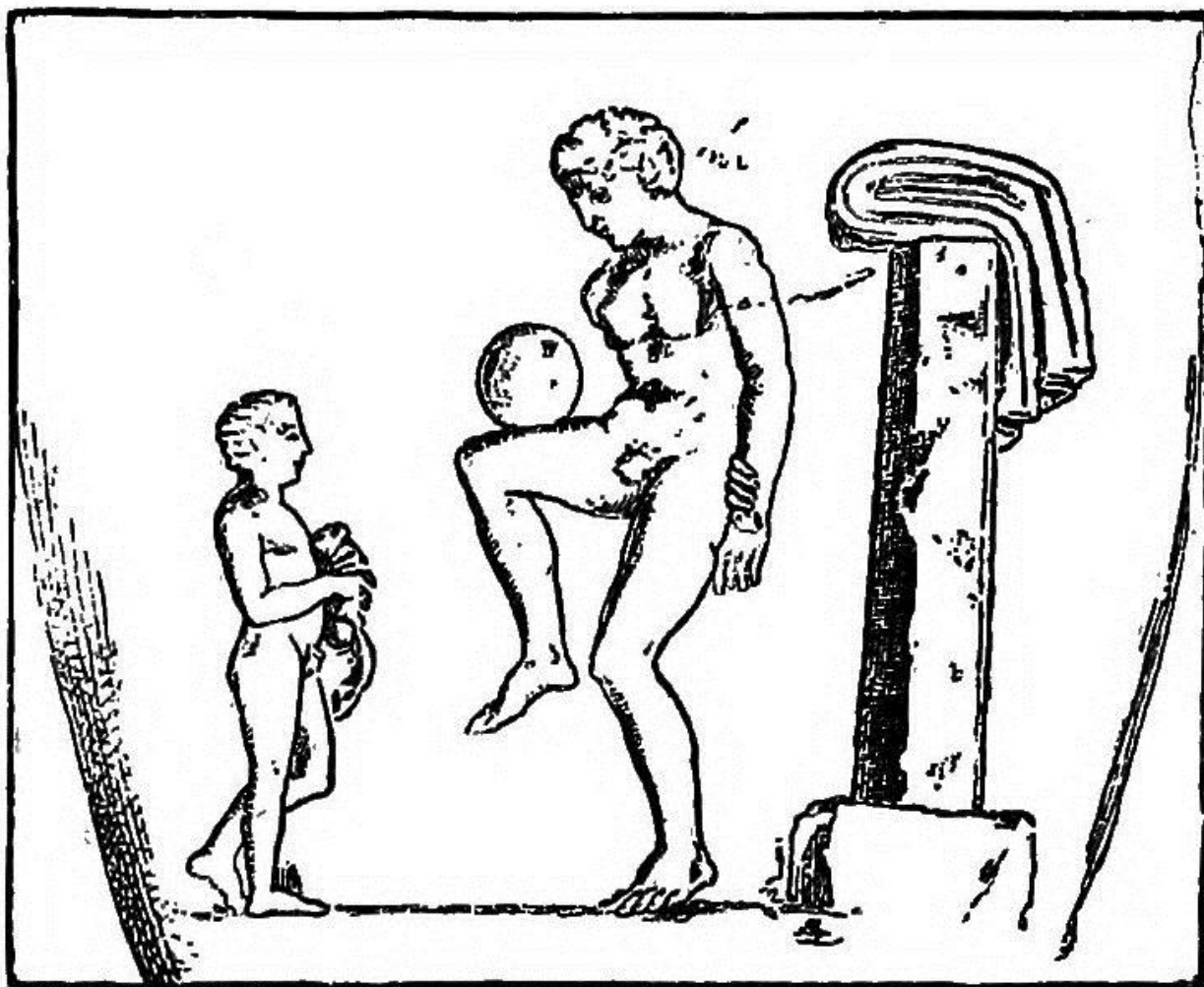
[back](#)

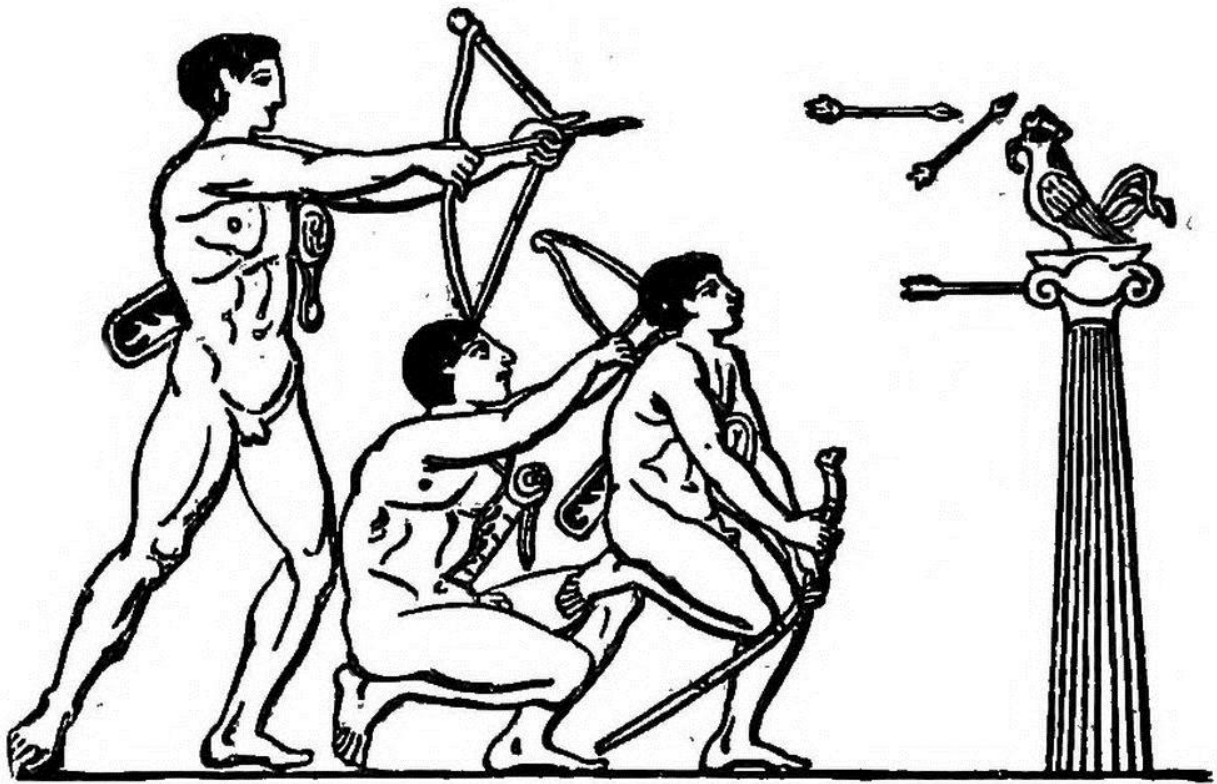
[back](#)

[back](#)

[back](#)

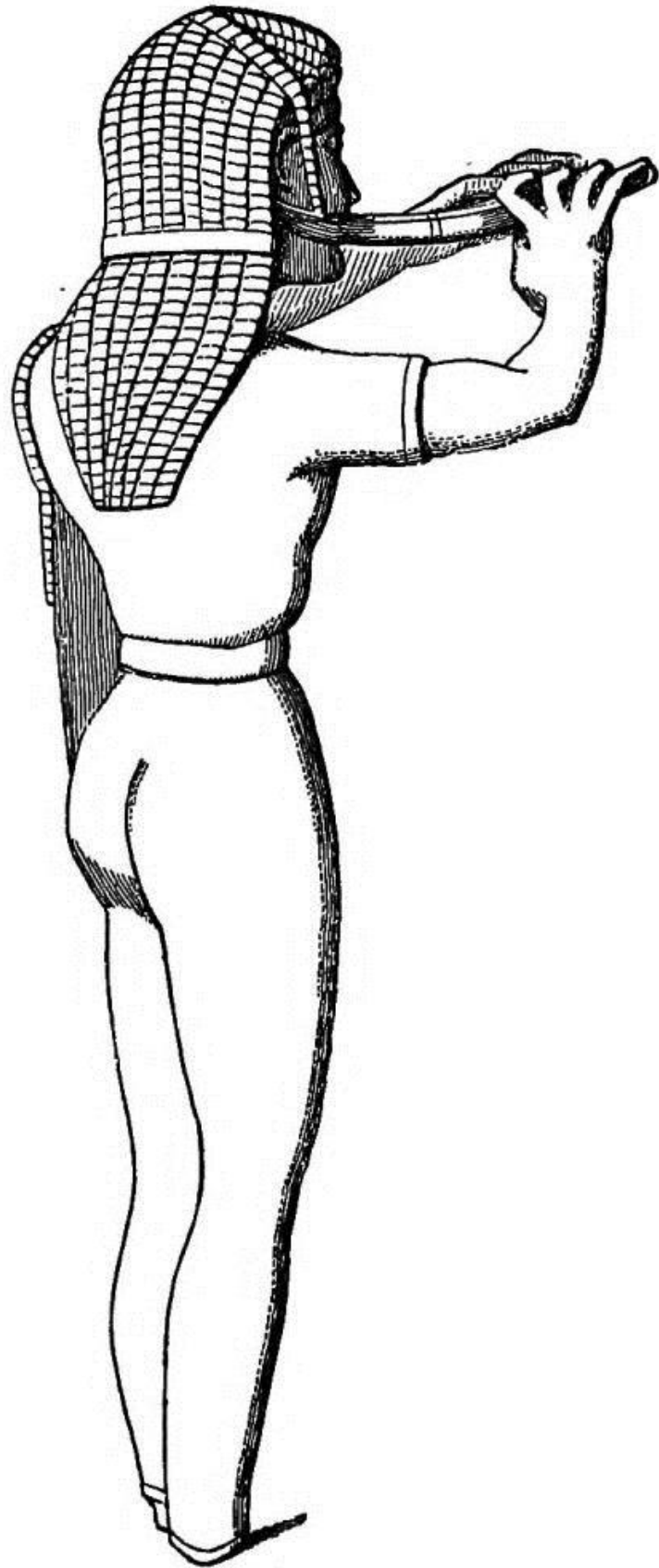

[back](#)

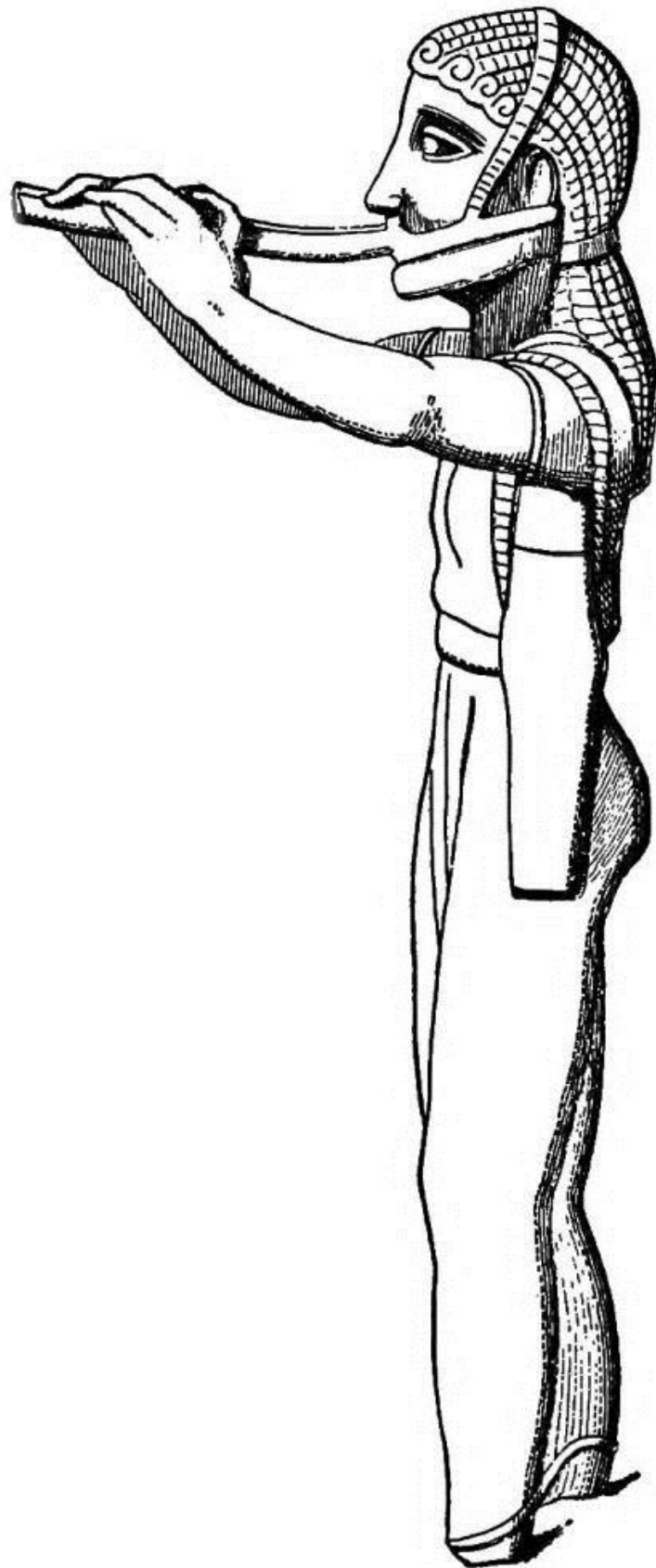

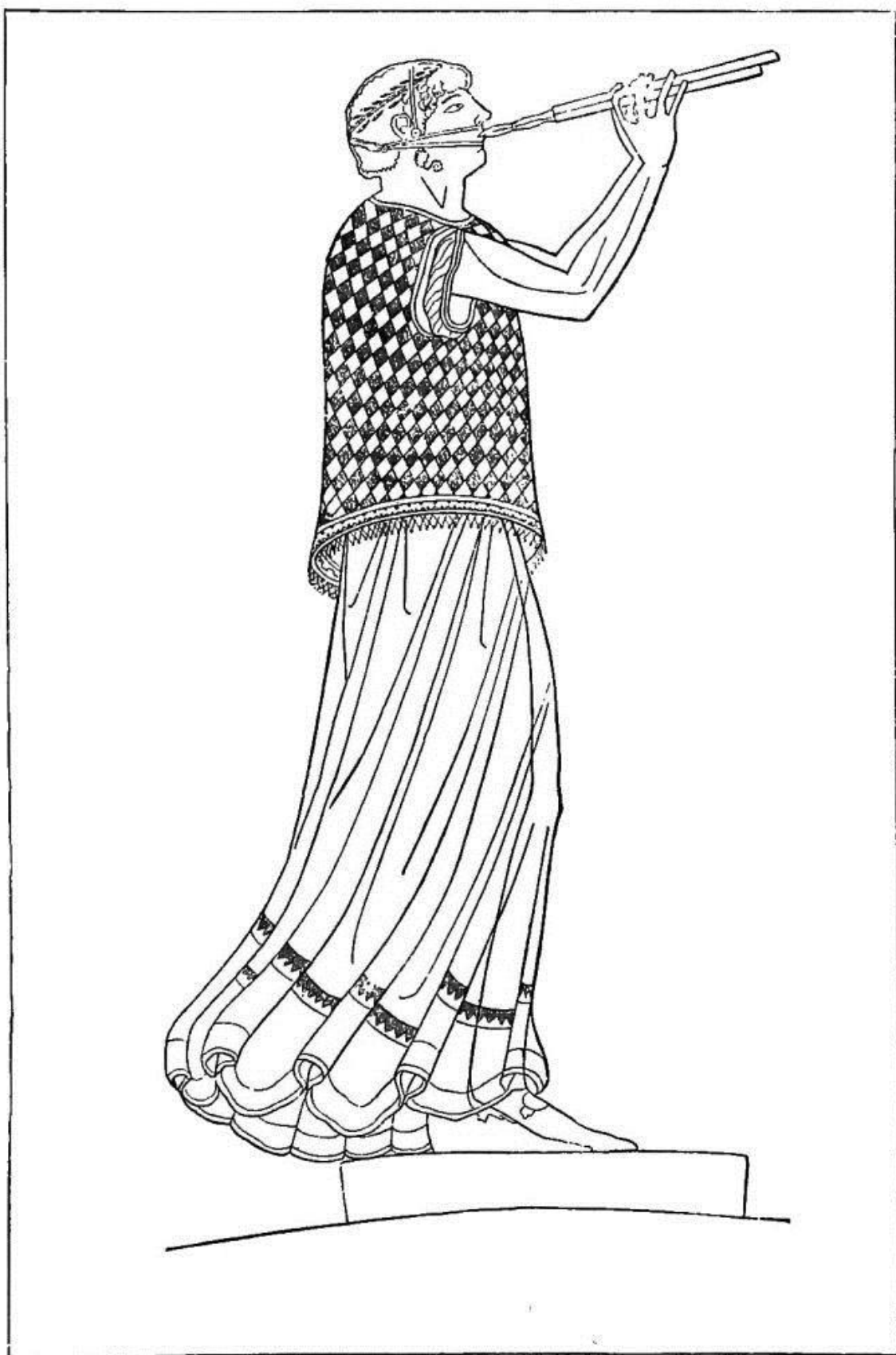
[back](#)

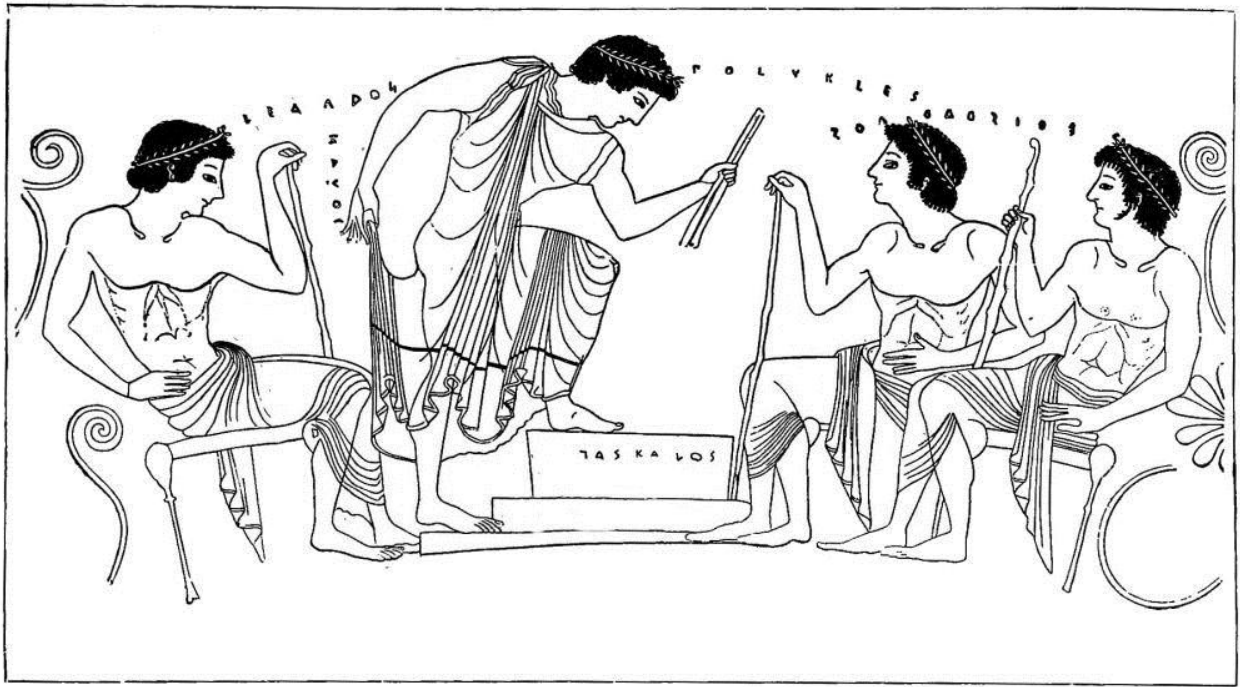
[back](#)

[back](#)

[back](#)

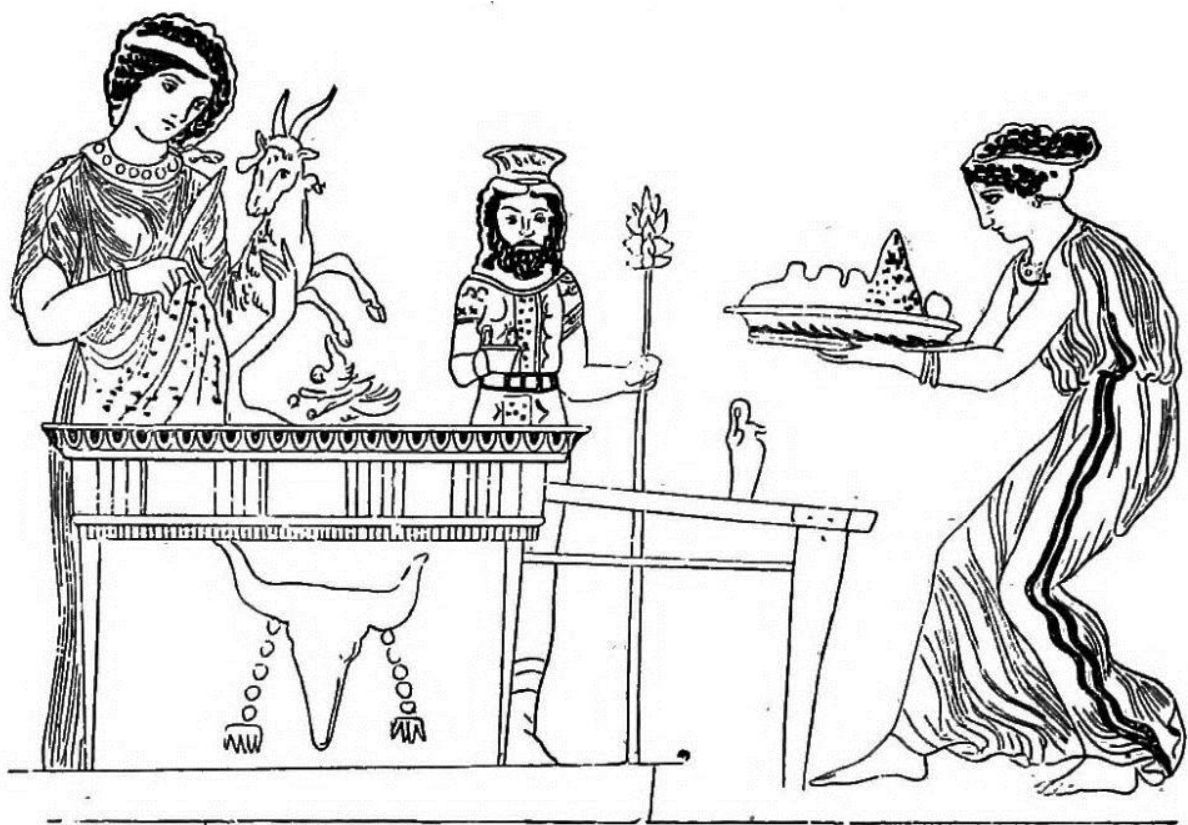
[back](#)

[back](#)

[back](#)

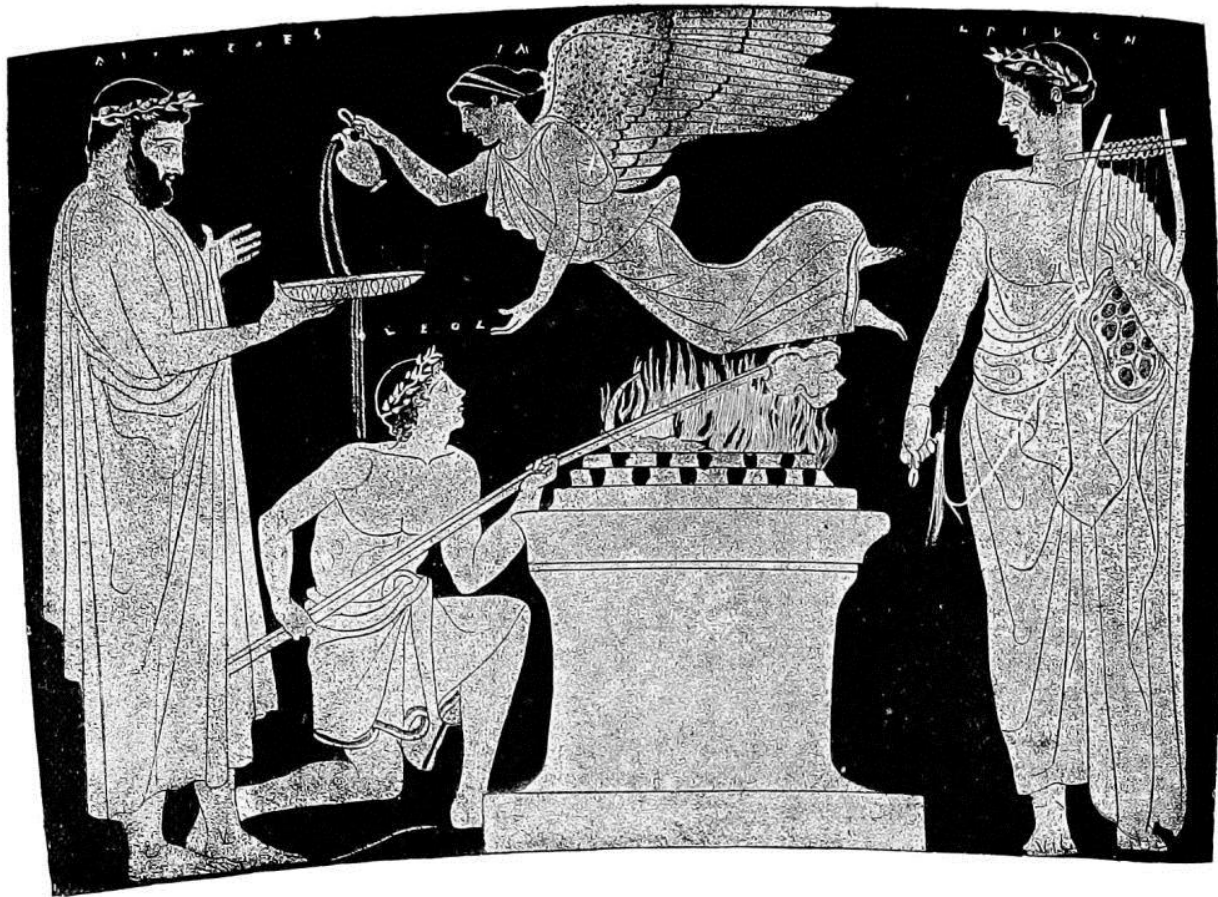
[back](#)

[back](#)

[back](#)

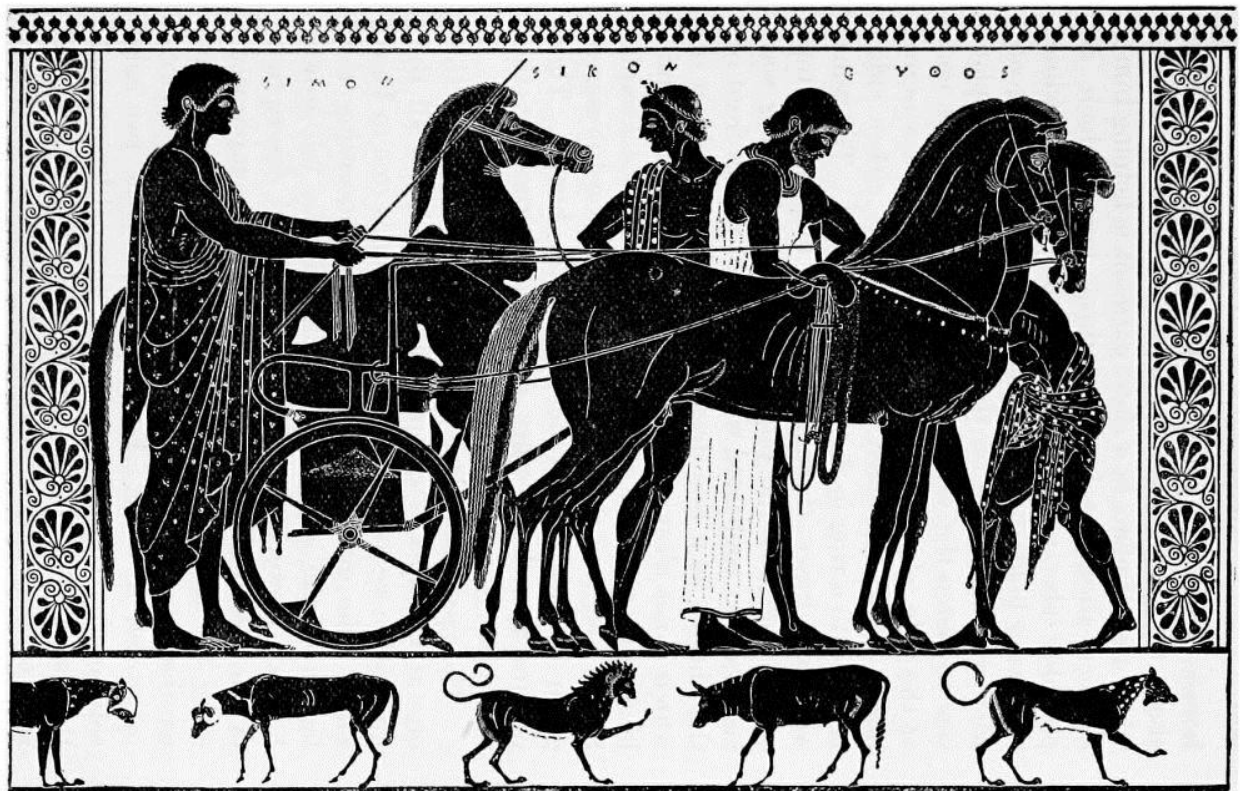

[back](#)

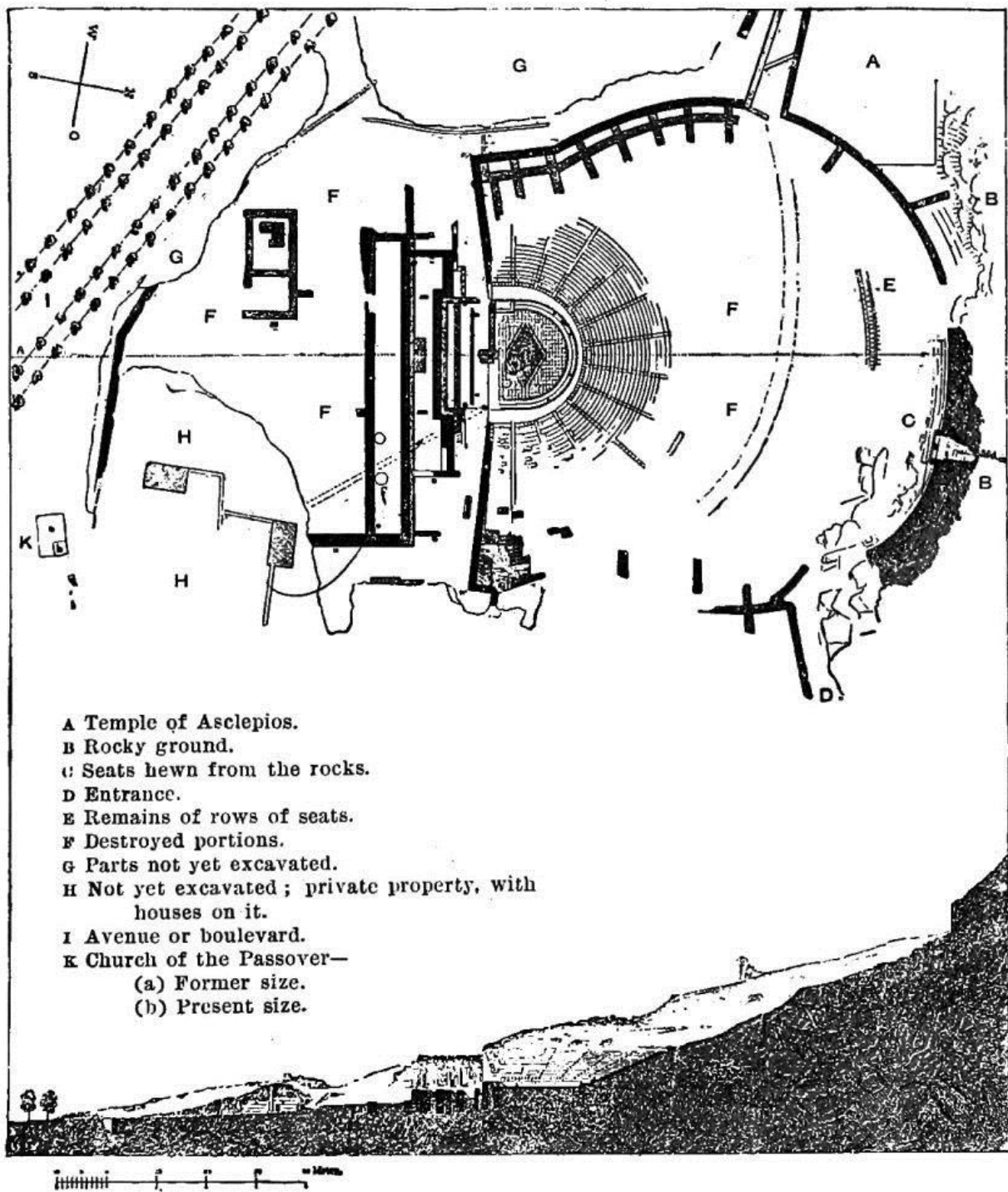
ΕΡΩΤΗΛΥΞΑ
ΝΙΑΣΔΙΑΝΑΙΟΝ
ΚΑΙΔΗΩΝΑΚΗΟΥ
ΚΕΣΤΙΕΞΑΥΤΟΥ
ΗΤΟΓΛΙΛΛΡΙΟΝ
ΟΑΝΝΥΛΑΚΥΕΙ

Α Γ V
Δ Ι
7 Ε

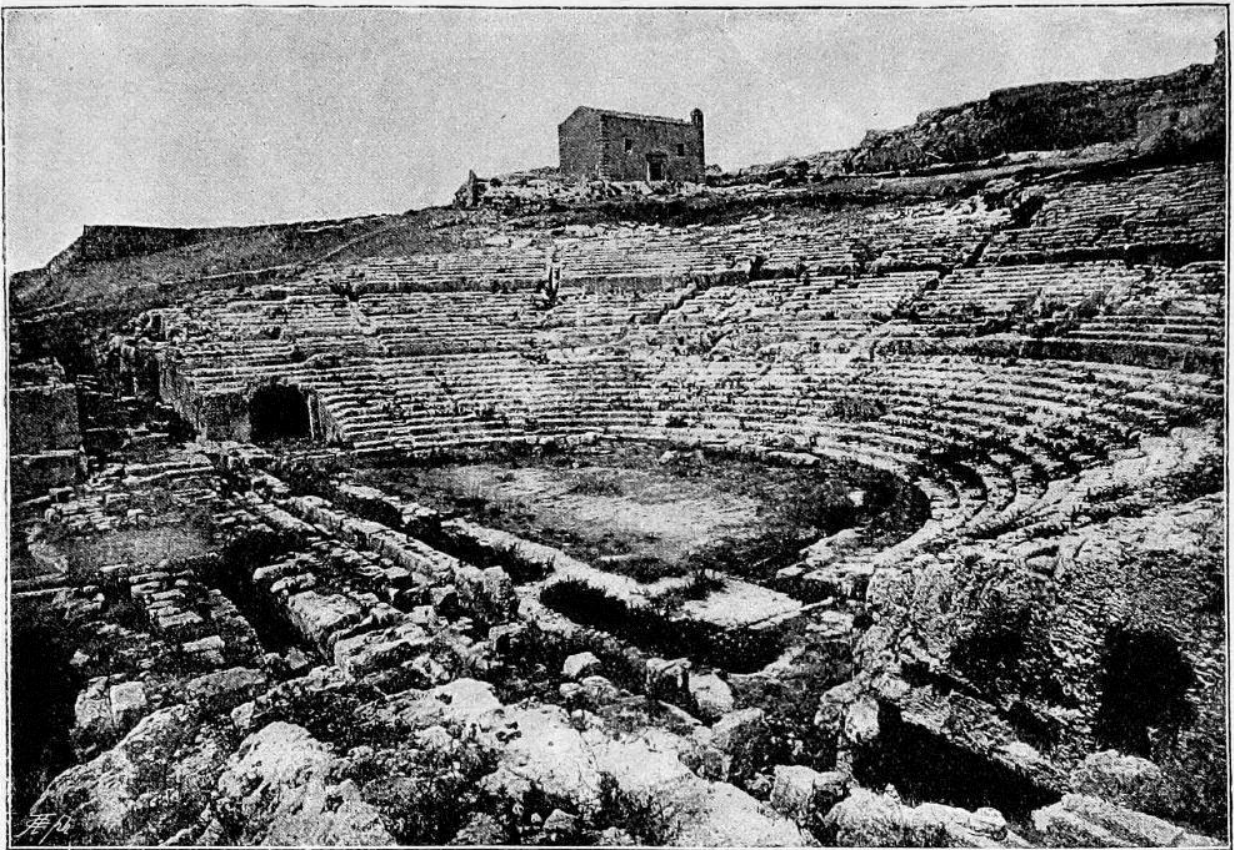
[back](#)

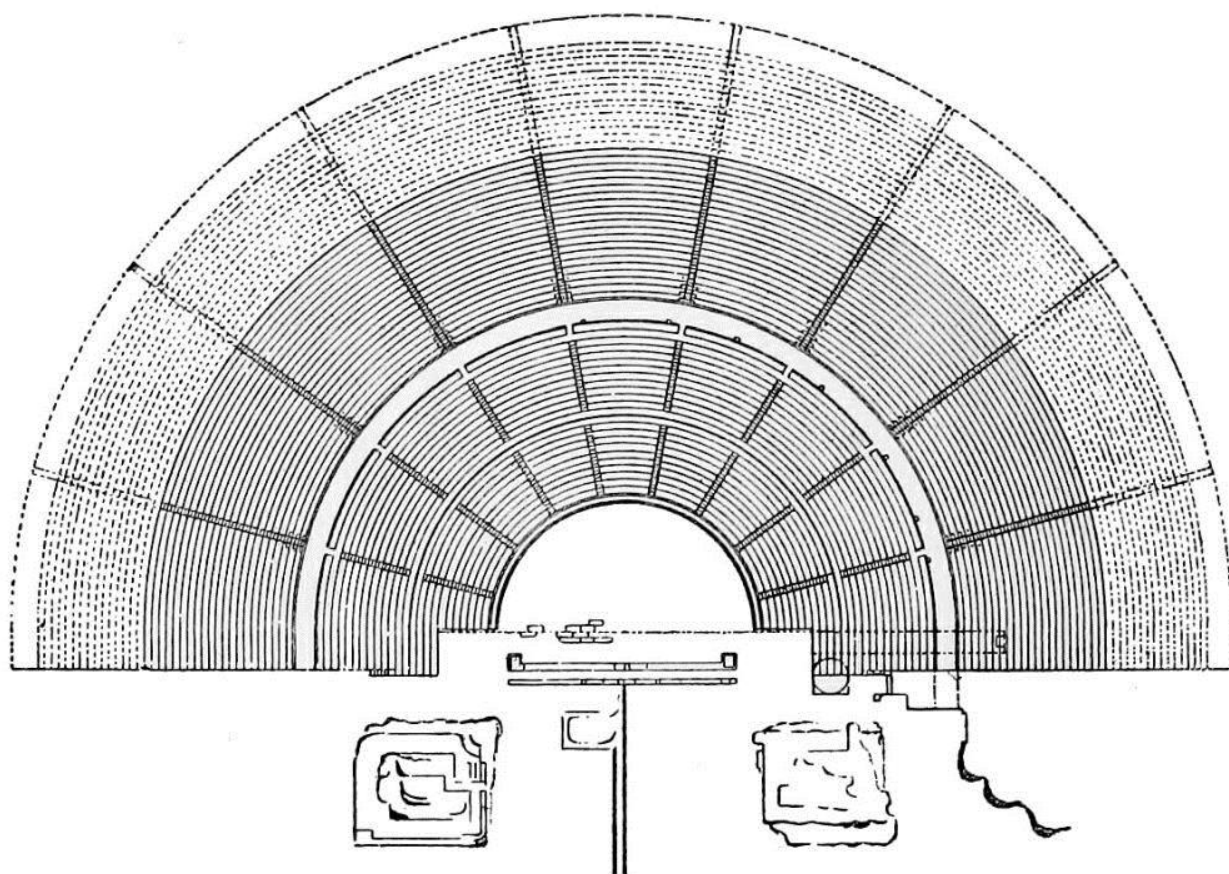
[back](#)

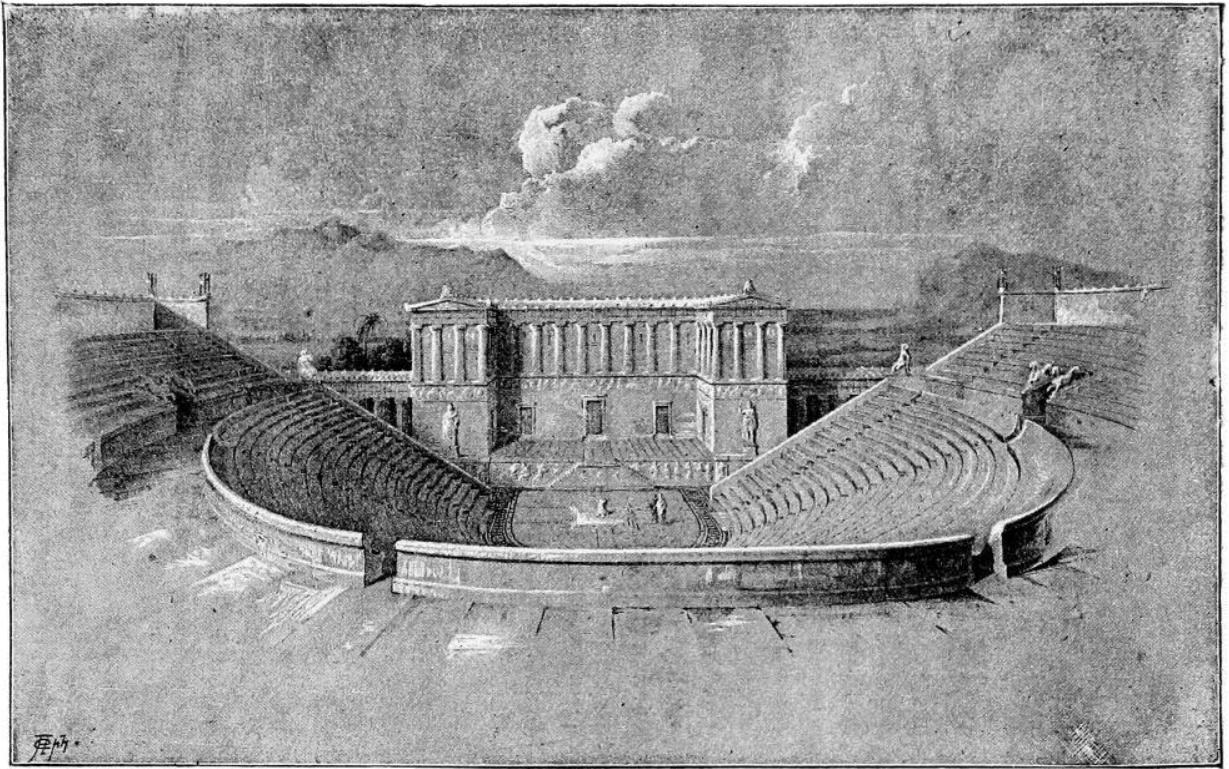
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

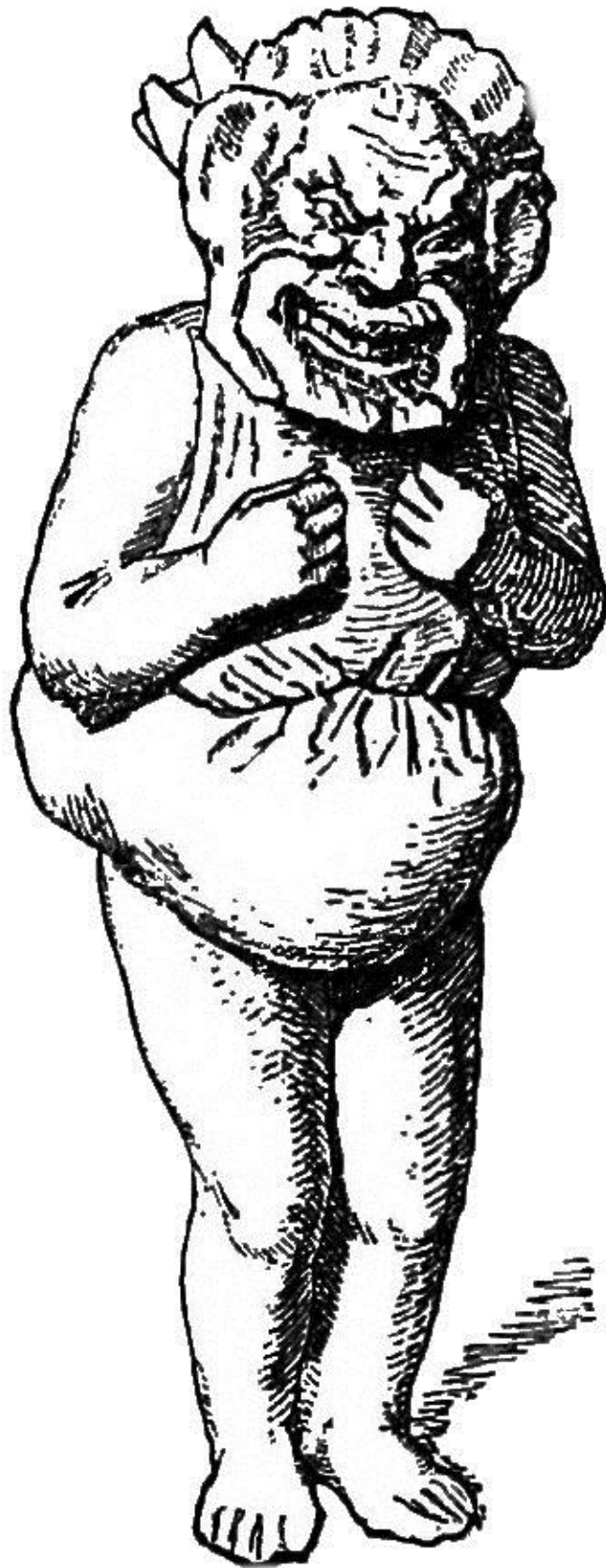
[back](#)

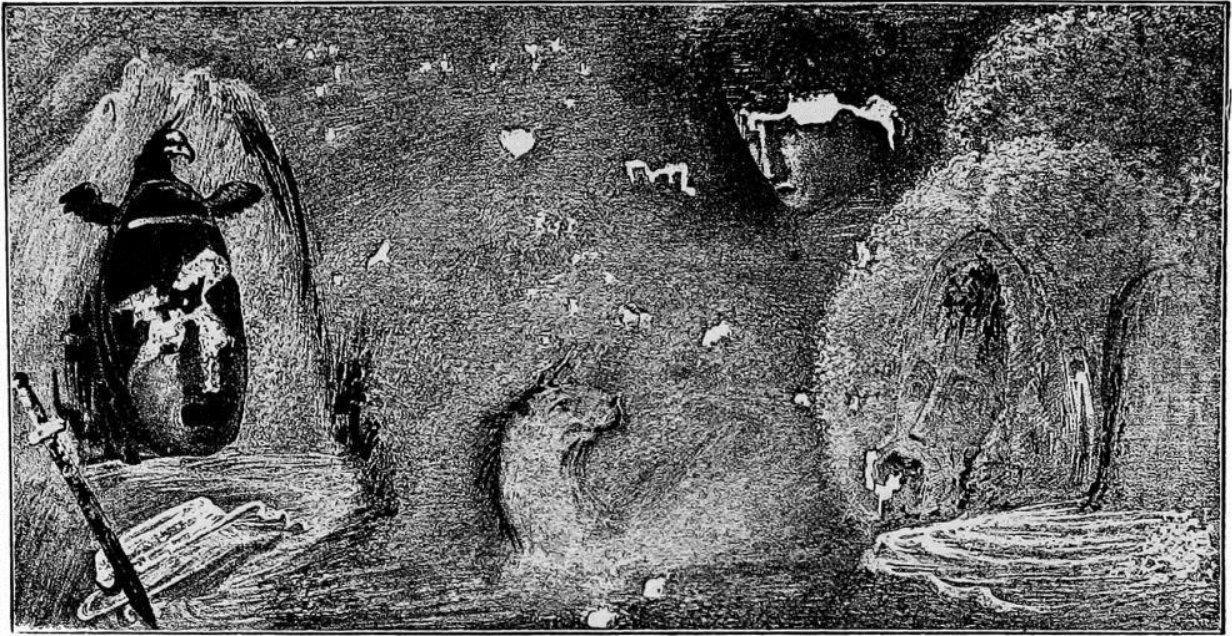
[back](#)

[back](#)

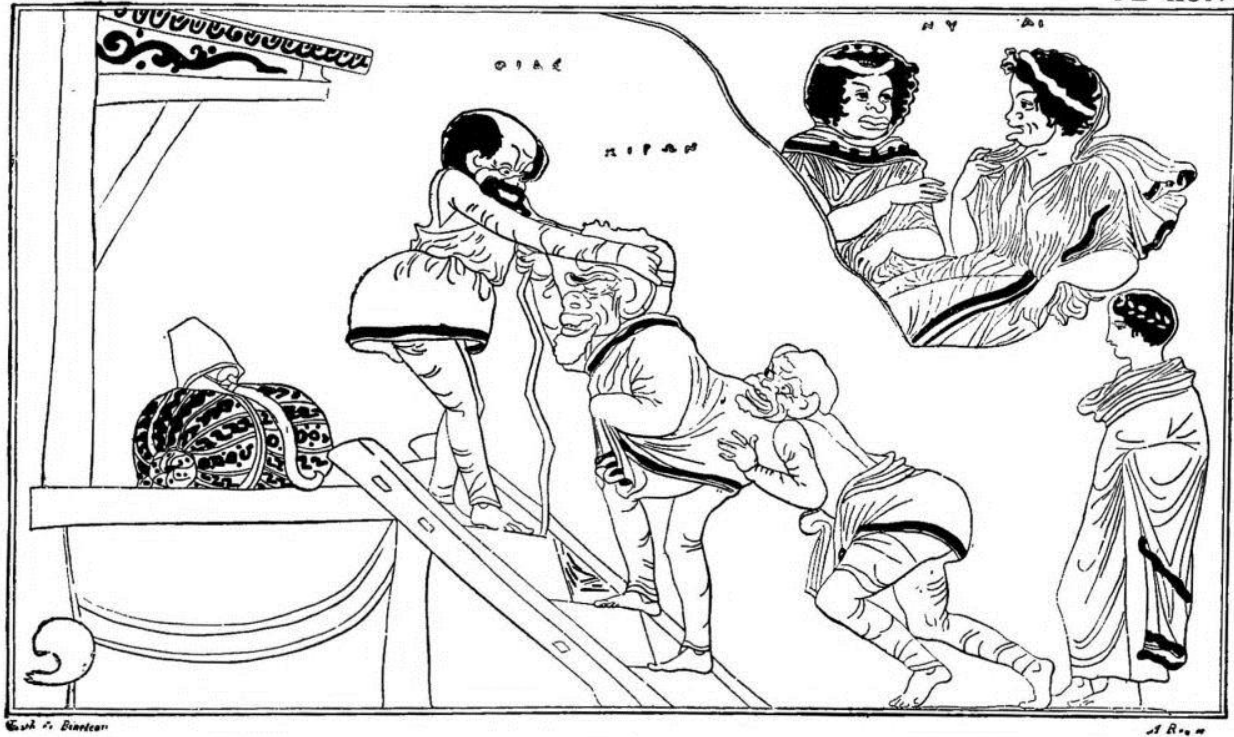
[back](#)

[back](#)

[back](#)

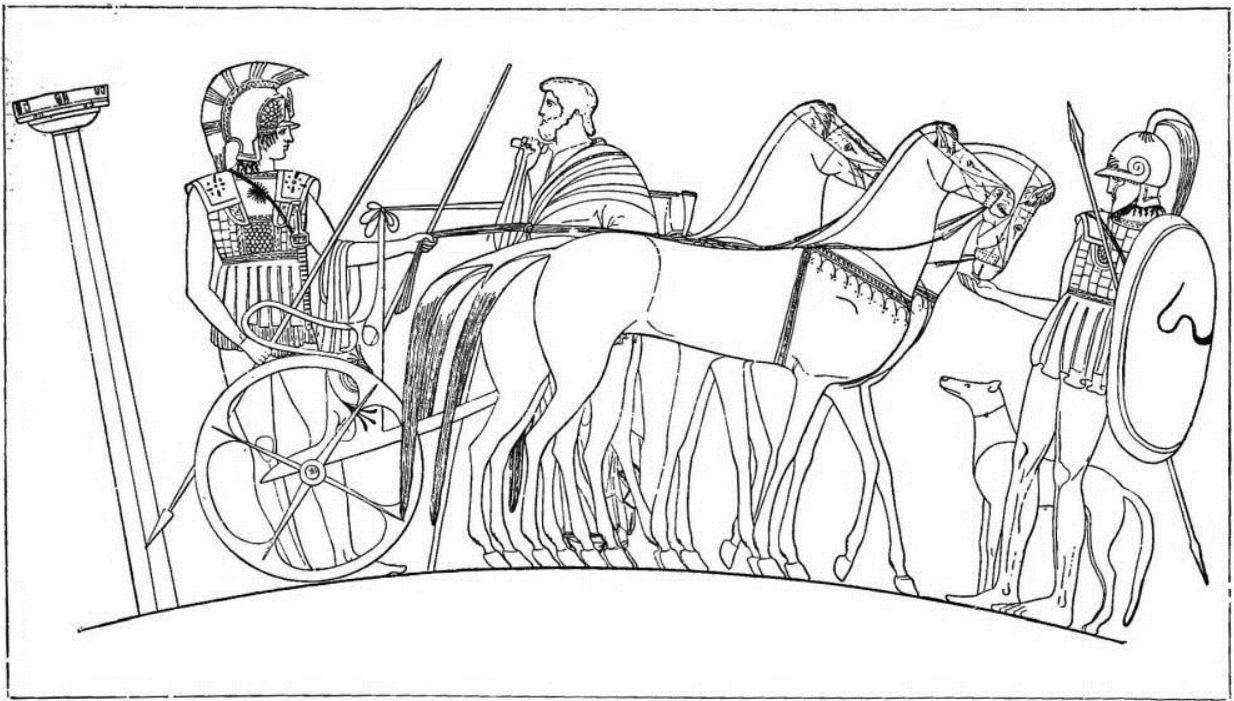
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

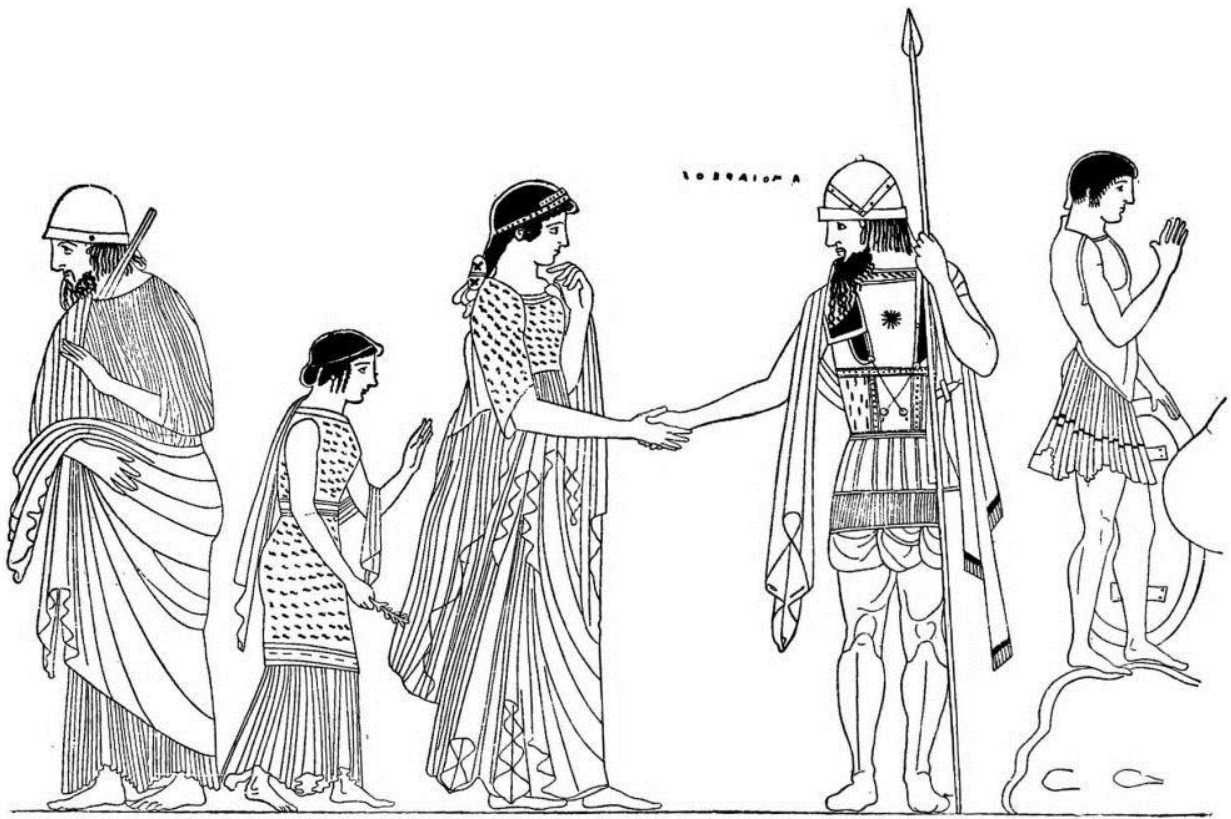
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

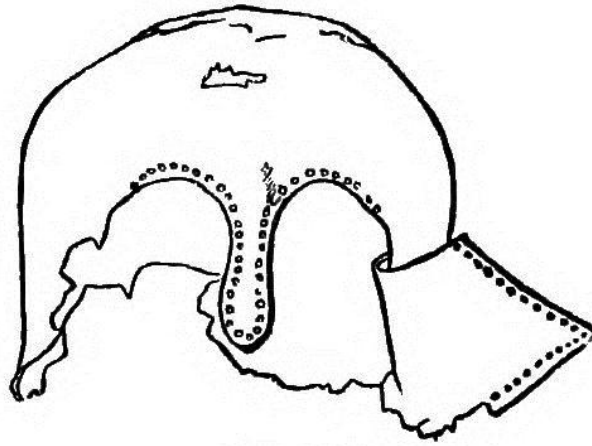

FIG. 173.

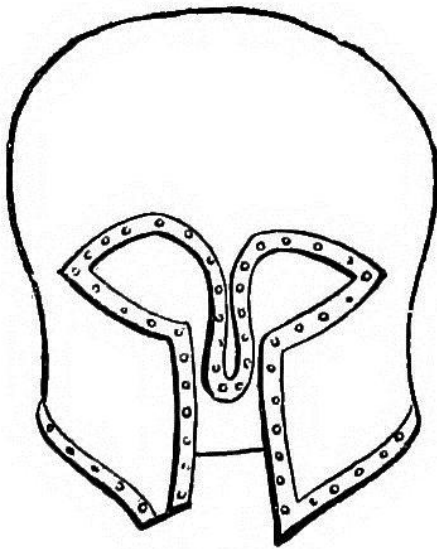

FIG. 174.

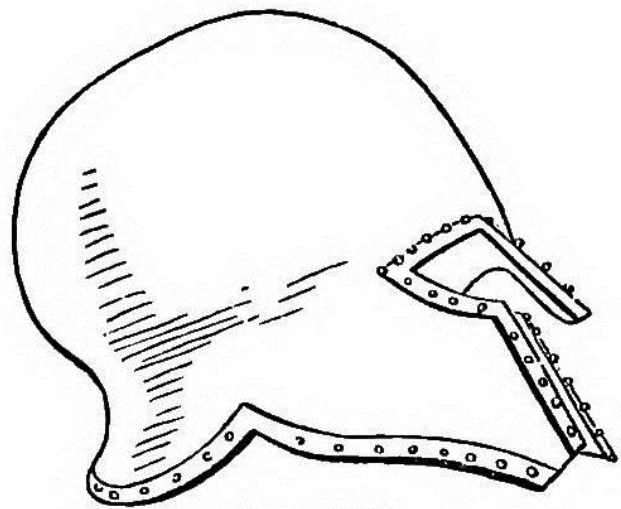
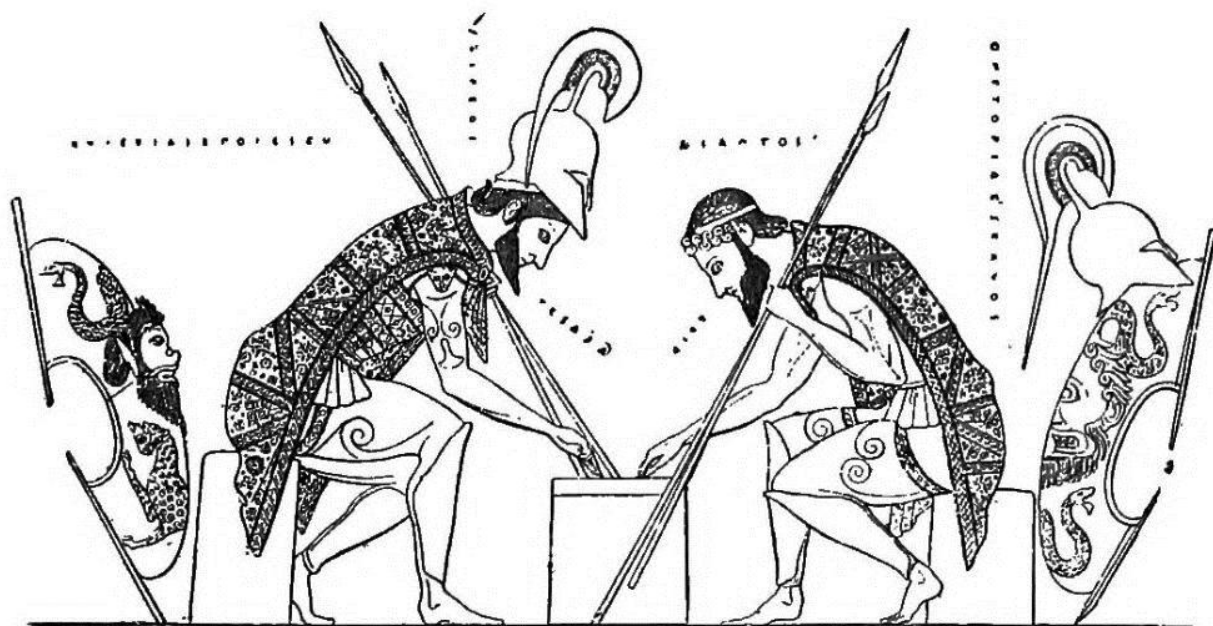
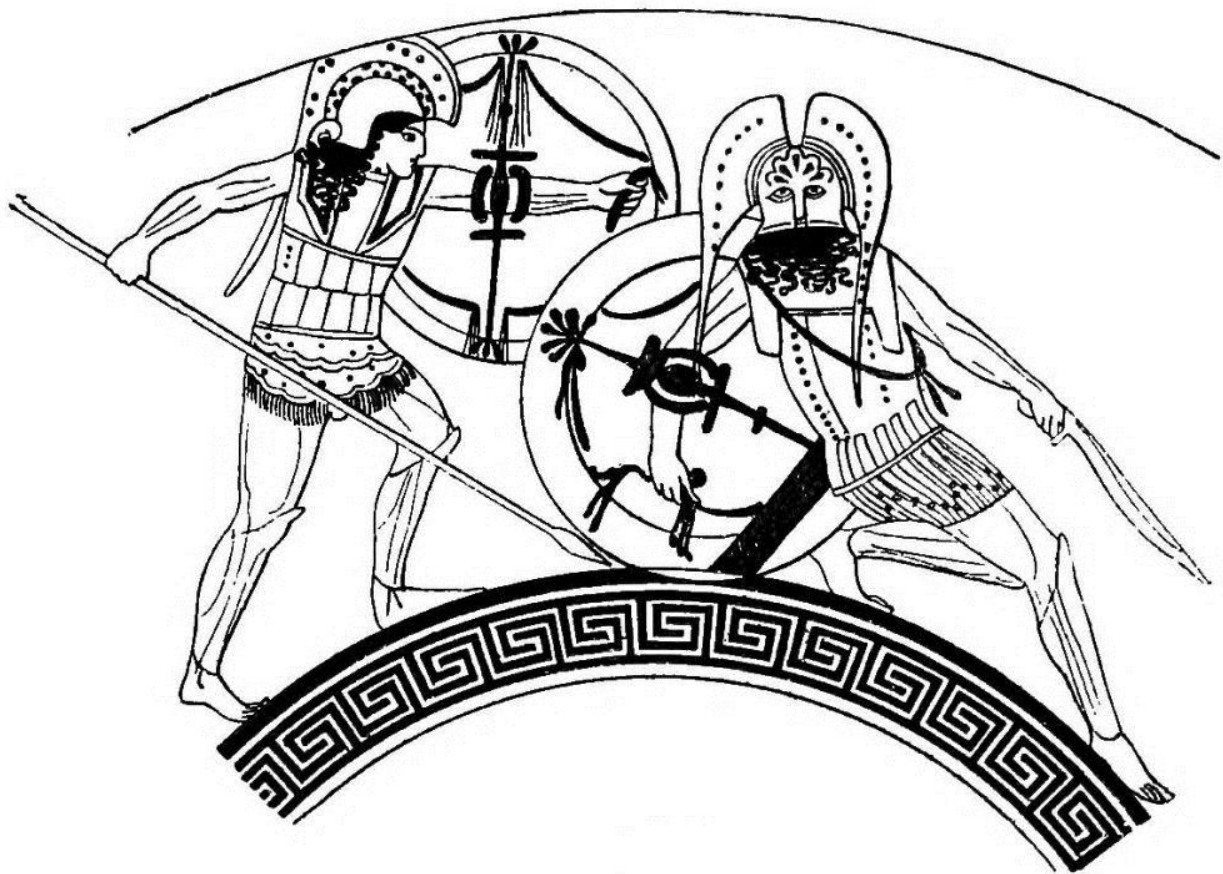

FIG. 175.

[back](#)

[back](#)

[back](#)

FIG. 178.

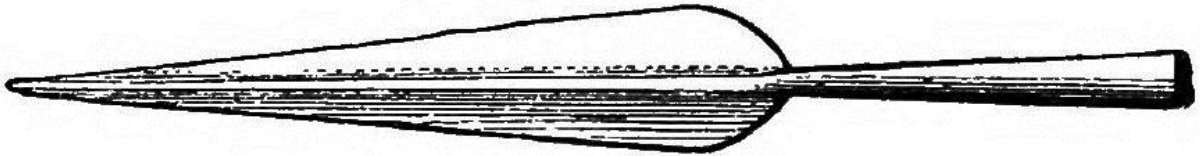

FIG. 179.

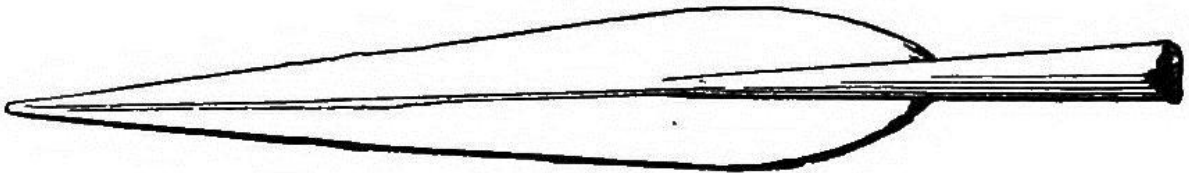

FIG. 180.

[back](#)

[back](#)

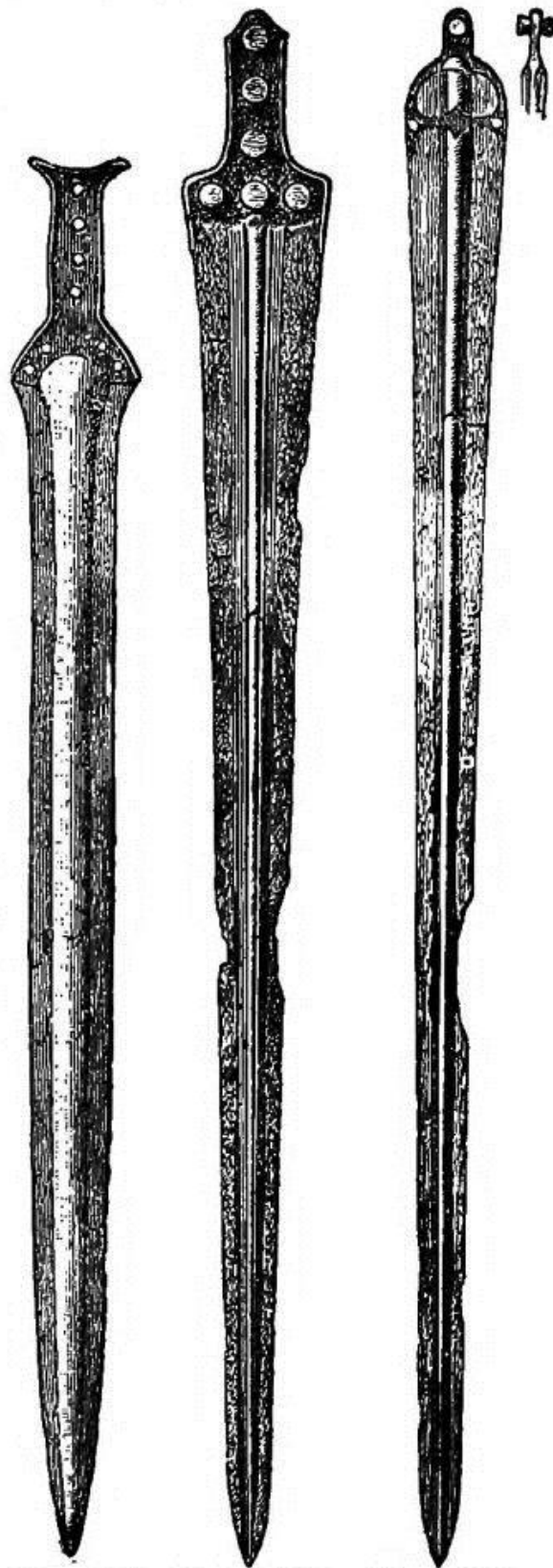

FIG. 182. FIG. 183. FIG. 184.

[back](#)

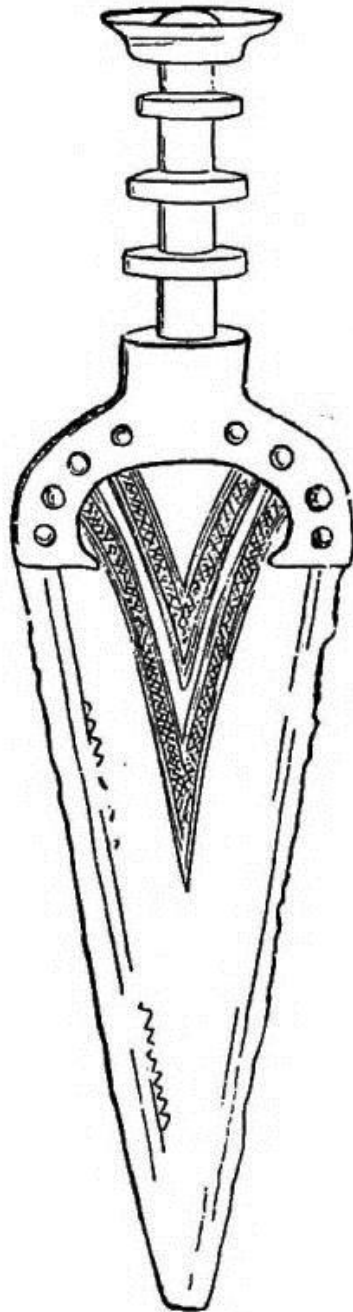

FIG. 185.

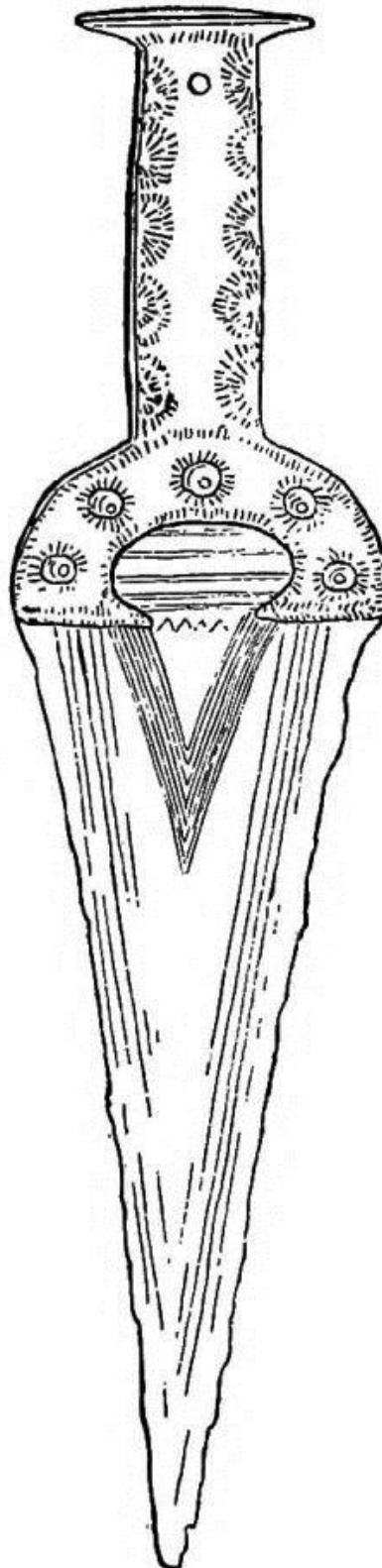
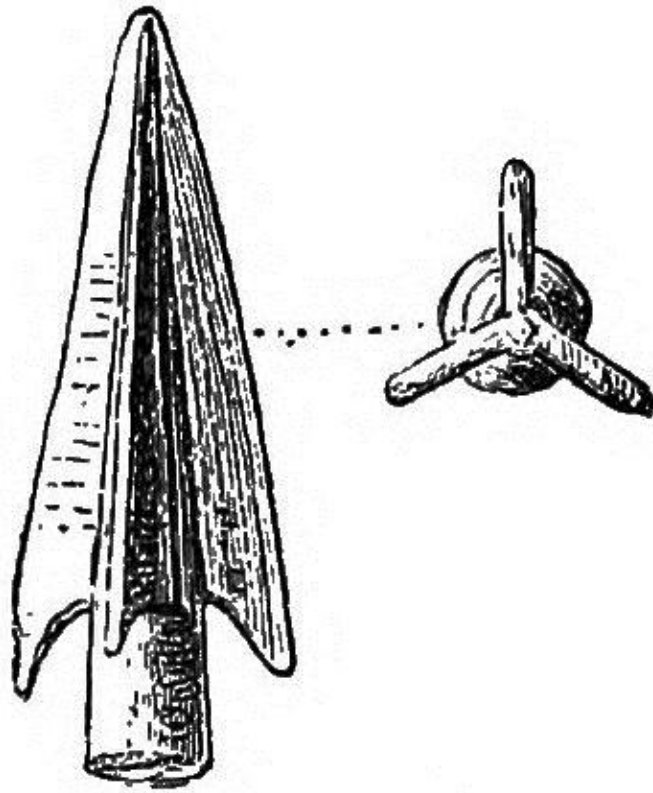
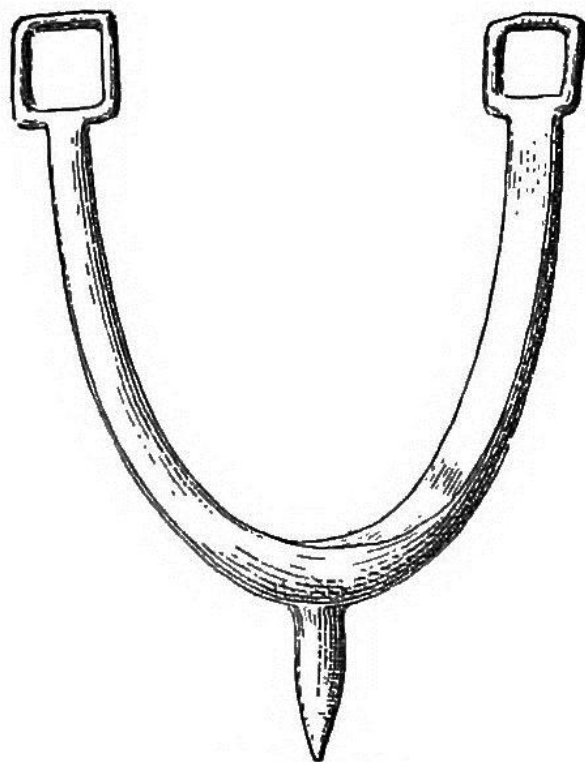
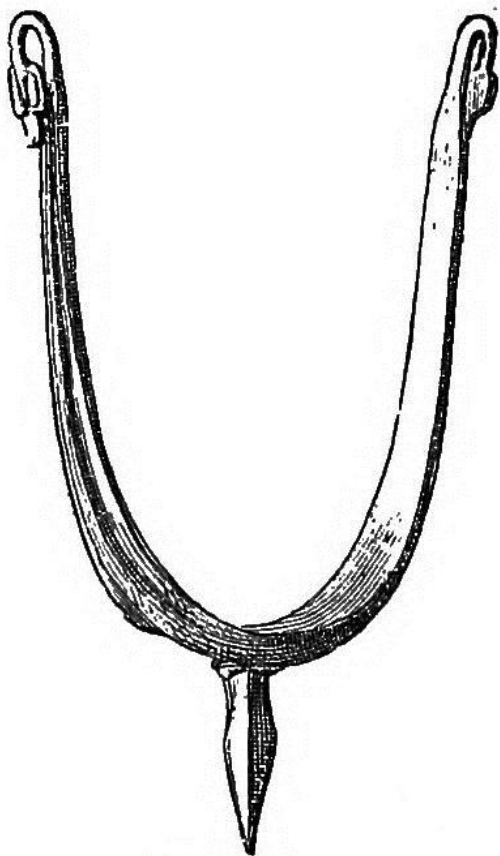

FIG. 186.

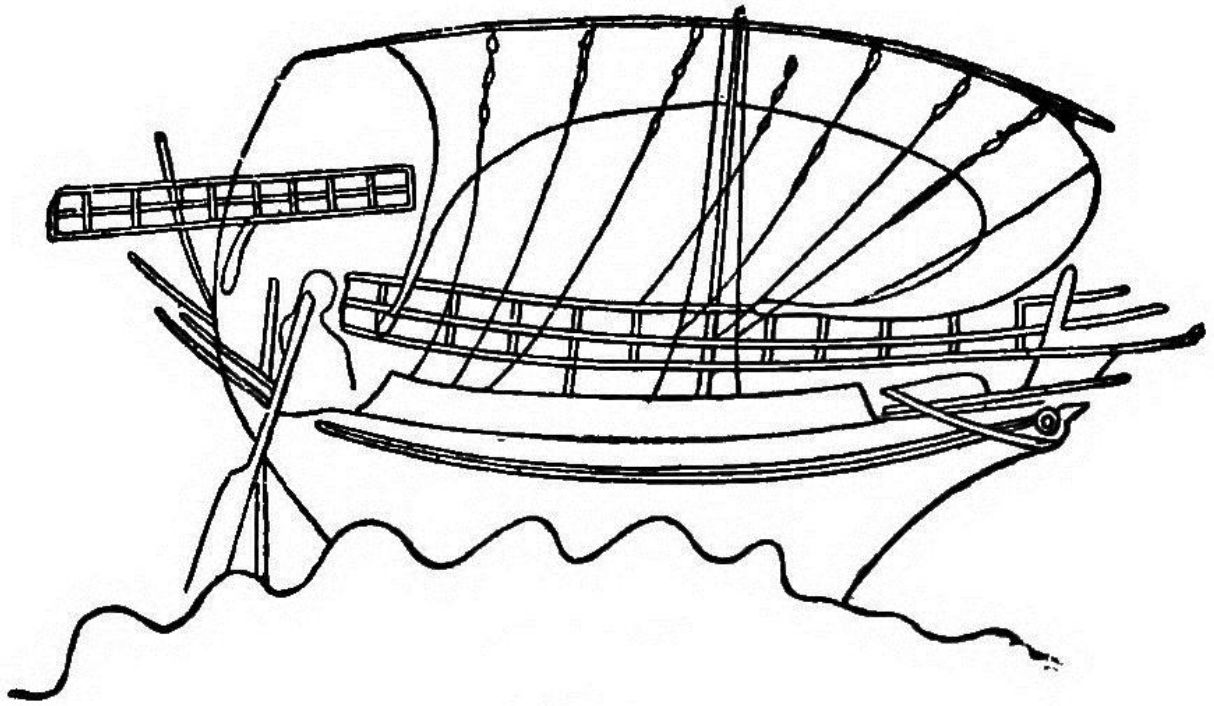
[back](#)

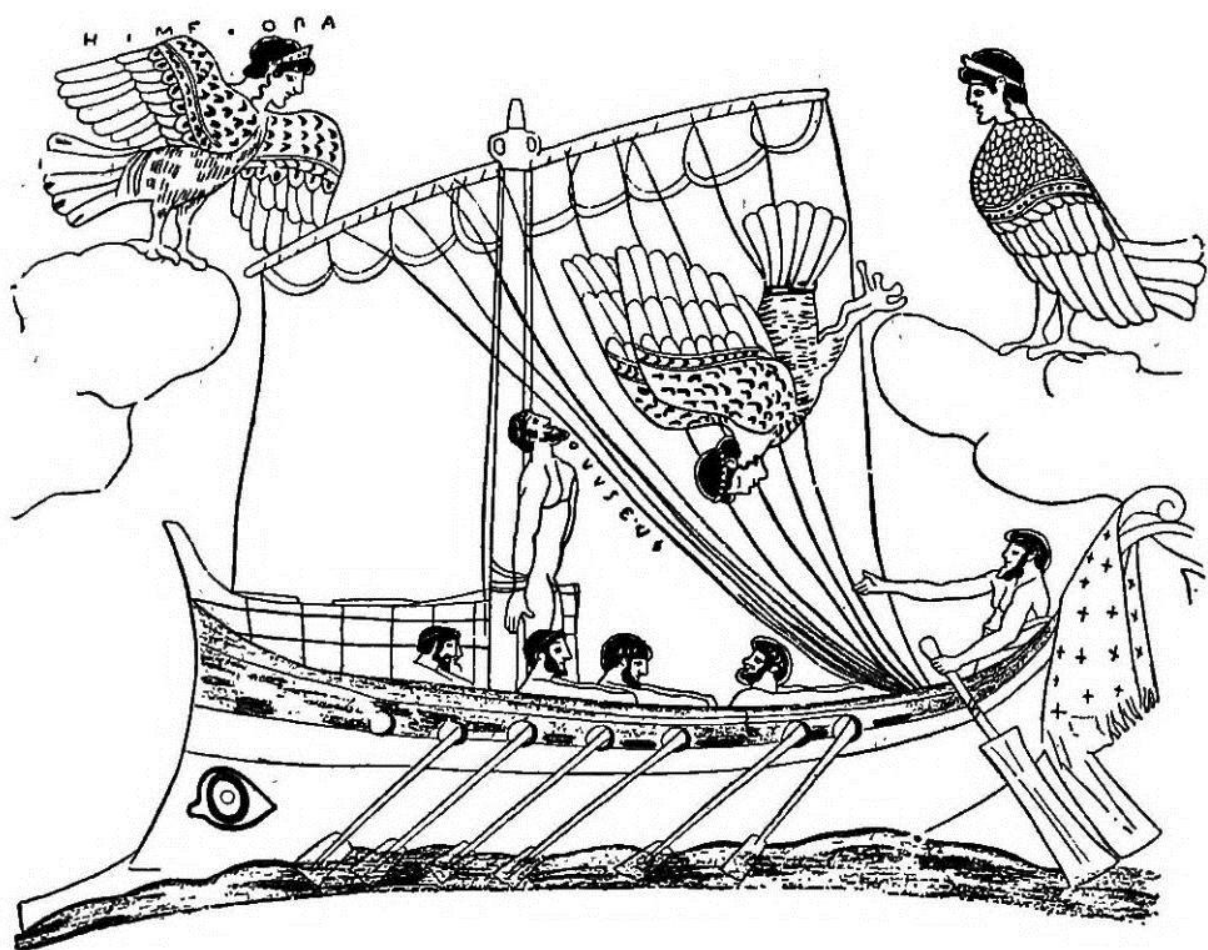
[back](#)

[back](#)

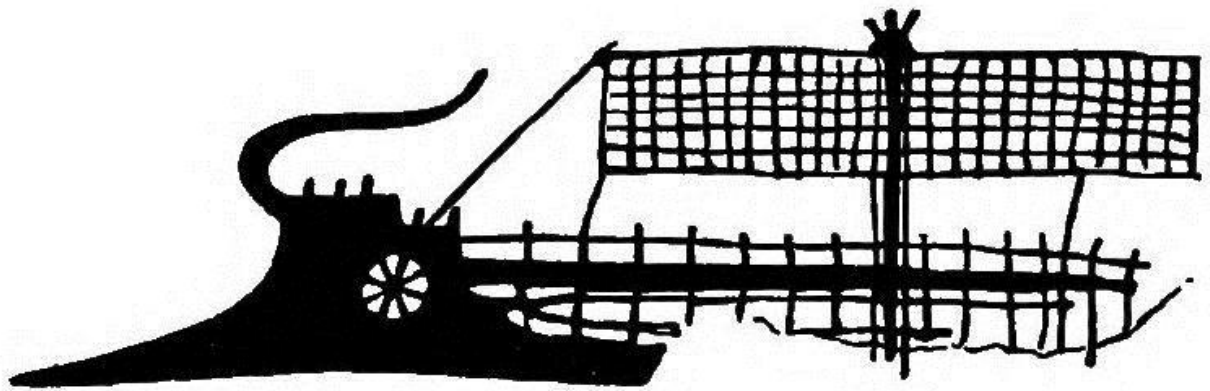
[back](#)

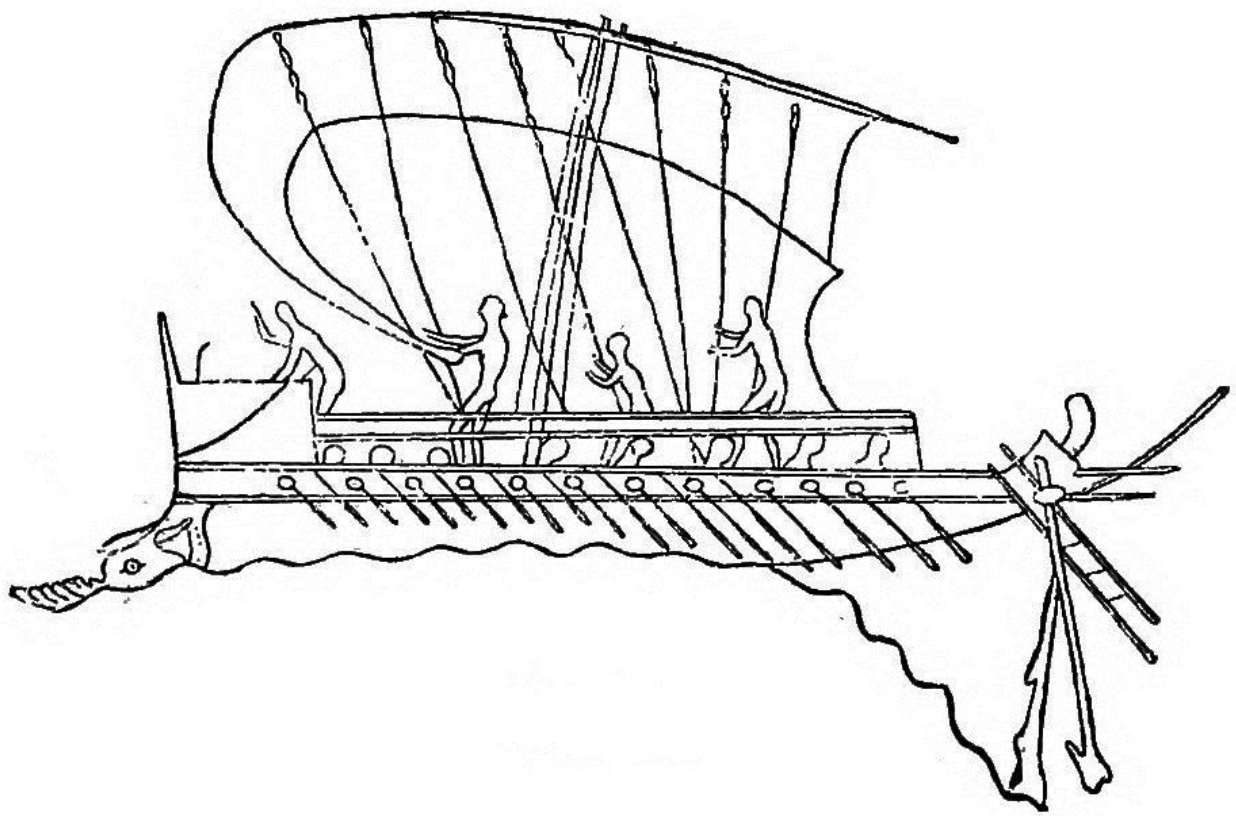
[back](#)

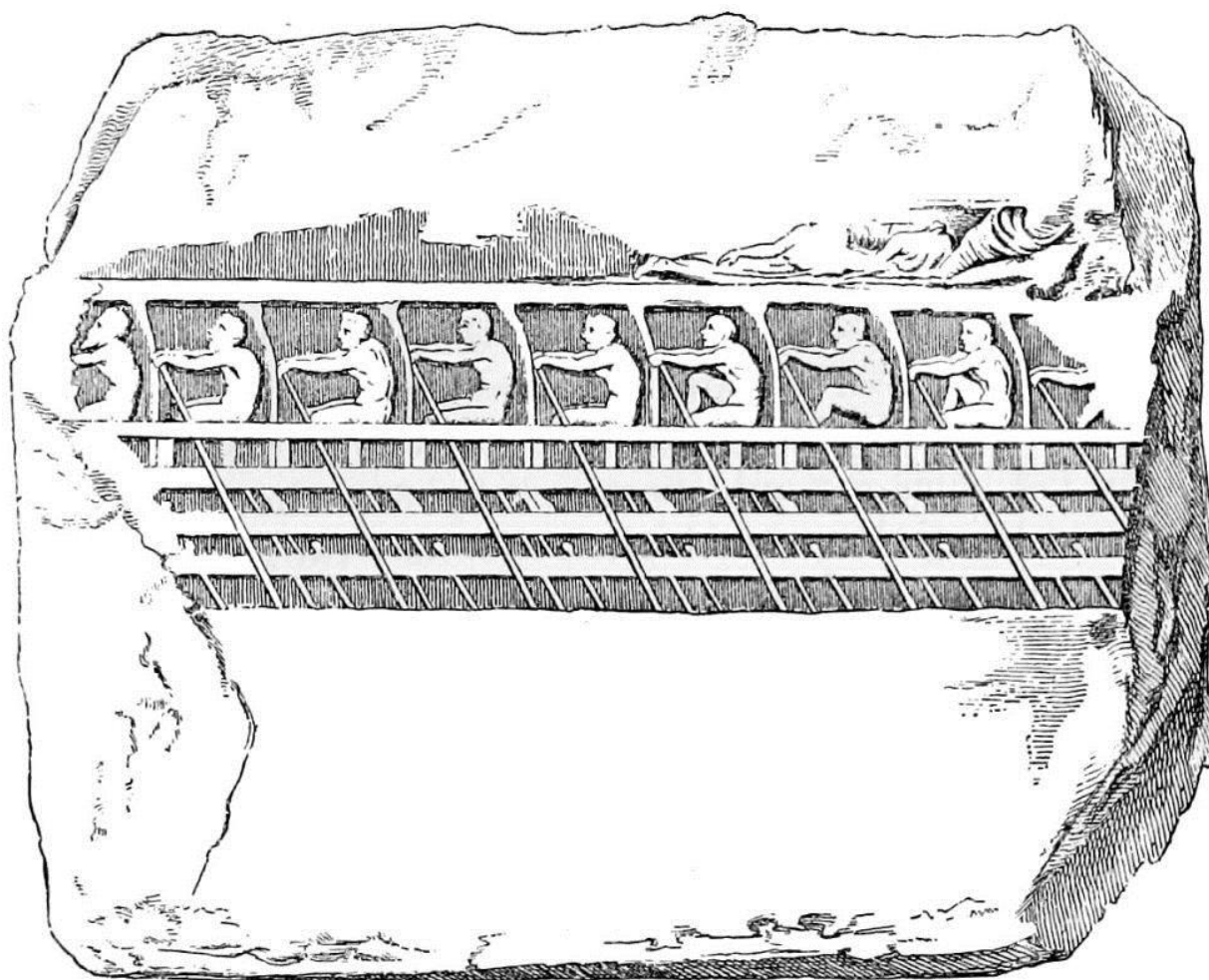
[back](#)

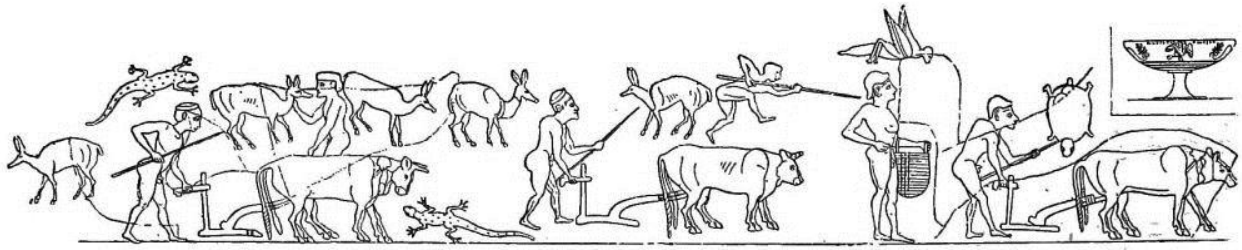
[back](#)

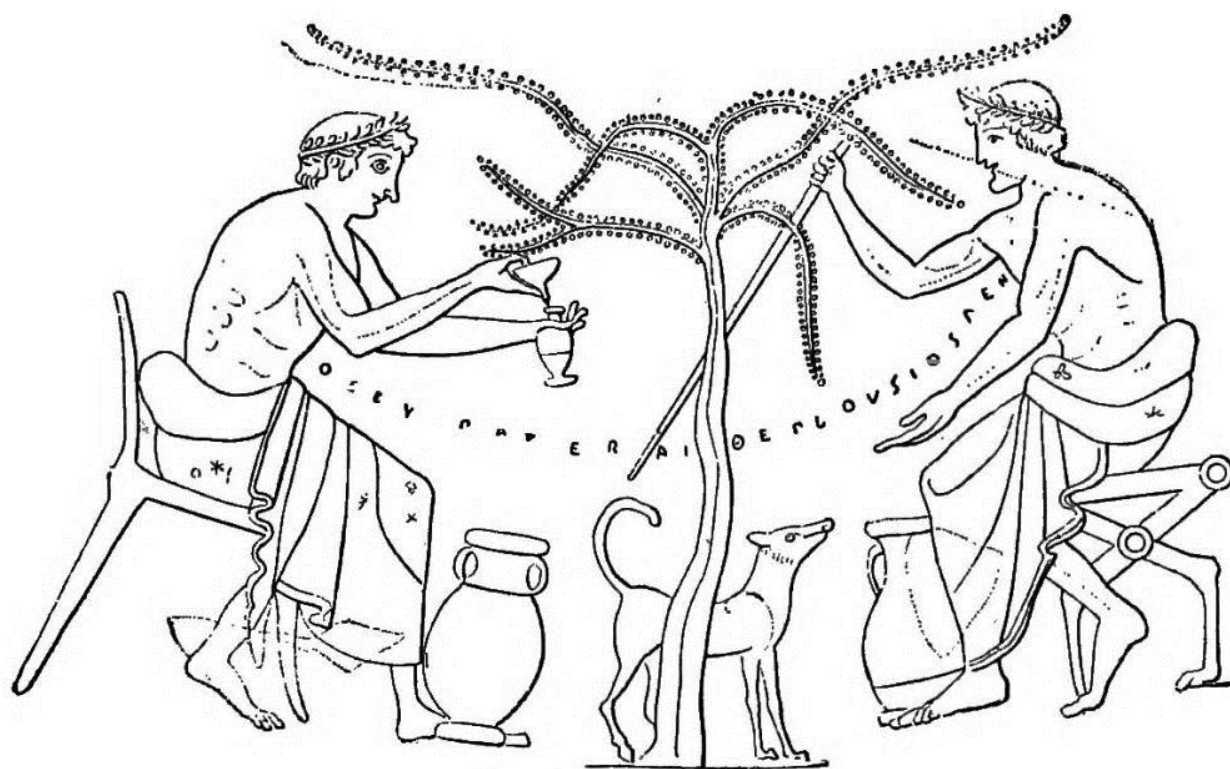
[back](#)

[back](#)

[back](#)

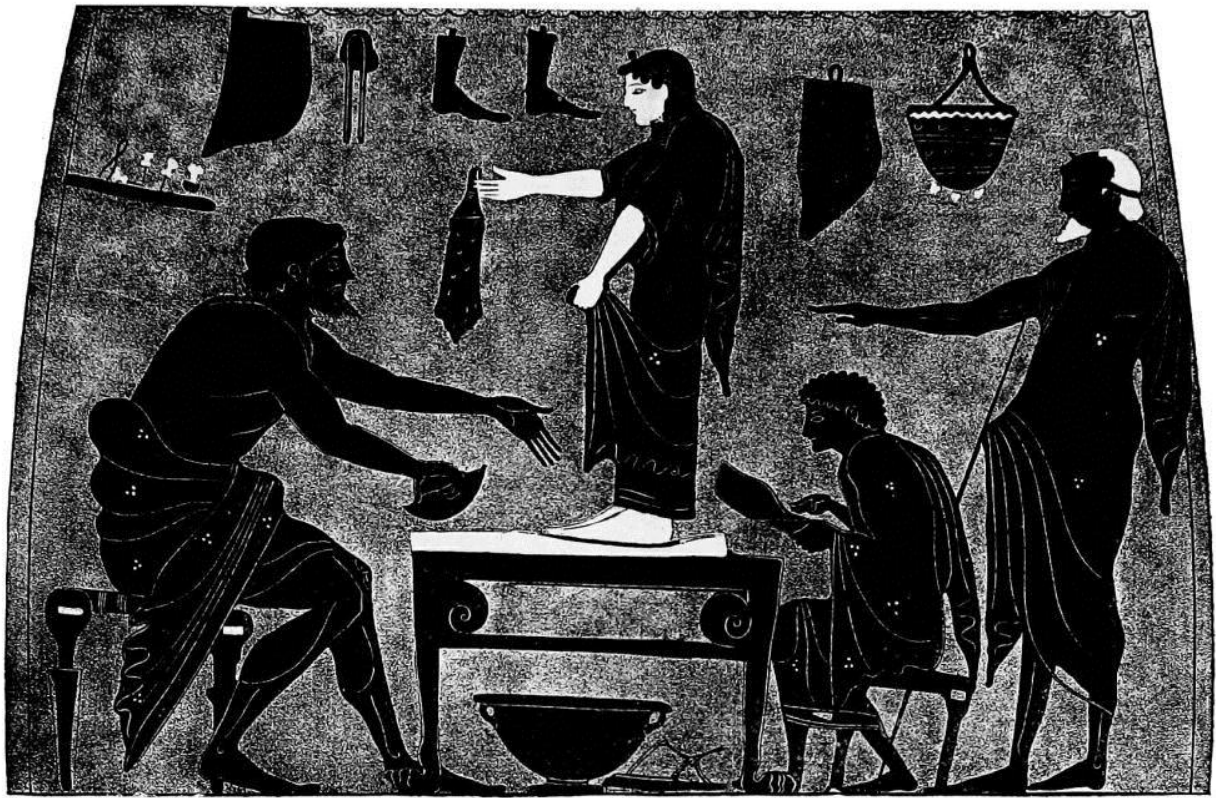
[back](#)

[back](#)

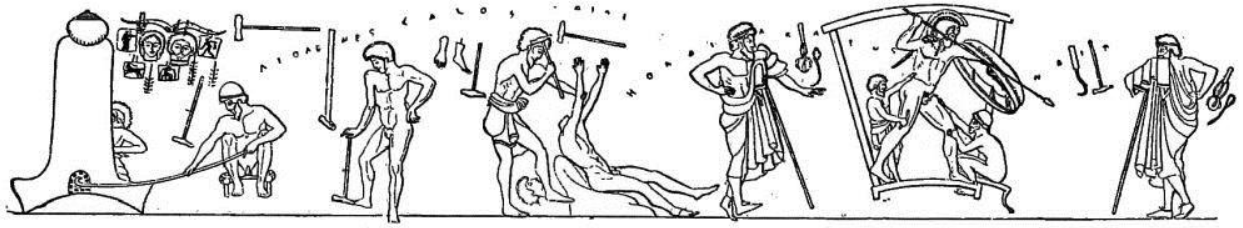
[back](#)

[back](#)

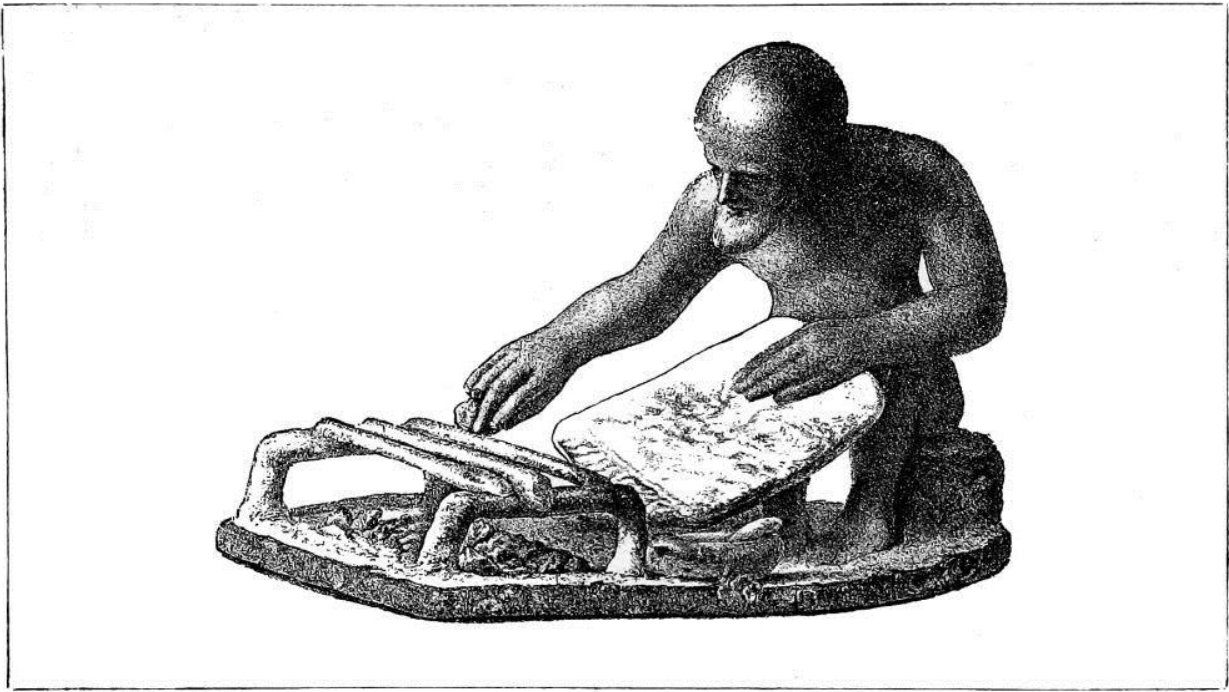
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)